

КОГДА РОДИЛАСЬ ЛУНА

STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS

САРА А.
ПАРКЕР

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Автор: Сара А.Паркер

Название: «Когда родилась Луна»

Серия: «Лунопад». Книга первая

Перевод: Julia Ji

Редактура: Ленчик Кулажко, Julia Ji

Вычитка: Ленчик Кулажко

Обложка: Ленчик Кулажко

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>
<https://t.me/stagediveplanetofbooks>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

АННОТАЦИЯ

Создатели не ожидали, что их любимые драконы после смерти взлетят в небо, свернувшись в шары, неподвластные силе тяжести. Усеяв небо лунами. Они определенно не ожидали, что они УПАДУТ.

Работа Рейв, как наемной убийцы повстанческой группы «Восставшие из пепла», заключается в том, чтобы выполнять заказы и не попадаться.

Когда конкурирующий охотник за головами переворачивает ее мир с ног на голову, льется кровь, разбиваются сердца, Рейв оказывается в тюрьме «Гильдии знати» — группы могущественных фейри, которые превращают ее заключение в политическое заявление.

Раздавленный потерей своей великой любви, Каан Вейгор лишает жизни короля и надевает его корону. Теперь, в неустанном стремлении унять неутихающую боль в груди, он попадает в столичную тюрьму строгого режима, где натывается на заключенную Рейв...

Воспоминания прошлого вспыхивают между ними.

В их истории есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд, но некоторые истины слишком губительны, чтобы их принять.

*Для тех, кто чувствует себя маленьким и тихим.
Расправь свои крылья и зарычи.*

ГЛОССАРИЙ

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРИОДОВ И ВРЕМЕНИ

— ПК/После Камня

Отслеживание времени/фаз после того, как Эфирный камень был дарован Неванам.

— ДК/До Камня

Отслеживание времени/фаз до того, как Эфирный камень был дарован Неванам.

— Ленты Авроры (полярного сияния)

Полосы серебристых светящихся лент, тянущихся к обоим полюсам мира (северному и южному) и вращающихся вокруг их оси. По лентам Авроры фейри отслеживают время сна и бодрствования.

— Цикл Авроры

Полный цикл Авроры — это время, необходимое для того, чтобы ленты Авроры один раз обогнули весь мир. Цикл Авроры эквивалентен нашим двадцатичетырехчасовым суткам.

— Восход/подъем Авроры

Время цикла Авроры, когда на восточном горизонте зарождается Аврора.

— Закат/спад Авроры

Время цикла авроры, когда аврора заходит на западном горизонте.

— Дей

Время цикла Авроры, когда она движется по небу над головой. В это время жители этого мира часто бодрствуют.

— Сон

Время цикла Авроры, когда ленты Авроры не освещают небо. В это время жители этого мира спят.

— Фаза

1 000 циклов авроры (сродни году). Ленты авроры становятся немного толще в течение фазы, а затем истончаются на тысячном цикле. Этот убывающий ритм отслеживает фазу от начала до конца.

— Эон

100 фаз / 100 000 циклов авроры.

— Соответствие временных периодов

1 фаза жизни = 1 000 циклов авроры.

24 фазы жизни = 24 000 циклов авроры.

ТЕРМИНЫ

— Арития

Столица Тени.

— Боггит

Место гнездования молтенмау. Находится в Сумраке и представляет собой обширный участок болотистой пустоши. Здесь есть устойчивые курганы, на которых молтенмау строят свои гнезда, сооружая из деревьев и веток большие круглые полусферы и откладывая в них яйца. Как только яйца начинают проклеиваться, отец молтенмау раздувает пламя над конструкцией — это жизненно важная часть процесса вылупления.

— Ботайм

Нейтральный город. Резиденция Совета Трех.

— Бусина (знак, символ) стихий

Их носят, чтобы показать, может ли существо слышать песни стихий. В разных королевствах существует разная мода. В Сумраке их носят как серьги. В Пекле или Тени они украшают волосы, бороду или одежду владельца.

Красный: Игнос (огонь)

Синий: Рейн (вода)

Прозрачный: Клод (воздух)

Коричневый: Буддер (земля)

— Великий шторм

Известное явление, когда аврора «дублируется» и по всему небу рассыпаются ленты света. Такое случается нечасто, но когда это происходит, драконы танцуют вместе и спариваются. После Великого шторма часто наблюдается приток оплодотворенных яиц.

— Вельд

Небольшое устройство, на которое наложены руны, способное хранить в себе различные стихии в их чистом виде. Огонь, воздух, вода, земля и даже драконье пламя — хотя такие вельды редки, так как для их создания требуется кровь Дага-Мурка.

— «Восставшие из пепла» (Fíur du Ath)

Повстанческая группа, пытающаяся противостоять тирании, царящей в королевствах (преимущественно в Сумраке). Их влияние распространяется на весь мир.

— Гондраг

Гнездовье саберсайтов. Это место находится прямо под солнцем и непригодно для жизни большинства фейри из-за жары. Очень скалистая местность, с множеством вулканов и рек лавы. Саберсайты гнездятся в укромных уголках и впадинах этих вулканов. Как только их яйца начинают проклеиваться, они либо зачерпывают лаву из вулканов и выплескивают ее в гнезда, либо поливают гнезда драконьим пламенем — это жизненно важная часть процесса вылупления.

— Гор

Столица Сумрака.

— Дага-Мурк

Тот, кто настолько связан со своим драконом, что может использовать его силу и огонь. Эта связь скорее миф, чем реальность.

— Домм

Столица Пекла.

— Драконий кровавый камень

Добывается из земли в местах, где пролилась кровь драконов. Это основная форма валюты в Сумраке и Тени. Если его измельчить и употребить в пищу, он обладает целебными свойствами.

— Драконье зрение

Способность видеть следы рун — то, что иначе можно увидеть только в свете драконьего пламени.

— **Дрелгад**

Участок стены, предназначенный для армии Сумрака, где размещаются новобранцы.

— **Испытание Тука**

Два воина сражаются за привилегию связать себя узами брака.

— **Клан Джокулл**

Один из многочисленных кланов воинов, проживающих на Болтанских равнинах. Эти кланы славятся сильными и талантливыми воинами.

Каан вырос в клане Джокулл.

— **Клинок Феникса**

Ассасин повстанческой группы, известной как «Восставшие из пепла».

— **Клип**

Круглая выемка на кончике уха фейри, как будто крошечное существо откусило кусочек от раковины. Если у кого-то есть клип, это означает, что он является пустым и не слышит песен стихий. Это распространено не везде — только в определенных королевствах.

— **Лофф**

Огромный водоем, который, подобно бирюзовой радужной оболочке, окружает место гнездования саберсайтов. Он известен как место обитания древних чудовищ и непредсказуемых погодных условий.

— **Мальмер**

Кулон ручной работы, который члены воинских кланов Болтанских равнин дарят тем, за кем ухаживают. Их часто делают из драконьей чешуи, кости, меди или камня.

— **Мастер крови**

Тот, кто одарен уникальной властью над кровью. Они могут определять семейное происхождение, использовать чью-то кровь, чтобы причинить боль или доставить удовольствие и т. д.

— **Маха**

Мама

— **Махми**

Мамочка

— **Незерин (Преисподняя)**

Место гнездования мунплюмов. Находится в Тени, на самом южном полюсе мира. Здесь царит лютый холод, непригодный для проживания большинства фейри. Мунплюмы гнездятся на гигантских шестигранных ледяных столбах. Как только яйца начинают проклевываться, отец-мунплюм либо обдаёт их ледяным пламенем, либо засыпает их льдом и снегом — это важная часть процесса вылупления.

— **Пах**

Отец

— **Пахпи**

Папочка

— **Пекло**

Северная треть мира. Здесь всегда солнечно, поэтому очень жарко, а в некоторых районах часто бывают штормы. Здесь много тропических лесов и обширных песчаных равнин, а также огромных водоемов.

— **Пергаментный жаворонок**

Пергаментные квадратики, защищенные рунами и линиями активации. Сложенные в форме жаворонка, они летят к тому, кому предназначено сообщение. Надежная форма связи в этом мире.

— **Подземный город**

Глубокая, неровная расщелина в земле под стеной Сумрака (прямо под столицей Сумрака, Гором).

Она изобилует заброшенными шахтами по добыче драконьего кровавого камня и является местом скопления бездомных. Некоторые из этих шахт обрушиваются, и в поисках убежища туда пробираются существа с обеих сторон стены, что делает это место очень опасным для жизни.

— Пустой

Тот, кто не слышит ни одной из песен стихий. В некоторых королевствах им обрезают уши, чтобы продемонстрировать это.

— Расцвет

Подземное убежище, управляемое Фениксом, расположенное в неизвестном месте где-то на юге.

— Рейди

Татуировка в виде точки на спине воина Болтанских равнин. Каждая точка символизирует одержанную победу, а сильно татуированная спина – свидетельство большой силы и чести.

— Ров

Главная магистраль в городе Гор.

— Руни

Тот, кто научился владеть символами, найденными в древней гробнице, которые, по мнению некоторых, написал Калис (бог эфира) в своем отчаянии быть услышанным. Они носят белые бусы и/или белые плащи с пуговицами по центральному шву, которые фиксируют плащ на месте. На этих пуговицах нанесены различные символы, указывающие на таланты руни. Для разных уровней мастерства пуговицы изготавливаются из разных материалов: дерево — для начального уровня, алмаз — для самого продвинутого.

— Связанный

Эквивалент супруга. Сказать, что мы «связаны», значит сказать, что мы «женаты».

— Скрипи

Игра на удачу/стратегию, в которую играют во всем мире. Осколки, которые используются, похожи на игральные карты, но на них изображены различные существа.

— Совет Трех

Это совет древних трехсимвольных стихиаблей (элементалей) и самых сильных руни. Благодаря своей огромной силе они имеют определенную власть над королевствами и иногда вмешиваются в политические дела. Они проживают на нейтральной территории Ботайма, которая не подчиняется ни королю, ни королеве.

— Сумрак

Это средняя треть мира – опоясывающая земной шар. Облака здесь всегда разноцветные, так как вечно залиты светом «золотого часа». Здесь холодно, часто идет снег, но никогда не бывает дождя, хотя иногда идет мокрый снег.

Массивная каменная стена опоясывает эту часть мира, словно пояс. Большинство представителей цивилизации Тени построили дома внутри нее. В густонаселенных районах в стене вырыта траншея, которая фактически разделяет ее на две части, создавая защищенный ров с подвесными мостами, соединяющими обе стороны.

— Тень

Это южная треть мира. Сюда не проникает солнечный свет, поэтому он вечно погружен во тьму – единственным источником света являются ленты Авроры и свет, исходящий от лун мунплюмов. Здесь очень холодно, все покрыто снегом, самый холодный участок – южный полюс, известный как Незерин.

— **Хижина вылупления**

Хижина, которая чаще всего находится на окраине мест гнездования драконов. Здесь обычно разбивают лагерь те, кто украл яйцо, чтобы успешно вывести детенышей драконов в их естественной среде обитания, обеспечив им безопасное и здоровое вылупление.

— **Холу**

Та, кто, согласно предсказанию, родит потомство, которое в конечном итоге навсегда привяжет луны к небу.

— **Целитель плоти**

Тот, кто обучен искусству использования рун для исцеления плоти, мышц и внутренних органов.

— **Церемония представления**

Когда принцесса отдает себя Творцам (вместо того чтобы связать себя узами с партнером), она впервые предстает перед публикой. В противном случае это происходит во время церемонии связывания.

— **Церемония связывания**

Во многом аналогична брачной церемонии.

— **Чтец правды**

Тот, кто обладает уникальной способностью определять, когда кто-то лжет. Они не так сильны, как чтецы разума, но более распространены и ценятся Коронай за способность определять, слышит ли кто-то песни стихий – в основном это молодые фейри, которые только начали слышать песни и пытаются избежать призыва.

— **Чтец разума**

Тот, кто обладает уникальной способностью проникать в сознание другого фейри. Встречается крайне редко.

— **Эфирный камень**

Небольшой черный камень (размером с подушечку большого пальца взрослого фейри), вставленный в серебряную диадему. Эта диадема вплавляется в голову хозяина и охраняется родом Неван. Внутри камня заключен Калис¹ (бог эфира).

---

¹ С латыни переводится как «небеса»

СУЩЕСТВА/СОЗДАНИЯ

— Бархатный трогг (троглодит)

Крупные долговязые существа, которые любят собирать мусор и лакомиться им. У них четыре руки, длинные черные волосы и синяя бархатистая кожа. Из съеденных кусочков мусора они извлекают воспоминания и помещают их в светящиеся липкие усики, которые вытягивают из зияющих дыр в своих ладонях, используя затем эти отростки для украшения своих логовищ. Эти существа обладают способностью говорить.

— Вуто

Мохнатые существа с большими оттопыренными ушами, длинными носами, острыми зубами и бакенбардами. Они примерно на две трети меньше обычных фейри и ценятся за способность красть вещи из самых труднодоступных мест. Они отличные кладоискатели. Эти существа обладают способностью говорить.

— Гаргульи

Крылатые, покрытые жесткой кожей звери с короткими шеями и большими мрачными глазами. Они вдвое меньше обычного молтенмау и способны сливаться с горами ржавого оттенка в Пекле. Они могут цепляться за уступы и скалы и имеют крылья, у них крылья, как у летучих мышей.

На них можно ездить верхом.

— Мискунн

Существо ростом по колено, с белыми волосами и кожей, круглыми глазами и острыми зубами. У них гибкие тела, складывающиеся, как у сумчатых, и длинные хвосты с кисточками. Они могут видеть будущее, хотя эти видения спорадичны и могут меняться. Эти существа умеют говорить.

— Молтенмау (плавающие пасти, огнедышащие)

Драконы, живущие в Сумраке. Они покрыты перьями, у них острые морды и клювы. Их оперение представляет собой яркую смесь цветов – нет двух молтенмау с одинаковым цветовым окрасом. Они могут с комфортом путешествовать по всему миру и их легче всего очаровать или украсть яйцо.

— Мунплюмы (лунные перья, луноперые)

Драконы, живущие в Тени. У них прочная, светящаяся кожа с оттенками серого, жемчужного, перламутрового и белого. У них большие черные блестящие глаза, округлые морды, длинные шеи и изящные тела. Хвосты длинные, похожие на кисточки из шелковистых нитей. Они любят холод и не выносят солнца, их кожа обгорает, а глаза не приспособлены к такому яркому свету. Они очень хитрые, поэтому их труднее всего очаровать или украсть у них яйцо.

— Саберсайты (сабельные клыки, саблезубые)

Драконы, обитающие в Пекле. Это крупные коренастые существа с чешуей, шипами и клыкастой мордой. Они бывают разных цветов: ржавые, бронзовые, красные, коричневые, черные и золотые. Они теплолюбивые существа и не могут долго жить в лютном холоде Тени. Они могут быть очень шумными и агрессивными, и их почти так же трудно очаровать или украсть у них яйцо, как и у мунплюмов.

— Скитальцы

Редкие, долговязые, бестелесные существа, обитающие в завесах тумана, где они питаются душами в обмен на послания от мертвых. Эти существа обладают способностью говорить.

— Судьбоносец

Крупное серебристое существо, напоминающее кошку, является больше легендой, чем реальностью. Тех, кто видел его, часто считают сумасшедшими или бредящими, они рассказывают истории о том, как зверь подтолкнул их к принятию решения, отличного от того, которое они планировали.

— Фейри

Самый распространенный народ в этом мире. Они не бессмертны, но живут очень долго.

У фейри заостренные уши и острые клыки, и они руководствуются базовыми животными инстинктами.

— Птица Феникс

Мифическое птицеподобное существо, рождающееся из пепла и пламени.

ПЕРСОНАЖИ

— **Агни**

Очень одаренная руни, живущая и работающая в Имперской Цитадели Пекла.

— **Аллюм**

Мунплюм Хейдена Невана.

— **Аркин**

Также известен как Король-падальщик.

— **Булдер**

Один из пяти Творцов – бог земли.

— **Вейя Вейгор**

Принцесса Пекла. Дочь и младший ребенок Остерна и Ковины Вейгор, родная сестра Каана, Кадока и Тирота Вейгоров.

— **Врук**

Вуто, с которым Рейв встречается в камерах.

— **Врун**

Владелец «Изогнутого пера» в Домме.

— **Грим**

Доверенное лицо, «правая рука» короля Каана.

— **Дотия Вейгор**

Нынешняя королева Тени. Супруга Кадока Вейгора и мать Туруна Вейгора.

— **Игнос**

Один из пяти Творцов – бог огня.

— **Каан Вейгор**

Нынешний король Пекла. Старший сын Остерна и Ковины Вейгор, родной брат Кадока, Тирота и Вейи Вейгор.

— **Кадок Вейгор**

Нынешний король Тени. Супруг Дотии Вейгор, отец Туруна Вейгора, сын Остерна и Ковины Вейгор, родной брат Каана и Вейи и близнец Тирота Вейгоров.

— **Калис**

Один из пяти Творцов – бог эфира.

— **Кизари Вейгор**

Принцесса Тени. Внучка Остерна и Ковины Вейгор. Потомок рода, которому был доверен Эфирный камень.

— **Клод**

Одна из пяти Творцов – богиня воздуха.

— **Остерн Вейгор**

Бывший король Пекла. Супруг Ковины Вейгор и отец Каана, Кадока, Тирота и Вейи Вейгор.

— **Пирок**

Не очень полезный член императорского двора короля Каана. Родной брат Роана.

— **Рейн**

Одна из пяти Творцов – богиня воды.

— **Рекк Жарос**

Знаменитый охотник за головами.

— **Роан**

Алхимик и член императорского двора короля Каана. Родной брат Пирока.

— **Руз**

Владелица «Изогнутого пера» в Горе.

— **Серим**

Высокопоставленный член «Восставших из пепла».

— **Слатра**

Мунплюм Эллюин Неван.

— **Тирот Вейгор**

Нынешний король Тени. Сын Остерна и Ковины Вейгор, родной брат Каана и Вейи и близнец Кадока Вейгора.

— **Уно**

Питомец Руз, мискунн.

— **Фэллон**

Подруга Рейв, которую она давно потеряла.

— **Хейден Неван**

Бывший принц Тени. Сын Эдрика и Юдоры Неван и родной брат Эллюин Неван. Потомок семейной линии, которой был доверен Эфирный камень.

— **Эдрик Неван**

Бывший король Тени. Супруг Юдоры Неван и отец Эллюин и Хейдена Невана.

— **Феникс**

Глава «Восставших из пепла».

— **Эллюин Неван**

Бывшая принцесса Тени. Дочь Эдрика и Юдоры Неван и родная сестра Хейдена Невана. Потомок семейной линии, которой был доверен Эфирный камень.

— **Эсси**

Юная подруга Рейв, которую она спасла из подземного города. Эсси живет с Рейв в Горе и очень умна.

— **Юдора Неван**

Бывшая королева Тени. Супруга Эдрика Невана и мать Хейдена и Эллюин Неван. Потомок рода, которому был доверен Эфирный камень.

КАРТА

ПРОЛОГ

Мир начался с пятерых.

Первым был Калис, бог эфира, невидимый невооруженным глазом. Пустое пространство, о котором никто не задумывался. Там, где формировалась материя, его просто отодвинули в сторону.

Его баритональная песня была наполнена содержанием, но в то же время полностью его лишена. Одинокое эхо, разносящееся по пустому пространству между ближним и дальним солнцами — неслышное в его бесконечности, как бы громко он ни пел.

Отчаявшись быть замеченным, он предложил пустой холст остальным, чтобы те заполнили его.

Булдер, бог земли, вылепил сферу одним рыком, создав прочный шар, который не вращался. Мир, с одной стороны залитый солнечным светом и усыпанный густой рябью песка цвета ржавчины, а с другой — вечно погруженный в тень, настолько густую, что она проникала в камень и делала его черным.

С помощью простых напевов Булдер вылепил ландшафт, создавая низменности, возвышенности и трещины в этом мире. Он построил стену, которая прорезала Сумрак, где солнечный свет и тень отказывались встречаться, а небо навсегда окрасилось в розовые, пурпурные и золотые цвета.

Следующей была богиня воды.

Рейн пролилась на землю миллиардом тоскующих слез безответной любви, заполняя низины, созданные Булдером, наполняя его ущелья своей бурлящей страстью. На затененную сторону она опустилась вихрем снега, заключая острые горные хребты в морозные объятия.

Ее любовь была бурлящим потоком. Глубоким, раздирающим душу воем лавины. Почти беззвучным плачем проливного дождя.

Ее печальная песня была так не похожа на песню ее сестры Клод — богини воздуха, которая балансировала на краю пропасти неизмеримого безумия. Ее голос был шелковой лентой, мягкой на ощупь, если только она не поворачивалась и не рассекала тебя своим краем.

Ее слова, произносимые шепотом, проносились над ветвями, усыпанными листьями, кружа их в кокетливом танце. Ее яростные крики с неистовой скоростью раскалывались об острые углы, просто потому что ей нравился этот звук. Неспособная выносить мрачное спокойствие Рейн, Клод своими порывистыми стонами часто превращала Лофф в бурлящую массу, которая обрушивалась на берег, как барабанный бой.

Игнос был жаден до Клод. Бог огня наслаждался ею. Поглощал ее.

Любил так сильно, что не мог без нее *дышать*.

В его обжигающей песне звучал свирепый голод и страстная потребность, но Клод не могла быть укрощена его яростным желанием, даже когда он испепелял джунгли и дарил ей дым, чтобы она танцевала в нем. Даже когда он плавил куски камней Булдера, превращая их в красные реки кипящей лавы, отчаянно пытаясь задобрить Клод вулканическими извержениями, сотрясавшими небо.

Связанный своим скорбным одиночеством, Калис наблюдал за всем этим, завидуя другим Творцам за их способность почувствовать прикосновение, быть увиденными, услышанными, но благодарный за то, что является частью чего-то.

Хоть как-то.

И он в тихом изумлении наблюдал, как на этом пышном и плодородном холсте, который он подарил своей пустоте, *расцветает* жизнь. Разнообразие какофонии народов, населивших землю, снег и песок, — некоторые из них обладали острым слухом, что делало их способными воспринимать песни четырех других стихий. Некоторые из них создали свои языки. Начали говорить на них.

Обрели в них *силу*.

Другие наткнулись на серебряную книгу, которую, как говорят, написал Калис в своем отчаянии быть услышанным. Они нашли иную форму силы в тех рунах, которые никто не мог прочесть или произнести, обнаружив, что странными знаками можно *управлять*. С их помощью можно соединять кости, останавливать кровотечения, накладывать чары на предметы...

Множество существ заполнило все уголки мира, но ни одним из них Творцы не гордились больше, чем огромными крылатыми тварями, которые господствовали в небе.

Драконы.

На казавшейся непригодной для жизни скалистой вершине Пекла, где под суровыми лучами солнца кожа покрывалась кровавыми рубцами,

благоденствовали саберсайты — огромные, мощные звери с черной, бронзовой и красной чешуей. Не было существ, равных им по свирепости.

Они сделали Гондраг своим гнездовьем.

Некоторые отваживались приблизиться. Напасть на гнездо и похитить яйцо.

Храбрые... или *глупые*.

Менее капризные, чем их дальние родственники, молтенмау нашли свой дом в Сумраке. В Боггите — туманном клочке болота, который окутывал все вокруг мутным серным зловонием.

Их отточенные клювы были достаточно остры, чтобы наносить удары, и когти были не менее суровым оружием. Их перья были такими же пестрыми, как вечно переливающееся небо в их части света, и не существовало двух молтенмау с одинаковым окрасом.

Чтобы украсть яйцо молтенмау, нужно было быть храбрым или глупым... но, пожалуй, чуть меньше.

А вот на Незерин совершить набег было практически невозможно — это было излюбленное место размножения неуловимых и коварных мунплюмов.

Находясь дальше всего от солнца, Незерин был самой темной вершиной Тени, и там царил такой холод, что кровь большинства простых фейри просто застывала в венах. Но только не у мунплюмов с их светящейся кожей, такой холодной на ощупь. С их длинными шелковистыми хвостами и глазами, напоминающими переливающиеся искрами чернила.

Спрятанные среди снега и льда, в голодной тишине, которая поглощала звуки, а затем выплевывала их, словно предупреждающий рев, мунплюмы *процветали*, увеличиваясь в числе, силе и великолепии.

Только такие безумцы, как Клод, или обладающие достаточной силой, чтобы защитить себя, могли попытаться украсть яйцо мунплюма...

Большинство терпели неудачу, их поглощали страшные звери или неприступные земли.

Но некоторым удавалось — тем немногим, кто использовал драконов для ведения войн за растущие королевства.

По мере того как замки становились выше гор, а короли и королевы украшали свои короны все большими и сверкающими драгоценностями, фейри также учились проливать драконью кровь.

Вечные жизни многих мунплюмов, молтенмау и саберсайтов... оборвались.

Творцы не ожидали, что их любимые звери после смерти вознесутся в небо. Многие из них окажутся за пределами гравитации, свернутся в сферы и застынут, усеяв небо могильными камнями.

Лунами.

Они, конечно, не ожидали, что эти луны упадут вскоре после того, как достигнут самой высокой точки. Что они столкнутся с землей с такой разрушительной силой, что поставят под угрозу уничтожения все, что было создано.

Прошло семь лунопадов, прежде чем Клод, Рейн, Игнос и Булдер поняли, что во всем виноват Калис. Его пустота, жаждущая быть заполненной, оказалась достаточно сильной, чтобы столкнуть дракона с его места упокоения и сбросить с небес.

Им потребовался еще один лунный месяц, чтобы разработать план спасения мира, который они так полюбили.

Пустыми обещаниями и обманными клятвами они заманили Калиса в ловушку и схватили его.

Подчинили его.

Они пели свои хлещущие, жгучие, разящие песни, измельчая сущность Калиса на кусочки, достаточно мелкие, чтобы заключить их в клетку черного кристалла размером не больше зернышка, отныне известного как Эфирный камень. Нити его серебряного плаща рвались, пока он метался и боролся, но другие Творцы не потрудились собрать обрывки, оставив их привязанными к обоим полюсам мира. Светящаяся Аврора закружилась вокруг земного шара, давая фейри возможность следить за своими деями и снами.

Сам Калис был заключен в великолепную диадему, украшенную рунами, обладающими темными силами. Достаточно, чтобы удерживать его в камне вечность, пока руны будут подпитываться.

Для этого нужен был *хранитель*.

Могучий воин-фейри, известный своей силой и мудростью, был наделен даром от самих Творцов — его сила была настолько велика, что он мог носить Эфирный камень у себя на лбу и удерживать в нем Калиса. Дар, который передавался его потомкам из поколения в поколение.

Прошло много циклов Авроры, луны продолжали появляться в небе...

И оставались там.

В конце концов воцарился мир, несмотря на множество трагедий и несвоевременных смертей, поглотивших катастрофическое происхождение Эфирного камня, а сам смысл его существования превратился в миф, который рассказывали у походных костров или пели младенцам, чтобы успокоить их плач.

Пока однажды не взошла очередная Аврора, и впервые за более чем пять миллионов фаз...

Упала луна.

ГЛАВА 1

5 000 165 циклов после камня

Я опускаю плечи вперед, пытаюсь придать своей фигуре вид скитальца, много ходящего пешком.

Напуганного.

Обогнув угол, я выхожу на нижнюю площадку лестницы, преследуемая пергаментным жаворонком, который порхает так близко, что я удивляюсь, как он не толкает меня, чтобы я схватила его из воздуха.

Пока я кручу тонкое железное кольцо на среднем пальце, мой взгляд устремляется на закованного в броню стражника, преграждающего мрачный тоннель впереди — руки скрещены на груди, бритая голова почти касается изогнутого потолка, стоя пергаментных жаворонков прижимается к двери за его спиной. Он вдвое выше меня, а хмурое выражение, кажется, навсегда застыло на его лице.

Его неодобрительный взгляд останавливается на выемке в моем левом ухе, возле заостренного кончика. Как будто кто-то крошечным ртом откусил кусочек от внешней раковины.

Мой клип.

— Нет жетона — нет входа, — бурчит он, немедленно определяя меня как низшую. *Пустую*. Ту, кто не слышит ни одной из четырех песен стихий.

Я лезу в карман и достаю каменный жетон, с обеих сторон украшенный эмблемой престижного клуба — пастью из сталактитов, выступающих острыми краями с обеих сторон. Сдерживая легкую дрожь, я протягиваю ему жетон, чувствуя, как испытующий взгляд мужчины пронзает меня с головы до ног, когда он подбрасывает его, и его синие доспехи лязгают при этом движении.

Мне любопытно узнать, зачем он заставляет жаворонков скапливаться у двери, а не впускает их сразу, но это *Рейв* может говорить все подряд, а я сейчас не Рейв.

— Я Кемори Дафидон, — говорю я тихим, покорным голосом. — Странствующий бард.

— Откуда?

— Ориг.

Поселение в стене, в котором я никогда не была, но это не мешает мне рассказать о нем, если он потребует подробностей.

Подготовка — моя броня. Надень ее или умри.

Он проверяет жетон и возвращает его с ворчливым:

— Никаких вуалей.

Я смотрю на него из-под ресниц, украшенных ярко-красными перьями.

— Это часть моего образа. Я участвую в запланированных представлениях.

— Я достаю из кармана свернутый пергамент и протягиваю ему. — Меня предупредили, что вуали быть не должно, поэтому я прикрыла только нижнюю часть лица.

Нахмурившись, он разворачивает свиток, и его глаза-бусинки скользят по моему письму-приглашению так мучительно медленно, что у меня начинает сводить шею, а нетерпение сжирает изнутри.

Наконец его глаза расширяются от узнавания.

— О, так ты дублер!

Я застенчиво киваю, хотя на самом деле мне хочется стукнуть его головой о стену.

Сильно.

Он сворачивает мой свиток и отдает его обратно, отступая в сторону, чтобы открыть дверь.

— Третий уровень. Не обращай внимания на скитальца. В конце цикла Авроры он всегда очень голоден.

Моя дрожь отнюдь не притворная.

Я вхожу в теплые дымные объятия «Голодной лощины», на меня обрушивается густой аромат мускуса и серы, дверь с грохотом захлопывается за мной, и стайка пергаментных жаворонков разлетается в разные стороны. Пройдя по темному тоннелю, я оказываюсь у узкого входа в огромную, величественную пещеру, напоминающую по форме каменное легкое.

Несколько ступенек выводят меня в один из многочисленных путей, проложенных через скопление светящихся источников, из бирюзовых глубин которых поднимается пар. Фейри прижимаются к ступеням, склонив головы, и нежатся в ласковом тепле. Милый рай для тех, кто обладает достаточной властью или политическим влиянием, чтобы оставаться на лояльной стороне Короны.

Я горько усмехаюсь.

Здесь легко притвориться, что наше красочное королевство не покоится на костях.

Отдельностоящая лестница ведет на второй этаж, поддерживаемый замшелыми колоннами. Я направляюсь к ней, петляя по лабиринту дорожек, когда из клубов пара появляется бледное, долговязое существо с глазами, похожими на черные драгоценные камни.

— Черт, — бормочу я, останавливаясь.

Неестественно повернув голову, скиталец смотрит прямо на меня, втягивает носом воздух, а затем жадно выдыхает.

— Так, так, так... разве твоя душа не аппетитная, сочная штучка?

Ах.

— Как мило с твоей стороны сказать это. Я просто продолжу свой...

— Там духи кричат от отчаянного желания поговорить с тобой. Как насчет того, чтобы ты позволила ненадолго присосаться к твоей душе? — спрашивает существо, и я клянусь, это звучит так, будто у него текут слюнки. — Тогда ты сможешь услышать все, что они хотят сказать.

Нет, черт возьми, спасибо.

— Я пас.

От всей души.

Словно не обращая внимания на мои возражения, он устремляется вперед, собирая клубы пара, которые использует, чтобы потянуться в мою сторону бестелесными руками.

Я разворачиваюсь и спешу по другому проходу, волосы у меня на затылке встают дыбом. Оглянувшись через плечо, я вижу как существо склонилось над мужчиной, прислонившимся к краю источника, и высасывает из его приоткрытых губ что-то, похожее на тень.

Дрожь пробирает меня до костей.

Я молча благодарю Творцов за то, что скитальцы встречаются редко, посещая лишь туманные завесы, где они пожирают души в обмен на послания от услужливых мертвецов.

Не могу представить ничего хуже. Я уверена, что духи, так *отчаянно желающие* пообщаться со мной, не могут сказать ничего хорошего.

Не то чтобы я могла их винить.

К счастью, жуткие пожиратели душ легко отвлекаются.

Я взбегаю по лестнице, поднимаясь намного выше тянувшихся ко мне пальцев пара. Звуки смеха и звона бокалов доносятся до меня, когда я выхожу на второй уровень, уставленный столами для игры в Скрипи.

Вокруг собралась толпа, они пыхтят сигаретами, пьют игристые напитки, прижимая к груди игровые осколки. Падают игральные кости, кучки драконьего кровавого камня переходят из рук в руки.

Я украдкой рассматриваю их наряды — одни одеты в красочные, инкрустированные драгоценными камнями платья. Другие — в искусно расшитые плащи, в их прически вплетены перья, с мочек свисают бусины. Это горделивый знак их способности слышать песни разных стихий:

Красные — для Игноса.

Синие — для Рейн.

Коричневые — для Булдера.

Прозрачные — для Клод.

Если не брать в расчет бусины, то, как правило, высокопоставленного стихиаля Сумрака можно узнать с другой стороны комнаты — это именно те, кто могут похвастаться более чем десятью цветами в одном наряде, словно это делает их такими же могущественными, как яркие драконы, которые правят небесами этого королевства.

Великие *молтенмау*.

Забавно, ведь именно они первыми пустят кровь зверям, если рудник с кровавым камнем иссякнет.

Я уже на полпути вверх по узкой лестнице, вырубленной в задней стене, когда кто-то высокий, широкоплечий и одетый в плащ начинает спускаться.

Я замираю, не в силах разглядеть его лицо, кроме волевой челюсти, заросшей темной, аккуратно-подстриженной бородой, потому что капюшон плаща скрывает все остальное.

Он не замедляется. Просто продолжает спускаться по лестнице, несмотря на то, что я одета в смелое ярко-красное платье, которое невозможно не заметить.

Я едва не стискиваю зубы, вспоминая о металлической пластине, закрепленной на моем заднем моляре, как раз вовремя, чтобы избежать внезапной активации моего секретного оружия.

Он *сам* едва помещается на лестнице, а значит, протискиваться мимо друг друга придется с трудом.

Прекрасно.

Типичное дерьмо стихиалей, думающих только о себе.

Вздыхнув, я опускаю плечи и делаю шаг в сторону, напоминая себе, что я Кемори Дафидон, странствующий бард из Орига. Я испуганная бродяжка. И я здесь совершенно не для того, чтобы *случайно* подставить подножку этому мужчине и наблюдать, как он кувыркается по лестнице.

Ни в коем случае.

Прижавшись спиной к стене, я опускаю глаза и жду, когда он протиснется мимо, его тяжелые шаги становятся все ближе. Так близко, что на меня обрушивается дымный мускус, сдобренный запахом свежерасколотых камней, смягченный нотками чего-то маслянистого.

Дыхание перехватывает, а потом вырывается, словно не желая расставаться с густым, насыщенным ароматом, который, возможно, является одним из лучших запахов, которые я когда-либо вдыхала...

Он протискивается мимо.

Останавливается.

Я замираю в его тени, как пламя в темноте, мое сердце бьется быстро и сильно. Все сильнее колотится в моем горле с каждой бесконечно долгой секундой.

Почему он не двигается?

Я боком протискиваюсь вверх по лестнице, освобождаясь от его атмосферы.

— Извините.

Нам нужно скорее разойтись и отправиться по своим делам.

Глухой, скрежещущий звук вырывается из него, словно борется за свободу.

Воздух приходит в движение.

Я двигаюсь вместе с ним.

Резко развернувшись, я хватаю его за запястье со скоростью удара молнии. Напряжение сковывает воздух, и мой взгляд падает на его большую, покрытую шрамами руку — протянутую, застывшую на полпути, как будто он вот-вот схватит мою вуаль и сорвет ее.

Засранец.

Хотя я не вижу его глаз, я чувствую его пронизывающий взгляд так, что мои легкие сковывает, а его внимание переключается к округлой выемке на моем ухе.

И снова возвращается к глазам.

Резкие слова застревают у меня на языке, как шипы, и я испытываю огромное искушение плюнуть в него. Но потом я вспоминаю, что фейри, которые противостоят высокопоставленным стихиям, в итоге становятся драконьим кормом.

Поэтому я проглатываю свои слова. То, что никогда не приносит удовольствия, независимо от того, как часто я это делаю.

Ослабляя хватку, я наклоняю голову и отступаю на несколько шагов, останавливаясь только тогда, как поднимаюсь достаточно высоко, чтобы смотреть на него сверху. Достаточно далеко, чтобы у меня не было соблазна ударить его по горлу за то, что он решил сорвать с меня вуаль.

— Извините, — выдавливаю я из себя, пытаюсь казаться покорной. С треском проваливаюсь. — Вуаль — это часть моего образа.

Наступает тишина, густая и липкая, как сироп.

Двигайся, Рейв.

Окончательно отпустив его руку, я поворачиваюсь и спешу вверх по лестнице.

Не оглядываясь, я протягиваю свиток и жетон второму кордону стражников с каменными лицами, один из которых отделяется, чтобы сопроводить меня к сцене. Я оказываюсь в темной камерке, где меня

окутывает аромат торфяного дыма и медовухи, поражая разительной сменой атмосферы.

Каменные выступы, похожие на клыки, спускаются с потолка, рассекая пространство на арочные сегменты, освещенные отблесками огня, льющегося из пылающих канделябров. Вдоль внешних стен расположены тускло освещенные кабинки, задернутые тяжелыми шторами, обеспечивающими уединение для тех, кто его ищет. Официанты скользят по помещению, разнося подносы с кружками медовухи и другими туманными напитками веселящимся стихиялям, собравшимся вокруг каменных столов, расставленных по всему залу.

Прячась в тени охранника, я окидываю разношерстных посетителей внимательным взглядом, и разочарование терзает мои внутренности, когда я не нахожу нужного мне лица.

Пожалуйста, будь в одной из кабинок.

Охранник ведет меня к возвышению в центре, увенчанному многочисленными сталагмитами, напоминающими прутья клетки, и я едва не смеюсь — только потому, что не могу представить себе ничего более подходящего.

Внутри на табурете сидит худощавая женщина и держит в руках белую скрипку, испещренную светящимися рунами, которые, вероятно, способствуют лучшему звучанию инструмента. На ней простое платье, похожее на мое, только голубое и гораздо более свободное в районе талии из-за беременного живота.

Закрыв глаза, она напевает меланхоличную мелодию, а со сводчатого потолка спускаются пятна белого света, похожие на снежинки. Они касаются ее светлых волос и гаснут.

Поблагодарив стражника, я подхожу и сажусь на табурет рядом с исполнительницей — ее песня достигает ритмичного крещендо, пока я ищу усиливающую палочку.

— Их руни занимается этим, — шепчет она, опуская скрипку и глядя на меня пронзительными зелеными глазами, обрамленными ресницами с голубыми перьями. — В прошлом цикле он то появлялся, то исчезал.

Ах.

— Он скоро подойдет. Кстати, я Левви.

— Кемори Дафидон, странствующий бард из Орига.

Она дружелюбно улыбается мне, но улыбка тускнеет, когда ее взгляд находит кого-то за моей спиной.

Мое сердце подпрыгивает к горлу, когда мимо, лавируя среди толпы, проходит рыжеволосый мужчина, одетый в безупречный плащ цвета сангины², идеально сочетающийся с его красной бусиной, выставленной на всеобщее обозрение.

Облегчение пронзает меня, а предвкушение заставляет сжимать и разжимать руки.

Тарик Релакен.

Он окидывает нас голодным взглядом, который скользит по моей обтянутой корсетом груди, а затем направляется к кабинке, в которой сидят еще трое мужчин. Оставив штору открытой, он вступает в оживленный разговор, время от времени бросая взгляды в мою сторону. Взгляды из-под полуопущенных век, оценивающие меня как хорошо поданный кусок мяса, который он с удовольствием сожрет.

Я вижу тебя, придурок.

---

² Красно-рыжий цвет, похожий на цвет кирпича или глины

И тут я замечаю мужчину в плаще, с которым столкнулась на лестнице и который теперь движется в полутемном пространстве.

Мое сердце падает.

Он проходит мимо других посетителей, и мои мысли путаются в беспорядке, пока он направляется к пустой кабинке в дальнем конце зала...

Он так торопился, когда чуть не налетел на меня, спускаясь по лестнице. Теперь он вернулся. *Почему?*

Бизнес? Любопытство? Или я произвела на него неправильное впечатление?

Творцы, неужели *поэтому* он вернулся? Ему нравится путаться с пустыми и он надеется на легкую добычу?

Его голова поворачивается в мою сторону, взгляд скользит по открытой части моего лица, словно теплая щетка с мягкой щетиной, и воздух между нами сгущается.

Я сглатываю стон.

Я упорно боролась за то, чтобы эта операция была одобрена. Она значит для меня все. Если этот засранец разрушит наши тщательно продуманные планы, у нас может не быть другого шанса еще неизвестно сколько времени. Если, конечно, еще одна попытка будет *одобрена*.

— Ты новенькая, милая? Я не видела тебя здесь раньше.

Заставив себя смягчить взгляд, я смотрю на Левви, на ее ухо, торчащее из пышной гривы волос, — ее клип.

— Просто была неподалеку.

— Понятно. — Она обводит взглядом зал и едва шевеля губами, и шепчет: — Тот мужчина с рыжими волосами, который только что проходил мимо? Его зовут лорд Тарик Релакен. Держись от него подальше. Многие исполнители привлекают его внимание, а потом исчезают.

Я округляю глаза в притворном шоке.

— Правда?

Она кивает.

— Цвет твоего платья, скромный нрав и длинные черные волосы... — Она скользит взглядом по моему телу и снова поднимает глаза. — Ты как раз в его вкусе.

Я не говорю ей, что так и было задумано.

Я надеялась привлечь его внимание.

По крайней мере, так *было* до тех пор, пока я не обзавелась сталкером в плаще, который наблюдает за мной из глубины зала, скрестив руки и облокотившись на стол пустой кабинки.

— Есть причина, по которой здесь редко появляются новенькие, и дело не в дерьмовой зарплате, — выдавливает она, кисло улыбаясь.

Я не спрашиваю, почему она остается здесь, — об этом красноречиво говорит ее округлившийся живот. В Горе у пустых мало возможностей заработать на жизнь, кроме как вкалывать в шахтах. Беременной женщине здесь делать нечего. Жители делают все, что могут, чтобы выжить, даже если это означает, что нужно балансировать на тонкой грани между безопасностью и угрозой жизни.

— Спасибо за предупреждение, — шепчу я, думая о таинственной наводке, которую Серим, по-видимому, получил в начале дея, когда наши текущие планы уже были в действии. Сомневаюсь, что Левви сделала это — она должна слишком бояться замарать руки, связываясь с «Грядущим пламенем» и нашими кровавыми делами.

По понятным причинам.

Нет более легкого способа разозлить нашего короля-тирана, чем поддерживать связь с его врагами.

Руни подходит ближе, белая мантия свисает с его худого тела, темные волосы собраны на затылке в низкий пучок. Он смотрит на меня исподлобья, и мой взгляд падает на единственную пуговицу, удерживающую его плащ. На круглой деревяшке изображен символ гравировочной палочки, означающий его способность вырезать основные руны.

Судя по тому, как он ухмыляясь смотрит на меня, я ожидала увидеть две или три. Возможно, какой-нибудь особый дар, вроде мастера крови, или еще что-нибудь впечатляющее. По крайней мере, я думала, что его пуговица будет хотя бы сделана из серебра или золота.

Жаль, что я не могу сказать этого вслух.

Вместо этого я принимаю усиливающую палочку, скромно опустив голову, и обхватываю потными ладонями полый металлический стержень, усеянный точками и завитками, излучающими собственное сияние.

Я бросаю еще один взгляд на Тарика Релакена и стискиваю зубы, снова глядя на притаившегося наблюдателя, которого я, конечно, не планировала, во мне нарастает беспокойство.

— Ты в порядке?

Нет.

Пергаментный жаворонок подлетает ближе, наклоняет нос, складывает крылья и падает мне на колени.

— Никогда не пела перед такой большой толпой, — бормочу я, убирая послание в карман, чтобы прочитать его позже.

— Я понимаю, — говорит Левви, ободряюще улыбаясь мне. — В основном они слишком поглощены собой, чтобы замечать нас. — Она поднимает скрипку и прижимает ее основание к шее. — Ты знаешь «Балладу об упавшей луне»?

Мое лицо бледнеет, где-то на краю моего сознания проскальзывает воспоминание. Лишенное эмоций. Красота.

Боль.

Призрак чего-то, что я едва могу ухватить, его труп, застрявший в моем ледяном нутре. В том месте внутри меня, которое огромно, как Эргорские равнины, по которым я когда-то бродила в одиночестве, с пятнами чужой крови, застывшими на лохмотьях, покрывавших мое изможденное тело.

— Да, — хриплю я в ответ. — Я очень хорошо знаю эту песню.

Левви проводит смычком по натянутым струнам, сделанным из хвоста мунплюма, которые сияют в полумраке, извлекая первую ноту — такую длинную и глубокую, что она почти осязаема. Следующие несколько она играет с такой страстью, как будто сама написала мелодию.

Как будто красивые слова баллады появились из пепла ее собственного горького прошлого.

Я подношу усилитель к своим закрытым вуалью губам и набираю полную грудь воздуха, немного сдвигаясь, чтобы спрятанный в корсаже кинжал не задел мои ребра. Я закрываю глаза и погружаюсь в мелодию так же, как когда-то погружалась в жизнь, — но со словами, которые я с тех пор научилась произносить. Вооруженная кошмарами, с которыми я столкнулась с тех пор.

Пылающими кошмарами.

Кошмарами, сводящими с ума.

Толпа растворяется в небытии, когда я пою о саберсайте, которая взмыла в черное бархатное небо, свернулась в клубок и умирала в темноте, где ее больше никогда не увидят. О ее сверкающей подруге, мунплюме, которая устраивается рядом, освещая ее тело.

Даря ей свет.

Я пою о том, как мунплюм постепенно угасает. О том, как мало-помалу ее сияние проникает в саберсайта и окрашивает чешую существа в белый цвет.

Мелодия сменяется более глубокими, разрушительными нотами, когда я пою о том, как мунплюм больше не может оставаться на небе.

О ее падении.

О том, как саберсайт срывается со своего места среди звезд, полная жизни и света, спускается в нижний мир в поисках своей подруги. Как она ищет осколки камня, разбросанные по снегу, пытаюсь собрать ее по кусочкам.

Безуспешно.

Мои веки распахиваются, и я смутно осознаю, что все глаза в комнате устремлены на нас. Широко раскрытые или увлажнившиеся от эмоций, которые стекают по накрашенным щекам.

Но мое внимание привлекает мужчина в плаще, верхняя половина лица которого по-прежнему скрыта тенью капюшона. Несмотря на это, его взгляд пронзает пространство и сжимает меня железной хваткой, которую я не могу стряхнуть.

По мере того как слова продолжают слетать с моих губ, я отчетливо осознаю, что в этом мужчине, который затмевает всех остальных в комнате как размером, так и своим присутствием, есть какая-то опасность. В нем чувствуется уверенная непринужденность неприкасаемого.

Отрезвляющее осознание обрушивается на меня, как удар по голове, и мой взгляд перемещается на Тарика, который сидит в своей кабинке и смотрит на меня с таким нестерпимым голодом, что я понимаю, что когда я уйду отсюда, он последует за мной. Идеальный исход.

Вот только...

Я перевожу взгляд на своего сталкера в плаще, на тень, скрывающую его личность.

Я пришла сюда, чтобы привлечь одного монстра, а в итоге поймала двух.

ГЛАВА 2

Ничто не сравнится с семью часами непрерывного пения, когда чувствуешь себя так, будто проглотил металлическую щетку для чистки зубов, а потом изверг ее обратно.

Потянув за цепочку на унитазе, я откашливаюсь, пытаюсь снять напряжение со связок. Я закрываю за собой дверь туалетной кабинки и иду к одному из умывальников, намыливаю руки и смотрю на свое отражение в зеркале. В ответ на меня смотрят светло-голубые глаза, нижняя часть лица скрыта плотной красной вуалью. Резко контрастируя с моей белоснежной кожей, она наполовину скрывает длинные чернильные локоны, придавая им эффектный вид.

— Ты поешь, как Творец.

Я смотрю на женщину рядом, которая сушит руки и одновременно изучает собственное отражение, высоко подняв подбородок и поворачивая голову из стороны в сторону, осматривая свое идеально накрашенное лицо.

— Спасибо. — С сомнением говорю я.

Возможно, это оскорбление. Кто поймет этих фейри.

Она смотрит на мое обрезанное ухо.

— Похоже, я зря трачу время на пустую, — размышляет она вслух, словно меня здесь и нет.

Определенно оскорбление.

— Я бы заставила Игноса есть с моей ладони, если бы у меня был такой диапазон.

Я прикусываю язык так сильно, что из него течет кровь, и бросаю взгляд на красную бусинку, свисающую с ее уха, прежде чем склонить голову в знак покорности.

— Да. Настоящее расточительство для того, кого Творцы не сочли достойным своих песен.

Она что-то напевает, снова глядя на свое отражение, и поправляет прядь волос, похоже, одоббив мой кивок в знак признания ее превосходства. Как только за ней захлопывается дверь, я закатываю глаза и вытираю руки.

В один из циклов Авроры мне придется прикусить язык так сильно, что я лишусь кончика. Я в этом уверена. То, что он все еще на месте, — просто гребаное чудо.

Выходя из туалета, я замечаю мужчину, прислонившегося к стене коридора и загораживающего единственный выход, кроме окна туалета за моей спиной.

Я останавливаюсь на пороге, держа дверь приоткрытой, мое сердце начинает биться быстрее от этого... *неожиданного* развития событий.

Я думала, что потребуется больше времени, чтобы заманить его сюда. По крайней мере, я надеялась, что смогу спокойно пописать, прежде чем мы начнем играть.

Тарик Релакен смотрит в стакан, который сжимает в руке, взбалтывая янтарную жидкость и выпуская клубы дыма. Спутанные пряди рыжих волос свисают на глаза, оранжевые языки пламени, выстриженные на боках, подчеркивают бусину стихии, свисающую с его мочки, словно капля крови.

— У тебя *потрясающий* голос, — хрипло произносит он, не отрывая взгляда от своего бокала. — А цвет твоего платья... — Он наклоняет голову набок, в его темно-карих глазах отражается пламя, которое даже издали обжигает меня. — *Исключительный*.

Я осторожно закрываю за собой дверь и оказываюсь в коридоре наедине с этим мужчиной. Я привлекла его внимание, теперь нужно *выманить* его из этого заведения.

Я опускаю голову в знак благодарности, затем пытаюсь пройти мимо, но останавливаюсь, когда он отталкивается от стены и поднимает на меня глаза.

Еще больше загораживая выход.

— Останься, — бормочет он, поднося бокал к губам. Он делает глоток, вкрадчиво продолжая, — *выпей* со мной.

У меня внутри все сжимается.

Может, его губы и говорят «выпей», но глаза обещают мерзкие вещи, которые разорвут тебя на части, кусочек за кусочком, пока не останется ничего, даже для падальщиков.

Ты действительно кусок мусора.

— С таким голосом, — добавляет он, скользя масляным взглядом по моему телу, заставляя кожу покрываться мурашками, — я уверен, что твой рот — это *гребаное наслаждение*.

Комок ледяной ярости собирается в моей груди, пульсируя своим собственным неистовым сердцебиением, заставляя меня страстно желать покончить с ним прямо здесь.

Сейчас.

Было бы глупо не сделать этого. Он так настойчиво просит об этом.

Я бросаю взгляд на перекрытый выход. Вот он, засов, всего в трех шагах от меня. Если мне удастся проскочить мимо него и задвинуть засов, я буду уверена, что никто не сможет прервать нашу незапланированную встречу, пока дело не будет сделано.

— Прошу прощения, сэр, но путь домой неблизкий. Мне пора отправляться, если я хочу выспаться.

Ядвигаюсь, пытаюсь обойти его справа.

Его рука ударяет по стене с такой силой, что пламя канделябра трепещет, а мои ноги застывают на месте.

— Я *настаиваю*, — выдавливает он из себя, глаза становятся темными, как кремь, отчего что-то внутри меня замирает.

Прислушивается.

Я взвешиваю, насколько важно запереть эту дверь. Рискованно, да. Но, честно говоря, я надела вуаль именно по этой причине — на случай, если мне придется спастись через заднее окно с отрезанной конечностью в кармане. Чтобы впоследствии, встретив на лестнице, никто не остановил меня, узнав

мое лицо, и не заявил, что я подозреваюсь в том, что оставила Тарика Релакена — без руки и без пульса — в туалетной кабинке.

К черту.

Я сосредотачиваюсь, тело готово к бою. Кончики пальцев покалывает от предвкушения, когда я тянусь к кинжалу, спрятанному в потайном отделении моего корсажа.

Дверь за спиной Тарика распахивается, и я тихо чертыхаюсь. Мы оба смотрим через его плечо на крупного мужчину в плаще, который наблюдал за моим пением из глубины зала, сохраняя стоицизм каменной статуи.

Коридор внезапно ощущается как вена, набухшая от переизбытка горячей, бурлящей крови. Словно испепеляющий ураган втиснулся между тесно прижатыми друг к другу стенами и высосал весь кислород, почти не оставив возможности дышать.

Разочарование и гнев борются во мне. Моя рука опускается с корсажа, зарываясь в складки юбки, где я могу незаметно сжать ткань с такой силой, что костяшки пальцев побелеют.

Какое неудачное время он выбрал для того, чтобы отлить, хотя для него это не так уж и неудачно. Если бы он появился на несколько мгновений позже, то наткнулся бы на то, от чего точно не смог бы уйти.

Прочистив горло, Тарик поднимает свою *очень* удачливую руку со стены и отодвигается в сторону, давая мне возможность пройти мимо. Честно говоря, ему следовало бы пожать руку этому мужчине, потому что он только что спас ему жизнь.

На данный момент.

— Миледи, — выдавливая Тарик, изображая яркую улыбку. — Приятного сна, *благословленного* Творцами.

Я борюсь с желанием поднять брови к линии роста волос. Похоже, я не единственная, кто ощущает взрывную энергию, исходящую от этого загадочного мужчины.

Хотелось бы, чтобы он убрал эту энергию куда-нибудь *подальше*.

— Спасибо, — бормочу я, и моя рука нервно дергается, когда я прохожу мимо Тарика и направляюсь к выходу, бросая взгляд на мужчину в капюшоне, который держит дверь нараспашку. Но его внимание приковано не ко мне.

Оно приковано к Тарику.

Странно.

Вздохнув, я начинаю пробираться сквозь редющую толпу, мимо посетителей, трахающихся в темных углах или растянувшихся на столах. Другие сидят на низких скамейках, в отключке, с напитками, все еще зажатыми в слабеющих руках. Некоторые еще достаточно трезвы, чтобы увидеть, как я прохожу мимо. И требовать, чтобы я спела.

Спела.

Спела.

Они еще не знают, что *именно* это я и собираюсь сделать.

С едва сдерживаемой яростью, рвущейся наружу, я направляюсь к выходу, уверенная, что Тарик последует за мной со своими неутоленными желаниями. Вероятно, у меня есть всего несколько мгновений, пока мужчина в капюшоне справляет нужду в туалете. Всего несколько мгновений, чтобы вывести Тарика отсюда, не теряя на все это лишнее время.

Мой график и без того забит под завязку.

— Кемори, подожди!

Я не успеваю сделать и двух шагов, как понимаю, что обращаются ко *мне*.

Черт.

Я останавливаюсь, сдерживая рвущееся из груди проклятие, прежде чем бросить взгляд через плечо.

Левви упаковывает свой инструмент в футляр, который она разложила на наших табуретах, волосы заправлены за ухо, она смотрит на меня, черные круги под глазами свидетельствуют о том, как долго мы выступали без перерывов и прохладительных напитков.

— Вот. — Она помахивает в воздухе маленьким мешочком. — Наши комиссионные.

Ах.

Она спускается со сцены и подходит ко мне.

— Думаю, руни забрал свою долю, — говорит она, закатывая глаза и протягивая мне мешочек. — Но этого должно хватить на несколько сытных обедов.

Я протягиваю руку и обхватываю ее ладонь, заставляя крепче сжать мешочек.

— Оставь его себе. И спасибо, что поиграла со мной. Это было бесценно.

Между ее бровей появляется морщинка.

Я поворачиваюсь и делаю три шага к лестнице, когда ее голос раздается вдогонку.

— Давай я провожу тебя домой!

Мое сердце ухает в пятки.

— Мой связанный ждет у входа, чтобы проводить меня, — продолжает она. — Он добрый, трудолюбивый мужчина, который никогда не причинит вреда ни одной душе. Он может проводить и тебя.

Я оглядываюсь через плечо, замечая глубокое беспокойство в ее красивых зеленых глазах.

— Спасибо, но я в порядке. Мой дом так близко, что я буду спать к тому времени, когда ты закончишь застегивать пряжки на своем футляре.

Ложь.

Мой дом находится на другом конце Рва. Такими темпами, мне повезет, если я доберусь до него к восходу Авроры, поскольку я не намерена сразу отправляться в его сторону, когда наконец выберусь наружу.

Я успеваю сделать два шага к выходу, как она хватается меня за руку, несмотря на то что мои расшалившиеся нервы мчатся вперед на полной скорости.

Левви подходит ко мне вплотную.

С побледневшим лицом она обводит взглядом тускло освещенное помещение и наклоняется ближе.

— Я видела, как Тарик наблюдал за тобой, Кемори. Я опасаясь за твою безопасность. Это время сна не слишком доброжелательно к таким, как мы. Пожалуйста, позволь нам проводить тебя домой...

Решительность в ее голосе рассеивает мое растущее раздражение.

Она мне нравится.

Ненавижу, когда кто-то начинает мне нравиться.

Осмотревшись в свою очередь, я лезу в левый карман своего платья, ногтем разрываю защитный шов, затем роюсь в потайном отделении и достаю маленькую стеклянную сферу — прозрачную, но с изображением мифической птицы Феникс, вылупляющейся из язычка пламени в глубине сферы.

— Тебе не нужно беспокоиться обо мне, — шепчу я, беря ее за руку.

Нахмурившись, она опускает взгляд, и я ослабляю свою хватку ровно настолько, чтобы она смогла увидеть сокровище, зажатое между нашими ладонями, ее глаза расширяются, когда приходит понимание.

— О-о-о, — говорит она, и это слово дрожит, рассыпаясь на осколки. Как будто что-то внутри нее только что треснуло. — Т-Тарик?

Я киваю, пряча сферу в карман, с которой мне бы не хотелось, чтобы нас застукали.

Она набирает воздух в легкие, но не может выдавить из себя ни слова, прерывисто выдыхает и смотрит на свои руки, сжимающие живот. Жест, который делает что-то странное с моим сердцем. Заставляет меня чувствовать, что оно вот-вот разорвется — и не в самом приятном смысле.

Мне нужно убираться отсюда.

— Береги себя, — шепчу я, собираясь снова отвернуться, когда она хватается меня за руку. Ее глаза остекленели от непролитых эмоций, и она протягивает мне сложенный пергамент.

— Что это?

— Мои... ну, мои контакты. На случай, если ты снова захочешь выступить вместе, — шепчет она, растягивая губы в улыбке, которая выглядит скорее грустной, чем счастливой. Как будто она знает, что я не стану с ней связываться.

Что мы больше никогда не увидимся.

Я все равно беру его, наклоняю голову в знак благодарности и вижу, как Тарик выходит из туалета и ловит мой взгляд.

Попался.

Я поворачиваю к лестнице и спешу прочь из «Голодной лощины».

В другой жизни я могла бы подружиться с Левви. Но...

Так много «но».

Я вспоминаю кое-кого другого, кого знала раньше. Кого-то с милой улыбкой и теплым взглядом. Женщину, которая теперь превратилась в смутное воспоминание, больше не отдающееся болью в моих ребрах или сердце. Не после того, как я привязала все эти тяжелые, причиняющие боль эмоции к камню, который теперь покоится на дне моего ледяного внутреннего озера.

Дружба — это то, чего я упорно стараюсь избегать. И в большинстве случаев мне это удастся. Чем сильнее ты заботаешься, тем более хрупким все кажется.

Легче просто...

Этого не делать.

Валит снег — крупные хлопья тают на моих украшенных перьями ресницах и заново устилают тротуар. Лед хрустит под ботинками, когда я иду по унылому Рву, почти полностью лишенному жизни в этот поздний час.

По обе стороны от меня возвышаются две огромные каменные стены, тянущиеся параллельно с востока на запад, насколько хватает глаз. Они похожи на два высоких книжных шкафа, а проход между ними достаточно широк, чтобы по нему бок о бок проехало множество телег.

Стена, подобно поясу, обхватывает пухлое брюхо нашего мира, и разделена внутри на густонаселенные сегменты, как, например, здесь, в Горе. Она достаточно глубокая, чтобы жители чувствовали себя в безопасности внутри длинной траншеи — вдали от непосредственной угрозы хищников.

Это ложь.

Здесь, в защищенном Рве, их не меньше, а может и больше. Просто они хорошо маскируются.

Из роя, проносащегося над головой, вылетает серебристый мотылек и порхает так близко, что его пушистые крылья осыпают меня светящейся пылью.

Я улыбаюсь.

Мне нравится это время сна, когда кажется, что есть только я, мотыльки и облака, окрашенные в цвета леденцов. Хотя это не так.

Потому что за мной по пятам идет монстр.

Несмотря на то, что Тарик старается, чтобы его шаги идеально совпадали с моими, ступая достаточно мягко, чтобы спрятаться за звуком падающего снега, я ощущаю его присутствие, как надвигающуюся тень, угрожающую поглотить меня.

Я должна бояться. Нервничать. Может быть, немного грустить от того, что мне предстоит сделать.

Выживание — забавная штука. У кого-то это мольба, у кого-то — крик. У меня — это обожженный скелет выкованной в огне ярости, который держит меня в вертикальном положении. Я продолжаю двигаться *вперед*.

В моей груди осталось совсем немного влажного и мягкого. Она наполнена жесткостью и враждебностью, не допускающих таких вещей, как *забота* о

подобных Тарику Релакену. Даже если бы он был кучей дерьма на тротуаре, я бы все равно не преминула растоптать его.

Возможно, это тоже делает меня чудовищем.

Я не рефлексирую над этой мыслью, отбрасывая ее в сторону, пока зигзагами поднимаюсь по лестнице с внутренней стороны южной половины стены, преодолевая уровни, проходя мимо дверей, закрытых на время сна. Я продолжаю идти, пока стена не становится просто стеной. Больше никаких жилищ, встроенных в нее.

Фейри не нравится жить так близко к небу, воздух так далеко вверху кажется... заимствованным. Как будто он не принадлежит нам.

Как будто он принадлежит *драконам*.

Дрожь пробегает по спине, и я сворачиваю на юг по длинному ветровому тоннелю³, из которого открывается вид на облака, висящие так близко, что, кажется, я могу протянуть руку и зачерпнуть горсть из их тяжелого подбрюшья.

Когда до смертельного падения на землю остается всего несколько шагов, я засовываю руку в карман и снимаю железное кольцо, открывая себя буйству песен, которое грозит перемолоть мой мозг в мелкую крошку.

Гребаный... *хаос*.

Сухожилия на шее натягиваются, вены на висках пульсируют от слишком бурного потока крови и песен.

Я настраиваю свой разум на самую высокую частоту, как будто затягиваю звуковую ловушку, а затем блокирую остальное, отделяя маниакальную мелодию Клод, вопящую на пределе ее мощных легких. Богиня воздуха создает воющий вихрь, который заставляет мою вуаль развеиваться, и на моем лице появляется ухмылка.

Она хочет поиграть.

И я тоже.

Волоски на моем затылке встают дыбом, когда шаги Тарика приближаются...

Приближаются...

Ну же, ты, мерзкий ублюдок. Сделай свой ход...

Его рука обхватывает мою шею, и он прижимает меня лицом к стене, используя свой вес, чтобы пригвоздить меня к месту.

У меня мурашки бегут по коже от его тяжести. Парализующей мощи мужчины, решившего взять все, что захочет.

Я притворно всхлипываю. Небольшой приступ отчаяния.

— Ш-ш-ш-ш, — шепчет он мне на ухо, заставляя мою кровь стынуть в венах. — Будь хорошей маленькой пустышкой.

Ярость взрывается у меня под ребрами, когда я думаю о том, со *сколькими* еще он так поступил. Скольких поглотила его прожорливая жадность, словно они были не более чем закуской.

Больше этого не произойдет.

Я поднимаю ботинок и прикусываю металлическую пластинку, венчающую мой задний моляр. Со *щелчком* железный штырь вылетает из моего каблука.

— *Glei te ah no veirie*, — протяжно шепчу я, слова, с трудом удерживаемые во рту, обретают свободу. Это обращение к Клод лишить легкие Тарика *почти* всего воздуха.

Она хихикает.

Тарик пытается втянуть воздух в сжимающиеся легкие, и я втыкаю стопорный штырь в верхнюю часть его ботинка. Прикусив пластинку еще раз,

---

³ Специальные отверстия в стене, чтобы избежать ее разрушения ветром

я вгоняю штырь так глубоко между тонкими костями и сухожилиями Тарика, что единственный способ избавиться от него — это отрубить его конечность.

Меры предосторожности.

Сомневаюсь, что Клод ослабит хватку на его легких, но, будь я проклята, если позволю ему натравить на меня Игноса. Огненный бог любит пировать, и я лучше заживо сдеру с себя кожу, чем позволю ему коснуться меня.

Снова.

Рука Тарика падает, и он, прихрамывая, отступает назад, ботинок шаркает по снегу, а я поправляю платье и выпрямляюсь.

— Тарик, мать твою, Релакен, — бормочу я, извлекая из потайного кармана лифа украшенный рунами клинок из драконьей чешуи, достаточно острый, чтобы резать кости как масло.

Я поворачиваюсь, наклоняю голову и смотрю прямо в его округлившиеся, налитые кровью глаза — от предвкушения у меня покалывает кончики пальцев.

— Твой сон благословлен Творцами?

Его глаза выпучиваются, затем находят лезвие, которое я кручу в руке. Он теряет равновесие и приваливается к дальней стене, разинув рот и хватаясь за горло.

Полагаю, это «нет».

Его грудь сотрясается в конвульсиях, и едва заметный вдох со свистом проникает в дыхательные пути, почти не наполняя его сдавленные легкие. *Достаточно*, чтобы он не отключился, пока не услышит мою хорошо подготовленную речь.

Однажды я наблюдала, как кто-то забросил леску в замерзшее озеро и вытащил на поверхность длинную, скользкую рыбу. Она извивалась на снегу, сверкая радужной чешуей, а ее пасть все открывалась и открывалась, пока она не замерла в ледящей душу неподвижности.

Моя игра всегда напоминает мне о том случае, только тогда мне было жалко рыбу.

К Тарику я не испытываю ничего, кроме яростного желания перерезать ему горло, пока он не разрушил еще несколько жизней. Но не сейчас.

Сначала он должен *пострадать*.

Я подаюсь вперед, переводя взгляд между его руками и пытаюсь сделать выбор. Сложно — они так похожи.

— Какой-нибудь другой клинок Феникса мог бы поступить мягче, — говорю я, остановившись на правой. Я хватаюсь за нее и тяну к себе, перерезая лезвием его запястье так быстро, что он не успевает понять, что произошло, пока я не машу перед ним его отрубленной конечностью. — Наверное, сделал бы это *после* твоей смерти.

К несчастью для Тарика, у меня есть особый запас ярости, который я приберегаю специально для таких, как он.

Он таращится на меня, пытаюсь ухватиться за шею, как будто его рука все еще на месте, кровь хлещет из омерзительного обрубка, а рот распахнут так широко, что видны миндалины.

— Возможно, мне стоит объяснить, — говорю я, доставая из кармана воцеленный мешок. Я засовываю отрубленную руку внутрь и затягиваю шнурок. — Видишь ли, я бродила по подземному городу и наткнулась на твой маленький бизнес.

Маленький — это мягко сказано. Его разросшееся заведение похоже на собственный город, в котором есть яма для сражений размером с амфитеатр, спальни для тех, кто не хочет пропустить ни одного боя, и камеры с детьми в клетках. *Пустышки*, которых он нашел на стене или купил у отчаявшихся родителей, не имеющих достатка, чтобы их прокормить, уверенных, что покупают своим малышам шанс на жизнь.

Шанс проложить себе путь к превосходству.

Никто из них не выглядел истощенным, но есть другие способы уморить душу голодом.

— Я пыталась освободить твоих пленников, некоторые из которых, должна добавить, остро нуждались в целителе, чтобы вылечить их маленькие, изувеченные тела. — Я машу перед ним мешком и пожимаю плечами. — Представь себе мое разочарование, когда я обнаружила, что мне нужен *отпечаток твоей руки*, чтобы открыть их камеры.

По его паническому взгляду я понимаю, что он недостаточно хорошо представляет себе ситуацию. Он слишком поглощен мыслями о собственном спасении.

Я бросаю мешок на землю, на кучу снега, который надуло, пока он возится, засовывает уцелевшую руку в карман и вытаскивает клинок. Я выхватываю лезвие из его жалкой хватки и прищелкиваю языком, прежде чем вонзить ему в бедро.

— Не то чтобы я знала, кто ты такой на тот момент, — бормочу я, наблюдая, как он сотрясается в конвульсиях.

Наслаждаюсь этим.

Его лицо становится ярче, чем одежда, вены на висках и шее вздуваются, когда я разрезаю его кроваво-красную тунику, обнажая грудь, а затем хватаю его за другую руку, которая не перестает цепляться за меня. Я поднимаю ее, прижимаю к стене и прищипливаю лезвием, чтобы сосредоточиться на задаче.

Все его тело снова дрожит, брюки становятся мокрыми.

— Самое смешное. На следующий день твоя связанная нашла способ связаться с нами. Ты, конечно, знаешь, кто мы такие. «*Fíur du Ath*».

«Восставшие из пепла».

Выражение его лица рассыпается в прах.

Я поднимаю юбку и достаю из ботинка еще один клинок.

— Она очень красивая, твоя связанная. Поразительная. Я готова поставить все содержимое своего кошелька на то, что ты купил ее в надежде, что коричневая бусина, которую она носит, гарантирует тебе сильное потомство.

Еще несколько придушенных рывков, его вздымающаяся грудь покраснела от крови, вытекающей из обрубка его руки. От меня не ускользает, что теперь он окрашен в цвет, который так любит.

Цвет, которым он *гордится*.

Наклонив голову набок, я изучаю свой алый холст, проводя кончиком клинка по его груди. Я слегка надавливаю и начинаю вырезать свое послание на его плоти.

— Она сказала, что ты делаешь с ней ужасные вещи. И с *другими*, — говорю я, пока режу.

Режу.

Режу.

— С любим, до кого ты дотягиваешься своими грязными лапами.

Н — Насильник.

Буква наливается его излюбленным цветом, когда он корчится, разевая рот в беззвучном крике.

Прекрасная, благословенная тишина. В такие моменты я готова расцеловать Клод.

— Она также упомянула, что, хотя ты не заставляешь своего пустого сына сражаться в престижной Подземной боевой яме, ты часто призываешь Игноса, чтобы тот сжег его в пламени за то, что он *не оправдал* твоих ожиданий.

Слова вырываются сквозь стиснутые зубы, и эта безмерная ледяная сущность внутри меня смещается.

Рычит.

Я вырезаю И. Затем Д.

Истязатель детей.

У меня возникает искушение исписать его всеми буквами алфавита, но время не ждет. Вместо этого я дописываю еще парочку:

У-Р-О-Д.

Ну, думаю, тут все понятно.

Ветер начинает дуть с режущей силой, свистит за углами, поднимает мою вуаль.

Обнажает меня.

Я не утруждаю себя попытками прикрыться, гадая, нравится ли ему по-прежнему мой голос.

Цвет моего платья.

Жалеет ли он о том, что преследовал меня, пытался прижать к стене.

Его грудь подрагивает в такт маниакальному хихиканью Клод, он практически висит на руке, пригвожденной к стене, а драгоценное дыхание со скрипом вырывается из его горла.

— Игнос начал разговаривать с твоей дочерью, ты знал?

Его лицо искажается, демонстрируя глубокие складки агонии, пока его ботинки скребут залитый кровью снег.

— Ее вывезли из города вместе с остальными членами твоей семьи сразу после того, как твоя связанная рассказала нам все, что нужно знать, чтобы пресечь твои гребаные операции и освободить этих детей.

Отвезти их в безопасное место, где они смогут снова научиться быть детьми.

Я повторяю удушающую мелодию Клод, а она носится вокруг меня с бешеной скоростью, превращая мои волосы в черное облако, в то время как лицо Тарика синеет.

Потом наливается фиолетовым.

— Каково это, когда тебя обнуляют, Тарик?

Его глаза, теперь уже налитые кровью, впиваются в мочку моего уха. Того самого, которое должно быть украшено прозрачной бусиной в знак моей способности слышать постоянно меняющуюся, буйную песню Клод. На мой взгляд, это лишь сделает очевидным, что я — угроза воинственному обществу Сумрака.

К черту их систему.

— Каково это — страдать от рук того, кто «ниже» тебя?

Все еще прижимая к горлу искаленную руку, он выдавливает из себя одно-единственное слово:

— *Милосердия.*

Всепоглощающая ярость вспыхивает в моем позвоночнике, лижет ребра, наполняет мое холодное черное сердце.

Интересно, сколько раз дети, сражавшиеся в его смертельной яме, молили о том же самом? Сколько раз его сын произносил это слово, глядя на мужчину, который должен был оберегать его.

Защищать его.

Интересно, сколько раз надежда умирала в его маленькой груди, прежде чем он уговорил свою Маху найти нас. Освободиться от невидимых оков Тарика.

Слишком много.

— Твоя семья передает тебе привет, — усмехаюсь я, а затем вонзаю клинок в его горло.

Кровь Тарика брызжет на снег, струйками вырываясь из глубокой раны.

Я лезу в карман и надеваю кольцо.

Грохот, бьющий по барабанным перепонкам, стихает, оставляя только естественные звуки Клод, визжащей в подворотнях, без ее маниакального смеха и режущей слух песни.

Я поворачиваю голову из стороны в сторону, поводя плечами, и радуясь, что железо способно нейтрализовать ее действие. Если сосредоточиться, я могу сама заглушить ее, но это требует усилий, а когда я сплю, моя бдительность ослабевает. Клод великолепна и все такое, но не тогда, когда тебя будит ее визг посреди сна. А она ужасно громкая. Настолько, что хочется заткнуть уши, хотя я бы не осмелилась.

Не хочу навлечь на себя ее гнев.

Говорят, чем громче кто-то слышит песни стихий, тем сильнее связь, тем больше силы он может извлечь, изучая их язык и произнося слова. Это и благословение, и проклятие, когда речь заходит о дикой богине воздуха, ведь ее визг может быть достаточно резким, чтобы распороть кожу. Нет ничего хуже, чем чувствовать, что твой мозг разрезают на мелкие кусочки.

Я поправляю вуаль, скрывая нижнюю половину лица,двигаюсь к входу в ветровой тоннель и выглядываю наружу, осматривая незаметную дорожку, прочерченную в стене как канавка. Убеждаюсь, что мой сталкер в плаще не появился, чтобы поиграть в игру «поймай железное лезвие между ребер».

Не заметив ни его, ни кого-либо еще, я делаю шаг вперед и бросаю взгляд на Ров далеко внизу. Снежные вихри переплетаются со скоплениями светящихся мотыльков, но я не вижу никакого движения, как и на лестнице подо мной. Как и на той, что ниже.

Я смотрю через широкий провал на параллельную стену и не вижу никого ни на северной стороне, ни на близлежащих мостах, протянувшихся через Ров.

Приятный сюрприз.

Я отхожу от края и поворачиваюсь, мои шаги отдаются эхом, когда я возвращаюсь к труп Тарика, все еще висящему на руке, прибитой к стене, его голова свешивается набок. Я извлекаю свой клинок из камня, и его тело превращается в дымящуюся кровавую кучу.

Взглянув на свое платье, я прищелкиваю языком от вида брызг крови, которые местами окрашивают его в более темный цвет. Я надеялась, что в этот раз все пройдет чисто. Каждый раз.

Но этого никогда не случается.

Я расстегиваю верхнюю пуговицу на юбке, отрываю верхний слой от лифа и стягиваю запачканную кровью ткань, обнаруживая под ней идеальную копию, а испорченный слой сворачиваю и бросаю в мусоропровод, проложенный в стене. Один из многих мусоропроводов, разбросанных по городу, которые уходят под уровень земли, через несколько уровней Подземного города и попадают в логово взрослого бархатного трогга, который питается отбросами Гора.

Я наклоняю голову, оценивая расстояние между Тариком и желобом, и решаю, что, пожалуй, *слишком* высоко, чтобы затаскивать его туда. Лучше просто вытолкнуть его через отверстие в стене, чтобы его могли разорвать многочисленные хищники, рожденные Тенью.

Вздохнув, я смотрю на его обмякшее тело и представляю себе мир без тех, кто любит присваивать блестящие вещи, а потом выкидывать их сломанными.

— Представь себе, — бормочу я, приседая, чтобы вытереть лезвия о его штаны, прежде чем убрать их.

Просто... *представь*.

Я качаю головой, обхватываю Тарика за лодыжки и тяну его со всей силой своих горящих от напряжения бедер, благодарная за то, что мы дошли почти до конца, прежде чем он напал. Когда я тащу его к краю, ветер проносится по тоннелю с такой силой, что подталкивает его, и это вызывает у меня улыбку.

Клод — такая сумасшедшая, злобная сучка.

Я люблю ее.

Я подтаскиваю Тарика так близко к краю, что его рука свисает, затем вытираю руки о его рубашку, приседаю за ним и всем весом наваливаюсь на тело, зацепившись за камень, когда он выскальзывает из моей хватки. Наклонившись вперед, я наблюдаю, как он падает на скалистое основание стены, расположенное далеко внизу...

Он натывается на кусок камня, который вспарывает его живот, и я жалею, что не оставила его в живых, чтобы он мог это почувствовать.

Проклятье.

Упущенная возможность.

Встав, я носком ботинка соскребаю кровавое пятно снега в кучу и сбрасываю ее за стену.

Захватив мешок с рукой Тарика, я иду по ветровому тоннелю, останавливаюсь перед входом, и мой взгляд натывается на клочок пергамента, приклеенному к стене.

Я подхожу ближе и, прищурившись, смотрю на текст.

Группа мятежников, известная как
Восставшие из непа

перехватила

очередную

партию новобранцев, направлявшихся в Дредаг
для прохождения физической подготовки. Это

Ваши дети

Ох похитили и увезли неизвестно куда. Вероятно,
чтобы использовать их уникальные способности в
соответствующих политических целях. Эта группировка

Ослабляет

наше королевство. Делает его уязвимым для нападений

Это необходимо остановить

Любая полезная информация будет вознаграждена
десятью ведрами кровавого камня и бесплатным
жилищем на северной стороне стены.

На первом уровне, сроком на три фазы.

The Crown

Украли детей?

Используем их способности в собственных политических целях?

— Что за дерьмо спангла.

И Корона больше не угрожает тем, кто с нами сотрудничает, а предлагает щедрую приманку, от которой невозможно отказаться. Особенно для бездомных, тех, кто работает в шахтах и живет на несколько мешочков кровавого камня за фазу.

Это меняет дело...

Зарывав, я срываю этот дерьмовый пергамент и сминаю его, уже сворачивая за угол, когда врезаюсь во что-то твердое. Крепкая рука обхватывает мое запястье, поддерживая меня. То самое запястье, которое прикреплено к руке, в данный момент сжимающей смятый кусок пергамента, предлагающий солидное вознаграждение за... ну...

Меня.

Я поднимаю взгляд как раз в тот момент, когда ветер откидывает капюшон загадочного мужчины из «Голодной лощины».

Мое сердце замирает, дыхание сбивается. Впервые с тех пор, как Фэллон научила меня говорить, я не нахожу слов.

Его черты лица резкие, грубые... и все-таки он невероятно красив. Мои легкие наполняются его запахом, таким глубоким и одурманивающим, как раскаленный камень, политый ковшом сливок.

Я задерживаю дыхание, впитывая его, люблюсь его черными волосами, спускающимися чуть ниже плеч. Они большей частью собраны сзади, только несколько прядей падает на лицо, но это не смягчает пронзительного взгляда его глаз насыщенного цвета обожженного дерева.

У него густые брови, нижняя половина лица покрыта тенью бороды, которая придает суровости его и без того мужественному облику. Как будто он принадлежит к одному из знаменитых воинских кланов, пустивших корни на Болтанских равнинах миллионы фаз назад, с кровожадным ревом размахивая топором.

Его взгляд отрывается от моего, осматривая окрестности, обшаривая каждый укромный уголок. Я замечаю, что на заостренном кончике его правого уха закреплена маленькая черная каффа, которая закрывает часть раковины, но бусин нет.

Он делает вид, что пустой, не считая отсутствия клипа, но я не настолько глупа, чтобы поверить, что он не слышит ни одной из песен стихий. Особенно учитывая огромную энергию, исходящую от него и прокатывающуюся по мне. Заставляющую меня чувствовать, что он намного *больше*, чем то пространство, которое он сейчас занимает. А это немало, ведь он на полторы головы выше меня, его широкая грудь и плечи напоминают мне саберсайта. Мощный, мускулистый тип телосложения, который часто встречается у тех, у кого крепкие корни в Пекле — жарком, вечно солнечном северном королевстве.

Его осуждающий взгляд снова возвращается ко мне, и это похоже на стремительный удар по ребрам.

Лишающий дыхания.

Он смотрит на меня так, будто я только что столкнула со стены мертвого стихияля. Или, может быть, у меня разыгралось воображение. Я уверена, что рядом больше никого не было...

Морщинка между его бровями становится глубже.

— Ты в порядке?

Его низкий голос пронзает мое сердце, словно удар кремня по камню, оставляя после себя искры, которые странным образом потрескивают в моей ледяной крови.

Я... в порядке?

Я смотрю на него тем же хмурым взглядом.

— Ты сумасшедший?

— Возможно, — хмыкает он, его голос похож на рокот теплых, перекатывающихся камней.

Снежинка падает мне на лоб, и у меня перехватывает дыхание, когда он поднимает свободную руку и подносит ее к моему лицу. Как будто он собирается смахнуть ее. Я ловлю себя на том, что зачарована этим движением, прежде чем понимаю, что он тянется к моей *вуали*.

Воздух между нами становится напряженным и пустым. Даже Клод прекращает свои хлесткие порывы.

— Я бы не стала, — мурлычу я, прижимая к его промежности маленький железный кинжал — кинжал, который я всегда прячу в рукаве как раз для таких случаев.

Его бровь взлетает вверх.

— Быстрые руки.

— Это железо.

— Я *чувствую* его запах, — рычит он, в его голосе звучит богатый, экзотический акцент северян. — Имя. Сейчас же. И не поддельное, которое ты назвала тому, кто нанял тебя в «Голодной лощине».

Дотошный.

Интересный.

Я сильнее надавливаю на свой маленький железный клинок, который вдруг начинает казаться совершенно недостаточным против того, к чему он прижимается, хотя я не из тех, кто отступает перед вызовом.

— Нет. Но я подам тебе твой собственный член, если ты не отпустишь мое запястье.

Мои слова звучат чувственно и протяжно, произнесенные как слова баллады, которую, я уверена, он оценит меньше, чем песни, которые я пела всю ночь... пока уголок его рта не приподнимется.

Это удивляет меня.

Он издает хриплый звук, отпускает мое запястье, а затем отступает назад, создавая между нами небольшое пространство, которое кажется мне обрывом, на краю которого я стою — своды моих ступней покалывает, а в животе зарождается странный трепет.

Мысли путаются.

— Спасибо, — говорю я, выпрямляя плечи. Держа клинок направленным на его промежность, я сжимаю пергамент в плотный комок и засовываю его в карман.

Может, мне не придется его убивать. Он не видел, что я убила Тарика, не видел ни моего лица, ни пергамента, который я сорвала со стены. И уж точно он не позволил себе никаких вольностей.

Возможно, он не такой уж монстр, каким я его считала, пока он с одержимой серьезностью наблюдал за тем, как я пою всю ночь?

Не говоря уже о времени, которое потребуется, чтобы подтащить его к тому же краю, за который я толкнула Тарика, если мне придется перерезать ему горло там, где мы стоим. Даже если бы я *смогла* его дотащить. Скорее всего, мне придется рубить его на части — грязная работа, которая отнимает кучу времени. А мне его совсем не хватает, и рука Тарика ощущается тяжелым грузом у меня в кармане.

— Если ты позволишь...

— Там внизу мертвый мужчина-фейри с выпотрошенными кишками, — говорит он, вскидывая бровь и кивая головой в сторону зияющего выхода из тоннеля, ведущему к безжалостному обрыву внизу — его голос звучит хрипло и безэмоционально, что еще больше усложняет выбор между моими вариантами.

— Я только что оттуда и не видела никакого мужчины. — Я держу кинжал наготове, мышцы напряжены. — Тот, кого я видела, был чудовищем.

Я выдерживаю его взгляд, балансируя на грани нерешительности. Жду его реакции, чтобы принять решение, что делать дальше. Отнесу ли я этого мужчину к той же категории, что и Тарика, или к другой.

Более безопасной.

Его глаза впиваются в меня, словно он хочет извлечь частички моей души, когда отвечает:

— С этим я абсолютно согласен.

Я хмурюсь, открываю рот и снова закрываю.

Все-таки безопасный.

— Не ходи за мной, — выкрикиваю я, затем убираю кинжал от его промежности и, не оглядываясь, спускаюсь по ближайшей лестнице.

Я опускаю руку Тарика в малоиспользуемый, заранее оговоренный мусоропровод и жду, просунув голову в отверстие, пока не услышу свист другого члена «Восставших из пепла» в глубине Подземного города. Подтверждение того, что посылка доставлена. Теперь другие займутся освобождением детей.

Будучи Клинком Феникса, я убиваю. И ничего больше. Я, конечно, не занимаюсь спасением — эта задача возложена на других, кто не с такой радостью проливает кровь. Но часть меня почти... *тоскует* по тому времени.

Эта миссия была для меня очень личной. Масштабная операция, за одобрение которой я боролась изо всех сил. Дело, которое отвлекло ресурсы группы от наших обычных миссий, направленных на борьбу с Коронай.

Я поворачиваюсь, прислоняюсь к стене, закрываю глаза и улыбаюсь, в груди разливается приятное тепло, когда я представляю, как вспыхнут глаза детей, когда они поймут, что свободны. *По-настоящему* свободны — в том смысле, который я вряд ли когда-нибудь пойму до конца.

Стань незаменимым, и другие вцепятся в тебя когтями. Неважно, хорошие они, плохие или где-то посередине. Если я чему-то и научилась в жизни, так именно этому.

И все же...

Надеюсь, этим детям понравится в Расцвете. Я никогда не была в подземном убежище, которым управляет Феникс, и хотя я слышала, что оно находится где-то на юге, не думаю, что когда-нибудь узнаю точное местоположение.

Или увижу своими глазами.

Это будет означать, что я прекратила свою деятельность, а я сомневаюсь, что лидер «Восставших из пепла» заинтересован в том, чтобы я перестала быть полезной, вместо этого он занимает меня умиротворяющими миссиями, которые я с радостью выполняю. Особенно те, которые заканчиваются как сегодня, наполняя меня теплым чувством кратковременного удовлетворения. Как будто я только что оттерла одно из многочисленных пятен с этого большого, прекрасного мира, который я так отчаянно хочу полюбить.

Кроме того, я не уверена, что отставка мне подойдет. Не та, которая, несомненно, будет сопровождаться поездкой в один конец в Расцвет. Думаю, у меня сразу начнут зудеть пальцы.

Здесь слишком много мусора, который нужно устранить.

Я выхожу на один из опасных подвесных мостов, перекинутых между стенами — безмолвный город раскинулся далеко внизу. На высоте тридцати трех этажей, этот мост самый высокий, им никто никогда не пользуется, и он покрыт слоем снега, который хрустит под моими ботинками.

Добравшись до середины, я ложусь на спину — так близко к облакам, как только могу, — позволяя холоду проникать сквозь платье. В мою плоть и кости.

Глубже.

Мои веки закрываются.

Крупные хлопья снега падают на мое лицо и расслабленные кисти рук, и я сосредотачиваюсь на каждой ледяной точке контакта, расслабляя мышцы под ними и снимая напряжение, накопившееся за время сна.

Представляю себя драконом с распростертыми крыльями и устремляюсь сквозь пушистые розовые облака так высоко над миром, что слышу только биение своего сердца и тяжелые хлопки воображаемых крыльев. Все, что я *чувствую*, — это силу моего гибкого тела.

Свободу.

Ледяное спокойствие поселяется во мне, как в гнезде зверя, и я шевелю пальцами рук и ног, медленно возвращая себя к реальности.

Открыв глаза, я смотрю сквозь разрыв в облаках на луну погибшего молтенмау, покоящуюся над городом. Возможно, это самая большая из всех, что я видела, — он свернулся в тугой клубок, спрятав голову под крыло, его окаменевшее оперение окрашено в пурпурные, розовые и голубые тона.

Я смотрю на него, вспоминая, что Руз рассказывала печальную историю о том, как этот дракон оказался здесь, но я не стала слушать подробности. На самом деле, кажется, я развернулась и вышла из ее лавки, не оглядываясь.

Печаль подобна камням, которые скапливаются у тебя внутри, затрудняя движение вперед. Избегание — мое средство самосохранения, и я буду следовать ему до самой смерти.

Но иногда, когда я лежу там, где мне кажется, что это вершина мира, а подо мной спящий город, я задаюсь вопросом, не испытывает ли эта луна искушения когда-нибудь упасть. Уничтожить Гор в порыве злости за то, что заставило его взлететь в небо и расположиться над столицей Сумрака, как затаившаяся угроза.

Может быть, я ошибаюсь. Может быть, все остатки сознания дракона исчезают в тот момент, когда он застывает, и он не может *решить*, упасть ему или нет. Может, их срывает с неба что-то другое.

А может, этот дракон вообще ни о чем не думал, когда решил свернуться калачиком. Может, его не обуревали мысли о мести, как мне хочется верить.

Может, это было просто удобное место для смерти.

Не отрывая взгляда от луны, я опускаю руку в карман, достаю пергаментного жаворонка, полученного в «Голодной лощине», и поднимаю его над лицом, разворачивая крылья, клюв и тело, пока передо мной не остается помятый квадрат, исписанный почерком Эсси.

Надеюсь, у тебя все получилось, поскольку знаю, что ты прочтешь это только после того, как закончишь. А это вызывает беспокойство, просто для ясности. Что, если я отчаянно нуждаюсь в дозе портония, чтобы мир не рухнул, а ты слишком занята, вырезая слова на чьей-то груди, чтобы развернуть моего жаворонка, которая все еще лежит у тебя в кармане? Подумай о мире, Рейв. И о гиперфиксации⁴, с которой я сейчас сталкиваюсь.

В любом случае, вот очень важный список, который я посылаю, потому что знаю, как ты относишься к тому, что я отправляюсь в Подземный город одна. Терпение — моя главная и самая впечатляющая добродетель.

Я фыркаю от смеха.

У Эсси терпение, как у скитальца, жаждущего впитаться зубами в чью-то душу, и ни капельки больше. Но хорошо, что она думает иначе. Энтузиазм ей идет.

— Кусок железа размером с ладонь

(чтобы я могла сделать больше шпилек для твоего ботинка)

— Три осколка клыка саберсайта

(в идеале — от взрослого животного, которому минуло десять лет после линьки)

— Палочка для травления O,D112, достаточно прочная, чтобы очистить алмаз

(просто передай этот список Рүз, потому что, вероятно, в моих объяснениях для тебя нет смысла)

— Мудра не по годам, — говорю я, пробегая взглядом дальше по ее списку.

— Баночку пыльцы огнёвки. Или, если ее нет в наличии, не могла бы ты поймать мне одну? Пожалуйста? Я сама соберу пыльцу, а потом выпущу ее на свободу. Обещаю.

Я морщусь, вспоминая, как в последний раз носилась по Рву, вооруженная стеклянной банкой с дырявой крышкой.

Дрожь сотрясает меня до костей.

Никогда не забуду, как пищала огнёвка. Я даже не знала, что они умеют пищать.

— Сама лови свою огнёвку, — бормочу я, прекрасно зная, что поймаю ей чертову моль, если в чертовом магазине не окажется баночек с чертовой пыльцой.

Мои глаза прищуриваются на последней просьбе, наполовину скрытой пятном крови Тарика Релакена.

И последнее: пожалуйста, отправляйся в Подземный город и

Это очень, очень, очень важно.

Конечно.

Я вздыхаю, пытаюсь соскрести кровь, хотя прекрасно знаю, что ничего не выйдет.

По словам Эсси, в грязном, прогнившем Подземном городе можно найти много важных вещей. Что вполне логично для того, чей мир когда-то ограничивался этой скалистой расщелиной под стеной.

Мои мысли возвращаются к тому моменту, когда я нашла ее, выбегающую из шахтерского барака с украденным куском черствого хлеба в грязных руках, истощенную, одетую в лохмотья, с обрезанными волосами, потому что она уже знала, что мужчин там преследуют меньше, чем женщин.

Она рассказала мне, что родилась в заброшенной шахте, что ее родители ушли на смену и не вернулись — это произошло давным-давно. Что она никогда не видела неба. Не знает, что такое Аврора и что мы просыпаемся и засыпаем в ритме с ее восходом и закатом.

Я все еще была в крови надзирателя, которого застала за совершением ужасных вещей с шахтером, когда повела Эсси знакомиться с небом, а потом пообещала беречь ее. Это оказалось сложнее, чем кажется, потому что все, что ей нужно, кажется, всегда находится в чертовом Подземном городе. Вопреки ее хвастовству, у нее редко хватает терпения прислать мне список того, что ей нужно.

Нахмурившись, я снова пытаюсь соскрести кровь — безуспешно, — затем кладу листок в карман и поднимаю глаза к луне, сцепив руки на талии.

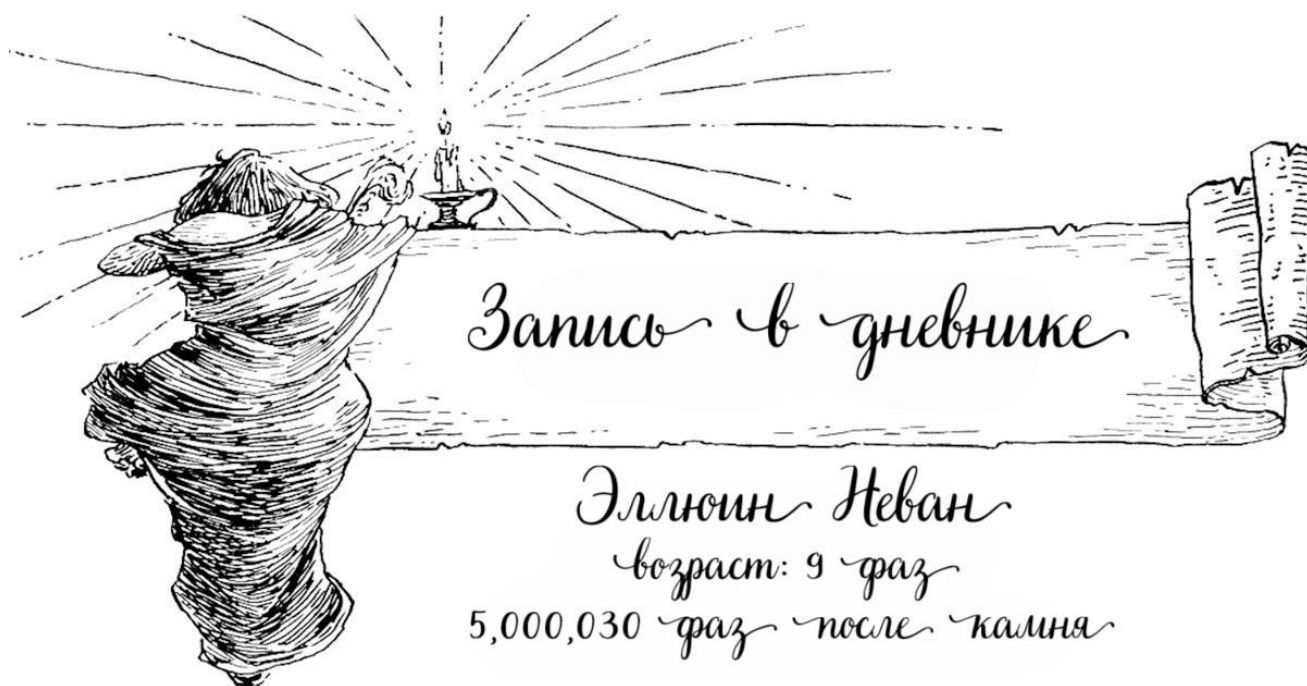
Даже если бы я *разобрала*, что нацарапано под пятном крови, я должна держаться на расстоянии, пока не получу подтверждение, что дети из камеры Тарика покинули Гор. Однако я смогу принести Эсси все остальное, если дождусь рассвета. Будет лучше, если я не отправлюсь сейчас домой, учитывая, что я решила не устранять приятно пахнущего загадочного мужчину, который возможно поверил, а возможно и нет, что я убила Тарика Релакена.

Творцы.

Зачем я это сделала?

Обычно я действую, и потом не испытываю сожалений. Мне так больше нравится. А теперь мне придется целую вечность оглядываться через плечо, чтобы убедиться, что принятое решение не обернется какой-нибудь неожиданностью и не укусит меня за задницу.

ГЛАВА 6

Запись в дневнике

Элюн Неван

возраст: 9 фаз

5,000,030 фаз после камня

Махми и Пахпи говорят, что я слишком молода, чтобы заводить дракона, и неважно, что мунплюмы в дворцовом вольере позволяют мне спать с ними. Они говорят, что дикие мунплюмы упадут с неба, как только я ступлю в их гнездовье, схватят меня, будут трясти, пока я не обмякну, а потом скормят своим птенцам.

По-моему, это просто дерьмо спангла. И мне кажется несправедливым, что я должна ждать восемнадцати, чтобы самой узнать, насколько велик этот кусок дерьма на самом деле.

Пахпи сказал, что я смогу высказать свои аргументы, когда услышу песни стихий и научусь правильно говорить с ними, но я думаю, что это тоже дерьмо. Хейден долго ждал, но ему так и не спели. И я слушаю очень внимательно, каждый цикл, когда пою снегу, воздуху, земле и пламени. Никто не поет в ответ, кроме Махми и Пахпи во время сна.

Не то чтобы я возражала. Я все равно не хочу носить этот дурацкий камень. Махми всегда выглядит такой усталой, как будто ее голова очень тяжелая. Корона Пахпи тоже выглядит тяжелой, но не настолько. Камни на его короне такие красивые и блестящие, что придают ему гордый и важный вид. Камень на короне Махми такой черный, что кажется, будто можно провалиться сквозь него.

Иногда я вижу, как Махми изо всех сил пытается снять свою диадему, при этом она кричит, плачет и сворачивается калачиком. От этого у меня болит сердце.

Я не думаю, что этот камень приносит пользу Махми.

Прошлой ночью я нашла ее на улице, она плакала в темноте, а падающий снег прилипал к ее волосам. Ее печальные звуки заставили меня тоже заплакать.

Я спела песню, которая, как я надеялась, поможет ей почувствовать себя лучше, но она только расплакалась еще сильнее.

Она вытерла мне щеки и сказала, что с ней все будет хорошо. Что она потеряла что-то важное, но от моих объятий ей стало намного легче.

Тогда нас нашел Пахни. Он взял ее на руки и отнес в дом, а меня уложил на мой тюфяк, поцеловал в нос и сказал, что все обретет смысл, когда я подрасту...

Не думаю, что я хочу понимать.

Набухшие облака уползают на север как раз к тому времени, когда над восточным горизонтом расцветает Аврора — десять светящихся серебристых лент, извивающихся в собственном гипнотическом ритме. Мир пробуждается под отдаленный визг молтенмау, их резкие крики грозят расколоть небо.

Я со стоном поднимаюсь с небесного моста, ноги немного затекли после усилий, приложенных мной к избавлению от тела Тарика, и лежания на снегу. Зевая, я направляюсь на северную сторону, спускаюсь по тридцати трем уровням крутых лестниц, пока не ступаю на землю и не оказываюсь в уже бурлящей толпе.

Ров наполнен суетящимися фейри, завершающими свои утренние дела, — кто-то расчищает снег перед дверями, кто-то рубит дрова и разносит бутылки с молоком, оставленные под карнизами теми, кто может себе это позволить. Купцы проезжают мимо на запряженных колками телегах, нагруженных настойками, покрытыми рунами предметами и ящиками с экзотическими продуктами, торгуя всем этим во время дея.

Множество пергаментных жаворонков порхают между фейри и садятся на протянутые руки, хотя некоторые из них движутся вообще без направления. Призрачные жаворонки, возможно, предназначенные для кого-то потерянного, теперь проводят свое существование, кружась в воздухе с пушистыми огнёвками, за которыми я сейчас не в силах гоняться.

— *Пожалуйста*, пусть там будут баночки с пылью, — бормочу я, пробираясь сквозь толпу.

Я останавливаюсь у лавки, которая еще не открылась, и делаю вид, что рассматриваю витрину, а на самом деле проверяю, нет ли за мной слежки. Одновременно убеждаюсь, что вуаль все еще тщательно скрывает нижнюю часть моего лица, и на платье, подчеркивающем талию, нет кровавых пятен.

Из-за облегающего лифа моя и без того полная грудь почти вываливается из декольте, и хотя это сыграло свою роль прошлым вечером, я выгляжу слишком нарядно одетой среди только что проснувшихся фейри, занимающихся утренними делами за моей спиной. Не самый лучший вариант.

Я беру край вуали и располагаю ее так, чтобы она прикрыла мою пышную, бледную плоть.

Так гораздо лучше.

Я продолжаю свой путь, пока не добираюсь до магазина на северной стороне, спрятанного под защитным козырьком. Нежно-розовый солнечный свет проникает сюда вместе с порывами свежего ветерка, шелестящего листьями растений, которые свисают с карниза магазина. Его название выбито на каменной табличке, установленной на фоне витражного стекла, напоминающего оперение молтенмау.

Я распахиваю дверь и вхожу в длинное, просторное помещение, уставленное рядами полок высотой до потолка, набитых до отказа всем, что только может понадобиться руни: стопками пергаментных листов с заранее нарисованными линиями активации, маленькими баночками с настойками со свисающими этикетками, книгами в кожаных переплетах, окрашенными в разные цвета в соответствии с их расписными краями. Здесь же в изобилии лежат перья, баночки с различными палочками для травления, обломки руд и драгоценных камней.

В дверном проеме я ненадолго останавливаюсь, наблюдая, как между полок порхает яркая стайка пергаментных жаворонков с прикрепленными к их хвостам перьями, издали напоминающих миниатюрных молтенмау.

Каждый раз, когда я прихожу, их число увеличивается вдвое. Я в этом уверена.

— Закрой дверь, пока мои питомцы не сбежали, — кричит Руз из глубины лавки, — или можешь здесь не появляться до конца своих дней.

Я захлопываю дверь и пробираюсь между стеллажами.

— Ты же знаешь, что я поймала бы их для тебя, Руз.

— Не надо меня умасливать, Рейв. Я чертовски занята и на волосок от того, чтобы сойти с ума.

Я огибаю последние стеллажи и подхожу к каменному прилавку, который занимает центральное место в задней части магазина. Руз сидит за ним, склонившись над чашей, до краев наполненной жуками, покрытыми коричневыми панцирями, которые могут обволакивать извивающиеся тела насекомых и превращать их в крошечные каменные шарики.

Одного за другим Руз опускает их в банку с узким горлышком, наполненную веточками зелени и полудюймовым слоем грязи цвета ржавчины, укладывая их плотнее с каждым решительным *встряхиванием*.

Я наблюдаю за ее работой, ее дикими кудрями яркого рыжего цвета.

— Выглядит утомительно.

— Я хочу проткнуть себя этим пером, — бормочет она, затем закупоривает банку, которую только что наполнила, и накрывает чашу крышкой. Она хлопает в ладоши, широко улыбается и смотрит на меня прекрасными, как солнечные лучи, глазами.

— Чем могу быть полезна?

Я передаю ей список Эсси.

Пушистая белая кисточка длинного хвоста поднимается из-за прилавка и машет туда-сюда, заставляя меня улыбнуться.

— Привет, Уно.

Кисточка начинает двигаться быстрее, прежде чем ласково коснуться подбородка Руз, и по ее лицу разливается нежная улыбка, затем она тянется под прилавок, несомненно, чтобы потрепать Уно за ушами.

Интересно, насколько она выросла? Мискунны такие редкие и востребованные, что я редко вижу больше, чем выразительный хвост существа, которое обожает Руз как мать. А жаль.

Они такие милые.

Руз хмыкает, взгляд продолжает скользить по списку.

— Не могу помочь с тем, что под пятном крови, — бормочет она, пытаюсь отскрести его. — Грязная работа?

— К сожалению. — Я пожимаю плечами. — Он брызгался.

— Ах.

— А остальное у тебя есть?

— Тебе повезло, — говорит она, подмигивая. — Остальное в наличии.

Я вздыхаю с облегчением, радуясь, что мне не придется повторять бесчинство с банкой.

Руз берет матерчатую сумку, обходит прилавок, напевая что-то себе под нос, и начинает ходить от одного стеллажа к другому. Вернувшись, она ставит передо мной наполненную сумку и снова садится, выкладывая на стол большую бухгалтерскую книгу в кожаном переплете. Она поднимает обложку и листает, пока не останавливается на странице с надписью:

РЕЙВ

Кровавый драконий камень: 721 ВДКК

Мои глаза расширяются.

Я и не подозревала, что у меня так много денег, а растущие цифры — это бегущая строка к тому, сколько тел я столкнула со стены, чтобы их растерзали обитающие под ней хищники.

— Вижу, твои цифры выросли с тех пор, как...

Чернильные каракули, сообщающие о моем богатстве, растекаются по странице, как жидкие чернила со скользкой поверхности, а на их месте появляются новые цифры.

Поменьше.

Я хмурюсь.

Видимо, Серим решила взять с меня деньги за миссию, о поддержке которой я умоляла только потому, что никак не могла спасти всех этих малышей в одиночку.

Прекрасно.

Лишнее напоминание о том, что рука, которая дает, может с такой же жадностью *забирать*.

Руз прочищает горло, опускает розовые очки на нос и смотрит на меня из-под веера оранжевых ресниц.

— Тяжелый сон?

— Видимо, не из тех, что им по душе.

Она печально улыбается мне, а затем снова возвращается к своему образу *невозмутимой хозяйки лавки*.

— Кроме покупок по списку, не желаешь потратить еще немного из твоих *шестисот десяти* ведер драконьего кровавого камня?

Я фыркаю.

— Вообще-то... — Я смотрю на свое платье, проводя руками по вставкам красного цвета. — Мне пришлось выбросить один слой троггу. Могу ли я заменить его?

— Это не проблема. — Она окидывает взглядом мой наряд, затем возвращается к книге, берет изогнутое синее перо, макает его в чернильницу и что-то пишет на моей странице. — Что-нибудь еще?

Я мысленно возвращаюсь к моментам, последовавшим за избавлением от Тарика. К тому, как я была очарована мужчиной с сильным акцентом, которого мне, вероятно, следовало убить. Но я этого не сделала. Потому что от него приятно пахло.

— У тебя есть клинки с зубьями?

Она молчит, выгнув бровь.

— Планируешь кого-нибудь распилить?

Надеюсь, что нет.

Я пожимаю плечами.

Хмыкнув, она поворачивается на стуле и встает, ухватившись за каменную стену позади себя. То, что *на самом деле* оказывается занавесом, защищенным рунами, мерцает, когда она раздвигает его, открывая мрачное пространство, уходящее так глубоко, что трудно разглядеть конец. Стены тайного склада напичканы кровавым камнем, оружием, доспехами и различной амуницией.

Она отпирает одно из многочисленных решетчатых хранилищ, достает небольшой клинок и несет его ко мне, задерживая занавес, прежде чем передать оружие.

Я взвешиваю его в руке и перебрасываю в другую.

— Хорошая форма, но более легкая рукоять было бы лучше.

Она кивает, записав что-то еще на моей странице.

— Место для крепления?

— Бедро.

— Ножны?

— Натуральная кожа. Предпочтительно выкрашенная в светло-коричневый цвет, пряжки из чего угодно, кроме соединений железа.

Мы произносим последние два слова одновременно, и едва заметная улыбка появляется на ее губах, когда она качает головой, все еще что-то записывая.

— Я выкую его по твоим размерам и пришлю жаворонка, когда все будет готово. Возможно, к следующему восходу Авроры, если это срочно и ты готова заплатить больше?

— Звучит неплохо.

Я бы хотела получить его поскорее. На случай, если *мужчина в плаще* решит опровергнуть сложившееся у меня о нем мнение.

— Хочешь немного обналичить?

— Нет, но я вернусь, как только отдохну, чтобы снять деньги и раздать еще немного кровавых камней. В Подземном городе народ умирает от голода, и никто ничего не предпринимает.

— Как пожелаешь.

Руз что-то записывает в книгу, пока я вспоминаю свой первый *заработок*. Кровавая плата за кровавое дело. Именно так я это воспринимала.

С тех пор ничего не изменилось.

Я оставляю себе только то, что необходимо для выживания, выполнения работы и поддержки Эсси. Мои периодические пожертвования бедным, больным и голодающим — это мое тихое «да пошли вы» тем, кто думает, что может купить меня, выплачивая жалование и одобряя мои особые миссии.

Так я чувствую себя победителем, хотя на самом деле это не так.

— Я позабочусь о том, чтобы у меня было достаточно средств для вывода денег, — говорит Руз, двигая изогнутым пером пока что-то записывает. — Если

бы король прилагал столько же усилий к тому, чтобы накормить бедняков, сколько делаешь ты, Сумрак стал бы гораздо лучшим местом для жизни.

Как будто это когда-нибудь случится.

Сомневаюсь, что он когда-нибудь голодал. Наверняка нет. Если бы он знал, что такое пустой живот, возможно, он не был бы таким бездарным — хотя, возможно, и нет. Можно менять форму дерьма бесконечное количество раз, но оно все равно останется дерьмом.

Оно все еще будет вонять.

Руз закрывает бухгалтерскую книгу.

— Я свяжусь с тобой по поводу платья. Учитывая твои... *особые* требования, торговцу, который привозил ткань из Пекла, может потребоваться некоторое время, чтобы достать еще такого же цвета.

— Не торопись, — говорю я, забирая сумку с вещами Эсси. — Любой другой материал будет выглядеть как подделка. Я бы предпочла, чтобы все было сделано как надо.

Она наклоняет голову в знак согласия, и я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Не так быстро, Рейв.

Остановившись, я оглядываюсь через плечо и нахмуриваюсь, когда Руз машет передо мной только что развернутым пергаментным листком.

— Прощу прощения. Я знаю, что ты устала, но Серим хочет тебя видеть.

Все то напряжение, от которого я так старательно пыталась избавиться, лежа на мосту, возвращается, и мне кажется, что мои сердечные струны натянуты до предела.

— Скажи ей, что я вернусь, как только выплыву.

Если она не удосужилась спуститься по лестнице и сама сообщить мне о встрече, значит, она не в том настроении, с которым я хочу иметь дело. Уж точно не голодная, вымотанная и с иссякающим запасом терпения.

Я уже в трех шагах от двери, когда голос Руз настигает меня, словно щелчок хлыста, обвинившегося вокруг лодыжек.

— Это был приказ, Рейв. Не просьба.

Мои оковы *натянулись*.

Я вздыхаю, поднимаю глаза к потолку и считаю до десяти, прежде чем кивнуть, затем направляюсь к неприметной двери в углу лавки и распахиваю ее.

— Как ты можешь существовать рядом с этой змеей-манипуляторшей — уму непостижимо, — бормочу я достаточно громко, чтобы Руз услышала.

Может, и Серим тоже.

Смех Руз преследует меня на протяжении всего пути вверх по лестнице и в змеиное логово.

— **Я** слышала, — рычит Серим, ее голос острый, как заточенное лезвие.

Я снимаю вуаль, прохожу в ее вытянутый кабинет и окидываю взглядом аккуратное пространство, которое может похвастаться экстравагантным количеством пурпурного цвета.

Ковры, мягкие кресла, стены, книжные полки...

От него никуда не деться. Думаю, мне бы даже *нравился* этот цвет, если бы со мной не обращались как с когтеточкой каждый раз, когда я переступаю порог этой комнаты.

— Что? — спрашиваю я, обнаружив Серим у большого окна из пурпурного стекла, выходящего на Ров внизу. — Я искренне так считаю. Руз заслуживает прибавки за то, что терпит твоё дерьмо.

Серим поворачивается, пронзая меня своим холодным серебряным взглядом, ее лицо с резкими чертами, как всегда, идеально накрашено. Ни один волосок не выбивается из прически, ни одного изъяна, белая бусина руни свисает с мочки уха. На ней плотный пурпурный плащ, скрывающий фигуру и подбитый белоснежным мехом, соответствующим цвету ее уложенных волос.

Мои глаза находят цепочку на ее шее, на которой висит серебряный флакон, испещренный светящимися рунами. Каждая клеточка моего тела кричит, чтобы я бросилась вперед и сорвала его.

Вылила содержимое в канализацию.

Вместо этого я подхожу к огромному письменному столу, который занимает центральное место в комнате, все на нем расставлено идеально ровно. Опустив сумку на пол, я сажусь в квадратное кресло, предназначенное для посетителей, и перекидываю ноги через подлокотник.

— В других местах я прикусываю язык, но здесь отказываюсь. Не стесняйся отпустить меня, если тебя это беспокоит, — говорю я, хлопая ресницами. — Обещаю, я не буду жаловаться. Совсем наоборот. Я даже могу совершить какое-нибудь выгодное тебе убийство в перерыве между охотой на тех, кого я выбираю сама.

Убийц.

Насильников.

Бездарных королей.

Мышцы на челюсти Серим напрягаются, а глаза твердеют, как расплавленная руда на снегу.

— Тебе пришлось бы нелегко без неограниченной поддержки группы, если бы ты была вынуждена жить как большинство, Рейв. Не забывай, как щедро мы набиваем твои карманы. Больше никакого драконьего кровавого камня, чтобы разбросать по всему Подземному городу и обеспечить то ложное чувство важности, без которого ты, кажется, не можешь жить.

Кажется, ни одна из нас не настроена вести себя миролюбиво.

Я достаю клинок из корсажа и поднимаю ботинки на ее идеальный стол, задевая несколько лежащих там перьев.

— Не делай вид, будто тебе есть дело до моего благополучия. Это не так, — говорю я, вертя оружие между пальцами. — Ты просто сука, которая надела на меня кандалы и назвала это милосердием.

Вена на виске Серим пульсирует так сильно, что я втайне надеюсь, что она лопнет.

— Удивительно, что ты говоришь со мной с таким неуважением, учитывая эти кандалы.

— Да, да, — бормочу я, выковыривая лезвием из-под ногтей засохшую кровь Тарика. — Чем я обязана чести быть приглашенной в твоё логово, Серим?

Она пристально наблюдает за тем, как я стряхиваю ошметки запекшейся крови на ее плюшевый пурпурный ковер. Всегда интересно посмотреть, как далеко я могу зайти, прежде чем она вышвырнет меня из своего пространства, как букашку, которую она не может уничтожить, и надеяться, что в конце концов она решит, что мое присутствие доставляет ей больше хлопот, чем пользы.

Она подходит ко мне, опускается на мягкий пурпурный трон со своей стороны того, что я считаю нашей импровизированной баррикадой, и складывает руки на столе.

— Я хотела убедиться, что ты получила моего пергаментного жаворонка.

— Миссия завершена? — спрашиваю я, выгнув бровь.

— Подтверждения пока нет. Я имею в виду то сообщение, которое я отправила в прошлом цикле, перед самым закатом Авроры.

Новый заказ.

Прекрасно.

Мой интерес пропадает, и я снова концентрируюсь на своих ногтях, выковыривая из-под них еще больше грязи.

— Должно быть, он потерялся. Возможно, он найдется, когда я выплыву, как они часто делают. Такие деликатные. Тебе стоит взять на заметку.

Я чувствую ее нарастающее раздражение, словно надвигающуюся грозовую тучу, которая наполняет воздух статическим разрядом.

И все же я ковыряю.

Ковыряю.

Ковыряю.

— Забавно, что ты единственная, кто испытывает трудности с получением моих жаворонков.

— Это один из величайших мировых феноменов.

— Сомневаюсь. — Короткая пауза, затем: — Мунплум Рекка в городском вольере.

Сердце замирает, глаза взмывают вверх и упираются в каменный взгляд Серим.

— На кого он охотится?

— На нас.

Мое ответственное проклятие столь же острое, что и клинок в моей руке.

— Его наняла Корона, и он здесь, чтобы положить конец нашему восстанию. Чтобы мы перестали лишать королевство новобранцев.

Что ж, он должен умереть.

Я сбрасываю ботинки со стола и прячу клинок в ножны.

— Я позабочусь о нем, — говорю я с нетерпением в голосе. Каждый раз, когда я встречаю охотника за головами, металлические шпоры на его ботинках перепачканы кровью. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять, кому принадлежит эта кровь. Если слухи правдивы, то это несчастный мунплум, которого он очаровал, убив его бывшую наездницу.

Я получу огромное удовольствие от его убийства.

Я поднимаюсь со своего места.

— Нет, — резко произносит Серим, и я хмурюсь.

— Что значит «нет»?

— Садись, Рейв.

Я вздыхаю, а затем делаю то, что она велит, ненавидя искру удовлетворения в ее глазах.

— Почему ты не хочешь, чтобы я его убила? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы. — Это то, чем я занимаюсь. Я убираю мусор, о который больше никто не хочет пачкать руки, очищаю путь от любой грязи, которая может помешать группе выполнять свою миссию. Рекк стоит на *пути*, Серим. Он подвергает опасности других членов, *большинство* из которых я уважаю.

Она смотрит на меня равнодушным взглядом, который меня ничуть не задает, хотя, возможно, задел бы, если бы она хоть раз попыталась заслужить мое уважение.

— Позволь. Мне. Сделать. Это.

— Нет.

Опять это гребаное слово.

— Почему?

— Потому что он — хорошо замаскированная приманка.

— Тогда я идеально подхожу для этой работы.

— Нет, — отрезает она в третий раз. — Твои инструкции — затаиться, пока он не уедет. Это значит — никаких убийств, когда ты случайно обнаружишь, что кто-то делает то, что не должен делать, или услышишь чей-то крик о помощи. Никакого возмездия. Ничего, пока я не разрешу. Ты будешь покидать свой дом только для того, чтобы купить продукты или прийти ко мне, если я позову тебя.

Я хмурюсь, тяжелые мысли мечутся в моей голове, превращаясь в снежный шторм, бушующий у меня в груди. Не было ни одного случая, чтобы Рекк Жарос не достиг поставленной цели, так что он не покинет этот город без крови на своих шпорах.

— Если мы не устраним его, он уничтожит одного из нас, и это не будет мило.

— Я в курсе, — говорит она сквозь плотно сжатые губы, и суровая решимость в ее тоне действует на меня, словно укусы змей.

Это значит...

Она собирается отправить за ним кого-то другого, кого считает *менее полезным*. Принести жертву кровожадной Короне.

Что-то внутри меня ломается, сгибаясь под огромной тяжестью, давящей на ребра, и моя верхняя губа поднимается в оскале.

— Ты накормишь одного монстра, и еще больше появится из тени. Как только они почувствуют в воздухе запах крови, они *будут... постоянно... появляться*.

Серим вздыхает и тянется к столу, чтобы поправить коллекцию перьев.

— Ты снова собираешься указывать мне, как делать мою работу, Рейв?

Мне это тоже начинает надоедать.

— Каждый раз, когда мы перехватываем транспортную повозку, полную новобранцев-стихиалей, это как пластырь на гораздо более серьезной проблеме. Пока король продолжает править, это не прекратится. Будет больше охотников за головами. Больше смертей и страданий.

Ее взгляд по-прежнему прикован к перьям, словно это намного важнее, чем все, за что должны *бороться* «Восставшие из пепла».

Я с рычанием сметаю их со стола, усыпая пол перьями.

— А как же больные? Голодающие? Пустые?

Медленно она отводит руку назад и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Мы потратили весь сон на спасение пятидесяти семи пустых. По *твоей* просьбе...

— Операция, которую я профинансировала сама, — огрызаюсь я, приподняв бровь. — Или, может быть, ты думала, что я не замечу, поскольку нечасто проверяю свои счета?

— Конечно, я компенсировала свои расходы, — усмехается она. — Проведение столь масштабной операции обходится так дорого, что тебе никогда не понять. Мы рисковали всем нашим делом, чтобы ты была счастлива. Помешали политическому прогрессу. Кто-то должен был заплатить.

Чтобы я была счастлива.

Точно.

— Знаешь, о чем это говорит? — отвечаю я, невесело усмехаясь. — О том, что группе плевать на пустых так же, как и на стихиалей. Я спускаюсь в Подземный город не только для того, чтобы раздать нуждающимся *кровавый камень*, Серим. Я спускаюсь туда, чтобы узнать, не нужна ли кому-нибудь помощь, потому что всем остальным, похоже, наплевать.

Она сжимает флакон, висящий у нее на груди.

Черт.

Я напрягаюсь, когда она проводит кончиком острого ногтя по одной из рун.

Все мое тело содрогается, и я чувствую, как ее движение царапает одно из моих ребер, как лезвие ножа для разделки филе.

— Почему ты не можешь просто быть *счастлива*? — шипит она, пока я дышу резкими, короткими вздохами, прищурив глаза на ядовитую суку. — Ты пользуешься благосклонностью Феникса. Он делает для тебя больше, чем для *кого-либо* еще. Разве этого недостаточно?

Я обхватываю себя дрожащей рукой, пытаюсь проигнорировать нотки ревности в ее тоне. Я не только никогда не встречалась с Фениксом, но и то, что я его любимица, стремительно отходит на второй план в моем списке приоритетов.

Она приподнимает ноготь, брови взлетают к линии роста волос, ее палец готов снова напомнить мне, кто тут управляет ситуацией.

Творцы, я ненавижу эту женщину.

— Трудно чувствовать себя счастливой, когда король ломает юных стихиалей до тех пор, пока они не превращаются в безмозглых монстров-убийц. Когда тысячи *менее ценных* фейри гниют в Подземном городе, не имея возможности прокормиться в шахтах, — рабы, обеспечивающие гладкую работу шестеренок королевства. — Вытирая бисеринки пота со лба, я лезу в карман, достаю содрванное со стены объявление и бросаю на стол, хотя Серим лишь мельком смотрит на него. — Если мы не узурпируем власть, я убеждена, что все станет намного, намного хуже.

— Не сейчас, — говорит она твердым, уверенным тоном. — Пока Феникс не сочтет нужным.

Та же история, другой дей.

— К черту Феникса.

Еще одно садистское движение ее ногтя, на этот раз по моему позвоночнику. Еще одна серия свистящих вдохов, и я борюсь с желанием перевернуть стол и вышибить ее глазные яблоки из глазниц — к черту последствия.

Но я сохраняю самообладание, боль все еще пульсирует в моем позвоночнике, как прыгающие по воде камни, и я говорю сквозь стиснутые зубы:

— Перерезав горло королю Кадоку Вейгору, я не только перестану беспокоить тебя, но и послужу нашему делу.

Она отпускает флакон.

Я проглатываю вздох облегчения, отказываясь доставить ей удовольствие, и вместо этого тыкаю дрожащим пальцем в объявление, которое может нанести непоправимый ущерб.

— Никто ничего не заподозрит, учитывая ажиотаж вокруг нашей группы.

— Убийство без тщательного, хорошо продуманного плана оставит королеву во власти.

— Отлично. — Я вскидываю руки вверх, недоумевая, почему это плохо, ведь это *именно то*, что нужно нашему королевству. — Это земля ее предков. Она и *должна* быть главной.

— Совет Трех никогда этого не допустит. Королева Дотия может говорить только с Клод.

У меня на языке появляется кислый привкус.

— А разве у них нет сына, говорящего с тремя стихиями?

— Принца Туруна не видели уже много фаз. Некоторые говорят, что он сошел с ума, и, чтобы не предавать это огласке, король с радостью спрятал его подальше.

— Готова поспорить, он все равно справится лучше, чем король Кадок Вейгор. Может, он вернет свой разум, когда прах его отца удобрит землю?

Серим смотрит на меня так, словно готова схватить метлу и вымести меня за дверь.

— Опять, Рейв, ты полагаешь, что у тебя есть право голоса в этом вопросе. Это не так. У тебя есть только одна задача — выполнять мои приказы. Когда я приказываю резать, ты спрашиваешь, как глубоко. Когда я говорю оставить Рекка Жароса в покое, ты оставляешь Рекка Жароса в покое, мать твою.

Странно слышать, как она ругается. Возможно, я бы сжала кулак и назвала это победой, если бы злость не нарастала в моем нутре, как снежный ком, который увеличивается с каждым оборотом.

— Как ты живешь с этим? Серьезно?

Она снова сжимает флакон, и все мое тело вздрагивает.

В ее глазах вспыхивает удовлетворение, а на губах появляется ухмылка, от которой у меня закипает кровь.

— Мне нелегко принимать такие решения, но в первую очередь я должна думать о цели. Твоя сильная связь с Клод, твое мастерство владения клинком и та дикая сторона, которую я разглядела в тебе в нашу первую встречу, когда ты сорвалась с катушек в Подземном городе, делают тебя незаменимой помощницей, без которой нам не обойтись.

В моей груди нарастает ледяной гул.

Я проклинаю дей, когда она нашла меня, увидев ту сторону, которую я сама едва понимаю. Не то чтобы я помнила эту часть нашей встречи, скрытую за ледяной завесой, под которой я была бы слишком счастлива свернуться в клубок и умереть.

Зато я помню крики, которые каким-то образом прорывались сквозь охватившее меня безумие. Я также помню свою уверенность, что все, что я делала, было неправильно, но та часть меня, которая контролировала ситуацию, жила по другим правилам.

В ее глазах это было *обычным делом*.

Позже Серим сказала мне, что я смотрела на нее черными блестящими глазами, лицо было забрызгано кровью, клыки оскалены, и она знала, что я совершенно сломлена и отчаянно нуждаюсь в том, чтобы дать выход своей ярости.

Теперь я вижу это иначе.

Думаю, она увидела меня, окруженную телами только что убитых врагов, которые пришли за мной, и решила, что из сломанных вещей получается самое *острое* оружие... если только приковать его к себе, чтобы оно не умчалось прочь.

— Ты прекрасно обходилась сама, пока не достала меня из сточной канавы.

— Я предоставила тебе выбор, — выпаливает она, быстро моргая.

Горький смех вырывается у меня из груди и выплескивается наружу невеселой мелодией.

— И какой же это был выбор? — Размышляю я. — Умереть или дать каплю моей крови для твоего покрытого рунами флакона и навсегда стать рабыней, которую можно будет одернуть при любом удобном случае? Только это было сказано не так, верно? Ты предложила мне отомстить. Нарисовала такую красивую картинку, что у меня слюнки потекли от желания отдать тебе свою кровь, попасться в твою паутину, как глупой мухе, и немедленно приступить к работе.

Так много пустых обещаний.

— Как ни странно, если бы ты просто попросила меня присоединиться к делу, я бы, скорее всего, согласилась, учитывая, сколько несправедливости я вскоре обнаружила в этом королевстве. Но ты решила надеть на меня ошейник.

Она вздыхает, долго и протяжно, с беззаботной уверенностью того, кто живет в пузыре безопасности, в который я не могу проникнуть.

— Ты всегда такая драматичная, Рейв. Честно говоря, я никогда не встречала кого-либо, в чьей крови столько борьбы. — Ее изящная рука сжимает флакон у нее на груди. — Возможно, ты не была бы такой озлобленной, если бы постоянно не испытывала меня, заставляя пользоваться преимуществами кровной связи.

Да, конечно. Это моя вина.

— Неужели ты не видишь, что создана для этого?

— Конечно, — невозмутимо отвечаю я. — Ничто так не помогает чувствовать себя как дома, как постоянная угроза пытки.

— Ничего личного. Все дают свою кровь...

— Кроме *тебя*.

— ...чтобы пользоваться многочисленными преимуществами. Помнишь, как быстро я исцелила тебя? — продолжает она. — Без флакона ты бы умерла. Кроме того, ты единственная, кого я вынуждена наказывать.

— И что же *ты* делаешь для общего дела? — спрашиваю я, приподнимая бровь. — Кроме того, что сосешь метафорический член Феникса?

Ее щеки вспыхивают, накрашенные губы приоткрываются. Но она не произносит ни слова.

Мои брови взлетают вверх.

Похоже, не такой уж и метафорический.

— Ты выбрала жизнь, — рычит она. — Конечно, не на твоих условиях, но, по крайней мере, ты дышишь. Мне кажется, тебе следует вести себя скромнее с тем, кто спас тебя.

Я цокаю языком, пытаюсь представить себе мир, в котором кто-то снизошел бы до помощи другому, не ожидая ничего взамен.

Не получается.

Тысячи раз меня собирали по кусочкам. Лишь однажды это было сделано для моей же пользы — но Фэллон мертва, ее свет погас, все добро исчезло из мира.

Серим может думать, что спасла мне жизнь, но все, что она сделала, — это снова посадила меня в клетку, превратив смерть Фэллон в еще более глубокую трагедию.

Я бы предпочла вернуться в нашу камеру и смотреть на луны, которые Фэллон рисовала на нашем потолке тупыми кусочками угля. Я бы предпочла слушать ее яркие описания разноцветных облаков, затянувших Сумрак, — ее слова были настолько выразительными, что у меня перехватывало дыхание, словно я могла попробовать цвета на вкус, ощутить их текстуру на своем языке.

Она придала свободе такое изысканное звучание, используя свой богатый, красивый словарный запас. Это звучало так *волшебно*.

Мне не терпелось попробовать облака вместе с ней. Лечь на спину, бок о бок, и смотреть на *настоящие* луны.

Вместе.

Но она мертва, а я здесь, прикованная к этой змее с пурпурной чешуей. Я не делаю ничего из того, что обещала Фэллон до того, как потеряла ее. До того, как проснулась и обнаружила ее уже холодной.

Неподвижной.

Колющее воспоминание ледяным шипом вонзается в мое ожесточенное сердце, до самой мягкой сердцевины, наполняя его знакомой невыносимой болью...

Нет.

Я погружаюсь в себя, приземляюсь на обсидиановый берег своего огромного замерзшего озера, пораженная жуткой тишиной, от которой у меня всегда мурашки бегут по коже. Я беру камень размером с кулак, чтобы привязать к нему горькое воспоминание, а затем выхожу на гладкую замерзшую поверхность, которая приятно охлаждает мои босые ступни.

Опустившись на колени, я прорубаю дыру в толстом льду, и в тот момент, когда он трескается, оттуда сочится холодная вода. Я опускаю туда тяжелый камень с воспоминанием и спешу прочь, чувствуя, как волосы у меня на затылке встают дыбом, когда я, моргая, возвращаюсь к реальности.

Мой следующий вдох — это ледяное дуновение, а слова Серим все еще звучат в моем сознании:

Ты выбрала жизнь.

Конечно, не на твоих условиях...

По крайней мере, ты все еще дышишь.

Я смотрю на женщину, наблюдающую за мной вздернув подбородок, словно она хочет, чтобы я упала на колени и поцеловала ее пурпурные туфли.

— Моя жизнь никогда не была на моих условиях. — Я встаю, закрываю лицо вуалью, затем собираю с пола ее перья и раскладываю их на столе в соответствии с их размером. Именно так, как ей нравится. — И я отказываюсь воспринимать *это* как жизнь.

Я беру свою сумку и поворачиваюсь, направляясь к двери.

— Я не говорила, что ты можешь *уйти*, Рейв.

— Проведи ногтем по моей руне еще раз. — Я пожимаю плечами. —
Посмотрим, будет ли мне до этого дело.
Я хлопаю дверью, уходя.

В начале следующего цикла Хейден отправляется в путь, чтобы попытаться украсть яйцо мунплюма. Ему придется добираться туда на санях и провести много времени в снежных хижинах по пути, хотя за стенами Аритии опасно.

По-моему, это немного глупо, ведь мунплюм Пахпи мог бы перенести его туда очень быстро. Но Хейден продолжает утверждать, что так делали всегда. Что он хочет испытать себя.

Не думаю, что Махми и Пахпи хотят, чтобы он что-то доказывал, потому что я подслушала, как они умоляли его не уходить. Не то чтобы это сработало.

Этой осенью Хейден много улыбался и шутил, пока я помогала ему собирать одежду и укладывать ее в сумку, но я вижу, что он боится. Я уверена, потому что он дал мне три жевательные конфеты из банки, которую держит рядом со своим тюфяком.

Обычно он никогда не дает мне больше одной за раз, потому что говорит, что от них у меня заболит живот, а это ложь. Я съела все три, и мой живот чувствует себя прекрасно.

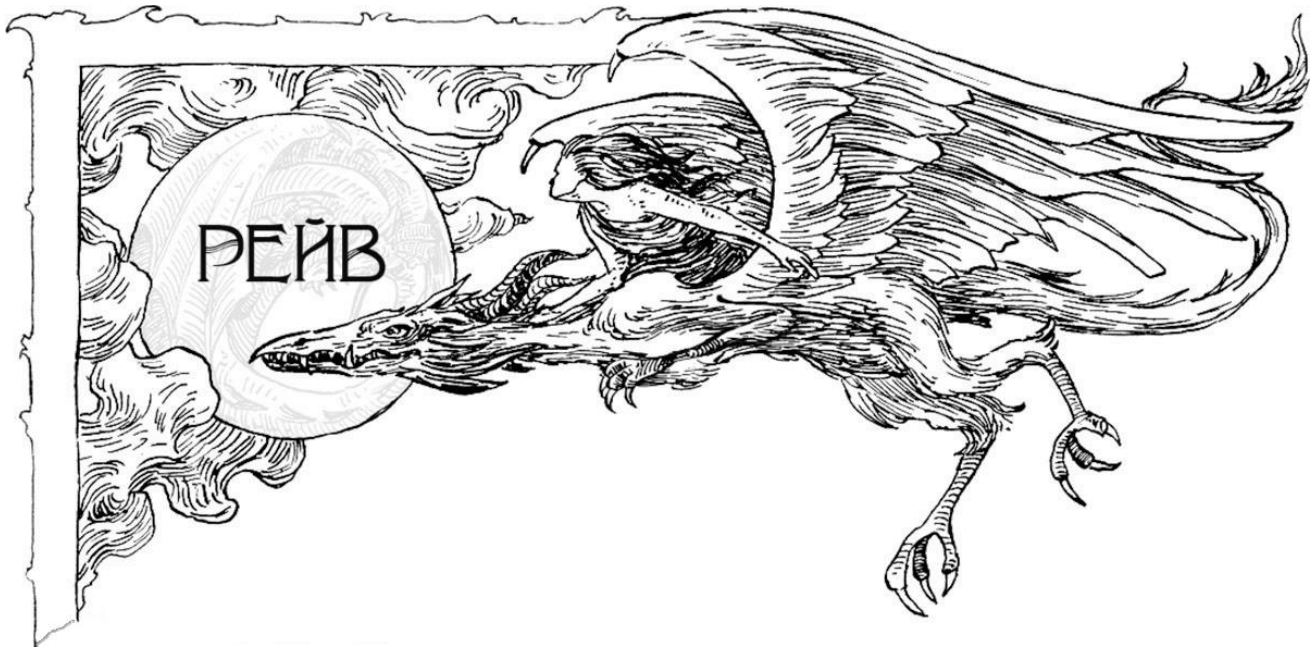
Пахпи сказал, что достать яйцо мунплюма очень сложно. Нужно отправиться в Незерин — место, где слишком холодно, чтобы что-то могло расти или дышать, — и забраться на очень высокий ледяной столб, оставаясь незамеченным. Что нужно украсть яйцо из гнезда самки мунплюма, а потом быстро и бесшумно спуститься вниз.

Мой брат крупный и очень шумный. Он не умеет беззвучно дышать или делать так, чтобы его ботинки не скрипели по снегу. Даже голос у него грубый и шершавый, как зерно.

Он не слышит песен стихий.

Может быть, от этих жевательных конфет все-таки болит живот, потому что мне уже не очень хорошо...

Не думаю, что мой брат вернется домой из Незерина.

Захлопнув дверь «Изогнутого пера», я устремляюсь на запад по шумному Рву, который теперь забит торговыми повозками, фейри стекаются сюда, чтобы получить самые дешевые бушели овощей, которые они могут выменять. По дороге домой я планировала зайти в свою любимую лавку, чтобы съесть пирожное с кремом из золы, но после того, как мне в глотку запихнули пурпурное дерьмо Серим, у меня пропало желание есть.

Хор панических вздохов заставляет меня остановиться, оглянуться по сторонам а затем поднять глаза вверх, куда устремлены все взгляды.

Мой пульс учащается при виде взрослого молтенмау, пролетающего достаточно низко, чтобы своими массивными когтями сорвать баллисту⁴ со стены. Порыв ветра обрушивается со всей мощью взмаха его великолепных крыльев, почти сбивая меня с ног.

Расправляя грудь, он вытягивает шею, разевает пасть и окрашивает небо шлейфом пламени, которое заливает Ров достаточным жаром, чтобы снег превратился в слякоть.

Народ с криками бросается в укрытие под небесными мостами, которые, по правде говоря, совершенно бесполезны. Если бы это чудовище решило повернуть голову и сжечь нас, сомневаюсь, что хоть что-то могло остановить его.

Драконье пламя не подчиняется законам природы. Язык Игноса не может помещать ему обжечь кожу. Расплавить плоть и кости.

Разрушить города.

Только Дага-Мурк может управлять драконьим пламенем — тот, кто настолько связан со своим драконом, что может использовать его силу и огонь. Хотя эта связь — скорее миф, чем реальность.

Зверь движется к Колизею, зажатому между стенами, как жуткая, покрытая кровью корона.

— Творцы, — бормочу я, наблюдая за тем, как молтенмау лениво кружит над массивным сооружением.

Звук колокола, возвещающего о времени кормежки, проникает до мозга костей, и в толпе воцаряется гнетущая тишина, а воздух наполняется неистовым хлопаньем крыльев. Со всех сторон слетаются молтенмау,

⁴ Древняя метательная машина для настильной стрельбы, разновидность метательного оружия

устремляясь за бесплатной едой и заполняя небо буйством хищных движений, — их острые пасти направлены в сторону Колизея, словно град стрел.

Они сталкиваются, огрызаясь друг на друга, полосую когтями, рассыпая яркие перья, пока сражаются за того, кто в данный момент привязан к столбу внутри сооружения.

Душераздирающий крик, за которым следует леденящий кровь вопль боли, эхом разносится по безмолвному Рву, как будто кто-то заставил Клод заглушить все звуки, просто чтобы поиздеваться над нами. Чтобы напомнить нам о страшных последствиях для тех, кто противостоит Короне.

Мои руки трясутся от нахлынувшей ярости, пальцы путаются в складках платья, сжимая в кулак плотный материал.

Я бы сейчас стояла там, на зрительских трибунах, и требовала крови, если бы тот, кого скормили зверям, был чудовищем вроде Тарика Релакена. Но это не так.

И никогда не бывает.

Они такие же, как я, пойманные на том, что маскировались под пустых. Это фейри, выступающие против короля, или родители одаренных детей, которые пытаются уберечь своих малышей от мучительного процесса отбора, через который им придется пройти. От бритья наголо. Прокалывания. Покидания своих домов в обмен на ведро кровавого камня, выписанное Короной в благодарность за их большой вклад в растущее ополчение Сумрака.

Жалкая повязка для раненого сердца.

Пронзительный крик обрывается треском раскалывающегося дерева, и мои внутренности сжимаются так быстро, что меня начинает тошнить.

Победивший молтенмау вылетает из Колизея, машет покрытыми перьями крыльями и взмывает в небо. Из его заостренной пасти течет кровь, когда прекрасное, чудовищное создание устремляется на запад, и море голов поворачивается, чтобы посмотреть, как он проплывает вдоль стены.

Весь воздух покидает мои легкие.

В этом направлении стена постепенно опускается, наполовину поглощенная гнездовьем молтенмау — Боггитом. Всякий раз, когда они летят на запад со свежим мясом, есть только одно место, где жертва может оказаться в конечном итоге.

Ее выплюнут в гнезде и скормят птенцам дракона.

Живая добыча.

Я дрожу всем телом, мой взгляд пробегает по молчаливой толпе. Большинство смотрит в небо широко раскрытыми глазами, их рты плотно сжаты, словно на них наложена печать молчания.

Очевидно, королевство Сумрака когда-то было благословенным Творцами местом для жизни, где детский смех эхом разносился по Рву. А акварельное небо вдохновляло развитие музыки и искусства.

А потом к власти пришел наш нынешний король, заботящийся лишь о своей военной мощи.

Я бы хотела увидеть Гор тогда, когда королевство переживало расцвет. Хотелось бы окунуться в реальность, которая была красочной и внутри, а не только снаружи.

Думаю, Фэллон имела в виду именно такую жизнь. Точно не это.

Этого не может быть.

Я проглатываю ярость, подступающую к горлу, уверенная, что во мне достаточно гнева, чтобы испепелить этот город одним вздохом. И все же я заставляю себя идти дальше, игнорируя дикое желание добраться до городского вольера, нанять перевозчика и помчаться на запад, в Дрелгад. Туда, где сейчас живет король Кадок, управляющий своей армией.

Только глупец может думать, что к королю можно подобраться достаточно близко, чтобы убить, без мощной поддержки за спиной: мужчину, обладающего силой трех стихий, постоянно охраняют стихииали с двумя бусинами и его злобный дракон. Мой гнев бесполезен — по крайней мере, до тех пор, пока Феникс не устанет обрывать листья с этого злокачественного дерева и не начнет рубить его корни.

Я зигзагами поднимаюсь по величественной стене Рва, преодолевая тридцать один этаж и осматриваюсь, затем пересекаю полуразрушенный небесный мост и выхожу на ту часть стены, откуда открывается вид на Тень. Я пробираюсь по грубому отесанному ветровому тоннелю, который напоминает мне сдавленное горло, земля испещрена полосами рун, которые вызывают всевозможные ужасные реакции у любого, кроме меня или Эсси.

Немедленное желание обделаться. Внезапную потерю зрения — как будто они упали головой вперед в чернильное небо Тени. И мое самое любимое — пугающую уверенность в том, что молтенмау только что засунул свой клюв в этот самый тоннель и пытается выковырять их, как жуков из норы.

Я останавливаюсь у того, что очень похоже на мусоропровод для бархатного трогга, и расшнуровываю лиф, оставаясь в светло-коричневом комбинезоне, который плотно прилегает к моей фигуре и в котором гораздо легче передвигаться. Завернув вуаль, ботинки, лиф и сумку с припасами в ткань юбки, я опускаю сверток в желоб, наблюдая, как он устремляется вниз, а затем исчезает из виду.

Большинство предпочитает устраивать свои дома по ту сторону стены, где солнечный свет проникает сквозь разноцветные окна и наполняет комнаты теплом. Там, где фейри могут выставлять на подоконники горшки с овощами, которые прекрасно растут под лучами солнечного света.

Но не я.

Мне нравится холод, и я не смогу сохранить жизнь ни одному растению даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Но все это не имеет никакого отношения к *причине*, по которой я выбрала тихую сторону с сумеречным видом.

Ветер треплет мои волосы, когда я останавливаюсь в конце тоннеля, балансируя на самом краю, и смотрю на заснеженные равнины, тянущиеся на юг. Облака почти полностью рассеялись, позволяя мне беспрепятственно любоваться изрезанным горизонтом, усеянным лунами на фоне россыпи далеких звезд.

Ближе — яркие шары погибших молтенмау, как будто кто-то взял разноцветные облака Сумрака, разорвал их на мелкие кусочки, затем собрал в компактные шары и подбросил в небо. Видны очертания их массивных, величественных крыльев, окружающих их, словно веера из перьев. Длинные шлейфы хвостов, которые иногда не успевают сложиться, прежде чем умирающий дракон застывает, похожи на мазки краски.

Гораздо дальше видны жемчужные, радужные и серые круги переливающихся осколков света мунплюмов. Сияющие ореолы на темном небе.

Есть что-то поэтическое в том, чтобы смотреть вверх и видеть то, что прошло. Это мягкое скорбное напоминание для тех, кто остался внизу. Если бы

я могла свернуться в клубок, как мунплюм, и укрыться среди звезд, когда пойму, что мое время пришло, я бы так и сделала. Не думаю, что многие стали бы меня искать, но я бы умерла, зная, что оставила после себя что-то *светлое* в этом прекрасном мире, раскрашенном в такое множество оттенков уродливого.

А еще мне нравится мысль о том, что я могу упасть с неба и раздавить кого-нибудь, если он меня разозлит. Я бы нацелилась на короля Сумрака и в мгновение ока уничтожила его за то, что он так плохо справляется с сохранением своего королевства.

Мелочно, но оправданно.

Я ищу маленькую серебристую луну молодого мунплюма, которая притягивает мой взгляд с тех пор, как я впервые взглянула на усыпанное могильными камнями небо, вдыхаю полной грудью свежий воздух, и на моем лице появляется искренняя, открытая улыбка...

Многие называют эту луну — Хей.

Конечно, она не самая большая, не самая яркая и не самая величественная. Но по какой-то причине я не могу представить себе, что когда-нибудь открою глаза навстречу новой Авроре, посмотрю сквозь вечно колышущиеся облака в этой части света и не увижу эту маленькую луну с неправильно застывшим крылом.

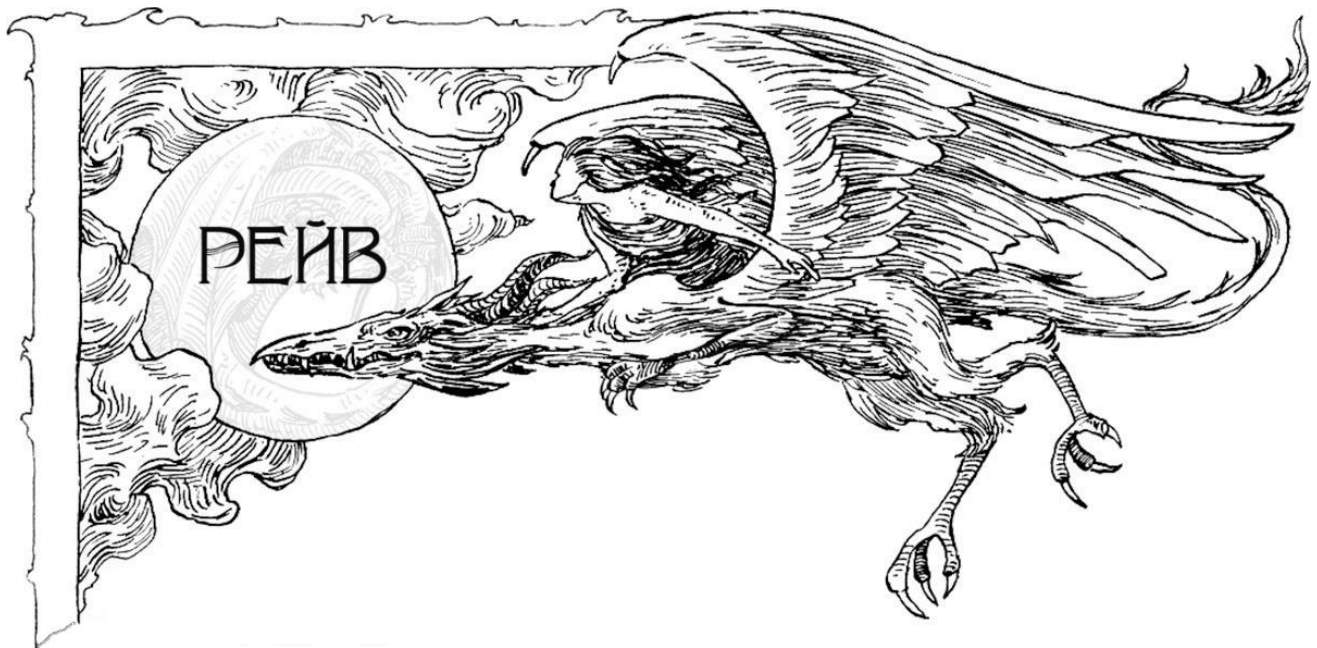
Однажды Эсси спросила меня, хочу ли я узнать ее историю. Я улыбнулась и покачала головой. Разбитое сердце звучит эхом сквозь века, и ее голос был *наполнен* им.

Я не хочу смотреть на свою любимую луну и думать о том, что причиняет боль. Я хочу смотреть и представлять, что у нее была прекрасная жизнь, полная счастья, от которого сердце наполняется любовью.

Возможно, это делает меня трусихой, но я должна откуда-то черпать свои улыбки. И эта луна... Она никогда не перестает дарить мне именно это.

Улыбку.

Я сползаю из пасти ветрового тоннеля, используя обилие трещин и углублений, чтобы прижаться к стене и спуститься вниз, не сорвавшись на угрожающие острые камни у основания стены. Голодное обещание быстрой и жестокой смерти, которая пока не смогла добраться до меня. Или Эсси.

К счастью.

Ухватившись за выступ, я переношу вторую руку на место рядом с ним, а затем ныряю туда, что *кажется* плоской стеной — идеальной, покрытой рунами иллюзией. Я проскакиваю через большое, вечно открытое окно в уютный теплый воздух с запахом чего-то сытного... маслянистого... свежее испеченного...

Я приземляюсь на корточки, и мой аппетит наваливается на меня с удвоенной силой, вызывая слюноотделение.

— Ням, это...

— Сдобный хлеб, — говорит Эсси, склонившись над увеличительной сферой за нашим маленьким обеденным столом, заваленным инструментами, настойками и металлическими горшочками, и царапает одной из своих палочек для травления то, что находится под увеличительным стеклом. — Я почувствовала запах крови на твоих ботинках, как только они коснулись желоба.

Я подхожу к столу, отщипываю кусочек от ломтя, лежащего на ее тарелке, и запикиваю в рот, со стоном удовольствия поглощая первую еду с тех пор, как я отправилась в путь на заходе прошлой Авроры — плотную мякоть ароматного лакомства, пропитанного растопленным маслом и покрытого сладким слоем варенья из болотной ягоды.

Я улыбаюсь.

Я люблю болотную ягоду. А Эсси — нет. Значит, она оставила этот кусок специально для меня, зная, что я вернусь голодной. Не то чтобы она призналась в этом.

И не то чтобы я этого хотела.

Она делает вид, что не беспокоится обо мне, а я делаю вид, что не беспокоюсь о ней. Мы сосуществуем параллельно, ничего не ожидая друг от друга, за исключением странного списка покупок и тех фантастических вещей, которые она готовит для меня, и это прекрасно работает.

Идеально.

Я бы не стала ничего менять.

— Все пошло наперекосяк, — говорю я с набитым ртом, проходя в нашу грубо сколоченную кухню. Я поднимаю салфетку, укрывающую свежее испеченный хлеб и отрезаю от него толстый кусок, намазываю его маслом и поливаю вареньем. Открыв ящик со льдом, я достаю ярко-зеленые фрукты, нарезаю их дольками и выкладываю себе на тарелку. — Хочешь горо?

— Они еще не созрели.

Я кручу тарелку в руках.

— Конечно, созрели.

— Когда они созревают, их хвостики желтеют. — Она поднимает глаза от своего занятия, и рыжие брови почти сходятся на ее милом, усыпанном веснушками лице. — От этих у тебя язык отвалится.

Я засовываю дольку в рот, и морщусь от терпкого вкуса.

— Они не спелые, — бормочу я, выплевывая фрукт в мусорное ведро.

Эсси хихикает, а затем снова опускает голову и смотрит через стекло, возвращаясь к... тому, что она делала.

Я отодвигаю фрукты в сторону и сосредоточиваюсь на хлебе, наблюдая за ее работой. Мой взгляд перемещается с изящных, ловких движений ее пальцев на тонкие черты лица. Карие глаза. Нос, слегка вздернутый у кончика. На левом ухе вырезан клип, который немного длиннее моего и больше наклонен вниз, что придает ей гипнотический, неземной вид.

Волосы спускаются до бедер, словно густая рыжая завеса, которая сочетается с металлическими крапинками в ее глазах — такого уникального оттенка рыжего я никогда не встречала — единственный всплеск цвета, который присутствует в ее внешности. И только он.

Я откусываю еще один большой кусок, вспоминая дей, когда она переехала сюда. Я сказала ей, что она может делать все, что захочет, со скудной обстановкой. Естественно, наше общее жилое пространство теперь того же цвета, что и весь ее гардероб.

Черного.

Грубые кухонные столешницы. Неровный потолок. Ворсистый ковер, покрывающий неровный пол. Даже наш мягкий диван с подушками у окна, достаточно большой, чтобы вместить троих, несмотря на то, что у нас никогда никого не бывает. По нашему общему желанию.

Я поднимаю взгляд на окно со специально наложенными Эсси рунами, чтобы отгонять незваных гостей, и вспоминаю, как проснулась, когда она стояла надо мной в разгар одного из своих приступов. С черными кругами под ее затравленными глазами, она размахивала клинком, крича, чтобы я наполнила чашу своей кровью. Немедленно. Это был вопрос жизни и смерти.

Как результат — вход, который практически убивает незваных гостей. Гениальное решение.

— Очень вкусно, Эсси. Спасибо, — говорю я, откусывая еще кусочек.

— Конечно. Рада, что тебе понравилось.

Преуменьшение. Она знает, что этот хлеб — мой любимый. Понятия не имею, что она в него кладет, но, черт возьми, это невероятно вкусно.

— Над чем ты работаешь?

— Алмазная накладка для твоего зуба, — говорит она, продолжая травить. — Я пыталась найти материал, достаточно крепкий, чтобы выдержать эти сложные руны. И случайно обнаружила, что алмаз подходит. О! — Вскинув руку, она поднимает на меня свои широко раскрытые глаза, настолько полные жизни, что у меня перехватывает дыхание — без сомнения, она в восторге от мысли, которая только что промелькнула в ее потрясающем мозгу. — Ты получила моего жаворонка?

— Угу... — Я заправляю волосы за уши и направляюсь к каменной чаше неправильной формы, в которую упали все вещи, которые я ранее спустила в желоб. — Я испачкала его кровью, но принесла все, что смогла разобрать. — Я отставляю тарелку в сторону и роюсь в своих вещах. — Что делает алмазная накладка?

— Создает невидимый, непроницаемый барьер вокруг головы и груди, не разрезая тебя пополам.

Моя рука замирает, я смотрю на нее через плечо.

— Не разрезая меня пополам? Ты имеешь в виду... мое тело?

Она кивает так быстро, что ее волосы взметаются.

— Мне потребовалось немного времени, чтобы разобраться с этим. Теперь все в порядке.

Точно.

— Рада, что ты побеспокоилась об этом, — говорю я и беру в руки сумку.

— Как всегда. Я почти закончила. Несколько тонких рун с помощью новой палочки для травления, и все будет готово к активации. Подумала, что сейчас самое время прикрепить ее, раз Рекк Жарос охотится на тебя.

— Вижу, ты снова читаешь мои сообщения.

Она пожимает плечами, настраивая четкость своего увеличительного стекла.

— Он влетел в окно после того, как ты ушла. Ударился о подоконник и расквасил нос. Я избавила его от страданий, развернув его.

— И прочитала его.

— Мои глаза не удержались.

У них есть такая привычка.

Я качаю головой и кладу сумку на стол, чтобы она поискала в ней. Обратная сторона использования такого количества крови в активных рунах, выгравированных вокруг окна, — жаворонки иногда принимают окно — за... нас. Что приводит к вечному недовольству Серим из-за того, что она не может со мной связаться.

Эсси поднимает голову от сумки, ее лицо становится чуть бледнее.

— Нет какашек спангла?

Я удивленно моргаю, глядя на нее.

— Прости, что?

— От Йескорна, библиотекаря из Подземного города. У него есть домашний спангл. Они у тебя в кармане? Пожалуйста, скажи мне, что они у тебя в кармане.

— В моем кармане нет никакого дерьма, Эсси. Зачем тебе какашки спангла? — Она открывает рот, чтобы заговорить, но я обрываю ее. — Помни, что мой мозг не такой большой, как твой. Если ты начнешь говорить о биофизике, я погибну.

Она снова открывает рот, закрывает его, кажется, ненадолго задумывается, а затем начинает говорить.

— Камень, который они едят, богат особой рудой, которую трудно найти, потому что она образуется в виде мельчайших капель, которые никогда не вырастают больше булавочной головки. Она не расщепляется в их пищеварительных трактах, так что это самый эффективный способ ее собрать. Она кремового цвета и плавится при гораздо более низкой температуре, чем большинство других руд, что делает ее идеальным клеем для крепления рунических накладок на зубах.

— Ты шутишь?

Ее брови сходятся на переносице.

— Впервые в жизни?

Вся доброжелательность покидает мое лицо, и я протягиваю руку, чтобы опереться на стол.

— Это *то*, что ты использовала, чтобы прикрепить предыдущую накладку к моему зубу?

Она кивает.

— *Дерьмо спангла?*

— Я смыла фекалии, а потом простерилизовала руду. Но да. Это было... дерьмо.

Творцы.

Я трогаю языком накладку на своем зубе.

— Запишем это в раздел «то, что Рейв знать не нужно», — бормочу я, направляясь к шкафчику, чтобы достать кружку.

Никогда.

— Принято к сведению. Я, ну... — Я оглядываюсь и вижу, как она ерзает на своем стуле, почесывая затылок. — Учитывая репутацию Рекка, я надеялась, что мы прикрепим...

— Не стоит торопиться. — С этой новой, довольно отвратительной информацией спешить *совершенно* некуда.

— А что, если он нападет на тебя?

Я поднимаю кувшин с фильтрованной водой из ледяного ящика и наполняю свою кружку.

— Мне приказано затаиться, и мы обе знаем, что Рекк не сможет достать меня здесь. Единственный способ встретиться — это если я *случайно* столкнусь с ним по пути за своим новым клинком и *случайно* перережу ему горло, тем самым *случайно* нарушу прямой приказ Серим и *случайно* не позволю умереть одному из своих товарищей.

Единственный плюс в том, что ты незаменима? Я почти уверена, что Серим не нанесет мне смертельных увечий за этот проступок. Просто произдевается надо мной, пока не почувствует, что снова контролирует ситуацию.

Обычное дерьмо.

Стул Эсси скрипит по полу, пока я осушаю свою кружку, прежде чем поставить ее в таз, и беру со стойки резинку, чтобы стянуть тяжелые волосы в высокий хвост.

Тишина становится напряженной и наваливается на меня сзади.

Я поворачиваюсь.

Эсси больше не смотрит через свое стекло. Она смотрит на меня, руки на коленях, глаза широко раскрыты и полны беспокойства. Взгляд впивается мне в грудь с такой силой, что я чувствую, словно он пронзает ее насквозь.

— Прекрати, — рычу я. — Не смотри на меня так.

Почему она так на меня смотрит?

В ее глазах появляется грусть, и это еще хуже.

— Рейв, я не могу тебя потерять...

— Мы так не делаем, Эсси. Мы прекрасно сосуществуем без этого. Не ломай то, что работает.

Ее брови сходятся на переносице, когда она открывает рот, но ничего не произносит. Словно слова слишком велики, чтобы обрести свободу.

Хорошо. Они *должны* остаться внутри. Я не хочу, чтобы она сказала мне, что беспокоится. Что ей не все равно. Я не хочу говорить ей те же слова в ответ.

Те, о ком я забочусь, умирают.

— В любом случае, вопрос спорный. — Я отворачиваюсь и не поднимая глаз ополаскиваю кружку и тарелку в тазике. — Я не могу отправиться в Подземный город, пока не получу жаворонка с информацией о том, что все чисто. — Я вытираю посуду и убираю в шкаф, затем подхожу к чаше и беру свои вещи. —

Я устала. Сниму эти дурацкие перья с ресниц, немного отдохну, а потом заберу твои какашки, как только получу жаворонка от Серим. Договорились?

Она не отвечает.

Когда наступившая тишина становится слишком давящей, я поворачиваюсь и смотрю в ее большие, полные слез глаза.

Дерьмо.

— *Договорились, Эсси?*

Сжав губы в тонкую линию, она кивает — медленный жест неохотного согласия.

Я направляюсь к люку, ведущему в мою комнату, и поднимаю его, когда слова Эсси глубоко вонзаются в меня, как клинок между ребер, останавливая на полпути.

— Я не люблю Серим еще больше, чем ты, но в кои-то веки тебе стоит прислушаться к ней. Пожалуйста, Рейв. Я не... — Она вздыхает и делает паузу, прежде чем метнуть еще один словесный кинжал, который лишает меня дыхания. — Ты — единственная семья, которая у меня есть.

Я так плотно сжимаю губы, что удивляюсь, как они не слипаются.

Эсси сломлена. Вообще-то, весь этот *цикл* такой. Мне нужно закончить его и начать новый — *нормальный*, — в котором все вокруг перестанут выражать беспокойство о моем благополучии и называть меня семьей. Мне слишком дорого приходится платить за такие вещи.

— Пожалуйста, не ходи в Подземный город без меня. Ты же знаешь, я ненавижу, когда ты спускаешься туда одна. — Я выхожу из поля ее зрения и с тяжелым *стуком* закрываю люк.

Моя комната выглядит скромно по сравнению с остальным жилым пространством, единственным украшением, не считая рисунка на стене, являются луны, которые я нарисовала на неокрашенном потолке кусочками угля. Эсси никогда не спрашивала, почему, хотя, судя по тому, как развивается ситуация, я не удивлюсь, если она вломится сюда и вывалит этот вопрос к моим ногам, как дымящуюся кучу дерьма спангла.

— Черт возьми, — бормочу я, сваливая свои вещи на пол. Тяжело вздохнув, я опускаю взгляд на свой саржевый тюфяк, расстеленный на земле у большого окна и занимающий большую часть южной стены.

Никаких душных одеял или подушек. Просто удобное место, где можно свернуться калачиком и отключиться. Мне хочется сделать это прямо сейчас, но если я не выдеру эти перья, то проснусь похожей на облезлого Молтенмау в середине линьки, лишенная всех ресниц.

Бывали. Знаем.

— Не ленись, Рейв. Разберись со своим дерьмом.

Я снова собираю свои вещи с пола и прохожу в гардеробную, спрятанную за дальней стеной, вешаю платье, вытаскиваю кинжалы из всех потайных отделений, словно ощипываю оперение птицы. Я откладываю их все, кроме одного, который оставляю пристегнутым к бедру, и проверяю свой комбинезон на наличие крови. Не найдя таковой, я решаю, что можно поспать в нем, и трачу остатки сил на то, чтобы вычистить ботинки и удалить проклятые перья. Завершив свои дела, зевая, я возвращаюсь в спальню.

Я останавливаюсь перед висящим на стене плоским куском камня, вырезанным в виде гнезда мунплума. Отодвинув его в сторону, я достаю из отверстия маленькую деревянную шкатулку, которую переношу на свой тюфяк и ставлю у окна.

Стеклянная панель тянется от пола до потолка, открывая вид на плавное превращение Сумрака в далекую Тень. Окно обрамлено рунами, которые делают его похожим на камень с другой стороны. Еще одно хитроумное приспособление Эсси.

Я ищу вдалеке ту причудливую луну и вижу, как восходящая Аврора обвивается вокруг нее, словно тонкие нити серебряного платья, развевающиеся на ветру.

Мягкая улыбка касается моего лица, несмотря на тяжесть, поселившуюся в груди, словно там что-то давит. Что-то похожее на... *сожаление*.

Моя улыбка вянет.

Эсси сказала, что мы — семья, и я просто ушла. После всего, через что она прошла, *я ушла*.

Что, черт возьми, со мной не так?

Как я могу смотреть на эту луну с такой любовью в сердце — любовью, которая рикошетит от моих ребер каждый раз, когда я смотрю на Эсси?

Глупый вопрос. Я точно знаю, что со мной не так.

Любить эту луну безопасно. Лунопады так редки, что она, скорее всего, всегда будет рядом, принимая мое тихое обожание.

Любовь к Эсси... она заставляет меня чувствовать себя так, словно я держу в руках что-то хрупкое, что может рассыпаться на части, если я хоть немного усилию хватку.

Вздыхнув, я поднимаю крышку своей маленькой шкатулки.

Ней взмахивает своими пергаментными крыльями и взлетает, порхая вокруг меня вихрем головокружительных движений, тыкаясь носом в мое лицо, плечо, шею. Она пытается ткнуться мне в ухо, что заставляет меня улыбнуться.

— Осторожно, не поранься, — бормочу я, мягко отталкивая ее от своего лица и направляя к остальной части комнаты, чтобы она могла расправить свои маленькие крылышки. Она делает несколько высоких сальто, затем наклоняет голову и резко падает — слишком быстро.

Слишком высоко.

Она ударяется клювом об пол, и я вздрагиваю.

Черт.

Я вскакиваю на ноги и бросаюсь к ней, подхватывая на ладонь.

— Ней, я *правда* хочу, чтобы ты перестала это делать...

Она дергается, переворачивается на спину, демонстрируя три красиво написанные буквы на животе, остальное послание спрятано в изгибах ее изящного тела.

ней

Я бросаю на нее недоверчивый взгляд, не впечатленная *явным* подталкиванием к тому, чтобы я ее развернула.

— Знаешь, из всех уловок, которые ты используешь, чтобы заставить меня читать тебя, эта — моя самая нелюбимая, — бормочу я, ожидая, когда она снова начнет двигаться. Снова взмлет в воздух и выплеснет всю энергию, которую накопила, пока меня не было.

Ничего.

— Я серьезно. — Я покачиваю рукой. — Ты выглядишь мертвой. Прекрати. Она все еще не двигается.

Я дую на нее. Снова.

Снова.

Мое сердце сжимается.

— Ней...

Она машет своим пергаментным хвостом, и воздух вырывается из моих легких, когда меня переполняет острое облегчение.

Я качаю головой, потирая грудину.

— Это называется *поощрением за плохое поведение*, — ворчу я, осторожно разворачивая ее помятый клюв, голову, хвост, крылья, а затем и тело, обнажая послание, которому уже более пяти фаз:

Три коротких слова, которые, я уверена, никогда мне не предназначались — не то, чтобы это мешало мне читать их снова и снова.

Я впитываю в себя тонкий рисунок каждой буквы, проводя по ним подушечкой большого пальца, как по животу Ней, вспоминая тот момент, когда она прилетела ко мне.

Должно быть, она заблудилась на пути к тому, кому предназначалась, и вместо этого прижалась к моей шее, словно ища утешения. Я развернула ее, прочитала послание и поняла, насколько оно важно — оно исходило от того, кто был не в порядке, хотя, возможно, и не знал, как сказать об этом вслух.

Я свернула ее и подбросила обратно в небо, попросив Клод отнести ее повыше, чтобы она смогла направиться в нужную сторону.

Найти того, кому она предназначалась.

На следующий подъем Авроры я проснулась от того, что она лежала у меня на ладони, с порванным крылом и сильно вдавленным носом, словно она боролась с течениями Клод... и *победила*.

После этого с ней трудно было расстаться.

Я снова провожу большим пальцем по этим трем словам, затем осторожно складываю ее обратно, расправляя клюв и проверяя, не стал ли разрыв еще больше. Она вырывается из моих рук и мечется по комнате, словно стора от переполняющей ее энергии.

— Если ты не будешь осторожнее, я завалю комнату пуховыми перьями, — предупреждаю я, и она, перевернувшись в воздухе, плавно подлетает ко мне и утыкается носом в изгиб моей шеи. Я кладу руку поверх ее и раскачиваюсь, пока она не перестает шевелиться, а мои мысли возвращаются к Эсси. К тому, как она смотрела на меня большими глазами, в которых было... *слишком много*.

Вздохнув, я иду к своему тюфяку, а затем поднимаю глаза к небу за окном.

Фэллон как-то рассказывала мне, что в детстве она лежала на спине и загадывала желания, глядя на луны, — и они иногда сбывались.

Она называла это *волшебством*.

Я никогда не верила в вещи, которые не имеют для меня никакого смысла — за исключением великолепия Эсси. Но, возможно, мне стоит начать загадывать желания, глядя на луну, которую я так люблю. Попросить ее найти способ заменить мое сердце на мягкое и податливое, чтобы мне никогда больше не пришлось видеть, как глаза Эсси наполняются грустью.

Творцы, я засранка.

Я сворачиваюсь калачиком, прижимаю к себе Ней, и смотрю на луну Хей, напевая нежную мелодию, которая всегда проясняет мой разум, каким бы шумным ни казался мир.

Хейден нашел меня в своих санях перед самым восходом Авроры.

Я думала, он будет рад меня видеть. Но вместо этого он сказал, что отвезет меня домой в Аритию, причем таким грозным голосом, какого я от него еще не слышала. Но когда взошла Аврора, он вскипятил чай, собрал наши вещи, и мы продолжили путь в том же направлении.

Думаю, он простил меня, потому что дал мне пожевать ягодную пастилу на сон грядущий, после того как мы съели грибной суп. Хейден не доел свою миску и не съел свою конфету, но он потратил время на то, чтобы сделать клинок из драконьей чешуи.

Он сказал мне, что мы прибудем на место через три цикла Авроры. Мы проведем одну ночь в хижине для вылупления на окраине Незерина, прежде чем он уйдет на восходе Авроры, когда Махми мунплюмов выйдут на охоту. Я не должна покидать хижину, пока он не вернется или пока не пройдет три сна без него.

По-моему, это немного глупо, ведь я спряталась в его санях не для того, чтобы сидеть в хижине и есть конфеты...

Я сделала это, чтобы добыть свое собственное яйцо мунплюма.

Сидя в глубине темной кабинки, я не снимаю капюшон, несмотря на задернутые бархатные шторы, чтобы никто не мог заглянуть внутрь. Единственный мой собеседник — тяжелая кружка медовухи, которую я подношу ко рту и делаю большой глоток густой горьковатой жидкости. Шипя сквозь зубы, я с грохотом ставлю кружку обратно на стол.

Медовуха в этом городе на вкус такая, будто ее перегоняли в грязной бочке, но я предпочитаю ее мутной воде, которая вдвое грязнее и оставляет скрежет на зубах.

Согревающее тепло лишь слегка притупляет это чувство в моей груди — как будто меня ударили так сильно, что мои кости раскололись и пронзили меня насквозь.

Я знаю, что это была не она. Что это невозможно. Что я схожу с ума — и это происходит на протяжении уже нескольких фаз.

И все же.

Эти глаза.

Этот запах.

Этот голос...

Зарывав, я снова подношу кружку к губам.

Шторы раздвигаются.

Хрупкая женщина с гордой осанкой и в накинutom капюшоне входит в мою кабинку, преследуемая пергаментным жаворонком, который толкает ее в плечо, призывая взять его.

Она делает это, вздыхая.

Изображая видимость ложного спокойствия, я делаю еще один глоток мутной жидкости, когда она устраивается в кресле напротив меня, спрятав лицо под капюшоном плаща.

— Удивлен, что мой брат снова выпустил тебя из виду, — хмыкаю я, опуская кружку обратно на стол, — *Принцесса*.

Кизари откидывает капюшон и, приподняв брови, смотрит на меня пронзительными лазурными глазами. Ее белые волосы спускаются ниже талии, заплетенные в косу толщиной чуть ли не с мое запястье, цвет лица такой бледный, что я вижу паутину вен под кожей ее рук.

Мой взгляд поднимается к диадеме, украшающей ее лоб, к черному эфирному камню, расположенному в центре завитков серебристого металла, которым она была увенчана с тех пор, как сделала свой первый вдох.

Прошло немало времени с тех пор, как я видел ее в последний раз. С тех пор как мы с Вейей отправились в особое место Махи и нашли ее там. Я понял, что она была там какое-то время — пряталась.

Пряталась.

Не в первый раз она сбегает. Очевидно, не в последний.

Она тянется к канделябру, торчащему из стены, как узловатый коготь, и подносит к пламени все еще трепещущего, непрочитанного пергаментного жаворонка. Огонь пожирает его, пальцы сжимаются до тех пор, пока он почти не исчезает, после чего она опускает его на каменный стол и наблюдает, как он превращается в пепел.

Я хмурюсь.

— Теперь моя жизнь принадлежит Творцам, — объявляет она и протягивает руку над остатками жаворонка, чтобы взять мою кружку. — Я дала Клятву целомудрия...

— Ты моя племянница. И последнее, о чем я хочу говорить, это о твоём целомудрии...

— Я могу делать все, что захочу, теперь, когда Пах больше не боится меня потерять.

— Ложь, — рычу я достаточно тихо, чтобы мой голос не был слышен за шторой, там, где одинокий скрипач наигрывает мелодию в общем зале. — Твоего мунплюма нет в императорском вольере, который я специально проверил, прежде чем встретиться с тобой здесь, и мы оба знаем, что ты не доверишь ее кому попало.

Она закатывает глаза и, наконец, делает глоток моей медовухи, ее лицо морщится, когда она смотрит на отвратительный напиток.

— Ты приехала с перевозчиком, — заявляю я, и она ставит кружку обратно на стол. — Ты тайком покинула Аритию после церемонии представления, пока небо было занято, решив, что твоему отцу потребуется больше времени, чтобы заметить это.

— Как проникательно с твоей стороны. Твой напиток на вкус как грязь.

— Это обычный вкус, к которому тебе придется привыкнуть, если ты намерена провести остаток своего долгого существования в качестве беглянки, влача убогую жизнь в разрушающемся королевстве, которое совершенно не подходит для оберегаемой принцессы, не имеющей представления о мире.

Она вскидывает бровь.

— Кто нагадил в твое рагу?

— Кто научил тебя так говорить?

На ее губах расцветает легкая улыбка.

— Видимо, меня не так сильно берегут, как ты думаешь.

Я хмыкаю.

Сомневаюсь.

Молчание длится достаточно долго, чтобы она прочистила горло и опустила взгляд на кружку, которую все еще сжимает в руке.

— Я... благодарна за то, что ты согласился встретиться со мной. Ты избавил меня от очень долгого путешествия через Болтанские равнины.

Значит, она направлялась в Домм.

— Я не знал, что у меня был выбор, — говорю я, скрещивая руки на груди и наклоняя голову, глядя на нее в свете пламени. — Твой приказ был сформулирован четко. Я не привык, чтобы мне приказывали. Не уверен, что принял бы это от кого-то другого.

Ее щеки краснеют, и она бросает на меня виноватый взгляд из-под светлых бровей.

— Прости. Мой наставник учил меня руководить твердой рукой. Его методы были сомнительными, но, полагаю, кое-что из его наставлений имело смысл.

Твердая рука?

Я поднимаю бровь. Жду.

— Не смотри на меня так.

И все же я, черт возьми, *жду*.

Она вздыхает, опускает взгляд на кружку, а потом говорит:

— Ничего особенного. Он просто бил меня хлыстом по костяшкам пальцев, когда я забывала соединить буквы.

Моя кровь превращается в магму.

— Он бил тебя хлыстом? За то, что ты забывала соединять буквы? — спрашиваю я, мой ровный голос не выдает ярости, бурлящей в моих венах.

— Придурок, я знаю. Но Пах говорит, что жалуются только слабые, поэтому вместо этого я написала своему наставнику сонеты о ненависти, в котором он сгорал в огне, — говорит она с торжествующей ухмылкой. Как будто она думает, что это компенсирует его поведение. — Теперь каждый раз, когда я пишу что-то своим *идеальным почерком*, мне хочется ударить его по горлу. Не то чтобы я умела, но мне все равно хочется это сделать.

— Мне хочется отрубить ему голову.

Ее округлившиеся глаза смотрят на меня. Она открывает рот, закрывает его, качает головой и снова опускает взгляд на кружку.

Наверное, она думает, что я шучу.

Но нет.

Я бы также хотел отрубить голову ее Паха. Хотя этого я не говорю.

— Поэтому ты убегала раньше?

— Нет. — Она выхватывает у меня напиток и делает глубокий глоток, от которого у меня сходятся брови, а затем опускает кружку, морщась. — А почему *ты* в Сумраке?

— Кое-что ищу.. Королева задолжала мне услугу. Кадок в Дрелгаде. — Я пожимаю плечами. — Время подходящее.

— А если он узнает?

— Не узнает. Если только ты не расскажешь.

— Возможно, мне стоит подумать об этом. Я довольно сильно оскорблена вкусом этой медовухи, который ты позволил мне выпить, не предупредив.

Я приподнимаю бровь. Уголок моего рта слегка подрагивает — только потому, что она тоже улыбается. Через мгновение улыбка исчезает.

Как и моя.

— Тебе нужна помощь.

На этот раз она опускает кружку на стол гораздо аккуратнее, заглядывая в ее полупустые глубины и прикусив нижнюю губу.

Я вздыхаю.

Наклонившись вперед, я кладу предплечья на стол.

— В чем дело, принцесса?

Она сглатывает, и я слышу, как бешено колотится ее сердце, собираясь с силами, как это бывает, когда кто-то готовится к битве.

Ее голос превращается в хриплый шепот, когда она наконец говорит:

— Я... *слышу* его.

— Кого?

Еще один глоток, и она смотрит на меня остекленевшими глазами, поднимая бледную руку к своей диадеме.

К Эфирному камню.

Моя кровь застывает в венах.

Я откидываюсь на спинку сиденья и смотрю на нее, голова полна мыслей, которые я не могу обуздать настолько, чтобы произнести.

По ее щеке скатывается слеза, и я вижу ее.

По-настоящему вижу.

Темные круги у нее под глазами. Ее хрупкая, похожая на скелет, рука и то, как сильно выступают скулы. Ее ногти, обгрызенные так сильно, что местами кровоточат.

Она чахнет...

Внутри меня поднимается что-то свирепое и дикое.

Я наклоняюсь вперед, заставляя себя произносить слова сквозь стиснутые зубы.

— Как долго?

Она моргает, по щеке скатывается еще одна слеза, которую она быстро смахивает, опустив взгляд на столешницу.

— Точно не знаю. Мои няни говорили, что первые несколько фаз после рождения я кричала без остановки, что они считали странным, потому что диадема должна была ослабить меня. Они подозревали, что я уже тогда слышала Творцов и кричала, чтобы заглушить их болтовню, поэтому надели на меня железное ожерелье. Сказали, что я сразу же успокоилась.

Я сглатываю.

Я слышал, что она была беспокойным ребенком, но списал это на отголоски травмы, полученной ею в начале жизни в этом мире — мире, который я возненавидел.

— Но по мере взросления тишина раздражала так, что я не могу описать, и я не могла избавиться от ощущения, что мне чего-то не хватает. Когда мне исполнилось восемнадцать, я сняла ожерелье, и все, что я услышала ... — это *плач*, — хрипит она.

У меня пересыхает в горле.

— Его страх, его *печаль*... Они текли через меня, как река. Мне казалось, что меня разрывают на части, кусок за куском. — Ее взгляд встречается с моим, и я думаю, что копье, вонзенное в сердце могло бы причинить меньше боли.

В этих больших голубых глазах столько страдания...

— Я снова надела ожерелье, — говорит она, вытирая щеки рукавом. — Я не снимала его много-много фаз. Потому что я была трусихой.

— Ты не трусиха, Кизари. Никогда не говори о себе так.

Она натянуто улыбается, затем отпивает еще медовухи, почти осушая кружку, прежде чем снова заговорить.

— В конце концов я нашла в себе мужество. Сняла ожерелье впервые за более чем восемьдесят фаз. Я прислушалась к его стонам. По-настоящему прислушалась. Я поняла, что это не просто крики и стенания, а *слова*, — говорит она, и ее голос ломается, а широко раскрытые глаза умоляют меня. — Я начала складывать эти слова воедино, формируя его язык в своем сознании, узнавая... слишком много.

Мой взгляд устремляется на штору, и я снова кладу руки на стол.

Это еще не все, я знаю. Она избегает основной темы, словно боится с ней справиться.

— Продолжай.

Наступает секундная пауза, прежде чем она поднимает подбородок, и впервые с тех пор, как она села за мой стол, я вижу в ней ту, кому есть что защищать.

Есть что *терять*.

— Я говорю тебе это не потому, что хочу твоей жалости. Жалость не поможет мне так же, как не помогала *ему* во время тех многочисленных фаз, когда я его не слушала.

— Тогда почему?

— Потому что мне нужна помощь, чтобы *освободить* его.

Она как будто протянула руку через стол, взмахнула ею и ударила меня по лицу.

— Это невозможно, — рычу я. — Это убьет тебя. Диадему можно снять только с носителя, у которого нет пульса.

— Я не собираюсь умирать, дядя. Должен быть другой способ. Я просто должна его найти.

Никогда в жизни мне не хотелось так сильно кого-то встряхнуть, руки сжимаются в кулаки до побеления костяшек.

— И почему ты хочешь это сделать? — выдавливаю я из себя. — Эфирный камень передается из поколения в поколение. Твоя мама носила его. Ее мама до этого. И так до бесконечности...

— Его зовут Калис, — объявляет она, и в ее голосе звучит свирепый имперский тон. Она буравит меня взглядом, который пронзает плоть и кости. — И потому что я влюблена в него.

В глубине моего нутра зарождается гул, обжигая горло таким сильным жаром, что, клянусь, плоть отслаивается.

Я слишком хорошо знаю, насколько пагубными могут быть корни любви. Я страдаю от этого же недуга уже больше эона, и буду *страдать* до самой смерти.

Кизари тоже страдает — я вижу это по ее глазам. Это чувство завладело ею и не хочет отпустить.

Если бы мой брат не спрятал ее от мира, возможно, она не влюбилась бы в этот чертов *камень*. Возможно, она не пыталась бы избавиться от диадемы, которая вполне может лишить ее жизни в тот же миг, как будет сорвана.

— Не существует реальности, в которой все закончится хорошо, — рычу я сквозь стиснутые зубы, и что-то в ее глазах меняется.

— Ты не можешь этого знать...

— Я знаю, что он оказался заключен в ней не просто так. Что твоя родословная была наделена силой сдерживать его *не просто так*.

Она отрывает взгляд от меня и опускает на стол так быстро, что, наверное, думает, что я не заметил тень вины, затуманившей ее взгляд.

— Что ты знаешь?

— Ничего, — выдавливает она из себя, и щеки ее вспыхивают.

Мои глаза прищуриваются.

— Что. Ты. Знаешь?

Она встает.

— Это была ошибка. Забудь, что я сказала. — Мои глаза вспыхивают, когда она накидывает капюшон и направляется к шторам. Глядя на меня через плечо, она говорит: — Я оставляю тебя с твоей пустой кружкой.

Она уходит — ее прощальные слова похожи на капли яда, поданные мне на потускневшей ложке, — оставляя штору широко распахнутой. Мне открывается идеальный вид на сцену. Женщину-музыканта, сидящую на табурете под светящимися снежинками, и свободное место рядом с ней, не дающее мне покоя.

Я смотрю на свою *пустую* кружку и тяжело вздыхаю.

Задерживаю дыхание.

Кизари права, но не только моя кружка пуста.

В груди у меня тоже чертовски пусто.

Что-то тычется в мою щеку, вырывая из огненных объятий сна, который медленными, обжигающими движениями плавил плоть на моих костях. Я распахиваю глаза, и крик застывает в горле, словно рев зверя, грозящий расколоть мир надвое.

Я сажусь, шипя сквозь стиснутые зубы и пытаюсь сконцентрироваться на реальности.

Сегодняшнем дне.

Ней порхает вокруг меня, отчаянно тыкаясь носом мне в грудь, пока я тру свою покрытую испариной кожу, пытаюсь стереть ужас со своей плоти.

Безуспешно.

Я бегу в умывальную комнату, наполняю каменный таз ледяной водой и брызгаю на лицо, но это почти не снимает жжения.

— Это был сон, — бормочу я, повторяя движения снова.

И снова.

Ней продолжает порхать вокруг меня, пока я мочу тряпку в ледяной воде и протираю ею шею. Я снова окунаю ее и вдавливая лицо в мокрый материал.

Просто гребаный сон.

Я поднимаю голову и смотрю в маленькое зеркало, висящее на стене. Глаза налиты кровью, их цвет голубого льда резко выделяется на фоне красных белков, щеки горят от невыносимого жара, который заставил меня проснуться.

Зарывав, я комкаю тряпку и швыряю ее в стену, снова набираю полные ладони воды, брызгаю на лицо и провожу мокрой рукой по волосам. Я упираюсь руками в край раковины и закрываю глаза, напевая свою успокаивающую мелодию, сосредоточившись на кончиках пальцев, затем на кистях, руках, двигаясь по всему телу. Медленно расслабляю каждую мышцу, убеждая себя, что здесь нет ничего, что могло бы причинить мне боль.

Сразиться со мной.

Ней прижимается слишком близко к моим влажным волосам, и в горле закипает предостерегающий рык.

— Не надо, Ней. Ты же знаешь, как я отношусь к тому, что ты приближаешься к воде.

Резким, порхающим движением она взмывает над моей головой, описывая круги на безопасном расстоянии.

Я не уверена, что на ней есть водонепроницаемые руны, и не спешу выяснять, что она была создана до того, как их изобрели.

Я утыкаюсь лицом в полотенце и тяжело вздыхаю сквозь пушистую ткань, избавляясь от липких остатков кошмара, мое тело все еще дрожит.

Это было так реально. Слишком реально.

Я несколько раз подпрыгиваю, чтобы стряхнуть с себя сон, а затем возвращаюсь в свою спальню, преследуемая шумом пергаментных крыльев. Мои глаза расширяются от вида снаружи — небо достаточно чистое, чтобы я могла разглядеть Аврору, которая уже начинает садиться за западный горизонт.

Закат. Вот это да.

Я проспала весь дей...

Мой желудок урчит, и я сжимаю ноющую пустоту.

Я проверю Эсси, приготовлю нам что-нибудь поесть, если она еще не поела, а потом попытаюсь снова заснуть. Иначе я долго буду не в духе.

Я направляюсь к каменной лестнице, как сверху раздается глухой грохот, словно что-то тяжелое упало на пол.

Нахмурившись, я останавливаюсь и прижимаю Ней к груди, чтобы заглушить звук ее трепещущих крыльев.

— Ш-ш-ш, — шепчу я, глядя в потолок и прислушиваясь.

Воцаряется тишина.

Может быть, мне показалось?

Медленно, на цыпочках я поднимаюсь по лестнице, вытаскивая маленький клинок из ножен на бедре. Я подхожу к люку и прижимаю ухо к дереву.

Тихий стон заставляет мое сердце замереть.

Эсси.

Я отпускаю Ней, подталкивая ее в сторону моего тюфяка.

— Оставайся здесь, — приказываю я, распахиваю люк и выпрыгиваю внутрь, закрывая его за собой, чтобы Ней не сбежала.

Эсси свернулась калачиком на длинном диване спиной ко мне, спрятавшись под шерстяным одеялом, которое скрывает все, кроме ее рассыпавшихся по полу волос. В этом нет ничего необычного, поскольку иногда она не может потрудиться подняться по лестнице в свою спальню и засыпает здесь.

В следующее мгновение я вдыхаю металлический запах, и мое сердце замирает, а глаза осматривают комнату и находят кровавый след руки на подоконнике.

Эсси ранена.

Она всегда пытается спрятаться, когда ей больно.

Я бросаюсь к ней, срываю одеяло и, схватив за плечи, осторожно переворачиваю на спину, несмотря на ее сопротивление. Мой взгляд тут же притягивают ее руки, прижатые к животу, они дрожат, перепачканные в... в... крови.

У меня внутри все переворачивается, когда я вижу ее бледное лицо. На лбу у нее блестят капельки пота, несмотря на то, что она стучит зубами. Я опускаюсь на колени, отвожу ее руки назад и поднимая рубашку, обнажая колотую рану, из которой не прекращая течет кровь.

Каждая клеточка моего тела замирает, легкие сжимаются, как будто зазубренные осколки льда только что пронзили их насквозь.

Я вдруг понимаю, что нахожусь в другом месте. В другом времени. Или, может быть, я переживаю один из своих ночных кошмаров?

Да. Должно быть, так и есть. Эсси не лежит на диване, залитая кровью. У нее нет дыры в животе, как раз там, где находятся важные органы, для починки которых требуется время, умение и специальный врач.

Нет.

Она сидит за столом, работает над алмазной накладкой, на которой помешалась, и ест хлеб с маслом, благодаря которому в нашем жилище пахнет домом.

Это не настоящее.

Не реальность.

Нет...

— Я не хочу закончить свою жизнь в снегу, Рейв.

Наши взгляды встречаются, в ее широких глазах дикий страх, который когтями впивается в мою грудь, угрожая разорвать на части.

Снег? О чем она говорит?

— Пожалуйста, не бросай меня на холоде и не зарывай в землю, — умоляет она дрожащими губами, ее глаза так распахнуты, что кончики ресниц касаются бровей, а рыжие крапинки в радужках горят, как тлеющие угли. — Предай меня огню, где мне больше никогда не будет холодно.

— Прекрати говорить так, будто ты куда-то уходишь, — рычу я, прижимая к ее ране одеяло, чтобы остановить кровотечение. — Ты останешься здесь, со мной, в безопасности, в нашем доме.

Как только я приведу ее в порядок.

— С тобой все будет хорошо, — бормочу я, глядя на кухонный шкаф, где хранится мой набор первой помощи. Мне нужно взять что-нибудь для перевязки, чтобы она не истекла кровью, пока я буду нести ее вниз ко Рву.

Серим умеет лечить плоть. Она поможет, если я упаду к ее ногам и буду умолять. Скорее всего, она заставит капнуть кровь Эсси во флакон, оправдываясь тем, что это необходимо для лечения, но я найду способ разобраться с этой сукой, как только Эсси окажется в безопасности.

К черту последствия.

— Надави сюда. — Я перекладываю ее ледяную руку и прижимаю к одеялу. — Я собираюсь взять кое-что, чтобы доставить тебя к Серим...

— Мне холодно, Рейв.

Ее надтреснутый голос прорезает дыру в тишине, впиваясь в мою грудь и лишая легкие воздуха.

Я встречаюсь с ее мутным взглядом, который едва удерживает фокус.

Страх взрывается за ребрами с такой силой, что по моему каменному сердцу пробегают трещины, обнажая сердцевину — такую сырую и уязвимую, корчащуюся, как сочный плод, брошенный в прожорливое пламя.

— Я не чувствую твою ру... — ее слова обрываются, дыхание становится прерывистым и резким, когда она пытается дышать нормально, и в ее глазах вспыхивает паника. — Я не чувствую твоей руки на себе. Я не чувствую ее, Рейв...

— Тебе всегда холодно, Эсси. — Я сглатываю комок в горле, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. Я знаю признаки. Я видела смерть слишком много раз, чтобы не узнать чертовы признаки. — Мы живем на холодной стороне. Это нормально.

Это нормально.

Это нормально.

Это...

Ее лицо морщится, и я чувствую, как моя грудь повторяет это движение, отчего мне хочется сжаться в комок от боли.

— Обними меня? — просит она дрожащим голосом, умоляя меня упасть вместе с ней в голодную пасть смирения. Все ее тело дрожит, руки сжимают

живот, пятна крови просачиваются сквозь одеяло и хлюпают между пальцами.
— Пожалуйста?

Я забираюсь на диван и обнимаю ее, моя рука опускается ей на грудь, а другая переплетается с той, что лежит у нее на животе. Она прерывисто вздыхает, и я соединяю наши тела вместе, прижимая ее к себе так крепко, что представляю, как моя сила обвивает ее, словно бинт. Представляю, как она сидит за столом, превращая обычную безделушку в нечто исключительное, ее разум полон великолепных идей, а в венах бурлит кровь.

Живая.

Счастливая.

Но это не так.

Она сломана в моих руках, истекает кровью...

— Кто это сделал, Эсси?

Она вздрагивает, словно мои холодные, монотонные слова пронзают ее насквозь.

— Я не видела. Я завернула за угол и наткнулась прямо на него. Было... темно.

Подземный город. Она пошла в Подземный город.

От осознания этого у меня перехватывает дыхание. Руки трясутся, хотя я пытаюсь унять дрожь. Пытаюсь заставить себя сохранять спокойствие и самообладание.

Ради нее.

Я не собираюсь лежать здесь и отчитывать ее за то, чего я просила не делать — я знала как опасно там, внизу. Я не собираюсь еще больше расстраивать ее, когда она и так разваливается на части.

Я собираюсь обнимать ее.

Любить ее.

Отомстить за нее.

— Он был в капюшоне.

— Хорошо, — шепчу я, убирая волосы с ее лица. — Это помогает, Эсси. Ты видела цвет его капюшона? Он был красным?

— Н-нет.

Наверное, не местный.

— Чем от него пахло?

— Кожей, — хрипит она. — С-дымом. Когда он уходил, его сапоги издавали лязгающие звуки.

Лязгающие зв...

— Скажи мне что-нибудь, от чего мне станет теплее, Рейв. П-пожалуйста.

— Я люблю тебя. — Признание вырывается мгновенно. Тяжелая правда, рожденная невыносимой болью в моей груди. Я понимаю, что все это время слова были там, под моими шрамами, спрятанные в месте, которое я считала безопасным.

Нигде не бывает безопасно.

— Почему ты не пошла к целителю плоти, Эсси? Почему ты не...

— Потому что я знала, что ты будешь страдать, если я не выберусь. Что ты решишь, что я бросила тебя, как они бросили меня.

Они...

Ее семья.

Мое сердце разрывается прямо посередине.

— Ты здесь, — шепчу я ей на ухо. — Я с тобой. Мы есть друг у друга.

Я крепче сжимаю ее в объятиях, притягиваю к себе, пока она уходит от меня. Кровь заливает диван под нами, кровь, которую я не могу остановить, просачивается сквозь одежду, прилипает к коже.

Кровь, которая должна течь по ее венам, подпитывая ее жизнь. Но это не так.

Больше нет.

Я прижимаюсь носом к ее волосам, наполняя легкие ее теплым ароматом, прошлое и настоящее сливаются воедино, когда я вспоминаю другие объятия. Другую любовь.

Другую потерю.

Я напеваю свою успокаивающую песню, пока она дрожит рядом со мной, ее сердце бьется под моей рукой, каждый удар медленнее предыдущего.

Тише.

Слабее.

— Ты — семья, которой у меня никогда не было, — шепчу я, и ее легкие с судорожным выдохом опустошаются...

И больше она не дышит.

Я не знаю, сколько времени я держу ее, обхватив тело, которое больше не двигается.

Больше не согревает.

Достаточно долго, чтобы в комнату впорхнул пергаментный жаворонок и начал биться о подоконник, снова и снова. Возможно, это Серим сообщает мне, что миссия завершена, дети свободны от города.

Достаточно долго, чтобы я поняла, что твердые осколки моего сердца не собираются срастаться обратно и защищать мягкую сердцевину, которая испытывает слишком сильные чувства. Мне придется лелеять боль, пока она не зарубцуется, — осознание этого не добавляет мне желания подняться.

Достаточно долго, чтобы я не торопясь проанализировала каждое мгновение с момента пробуждения, удаляя эмоции, как кожуру орехов, оставляя только гладкую скорлупу, с которой я могу справиться. Я складываю весь хлам в кучи на берегу моего огромного замерзшего озера, которое сейчас тише, чем когда-либо, а затем тащу их по поверхности.

Серебристый свет пробивается снизу, пока я вырезаю ледяную могилу, чтобы опустить туда свою боль. Странное сияние, которое преследует каждый мой шаг, перемещаясь за мной туда-сюда между берегом и дырой во льду, обычно пугает меня. Но я чувствую себя оцепеневшей.

Опустошенной.

Я потеряла Эсси и всякое желание заботиться о чем-либо, кроме того, что поможет мне держаться на ногах. Отмщение.

Бросив последний сверток боли под лед, я возвращаюсь в реальность и поднимаю руку, откидываю волосы Эсси с ее слишком бледного лица.

— Ты спишь. — Зажмурив глаза, я целую ее в висок, позволяя мгновению затянуться. — Я найду того, кто сделал это с тобой, — обещаю я, уткнувшись в ее холодную кожу. — Я найду их, Эсси.

И я причиню им боль.

Я вытаскиваю руку из-под ее остывающего тела, моя нижняя губа дрожит, когда я расцепляю наши ноги и слезаю с дивана. Я укутываю ее плечи одеялом, чтобы ей было тепло, затем на нетвердых ногах иду к лестнице, прижимаясь к стене, чтобы поднять крышку люка.

Ней свободно парит, тыкаясь в мою щеку, шею и грудь, пока я спускаюсь по лестнице, тупо глядя перед собой. Не утруждая себя тем, чтобы снять

залитый кровью комбинезон, я пристегиваю ножны к другому бедру, распахиваю по многочисленным карманам маленькие кинжалы из драконьей чешуи, а Ней продолжает неистово биться о меня. Она устремляется к полу, но я подхватываю ее в воздухе и осторожно опускаю на полку.

Правда, она не задерживается там надолго.

Мои движения становятся резкими и отточенными, я продеваю руки в кожаный бандольер, наполненный железными клинками, засовываю ноги в черные ботинки и зашнуровываю их до колен. Повязываю на шею вуаль и поднимаюсь по лестнице, преследуемая шелестом пергаментных крыльев.

Я останавливаюсь у стола, пока Ней тычется в меня...

Тычется...

Тычется...

Она прижимается носом к моей шее, как будто думает, что она в безопасности. Но это не так.

Никто из тех, кто мне дорог, никогда не был в безопасности.

Я сглатываю собравшийся в горле ком, беру перо, макаю его в склянку с чернилами, затем беру Ней в руку, расправляю ее клюв, хвост, крылья и тело, укладываю на стол, и в последний раз читаю ее послание.

Ты нужна мне

— Нет, не нужна, — хриплю я, выводя слова на пергаменте своим не слишком идеальным почерком и превращая прекрасную Ней в нечто гораздо менее нежное.

Менее уязвимое.

У меня щиплет глаза, когда я снова сворачиваю ее, пачкая кровью Эсси, когда возвращаю прежнюю форму.

Мои пальцы задерживаются на последнем сгибе. Который я не трогала раньше.

Линия активации, которая вернет Ней отправителю.

Я перевожу взгляд на Эсси — та неподвижно и безмолвно лежит на диване. Мертва.

Мои пальцы сами собой сжимают сгиб.

Ней оживает, ее движения плавные и механические. Лишенные всего, что делало ее ею.

Боль в груди усиливается, когда она плавно скользит к окну, больше не утыкаясь мне в шею и не кружась вокруг, и я понимаю, что ее больше нет. Ее душа вырвалась на свободу, и какая бы «магия» ни привязывала ее ко мне... ее больше нет.

Так же, как нет больше Эсси.

И Фэллон...

Я отгоняю эту мысль, прочищаю горло и заставляю себя смотреть, как Ней пролетает через окно и исчезает из виду в безжалостном небе, подавляя искушение сорвать кольцо. Умолять Клод, вернуть ее мне порывом ветра.

Нет.

Я иду на кухню и завешиваю каменную чашу тряпками, которые перегибаются через край, и прокладываю дорожку к коврику. Затем я достаю из шкафчика бутылку со стерилизующим спиртом, откупориваю крышку и поливаю тряпки. Ковер.

Одеяло, согревающее Эсси.

Я смачиваю другую небольшую тряпку, засовываю ее в ножны вместе с кремневым стержнем и иду к окну, ненадолго останавливаясь у дивана, где опускаюсь на колени.

Проводя рукой по волосам Эсси, я люблюсь резкими чертами ее неземного лица... Слишком прекрасного для этого мира.

Слишком чистого.

— Я люблю тебя, — шепчу я, запоминая ее веснушки. Я спрячу ее образ в безопасном месте, где он будет храниться вечно. — Я собираюсь избавить тебя от холода, хорошо?

Последовавшая за этим тишина — жестокая насмешка, разбивающая сердце. Как будто внутри меня застрял молтенмау и рвет на части.

Поцеловав ее в висок на прощание, я заставляю себя повернуться. Вылезти в окно и забраться по окровавленной стене, запятнав свои руки еще большим количеством ее крови. Я поднимаюсь в ветровой тоннель и, встав на ноги, смотрю на спускной желоб.

Предай меня огню, чтобы мне больше никогда не было холодно.

Мое лицо морщится, потом искажается в дикой гримасе, несмотря на неуправляемую дрожь, вызванную моим покрытым пеплом прошлым.

Мысль о том, чтобы сжечь тело Эсси... мне хочется сжаться в комок и закричать. Мысль о том, чтобы предать ее огню, противоречит всему, что я из себя представляю на текущий момент, но я не струшу перед огнем, о котором она меня просила.

Я не подведу ее снова.

Я вытаскиваю из ножен ткань и кремень и делаю шаг вперед. Рука дрожит.

Душа корчится.

Стиснув зубы, я провожу кремнем по каменной стене, высекая искру на ткань. Пламя вспыхивает так быстро, что обжигает кожу, и паника обхватывает руками мое горло, сжимая так сильно, что я едва могу дышать. Но я продолжаю держать горящую ткань, заставляя себя произнести три сдвоенных слова сквозь стучащие зубы.

— Прости меня, Эсси.

Мне жаль, что я не смогла уберечь тебя. Что я так и не сказала, что люблю тебя, пока ты не умерла у меня на руках.

Прости, что я не была той семьей, которую ты заслуживала.

Я бросаю горящую тряпку в желоб, за ней следует кремень, и отшатываюсь назад от жара, обдавшего лицо, и клубов дыма.

Раздается звук лопающегося стекла, и я зажмуриваюсь, представляя, как одна за другой лопаются баночки с настойками.

Жар усиливается, и я представляю, как горит ковер, а запах горелой плоти доносится до меня слишком быстро.

Чертовски быстро.

Сдавленное рыдание вырывается из моего горла, когда я отшатываюсь от жара. От *запаха* я зажимаю рот рукой.

Я задеваю что-то ботинком.

Открыв глаза, я смотрю на землю, покрытую красными пятнами. На окровавленный клинок, лежащий у моей ноги, и кожаную сумку рядом с ним. Черную.

Эсси.

Мое сердце вздрагивает, словно что-то ударило меня по ребрам с такой силой, что они чудом не сломались.

Я осторожно наклоняюсь и открываю сумку, чтобы заглянуть внутрь, и вижу книгу и охлаждающую банку. Должно быть, она взяла книгу в библиотеке.

Из Подземного города.

Я не открываю банку, точно зная, что в ней. Последний ингредиент, необходимый ей, чтобы прикрепить алмазную накладку к моему зубу...

Накладку, которую она сделала, чтобы *защитить* меня.

Я перестаю дышать.

Тянусь за кинжалом, который Эсси, должно быть, вытащила из своего живота. Кинжалом, который сделал это с ней.

Забрал ее у меня.

Я уже собираюсь вложить его в ножны рядом со своим собственным, когда что-то привлекает мое внимание — и я провожу рукой по плоской поверхности лезвия.

Каждая клеточка моего тела замирает, а кровь Эсси превращается в набор кровавых букв:

Послание. Мне.

От Рекка Жароса.

Клинок выскальзывает из моей руки. Падает на землю.

Он нашел меня. Узнал, где я живу. Убил Эсси, чтобы выманить меня.

Каким-то образом.

Значит, это *моя* вина, что она отправилась в Подземный город. По моей вине она получила ножевое ранение, а затем вернулась домой, вместо того чтобы пойти к целителю плоти, где ей могли бы помочь. Я виновата, что она истекла кровью на диване, пока не перестала двигаться.

Я виновата, что она горит...

Что она *мертва*.

Гортанный стон вырывается на свободу, уничтожая меня изнутри. Осознание наваливается мне на грудь, вспарывает меня, затем засовывает свою пасть внутрь и *пережевывает* мои легкие. Мое сердце.

Мою душу.

Мое лицо разрушается, плечи, позвоночник.

Колени.

Я оседаю на землю, сдуваясь так же быстро, как и моя разрушающаяся решимость, раздавленная тяжестью удушающего чувства вины. Я уверена, что мне разрывают грудную клетку длинными зазубренными лезвиями.

Снова.

Я вздрагиваю от каждого мучительного пореза, мой взгляд падает на залитые кровью руки, которыми я вывела Эсси из темных недр Подземного города — я была уверена, что смогу подарить ей лучшую жизнь.

Я обещала, что буду оберегать ее. Вместо этого я уложила ее в могилу.

И я...

Я...

Я не могу этого сделать. Я, черт возьми, больше так не могу.

Что-то внутри меня ломается, и гулкий звук сотрясает меня изнутри, мои кости смещаются от удара. Оглушительный треск раздается глубоко под ребрами, а затем резкий взрыв пронзает меня насквозь, разбивая внутренности на тысячу ледяных осколков.

Температура тела падает так быстро, что я слышу, как замедляется биение моего сердца, словно оно борется с моей ставшей вязкой кровью, качая ее все медленнее и медленнее.

Я с содроганием вдыхаю воздух, который кажется слишком теплым. Как будто я втягиваю лаву в свои замерзшие легкие.

Оно приближается.

Слеза скатывается по моей щеке, когда я теряю чувствительность в пальцах.

Потом руках и ногах.

Часть меня хочет бороться с этим. Быть сильной ради Эсси, несмотря на то, что я никогда в жизни не чувствовала себя слабее. Разорвать этот гребаный мир в клочья, пока не найду Рекка Жароса и не вздерну его на дыбу. Нанести ему тысячу порезов. Ждать, пока все заживет.

Повторить заново.

Но большая часть меня все еще лежит на диване внутри, прижавшись к моей юной, удивительной, прекрасной подруге, которая только что рассталась с жизнью, потому что я любила ее. *Большая часть меня горит рядом с ней. И эта часть...*

Она устала.

Одинокая.

Потерянная.

Скорбящая.

Более сломленная, чем я когда-либо признаю.

Эта часть меня просто хочет остановиться и больше никогда не начинать.

Ледяной гнев *ревет* внутри меня, его сущность разрастается с такой яростью, что мне кажется, будто мои органы раздвигаются в стороны. Я теряю чувствительность в груди, и мое лицо искажается, когда я ускользаю, проваливаясь в холодное оцепенение, которое окутывает меня так плотно, что я не могу пошевелиться. Не могу видеть.

Не могу чувствовать.

Прекрасное, блаженное оцепенение. Такое чистое, как холодная, шелковая повязка на моей душе. Такая мягкая, что я почти забываю, что не получу славы, убив Рекка Жароса и отомстив за смерть Эсси, но, погружаясь в это ледяное утешение, я успокаиваюсь.

Решено.

Он заслуживает того, чтобы его разорвали на части. Чтобы ему раздробили позвоночник и измельчили мозг. Чтобы его внутренности были стерты в порошок странной, дикой сущностью, которая живет во мне.

Он заслуживает...

Иная бродит по Подземному городу — темному, глубокому подземелью, наполненному паутиной мостов, тянущихся через пустоту, лишь свет нескольких факелов позволяет что-то разглядеть вокруг.

Не то чтобы она нуждалась в свете.

Ее мерцающие искрами чернильные глаза сверкают в темноте, пока она охотится, сжимая в руке клинок, использованный для убийства молодой девушки, которая истекла кровью.

Больше не дышит.

Которой больше нет.

Она подносит рукоять к носу, долго и глубоко вдыхает едва уловимый запах дыма и кожи ее убийцы.

Он будет молить о пощаде, в этом она уверена. Но ему не стоит на это рассчитывать.

С глазами, такими же дикими, как и ее кровавые мысли, Иная крадется по неровной тропе, осматривая глубокую расщелину, пока многочисленные взгляды скользят по ее слишком хрупкой коже. Хищники, рожденные в Тени и пробравшиеся сюда через обвалившиеся шахты. Обладающие исключительным зрением, они зимуют в темных углах, никем не потревоженные, поедают свою добычу в гнездах из костей.

Иная не обращает на них внимания. Она не держит зла на тех, кто убивает, чтобы выжить, прокормиться или защитить свое потомство.

Но те, кто убивает, чтобы причинить боль? Тем, кого она любит и с кем свила гнездо?

Они заслуживают того, чтобы быть разорванными на части. Содрать с них кожу, как полоски коры. Насладиться болью, пока их теплое сердце еще качает кровь...

Однако.

Иная замирает, опустив взгляд на клочок ткани, обмотанный вокруг тонкой, уязвимой шеи ее драгоценной, мягкой хозяйки, размышляя, не прикрыть ли им лицо. Рейв всегда так тщательно маскируется, когда проливает кровь, как бы странно это ни было. Кровь следует носить с честью. Хвастаться свежим мясом и набитым животом.

Убитых хищников.

Но Иная уважает свою хозяйку, несмотря на слабые руки и крошечные зубы, которые почти бесполезны для пережевывания чего-то действительно стоящего. Она решает придерживаться странной традиции и хмурится, поднимая ткань и завязывая ее вокруг рта и носа.

Вот.

Она устремляется вниз по неровной лестнице, все глубже погружаясь в темноту. Остановившись на середине моста, она смотрит на следующий каменный участок, который пересекает жуткую пропасть прямо под ней, склонив голову набок...

Возможно, солдаты в доспехах, прижавшиеся к стенам ниш на обоих концах моста, считают, что их не видно.

Но не для нее.

Она родилась во тьме. Для нее их тела словно освещены факелами, которые они, должно быть, погасили, когда устраивали свою маленькую ловушку.

Иная впитывает звуки их сердец, осмысливая их почти беззвучный шепот:

— Как думаешь, у меня будут неприятности, если я отолью?

— Я бы не стал этого делать. Если только ты не хочешь, чтобы тебе поджарили яйца.

Иная хмурится из-за их грубых выражений, гадая, находят ли возможные партнеры их вида фейри подобные вещи привлекательными. Она точно не находит.

— Прошло много времени. Думаю, никто не придет. — Небольшая пауза, затем: *— Возможно, сучка «Восставших» была той, кого он зарезал? Его информатор уверен, что у нее черные волосы?*

— Длинные, черные и прямые, кожа как снег. Слышал собственными ушами. Она придет, я нутром чувствую.

Другой низко приседает и наклоняется вперед, чтобы лучше видеть.

— А что, если она не приведет подкрепления и все это будет пустой тратой времени ради одной-единственной мятежницы? Надо было просто найти способ взять ее жилище штурмом, тогда бы я не стоял здесь, рискуя обоссаться.

— Никто в здравом уме не спустится сюда в одиночку. Но если она придет, по крайней мере, от нее будет легко избавиться. Я бы хотел вернуться домой до восхода. Я чертовски проголодался.

Иная решает, что эти фейри заслужили тот ужасный конец, который их ожидает, хотя и сожалеет, что у нее нет времени, чтобы растянуть это.

Заставить их плакать.

Она осматривает каждого солдата, глубоко вдыхая горячий, влажный воздух, ищет того, кто оставил свой запах на клинке, и хмурится.

Этот Рекк умнее тех, кто поджидает в таких очевидных местах. Неважно. Его выманит кровь.

Она улыбается.

Много крови.

Бесшумно прокравшись дальше, Иная убирает кинжал и останавливается над группой мужчин в тяжелых доспехах на северном конце моста. Она срывает с пальца железное кольцо, открывая себя Творцам. Их песням, которые она изучала из-под толщи ледяного озера, когда они выли, визжали или кричали сверху.

Она не пугается какофонии, бьющей по барабанным перепонкам. Она носит боль как страховочную сетку — вместе с ужасными мелодиями, проникающими в ее маленькие, слишком нежные уши и неистовый разум.

Она прыгает.

Падает.

Приземляется перед группой невзрачных мужчин — пальцы согнуты как когти, на лице дикое ликование.

Она начинает петь удушающую мелодию Клод, прежде чем солдаты в бусах успевают произнести хоть слово.

Это не нежная песня. Иная не оставляет места для милосердия. Не позволяет глотнуть воздуха, чтобы послушать их задыхающиеся мольбы. Вместо этого она в одно мгновение разрывает их легкие, упиваясь ужасающей агонией.

Кровь хлещет изо ртов солдат, из выпученных глаз текут красные слезы, они хватаются за горло, некоторые падают там, где стоят. Другие пытаются бежать, натываясь на стены или падая с моста, и погибают задолго до того, как падают на землю.

Иная выхватывает из бандольера пару кинжалов, вращаясь вокруг себя. Взмахивая ими в воздухе. Клинки вонзаются в глаза двум солдатам на другой стороне моста, оказавшимся за пределами досягаемости ее удушающей мелодии, прежде чем они успевают произнести хоть слово.

Они падают на месте.

Еще один солдат спотыкается о трупы и падает за край. Звук его тела, разбившегося о нижний мост, пробивается сквозь хаос.

Безжалостная улыбка расплывается по лицу Иной — больше не напоминающей свою ослепительно красивую хозяйку. Теперь она резкая и свирепая.

Чудовищная.

Еще больше клинков проносятся в воздухе и находят свое место в плоти и костях, проникая в узкие щели между прочными пластинами доспехов.

Бах.

Бах.

Бах.

Солдаты падают с грохотом металла и тел, а Иная поет, лишая воздух кислорода и сводя на нет способность солдат издавать звуки. Атмосфера становится непригодной для пламени, которое нужно ее противникам, чтобы видеть, что она делает. Куда направлены ее клинки.

Они думали, что тьма — их союзник, но она стала их гибелью. Как это часто бывает со многими, кто недооценивает покров неба, лишённого солнца.

Из южного тоннеля с криками выбегает отряд подкрепления.

Один приказывает мосту рухнуть, прежде чем Иная успевает разорвать ему легкие, и по камню пробегают трещины.

Мост дрожит.

Она шатается, шипит сквозь оскаленные зубы, пытаясь удержаться на ногах, и крепко упирается кулаком в камень.

— *Glei te ah no veirie nahh*, — кричит она, вскидывая голову. — *Glei te ah no veirie!*

Клод кружится в визгливом танце, лишая дыхания и разрывая дыхательные пути, порывистыми толчками врезаясь в грудь солдат, сбрасывая их с рушащегося моста, осыпая каменными брызгами.

Многие пытаются отступить, но лишь немногим удастся вернуться в тоннель.

Иная смеется, поднимается и бежит за отступающими, быстрыми шагами направляясь к ним, пока не оказывается достаточно близко, чтобы одним движением руки вонзить железные кинжалы в их шеи. Она прыгает, обрушиваясь на другого, словно бурлящая волна, откидывает ему голову и перерезает горло.

Кровь брызжет, заливая ей руки и лицо.

Она бросается на оставшихся двоих, чувствуя вкус их крови на своих губах. Подходит ближе.

Ближе.

Тоннель заканчивается, и она попадает в небольшую круглую пещеру, освещенную таким количеством горящих факелов, что ей приходится щуриться — ее черные глаза не приспособлены к резкому свету.

Волосы у нее на затылке встают дыбом.

Громкий лязг заставляет ее обернуться и увидеть дверь из металлических прутьев, которая теперь блокирует выход. Запирая ее внутри.

Она шипит, кружась в вихре черных волос, крови и ярости, оценивая множество солдат, выстроившихся вдоль стены пещеры — плечо к плечу, в красных шлемах, скрывающих их лица, и с мечами, пристегнутыми к бедрам.

Ловушка.

Арена для боя.

Некоторые из них поют шипящие мелодии, языки пламени вырываются из защищенных стихиями щитов и горящих факелов.

Они направлены прямо на нее.

С язвительной усмешкой Иная запекает удушающую мелодию Клод.

— *Glei te ah no veirie. Ata nei del te nahh. Mele, Clode. Mele!*

Языки пламени исчезают, большинство зажженных факелов гаснут, наполняя пещеру блаженным мраком.

Многие солдаты падают на колени, хватаясь руками за горло.

Иная бросается на одного из тех, что заманили ее сюда, и вонзает клинок в щель в его доспехах. Его внутренности вываливаются из окровавленной раны, и она в мгновение ока оказывается рядом со следующим, обхватывая его голову и поворачивая ее в сторону. Его шея ломается с приятным треском, и он падает на землю у ее ног.

Когда она смотрит на оставшихся противников, из ее горла вырывается низкий рык. Как будто она только что вытащила острый камень из своего нутра.

— *Vobanth!*

Пещера содрогается от ответа Булдера — извилистая расщелина рассекает землю, зияя, как кривая пасть какого-то огромного зверя.

Солдаты кричат, вытягивают руки, чтобы ухватиться за грубую стену, некоторые падают в зияющую бездну и перемалываются движущимся камнем под звуки ломающихся костей и лопающихся черепов.

Кровь и мозговое вещество брызжут из грохочущей пасти, пока она *пережевывает* их.

Солдаты пошатываются, переглядываясь между собой, в воздухе витает запах мочи, когда они, кажется, осознают, что оказались в одной клетке с монстром. Свирепым, *могущественным* монстром, у которого на мочке уха должны висеть две бусины, вместо вырезанного клипа пустой.

Если бы они знали, что она умеет правильно произносить лишь несколько слов Булдера, возможно, они не были бы так напуганы. Но даже так Иная наслаждается страхом в их глазах, а резкая улыбка превращает ее забрызганное кровью лицо в нечто восставшее из глубин кровавого ужаса.

Такие ничтожные противники.

Она сокрушит их всех, а затем искупается в их крови, прежде чем вырвется из этой клетки и начнет охоту на Рекка, который задохнется в зловонии своих павших собратьев.

Она чувствует резкий укол в правое плечо, и пронзительные мелодии, проникающие в ее маленькие, хрупкие барабанные перепонки, стихают.

Уходят.

Иная хмурится.

Стоны умирающих фейри были бы музыкой для ее ушей, если бы она не была знакома с этой особой формой тишины.

Она хлопает себя ладонью по плечу, нащупывая жгучий прокол, и хмурится, когда кончики пальцев соскальзывают с раны с запахом крови ее драгоценной хозяйки — глаза расширяются, когда она понимает, что в нее стреляли.

Железом.

Она поворачивается к зарешеченному входу и устремляет взгляд на стоящего за ним фейри, вооруженного арбалетом.

Он целится в нее.

Стянув с головы черный капюшон, мужчина сбрасывает плащ, под которым оказываются черные кожаные штаны и свободная белая рубашка, частично расстегнутая у шеи.

Иная рассматривает его длинные светлые волосы и лазурные глаза. Из свернутого пергамента, зажатого между его губами, он выпускает дым, который клубится вокруг его лица.

Красная и коричневая бусины свисают с мочки уха.

Больше всего на Иную производит впечатление то, как уверенно он держится — прислоняется бедром к краю тоннеля, словно наслаждается видом.

Раздувая ноздри, Иная наклоняет голову и глубоко втягивает воздух, улавливая запах его кожи и дыма. Такой же густой запах у кинжала, все еще спрятанного в ножнах.

Вены на ее висках и горле вздуваются, челюсть дрожит от нахлынувшей ярости.

Рекк Жарос.

— Это ты убил нашу Эсси, — рычит она, в ее голосе слышится резкий диссонанс музыкального голоса и дикого нрава.

— Рыженькую малышку? — Рекк вытаскивает оружие из прутьев и бросает его на землю. Зажав курительную палочку между губами, он глубоко затягивается, и его следующие слова вырываются с густым облаком белого дыма. — Она визжала, как задушенная птица, когда я вонзил клинок ей в живот.

Иная усмехается, бросаясь к решетке.

— *Stisssteni tec aagh vaghth-fiyah*, — выплевывает Рекк сквозь сжатые губы, словно слова прожигают дорожку в его горле, прежде чем вырваться на свободу.

Пламя вырывается из оставшихся факелов, и теперь его языки клубятся вокруг Иной, вздымаясь вихрями, слишком близко к ее уязвимой коже, сжимая ее в огненный кулак, из которого невозможно вырваться. Только если рядом будет целитель плоти, чтобы залечить ожоги, которые она от этого получит.

Сжав руки в кулаки, она следит за каждым движением Рекка — за пульсом на его шее, за тем, как смещается его худое тело, когда он отпирает засовы и с важным видом входит в пещеру, за резкими чертами лица, освещенными пламенем, за кровавыми шпорами на задниках его ботинок, грохочущими при каждом его шаге.

Его глаза сверкают садистским удовлетворением, пока он рассматривает Иную, а затем кровавое месиво, в которое она превратила его товарищей.

Он прицеливается языком, светлые брови поднимаются.

— Впечатляет.

Иная рычит, наклоняясь опасно близко к ревущему пламени, пот выступает у нее на лбу и вдоль позвоночника. Оскалив зубы, она жаждет его крови. Она жаждет почувствовать, как ее зубы впиваются в его плоть.

Рекк зажимает дымящуюся палочку между губами, снова затягивается, затем отбрасывает окурок и вытаскивает хлыст, закрепленный на его бедре. Взмах руки — и черная плеть пронзает пламя, заключая Иную в жесткие объятия, прижимающие ее руки к бокам, а ноги — друг к другу. Словно заключая в кокон из шелковых нитей и готовя к пиршеству.

Она падает на колени, с хрипом выдыхая воздух, а Рекк направляет свое пламя на факелы, висящие вдоль стен. Он освобождает ее от огненного вихря, но не приближает к свободе, которую она потеряла.

Она проиграла.

Рекк срывает красную вуаль, открывая ее лицо. Его глаза округляются, когда она рычит сквозь стиснутые зубы, дергаясь в своих путах.

Она.

Проиграла.

— Совсем не то, чего я ожидал, — хмуро бормочет Рекк. Он протягивает руку, касаясь костяшками пальцев ее щеки. — Мне кажется, это позор — скармливать драконам такое красивое и могущественное создание...

Щелкнув зубами, она хватается его за палец и кусает.

Сильно.

Рекк рычит, пытаясь выдернуть руку. Оставшиеся солдаты с ревом бросаются к своей рычащей пленнице, а она с яростью голодного зверя вгрызается в костяшку пальца.

Он вырывается, и откушенная фаланга падает ей в рот.

Рекк отшатывается и подносит дрожащую руку к лицу, по ней стекает кровь. На землю.

Капает.

Капает.

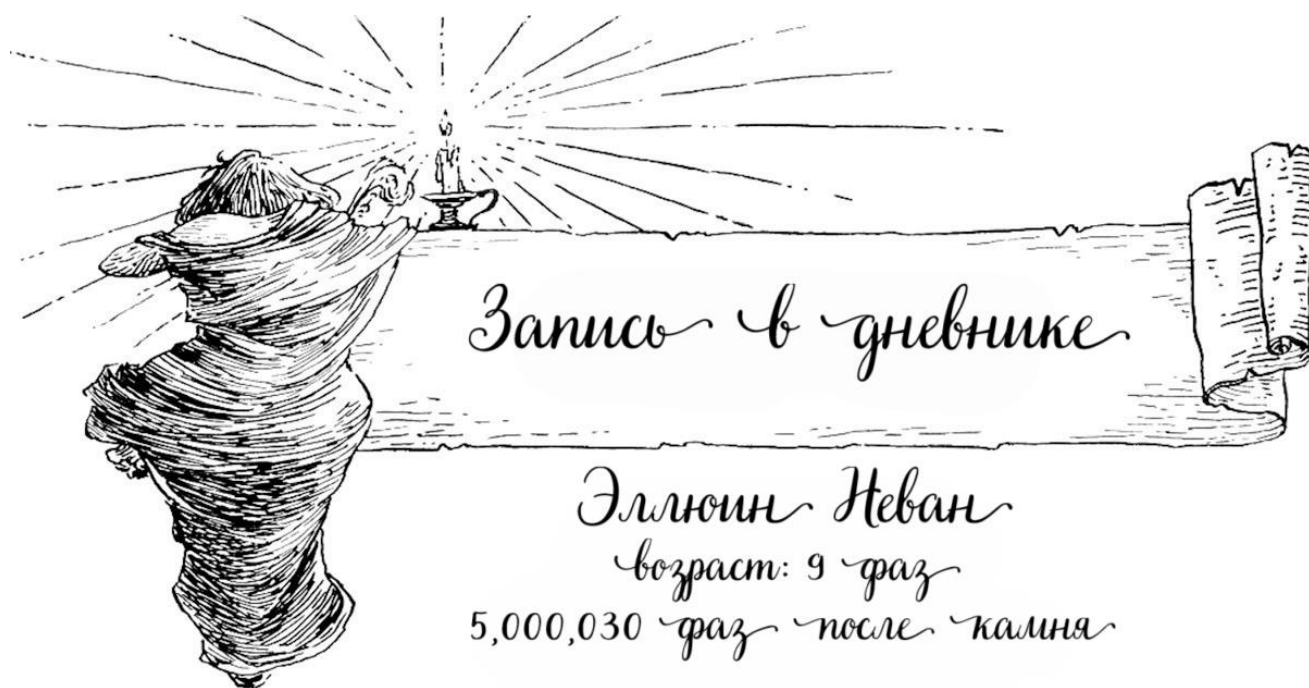
Она выплевывает палец, растянув губы в кровавой улыбке.

Рекк моргает, уставившись на окровавленный обрубок, а затем запрокидывает голову и разражается хохотом, издеваясь над звуком до тех пор, пока тот не становится сломанным и усталым.

Улыбка Иной гаснет.

Рекк снова встречается с ней взглядом, сжимает свою окровавленную, изуродованную руку в кулак, отводит назад и с размаху бьет кулаком по лицу.

Ослепительный взрыв боли, прежде чем тьма поглощает ее.

На окраине Незерина холодно, но чтобы яйцо мунплюма вылупилось, оно должно оставаться здесь, в холоде, пока не начнет качаться. Тогда я должна обложить его кусками льда и ждать, пока вылупившийся птенец освободится от скорлупы.

Я должна сделать все это сама, потому что Хейден не может. Потому что я нашла его спящим на дне расщелины, он обнимал украденное им яйцо мунплюма и не мог пошевелить ногами.

Я разбудила его. Сказала ему, что приведу Махми и Пахми. Он сказал, что я умру, если сама отправлюсь домой. И что его яйцо тоже умрет.

Это меня очень встревожило.

Сани не могут проехать так далеко, поэтому я построила снежную хижину, чтобы Хейдену было тепло и безопасно, пока он спит. Потом я сделала три ходки в хижину вылупления и перевезла все наши вещи.

Я снова разбудила Хейдена и сказала ему, что очень-очень постараюсь вытащить его на холод, когда вылупится мунплюм, чтобы он мог с ним сблизиться. Он дотронулся до моего лица и сказал, что любит меня и рад, что я забралась к нему в сани, а затем снова погрузился в глубокий сон.

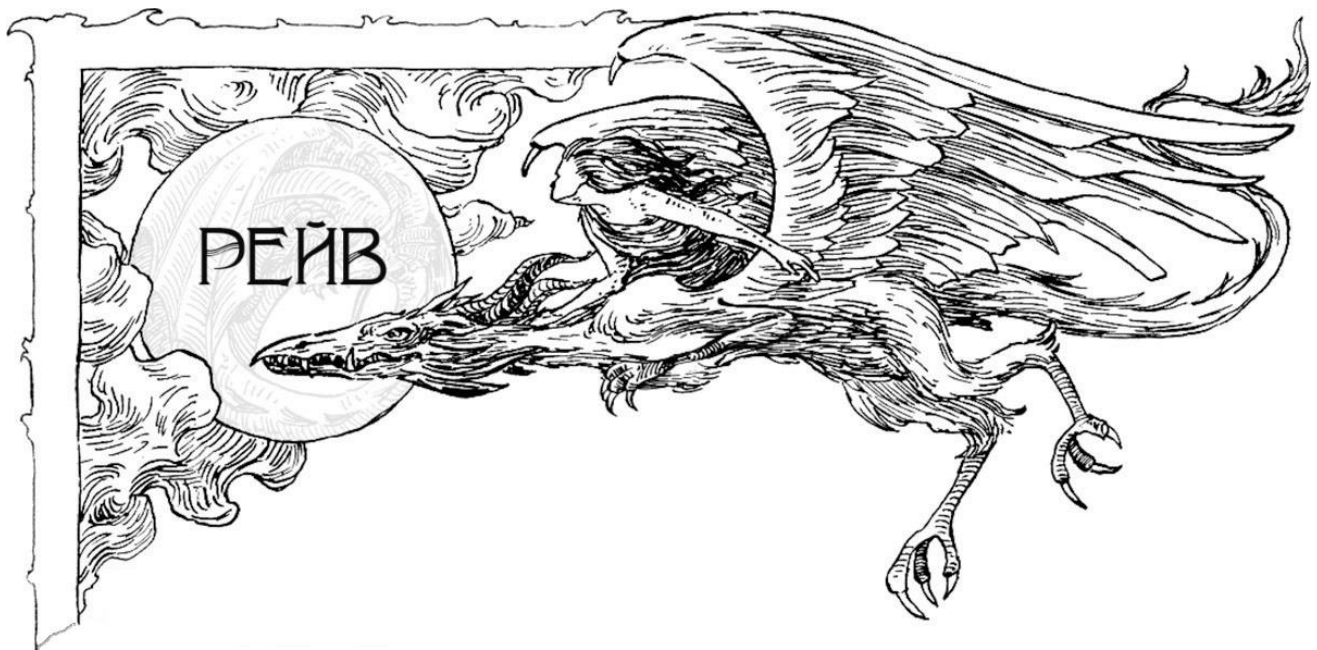
Он много спит. Я начинаю бояться, что однажды он не проснется. Что его грудь вдруг перестанет двигаться.

От этой мысли у меня самой болит грудь. Мне хочется плакать.

Но я не буду. Я отказываюсь. Я должна быть сильной для Хейдена, потому что он не может быть сильным сам.

Но если он не проснется, я решила, что не поеду домой. Я не смогу посадить его на сани и не оставлю его здесь, в холоде и темноте, одного. Он ненавидит быть один, и он действительно ненавидит темноту.

Я скучаю по Махми и Пахми.

Я погружена в ледяной сон, мягкий, как тонкий хвост, обвивший моё тело, плывущее по течению небытия.

Прекрасного, гипнотического небытия.

Пока что-то не *щелкает* рядом с моим ухом, вырывая меня на поверхность и бросая в болезненный крик реальности.

Горячей, причиняющей боль, *тяжелой* реальности.

Мои лодыжки закованы в кандалы, и весь мой вес приходится на запястья, которые связаны вместе и вытянуты вверх, а плечи грозят выскочить из суставов. Правое плечо пронзает острая боль, причиной которой, без сомнений, является гвоздь или что-то похожее, все еще застрявшее в кости.

Но эта боль — лишь капля в море боли, которую я испытываю. Болит каждая мышца моего тела, как будто меня выжимали под разными углами, а потом встряхивали, как тряпку для мытья посуды. Даже челюсть и десны болят так, словно я грызла что-то твердое и тягучее, пока мое сознание находилось где-то далеко от невыносимой боли в моем сердце.

Я провожу языком по зубам и чувствую, что в узкой щели между моим клыком и соседним зубом застрял вязкий кусочек... *чего-то*.

Покрывшись мурашками, я решаю, что лучше не знать, что это такое.

Мне удастся приоткрыть только одно веко, второе разрывается от боли, глазное яблоко пульсирует.

Я стону, разглядывая окружающую обстановку сквозь покрытые кровью пряди волос. Мои кожаные ножны и бандольер свалены в кучу на полу неподалеку, большинство оружия отсутствует.

Черт.

Я рассматриваю простые каменные стены, украшенные несколькими зажженными факелами. Прямо передо мной — деревянная дверь, от которой тянется кровавый след, ведущий прямо сюда... где я подвешена...

Мой взгляд падает на мой комбинезон, который раньше был коричневым, а теперь пропитался красным.

Кроваво-красным.

Мое сердце замирает.

Что бы ни случилось во время моего отключения сознания, я оказалась связанной в этой незнакомой комнате, вся в крови, с застрявшим между зубами куском чего-то вязкого и, скорее всего, с разбитой глазницей.

Выглядит не очень хорошо.

Я заглядываю внутрь себя, направляюсь к своему озеру и содрогаюсь от открывшегося зрелища — обычно гладкая, покрытая льдом поверхность теперь усеяна ледяными осколками и вздыбленными остриями торосов, устремленными ввысь.

Ну и бардак.

Я поспешно выбегаю оттуда, и мой взгляд возвращается к мокрым стенам маленькой душной комнаты.

У меня покалывает затылок. Как будто кто-то за моей спиной только что подошел вплотную.

Ритмичный стук тяжелых, грохочущих шагов нарушает жуткую тишину, и я вспоминаю слова Эсси:

Когда он уходил, его сапоги издавали лязгающие звуки...

У меня кровь стынет в венах.

Я слышу, как он обходит меня, словно один из печально известных хьюлингов Тени кружит вокруг своей добычи — смертельный танец хищника, находящегося на вершине пищевой цепочки. Хищника, который заслужил право поиграть со своей добычей, прежде чем сожрать ее.

Сначала я вижу его ботинки, каблуки с металлическими шпорами, покрытые достаточным количеством плоти и крови, и рычу еще до того, как поднимаю на него взгляд.

Холодные, расчетливые глаза — две лазурные сферы — смотрят на меня.

Рекк Жарос.

Он улыбается.

— Вот и она.

Я дергаюсь в своих оковах так сильно, что кожа на запястьях рвется, вспыхивая жжением, которое меркнет по сравнению с нарастающей болью в груди.

— *Ты убил Эсси.*

Мой голос срывается, и я чувствую привкус крови.

— Мы это уже обсуждали, — говорит он, закатывая глаза, и встает передо мной — соединение поджарых мышц и плавных кошачьих движений, длинный хлыст с железным наконечником волочится за ним, как хвост. — Если хочешь поймать бешеную собаку, нужно использовать правильную приманку. В моей работе нужно быть изобретательным. Как бы тебе ни хотелось думать, что ты особенная, на самом деле в этом нет ничего личного.

Я скажу ему то же самое, когда буду вырезать буквы на его груди после того, как освобожусь от этих *гребаных* пут. Хотя это будет ложью, и он это поймет, потому что я буду все сильнее хохотать с каждым следующим разрезом. Потому что это личное.

Очень.

Я снова дергаю веревки, стягивающие мои запястья.

Снова.

— По крайней мере, это *не было* личным, пока ты не откусила мне палец, — бормочет он, поднимая правую руку и помахивая перевязанным обрубок.

Я замираю, а язык так и тянется к тому, что застряло между зубами...

В этом есть смысл. Как и моя ноющая челюсть.

Я втайне надеюсь, что не проглотила его палец, вспоминая прошлые случаи, когда я отключалась, а потом приходила в себя с болью в животе и странным привкусом дичи во рту.

Лучше не думать об этом слишком много.

Рекк останавливается передо мной, достает из кармана кожаный кисет, разворачивает его, вынимает курительную палочку и засовывает ее между губами.

— Итак, — произносит он приглушенно, достает из другого кармана серебряный вельд и откидывает крышку, обнаруживая спрятанный внутри язычок пламени, который теперь пляшет наверху инструмента. С ее помощью он поджигает кончик своей палочки, окутывая лицо дымом. — Ты — двойной стихияль.

Дыхание вырывается из моих легких так быстро, что выражение лица почти искажается.

Проклятье.

Похоже, мой внутренний психопат реагирует, подбирая убедительные слова, которые он использует как камни, чтобы утянуть меня на дно этого озера гибели.

Приходится приложить усилия, чтобы не вздохнуть.

— Неужели? — Я заставляю себя озадаченно нахмуриться, отчего кажется, что глаз вот-вот выскочит. — Я думала, это просто непонятные голоса в моей голове. Странно.

Он приподнимает обе брови.

— Мне трудно в это поверить.

— Может, тебе стоит использовать свое воображение?

Он жадно затягивается, затем выдыхает мне в лицо, наполняя мои легкие густым, мощным ароматом.

— Полегче с этим дерьмом, — говорю я, откашливаясь. — Я не хочу, чтобы они уничтожили твои легкие до того, как у меня появится шанс сделать это.

Он наклоняет голову набок, его взгляд прищуривается.

— Твои глаза изменились. Раньше они были черными. Теперь они голубые.

— У тебя действительно богатое воображение. Талантливый мальчик.

Он хмыкает, продолжая наблюдать за мной, делает еще одну затяжку, сжимая палочку поврежденной рукой, и следующие слова вырываются вместе с клубами дыма.

— Кемори Дафидон, странствующий бард из Орига... Как тебя зовут на самом деле?

— Умри медленной, мучительной смертью, и, возможно, я прошепчу его тебе на ухо прямо перед тем, как у тебя остановится сердце.

— А ты заноза. — Его взгляд опускается к моей груди и снова поднимается, губы изгибаются в слащавой улыбке. — Сексуальная, на самом деле.

— Вряд ли ты сможешь выдержать, жалкий кусок дерьма.

Он смеется и делает еще одну затяжку.

— Я ненасытный...

— Если я вынуждена выслушивать твою чушь, то, по крайней мере, расскажи мне что-нибудь, чего я еще не знаю.

— Видишь ли, на этой конкретной работе мне платят за *голову*. Так что, моя сквернословящая сучка, я предлагаю тебе шанс избежать возмездия за солдат, которых ты меня лишила. И вот за это, — говорит он, поднимая свою раненую руку.

Мое внимание переключается на его хлыст, затем возвращается к глазам.

— Думаешь, я боюсь твоей маленькой игрушки, Рекк?

— А стоило бы. — Он криво ухмыляется, демонстрируя острые клыки и обещание боли. — Железный наконечник *куса*ется.

— Я видела и побольше. Но если порка женщины заставляет тебя чувствовать себя сильным мальчиком, то не дай мне растоптать твои мечты. Не волнуйся, я справлюсь. У меня достаточно яиц для нас обоих.

На этот раз, когда он смеется, в его смехе нет ни капли искренности.

Он взмахивает рукой.

Хлыст молниеносно рассекает воздух, и дыхание вырывается из моих легких, когда волна боли пронзает мое бедро, разрывая защитный костюм и вспарывая кожу.

Я плотно сжимаю губы, борясь с желанием закричать, тело содрогается. Моя плоть горит от предвкушения, готовясь к следующему удару, который, несомненно, последует.

— Сейчас ты молчишь, — говорит он, делая еще одну затяжку. — Но если бы ты меньше болтала в «Голодной лощине», ты бы не оказалась в таком затруднительном положении, а твоя подруга не была бы сейчас мертва.

Сердце пропускает удар, потом еще один — его слова проникают в мои внутренности, как наконечники стрел, разрывающих плоть...

Левви.

Он говорит о Левви.

Что означает...

— В свою очередь, она передала тебе записку с рунами, по которой я разыскал твоё жилище.

Комната кружится, мой беспокойный разум мечется так быстро, что все нити, которые обычно связывают меня воедино, запутываются, пока не превращаются в клубок узлов.

Мои данные. На случай, если ты захочешь снова выступить вместе...

В тот момент, когда она произнесла эти слова, на ее губах появилась грустная улыбка, как будто они были неприятны на вкус.

Творцы...

Мне *не нужно* было показывать ей сферу — я бы и без этого обошлась. Но я торопилась. Отвлекалась. Я так отчаянно хотела завершить миссию, за которую боролась.

Я была слепа. Глупа.

Эгоистична.

И теперь Эсси мертва.

Я стону — свежая информация острой болью вспыхивает в моей груди, попадая прямо в рану, которая еще не успела зарубцеваться.

— Представь мое разочарование, когда я активировал руну слежения и понял, что записка не привела меня в Расцвет, — говорит Рекк, направляя на меня дымящуюся палочку и стряхивая пепел. — Значит, ты просто солдат. Та, кого они используют для грязной работы. Понимаешь, мне нужен кто-то, кто имеет тесные связи с Фениксом или, по крайней мере, знает, где находится Расцвет. Ты можешь помочь мне с этим?

Серим.

Я опускаю подбородок, глядя на него исподлобья, мысли мечутся в голове.

Как бы я ни ненавидела эту сучку, я никогда не смогу отдать ее этому придурку-садисту. Это не только поставит под угрозу Руз, но если этот монстр завладеет флаконом, который висит у нее на шее, многие другие, кого я уважаю, станут жертвами Короны.

Это не вариант.

Нет.

— О, не смотри на меня так. — Он затягивается до упора, а затем бросает ее, и давит каблуком ботинка. — Мы оба знаем, что, как только я передам тебя Короне, Гильдия знати устроит показательное шоу, и это не закончится для тебя — моей хорошенькой, бешеной дворняжки — ничем хорошим. Однако в *этой* комнате, — говорит он, поглаживая рукоять хлыста, — у тебя есть уникальная возможность избежать этой участи, если ты решишь... не знаю... — он качает головой из стороны в сторону, — снова *поболтать*. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Да, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. — И я *от всей души* отказываюсь.

Нахмурившись, он приседает так, что я смотрю на него сверху, и одаривает меня взглядом, полным замешательства.

— Мне кажется, ты не понимаешь. Я даю тебе шанс *выжить*, ты, тупая сука.

— Ты ошибаешься. Я знаю, в какую больную, извращенную игру ты играешь. Я просто отказываюсь в ней участвовать. Так что можешь щелкать своей игрушкой и кромсать мою кожу, но единственное, что я пролью, — это *кровь*.

Мои слова эхом разносятся по помещению, отражаясь от стен.

Я собираю полный рот слюны и *плюю*.

Плевков попадает ему в глаз, и я с удовольствием наблюдаю, как дрожит его верхняя губа и морщится лицо.

Он поднимает руку, чтобы стереть кровавый след.

— Да будет так, — усмехается он и встает.

В четыре коротких шага он оказывается у меня за спиной и хватает мой комбинезон.

Что-то холодное и острое скользит по моей спине.

Раздается треск ткани, когда одежда рвется, как лист оберточного пергамента, обнажая кожу. Лезвие со звоном падает на землю — единственное предупреждение, которое я получаю перед тем, как первый удар впивается в мою кожу, словно лента пламени.

Мое тело дергается, но я захлебываюсь криком, отказываясь выпустить его на свободу.

Доставить ему удовольствие услышать мой вой.

Еще один свистящий удар рассекает воздух, разрывая мое тело от плеча до позвоночника.

Дрожь зарождается в животе и распространяется по моим органам, костям, по моей истерзанной коже, когда он *хлещет* меня.

Хлещет.

Хлещет.

Брызги крови разлетаются вокруг, мое тело испаривают снова и снова, пока я не чувствую, как ошметки моей кожи свисают и разлетаются в разные стороны при каждом вздрагивании от непрекращающегося шквала ударов.

Но как бы сильно он ни бил, боль от хлыста — ничто по сравнению с той агонией, которую я испытывала, когда Эсси ускользала. Когда она выпускала последний вздох, и тепло покидало ее тело.

Я смотрела на нее в последний раз, и мне хотелось, чтобы у нее выросли крылья и она взмыла в небо, чтобы она могла свернуться и занять свое место среди лун, где я могла бы видеть ее. Чтобы мне не пришлось прощаться.

Навсегда.

Поэтому я принимаю эти удары. Рычу сквозь стиснутые зубы, когда мой мочевого пузырь слабеет.

Умоляю *существо* внутри меня больше не появляться.

Это мое наказание за то, что я подвела Эсси — во многих отношениях. За то, что верила, что смогу любить кого-то на расстоянии. Что их не постигнет та же участь, что и всех, кто проникает под огрубевшие шрамы моего сердца.

Я облачаюсь в удары боли, как в доспехи, надетые на мое тело, запах моей крови наполняет комнату, пока я не убеждаюсь, что тону в ней.

Пока тьма, затуманивающая мой взор, наконец, не выигрывает войну.

Самый большой мунплюм, которого я когда-либо видела, с визгом проносится по небу. Я думаю, это самка, потому что тонкий кончик ее хвоста очень длинный и гладкий, как у мунплюма Махми, Натэй.

Думаю, она ищет свое яйцо. Оплакивает его. Охотится на нас.

Я так думаю, потому что она серебристая, как это яйцо, и я никогда не видела другого мунплюма такого металлического оттенка серого.

Мы могли бы спрятаться в хижине вылупления, но здесь нам негде укрыться. Не получится. Я боюсь, что она скоро найдет нас и убьет за то, что мы разграбили ее гнездо.

Я умоляю яйцо начать качаться, чтобы я могла уложить вокруг него весь лед, который я отколола от соседнего столба за эти фазы. Как только птенец вылупится, я смогу отнести его в снежную хижину, где он будет в безопасности вместе с Хейденом, пока я не придумаю, что нам делать дальше. Как мы вернемся в Аритию.

Сейчас это кажется невозможным.

Хейдену не становится лучше, и, похоже, на нас охотится не только мунплюм. Я слышу, как где-то неподалеку стрекочет стая думквилов, словно чувствуют в воздухе запах смерти. Они издают жуткие дребезжащие звуки, которые звенят в тишине и пугают мое сердце, хотя я боюсь не за себя.

Я боюсь за это прекрасное яйцо, лежащее на снегу перед нашей импровизированной хижинкой. Оно похоже на маленькое серебристое солнышко, излучающее столько света. Я пишу, сидя рядом, и держу в другой руке кинжал из драконьей чешуи Хейдена.

Я никогда не держала его в руках. И никогда не хотела. Но если думквилы отважатся напасть, мне придется защищать яйцо. И Хейдена.

Но мне не нравится мысль об убийстве. Я не хочу ничего убивать.

Я очень надеюсь, что они не подойдут слишком близко.

Ощущение, как что-то капает на висок, вырывает меня из сна, наполненного огнем и ядовитым страхом, крик угрожает вырваться из моего горла...

Глаза распахиваются, зубы стиснуты, я с шипением втягиваю воздух и жду, когда огненный ужас перестанет трепыхаться внутри. Клубы дыма рассеиваются, и мрачное помещение, в котором я нахожусь, обретает четкость.

Настоящее.

Спина напрягается, кровь леденеет.

Я сжалась в комок в углу...

Клетки.

Я одна в клетке.

С трех сторон небольшое пространство окружено решетками, за моей спиной — стена из мокрого камня, низкий потолок собирает влагу на своей неровной поверхности. Над каждой клеткой напротив меня и по обеим сторонам, насколько я могу видеть, висит по одному фонарю, а в воздухе витает мерзкая смесь крови, рвоты, экскрементов и гниющей плоти.

Желчь угрожает подступить к моему горлу, чудовищность всего, что произошло с тех пор, как я проснулась в своей спальне от панических толчков Ней, обрушивается на меня, как лавина. Внезапная дрожь пробирает меня до костей — яростная, неукротимая дрожь, вызванная не холодом.

И не страхом.

И не болью.

Дрожь измученной души.

Зубы клацают, даже внутренние органы содрогаются, и вместе с этой ужасной дрожью во всем теле приходит мучительное напоминание о том, что Рекк сделал с моей спиной...

Я стону, вспоминая, как плоть опускалась на мою кожу — снова и снова, — усиливая непрекращающуюся дрожь, которая

просто

не

прекращается.

Заглянув за безразмерную коричневую тунику, закрывающую верхнюю часть моего тела, я вижу железные кандалы, стянутые цепью между лодыжек. На запястьях — то же самое, цепь, натянутая между ними, соединена с той, что между ног, куском металла. Несомненно, это сделано для того, чтобы я не могла ничего предпринять, кроме как сидеть здесь и гнить в собственной грязи.

Тупая боль в плече напоминает мне, что то, что, как я полагаю, является железным гвоздем, все еще глубоко в моем теле. Возможно, гноится.

Черт.

Моя рука поднимается, чтобы выдернуть из межзубного пространства кусок того, что, скорее всего, является сухожилием пальца Рекка. Я отбрасываю его, и от этого движения вся моя спина вспыхивает болью, пронзительный вой грозит разорвать мое горло.

Вместо этого я начинаю напевать свою успокаивающую песню, надеясь, что она умиротворит меня изнутри.

— Я д-д-думал, ты умерла, — доносится до меня пронзительный голос из камеры справа, и моя дрожь утихает так внезапно, что я почти верю, что мне это почудилось.

Я на сколько могу приподнимаю голову и смотрю едва открытыми глазами на существо, вцепившись мохнатыми серыми лапами в разделяющую нас решетку.

Вуто. Самец, судя по длинным усам, завивающимся на концах, в отличие от самок, у которых они прямые, как лезвия.

— Сюрприз, — выдавливаю я.

Его блестящий черный нос подрагивает, и мой взгляд опускается на острые желтые зубы, торчащие из его пасти, — длинные и слегка изогнутые резцы, соединяющиеся кончиками. Его лицо почти полностью скрыто густой серой шерстью, пряди жестких черных волос вьются вокруг его оттопыренных ушей.

— Твой глаз выглядит п-п-плохо.

Я издаю неопределенный звук.

По правде говоря, он меньше всего меня беспокоит.

— Меня зовут Врук. За что о-о-они тебя схватили? — спрашивает он, отпуская прут, чтобы почесать за округлым ухом, его взгляд скользит по засохшей крови на моих сжатых в кулаки руках.

— Делаю плохие вещи плохим фейри.

Так я думаю.

Запекшаяся кровь на моем комбинезоне говорит об этом.

— Я слышал как они с-с-сказали, что ты предстанешь перед с-с-судом Гильдии знати?

Я выдавливаю из себя смешок, который обжигает мое охрипшее горло.

— Конечно.

Не все устаиваются аудиенции в Гильдии. Только те, для кого они выбирают казнь между публичным распятием и четвертованием или скармливанием драконам в Колизее.

Похоже, я попала в число избранных. Ничего удивительного.

Судя по моему взаимодействию с Рекком, Гильдия ни за что не упустит этой уникальной возможности выманить на поверхность побольше членов группы. Гарантирую, это единственная причина, по которой они сочли меня достойной судебного разбирательства. Чтобы затянуть это. Дать им время разработать план.

Проблема в том, что это может сработать.

— Что привело тебя в это прекрасное заведение? — спрашиваю я, пытаюсь отвлечься от терзающих меня мыслей.

— К-к-кража, — говорит Врук, откидываясь назад и сворачиваясь калачиком. Его когтистая лапа поднимается, почесывая, кажется, непрекращающийся зуд за ухом.

— Разве не поэтому твой вид так ценится? Зачем держать тебя взаперти?

— Чтобы наказать моего хозяина. — Выпрямившись, он бросается в дальний угол своей камеры и начинает лихорадочно царапать камень, усыпая осколками землю.

Мои брови поднимаются.

Он целеустремленный. Это хорошо для него. Хотя я не совсем понимаю, зачем он копает землю. Под нами только логово бархатного трогга. Он бы поменял одну смерть на другую, хотя, возможно, он предпочитает умереть в окружении мусора Гора, а не за решеткой камеры.

Может, и мне стоит?

С другого конца коридора доносится всхлип, и я вглядываюсь в темный угол камеры напротив, где вижу смутные очертания женщины, сжавшейся в дрожащий комок, ее белое одеяние местами изорвано, босые ноги покрыты волдырями.

— Что с ней?

Врук останавливается, его усы подергиваются, когда он смотрит через плечо на женщину.

— Отказалась быть чтецом правды для Короны, — пискляво отвечает он.

Моя грудь наполняется острыми камнями, которые впиваются в ребра...

Я вспоминаю о палатках, установленных по всему городу, о солдатах, расставленных по периметру, о вереницах дрожащих детей, проходящих по одному за полог туда, где сидит чтец правды. Готовый покопаться в их головах, чтобы определить, слышат ли они какую-либо из четырех песен стихий.

Сбоку всегда стоит повозка, готовая принять новобранцев и отвезти их на обучение в Дрелгад. Всегда толпа плачущих родителей, сгибающихся под тяжестью осознания того, что они могут больше никогда не увидеть своих одаренных детей.

Всегда толпа *других* детей — только что помеченных пустых — покидает палатку с кровоточащим ухом, прижимая рукой обрезанную плоть.

Я тяжело вздыхаю.

Звук шагов по коридору заставляет Врука схватить потрепанное коричневое одеяло и прикрыть им дыру. Он спешит в переднюю часть камеры, и я хмурюсь, заметив, что все остальные заключенные, кроме женщины, делают то же самое.

Причина становится ясна, когда в тишине раздается скрип колес тележки, и до меня доносится запах каши. То же самое дерьмо, что подают в мерзких столовых шахт.

Боль в груди пронзает меня так внезапно, что дыхание перехватывает, знакомый запах проникает в открытую, кровоточащую рану моего сердца...

Когда Эсси только попала ко мне, простая каша была единственным блюдом, с которым мог справиться ее чувствительный желудок — она привыкла к безвкусной пище, которую ей удавалось украсть в Подземном городе.

Черноволосый стражник с острым взглядом и аккуратной бородкой останавливается перед моей камерой, приседает и просовывает доску под запертую дверь. Я хмурюсь, приподнимая голову от земли настолько, чтобы увидеть натянутый на нее лист пергамента, приколотый по углам.

Он бросает через решетку заточенный кусок угля, и я не решаюсь пошевелиться достаточно быстро, чтобы поймать его в воздухе, поэтому он попадает мне в лицо.

Мудак.

— Если ты хочешь, чтобы я нарисовала тебе член, то рада тебе сообщить, что твое лицо — идеальная натура, — говорю я, сверкая такой яркой улыбкой, что от нее у меня начинает болеть глазница.

— Распишись за еду, — бурчит он. — И приложи большой палец. Если ты выберешься отсюда живой, тебе придется заплатить за каждую съеденную порцию.

Я фыркаю от смеха.

Тяжело вздохнув, я приподнимаюсь, стиснув зубы и шипя от жгучей боли — истерзанная плоть на моей спине смещается под сотней разных углов. Из ран сочится теплая влага, когда я подаюсь вперед, а мой взгляд утыкается в небольшую металлическую табличку, прибитую к полу перед моей камерой, с указанием ее номера.

Двигая скованными руками, чтобы взять кусок угля, я нацарапываю заостренным краем:

Заключенная семьдесят три

Затем растираю немного угля по большому пальцу и прижимаю его к пергаменту, после чего двигаю доску обратно под дверь.

Стражник смотрит на меня осуждающим взглядом.

— Что? — Я изображаю дурочку. — У меня что-то на лице?

Он протягивает руку.

— Уголь, заключенный семьдесят три. Сейчас же.

— Отлично, — ворчу я, бросая его через решетку. — Я сгнию от скуки еще до начала суда, и это будет твоя вина.

Он хмыкает, подбирает уголь и уходит туда, откуда пришел, как раз когда тележка с помоями подъезжает к моей камере. Гораздо менее представительный слуга Короны наливает черпак склизкой серой жижи в деревянную миску, которую он задвигает под дверь. Тележка останавливается рядом со мной, и мужчина просовывает между прутьями металлическую кружку с водой, а затем толкает тележку дальше по коридору, передавая миску и кружку Вруку.

Я хмуро смотрю на слизь и задаю вопрос:

— Как я должна это есть?

Он смотрит на меня через плечо и рычит:

— Засунь туда свое лицо, мне все равно.

Так много мудаков, и так мало пальцев, чтобы пересчитать их всех.

Мой взгляд перемещается к камере слева от меня, где мужчина руками зачерпывает помои. Его фигура напоминает скелет из выпирающих костей, тонкие волосы покрывают бледную кожу, причинное место прикрыто куском серой ткани.

Его болезненный взгляд устремлен на меня, каша стекает с жесткой бороды, когда он отправляет в рот очередную порцию.

Дрожь пробегает у меня по спине.

Я смотрю на Врука, который засовывает свое вытянутое лицо в миску, поглощая еду прямо оттуда.

— Держи, — говорю я, подталкивая ногой свою порцию под разделяющую нас решетку в его камеру.

Его настороженные глаза расширяются.

— Ты у-уверена?

— Уверена, — отвечаю я, переводя взгляд на его секретное отверстие в дальнем углу. — Тебе энергия нужна больше, чем мне.

Люблю вдохновляться глупой надеждой, как бы тщетно это ни было.

Потянувшись, Врук обхватывает когтистыми лапами край моей миски, подтягивая ее поближе.

— Спасибо, — говорит он, комки этой гадости покрывают его мохнатую морду.

— Без проблем.

Медленными, мучительными шагами я отступаю в угол, затем опускаюсь на землю и закрываю глаза. Слущая хлюпающие звуки, я ковыряю кожу вокруг ногтей.

Мой разум кипит, мысли несутся с бешеной скоростью, вспоминая о другой камере.

О другом времени.

О камере, в которой я родилась своим собственным странным способом, привязавшаяся к ее стенам, запаху и женщине, с которой я ее делила.

Тогда мне было за что бороться. За подругу, которую я любила. Теперь у меня осталось только израненное сердце и ненасытная жажда мести, которая так же бесполезна, как и яма Врука в земле.

Я заперта в камере, закована в железные кандалы, в плече у меня гвоздь, мне назначен суд в Гильдии. Единственный выход для меня — это...

Смерть.

Пахни говорит, что приручение взрослого мунплюма в столь юном возрасте делает меня особенной, но я не чувствую себя такой.

Хейден больше никогда не сможет ходить, потому что кости срослись, но не так, как надо. Пахни говорит, что ни у кого нет умений, чтобы снова сломать, а затем правильно их соединить, не разрезая его и не рискуя причинить еще больший вред.

Его мунплюм, возможно, никогда не сможет летать, потому что ее крылышко повреждено. Наш временный инкубационный лагерь обнаружила стая думквилов как раз в тот момент, когда яйцо Хейдена начало качаться, и мне пришлось спрятать его в тепле вместе с ним прежде, чем мунплюм успел полностью вылупиться.

Да, я отбилась от думквилов, но я бы проиграла, если бы не появился огромный мунплюм, испепеливший их всех. Да, потом я забралась ей на спину и очень долго держалась за нее, пока она не послушала мою тихую песню, но я просто сделала то, что должна была сделать, чтобы вернуть брата домой. Потому что Творцы не стали петь мне, сколько бы я ни умоляла их помочь.

А теперь они никак не заткнутся.

Врук скребется в углу своей камеры, а я напеваю, сидя в своем углу и постукивая ногой по земле в такт мелодии, звучащей в моей голове. Я обвожу взглядом неровности потолка, нахожу капли влаги, свисающие с самых заметных выступов, и пытаюсь угадать, какая из них упадет следующей. В эту игру я играю время от времени с тех пор, как оказалась здесь.

Не знаю, как давно это было. Кажется, прошло какое-то время.

Возможно, те, кто бросили меня сюда, думают, что если оставить меня гнить в этой дыре, я сойду с ума и превращусь в кашу. Стану достаточно сговорчивой, и когда они наконец представят меня Гильдии знати, я подчинюсь их жестокой воле.

К несчастью для них, я хорошо поднаторела в искусстве выживания в замкнутом пространстве, и в камере можно найти *множество* способов скоротать время, если у тебя богатое воображение.

По коридору раздаются тяжелые шаги, и я веду себя тише, с легкой улыбкой наблюдая, как Врук натягивает одеяло на свою бунтарскую яму, сворачивается перед ней в клубок и притворяется спящим.

Мой взгляд прикован к капле воды, которая, я уверена, упадет следующей, и разочарование накрывает меня, когда вместо этого другая капля падает мне на кончик носа, заставляя поморщиться.

Я хмурюсь, прищуривая глаза на шатающейся капельке...

Капай, упрямая гадина!

Другая капля падает мне на колено, и вздох вырывается из моих пересохших, растрескавшихся губ.

Я ужасна в этой игре. Ни разу у меня не получилось угадать правильно. Клянусь, я разберусь в этом коде к тому времени, когда меня поведут на казнь.

Мимо моей камеры проносится фигура в развевающемся белом одеянии, и голос в глубине моего сознания задается вопросом, зачем руни понадобилось лезть в зловонные недра Гора, заваленные полусгнившими «предателями» Короны. Кто бы это ни был, он останавливается перед камерой Врука и приседает.

— Я слышал, ты украл не то кольцо не у той феири, — произносит мужчина глубоким, хриплым голосом, от которого мурашки пробегают по моей коже.

Я *узнаю* этот голос.

Сердце гулко ударяется о ребра, взгляд устремляется к широкоплечему гостю в плаще, пока Врук делает вид, что потягивается.

Мужчина в капюшоне из «Голодной лощины», теперь одетый как руни.

Я забиваюсь подальше в темный угол...

Я чувствовала себя такой сильной и уверенной в ветровом тоннеле, когда мой железный клинок прижимался к его члену. А теперь я разваливаюсь на части в камере, считаю капли на потолке, воняю грязью и кровью. Я как дракон в середине линьки, и меньше всего мне хочется, чтобы этот оценивающий взгляд смотрел на мои уязвимые места, которые еще не полностью огрубели.

— Дорогостоящая ошибка, — выдавливают из себя Врук, фальшиво зевая.

Мужчина хмыкает.

— Я искал тебя повсюду, знаешь ли.

Уши Врука поворачиваются вперед, нос подрагивает. Он облизывает лапы и проводит ими по шерсти на морде, опускаясь на корточки.

— Почему?

— Потому что один мой знакомый увидел, как ты бежал к ближайшей канализации зажав *лунный осколок*.

Мое сердце замирает.

Почему в этом забытом Творцами мире он охотится за лунными осколками?

Врук поднимает заднюю лапу, чтобы почесать за ухом.

— Я не знаю, о чем ты г-г-говоришь.

— Я могу вытащить тебя. Вырыть проход не получится. Это место защищено от подкопов глубже фута. И у меня есть клык саберсайта, который я готов обменять на осколок.

Я поднимаю брови.

По словам Руз, саберсайты сбрасывают свои клыки при каждой линьке, но найти их очень трудно.

Я вспоминаю, как впервые купила осколок для Эсси. Руз сказала, что они не выпадают до тех пор, пока зверь не достигнет пика своего роста, и их часто поглощают вулканы Гондрага, поскольку именно туда слетаются саберсайты, чтобы завершить свою линьку, прячась подальше от всего, что может повредить их уязвимому состоянию. Я также быстро выяснила, что они стоят в десять раз дороже драконьего кровавого камня, который используется в качестве связующего вещества большинством руни для своих гравюр.

Нос Врука подергивается, его лапа медленно опускается и касается пола.

— Какого размера к-к-клык?

— С мою ногу.

Я смотрю на эту ногу, и мои глаза расширяются.

— Договорились, — выплевывает Врук, его ответ быстрее, чем щелчок хлыста Рекка.

Я улыбаюсь, гордость расцветает в моей груди.

Я рада за него. Люблю счастливые концовки.

— Я выкуплю твой приговор и освобожу тебя к восходу, — говорит мужчина, уже проходя мимо моей камеры, но вдруг останавливается, глубоко вдыхает воздух и поворачивает голову в мою сторону медленнее, чем заходящая Аврора.

У меня перехватывает дыхание.

Его пристальный взгляд впивается в мою фигуру, сидящую в тени, словно пытаюсь пробиться сквозь завесу грязи и тени к моему незащищенному лицу.

Я опускаю подбородок к груди, пряди волос падают вперед, закрывая меня.

Уходи.

Уходи.

Уходи...

— Это *ты*, — произносит он, и мое сердце замирает, а волосы на затылке встают дыбом. — Выйди на свет.

— Кто умер и сделал *тебя* королем? — выдавливаю я сквозь свое охрипшее горло.

— Мой Пах, — невозмутимо произносит он, и смех вырывается из меня, затихая прежде, чем лишнее движение успевает снова разорвать мои раны и заставить их кровоточить.

— Забавно.

Воцаряется тишина.

Он подходит ближе к решетке, скрестив руки на широкой груди, и неловкая пауза затягивается так надолго, что начинает меня раздражать.

— Ты... чего-то ждешь? — спрашиваю я, нахмурившись.

— Да. Чтобы ты вышла на свет, и я смог увидеть твоё лицо.

Я фыркаю от смеха.

Самоуверенный засранец.

— Нет, спасибо. Тебе придется пройти через эти железные прутья и самому вытащить меня на свет.

Проходит мгновение, прежде чем он берется за замок, висящий на моей двери, и костяшки его пальцев белеют. Металл скрипит и стонет, и он опускает руку вниз.

Я резко втягиваю воздух, когда замок открывается.

Сломанный.

Он поднимает руку и демонстративно разжимает пальцы, позволяя бесполезному куску металла упасть на землю с грохотом, который эхом отражается от стен в такт моему бунтующему сердцу.

Черт.

— Обычно я не люблю брать у женщины то, что она не дает добровольно, — хмыкает он, снимая защелку с петли. — Однако твой голос напоминает мне кое-кого, и я провел пять бессонных снов в уверенности, что схожу с ума.

Он распахивает дверь, и звук скрипящих петель нервирует меня, напоминая о том, как меня вытаскивали из другой камеры — ногами вперед, пока я царапала ногтями камень и рычала сквозь оскаленные зубы.

Он делает первый шаг, и я подтягиваю ноги, стискивая зубы, чтобы не взвыть от боли, когда переносу свой вес на израненную спину и опираюсь на стену.

— Не хочу тебя расстраивать, — шиплю я, — но я никогда не видела тебя до той встречи на южной стороне стены.

— Ради твоего же блага, — рычит он, шагая вперед, заполняя пространство своей массивной фигурой, — надеюсь, ты ошибаешься.

— А если нет?

Он подходит так близко, чтобы я могу протянуть руку и коснуться его, и мой следующий вдох наполняется его одурманивающим запахом.

Он откидывает капюшон, открывая красивое, суровое лицо.

При виде него у меня перехватывает дыхание.

Сжав губы, он делает еще один шаг вперед.

— А если *нет*?

— *Vaght*, — шепчет он, и это обжигающее слово вспыхивает в моем сознании.

Мой позвоночник напрягается, каждый нерв в теле покалывает совершенно неправильным образом.

Фонарь над головой дребезжит, словно что-то внутри пытается вырваться наружу. Одно из его крошечных стекол лопается, и язычок пламени падает в

его раскрытую ладонь, которую он подносит к моему лицу, словно глиняную чашу.

Его густые черные брови сходятся, лицо бледнеет, а я сжимаю зубы, и мое сердце замирает.

Его глаза округляются.

Я смотрю на это пламя, как на врага, ожидая, что он проведет им по моей плоти и оставит очередной болезненный след.

Из него вырывается сдавленный хрип, словно его легкие забыли, как работать.

Он поднимает дрожащую руку, как будто хочет провести по моей щеке, оставляя между нами расстояние в дюйм — тепло, исходящее от его ладони, подобно солнечному лучу.

— К.. — Его взгляд мечется по моему лицу, с пугающей пристальностью разглядывая черты. — *К-как?*

Что-то в том, как он произносит это слово, пронзает меня насквозь, словно он опускает свои большие, сильные руки в мои ледяные глубины, превращая мое замерзшее озеро в бушующий шторм.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но все, что выходит, — это дуновение морозного воздуха.

Напряжение нарастает в пространстве между нами.

Ладонь, почти обнимающая мое лицо, отдергивается, сжимаясь в кулак. Он бьет кулаком в стену за моей головой с такой силой, что в камне образуется трещина, пересекающая потолок.

На нас падают капли воды.

— *Как?* — ревет он, и я рычу, показывая клыки, которые так и норовят вонзиться в его плоть.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — рычу я, желая, чтобы он убрался отсюда.

Ушел.

Хочу, чтобы пламя в его руке погасло, пока оно снова не причинило мне боль, от которой я с таким трудом избавлялась.

— Она говорит правду, — доносится дрожащий голос из камеры напротив. От темноволосой чтицы правды, которая перестала плакать только восемьдесят девять потолочных капель назад.

Я думала, она спит.

Мужчина хмурится, отрывает от меня свой пристальный взгляд и бросает его через плечо в ее сторону.

— Ты чтица правды?

— Да. Она смущена твоим интересом. Она также в ужасе от...

— Хватит, — огрызаюсь я, и мои слова рикошетом отскакивают от стен.

Мужчина снова обращает на меня свой всепоглощающий взгляд, в котором так много оттенков неверия.

Он гасит пламя, сжав его в своей большой мозолистой руке, но у меня есть лишь краткий миг передышки, прежде чем он достает из кармана металлический вельд и откидывает крышку, открывая кроваво-красный язычок пламени саберсайта.

Мое горло сжимается, и сквозь него вырывается сдавленный хрип. Звук, который я хочу уничтожить, как только он сорвался с моих губ.

Он поднимает другую руку, грубыми кончиками пальцев убирает прядь волос с моего лба, оставляя на коже покалывающий след.

— *Убери от меня свои руки,* — вспыхиваю я, когда он запрокидывает мне за ухо прядь черных волос.

Из его груди вырывается рык, который заставляет меня представить, как содрогается земля, когда он проводит кончиком пальца по неровному шраму у

меня на лбу. Шрам, который можно разглядеть только с помощью драконьего пламени — единственного способа увидеть след древних рун и их светящиеся призраки.

— Твоя голова, — хрипит он. — Тебя вылечили.

Вылечили...

Такое забавное слово, означающее конец чего-то. Но от каждой раны остается боль, если заглянуть достаточно глубоко.

Рана никогда не исчезает *полностью*.

— Не помню, откуда он взялся.

Это не ложь.

Он опускает взгляд.

— Твой глаз. Что случилось?

— Споткнулась о камень.

Его голова склоняется набок.

— Он подпрыгнул и ударил тебя по лицу?

Я натянуто улыбаюсь.

— Странные вещи происходят.

На мгновение воцаряется тишина, прежде чем он продолжает, так спокойно и мягко, что пробирает до костей.

— Кого ты защищаешь, Лунный свет?

Мою бессильную, задыхающуюся месть, которая не дает мне покоя.

Возможно, мое искаженное зрение мешает мне нормально видеть, но у него странный взгляд. Как будто если я скажу ему, кто *на самом деле* ударил меня по лицу, он сам убьет его, но я буду жить надеждой сделать это сама, пока меня не перекусит драконья пасть или не разорвет от горла до пупка.

— Это не мое имя. И я не нуждаюсь в том, чтобы ты сражался в моих битвах, так же как и в твоём присутствии в этой камере.

Он отступает на шаг назад и захлопывает крышку своего вельда, запечатав пламя обратно в металлический флакон с рунами.

— Докажи это.

Я хмурюсь.

— Прости?

— Повернись, подними тунику и покажи мне свою спину. Если камень может так повредить твоё лицо, то мне *очень* интересно посмотреть, что же с тобой случилось, чтобы наполнить эту камеру запахом крови.

Мое сердце ухает в пятки.

— Я... *Нет.*

— Всегда такая упрямая, — вырывается у него, и он произносит эти слова так, будто чертовски хорошо меня знает.

Он тянется вперед...

Кто-то бежит по коридору, облаченный в ещё одну белую мантию руни, похожую на ту, что надета на этом мужчине, — очевидная уловка, учитывая его вельд и близость с Игносом. Если, конечно, он не разносторонне одарен.

Приближающийся руни замирает у моей камеры, заглядывая в темноту.

— Сир? — шепчет он, и это слово пронзает меня. Его глаза расширены от паники, взгляд мечется между нами. — Стража идет. Много.

Мои брови сходятся на переносице, взгляд возвращается к мужчине, неподвижно стоящему передо мной.

Не мигая.

Сир.

Гребаный сир.

Осознание этого окатывает меня, как ледяная вода, лишая всего тепла мое тело.

— Ты... *король.*

— Именно это я и сказал ранее, — он быстро накидывает капюшон, пряча лицо в тени, но его глаза все равно мерцают, словно тлеющие угольки, пойманные в орбиты. — Это проблема, Лунный свет?

Волна жгучей ярости наполняет мою грудь и рот так, что я не могу говорить. Не в силах сказать ему, что да, это проблема.

Тень, Сумрак и Пекло управляются разными братьями Вейгор, но все они сделаны из одной и той же мерзкой ткани.

Я видела короля Сумрака издалека — Кадока Вейгора. Этот мужчина — не он. Значит, он правит либо Тенью, либо Пеклом.

Если верить слухам, Тень прогнила еще больше, чем наше королевство, — холодные, темные просторы, которыми правит король Тирот Вейгор. Жестокий король, чье сердце, как говорят, страдает от потери своей королевы.

Пекло... ну.

Немногие из тех, кто отваживается углубиться в солнечную часть мира, возвращаются, чтобы рассказать об этом, хотя говорят, что король Каан дикий и кровожадный. Что Райган — его древний саберсайт — был слишком велик, чтобы поместиться в городском вольере, когда он в последний раз прилетал в Гор. Что он позволяет зверю свободно охотиться по всему своему королевству, сжигая города своим пылающим дыханием и пожирая народ, о котором он мало заботится.

Я не уверена, какой вариант хуже. С кем бы я предпочла оказаться в одной камере и дышать одним и тем же грязным воздухом.

Одно могу сказать точно — я не склонюсь *ни перед кем* из них, даже если к моей шее приставят меч.

Топот тяжелых шагов эхом разносится по коридору, пока я выдерживаю его взгляд, и шум стихает перед моей камерой. Краем глаза я замечаю темные силуэты стражников в тяжелой броне.

— Руни, — кричит один из них, — что ты делаешь в камере семьдесят три?

Король, не отрывая от меня взгляда, отвечает:

— Я — местный целитель. Мне поручили осмотреть раны этого заключенного.

Я бросаю на него недоверчивый взгляд.

— Невозможно. Всем строго-настрого приказано не входить в эту камеру. Она наша самая опасная пленница.

Я была бы польщена, но для этого чувства не находится места рядом с бурлящим источником неразбавленной ярости, которая подступает к моему горлу, словно у дракона, готового выпустить первое пламя.

— Я вынужден приказать покинуть ее камеру. Ее ждут на суде в Гильдии знати. Мы должны сопроводить ее прямо туда.

Музыка для моих ушей. Я не хочу больше ни секунды находиться в присутствии этого монстра.

— Да, *местный целитель*, — говорю я, одаривая его кислой улыбкой, — будь добр покинуть мои покои. Я не нуждаюсь в твоей помощи — ни сейчас, ни когда-либо еще.

Атмосфера между нами становится невыносимо напряженной, и он с ворчанием отступает назад.

Стражники наводняют мою камеру, сверкая кроваво-красными доспехами и заполняя все вокруг запахом полированной кожи. Один из мужчин хватает меня за раненое плечо и толкает вперед, я морщусь от боли и шиплю сквозь сжатые зубы.

— У нее в плече *гвоздь*, — заявляет король, в его голосе звучит завуалированная угроза смерти, которую мне хочется скомкать и запихнуть обратно ему в глотку.

Я не хочу, чтобы он размахивал здесь своим королевским членом. Уж точно не тогда, когда он не удосуживается сделать это для своего народа.

Он смотрит на стражника так, словно хочет вырвать у него трахею.

— Почему?

— Потому что она разговаривает с Клод и Булдером. — Меня удерживают на месте, пока другой стражник снимает металлическую перемычку, соединяющую мои кандалы. — Именно поэтому сюда нельзя входить.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает король, пока меня привязывают к железной цепи, которую я подумываю использовать, чтобы задушить их всех, пока не замечаю красную бусину стихии, свисающую с мочки уха одного из стражников.

Возможно, нет.

— Она уничтожила целый отряд в Подземном городе. Легкие семерых солдат разорвало еще до того, как она начала метать свои клинки. Она убила еще двенадцать стражников так, что у вас все внутренности вывернулись бы наизнанку, проделала расщелину в земле, в которую попали еще шестеро, а потом откусила палец престижному охотнику за головами, нанятому Короной.

Что ж.

Я молодец. Я бы похлопала себя по спине, если бы с меня не содрали кожу.

— Хочешь сразиться? — спрашиваю я короля, одаривая его гордой улыбкой, которую унесу с собой в могилу, и удивляюсь, почему он не выглядит впечатленным большим количеством трупов, как я ожидала. — Если я выиграю, ты выкупишь мой приговор, и я вернусь к убийству мерзких самцов с маленькими членами и достаточным самомнением, чтобы оправдать их болезненное поведение. А ты вернешься к... ну, к охоте на *лунные осколки*.

Я чувствую, как настороженный взгляд стражника мечется между мной и королем-инкогнито, который подходит так близко, что между нами остается едва ли дюйм пространства.

Мир вокруг нас исчезает, когда он смотрит на меня так пристально, что я почти забываю, как дышать.

— В этом больше нет смысла, поскольку я нашел самую важную часть.

Воздух между нами становится таким плотным, что я уверена — если прикоснуться, он разлетится вдребезги.

На следующем вдохе я прижимаюсь грудью к его твердой, мускулистой груди.

— Ну давай, — говорю я. — Забирай свой *приз*.

— Трудно, — хмыкает он. — Она находится в неудобном месте. Непросто достать.

Я фыркаю.

Да ладно.

— Уверена, у тебя есть все необходимое, — бормочу я, вздергивая подбородок и бросая взгляд на солдата за его спиной. — Давайте поскорее покончим с этим.

— Такая нетерпеливая? — спрашивает король, и я невесело усмехаюсь.

— Да, конечно. Мне просто *не терпится*, чтобы меня распяли и четвертовали или скормили молтенмау.

Чушь собачья.

Меня выводят из камеры, я иду по коридору, едва переставляя ноги, мимо заключенных в клетках, прижимающихся к прутьям.

Они смотрят мне вслед.

Но единственный взгляд, который я чувствую, — это его, исследующий мою спину, мою тунику, без сомнений, испачканную кровью, как свежей, так и засохшей.

Клянусь, земля содрогается.

Меня выталкивают в другой коридор, недоступный его взгляду, и ведут на суд, который определит мою судьбу.

Нет смысла надеяться на хороший исход. Его не будет. Эта мысль почти... *освобождает*. Снимает груз с моих плеч и делает мои шаги более легкими.

Улыбка расплывается по лицу, когда один из стражников подталкивает меня к лестнице...

Можно и повеселиться перед смертью.

Восемь стражников проводят меня через величественный зал, из разноцветных окон льется калейдоскоп света, который согревает мое лицо. Я иду медленно, каждый шаг — это победа, моя влажная туника прилипает к разорванной, липкой коже на спине.

Каждое движение вперед кажется тяжелее предыдущего, как будто гравитация прижимает меня своим большим пальцем, медленно усиливая давление.

Еще.

Черные пятна начинают мелькать у меня перед глазами, когда стражник дергает меня за цепь, заставляя свернуть за угол. Мы подходим к основанию лестницы, скрытой в тени, и я сглатываю мучительный стон.

Если бы я знала, что эта прогулка будет такой утомительной, то, возможно, съела бы последнюю порцию каши, а не отдала соседу, как делала с большинством других.

— Продолжай идти, — рычит стражник позади меня, толкая меня между лопаток.

От приступа невыносимой боли у меня подгибаются колени, тело содрогается, воздух вырывается сквозь стиснутые зубы. По позвоночнику стекает теплая влага.

Разминая шею, я преодолеваю лестницу по одной ступеньке за раз, пока мы не оказываемся на круглой железной сцене у основания куполообразного амфитеатра. Меня выталкивают вперед на несколько гулких шагов, металл под ногами гладкий и холодный, а цепь, надетую на мою шею, прикрепляют к железной петле, торчащей из земли.

Надо мной — низкие перила, тянущиеся вдоль всего амфитеатра, за которыми сидит кольцо мужчин, каждый из которых украшен несколькими знаками стихий.

Знать и канцлер с пронзительным взглядом.

Они одеты в яркие мантии, сочетающиеся с потолком, на котором изображены летящие молтенмау, с разноцветным оперением и длинными хвостами, украшенными пушистой кисточкой на конце, который скрывает их ядовитый шип.

Я опускаю взгляд вниз, осматривая себя, заляпанную кровью, грязью и еще неизвестно чем. Глубоко вдыхаю запах своей сорочки и морщусь.

Я поднимаю глаза на пляшущую на меня знать.

— Прошу прощения, — говорю я, и мой голос эхом разносится по огромному пространству. — Забыла принять ванну перед нашей важной встречей.

Тишина.

— *Не бери в голову, заключенный семьдесят три,* — бормочу я фальшивым баритоном. — *Мы знаем, что у тебя было много дел.*

Мои стражники спускаются по лестнице, а я поднимаю взгляд к бельэтажу, опоясывающему Колизей. Он гораздо выше, чем тот, на котором сидит знать, его перила по пояс большинству фейри, стоящих за ним и смотрящих вниз со своих мест. Там стоят те, кто получает удовольствие, наблюдая как знать разрушает жизни. Не могу понять, зачем им это. Но если честно, я намерена устроить шоу сегодня, так что они получают свою порцию крови.

Я всматриваюсь в лица, опасаясь, что замечу кого-нибудь знакомого — того, кто может совершить какую-нибудь глупость, — и получаю удар в грудь, когда вижу короля-инкогнито, который смотрит на меня со своего места среди простолюдинов.

Черт.

Даже несмотря на то, что он в капюшоне, и его лицо наполовину скрыто тенью, я все равно чувствую, как его взгляд скользит по мне, оставляя колющий след.

Не знаю, чем я заслужила его гребаное внимание, но мне хотелось бы избавиться от него.

Я отвожу взгляд и смотрю на пустой каменный трон, стоящий среди кресел знати, гадая, когда же король Сумрака присоединится к вечеринке.

Может быть, он опаздывает?

Канцлер трижды ударяет молотком, и мое сердце бьется в унисон. Он откладывает его и ломает печать на свитке, разворачивая его, что означает начало судебного разбирательства.

Мое сердце замирает.

Я прихожу к мрачному осознанию того, что наш хвастливый король, должно быть, все еще находится в Дрелгаде, и меня охватывает разочарование...

Проклятье. Вот и все мое веселье.

Я так хотела сказать ему, что лучше бы он разгребал навоз, а не управлял Сумраком.

В воцарившейся тишине канцлер смотрит на меня поверх своего крючковатого носа, с его мочки свисают коричневые и прозрачные бусины, а рыжая борода заплетена в две косы.

— Закон Сумрака гласит, что те, кто слышит песни Творцов, обязаны носить бусины стихий, — говорит он, завораживающе растягивая слова, которые эхом разносятся по пространству, казалось бы, созданному для усиления звука. — Прежде всего следует отметить, что ты не носишь ни одной из них и выдаешь себя за пустую.

Писец в трех шагах от меня — сидящий за столом рядом с одетым в белое руни — царапает свиток кроваво-красным пером, и звук доносится так отчетливо, что кажется, будто слова врезаются в мою плоть.

— Я думала, что я *пустая*, — заявляю я, пожимая плечами. Разрывающая плоть боль пронзает мою спину, заставляя мои внутренности содрогнуться, и следующие слова я произношу сквозь стиснутые зубы. — Представь мое

удивление, когда Клод прошептала мне на ухо красивые слова и помогла разорвать легкие всех этих солдат.

Сверху доносится неодобрительный ропот.

Глаза канцлера прищуриваются.

— Насколько я понимаю, ты достаточно свободно говоришь на языке Клод, чтобы предположить, что слышишь ее уже некоторое время.

Я широко улыбаюсь.

— Новичкам везет.

— Ложь.

Я бросаю косой взгляд на широкоплечего светловолосого руни, затем опускаю глаза и рассматриваю две золотые пуговицы, украшающие центральный шов его мантии. Палочка для травления и маленькая музыкальная нота.

Чтец правды.

Он смотрит на меня бесстрастным взглядом, и я хмурюсь.

— Грубость.

— А Булдер? — спрашивает канцлер. — Что с ним?

Я наклоняю голову набок.

— Тебе никогда не хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила твоих врагов? Похоже, моя мечта сбылась. Повезло.

— Это не ложь.

— Видишь?

Канцлер смотрит на меня нахмурившись, как будто представляет, как меня поглощает дыра в земле, пока мы разговариваем.

Прочистив горло, он начинает читать свиток.

— Ты, заключенный семьдесят три, — он смотрит на меня прищурив глаза, и моя улыбка становится тем шире, чем сильнее он хмурится, — настоящим обвиняешься в убийстве двадцати трех солдат Короны...

— Двадцати пяти, — поправляю я, и толпа снова гудит, а канцлер поднимает бровь.

— Прости?

Если уж он собирается зачитать мое обвинение, то пусть сделает это правильно.

— Лично я сбилась со счета. Но стражник, который привел меня сюда, сказал, что я убила двадцать пять. — Канцлер открывает рот, чтобы возразить, но я перебиваю его: — Кроме того, я бы хотела, чтобы в протокол было внесено, что я откусила фалангу пальца Рекка Жароса. Только недавно мне удалось выковырять то, что от него осталось, из межзубной...

— Достаточно.

— Жаль.

Он смотрит на меня так, словно готов содрать с меня кожу, и даже писец прекращает свое непрерывное царапанье.

— Ты находишь это... забавным?

— Ты неправильно меня понял. — Я становлюсь абсолютно серьезной, и мой ответ похож на выплюнутый в него кусок окровавленной плоти, сопровождаемый рычанием. — Я нахожу это чертовски трагичным.

На этот раз никакого ропота. Только жадная тишина, проникающая до костей.

— Правда.

Да, это так.

— Принесите доказательства, — кричит канцлер.

Я замираю в повторяющемся эхе его крика, пока по лестнице за моей спиной поднимается мужчина с двумя мешками, которые он бросает на землю передо мной, а затем ослабляет завязки. Он начинает вытаскивать лоскуты

высушенной кожи и раскладывать их на земле полукругом вокруг меня, на каждом из которых вырезаны буквы, сделанные моей собственной рукой.

Безошибочно узнаваемые.

Я уверена, что ни у кого больше нет такого почерка, как у меня. И уж *точно* никто не настолько опытный, чтобы резать глотки и сбрасывать тела со стены. Я надеюсь.

— Их изъяли у подтвержденных жертв «Восставших из пепла», — заявляет канцлер. — Каждый из них — важный, уважаемый член нашего общества, и их гибель нанесла сокрушительный удар по Короне.

Гордо расправив плечи, я уже собираюсь поблагодарить его за комплимент, когда он машет у моего лица знакомой доской, украшенной тремя словами, нацарапанными углем.

Заклученная семьдесят три

— А это твои... *каракули*, когда ты расписывалась за свою пайку, — говорит он с презрительным выражением в жестоких глазах. — Если это вообще можно так назвать. Уверен, мой малыш справился бы лучше, а ведь он едва выбрался из колыбели.

Кто-то из знати раздражается хохотом, от которого у меня сводит грудь и я чувствую себя ничтожной. От этого горят щеки.

Я научилась писать куском угля на полу камеры, и как бы я ни старалась, я не могу заставить слова, которые я пишу, не выглядеть так, будто я все еще царапаю их на камне. Каждая буква — это мрачный призрак из моего прошлого, но я не позволю им победить меня.

Я прищелкиваю языком, переводя взгляд с одной полоски кожи на другую, пока стражник продолжает выкладывать их на полу.

— Молодец. У тебя есть клетка мозга. — Я встречаю пристальный взгляд канцлера. — Я бы подбодрила тебя, но уверена, что ты сам сделаешь это сегодня перед сном, пока будешь стоять у зеркала в полный рост, надрачивая свой крошечный член.

Толпа ахает, когда лицо канцлера краснеет, а вены на его висках вздуваются. Он открывает рот, и по его прищуренным глазам я вижу, что он обдумывает ответ. Скорее всего, я использовала его больше раз, чем могу сосчитать, о чем свидетельствуют лоскуты плоти, устилающие землю у моих ног.

Он поджигает губы и прочищает горло.

Поднимает подбородок.

— Ты не отрицаешь, что лишила жизни этих убитых?

Я смотрю вверх, прямо в глаза короля-инкогнито, который просто не сводит с меня глаз, любезно желая, чтобы он отвалил.

Я пожимаю плечами, когда снова встречаюсь взглядом с канцлером, и нити боли пронзают мою плоть, словно огненные вены.

— Это кажется немного бессмысленным, учитывая доказательства, не так ли?

— Мне не нравится твое отношение, — возмущается он, а остальная знать перешептываются между собой, бросая на меня взгляды, полные отвращения.

Неверия.

Ярости.

— Что ж, прошу прощения за то, что задела твои чувства.

Он открывает рот, но я его перебиваю.

Снова.

— А мне не нравится, что я вынуждена убирать *грязь* с улиц, потому что этим королевством управляет имбецил, который считает, что наличие члена, трех бусин, свисающих с его уха, жестокого дракона и мощной армии

означает, что ему не нужно решать проблемы, существующие в его королевстве.

Верхний бельэтаж взрывается оглушительными криками, знать переглядывается между собой, некоторые из них вскидывают руки вверх, выкрикивая слова в адрес канцлера. Как будто это он виноват в том, что у меня есть мозг, который думает, и рот, который говорит, но мне не хватает чувства самосохранения, чтобы не использовать ни то, ни другое в их присутствии.

Хорошо. Надеюсь, я устроила достаточно зрелищное представление, чтобы знать была довольна тем, что меня поймали. Рекк найдет себе *другую* цель, а «Восставшие» выйдут из-под огня — пусть и ненадолго.

Если уж я уйду, то пусть это будет красиво. Мне ведь нечего терять.

Больше нет.

Канцлер трижды ударяет молотком по столу, заставляя всех замолчать.

— Ты так публично проявляешь неуважение к нашему королю? — рычит он, его щеки такие же красные, как и его плащ.

Я вскидываю бровь.

— Это риторический вопрос или я должна ответить?

Знать перешептывается между собой, пока я раскачиваюсь взад-вперед с носка на пятку, отчаянно желая покончить с этим. Миска с помоями зовет меня по имени.

Я снова поднимаю взгляд на бельэтаж.

Он все еще наблюдает за мной, скрестив руки на широкой груди.

Я вздыхаю, выковыриваю грязь из-под ногтей и стряхиваю ее.

— Мне невероятно надоел этот разговор. Может, перейдем к той части, где меня приговаривают к казни за то, что я убрала мусор? Это то, что меня больше всего волнует.

— Ты хочешь умереть? — спрашивает канцлер, не пытаясь скрыть своего шока.

— Нет, — бормочу я, освобождаясь от очередного комка грязи. — Просто мне так надоело смотреть на твое уродливое лицо, что смерть начинает казаться чем-то приятным.

Его верхняя губа оскаливается, демонстрируя клыки, и я уверена, что вена у него на виске вот-вот лопнет. Я подмигиваю ему, хотя, учитывая, что мой второй глаз все еще наполовину заплывший, это больше похоже на моргание.

Ну, я попыталась.

— Ты признаешь себя виновной? — выдавливают он из себя.

— Да. По всем пунктам.

— Она не лжет, — заявляет чтец правды.

— Не посмела бы. — Я оглядываюсь через плечо на писца и встречаю его округлившиеся глаза. — Ты, вероятно, сможешь добавить еще несколько обвинений. Уверена, что выполню квоту, если вы хорошенько поищете. Я практически «шоу одного актера».

Снова ропот.

Удивительно, что им еще есть о чем поговорить.

— Кто за то, чтобы заключенная семьдесят три была распята и четвертована на следующем восходе Авроры?

Я игнорирую бешеный стук своего сердца, когда более половины знати поднимают руки, включая толпу, собравшуюся на бельэтаже.

Я тоже поднимаю руку.

Большинство, вероятно, выбрало бы Колизей, но я предпочту, чтобы меня разорвали на части, пока мое сердце еще бьется, чем отдала на растерзание огнедышащим драконам, спасибо большое.

— Кто за то, чтобы скормить ее молтенмау?

Поднимается очередная волна рук, и писец тихо подсчитывает их.

— Ничья, — объявляет он, устремляя взгляд на бельэтаж, похоже, пересчитывая голоса.

Я хмурюсь.

Только не это.

Я тоже решаю посчитать — и поднимаю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как знакомый руни в капюшоне вытягивает руку, словно заносит свой собственный молоток.

Отдавая свой голос.

— О, отлично, — кричит писец. — *Драконы* — с перевесом в один голос!

У меня кровь стынет в венах, сердце бешено колотится, голова кружится, и я уверена, что сейчас потеряю сознание. Но это не мешает мне пронзить короля-инкогнито свирепым взглядом, который, надеюсь, он прочувствует до самых костей.

Я должна иметь возможность умереть так, как *хочу*, черт возьми!

Король опускает голову, и я представляю, как срубаю ее с плеч и смотрю, как она падает на землю, но тут канцлер снова ударяет молотком по столу.

Я вздрагиваю, взгляд опускается одновременно с моими внутренностями.

— Решено. Заключение семьдесят три, ты будешь доставлена в Колизей к следующему восходу Авроры, и колокол будет звонить по тебе. Да смиростивятся Творцы над твоей запятнанной душой.

Меня ведут обратно по длинным, извилистым тоннелям печально известной тюрьмы Гора, мимо камер, которые воняют так же мерзко, как и я. Мимо заключенных, которые цепляются за решетку побелевшими руками и смотрят на меня широко раскрытыми глазами — лица изможденные, губы потрескавшиеся и потерявшие цвет.

Мы проходим мимо мальчика, прижавшегося щекой к решетке, его глаза такие остекленевшие и невидящие, что я сомневаюсь, он ли это...

Он моргает, зрачки сужаются, взгляд встречается с моим.

Струны моего каменного сердца натягиваются, потому что я узнаю эти желтые радужки. Эту копну спутанных золотистых кудрей.

Не так давно, перед туманным восходом Авроры я нашла его бродящим по Рву. Кровь текла из его носа, который выглядел таким же кривым, как и сейчас, а синяки в некоторых местах говорили о том, что кто-то гораздо более сильный выместил на нем свой гнев.

Я дала ему сферу Феникса. Спросила, не нужна ли ему помощь. Он вложил сферу обратно в мою ладонь и сказал, что хочет сделать это сам...

Я отвожу взгляд, и дрожь пробегает по моему позвоночнику, распространяясь по плечам, по израненной спине.

Меня заталкивают в камеру, и я, спотыкаясь, останавливаюсь. Один из стражников отстегивает меня от цепи, прикрепляет обратно мою ограничивающую подвижность металлическую планку и пинает меня.

Сильно.

Паника захлестывает, когда я лечу к задней стене, уверенная, что сейчас разобью половину лица, потому что мои лодыжки стянуты так туго, что невозможно выставить ногу вперед и остановить падение. Вместо этого я поворачиваюсь и сгибаюсь.

Мое плечо врезается в стену, верхняя часть спины скрежещет по грубо отесанному камню во взрыве зубодробительной агонии, яростные афтершоки проносятся сквозь меня — моя плоть пылает от невыносимой боли тысячи ударов плетью.

Глубокий, обжигающий крик вырывается у меня из горла, и, кажется, эхом отражается от стен, а за ним следует леденящая тишина.

Шипя от боли, я стучу ладонью по полу в такт своей успокаивающей песне, позволяя глазам открыться. Сфокусироваться на стражнике.

Он поднимает с земли мой сломанный замок, а потом смотрит на меня так, будто это я виновата в том, что король своим железным кулаком сломал его. Он запирает мою дверь новым замком, который снял с задвижки пустой камеры, и уходит вместе с остальной моей свитой в доспехах — их тяжелые шаги затихают в отдалении.

Ему повезло, что я закована в цепи и заперта в камере, иначе я бы сжала его сердце в кулаке за то, что он заставил меня кричать.

— Полагаю, все прошло не очень хорошо? — спрашивает Врук, находясь так близко, что я чувствую, как его усы касаются моей руки.

— Как и ожидалось, — бормочу я сквозь стиснутые зубы.

Он тянется, кладет лапу на мою руку, и я благодарю Творцов за то, что он выберется наружу. Миру нужно больше таких, как он.

Я на мгновение накрываю его лапу своей рукой, прежде чем опустить.

Он делает то же самое.

По тоннелю катится тележка с помоями. Миски скользят по полу, а затем раздаются хлюпающие звуки жадной еды.

В моей камере появляется миска, и я смотрю на нее, не испытывая ни малейшего чувства голода, который был раньше, — ноющая пустота сменилась скручивающим внутренности ужасом.

Я ногой подталкиваю ее влево, поскольку Врук, судя по всему, скоро выйдет.

Костлявый самец прекращает свое неистовое поглощение пищи, с его бороды капает жижа, когда он смотрит на меня.

— Нет, — бурчит он, возвращая миску обратно в мою камеру. — Ты умрешь с голоду.

Я смотрю прямо в его запавшие глаза.

— Меня кормят драконам на следующем восходе Авроры. Это пустая трата еды.

Кажется, все перестают есть, и тишина наслаждается эхом моих слов.

— Мне жаль, — бормочет он.

Мне тоже.

Жаль, что у меня не будет возможности отомстить за смерть Эсси и что я покидаю этот прекрасный, разрушающийся мир.

Я люблю жизнь, какой бы болезненной она ни была временами. Я люблю цвета нашего королевства и то, как постоянно меняются наши облака.

Все время в движении.

Мне нравится, как драконы парят в усеянном надгробными камнями небе, совершенно свободные. Люблю чувствовать, как падает снег на мою кожу, как морозный южный ветерок щиплет мой нос и его кончик немеет, словно от ледяного поцелуя.

У меня наворачиваются слезы, когда я думаю о той маленькой луне, которую я, возможно, никогда больше не увижу...

Я люблю ее больше всего на свете.

Я мягко улыбаюсь самцу и снова просовываю миску под решетку.

На этот раз он берет ее.

Остерн Вейгор — король Пекла — прибыл навестить Маху, Паха и, ну... Меня.

Поскольку мне уже исполнилось восемнадцать, я, видимо, достаточно взрослая, чтобы быть проданной тому, кто больше заплатит, как скот на убой. По крайней мере, так думал король Остерн. Что Пах согласится на брак между мной и одним из его сыновей, у которого жестокие глаза и еще более жестокая улыбка, только потому, что Тень испытывает растущую потребность в сельскохозяйственной продукции, которую мы с трудом можем удовлетворить.

К несчастью для Остерна, я сказала Паху, что предпочту до конца своих дней питаться одним лишь дерьмом моего мунплюма, чем стать парой с Тиротом Вейгором, и это было правдой.

Пах сказал, что у меня грязный язык. Если бы я росла на Болтанских равнинах, как он, меня бы заставили разгребать навоз горгулий целую фазу только за одно это замечание. Или выпороли бы за дерзость.

Я сказала ему, что с радостью приму порку вместо Тирота Вейгора.

Пах ответил, что именно поэтому он и покинул то место и что не продаст меня за все зерно мира. Затем он поцеловал меня в лоб, назвал замечательной и велел провести некоторое время со Слатрой и Аллюм, чтобы короли могли поговорить о политике без присутствия несносной принцессы.

Я люблю Паха, но мне бы хотелось, чтобы он перестал называть меня замечательной. Если бы я могла раздавить это слово, как жука, и стереть его с лица земли, я бы так и сделала.

Я спросила Хейдена, не хочет ли он пойти со мной в вольер, но он, как всегда, просто уставился в стену. Я давно смирилась с тем, что он так и не вернулся домой из Незерина — не совсем. Я поклялась, что не оставляю его там, но именно так и вышло.

Он больше не смеется.

Он не ест ягодные жевательные конфеты.

Он не разговаривает. А значит, не спорит, когда я заталкиваю его в вольер, чтобы он мог наблюдать, как я работаю с крылом Аллюм, которое

крепнет с каждым деем. Честно говоря, я думаю, что скоро она достаточно окрепнет, чтобы совершить свой первый полет.

С самого детства Хейден мечтал только о том, чтобы прокатиться на спине своего собственного мунплюма...

Возможно, если я смогу дать ему это, он снова улыбнется.

Я постукиваю ногой по полу, тихо напевая «Балладу об упавшей луне».

Она разносится по пугающе тихим камерам — большинство остальных заключенных крепко спят, спрятавшись в собственных уголках нереальности, где, я надеюсь, они чувствуют себя счастливыми. Умиротворенными.

Здоровыми и свободными.

Учитывая тот факт, что король-инкогнито наблюдал из тени своего капюшона, как я пела ту же песню в «Голодной лощине», видеть, как он шагает по тюремному тоннелю в белом развевающемся одеянии руни, — это...

Уместно.

Он останавливается перед моей камерой, сложив руки на груди.

— Уходи, — говорю я, закрывая глаза.

— Ты даже не знаешь, почему я здесь.

— И не хочу.

Ноль.

Процентов.

Заинтересованности.

Мой замок щелкает, и я открываю глаза, чтобы увидеть, как он вставляет в него ключ и с лязгом открывает его.

Я вздыхаю.

— Интересно, как твой *брат* отнесется к тому, что ты украл ключи и освободил его пленницу?

— Я не собираюсь освобождать тебя, так что не надейся.

Я фыркаю от смеха.

— Очаровательно.

Он резким движением распахивает дверь и заходит в мою отвратительно пахнущую камеру.

— Моего брата интересует только одно, — бормочет он, опускаясь передо мной на корточки и окутывая густым ароматом своего теплого запаха. Приятное утешение в этом суровом месте, которое я игнорирую, предпочитая дышать ртом.

— Что ж, не стесняйся передать ему, что мне жаль, что я не успела убить его. Я действительно с нетерпением ждала этого.

— Не сомневаюсь, — говорит он, доставая из кармана еще один ключ, с помощью которого отстегивает перекладину, соединяющую две мои цепи, и

кладет ее на землю рядом со мной. Он не освобождает мои запястья и лодыжки, а это значит, что у него есть... *планы* на меня.

Планы, с которыми я не хочу иметь ничего общего.

Он возвышается надо мной, загораживая свет, льющийся из моего фонаря.

— Вставай.

— Умри в канаве. А еще лучше — в Колизее, где тебя сожрет стая молтенмау. Встретимся там.

Мудак.

Я получаю небольшое удовлетворение от его сердитого вздоха.

Даже если бы я захотела встать, я не уверена, что смогла бы. Возможно, я и разыграла представление на суде, но все мое тело похоже на разорванный шов.

Больно дышать. Моргать. Больно постукивать ногой. Что-то течет по моим венам, и от этого мне становится тошно и холодно.

Обычно я люблю холод, но сейчас все иначе. Этот холод кажется неправильным — он проникает в меня до мозга костей, словно перемалывая меня изнутри, чтобы освободить место для себя.

— Сейчас не время упрямиться, Лунный свет.

— Ошибаешься. Мужчины хотят от закованной в кандалы женщины только одного, — рычу я, в моих словах столько яда, что можно остановить сердце. — Если в этом твоя цель, можешь взять меня прямо здесь, чтобы мои сокамерники увидели, какое ты чудовище.

Из его груди вырывается низкий рык, от которого у меня мурашки бегут по коже.

— Я не такое чудовище, заключенный семьдесят три. Я бы не получил от тебя никакого удовольствия, если бы оно не давалось мне свободно. А теперь вставай или тебе придется терпеть неловкость, когда тебя подхватят и понесут.

Его слова впиваются мне между ребер и попадают туда, где больнее всего — рана мою угасающую гордость, остатки которой я намерена унести с собой в могилу, привязанная к столбу, на котором он приговорил меня умереть.

— Твой выбор, — рычит он. — Сделай его.

— Я сделала выбор. Ты лишил меня его.

— Потому что он был неправильным. — Он протягивает руку, чтобы обхватить меня за плечи.

Рычание вырывается из моего горла, и я щелкаю зубами по его пальцам.

— Я сама.

— Тогда сделай это.

— Нет, пока ты не отвернешься.

Еще один гулкий вздох, прежде чем он отворачивается, оставляя меня наедине с грандиозной задачей, в возможности выполнения которой я не уверена. Сейчас земля — мой друг. Если только я не стою — тогда она мой враг.

По крайней мере, повернувшись спиной, он не увидит, как я рухну.

— Есть успехи?

— Мысленно душу тебя, пока мы разговариваем, — бормочу я, упираясь руками в землю слева от себя. Я сжимаю дрожащие губы и переносу весь свой вес на ладони, поднимаясь на корточки.

Гвоздь в моем плече скрежещет о кость, боль пронзает руку...

Черт.

Я зажмуриваю глаза, резко открываю их и, покачиваясь, встаю на ноги. Тепло струится по спине, пока я раскачиваюсь. Окружающее меня пространство раздваивается, сходится... раздваивается, сходится...

— Ты же не собираешься падать, правда?

Я вздергиваю подбородок, выпрямляю плечи. Прожигаю взглядом его затылок, горя жаждой возмездия.

— Конечно, нет. Я никогда в жизни не была так полна сил.

— Хорошо, — говорит он и, взмахнув своим белым одеянием, выходит из камеры, бросая через плечо: — Сюда.

Он ведет меня по запутанным коридорам к тихому тоннелю с единственной дверью в конце, и я начинаю нервничать, когда король-инкогнито открывает ее и жестом приглашает меня пройти.

Чтобы я вошла первой.

— После тебя, — выдавливаю я, опираясь рукой о стену, не веря ни единому его слову о том, что он не такой уж и *монстр*.

Он Вейгор. Тиран. Тираны лгут себе не меньше, чем другим.

Я знаю, что происходит в этой тюрьме. Я слышала достаточно историй, чтобы мои кишки скрутило навечно. Если он хочет сделать это со мной, я отказываюсь идти в эту комнату вслепую. Я лучше заставляю его смотреть мне в глаза, пока он будет разрушать еще одну часть меня. Заставляю его почувствовать каждую трещину.

Каждый синяк.

Он стоит неподвижно в течение долгого, мучительного мгновения, затем откидывает капюшон и входит в комнату, не останавливаясь, пока не достигнет противоположной стороны. Он поворачивается, прислоняется к стене, скрещивает руки и ждет, словно каменная статуя, высеченная самими Творцами. Сильная челюсть, точеные скулы, мускулистая шея. Все углы прорисованы с такой точностью, что на него почти больно смотреть.

Нахмурившись, я вхожу в комнату, освещенную сосудом с лунным светом, установленным на одной из многочисленных полок, выстроившихся вдоль всех четырех стен.

Впечатляет. Их довольно трудно найти.

Я обращаю внимание на высокий лечебный тюфяк и мягкое кресло рядом с ним, а затем перевожу взгляд на женщину, стоящую в углу. У нее густые каштановые локоны, которые сочетаются с ее глазами и кожей, но контрастируют с длинной мантией руни, надетой на ней.

Она мягко улыбается мне, но это ничуть не мешает моему сердцу бешено колотиться.

Я не обращаю внимания на пуговицы, скрепляющие передний шов ее одеяния, — те, что символизируют ее сильные стороны. Я уже знаю, что увижу.

Она умеет *исцелять плоть*.

— Лучше бы это был секс втроем, — бурчу я.

— Я не из тех, кто делится, — отвечает король тихим и уверенным голосом.

— Но если ты действительно этого хочешь, это можно устроить, как только твоя спина заживет.

Он явно считает себя очень остроумным, но мне не до смеха, мой пульс бешено стучит, и я никак не могу его унять.

Руни делает шаг ко мне, на ее лице все еще утешительная улыбка.

— Приветствую тебя, заключенная семьдесят три. Я — Бея. Позволь мне помочь тебе снять тунику, чтобы я могла осмотреть твою спи...

— Нет смысла исцелять меня, — рычу я, бросая на короля свирепый взгляд.
— Это было бы расточительным использованием умений и энергии этой женщины.

— Бея хорошо вознаграждена за свою работу и более чем счастлива помочь.

— А она знает, что завтра я отправлюсь в *Колизей*? — Его губы сжимаются в плотную линию, поэтому я перевожу взгляд на Бею. — Знаешь?

— Да, — шепчет она.

— Тогда зачем беспокоиться?

— Потому что тебе больно, — объявляет король, как будто это логичный ответ.

— Боль *прекратится*, как только меня скормят драконам!

— Пожалуйста. — Бея делает еще один шаг вперед. — У нас мало времени, чтобы сделать все как следует.

Я отступаю.

Она замирает, и хотя король не двигается со своего места у стены, что-то возникает в пустоте между нами. Словно физические нити обвиваются вокруг моих ребер, тянутся через всю комнату и соединяются с ним, делая невозможным сделать хоть один вдох, чтобы он этого не заметил.

Моя кожа покрывается мурашками, и я инстинктивно понимаю, что он ждет, когда я побегу.

Что он будет *преследовать* меня.

Он наклоняет голову, словно молча оценивая мой бурный внутренний монолог, что просто выводит меня из себя. Я отчетливо понимаю, что в моем нынешнем состоянии я сделаю всего два шага, прежде чем он настигнет меня, заставит вернуться и будет ждать, пока я уступлю.

Проклятье.

— Ты оставишь свой вельд у двери.

— У меня их три, Лунный свет.

— Тот, что с драконьим пламенем, сир.

Между его бровей появляется морщинка, которая исчезает в следующее мгновение, когда он опускает руку в карман и достает свой вельд, а затем подбрасывает его в воздух. Идеальная точность, он падает прямо в мою протянутую руку.

Я швыряю его в коридор, слыша, как он с грохотом падает на камень.

Это просто чушь собачья.

Я прохожу дальше в комнату и осматриваю рабочий стол, заваленный банками с настойками, склянками, чашами, палочками для травления и контейнерами, набитыми медицинскими инструментами. Слишком много вещей, напоминающих мне об Эсси.

Чем быстрее с этим будет покончено, тем быстрее я смогу уйти.

С замиранием сердца я подхожу к креслу, расстегивая пуговицы своей свободной туники.

— Я пошутила насчет секса втроем, — отрезаю я, подчеркивая последние слова и уничтожая короля взглядом. — Не существует такой реальности, в которой я бы охотно трахнула тебя.

Он не отрывает от меня взгляда и говорит так тихо, что я едва слышу:

— Повернись, Лунный свет. Садись в кресло, чтобы Бея могла начать.

Я скрежещу зубами так сильно, что удивляюсь, как они не крошатся, а пальцы сжимают тунику. Ни одному из них нет смысла видеть мою изодранную в клочья кожу.

Никому.

Я гораздо сильнее, чем эти раны на моей спине, а история, которую они рассказывают, — это гулкое эхо, и я не хочу, чтобы его кто-то услышал. Эхо,

которое я скорее унесу с собой в могилу, чем буду сидеть здесь весь сон, пока они будут ужасаться, пытаюсь все исправить тем или иным образом.

Позади себя я чувствую, как Бея приближается, ее руки помогают мне спустить тунику, обнажая плечи.

Она ахает и замирает.

Обойдя меня сбоку, она скользит блестящим взглядом по моему обнаженному телу от шеи до пупка, на ее глазах выступают слезы.

В замешательстве я смотрю на ее мантию, застегнутую на большее количество золотых и алмазных пуговиц, чем я когда-либо видела на ком-то, и моя кровь леденеет при виде той, что ближе всего к ее затылку. Крошечный дракончик, извергающий пламя.

Этой руни не нужен драконий огонь, чтобы зажечь след прошлых рун, потому что она наделена драконьим зрением. Она может видеть их своими глазами.

А это значит, что она видит...

Все.

— Что такое? — Голос короля разносится по комнате, словно взмах меча, и мое сердце пропускает удар.

Еще один.

Бея встречается со мной взглядом, и я едва заметно качаю головой.

Пожалуйста, не надо.

Пожалуйста, не заставляй меня возвращаться в то место...

— Ничего, сир, — шепчет она, моргая и смахивая слезу со щеки.

Облегчение захлестывает меня, как глоток ледяной воды.

— Повреждения более значительные, чем я ожидала. Мне нужно будет достать еще кое-что из кладовки в конце коридора.

Кивнув королю, Бея выходит из комнаты и закрывает за собой дверь, освобождая пространство комнаты, и все же оно ощущается *заполненным*.

Я прочищаю горло, теребя пальцами тунику, и тишина между нами становится осязаемой. Как мягкая субстанция, из которой можно вылепить одно из двух: боевой рог или развевающийся белый флаг.

— То, — хриплю я, указывая подбородком на стол с настойками, — что ты привел руни, чтобы помочь мне, *ничего* не меняет.

— Я бы удивился, если бы изменило. — Он отталкивается от стены, двигаясь ко мне. — Потратить это время на заточку своих клинков. По крайней мере, пока Бея не приступит к лечению.

— Это серьезная просьба.

Он тянется ко мне, теплые мозолистые пальцы скользят по моим костяшкам, а взгляд выражает молчаливую просьбу.

Вздохнув, я ослабляю хватку, позволяя белому флагу подняться между нами. Хрупкое, трепещущее перемирие, которое я намерена уничтожить, как только покину эту комнату.

— Хочешь, я прикрою тебя тканью, прежде чем сниму это?

У меня перехватывает дыхание.

Все три брата Вейгора родом из Пекла, где нагота считается обычным явлением — гораздо менее сексуальным, чем у нас, — так что я способна оценить его внимание к моей культуре.

Быть благодарной за этот вопрос.

Я открываю рот, закрываю его. Наконец, я качаю головой.

— Скажи мне, если передумаешь.

После моего кивка, не разрывая зрительного контакта, он спускает мою тунику с плеч до запястий, прохладный воздух пощипывает мое обнаженное тело, пока я изучаю его ресницы — такие длинные и густые.

Приятное отвлечение.

Он протягивает руку, чтобы аккуратно подоткнуть ткань вокруг моих бедер, чтобы она не касалась моей израненной плоти.

— Ты ведь знаешь, что это бессмысленно?

— Не для меня, — выдавливают он и берет мои руки в свои большие, крепкие ладони — его загорелые, как каменные стены, мои — цвета снега.

Он ведет меня к креслу, поддерживая, чтобы я могла поднять на него ногу и устроиться спиной вперед, а сам обходит его, не паясь на раны и позволяя сохранить мое достоинство. Милосердие, которое я способна оценить во время нашего короткого перемирия.

Я прижимаюсь грудью к мягкой спинке кресла, руки лежат на коленях, пока он опускается на пол.

Раздается тихий стук в дверь.

— Входи, — бормочет он, пока я выдерживаю его суровый взгляд, словно смотрю на тлеющие угли костра, в котором погасло пламя.

Дверь распахивается. Закрывается. Я слышу мягкие шаги Беи, затем звуки ее подготовки к процедуре.

Король едва заметно прищуривается, когда она движениями влажной тряпки убирает кровь с моей спины и выжимает ее в стоящее на земле ведро. И еще раз, когда она наносит на мою спину липкую субстанцию — знакомое жжение проникает сквозь слои разорванной плоти, прежде чем она распределяет ее точными движениями косточки.

— Я все еще намерена убить тебя, если представится такая возможность, — предупреждаю я сквозь стиснутые зубы.

— Не забудь отрубить мне голову, — бормочет он. — Иначе я буду преследовать тебя вечно.

— Я в это не верю.

Ни капельки. Я отрубила очень мало голов по сравнению с довольно большим количеством совершенных убийств, и я еще не видела ни одного духа, который бы набросился на меня из тени.

Он выгибает бровь.

— Тогда во что ты веришь? — спрашивает он хрипло.

— В месть.

Вся теплота покидает его глаза, словно часть его самого только что исчезла.

— Мсть — самое одинокое божество из всех, Лунный свет. Поверь тому, кто знает.

Я открываю рот, чтобы снова заговорить, но Бея перебивает меня.

— Чтобы сделать все как следует, потребуется много времени. И будет больно. Раны глубокие. Ей придется терпеть боль, пока я буду восстанавливать повреждения.

Я понимаю, что она предупреждает не меня, ее глаза способны видеть то, что не видят другие.

Она предупреждает его.

— Она справится, — хмыкает он, взглядом бросая мне вызов.

Я киваю, и Бея начинает вычерчивать свои руны, обращая вспять время жизни моих ран — по одному нанесенному удару за раз. Король не отрывает своего взгляда, пока на меня накладывают более сотни рун, и ощущения нельзя назвать приятными. Кажется, что меня разрывают еще *шире* — обнажают внутренности.

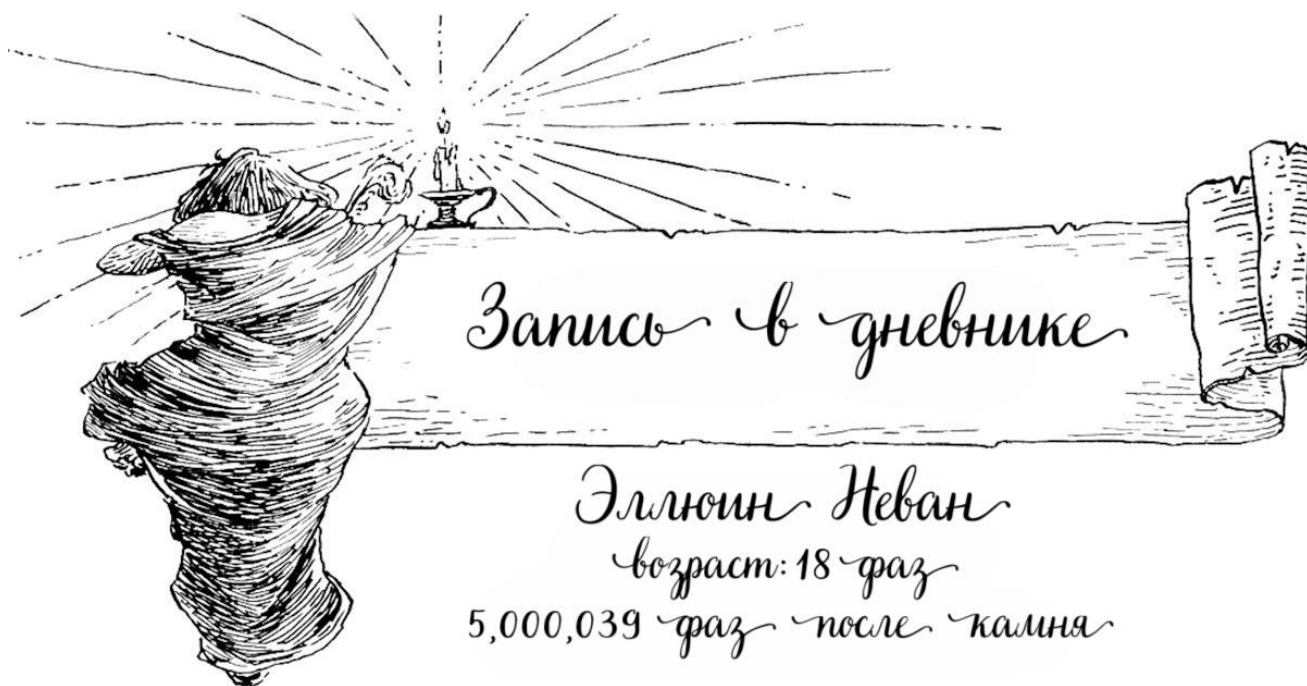
Изучают.

Возможно, потому, что я привыкла делать это без зрителей, кроме руни, которая занимается лечением. Без того, чтобы кто-то дышал одновременно со мной, словно напоминая мне о необходимости делать это.

Без того, чтобы кто-то еще крепче сжимал мои руки каждый раз, когда я вздрагиваю, вытирал пот со лба, проводил пальцами по побелевшим костяшкам, словно успокаивая бунтующее сердце.

Это момент смирения и покоя, несмотря на боль, пронизывающую меня. Тихий момент, предназначенный для *крика*.

Неважно, насколько гладкая теперь у меня кожа или насколько глубоко он преклоняет колени у моих ног. Я все еще убийца, приговоренная к казни на восходе Авроры, а он все еще король-тиран.

В этот дей я занималась растяжкой крыльев Аллюм, напевая ей тихую, успокаивающую песню и вытягивая тонкие косточки настолько, насколько возможно, — они выпрямились уже почти полностью. Она вела себя беспокойно, вертела головой и толкала меня в бок, глядя своими огромными блестящими глазами. Как будто она пыталась что-то сказать. Она даже выпустила немного пламени в сторону входа, что было на нее совсем не похоже.

Теперь я понимаю, что она бросала вызов.

Внезапно она начала так быстро махать крыльями, что одно из них, поврежденное, ударило меня по голове и отбросило назад, к креслу Хейдена. Я прокатилась по земле и остановилась среди груды ледяных глыб, которые недавно принесла мунплюм моей махи Натэй, потому что, как мы думаем, у нее может быть приплод.

Я ударилась головой. Сильно.

Когда я снова открыла глаза, Аллюм уже не было, но я увидела ее через вход — она кружилась в небе, свет отражался от ее блестящей серебристой шкуры. Я видела, как ее длинный шелковистый хвост рассеивает полумрак при каждом неуверенном взмахе крыльев. Видела, как она выбрасывает в небо шлейфы голубого пламени, сопровождаемые пронзительными криками. Это был победный клич, обращенный к лунам.

К своим предкам.

Я приподнялась, чтобы посмотреть на Хейдена...

Он улыбался.

Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал «спасибо» таким хриплым голосом, что я подумала ему, наверное, было больно его произнести, но я никогда не испытывала такого острого счастья.

Впервые с тех пор, как я забралась в сани Хейдена много лет назад, я почувствовала себя замечательно.

— **Х**орошо, на этом все, — говорит Бея, нанося масло на мою спину. Ее руки, мягкие и нежные, стирают все напряжение с моей теперь уже зажившей кожи.

Борясь с желанием застонать от облегчения, я открываю глаза, встречая напряженный взгляд пары черных глаз, между густыми бровями короля залегла морщинка.

— Ты в порядке? — спрашивает он, крепче сжимая мои липкие руки.

— Я в порядке, — невнятно произношу я, вырываясь из его хватки.

Лучше не бывает. Я так рада, что последние минуты своей жизни посвятила пыткам. Какой способ уйти. Подходящий, но немного дерьмовый.

Я откидываюсь назад, чтобы поднять руки над спинкой кресла не зацепившись цепью, и беру полотенце, перекинутое через его плечо. То самое, которым он протирал мой лоб, когда пот стекал каплями по ресницам.

— Я принесу свои тонкие зубцы для гвоздя, — говорит Бея, пока я, уткнувшись лицом в полотенце, стираю напряжение с кожи вокруг глаз, после чего слышу звук ее удаляющихся шагов, прежде чем она начинает копать в чем-то.

Ее слова, наконец, рассеивают туман, окутавший мои мысли.

Зубцы?

Для чего им нужны тонкие зубцы...

О.

Я убираю полотенце от лица и снова ловлю на себе пристальный взгляд короля.

— Вы собираетесь достать гвоздь?

В этом есть смысл. Не хотелось бы, чтобы какие-нибудь птенцы подавились им насмерть, если завтра меня унесут на запад и выплюнут в гнезде молтенмау.

— На тебе железные наручники, — бормочет он, его взгляд исследует каждую черточку моего лица, словно запоминая его форму, и снова останавливается на моих глазах. — Гвоздь не нужен.

— Хорошо, да. Но я вся не нужна, помнишь? Куски кожи... палец Рекка Жароса... Не думаю, что ты понимаешь, как близок был к тому, чтобы тебя разрубили на куски, а потом сбросили со стены. Но спасибо, что вылечил меня перед смертью, хоть это и не имеет смысла.

Уголок его рта приподнимается.

— Разрубили на куски, говоришь?

Очевидно.

— Ты самый большой мужчина, которого я когда-либо видела. — Я пожимаю плечами, с трудом подавляя желание поморщиться, потому что этот гвоздь *чертовски* болезненный. Теперь, когда моя кожа больше не разрезана на ленточки, это стало очевидным. — Я никак не смогла бы дотащить тебя до края после того, как перерезала тебе горло.

— Но ты этого не сделала...

Я хмурюсь, недовольная тем, что он бросает мне в лицо мои неосторожные слова.

От него хорошо пахло.

Я облажалась.

Не стоит на этом заикливаться.

— Зубцов здесь нет, — говорит Бея, и слабая улыбка мгновенно покидает лицо короля, когда он встает.

— У меня есть несколько в седельной сумке, но мне понадобится время, чтобы добраться туда и обратно, — сообщает он, направляясь к окну, закрытому круглым, старым, полусгнившим ставнем. — Сколько у нас врем...

— Дай мне клинок. — Я взмахиваю рукой в воздухе, звеня цепями. — Я вырежу его.

Король резко замолкает, и они оба смотрят на меня так, будто я только что вежливо попросила его обнажить горло, чтобы я могла перерезать.

Я закатываю глаза.

— Я не причиню тебе вреда. Белый флаг, помнишь? Но и не верну его, так что не стоит давать мне тот, к которому ты особенно привязан.

Хуже потери хорошего клинка может быть только потеря всех хороших клинков, черт побери.

Кончики моих пальцев покалывает от желания вонзить их в горло Рекка Жароса и вырвать ему трахею голыми руками. Теперь, когда меня вылечили, беспомощность еще больше уязвляет. Если бы не эти чертовы цепи, я была бы более чем в состоянии отправиться охотиться на него.

— Я могу наложить мазь, — предлагает Бея, обращаясь к королю, словно меня здесь и нет.

— Это глупая идея, — ворчу я, возвращаясь к разговору. — У меня гвоздь в плече.

Теперь, когда мы все говорим об этом, я все больше и больше злюсь, что умру с этой штукой внутри, и думаю, вполне справедливо, что я хочу найти утешение везде, где смогу, спасибо большое.

Я отодвигаюсь от спинки кресла и поворачиваюсь так, чтобы как следует разглядеть короля.

— У тебя, несомненно, есть клинок. Дай его мне, — говорю я, протягивая руку. — Любой клинок. Я не привередлива. Позволь мне немного покопаться в плече. Можешь закрыть глаза, если тебе неприятно.

Он прочищает горло, ни на секунду не отрывая взгляда от моей обнаженной груди, выставленной на всеобщее обозрение, а затем отворачивается и берется за деревянный ставень окна. Сдвинув его в сторону, он выглядывает наружу, бормоча под нос проклятия.

— В мази есть риндлерот?

Чтобы заглушить боль?

Интересно.

Он хочет облегчить мои страдания, когда я стою на пороге смерти. А я только что заказала клинок с зубьями, чтобы было легче его разделять.

— Есть, — отвечает Бея, роясь в большой кожаной сумке, которую она разложила на рабочем столе. Она достает банку, словно это какой-то трофей, и я хмуро смотрю на комковатую зеленую пасту внутри. — И ферментированная рыбья икра.

Для дезинфекции. Но самое главное — чтобы от тебя пахло так, будто на тебя насрали.

Нет, спасибо.

— Знаете что? — говорю я, пытаюсь натянуть тунику. — К черту все это, я в порядке. Даже почти не болит. Пусть птенцы подавятся.

— Сделай это. — Король возвращает ставень на место, перекрывая поток лишнего света. — У нас нет времени вырезать гвоздь, — говорит он, уставившись на меня взглядом, который пронзает насквозь и выходит с другой стороны. — Аврора вот-вот взойдет.

Мое сердце начинает биться так быстро, что меня почти тошнит.

Черт...

Похоже, пришло время умирать.

Я бросаю косой взгляд на пустую камеру Врука, раскачиваясь из стороны в сторону и прижимаясь спиной к камню — зуд местами пронизывает до костей, вызывая желание разорвать в клочья все труды Беи, лишь бы устранить эти неприятные ощущения.

Похоже, король-инкогнито выполнил свое обещание, пока меня не было. Надеюсь, Врук наслаждается своим клыком саберсайта, а не отдал его какому-нибудь зверю, которому он раньше принадлежал.

Я не настолько глупа, чтобы полагать, что этот острый подарок, который я получила, не предполагает встречной услуги. Мало кто помогает другим в этом мире, не ожидая ничего взамен.

Не просто так меня заманили в эту комнату. Мне еще только предстоит выяснить, в чем заключается подвох.

Одернув тунику, я тянусь назад, чтобы потрогать липкую слизь, которую Бея запихнула в дыру, пробитую в моей лопатке, и хмурюсь от едкой вони.

Теперь я умру, пахнувшая тухлой рыбьей икрой, слегка разбавленной травяным ароматом.

Чудесно.

По крайней мере, это, похоже, наконец-то утолило странное, почти навязчивое желание короля избавить меня от боли.

Я хмурюсь.

Возможно, это связано с тем, кого я ему напоминаю? Возможно, исцеление меня как-то успокоило его? Заставило его почувствовать себя лучше?

Наверное, так оно и есть.

Я вздыхаю с облегчением, радуясь, что разгадала загадку. Мне не хотелось оставлять этот вопрос без ответа перед моим скорым концом.

Капля воды падает мне на нос, напоминая о том, что я нахожусь в камере. В ожидании смерти.

Что это мои последние минуты.

Черт.

Сканируя окружающее пространство, я вижу спящие фигуры других заключенных, завидуя их глубокому, размеренному дыханию...

Сейчас было бы неплохо поспать. Я могла бы оказаться где-то в другом месте.

Где угодно, только не здесь.

Но я не могу заставить себя погрузиться в небытие. Я слишком взвинчена, как будто в груди бушует гроза, разящая меня молнией каждый раз, когда я просто думаю о том, чтобы закрыть глаза. Насколько я понимаю, в любой момент за мной могут прийти стражники, готовые утащить меня навстречу моей огненной гибели.

У меня внутри все сжимается.

Я отгоняю эти мысли, но, как и в случае с Ней, они продолжают биться в меня. Прижимаются ко мне.

С Ней мне это нравилось.

Сейчас я это ненавижу.

Я набираю полную грудь воздуха и медленно выдыхаю, ковыряя кожу по бокам ногтя.

Не думай.

Не думай.

Не думай.

Я закрываю глаза и притопываю ногой под тихую, успокаивающую мелодию, звучащую в глубине моего сознания, в такт каплям влаги, падающим с потолка.

Шлеп.

Шлеп.

Шлеп-шлеп.

Волоски на моих руках встают дыбом.

Я резко открываю глаза.

Сквозь решетку мой взгляд притягивает колебание искаженного воздуха — не выше колена. Глаза прищуриваются, когда он отодвигается в сторону, открывая взору скорчившееся существо с диким спутанным мехом цвета снега, совпадающим с бровями и ресницами, но контрастирующим с гладкой бледно-розовой кожей на лице, шее, ногах и руках.

Уно позволяет своему плащу упасть на землю лужей чернильной ткани, покрытой светящимися рунами, и улыбается мне озорной улыбкой, демонстрируя острые зубы.

Орган в моей груди сжимается так сильно, что я боюсь, как бы он не треснул посередине.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я сквозь стиснутые зубы, наклоняясь вперед и бросая взгляд в тоннель, мой пульс учащается настолько, что голова кажется легкой и воздушной.

Ее большие пушистые уши подрагивают, когда она прислушивается к звуку.

— Серим говорила с Хозяйкой. Приказала вытащить тебя.

Ледяная ярость бурлит в моем животе.

Конечно, Серим приказала это сделать. А это значит, что она намерена заменить меня кем-то. Чтобы отдать Короне *другого*. Хуже того, она подвергла Уно опасности, чтобы вызволить меня...

Руз, должно быть, сходит с ума от беспокойства.

Уно достает отмычку из одного из многочисленных разноцветных карманов, вшитых в ее шерсть, вытягивается, берет мой замок и вставляет тонкий инструмент в отверстие...

— *Стоп.*

Ее изящные руки замирают, розовые глаза смотрят на меня, зрачки сужаются. Между ее бровями пролегает морщинка, белый кончик ее длинного хвоста с хохолком подрагивает.

— Убирайся отсюда, Уно. Пожалуйста. Ты не можешь рисковать тем, что тебя поймают.

Ее губы оскалываются, мелкие черты лица складываются в нечто острое и ужасающее.

— Ты не Хозяйка. — Ее слова вспарывают мою кожу, оставляя жгучий след. — Ты не командуешь мной.

Упрямый мискуни.

Я вздыхаю, снова смотрю в тоннель, потом в ее яростные глаза.

— Они знают, что я представляю угрозу. Если я выживу, они удвоят свои усилия по нашей поимке. — Я делаю паузу, прежде чем нанести удар по почкам. — Они найдут *Руз*.

Уно щелкает зубами и рычит, поджимая губы. Ее хвост устремляется вперед, касаясь моей щеки.

Ее глаза переливаются всеми цветами радуги.

Она застывает неподвижно, ее и без того бледный цвет лица светлеет настолько, что кожа становится полупрозрачной в тех местах, где она наиболее тонкая — на висках, на внутренней стороне хрупких запястий, на изгибах узловатых ног.

Молчание затягивается, пока она погружается в одно из своих редких видений, и я сглатываю, наблюдая, как в ее глазах пляшут искорки. Розовые частички застывают, всплывая на поверхность и мерцая красным в теплом свете.

Ее хвост отлетает от моего лица так быстро, словно я сделана из огня, прерывистое дыхание вырывается из ее пасти с острыми зубами. Она моргает, вынимает отмычку из замка и опускается на корточки, остатки надежды, о существовании которых я даже не подозревала, бьются о мои ребра.

— Ты знаешь, что я права...

Она прячет отмычку в маленький розовый кармашек.

— Хозяйка умрет, если ты не пойдешь в этот Колизей. И Серим тоже. Я видела это.

Моя грудь сжимается, и я киваю.

Тогда решено.

— Я не удивлена, — шепчу я, заставляя себя улыбнуться. — Я разозлила Гильдию знати. Очень сильно. Думаю, они перевернут город вверх дном, чтобы найти меня, если я не попаду на казнь.

— Так и будет, — говорит она с абсолютной уверенностью. — Я передам свои видения Хозяйке. Она передаст их своему хозяину. А тот передаст их своему хозяину.

Моя улыбка смягчается.

— Сделай это, Уно.

Она достает из кармана оранжевого цвета кусочек угля.

— Подойди, — говорит она, поднимая его, чтобы я увидела.

Я хмурюсь.

Бросив еще один взгляд в тоннель, я поднимаю свою металлическую планку, чтобы цепи не волочились по земле, и иду вперед. Уно жестом предлагает мне прислонить голову к двум прутьям, и металл прижимается к моему лицу.

Ее нижняя губа подрагивает, когда она проводит куском угля по моему лбу.

Я сразу же узнаю форму, которую она рисует, — настолько хорошо мне знакома луна, которую я ищу в небе всякий раз, когда смотрю в сторону Тени.

— Это... *правильно*, — шепчет она, и я сглатываю странный комок в горле.
— Я знаю.

Она опускается вниз, подтянув колени к щекам, и смотрит на меня, а я смотрю на нее...

У меня на кончике языка вертится вопрос о том, съедят ли меня прямо на столбе или унесут в Боггит и скормят птенцам, несмотря на то что я знаю, что ее видения нестабильны. Что в жизни все может быть иначе. Но я решаю, что лучше оставаться в неведении до самого горького конца.

Я закрываю глаза, не желая говорить слова, которые будут иметь вкус пепла, и слышу, как почти бесшумный звук ее шагов исчезает в небытии. Только убедившись, что она ушла, я снова открываю глаза и смотрю в пустоту перед собой.

Прочистив горло, я отступаю к стене, потирая зудящую спину о шероховатую поверхность.

— Почему мяч? — раздается хриплый голос слева от меня.

Я смотрю в сторону мужчины, который, как я думала, спит, свернувшись калачиком под своим грязным одеялом, а вместо этого наблюдает за мной сквозь решетку.

— Это луна.

Он хмурится.

— Тогда почему луна?

Я снова устремляю взгляд вперед, постукивая ногой в такт успокаивающей мелодии, звучащей в моей голове.

— Потому что они падают.

Даже когда мы этого не хотим.

Меня ведут по забитому фейри Рву в сопровождении слышащих песни стихий солдат Короны, а с неба падают хлопья снега, устилающие землю, — ледяное покрывало для моих босых ног, ступающих мимо молчаливых горожан.

Непривычно, что меня ведут в Колизей с охраной стражников и рядами молчаливых свидетелей, но благодаря обилию объявлений на стенах, оповещающих о моем задержании и времени казни, все становится понятным.

Зеваки смотрят, как я пробираюсь сквозь узкий проход в толпе, по обеим сторонам которого стоят другие солдаты Сумрака, словно заградительные столбы, охраняющие стадо скота. Мечи висят у них на бедрах, прищуренные глаза сканируют толпу, возможно, ожидая, не попытается ли кто-нибудь из «Восставших из пепла» спасти меня.

Помочь мне.

Я уверена, что они не станут вмешиваться. Не после видения Уно.

Поэтому я высоко поднимаю голову, проходя мимо знакомых мне лиц, фейри и даже нескольких существ, которым я начала доверять за прошедшие фазы. Другие члены «Восставших», сыгравшие небольшие, но значимые роли в моей жизни, прежде чем я насажу себя на меч, который оттачивала всю свою жизнь.

Для меня их лица сияют, как луны.

Как и те, что в небе, я надеюсь, что они не упадут, печалась о том, что меня не будет рядом, чтобы увидеть, как это королевство восстановит свое бывшее величие. Серим добьется этого, я знаю.

В конце концов.

Как бы я ее ни ненавидела, эта сука не умеет проигрывать. Крупицу надежды я унесу с собой.

Слуги Короны с каменными лицами несут чашу с тем, что, как я могу предположить, является кровью какого-то животного, и обрызгивают меня ею. Металлический запах окружает меня, когда гром летящих молтенмау наполняет небо, гулкий звук их мощных крыльев ритмично *стучит... стучит...*

Так же, как и мое сердце.

Снежинка падает на кончик моего носа, и я улыбаясь поднимаю глаза, уверенная, что все остальные думают, что я страдаю от холодной погоды. Но мне интересно, знает ли наша богиня воды об обратном? Если Рейн провожает

меня ледяными слезами, которые на самом деле приносят мне чувство успокоения, охлаждая огонь в моих венах и гнев в сердце. В любом случае в этом больше нет смысла. Больше нет.

Все кончено.

Все сделано.

Я пойду навстречу своей гибели лишь с двумя сожалениями: о том, что мне так и не довелось освежевать Рекка Жароса от члена до горла, и о том, что я не смогла ощутить жизнь так, как рассказывала Фэллон перед тем, как она ушла. Эта прекрасная, дарящая силы свобода, которая всегда была недостижима.

Оба сожаления словно осколки вонзаются в мое сердце, когда меня ведут к лестнице, вырубленной в северной части стены, и я зигзагами поднимаюсь по пролетам, пока не оказываюсь достаточно близко к облакам, чтобы поймать их ртом.

Чтобы почувствовать их вкус.

Оказавшись на вершине стены, я привстаю на цыпочки через каждые несколько шагов, вытягиваю шею, решив украдкой взглянуть на луну, которую я так люблю... *в последний раз.*

Еще немного выше, и я, возможно, смогу...

Я смотрю на низкие, извергающие снег облака, которые покрывают небо во всех направлениях, скрывая луны.

Абсолютно все.

Сердце замирает, глаза щиплет.

Меня затапливают в тоннель, украшенный горящими светильниками, и я рычу, когда камень и пламя заслоняют облака. Топот сапог эхом отражается от стен, и я уверена, что эти сапоги давят мне на грудь тяжестью моего разочарования, ломая ребра. Сжимая мои легкие.

Отмахнись от этого.

Запихни подальше.

Я поднимаю подбородок, когда мы сворачиваем в другой тоннель, а затем меня ведут вверх по винтовой лестнице, которая выводит меня на центральную сцену Колизея — такую огромную, что я чувствую себя комком грязи на дне водоема.

Крошечным.

Незначительным.

Прочный каменный навес, венчающий здание, укрывает первый ярус сидений, защищая оживленных стихийцев, пришедших посмотреть на мою смерть и готовых рискнуть жизнью, чтобы стать свидетелями этого жуткого зрелища.

Они смеются, ахают и перешептываются, указывая в мою сторону, когда я прижимаюсь спиной к деревянному столбу, а мои ноги тонут в слое снега.

Я машу им рукой и улыбаюсь.

— Спасибо, что пришли проводить меня! — кричу я, а за этим следует тихое «придурки».

Стражники прижимают мои руки к бокам, обвязывая меня витками волокнистой веревки, пока я не оказываюсь зафиксирована так крепко, что трудно нормально вздохнуть. Они спускаются по лестнице, пока мои легкие борются со стягивающими путами.

За ребрами вспыхивает паника.

Я в ловушке. Беспомощна.

Так чертовски одинока.

Осознание этого пронзает меня насквозь, страх смешивается в моих венах с бурлящей кровью. Дыхание становится резким и быстрым, а та ужасная дрожь, которая сотрясала меня в камере, возвращается с удвоенной силой.

Возможно, заметив мой внезапный дискомфорт, некоторые из стихийцев смеются, и их смех летит в меня, словно брошенные камни.

Щеки пылают, но я отказываюсь смотреть на них снова. Вместо этого я устремляю свой взгляд в небо, широко раскрывая глаза при виде ярких чудовищ, кружащих в вышине, прорезающих облака и смешивающих красивые цвета в радужную оболочку, сфокусированную на...

Мне.

Хлопья снега падают мне на волосы и лицо, пока я пытаюсь остановить стук зубов и замедлить поверхностное, судорожное дыхание.

Это кошмар, от которого я собираюсь проснуться. Как и в случае с любым другим кошмаром, ты не просыпаешься, пока он не сломает тебя настолько, что ты вырвешься на свободу.

Вот и все...

Я просто должна сломаться. Тогда я буду свободна.

Мое внимание привлекает суматоха в императорской ложе, и я вижу, как женщина движется сквозь строй расступающихся солдат, ее бледный цвет лица так резко контрастирует с красной короной, украшающей копну рыжих волос.

Королева...

Не думала, что она посещает такие мероприятия. Видимо, я достаточно важная особа, чтобы заслужить эту привилегию.

Звенит колокол для кормления, и мой следующий вздох — ощущается как удар по горлу, каждый удар колокола пробирает меня до костей, когда ее императорское высочество достигает балюстрады. Ее взгляд падает на меня, и она замирает, глаза расширяются от вспышки... чего-то.

Шока?

Неверия?

Узнавания?

Я не могу определить. У меня нет времени на то, чтобы раздумывать об этом, и я позволяю своему вниманию переключиться на стаю зверей, заполонивших небо...

Творцы.

На каменный навес приземляется массивный молтенмау, желто-оранжевое оперение которого делает его похожим на разъяренное пламя, пришедшее поглотить меня. Я вздрагиваю, когда он опускает свой длинный заостренный клюв и с визгом взмывает в небо, разгоняя более мелких тварей, которые уже начали спускаться в чашу Колизея.

Так близко.

Его щелевидные зрачки расширяются, и он щелкает своим массивным клювом по воздуху прямо перед моим лицом. Как тренировочный укус.

Я выдерживаю алый взгляд дракона — меня обдает порывом ветра.

Молтенмау поворачивает голову влево, издавая трель в адрес второго зверя почти таких же чудовищных размеров, прижавшегося к навесу с другой стороны здания. Он разевает клюв и издает свой собственный пронзительный визг, извергая дым и слюну.

Я поворачиваю голову, пытаюсь укрыться от взрыва, и мой взгляд устремляется прямо в императорскую ложу.

Королева судорожно сжимает балюстраду, крича на стоящих за ней солдат — солдаты переводят взгляды с нее на меня, их лица бледные, как пергамент.

Ее широко открытые безумные глаза встречаются с моими, и в этих зеленых глазах есть что-то такое, что тревожит покой моего внутреннего озера. Слезы текут по ее щекам, и она начинает произносить слова, которые я не могу услышать... но могу увидеть.

Могу узнать.

Она поет песню Клод, умоляя ее создать воронку.

Закрутиться вихрем.

Воздух вокруг меня превращается в кружащуюся метель из снега и льда, сквозь которую почти невозможно что-либо разглядеть. Столб, к которому я привязана, раскачивается так, словно вот-вот оторвется от сцены, мои волосы грозят быть вырванными с корнем, а их волнистые концы натянуты кружащимся вихрем.

Два молтенмау с визгом срываются с крыши, крылья бьют по воздуху, который вырывает яркие перья из их подбрюшья, разбрасывая их в воронке, которая гонит тварей обратно к облакам.

Сквозь свирепый снежный вихрь, хлещущий по лицу, я снова встречаюсь взглядом с королевой — ее грудь сотрясается от рыданий, а на лице теплая улыбка.

Понимание опускается в мой живот, как тяжелая пища после долгого голодания, и я хмурюсь...

Она пытается отпугнуть драконов.

Она...

Она *спасает* меня...

Глубокий, низкий звук сотрясает воздух, раздаваясь со всех сторон одновременно.

Ту-думп.

Ту-думп.

Ту-думп.

Весь свет исчезает из Колизея, его затмевает ужасная тьма, которая почти поглощает меня целиком.

Толпа с криками срывается со своих мест и бежит к выходу, некоторые в панической спешке натыкаются друг на друга. Королева отрывает от меня взгляд и, вытаращив глаза, смотрит куда-то за крышу здания. Меня охватывает смятение, и я делаю то же самое.

Мое сердце замирает, дыхание сбивается, когда самый большой саберсайт, которого я когда-либо видела, опускается в Колизей, взмахивая своими широкими крыльями. Вытянув свои гигантские когти, он цепляется за изогнутый навес, опуская свою массу на конструкцию, которая больше не выглядит крепкой и прочной. Не по сравнению с этим чудовищем цвета засохшей лужи крови, кажущейся черной в тех местах, где лучи отраженного света не касаются его чешуи размером с тарелку.

Кажется, весь мир содрогается, по камню бегут трещины, куски отламываются и падают вокруг меня, раздавливая тех из знати, кто не успел удрать достаточно быстро.

Яростные вопли паники и боли сотрясают воздух.

Дракон расправляет крылья в нереальном размахе, раздвинутые мембраны вибрируют от силы песни королевы, кончики когтей тянутся так далеко, что я представляю, как они могут обвиться вокруг Колизея не один раз.

— Черт, — бормочу я, недоумевая, зачем такому огромному зверю беспокоиться о таком крошечном кусочке пищи.

Разве что...

Я нужна ему для его детенышей.

У меня сводит желудок.

Я не только умру, но и сделаю это медленно и в самом жарком месте на свете.

Гондраг... гнездовье саберсайтов.

Король был прав, меня преследуют призраки. Все злые духи тех, кого я не удосужилась обезглавить, заманили это чудовище на мою казнь и теперь смеются вволю.

Хорошо для них.

А для меня — дерьмово.

Весь воздух со свистом *вырывается* из моих легких, когда дракон с шумом опускает голову в чашу, его квадратная морда усеяна рогами и клыками, которые изгибаются и превращают ее во что-то чудовищное. Оно обдает меня обжигающим дыханием, глядя на меня чернильными шарами, окруженными озерами из тлеющих углей.

Что-то *вырывается* из глубин моего внутреннего озера, словно сеть, поглощающая мое окаменевшее сердце. Когти впиваются в каменную плоть, вливая в меня песню, которая подбирается к горлу и выливается на язык, как шар ледяного пламени, разжимая челюсти.

Она льется в ритме с моим учащенным сердцебиением, мой пронзительный голос прорывается сквозь шум. Это не обычный язык, а что-то... *другое*.

Что-то, чего я не понимаю. И, вероятно, должна выяснить.

Дракон моргает, наклоня голову, а незнакомая мелодия бьется о мои зубы, словно ледяные осколки инея и снега...

Я хмурюсь.

Неужели зверь *слушает* мои слова?

Он... *понимает* их?

Вместо меня?

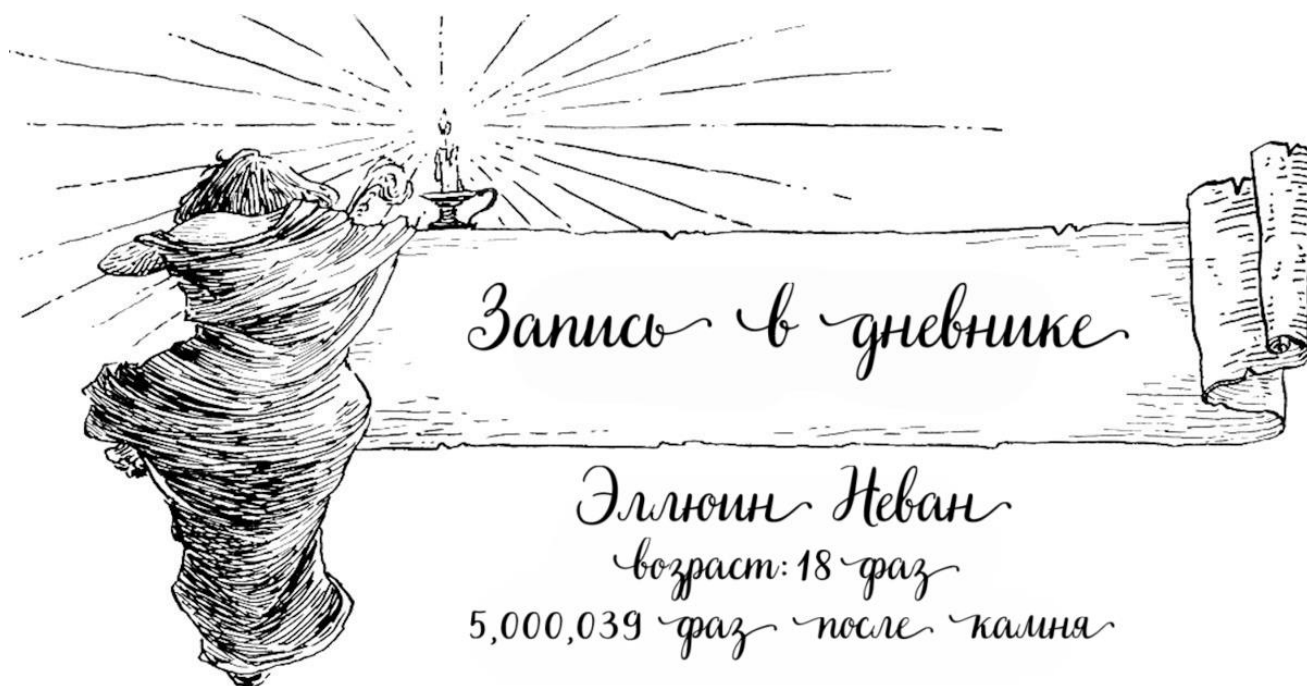
В моей груди зарождается крошечная надежда, по крайней мере, до тех пор, пока саберсайт не открывает свою огромную пасть и не издает ужасный рык — пылающее пламя, сдобренное вонью жареной плоти. Сердце замирает, когда я смотрю на вспышку пламени у основания его ребристого горла, ожидая испепеляющего взрыва.

Огня.

Чудовище приходит в движение.

Острые зубы смыкаются вокруг меня, погружая в крошечную тьму, жаркую и влажную. Треск обрушиваются на меня со всех сторон, прежде чем столб, к которому я привязана, отрывается от помоста и кренится в сторону, увлекая за собой меня.

Ужас в конце концов погружает меня в забытие.

Последний сон я сплю в вольере, прижавшись к шелковистому хвосту свернувшейся клубком Слатры, и вижу счастливые сны. О том, как Хейден впервые полетел на спине Аллюм, сияя улыбкой, и они оба оглашали небо победными криками. Мы были в восторге от прогулки, которую совершили вместе, залитые лунным светом, парящие между зубчатыми горными вершинами, снежные вихри кружились за нами от головокружительных взмахов шелковистых хвостов наших мунплюмов — Хейден был живее, чем когда-либо.

Я спала в вольере, видя счастливые сны, пока моя семья спала на своих тюфяках, с которых уже никогда не поднимется. Пока какой-то проглоченный яд проникал в тела и убивал их.

Маха.

Пах.

Хейден.

Я знаю, что их последние минуты были мучительными. Я видела это по их выпученным глазам. В неестественном изгибе их ртов, которые больше не улыбнутся, не споют и не прошепчут мое имя, как бы сильно я не обнимала их и не кричала, чтобы они очнулись.

Эта огромная боль... Она заполняет всю мою грудь и не дает дышать. На меня наваливается такая тяжесть, что я не думаю, что когда-нибудь смогу снова двигаться. И не думаю, что хочу этого.

Как может тот, которого ты так сильно любишь, быть здесь в одно мгновение и исчезнуть в следующее?

Просто... исчезнуть?

Аллюм, Натэй и Аккери проносятся мимо окна, визжа и выпуская пламя. Каждый раз, когда они кричат, на моем сердце появляется все больше трещин.

Они знают, что что-то не так.

Но у меня не хватает духу показать им, что они потеряли. Пока нет. Я все еще надеюсь, что, открыв глаза, обнаружу, что все это было одним большим, ужасным кошмаром.

Помощники Махи и Паха говорят, что я должна их отпустить. Что мы должны вернуть их тела стихиям. Творцам, которые не смогли быть рядом с ними, когда они больше всего в этом нуждались.

Это кажется слишком окончательным.

Я не хочу, чтобы это было наше последнее объятие. Последний раз, когда я смотрю в их глаза и говорю, что люблю их.

Я не хочу, чтобы и эта их часть тоже исчезла.

Они говорят, что мне нужно надеть диадему Махи теперь, когда она наконец-то освободила ее голову, но только после того, как высосала из ее тела всю жизнь до последней капли и сделала неузнаваемой. Теперь Творцы не перестают кричать, выплевывая шипящие слова, которых я никогда раньше не слышала. Слова, которых я не знаю и не хочу знать. Не сейчас.

Думаю, они тоже хотят, чтобы я надела диадему.

Маха как-то сказала мне, что никогда не чувствовала себя ближе к смерти, чем в тот момент, когда опустила ее на свой лоб, так что, возможно, я наконец надену ее... хотя бы для того, чтобы испытать именно это.

Стану ближе к ним.

В моей новой клетке пахнет огненной смертью и серой — рыхлая, вздымающаяся чернота, которая рычит вокруг меня, издавая гулкие звуки, отдающиеся эхом. Булькающие, скрежещущие звуки и барабанный бой...

Крыльев.

Ту-думп.

Ту-думп.

Ту-думп.

Я стону, мое лицо покрывает лужа липкой слизи, которая так и норовит утопить меня, заливая мне голову и растекаясь по волосам при каждом резком повороте, подъеме и головокружительном падении.

Зазубренное лезвие страха пронзает мою грудь.

Саберсайт не разжал челюсти и не перемолол меня стеной сабель, о которую трется мое колено. А это значит, что я, к сожалению, оказалась права. Есть только одно место, куда мне суждено попасть, если я не захлебнусь в его слюне до того, как мы туда доберемся...

Это чудовище тащит меня в Гондраг, чтобы скормить своим отродьям.

Черт.

Я понятия не имею, как долго мы находимся в воздухе. Не представляю, как быстро может лететь этот зверь со своим огромным размахом крыльев. За пятнадцать ведер кровавого камня в городском вольере Гора можно купить рискованный билет в один конец в Гондраг для тех, кто достаточно глуп, чтобы попытаться украсть яйцо саберсайта, но, как говорят, на это уйдет семь циклов Авроры — если вы вообще туда доберетесь.

У меня точно не хватит сил пережить *семь циклов Авроры* у него в пасти.

Я издаю булькающий звук, находя слабое утешение в осознании того, что, скорее всего, умру раньше, чем меня выплюнут в гнездо из расплавленного камня рядом с выводком маленьких голодных версий этой твари.

Дрожь пробегает у меня по спине, когда я представляю, как они доедают то, что от меня останется, изрыгая пламя, которому не хватает силы, чтобы покончить с моей жизнью. Я определенно либо одержима, либо проклята, либо и то, и другое.

Внезапно и без предупреждения чудовище начинает *падать*.

Мои кишки впечатываются в позвоночник, а сила падения смещает деревянный столб в пасти чудовища и отбрасывает меня назад. Я резко

останавливаюсь у задней стенки его глотки, выпучив глаза, и смотрю в ребристую пещеру на языки пламени, кипящие у ее основания и обдающие меня таким яростным жаром, что я удивляюсь, как плоть не плавится на моих костях.

Прошрое и настоящее перемешиваются, разъедая мои внутренности...

Еще один крошечный толчок назад, и этот огонь поглотит меня.

Наконец-то он *доберется до меня*.

Сердце колотится быстро и сильно, я закрываю глаза и крепко зажмуриваюсь. Постукивая ногой по столбу, я напеваю веселую песенку и представляю себя где-нибудь в холодном и темном месте, снежинки осыпают мое запрокинутое к небу лицо:

*Жила-была маленькая веселая цыганка,
которая была умелой воровкой.*

*Она собрала свои пожитки в рюкзак за спиной
и отправилась искать дракона.*

*Она добралась до расплавленного болота в поисках огненного яйца,
так говорят.*

Она прыгала с кочки на кочку — что можно так найти?

МНОГО ЧЕГО МОЖНО НАЙТИ!

*Она забралась в гнездо и нашла целое яйцо,
так говорят.*

Но яйцо уже качалось... качалось...

И тут она услышала стук... стук...

Пламя стало вырываться... вырываться...

Наша веселая цыганка теперь прыгала... прыгала...

*Жила-была маленькая веселая цыганка,
которая нырнула в расплавленное болото,
чтобы спастись от горящих веток вылупившегося молтенмау,
а потом вынырнула, став бархатным троггом!*

Меня внезапно отрывает из задней части зияющей глотки чудовища и швыряет вперед, бревно с такой силой падает на изогнутую стену клыков, что я чувствую, как мой мозг бьется о внутреннюю поверхность черепа.

Ритмичного стука крыльев больше не слышно...

Неужели мы... приземлились?

От предвкушения, скручивающего кишки, у меня под языком покалывает.

Творцы, вот оно. Сейчас меня выплюнут в гнездо и съедят.

Я не хочу быть съеденной.

Вокруг меня раздается грохочущий звук, и дракон разжимает пасть, между остриями его чудовищных клыков — каждый из которых намного больше меня — тянутся ниточки слюны. В увеличивающуюся щель пробивается яркий свет, режущий мои глаза до боли.

Я все еще щурюсь, когда зверь опускает голову, просовывает язык под бревно и выплевывает меня, как кусок мусора.

Мое сердце подскакивает к горлу, когда я взмываю в небо, давя в себе крик, грозный вырваться наружу.

Благодарю.

Я отказываюсь умирать с воплем на губах. Я буду рычать, проклинать и огрызаться на этих маленьких, колючих, огнедышащих ублюдков, пока они не вырвут мне глотку.

Гравитация тянет меня вниз, и я падаю лицом во что-то теплое... рыхлое... через то, что невозможно дышать. Гораздо мягче, чем я представляла себе гнездо Саберсайта. И жара не обугливает кожу, как я ожидала, хотя я уверена, что его отродья устранят этот недостаток.

Столб, к которому я до сих пор привязана, дергается назад и снова опускается, так что я оказываюсь лежащей на нем, а не наоборот — как идеально поданное блюдо на палочке.

Эти детеныши должны быть огромными. И сильными. И им, должно быть, нравится играть со своей едой.

Чудесно.

У меня сводит желудок, и слюна саберсайта поднимается к горлу. Я поворачиваю голову и меня рвет, я кашляю, хриплю, кишки сводит судорогой, когда из меня извергается... все.

Между каждым очередным спазмом и стоном я приоткрываю глаза и вижу стоящего надо мной мужчину со скрещенными руками и хмурым выражением красивого лица. До боли знакомого мужчину, который теперь наблюдает, как меня рвет на очень мелкие камешки, которые, должно быть, являются песком.

Я слышала об этом. Первое впечатление имеет значение, и, к несчастью для этого песка, который сейчас царапает мои глазные яблоки и облепляет все лицо и волосы, мы начали неудачно.

Однако я жива и в данный момент не стораю заживо и меня не рвут на части. Осознание этого превращает мои рвотные позывы в смех, сотрясающий всю мою грудь и звучащий как один из маниакальных приступов Клод.

— Я так рада, что это ты, — выныриваю я между приступами утробного смеха. — Теперь я наконец-то получу удовольствие от того, что убью тебя.

— Я только что спас тебе жизнь, — бурчит в ответ король-инкогнито, подняв брови, черный плащ развеивается под порывами ветра, который швыряет мне в глаза еще больше гребаного песка. — Может, благодарность будет уместнее, чем кинжал, приставленный к моему горлу?

— Если бы ты почти утонул в слюне саберсайта, ты бы с этим не согласился, — заявляю я, вглядываясь в его задумчивое лицо с уверенностью того, кто не закован в железо и не привязан к столбу. — Как насчет того, чтобы поменяться местами? Посмотрим, что ты почувствуешь, когда немного помаринуешься в его пасти. Уверена, ты захочешь перерезать мне горло.

Король наклоняет голову набок, его голос звучит раскатисто, когда он произносит:

— Ты бы предпочла, чтобы я вытащил тебя из твоей камеры? Увез тебя из Гора, оставив Гильдию знати неудовлетворенной, все еще жаждущей крови твоей мятежной группы? Возможно, ты ударила голову в пасти Райгана, потому что все разумные мысли ее покинули.

Райган...

Значит, это король Пекла — Каан Вейгор. Вполне уместно, и мне просто в очередной раз повезло, что меня похитил внушающий страх таинственный король, а не тот, кто, по-видимому, все еще оплакивает свою умершую королеву. Похоже, у того есть сердце. А у этого, как я слышала, есть только очень голодный дракон и связь с Булдером, достаточно сильная, чтобы разрушить город одним словом.

Прекрасно. Думаю, я попрошу Райгана снова схватить меня и доставить прямо в Гондраг. Выплюнуть в гнездо. Лучше я попытаю счастья с кучкой голодных птенцов.

— Я ударила голову, спасибо тебе большое. А еще я почти захлебнулась слюной твоего дракона, меня чуть не *проглотили*, и сейчас от меня воняет мертвечиной, которая, наверное, никогда не смоется. А теперь развяжи меня, чтобы мы могли покончить с этим.

— Ты не боишься Райгана?

Я перевожу взгляд с его массивной фигуры на зверя у него за спиной, который сидит на задних лапах, прищулив на меня чернильные глаза и

выпуская пар из раздувающихся ноздрей, и игнорирую укол страха, который пытается проникнуть в мое покрытое мозолями сердце.

Я часто думала, что фейри похожи на своих питомцев. Этот случай — не исключение.

И зверь, и мужчина — горы мускулов, отбрасывающих тени на песок цвета ржавчины. Их тлеющие глаза пронзают мою душу беспощадными взглядами, пленяя и присваивая что-то у меня в груди, и я понимаю, что любая попытка освободиться не приведет *ни к чему хорошему*. Что хватка будет только усиливаться, пока мои глаза не выскочат из глазниц, а изо рта не хлынет кровь.

Они оба пугают своей силой и мощью. На обоих страшно смотреть... в совершенно разных смыслах.

Я прочищаю горло, движением головы отбрасываю с лица мокрые от слюны волосы, и, прищурившись, поднимаю глаза на короля, который смотрит на меня в ответ с таким же сухим выражением, как и окружающая нас выжженная местность.

— Ни один зверь не может быть приручен настолько, чтобы держать в пасти живую еду, если она не предназначена для его потомства, а твой зверь, похоже, любит *поесть*, — говорю я, бросая еще один взгляд на Райгана и гадая, сколько живых существ он сожрал, чтобы стать такого размера. — Он бы проглотил меня, если бы я его хоть чем-то разозлила. Веревки. Сейчас.

Каан продолжает наблюдать за мной, не двигаясь с места, он даже не вспотел, несмотря на яростный солнечный свет, бьющий в лицо и подчеркивающий его сильные, выразительные черты, которые грозят отвлечь меня от моих убийственных мыслей.

Снова.

— Быстрее, я начинаю гореть.

— Если ты убьешь меня, то застрянешь на Болтанских равнинах без средства передвижения, без доступа к воде, а с такой кожей ты увянешь, как мунплум, попавший под солнце, и умрешь еще до восхода Авроры, — отвечает он, констатируя очевидное. Я уже чувствую, как у меня горит кожа. — И это в том случае, если Райган оставит тебя в живых после того, как увидит, как я истекаю кровью на песке. Может, сейчас ты ему и нравишься, но я могу заверить тебя, что он предан мне.

Я хмуро смотрю на тварь, которая выпускает из раздутых ноздрей еще больше клубов дыма, из его груди вырывается могучий рев, который заставляет меня представить, как я окажусь между его клыков и превращаюсь в кашу из осколков костей и пенистой крови.

— К тому же у тебя нет оружия, в плече гноится гвоздь, и, если я не ошибаюсь, ты не ела почти две фазы. Как насчет того, чтобы мы снова взмахнули белым флагом и ты подавила желание убить меня до тех пор, пока не поешь, не искупаешься и не перестанешь страдать от инфекции, которая начинает распространяться по твоей крови, а?

Он полон драконьего дерьма.

— Единственная инфекция, от которой я страдаю, напрямую связана с твоим самодовольным присутствием.

— *Ошибаешься.* — Его верхняя губа приподнимается, обнажая длинные и заостренные клыки, отчего мышцы внизу моего живота напрягаются.

Странно.

Он приседает, заслоняя солнце, и тянет за ворот моей туники с такой силой, что пуговица отлетает.

— *Что ты...*

Он засовывает палец в рану на моем плече, и острая боль, словно раскаленная кочерга, пронзает мышцы, сухожилия, кости...

Я вскрикиваю, о чем тут же жалею.

Никто не заставит меня кричать. И уж точно не он.

Его палец с хлюпаньем выходит, и я рычу сквозь оскаленные зубы, делая короткие, резкие вдохи, никак не помогающие утолить ярость, вздымающуюся в моей груди, подобно бушующему драконьему пламени.

Он нюхает свой окровавленный палец, и следующие слова вырываются из него с такой злостью, что они почти осязаемы на моей покрытой мурашками коже.

— Я *чувствую* это по запаху.

Влажное тепло сочится из свежей раны, пока я изучаю все его части тела, которые мне хотелось бы отрезать.

— Я... *действительно* хочу... убить тебя.

— Прекрасно понимаю, — бормочет он, стряхивая мою кровь со своей руки. — Но сейчас не время.

Я смотрю на зверя у него за спиной — он расправил крылья, греясь на солнце, — затем перевожу взгляд дальше, на то, что нас окружает, — вокруг нас простирается покрытый рябью песок, частички которого поднимаются и разлетаются медными вихрями. Воздух над ним тоже колыхнется, искажая мутно-голубой горизонт, усеянный темными лунами, настолько близкими, что, кажется, я могу дотянуться до них и поддержать в ладонях. Серебряные ленты Авроры переплетаются с могильными камнями, служа единственным украшением этой выжженной местности.

Здесь нет холмов. Нет деревьев. Ни камней, ни скал, ни валунов.

Никаких признаков жизни.

И уж точно нет *воды*...

Только я, король и дракон размером в половину горы.

Отлично.

— Белый флаг — это белый флаг, — говорит он, опираясь локтями на согнутые колени и наклоняя голову набок. — Могу ли я освободить тебя и поверить, что ты не станешь пренебрегать правилами нашего... соглашения?

— Скорее всего, нет.

— По крайней мере, ты честна, — бормочет он, глубоко вздыхая.

Он тянется к голенищу ботинка и достает бронзовый клинок в форме лепестка.

Черт.

Надо было соврать.

Я дергаюсь, шипя сквозь стиснутые зубы, когда он подносит лезвие к моей груди, просовывает его под веревку и... режет.

Часть веревки распутывается, позволяя мне сделать первый глубокий вдох с тех пор, как я была привязана к забытому Творцами столбу.

Должно быть, мой взгляд выражает степень моего потрясения, потому что в его тлеющих глазах вспыхивает искорка смеха.

— Ты думала, я собираюсь зарезать тебя, заключенная семьдесят три?

— Конечно. Ты же видел, сколько кусков кожи они разложили на земле во время моего суда, и я бы соврала, если бы сказала, что это все. Очевидно, что у тебя только мускулы, но нет мозгов.

Он усмехается, перерезая еще одну веревку. Еще одну.

Еще одну.

Я скатываюсь со столба и снова падаю лицом в песок.

Он поднимает меня на ноги и отряхивает, а затем наклоняется ко мне, прижимаясь.

— Ты права, от тебя *дерьмово* пахнет.

— Да пошел ты, — бормочу я, и он вскидывает бровь.

— Ты хотела убить меня минуту назад. Я не могу за тобой угнаться.

Я фыркаю от смеха.

- Не волнуйся. Немногие могут.
- Это вызов? — спрашивает он, засовывая клинок обратно в ботинок.
- Нет. Но я дам тебе шанс отпустить меня.
- От всей души откажусь.

Конечно.

Надеюсь, он не будет возражать, когда я *от всей души* перережу ему горло.

Он расстегивает плащ, стягивает его с плеч, давая мне возможность увидеть вблизи, как мощно движется его мускулистое тело. Мои щеки пылают, когда он закутывает меня в просторную ткань, закрепляет под подбородком, а затем щелкает меня по носу.

— Очаровательно.

— Я отрежу тебе язык тем клинком, что у тебя в ботинке.

Он накидывает капюшон мне на голову, окутывая меня тенью.

— Я бы предпочел, чтобы ты использовала *зубы*, но нищим выбирать не приходится.

Я хмурюсь, понимание приходит медленнее, чем восход Авроры. У меня вырывается возмущенный смешок, но он быстро обрывается, когда он приседает, берет мою левую лодыжку в одну руку, сжимает цепь в другой и *дергает*, расправляя плечи. Звено разрывается и взлетает в воздух.

Хорошо.

Он повторяет процесс с другой моей лодыжкой, отрывая кусок цепи, который бросает в сторону.

— У тебя хорошо получается. — Я взмахиваю руками, и металлическая цепь, натянутая между ними, звенит от моего движения. — Продолжай.

Он сухо смотрит на меня и поднимает с земли обрывок веревки. Соединив мои руки вместе, он сдвигает кандалы повыше, затем делает несколько витков вокруг запястий и завязывает узел.

— Это... не то, что я имела в виду.

Он отрывает цепь от кандалов на моих руках, разъединяя звенья, словно они сделаны из глины.

— Я в курсе.

Черт.

— Туповатый. Понимаю. Не осуждаю.

Довольно хмыкнув, он поднимается, а затем нагибается, обхватывая меня своими большими руками. Он закидывает меня на спину и поднимает, как мешок с зерном.

— *Что ты делаешь?* — кричу я, перевешиваясь через его плечо, пока он шагает к... *своему дракону*. Сердце так сильно бьется в горле, что я почти задыхаюсь.

— Каан, *нет*. Я не соглашалась на это!

Его тело напрягается, шаги замедляются, он издает низкий, скрежещущий звук.

— Скажи это еще раз...

— *Что?*

— *Мое имя*, Лунный свет. Повтори его еще раз.

Если это поможет мне избавиться от полета, я буду кричать его в небо, пока у меня не разорвутся голосовые связки.

— *Каан. Каан. Каан. Каан. Каан!* Теперь опусти меня. Немедленно.

Он набирает воздух в легкие, вся его грудь раздувается, словно он только что сделал первый вдох с момента начала глубокого погружения.

— Ты не сказала «пожалуйста», — наконец произносит он и снова идет вперед.

Что...

— *Пожалуйста!*

— Слишком поздно.

Я собираюсь раздробить его кости и использовать их в качестве зубочисток.

Он подходит к тяжело дышащему зверю, где с седла свисают длинные веревки с узлами, украшенные множеством петель для ног, в одну из которых он продевает свой ботинок.

— Засунь меня обратно ему в пасть!

Он рывком поднимает нас по веревке, и я с ужасом в глазах наблюдаю, как земля уходит все дальше и дальше, а затем отказываюсь от борьбы, когда до меня доходит, что я не смогу вырваться или зарезать его, чтобы сбежать.

Достигнув седла из сшитых вместе шкур на спине огромного зверя, Каан преодолевает последние несколько петель, затем перекидывает ногу через седло и усаживает меня к себе на колени.

Я сижу на нем и, приоткрыв рот, смотрю в его глаза, задыхаясь от опьяняющей близости. Он смотрит на меня сверху вниз, его напряженное дыхание овеивает мое запрокинутое лицо — воздух между нами наполняется статическим электричеством, от которого у меня мурашки бегут по коже.

Творцы.

Окунувшись в запах кожи и его одурманивающего аромата, я ощущаю, как напряжение разливается внизу моего живота, требуя того, чему все остальные части меня категорически противятся, и размышляю, может спросить этого мужчину, не хочет ли он потрахаться, прежде чем я перережу ему горло...

Наверное, не стоит.

— У тебя есть время, пока я считаю до десяти, чтобы решить, как ты хочешь сесть, а потом я направляю Райгана в небо, и ты не сможешь это изменить, — выдавливают Каан сквозь стиснутые зубы, и мое сердце бьется все сильнее с каждым его окончательным словом.

Я открываю рот, собираясь выплюнуть что-нибудь резкое, когда он произносит:

— Один... Два...

Черт.

Я вздрагиваю, задираю правую ногу вверх, упираясь в его бедро.

— Три... Четыре...

Я пытаюсь встать, но теряю равновесие и снова падаю, прижимаясь лицом к его груди, когда он произносит низким голосом «Пять».

— *Считай медленнее,* — рычу я, упираясь руками в его живот и знакомясь с буграми мышц, которые на ощупь больше похожи на камни...

У меня пересыхает во рту.

— Шесть, — говорит он, и его хриплый голос заставляет мою кожу покрыться мурашками. — Семь.

Определенно нужно двигаться.

Я снова подтягиваю ногу и встаю, пошатываясь.

— Восемь...

Я поворачиваюсь лицом вперед, сердце колотится сильно и быстро, когда я оглядываюсь вокруг, ноги подгибаются от внезапного осознания того, как высоко мы находимся.

Что это наша *отправная* точка.

— *Девять...*

Творцы, уничтожьте этого мужчину.

Я позволяю своим ногам соскользнуть по обе стороны от седла, идеально приземляясь между его ног с такой силой, что он издает глубокий стон, который вызывает у меня прилив удовлетворения.

— Десять, — щебечу я, и он, прочистив горло, тянется между нами, чтобы поправить себя — несомненно, испытывая боль.

Я улыбаюсь.

— Я не буду возражать, если ты оставишь меня в ближайшей деревне. Я смогу сама найти дорогу, — говорю я, решив, что сейчас самое время нанести удар, раз его член уже пострадал. У меня есть два способа избавиться себя от его присутствия: убить его или переспать с ним.

— Нравится тебе это или нет, — ворчит он, обхватывает меня за талию и приподнимает, усаживая в более удобное положение, — так близко к нему, что щеки горят не только из-за удушающей жары. — Ты отправляешься со мной в Домм.

Мое сердце замирает.

Домм...

Так мало кто отправляется в столицу Пекла и возвращается обратно.

Чертовски мало.

Наверное, потому, что все они оказываются внутри чудовища, на спине которого я сейчас сижу. Или так, или у города челюсти, когти и зубы куда острее, чем у того, от кого я чудом спаслась.

Я открываю рот, собираясь возразить, когда Каан протягивает мимо меня руку и хватается за веревки.

— *Guthunda*, Райган. *Guthunda!*

Зверь под нами оживает, выдыхая пар, и мне кажется, что весь мир качается из стороны в сторону, когда он приходит в движение.

— Держись за кожаный ремень, — рычит Каан возле моего уха, отчего по щекам снова бегут мурашки, а дыхание становится прерывистым.

Зарывав, я хватаюсь за этот чертов ремень.

— Знаешь, что я больше всего ненавижу?

— Когда тебе говорят, что делать? — отвечает он, не моргнув глазом.

— Именно.

— Что ж, — говорит он, дергая полоску кожи, словно проверяя, крепко ли я держусь за нее. Я нахожу это глубоко оскорбительным, поскольку не делаю ничего наполовину. — Какое облегчение знать, что у тебя есть хоть капля самосохранения.

— Я бы предпочла *клинок*, который спрятан в твоём голенище, — ворчу я, когда зверь складывает крылья вплотную к своему телу.

Я чувствую, как в согнутых лапах Райгана нарастает поток энергии, а затем он взмывает в небо, с грохотом взмахивая крыльями, и гравитация впечатывает меня в грудь Каана с такой силой, что весь воздух выбивает из легких.

Мы устремляемся *вверх...*

Вверх...

Все слова, которые я собиралась произнести, проваливаются в глубины моих кишок, и я крепче вцепляюсь в ремень. Моя голова откидывается назад, в изгиб шеи Каана, его сердце яростно бьется о мой позвоночник, ускоряясь в унисон со взмахами крыльев Райгана.

Мы проносимся сквозь пелену облаков, затем выравниваемся, и кажется, что весь мир вновь обретает равновесие.

Я делаю первый вдох с тех пор, как мы оттолкнулись от песка, и прерывисто выдыхаю.

Я скучаю по пасти дракона. Там было мокро, воняло, и была большая вероятность, что меня проглотят, но, по крайней мере, я не цеплялась за жизнь одним-единственным кожаным ремешком, прижатая к мужчине, от которого слишком хорошо пахнет, чтобы его свежевать.

— Ты в порядке? — спрашивает Каан у самого моего уха, и каждая клеточка моего тела трепещет.

Я осмеливаюсь посмотреть вниз, ожидая, что меня разорвет от страха, когда я увижу мир под собой, бесплодные равнины, простирающиеся во всех видимых направлениях, словно рябь на ржавой воде. Вместо этого в моей груди разрастается что-то настоящее. Что-то, от чего я испытываю потребность раскинуть руки, запрокинуть голову и разразиться смехом, глубоким и таким чертовски очищающим, что хочется... *плакать*.

— *Ответь мне, Лунный свет.*

В его голосе слышится резкость, которая выводит меня из задумчивости. Напоминает, что я в плену у очередного злобного Вейгора, и просто сменила одни кандалы на другие.

Мир проносится мимо, пока я обдумываю вопрос Каана...

В порядке ли я?

— Да, — шепчу я, обнимая странное, головокружительное чувство с нежностью, о которой и не подозревала, опасаясь, что оно сломается, если я сожму его слишком сильно. — Я в порядке.

Песни Творцов сейчас такие тихие, их голоса — лишь отголоски, едва уловимые.

Я не знаю, почему.

Возможно, Эфирный камень забирает у меня так много, что почти не остается сил слушать.

Вот как это ощущается. Как будто мою душу высасывает паутина щупалец диадемы, присосавшихся к моему черепу.

Я ненавижу это.

Я никогда не узнаю, как Маха выдерживала это на протяжении сотен фаз, но, возможно, я понимаю, почему ей потребовалось столько времени, чтобы привести в этот мир Хейдена.

Потом меня.

Возможно, я понимаю, почему она плакала на снегу так много фаз назад, когда мой мир был маленьким, а сердце — наполненным и целым.

У меня едва хватает сил дышать, не говоря уже о том, чтобы есть. В прошлом цикле у меня точно не было сил помогать с подготовкой к церемонии представления. Стоять на ногах, пока Натэй и Аккери обдавали шлейфами голубого пламени костры Махи и Паха, возвращая их тела стихиям. Вместо этого я сидела в кресле Хейдена и смотрела, как они горят, и мое сердце так болело от того, как сильно я не хотела их отпускать, что я чуть было сама не бросилась в огонь.

Затем настал черед Хейдена.

Вместо того чтобы залить тело пламенем, Аллюм подхватила его, расправила крылья, затем подняла голову к небу и оторвалась от земли, прижимая к себе моего брата. Она неуверенно взмыла в глубокую тьму, где покоятся ее предки, затем свернулась в клубок, укрыла Хейдена своим огромным крылом и застыла у меня на глазах — решив отдать себя смерти, чем прожить вечную жизнь без того, кого мы обе так любили.

А может, она просто знала, как сильно он ненавидел одиночество.

Все ушли пировать в честь моих ушедших близких, а я лежала на снегу и пела луне Хейдена, обводя контур маленького, неправильной формы крыла. Потом пришла Слатра, устроилась рядом со мной и свернула хвост в пушистое гнездышко, в котором я и заснула.

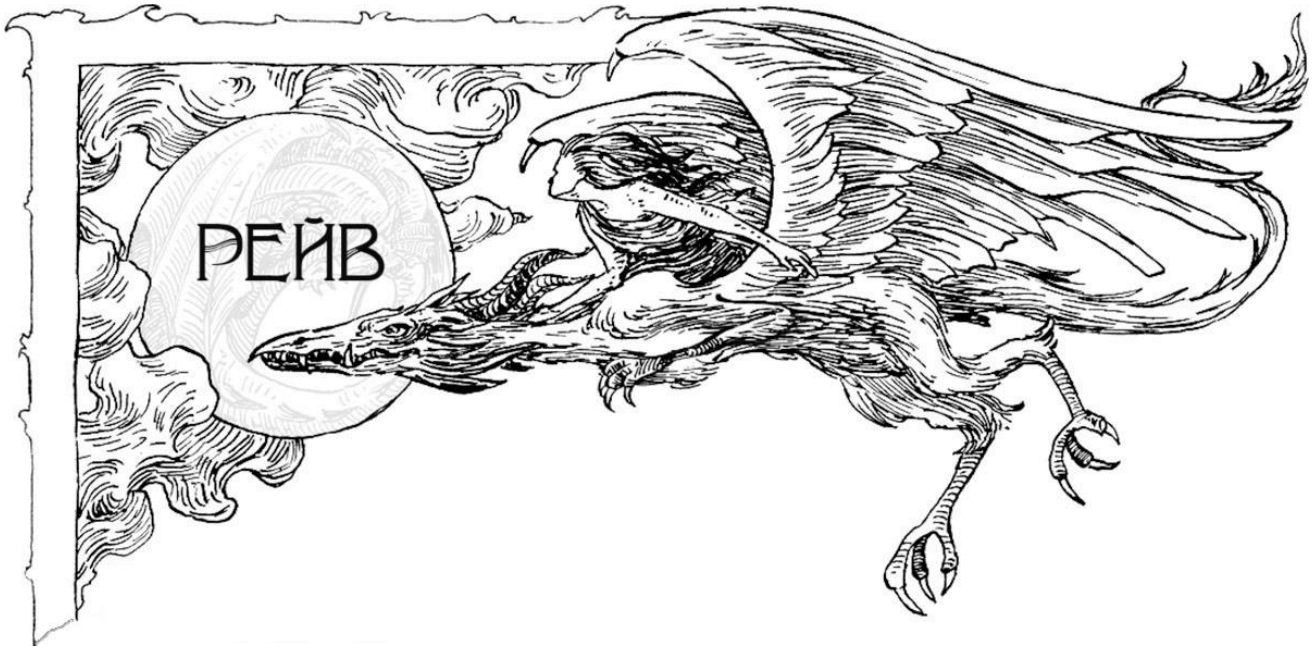
Я до сих пор не пришла в себя от этого ужаса.

И теряю надежду, что когда-нибудь смогу.

Помощники Махи и Паха говорят, что у меня очень мало вариантов. Народ Аритии не примет королеву, настолько ослабленную Эфирным камнем, если я не буду связана с кем-то, кто владеет хотя бы двумя песнями стихий. И даже в этом случае я еще недостаточно взрослая, чтобы править.

В Ботайме должно состояться собрание, на котором моя судьба будет решаться Советом Трех. Конечно, я не могу присутствовать и говорить от своего имени, потому что принцессы должны оставаться немыми и скрытыми от посторонних глаз до церемонии связывания — Маха и Пах никогда этого не требовали... Но их больше нет.

Осталась только я, и я уверена, что небеса рушатся.

Клочья облаков рассеиваются по мере приближения к солнцу, и Райган поворачивает к нему голову, как охотник, выслеживающий свою добычу. Я решаю, что это не так уж далеко от истины, учитывая, что гнездовья саберсайтов находятся прямо под гигантским огненным шаром.

Я натягиваю капюшон плаща Каана и прячусь в его тени, чтобы избежать резких солнечных лучей. Окутанная его расплавленным мускусом, я ощущаю удовлетворение, которое... что-то делает со мной. Я представляю себе потных, рычащих воинов, опаленных этим властным заревом, запах, согревающий кровь, который затуманивает мой разум и вызывает желание дать себе пощечину.

Сильную.

Может, он и спас меня из Колизея и вылечил мне спину, но он все равно тиран. Судя по тому, как он ткнул пальцем в мою рану и заставил меня кричать, я бы сказала, что он так же жесток, как и его родственники. Возможно, даже больше, учитывая мою удачу.

Я ему для чего-то нужна, осталось выяснить, для чего.

В итоге — я не могу позволить ему забрать меня в Домм. Что-то в глубине моего нутра подсказывает, что это поглотит меня целиком.

«Восставшие из пепла» считают, что я мертва. Король Сумрака и его Гильдия знати, предположительно, тоже. Осталось найти способ сбежать от Каана, чтобы я могла отправиться за Рекком Жаросом, а потом разрубить его на куски за то, что он убил Эсси и превратил мою спину в кровавое месиво.

Мечь бурлит в моих венах, вызывая зуд в кончиках пальцев. Дрожь пробегает по позвоночнику, и я острым ногтем большого пальца царапаю кожу сбоку ногтя...

Райган поворачивает налево, опрокидывая меня на руку Каана и сдвигая меня с моего места между его ног. Я прочищаю горло и возвращаюсь обратно, его мощное тело горой возвышается вокруг меня. словно я — снежинка, застрявшая между его бедер.

— В капюшоне есть солнцезащитная вуаль, — грохочет он, его речь такая правильная, словно принадлежит Творцам, а не разрушена приливами и отливами времени, как у многих из тех, кто живет в Горе.

В отличие от моей, выкованной в темных местах, где слова выплевывали, шипели и выкрикивали. Где единственная мягкость принадлежала крепким объятиям той, кого больше нет.

— Если ты опустишь ее, то сможешь смотреть по сторонам, пока мы летим, и лучше предугадывать движения Райгана.

Его тон говорит о том, чего он не сказал. Что я не буду падать замертво каждый раз, когда Райган поворачивает или попадает в поток воздуха, который заставляет его уворачиваться, нырять или раскачиваться.

Неуверенно я ослабляю хватку на ремешке и тяну руку вверх, хмурясь, когда вслепую нащупываю и тяну за край капюшона, отыскивая пуговицы, которые удастся расстегнуть, что освобождает ткань, которая падает мне на лицо.

Хм.

Я поднимаю подбородок и осмеливаюсь оглядеться по сторонам — материал обладает прекрасным блеском, который создает на мне маску тени и даже позволяет смотреть почти прямо на солнце, не боясь ослепнуть.

Я смотрю на бескрайнее пространство, окружающее нас, широко раскрыв глаза.

Зыбкий песок уступил место выжженной солнцем земле, прорезанной лентой ярко-синего шелка, которая, как я подозреваю, является крупным...

— Это река Агт, — объявляет Каан, пока я люблю ее широкими, переплетающимися изгибами. Как она искрится на свету.

Она тянется, насколько хватает глаз, к солнцу, к темнеющему небу на юге — в этом я убеждаюсь, заглянув Каану под руку. Высокие, высохшие деревья цепляются за ржавые, высушенные солнцем берега, на кончиках их многочисленных ветвей видна оранжевая листва, достаточно острая, чтобы ей можно было порезаться. Я даже заметила странное золотистое червеобразное существо, ползущее по грязи и оставляющее за собой волнистый след.

Я смотрю направо — несколько лент Авроры все еще сверкают над горизонтом, но в основном они уже скрылись из виду.

Думаю, скоро мы найдем место, где можно остановиться на ночлег.

Я снова смотрю на реку, восхищаясь тем, как свободно течет вода между высохшими равнинами, и тут замечаю, что Каан слегка тянет за левый буксирный трос.

Правое крыло Райгана начинает подниматься.

Предвидя крен влево, я хватаюсь за ремень и наклоняюсь в сторону, находя это движение почти... *естественным*, на этот раз мне удастся удержаться между мощными бедрами Каана.

Солнце теперь освещает правую сторону наших тел, согревая мой плащ, пока мы летим к величественной гряде темно-рыжих гор, протянувшихся вдали с севера на юг и выступающих из далекой дымки пыли, поднятой ветром.

— Куда мы направляемся?

— Туда, — говорит Каан, указывая на отчетливый разлом в гигантском хребте, который расширяется все больше с каждым взмахом крыльев Райгана.

Выжженная земля сменяется пышными красновато-коричневыми джунглями, подобные которым я видела только на картинах на стенах магазинов в Горе, а покрытые густой растительностью горы перед нами настолько огромные и необъятные, что по сравнению с ними Райган кажется булавочной головкой.

Единственные горные хребты, которые я когда-либо видела, были отвесными и острыми, но эти — полная противоположность. Как будто кто-то черпал камни ковшом, а затем сваливал их друг на друга большими кучами, и облака начали собираться вокруг их голов, как пучки седых волос.

Райган наклоняется, устремляясь в расщелину, вздымающиеся острые края которой рассекает стремительная река далеко внизу.

— Держись, — рычит Каан и берет в одну руку обе тормозные веревки, а другой обхватывает меня за талию. Моя спина напрягается, когда он наклоняет свое тело вперед, вынуждая меня сделать то же самое — втискивает меня между собой и жестким седлом, заставляя мой пульс бешено биться.

— Почему ты не управляешь?

— Потому что он знает, куда лететь, — говорит Каан с левой стороны моего капюшона.

Хм?

Его сильное тело напрягается, и это единственное предупреждение, которое я получаю, прежде чем мы падаем в сторону, движение такое быстрое, что мои внутренности закручивает в противоположном направлении. Наконец им удастся поравняться, но как раз в этот момент Райган наклоняется в другую сторону. Снова, и снова, и снова, проносясь мимо отвесных скал цвета ржавчины, между которыми река, кажется, проложила свой путь, словно стремясь к чему-то на глубине. Возможно, к другой стороне света.

Возможно, если она доберется туда, мир расколется надвое.

Еще одна подсказка — на вдохе Каан прижимает свое тело так близко к моему, что я чувствую его *повсюду*. Как он напрягается, готовясь к следующему маневру. Как его рука обхватывает мою талию, как напрягаются мышцы, как он прижимает меня к себе, словно я собираюсь каким-то образом выскользнуть и броситься навстречу своей гибели.

Райган преодолевает ущелье с такой точностью, что я понимаю, он делал это много раз — складывает крылья, когда ущелье становится слишком узким, на мгновение снижаясь, прежде чем снова расправить их.

Мы залетаем в тупик, и вода широкими стремительными ступенями стекает по округлому горному склону, собираясь в большой чаше у его подножия. Бирюзовый пруд сверкает, как драгоценный камень, под косыми лучами солнца, а северная сторона погружена в вечную тень.

Райган проносится так низко, что его хвост касается воды, и устремляется вверх — только напряженное тело Каана и моя крепкая хватка за ремень не дают мне сорваться с седла, соскользнуть по всей длине зверя и рухнуть в воду.

Брызги покрывают мой плащ, когда мы взмываем вверх, а затем снижаемся так быстро, что я вскрикиваю. Райган машет крыльями, мягко опуская нас... *а потом падает*. Мы ударяемся о землю с такой силой, что клык протыкает мою нижнюю губу.

Вкус меди наполняет мой рот.

Каан отстраняется, увлекая меня за собой. Он откидывает капюшон и наклоняет мою голову так, что я смотрю прямо на его покрытый щетиной подбородок.

Он недовольно прищелкивает языком, а шершавая подушечка его большого пальца проводит по моей нижней губе с такой нежностью, что каждая мышца в моем теле замирает на несколько мгновений, прежде чем мой мозг успевает перестроиться.

Король-тиран.

Мой похититель.

Ткнул пальцем в мою рану.

Зарывав, я отталкиваю его руку и, пошатываясь, встаю на ноги, внутренняя сторона моих бедер так натерта и болит, что я немедленно сгибаюсь.

Он ловит меня, издавая глубокий урчащий звук, с легкостью закидывает на спину и прижимает к себе, извлекая тяжелый вздох из моего измученного живота, перекинутого через его твердое, как камень, плечо.

Когда с тобой обращаются, как с мешком зерна, это очень быстро надоедает.

— У тебя острые бедра, — ворчит он, и я бью его кулаками по спине, зная, что в этом почти нет смысла.

Но все равно делаю это.

— Я покажу тебе кое-что *острое*.

— Каждое слово, вылетающее из твоего рта, острое, Лунный свет. — Второй рукой он отстегивает одну из седельных сумок и перекидывает ее через плечо.

— Я уже наполовину мертв, истекаю кровью у твоих ног. Разве ты не видишь? Я усмехаюсь.

Да ладно.

Перекинув ногу, он спускается по веревкам Райгана, мой капюшон так низко закрывает голову, что я ничего не вижу, кроме коричневой туники Каана, натянутой его напряженными мышцами спины. Он спрыгивает на землю и удаляется от глубокого, гулкого дыхания Райгана, его шаги смягчаются чем-то, чего я не могу разглядеть из-за этого *проклятого Творцами плаща*.

Он спускается по ступенькам, бросает сумку и стягивает меня со своего плеча. Мои ноги касаются земли, но у меня есть лишь мгновение, чтобы собраться с мыслями, прежде чем он расстегивает мой плащ и швыряет его в сторону.

— *Что ты...*

Он обхватывает меня за талию, поднимает и подбрасывает в воздух.

Два долгих мгновения я представляю, как падаю в расщелину и оказываюсь прямо в логове бархатного трогта, и меня вот-вот опутают слизистые щупальца выделений, вырывающиеся из зияющих ран на его ладонях. Два напряженных мгновения, пока я не окунаюсь в прохладную, бодрящую воду.

Я брыкаюсь, лягаюсь и молочу руками, уверенная, что меня вот-вот сожрет какая-нибудь водная тварь, которой, несомненно, нравится вкус плоти фейри, пока не опускаю ноги вниз и не встаю... на галечное дно.

Ох.

Оттолкнувшись, я выныриваю из воды и хватаю ртом воздух — как раз вовремя, чтобы увидеть, как в мою голову летит кусок мыла. Я уворачиваюсь, затем вытаскиваю его из воды и швыряю обратно туда, откуда он прилетел, — кусок попадает в грудь Каана, оставляя мыльный след на его тунике.

— От тебя плохо пахнет. Мыло это *исправит*, — говорит он, подхватывает брусочек и швыряет его обратно в меня.

Брызги попадают мне в лицо.

Я выхватываю его и бросаю ему в промежность.

— Тебе это нужно больше, чем мне!

— У меня есть свое гребаное мыло, — рычит он, ловя его за мгновение до того, как оно успевает соприкоснуться с его членом.

Ой.

Не в силах подобрать больше слов, я показываю ему язык. Он отвечает мне тем же жестом, и уголок моего рта почти приподнимается.

Король только что показал мне язык.

Бормоча что-то себе под нос, он снова швыряет мыло и отворачивается, сбрасывает ботинки, затем протягивает одну руку вниз и стягивает тунику через голову.

Мое сердце замирает, рот приоткрывается.

Шрамы, начинающиеся на его руках, тянутся через каждый видимый дюйм широкой мускулистой спины, покрытой таким количеством маленьких чернильных точек, что кажется, будто она почти полностью забита. А над сумрачным простором... созвездие белых звезд и прекрасных каменных лун.

Их почти две дюжины — как ближних, так и дальних. Большинство размером с глаз, хотя несколько — с мой кулак.

Но это не просто луны.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на маленькую луну, которую я так люблю, нарисованную так искусно, что я могу различить неправильную форму ее крыла.

Что-то внутри меня замирает, а глаза слезятся, и мне кажется, что я смотрю в окно своего дома, любуясь великолепным небом.

Я никогда не думала, что увижу его снова.

Я почти протягиваю руку и касаюсь его. Почти прослеживаю изгибы его крыльев, изящный наклон длинной шеи и шелковистые завитки, свисающие с его подбородка и вокруг затылка.

Я настолько погружаюсь в транс, что не сразу замечаю другие луны на темном фоне — те, которые я тоже узнаю. Те, что окружают мою любимую маленькую луну в реальной жизни, словно Каан сидел под этим участком неба, а кто-то повторял его с помощью палочки для татуировок.

Почти идеально.

Но есть одна луна, которая не на своем месте. Самая большая — серебристая луна, которую я никогда раньше не видела, — расположилась прямо под его правой лопаткой рядом с моей маленькой причудливой луной.

Я хмурюсь.

Такой луны не существует. Больше нет.

Это та, что *упала*.

— Не хочу шокировать до такой степени, что ты задушишь меня своими волосами, — сухо говорит он, вкладывая в мою голову *вполне жизнеспособную* идею, — но, как ты любезно заметила, мне нужно помыться. — Он наклоняет голову. — Не стесняйся покинуть западную часть бассейна, чтобы я мог воспользоваться водопадом и ополоснуться, чтобы соответствовать твоим стандартам.

— Тебе придется повозиться, — говорю я, хватаю мыло и отступаю вправо, бросив еще один взгляд на маленькую луну на его спине. — Надеюсь, у тебя есть закуски в седельных сумках. Они тебе понадобятся.

— Ты действительно говоришь такие милые вещи, Лунный свет.

— Спасибо. Я стараюсь изо всех сил.

— Просто бесит, что ты *не* стараешься, — бормочет он, дергая за то, что, как я понимаю, является застежками на брюках, когда они сползают с его мускулистой задницы, обнажая темное нижнее белье. — Не думаю, что мое бедное сердце сможет выдержать это. А теперь, если ты не хочешь зрелищ, предлагаю обратить свое внимание на что-то другое.

— Я не повернусь к тебе спиной, — рычу я, и мои слова сопровождаются его легким вздохом.

— Поступай как знаешь. Но если бы я хотел как-то навредить тебе, у меня было достаточно возможностей в камере, из которой я тебя вызволил.

Он поворачивается.

Мои глаза расширяются, а сердце в груди замирает.

Он сложен, как каменная глыба, его пресс настолько рельефный, что едва похож на настоящий. И хотя все это впечатляет, мои легкие внезапно перестали работать отнюдь не из-за этого.

Почти каждый дюйм его кожи спереди также испещрен бледными шрамами — как большими, так и маленькими.

Длинными и короткими.

Некоторые из них представляют собой тонкие линии, идеально ровные, как будто их провели лезвием. Некоторые — толстые и бугристые, нанесенные так яростно, что я почти чувствую, что именно разорвало его плоть. Есть

отчетливые колотые раны и другие отметины, которые выглядят так, будто что-то зубастое набросилось на него и отрывало куски плоти.

Мой взгляд натывается на круглый, плоский, черно-серебристый резной кулон, который свисает с плетеного кожаного ремешка на его шее, и я рассматриваю замысловатый рисунок — саберсайт и мунплюм, сплетенные в объятиях.

Я хмурюсь, подавляя странное желание спросить, можно ли взглянуть поближе.

Он сбрасывает штаны, берет из седельной сумки небольшой сверток и направляется к западному краю бассейна. Мой взгляд опускается на его нижнее белье — материал которого *никак* не скрывает очертания его мужского достоинства, тяжело свисающего между мускулистыми бедрами, покрытыми рубцами, оставшимися от старых...

Мое дыхание сбивается.

Я отворачиваюсь, мои щеки заливают жаркий румянец.

Ожоги.

У него ожоги.

Я слышу, как он бросает что-то на берег, и вода покрывается рябью. Оглянувшись через плечо, я вижу, как Каан пробирается к журчащему водопаду, впадающему в этот небольшой бассейн, со всех сторон окруженный пушистой листвой цвета меди.

Замысловатые линии обожженной плоти выглядят так, словно вокруг его бедра обвилась огненная змея. И не один раз.

Ледяная глыба в груди кажется тяжелее, чем обычно.

Интересно, откуда они у него? Они выглядят... натянутыми. Как будто они появились, когда он был маленьким, и рубцовая ткань растягивалась по мере того, как он рос...

Я трясую головой, отгоняя эту мысль.

Король-тиран.

Опасный.

У него очень голодный дракон.

Я снова рассматриваю его многочисленные шрамы, пока он намыливается собственным куском мыла, вспенивая густые черные волосы под мышками...

Он воин, и самый крупный мужчина, которого я когда-либо видела, во всех смыслах, формах и проявлениях. Наверное, он смотрел в глаза смерти больше раз, чем я.

Проклятье.

Выбраться отсюда может оказаться сложнее, чем я предполагала изначально. Я не против испытаний, но предпочитаю, чтобы они были не тогда, когда я уже на спине — связанная и с железным гвоздем, застрявшим в моем гребаном плече.

Он проводит пеной по бороде и волосам, шагает под струю воды, чтобы смыть ее, а я не могу самостоятельно засунуть кусок мыла под свою плотную тунику, чтобы помыться. Тяжело, со связанными руками, в таком неудобном положении.

— Готов поспорить, ты жалеешь, что не солгала о своих намерениях, когда я предложил освободить тебе руки, — хмыкает Каан.

— Ты даже не представляешь, — бормочу я, жалея, что у меня нет запасной одежды, чтобы содрать с себя эту тунику. Наконец-то покончить с этой царапающейся одеждой.

Мыло выскальзывает у меня из рук как раз в тот момент, когда я собираюсь засунуть его под ткань, и я со стоном принимаюсь тереть лицо и волосы, распутывая свои густые, спутанные пряди впервые за... долгое время.

Я так сосредоточена на том, чтобы вымыть волосы, что у меня уходит слишком много времени, чтобы заметить неприятное ощущение, щекочущее мою кожу и делающее ее шершавой.

Я хмурюсь.

— Эта вода покалывает.

— Опускайся ниже, — говорит Каан и отклоняется назад, позволяя водопаду снова омыть его голову. Взмахом обеих рук он откидывает с лица волосы длиной до плеч, а затем проводит ими по бороде. — Она обладает целебными свойствами.

Что ж, это удобно.

Он идет через бассейн к берегу, капли воды покрывают его красивое тело. Я делаю, как он сказал, мне нужны силы, если я хочу сбежать, когда представится возможность, и опускаюсь так низко, что рябь, которую он создает, перекачивается через мои плечи.

Он достает маленький сверток, который оставил на берегу, и ослабляет кожаный шнурок. Он роется в содержимом, пока не находит пару зубцов, мое сердце подскакивает к горлу.

Черт, я и забыла о них.

Я погружаюсь так низко, что вода доходит мне до подбородка, и поспешно отступаю назад, не сводя с него прищуренных глаз — этот суровый взгляд теперь пронзает меня, как пара наконечников стрел.

— Если ты воткнешь их в меня, я ударю тебя коленом по яйцам.

— Это лучше, чем быть зарезанным, — говорит он, пробираясь сквозь воду.

— Ты точно *пожалеешь*, что не умер, — предупреждаю я сквозь стиснутые зубы, хотя вся моя уверенность улетучивается в тот момент, когда моя спина сталкивается с каменной стеной, окаймляющей эту сторону бассейна.

Черт.

— Есть только одна вещь, которая может вернуть меня в то мрачное место, — бормочет он, и в его словах звучит такая искренность, что мое сердце смягчается, а какая-то непримиримая часть внутри меня замирает.

Слушает.

Заинтересовывается.

— И я *никогда* не позволю этому случиться снова, — заканчивает он, придвигаясь ближе и глядя на меня так, словно я мешаю ему в осуществлении этого. Это странное обещание, которое он, кажется, дал самому себе.

— Какое отношение это имеет к гвоздю в моем плече?

— *Прямое*, — рычит он, хватая меня за ворот и притягивает к себе. Тем же движением я опускаю связанные руки вниз, сжимаю в кулаках его нижнее белье и удерживаю его именно там, где мне нужно, — мое колено готово подняться и впечататься прямо в его яйца. Учитывая размеры моей цели, я более чем уверена в своих шансах нанести сокрушительный удар.

Мы оба замираем, между нами разливается энергия, от которой каждая клеточка моего тела дрожит.

Его взгляд смягчается, и он глубоко вздыхает, дуновение воздуха ощущается на моей коже.

— Это была долгая поездка. Я не буду развязывать твои запястья, потому что у меня нет настроения зашивать себя этим сном, а ты не сможешь вынуть гвоздь из собственного плеча. Он слишком глубоко застрял в кости.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он прерывает меня.

— Твои губы уже бледнее, чем обычно, а сердце бьется быстрее. К следующему восходу у тебя будет жар, ты будешь чувствовать себя вялой, неповоротливой. К следующему дею ты умрешь.

Я хмурюсь.

Я не чувствую запаха инфекции, который он уловил. И, к несчастью для нас обоих, «доверие» — не то слово, которым я охотно пользуюсь.

— Так как это будет? Легкий путь или трудный? Я бы предпочел не припираться к стене, если могу этого избежать, но, конечно, сделаю это, если не останется другого выбора.

Я выдерживаю его горящий взгляд и не отступаю, сжав кулаки и преисполнившись гордости.

Не то чтобы я не хотела вытащить гвоздь. Я хочу. Просто я бы предпочла сделать это сама. В тот момент, когда ты позволяешь своему похитителю просунуть оружие сквозь щели в твоей броне, ты уже разрезан, кишки вываливаются наружу.

Сердце слабеет.

Ты умираешь.

— Ты не можешь быть сильной, если ты мертва, — бормочет он, настолько тихо, что даже Клод с трудом слышит его.

Я вздыхаю, его непоколебимая логика словно бьет меня по спине.

Я ненавижу ощущение, когда ломаются мои позвонки, но я ослабляю хватку на его нижнем белье и поворачиваюсь, прижимаясь щекой к замшелому камню, наблюдая, как журчащий водопад стекает по расщелинам.

— Откуда ты знаешь о целебных свойствах бассейна? — Спрашиваю я, пытаясь отвлечься от того факта, что только что уступила этому мужчине и приняла его помощь.

Опять.

Это раздражает.

Я уверена, что он копит все оказанные мне услуги, готовясь запихнуть их мне в глотку при удобном случае. Например, когда ему понадобится кого-нибудь задушить или разделать. Или что-то еще, о чем я пока не задумывалась.

Возможности безграничны.

Каан прочищает горло, спуская ворот туники с моего раненого плеча.

— Я провел большую часть своей юности и некоторые более поздние периоды своей жизни как воин клана Джокулл. Они всегда жили вблизи этих гор, а недавно заняли кратер, образовавшийся в результате падения луны саберсайта, Орва.

Я хмурюсь, его шрамы внезапно обретают гораздо больший смысл...

— Я пробирался сюда во время сна, отмокал, пока не переставал истекать кровью, а потом возвращался обратно до восхода Авроры.

— Ты — король, — бормочу я, пока он вводит свои зубцы в мою рану, заставляя все нервы под моим языком трепетать. Следующие слова вырываются сквозь стиснутые зубы. — *Почему... ты провел большую часть... своей юности в... клане воинов?*

— Потому что мой Пах отправил меня туда, когда мне было девять лет, после того как выяснилось, что я могу слышать только Игноса и Булдера, — бормочет он, впиваясь зубцами в мою плоть, и теплая струйка крови стекает по плечу и капает в воду. — Сказал, что если я переживу их суровые и изнурительные методы обучения, то, возможно, заслужу его уважение.

Мое сердце болезненно сжимается.

Творцы...

Если бы этот мужчина был еще жив, я бы разрезала его от подбородка до пупка, а потом заплела его гребаные внутренности, пока он был в сознании.

— *Что... с-с-случилось с... ним?*

— Я отрезал ему голову, а потом скормил ее Райгану.

Слова звучат как удар по ребрам, едва не сбивая меня с ног.

Заслуженно, но...

— *П-почему?*

— Потому что я оплакивал ту, кого очень любил. Я обнаружил, что мой Пах совершил нечто непростительное, и отомстил ему, потому что думал, что она уже не сможет. Теперь я сожалею об этом.

— *Как... ее з-звали?*

— Эллиин, — бормочет он и тянет за гвоздь, вытаскивая его. Я открываю рот в беззвучном крике, уверенная, что он только что вытащил половину моего скелета через крошечное отверстие.

Твою мать. Ой.

Я поворачиваюсь, опуская взгляд на окровавленный гвоздь, зажатый между нами, Каан изучает его длину, возможно, проверяя, не сломался ли тот, пока он его доставал, — это имя эхом отдается в моем сознании вместе с резкими толчками боли, все еще бушующей во мне.

Эллиин...

Я промываю рану водой, пока он погружает в нее гвоздь, проводя пальцем вверх и вниз по его длине.

Мой взгляд задерживается на его кулоне, я рассматриваю замысловатую форму — два дракона обнимаются так интимно, что я думаю, не символ ли это их утраченной любви.

Волна... *чего-то* захлестывает меня.

Печали?

Зависти?

Нет, конечно же, нет.

— Что с ней случилось?

Его глаза встречаются с моими.

— Она умерла, — бормочет он с такой обреченностью, что слова ощущаются как удар ножа в живот.

Он выходит из воды, достает из рюкзака свежую одежду и складывает остальное. Запихивает ноги в ботинки, хватая плащ и устремляется по каменной лестнице к Райгану, оставляя меня в ауре крови и тревоги.

Вымокшая, с покалывающей кожей, с зудящей раной на плече, я иду следом за Кааном, поднимаясь по лестнице из красного камня, и хмуро смотрю на пучки медной травы, проросшие в трещинах. Остановившись, провожу рукой по мягким травинкам.

Видеть листву такого цвета... странно. В Сумраке все, что прорастает из-под снега, имеет яркий оттенок зеленого. И хотя он мне нравился, этот мне нравится больше.

Выглядит крепче. Его труднее уничтожить.

Может быть, если бы я жила здесь, то смогла бы сохранить какую-нибудь растительность живой.

Что-то гладкое и круглое привлекает мое внимание, и мой взгляд скользит к темно-красной чешуе саберсайта размером с половину моей руки, лежащей среди травы. Возможно, она принадлежит Райгану, скорее всего, упала во время одного из его предыдущих визитов сюда.

Она здесь. На этой ступеньке. И за мной никто не наблюдает.

Может быть, я не так уж и проклята, в конце концов?

Я хватаю ее, бросаю взгляд на вершину лестницы и пальцами засовываю чешуйку между запястьями, пряча ее от посторонних глаз. Мое сердце колотится так громко, что я почти уверена, что каждая пара ушей в джунглях может это услышать.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, победа разливается по моим венам с такой силой, что я почти пускаюсь в пляс.

Так, спокойно, ничего не произошло.

Грохочущий звук заставляет мой взгляд устремиться в небо, к густым облакам, собирающимся над головой.

Я хмурюсь.

Я слышала, что здесь температура воздуха значительно выше точки замерзания, идут дожди, и эти горные районы — идеальное место для гроз. Все, что я видела, — это ледяной дождь и мягкий, нежный снегопад...

Бледные облака вздымаются и набухают, и я дрожу, несмотря на липкую жару, — в воздухе витает напряжение, которое никак не удастся стряхнуть.

Я преодолеваю подъем как раз вовремя, чтобы увидеть, как Райган перепрыгивает через край массивного травянистого плато, и его колючий хвост исчезает последним — вся гора, кажется, смещается от его толчка.

Раздается оглушительный рев, хлопанье крыльев, а затем он взмывает в небо.

Каан идет к краю, зажав в кулаке что-то круглое и извивающееся, и хмурится, наблюдая, как зверь проносится по ущелью и исчезает из виду.

— Куда он направляется? — спрашиваю я, подходя ближе и прикидывая свои шансы добраться до мужчины, чтобы успеть столкнуть его с обрыва.

— Как и ты, — бормочет Каан, помахивая блестящим черным жуком, — Райган не выносит чужой помощи.

Я хмурюсь, разглядывая существо — его тонкие лапы болтаются, похожие на когти клешни торчат из того, что, как я полагаю, является его мордой, и пытаются ухватиться за воздух.

— Что это?

— Клещ, которого я нашел в подмышке у Райгана, где чешуя еще не успела затвердеть после последней линьки.

Он швыряет насекомое себе под ноги и давит его каблуком ботинка. Тварь лопается, фиолетовые внутренности разлетаются по траве.

— Если оставить без внимания, они выделяют токсин, который может довести дракона до бешенства. — Он бросает на меня тяжелый взгляд, скрытый тенью густых ресниц. — Для животного, рвущегося сжигать города и уничтожать все на своем пути, нет иного избавления, кроме быстрой и милосердной смерти.

У меня кровь стынет в венах.

Сжигать города...

Уничтожать все и всех...

Быстрая и милосердная смерть...

Все это совершенно не соответствует образу короля, который, очевидно, потворствует такому поведению своего зверя. По крайней мере, согласно слухам.

Меня охватывает замешательство, и я опускаю взгляд на фиолетовое пятно на земле.

— Идем. — Каан взваливает на плечо седельную сумку, подхватывает другую и направляется к тропинке, проложенной сквозь густую листву впереди. — Если ты хочешь есть, конечно, — бросает он мне в ответ. — Ты не сможешь сбежать, пока не поешь. Ты потеряешь сознание и очнешься там же, откуда начала.

Он прав.

Вздохнув, я следую его примеру, веревки вокруг моих запястий набухли от влаги.

— Думаю, ты случайно завязал их слишком туго, — говорю я, озираясь по сторонам. Пытаюсь разобрать стрекочущие звуки, которые постоянно раздаются в воздухе, словно кто-то проводит палкой вверх-вниз по множеству ребристых, полых бревен.

— Уверяю тебя, — говорит он, убирая с тропинки упавшую ветку, как будто она оскорбляет его лично, — это не случайность.

— Если у меня отвалятся руки, то и железные наручники тоже, и тогда я призову Клод, чтобы она задушила тебя во сне.

— Такие милые обещания, — задумчиво произносит он, и его тон настолько сух, что может лишить всей влаги мое тело.

Тропинка выходит на другое плато, на котором стоит небольшой каменный дом, словно выросший прямо из-под земли. Он двухэтажный, с окнами странной формы — не круглыми и не квадратными, а что-то среднее.

Жилище искривлено в одну сторону вниз, на втором этаже — в другую, крыша остроконечная. Стены местами выпуклые, местами вдавленные, словно их лепили маленькие пальчики.

Я замираю, пораженная, мои губы растягиваются в улыбке.

Как будто ребенок нарисовал это строение на куске пергамента, а затем вдохнул жизнь в стены, придав им силу и материальность.

Южная стена может похвастаться импровизированной решеткой из перекрещивающихся веток, увитых виноградной лозой с сочными фиолетовыми плодами моллифрута, аромат которых наполняет теплый воздух. Под ней расположены ряды высоких грядок, на каждой из которых красуются яркие овощи, с некоторых из которых, похоже, уже собрали урожай...

Я поднимаю взгляд, осматривая дом, не в силах избавиться от ощущения, что это место уже не посещают так часто, как раньше, несмотря на теплое чувство, которое наполняет мою грудь при одном только взгляде на него.

Интересно, какую песню он поет, мне она представляется глубокой, раскатистой, счастливой. В ней больше содержания, чем в песне обычных камней. Интересно, кружится ли Клод вокруг его округлых стен, впитывая его безмятежность?

А больше всего меня удивляет, почему от одного взгляда на него у меня щиплет глаза — пузырьки эмоций лопаются быстрее, чем клещ, раздавленный Кааном.

Он проходит между грядками, опускает на землю свои сумки, а затем хватается за пышный пучок зелени. Он выдергивает из земли корень канита, его неровная длина покрыта почвой цвета ржавчины, которая осыпается обратно на землю, когда он отряхивает ее, а затем толкает его мне в грудь.

Нахмурившись, я обхватываю овощ руками и прижимаю его к себе, пока он повторяет этот процесс снова и снова, увеличивая охапку до тех пор, пока я едва могу видеть поверх нее.

— Ты собираешься приготовить овощной суп Райгану? — бормочу я, задаваясь вопросом, как я должна видеть, куда иду, с такой охапкой в руках.

— Я приготовлю достаточно, чтобы нам не пришлось останавливаться ни в одной деревне, прежде чем мы достигнем Домма, — говорит он, бросая в кучу что-то, что особенно трудно удержать, и чуть не сбивая меня с ног. — Я бы предпочел, чтобы меня не видели с тобой, если этого можно избежать.

Да пошел ты, Каан Вейгор.

— Мне тоже не особенно нравится, когда меня видят с тобой. Только если я не несу пику с твоей головой на конце.

Он бросает в кучу еще один овощ, не отряхивая его, и засыпает меня землей, которая попадает мне в волосы и прилипает к влажной коже.

Может, я ему надоела...

Хорошо.

Я буду продолжать доставать его, пока он не ослабит бдительность, а потом начну действовать. Меня вполне устраивают мои шансы выжить в этих горах, учитывая обилие воды и плодоносящей растительности. Скорее всего, у меня все получится — я наберусь сил по мере продвижения на юг. Думаю, эти горы окончательно преклонят колени где-то возле Боггита. Возможно, если я очарую взрослого молтенмау, то смогу без труда отправиться на охоту за Рекком Жаросом. Теперь, когда я свободна, мои возможности безграничны.

Что ж...

Мои мысли возвращаются к моим стянутым веревкой запястьям. К железным наручникам, все еще сковывающим мои руки и лодыжки.

Почти свободна.

Сначала мне нужно убраться подальше от этого мужчины, его дракона и этих мерзких проклятых Творцами овощей. И от этого уютного домика с

красивым, идиллическим видом и теплом, который говорит мне, что в нем было гораздо больше счастья, чем я когда-либо смогу себе представить.

— Думаю, этого достаточно, — бормочет Каан, положив сверху на охапку пучок травы, а затем я слышу, как он поднимает седельные сумки, и звук его тяжелых шагов заставляет мои уши подрагивать. — Иди за мной.

Ахх...

— Как?

— Следуй за манящим звуком моего голоса, — растягивает он слова, и я закатываю глаза, неуверенно направляясь за ним — босые ноги медленно скользят по мягкой траве, стараясь не споткнуться.

Я врезаюсь прямо в его спину и осыпаю себя еще одним слоем грязи, подавляя кашель, чтобы ничего не уронить. Я жду, пока он опускает свои сумки на землю, затем отпирает дверь, после чего раздастся скрип металлических петель, прежде чем он уберется с моего пути.

Я уже собираюсь шагнуть в жилище, когда он говорит:

— Подожди. Сначала я заберу овощи. Не хочу, чтобы ты пачкала ковер больше, чем необходимо.

— Слышал когда-нибудь о ведре? Ты только что бросил меня в бассейн и запустил куском мыла мне в голову. Но теперь я еще грязнее, чем была раньше.

— Нет, — выдавливает он из себя, по одному освобождая меня от кучи луковиц и корнеплодов-переростков. — Раньше от тебя пахло отбросами, яростью и мертвечиной. Теперь ты пахнешь землей. Этот запах меня успокаивает.

— Ты не выглядишь особенно спокойным.

Он берет последний корнеплод и перекладывает его в большую деревянную миску к остальным.

— Я спокоен. — Он бросает на меня мрачный взгляд. — Тебе просто повезло, что ты не стала свидетельницей других проявлений моего темперамента.

Пока.

Невысказанное слово падает между нами, как камень.

Я выдерживаю его пристальный взгляд, комья грязи скатываются по щеке и падают с подбородка. У меня тоже достаточно темперамента, который я могла бы проверить *на прочность*.

Хмыкнув, он прерывает наш обмен убийственными взглядами и идет через комнату.

Я пытаюсь привести себя в порядок, стряхивая грязь на траву, пока рассматриваю уютный, эклектичный интерьер дома, уставленный мягкой деревянной мебелью в тонах Пекла.

Жженный апельсин, теплая умбра, черный, бронзовый...

Большая кухня занимает половину этажа, три длинные скамьи расположены вдоль стен в форме гигантской буквы П. Разделочный стол делит пространство на две части, правую половину занимают два низких кресла и небольшой стол — все без каких-либо зазоров под ними. Они словно выросли из-под земли, украшенные мягкими подушками и теплыми пледами.

Изогнутая лестница справа ведет, должно быть, на второй этаж. Мой взгляд падает на окна из янтарного стекла, меняющего вид снаружи. Причудливые и естественные, как и все остальное в этом крошечном доме.

Но что действительно привлекает мое внимание, так это резьба по камню, украшающая подоконники. Саберсайты всех форм и размеров, но не больше моего кулака. Нет двух одинаковых, у некоторых больше клыков, чем у других, а кончики хвостов украшены большим или меньшим количеством копий. Как будто у каждого из них есть своя маленькая жизнь и индивидуальность.

— Что это за место? — спрашиваю я, застыв на пороге.

— Это было любимое место Махи, — говорит Каан, промывая овощи под струей воды в раковине. Он перекладывает их в другую миску, а из первой поливает водой.

Было...

Я не знала, что его Маха умерла. Я ничего не знаю о истории правителей Пекла, кроме того, что три брата Вейгор правят тремя королевствами.

Теперь я жалею, что не потратила время на изучение.

Я оглядываюсь по сторонам, не в силах избавиться от тяжести, навалившейся на грудь и мешающей нормально дышать.

— Есть другое место, где я могу поспать?

Он останавливается, слегка поворачивает голову и переспрашивает:

— Другое место?

Кажется неправильным входить в теплое, уютное жилище женщины, планируя убийство ее сына.

— Чувствуется, что это семейное пространство, — бормочу я, рассматривая художественные работы, украшающие стены. Изогнутые ниши и полки, забитые всякими мелочами, которые могут быть только ценными памятными вещами. — Я не член семьи.

Грубый рык Каана заполняет пространство так резко, что я вздрагиваю и перевожу на него взгляд, когда он говорит:

— Зайди внутрь, заключенный семьдесят три. Или останешься голодной.

Его плечи выглядят напряженными, а атмосфера между нами накаляется до такой степени, что становится трудно дышать. Часть меня хочет сказать ему, чтобы он подавился приказом, который только что отдал мне, и умер мучительной смертью, но тут у меня в животе урчит так, что можно разбудить спящего дракона.

Он приподнимает бровь.

Я закатываю глаза. Прикусываю нижнюю губу. Пытаюсь выкрутиться из этой ситуации так, чтобы наконец ослабла эта тяжесть в груди.

Я не очень разбираюсь в северных традициях, но однажды прочитала, что считается невежливым не предложить что-то в обмен на кров. Может, это и есть ответ. Возможно, мне не стоит проливать кровь Каана, оставаясь здесь.

Мне кажется, это было бы неправильно.

— Мне нечего предложить в обмен на время, проведенное под крышей твоей Махи.

На мгновение наступает полная тишина, прежде чем Каан поворачивает голову — ровно настолько, чтобы наши глаза встретились.

— Твоего имени будет достаточно.

Мое имя...

Я открываю рот, закрываю его, раздумывая, затем качаю головой и выпаливаю:

— Рейв.

Все краски покидают его лицо.

Он делает медленный вдох. Как будто поглощает угощение, которое ждал дольше, чем я готова признать.

— Просто Рейв?

Другое имя пронзает мою душу обжигающим криком.

Огненный жаворонок.

Огненный жаворонок.

Огненный жаворонок.

— Просто Рейв, — говорю я, запихивая второе поглубже.

Отгоняя от себя.

Он медленно кивает и сглатывает.

— Спасибо за твой дар, — говорит он, а затем мягко добавляет: — Рейв. Пожалуйста, войди в дом моей Махи.

Он произносит мое имя так бережно и с таким благоговением, что по моей спине бегут мурашки — ощущение, которое я стараюсь игнорировать, переступая порог и попадая в пространство, которое больше похоже на теплые объятия. Возможно, именно поэтому это так раздражает. Такого не было с тех пор...

Прочистив горло, я поднимаю подбородок и направляюсь к разделочному столу, сажусь на один из трех табуретов, каждый из которых, кажется, вырезан из цельного куска дерева, и кладу связанные руки на прилавок.

Каан возобновляет свое занятие, время идет. Он заканчивает чистить овощи, нарезает их ножом, местоположение которого я, конечно, запомнила, затем складывает их в большую кастрюлю с водой, травами и солью. Он ставит ее на печь и накрывает крышкой.

Затем открывает маленькую решетчатую дверцу в металлическом чреве печи, достает из кармана вельд и откидывает крышку. Я отвожу взгляд, пока он шепчет шипящие слова, которые заставляют язычок пламени проникнуть в отверстие и превратить заранее сложенный хворост в ревущее пламя.

Закрыв металлическую решетку, он поворачивается, и его теплый взгляд блуждает по моему лицу, пока я смотрю в одно из окон на окружающий мир. В комнате темнеет с каждым мгновением — на небе все больше и больше облаков, поглощающих большую часть света, только оранжевые отблески проникают сквозь решетку.

Он закрывает кастрюлю крышкой.

— Тебе не нравится огонь.

— Мне не нравятся мужчины, у которых член больше мозга. — Я пронзаю его взглядом, который, надеюсь, заставит его задуматься. — К сожалению, это исключает половину населения.

Между нами воцаряется молчание, жертва моего беспощадного гнева.

Скрестив руки, он наблюдает за мной. Не мигая.

Непреклонно.

Я смотрю на него с таким же выражением, готовя новые колкости, если он решит еще раз затронуть эту тему. Которая, по сути, не его гребаное дело.

Он прищелкивает языком, а затем обходит разделочный стол.

Замерев, я наблюдаю краем глаза, как он идет к двери, поднимает свои седельные сумки и бросает их на длинное мягкое сиденье. Затем берет меньшую из них и открывает. Покопавшись, он достает кожаный сверток, разворачивает его, и в нем оказывается аккуратно сложенный набор инструментов. Из одной части он достает небольшой молоток, из другой — конический гвоздь и кивает подбородком на мои руки.

Нахмурившись, я протягиваю их к нему, слишком поздно вспомнив, что между запястьями у меня зажата чешуйка.

Мое сердце подпрыгивает так высоко в горло, что я почти задыхаюсь.

Черт.

Я молча надеюсь, что он не обратит внимания, пока укладывает мои руки на сложенный кусок ткани, подносит гвоздь к правой манжете и стучит по ней.

Моя бровь приподнимается, когда штифт выдвигается, позволяя ему ослабить железный наручник и снять его, хотя он не проявляет ни малейшего интереса к наручнику на моем левом запястье.

— А как насчет второго? — подталкивая к нему свои все еще связанные руки.

Он отталкивает их.

— Как ни странно, я не в настроении, чтобы мне разрывали легкие.

— А как же веревки? — Я снова упираюсь руками в его грудь. — У меня была прекрасная возможность сбросить тебя с обрыва, но я этого не сделала. — Только потому, что отвлеклась на историю с клещом, но ему не нужно знать эти мелкие и довольно неловкие детали. Обычно я не отвлекаюсь. — Ты просто обязан развязать меня. Небольшой знак доброй воли? — говорю я, подмигивая ему.

— Нога, — бурчит он, и я хмурюсь.

— За кого, черт возьми, ты меня принимаешь? За какое-то грязное животное, которое кладет свои грязные ноги на милые разделочные столы странной формы?

Он хмурится.

— Ты думаешь, он странной формы?

Я пожимаю плечами.

— Немного.

— Хм, — говорит он, рассматривая его, глубокая морщина пролегает между его густыми бровями.

— По моему скромному мнению, это только добавляет ему привлекательности. Хотела бы я иметь такой же.

Наверное, это возможно, только я не могу придать камню нужную форму даже ради спасения собственной жизни. Обратная сторона того, что я так часто отгораживаюсь от Булдера, то, что я могу использовать только несколько грубых слов, и то не очень хорошо.

К тому же у меня больше нет дома, где можно было бы его разместить.

Ой.

Каан прочищает горло и хлопает ладонью по столешнице.

— Ноги, Рейв. Пока суп не подгорел.

Властный и не умеющий слушать говнюк...

Определенно должен умереть.

— Я не собираюсь класть ноги на разделочный стол твоей Махи, король Каан Вейгор. Конец истории.

Он наклоняет голову набок.

— А я не встану перед тобой на колени, потому что опасаюсь, что ты ударишь меня по голове достаточно сильно, чтобы я потерял сознание, и сможешь украсть нож из ящика, перерезать мне горло и сбежать.

Вполне обоснованное беспокойство, честно говоря.

— Нога. Если только ты не хочешь оставить свои красивые браслеты? — подначивает он, и я пинком отправляю эту чертову штуку на табуретку рядом с собой, запачкав ее поверхность грязью.

Он сердито смотрит на меня.

Я улыбаюсь ему.

— Ты очень упрямая, — говорит он, обходя вокруг и присаживаясь на корточки рядом со стулом.

— Очень мило, что ты заметил. Я ежедневно затачиваю это оружие.

— Не сомневаюсь, — бормочет он, снимая манжету с одной натертой лодыжки, затем с другой. Закончив, он укладывает инструменты обратно в кожаный чехол, сворачивает его и засовывает в сумку, а из заполненной пустоты на меня дует порыв холодного воздуха.

Нахмурившись, я замечаю внутри что-то серебристое и мерцающее. Что-то, от чего у меня замирает сердце, а мои следующие слова режут как зазубренное лезвие.

— Что там еще?

— Не твое дело.

— Твой драгоценный лунный осколок?

Он смотрит на меня взглядом, пробирающим до костей, затем накидывает клапан сумки. Повернувшись ко мне спиной, он направляется к печи, поднимает крышку кастрюли и помешивает суп.

Я сдуваю с лица прядь высохших волос, перевожу взгляд с сумки на Каана и обратно. Царапая кожу возле ногтя, я постукиваю ногой по земле и делаю такой большой вдох, который без сомнений должен снять эту тяжесть с моей груди.

Но это не так.

Лунные осколки бывают самых разных оттенков, в зависимости от того, от какого упавшего зверя они откололись. Большинство из них выкапывают те, кто работает в шахтах, — это следы лунопадов давно забытых времен.

С тех пор как мы начали записывать нашу историю на свитках, было зафиксировано всего три лунопада, и каждый из них произошел сравнительно недавно.

Молодой саберсайт, которому едва исполнилось три фазы, упал на Болтанских равнинах. Молтенмау, достаточно большой, чтобы разрушить кусок стены, поднял в небо облако пыли и песка, которое было видно аж из Гора. И мунплюм... первый упавший более чем за миллион фаз. Возможно, и дольше.

Это чудовище было немаленьким, и падение далось нелегко.

Не обошлось без кровавых последствий.

Серебристый, как ленты Авроры, этот зверь сиял светом тысячи лун, пока гравитация не ослабила свою власть над ним. Затем он упал, разлетевшись на множество осколков и создав в Тени кратер такой величины, что в его глубине мог бы разместиться целый город.

По крайней мере, мне так говорили.

Я видела его осколки раньше, в месте, где меня переделывали больше раз, чем я могу сосчитать, — эти великолепные осколки были единственной формой блеска, которая не причиняла мне боли.

Не знаю, зачем Каан собирает осколки упавшего мунплюма, сорвавшегося с небес более двадцати фаз назад, но чутье подсказывает мне, что этот секрет лучше оставить в его кожаной сумке.

Только по этой причине я позволяю тишине одержать верх.

Стоя по другую сторону разделочного стола, Каан сосредоточенно помешивает суп и превращает одну из чешуек Райгана в клинок, срезая с него полумесяцы с помощью инструмента с круглым наконечником.

Наверное, удобно иметь под рукой чешую саберсайта, ведь большинство клинков из драконьей чешуи сохраняют свою режущую кромку вечно. К тому же они легче и прочнее любого металла, если им придать правильную форму — именно поэтому у меня их так много, несмотря на их высокую цену в Сумраке.

Было.

Было много.

У Рекка, наверное, теперь большая их часть, черт возьми. Жду не дождусь, когда смогу запихнуть один из них ему в глотку так глубоко, что он подавится.

Каан осматривает свой самодельный клинок со всех сторон, распущенные волосы падают ему на лицо. Его черная туника закатана до локтей, обнажая шрамы на мускулистых, покрытых венами, предплечьях, половина пуговиц расстегнута, открывая взгляду мощные грудные мышцы, напрягающиеся при каждом нажатии на его инструмент. Еще один полумесяц размером с ноготь большого пальца откалывается от чешуи и падает в большую глиняную миску, над которой он работает.

Я перевожу взгляд на кастрюлю с булькающим супом, из-под подрагивающей крышки которого вырывается пар...

Убить его с каждым часом становится все труднее.

Мне показалось странным, что с ним не было ни одного воина с бусинами стихий. Никакой свиты. По крайней мере, в той части его путешествия, которую он разделил со мной. Хотя я начинаю думать, что ему просто не нужна защита. Возможно, он настолько уверен в своих силах, что лишние тела для него — ненужный багаж, который он не хочет таскать с собой.

Мой взгляд падает на его сумку...

А может, он просто решил путешествовать инкогнито, потому что не хочет, чтобы другие знали, что он собирает *лунные осколки*.

В любом случае, он знает, как сделать чертовски хороший клинок.

Я бросаю на него еще один взгляд, и меня охватывает зависть, когда он кладет красивое оружие в чашу с лишними осколками и ставит все это на дальнюю скамью, подальше от меня.

Умный король-тиран.

Он подходит к печи и поднимает крышку над нашим блюдом, выпуская пар, который разгоняет, помешивая ароматное варево деревянной ложкой, а затем зачерпывает немного бульона, чтобы подуть на него. Он подносит край ложки к губам и пробует.

В животе у меня урчит, и я кашляю, пытаюсь заглушить звук, но не раньше, чем Каан поднимает бровь и бросает на меня взгляд, который я игнорирую.

Хотелось бы мне не быть такой голодной. Кажется неправильным принимать еду от того, кого я в конечном итоге собираюсь убить. И обезглавить. Просто на всякий случай.

Он наливает суп в две глиняные миски, и над каждой из них поднимаются густые клубы пара. Мое нутро издает еще один булькающий звук, щеки пылают, когда он кладет медную ложку в миску и подвигает в мою сторону. Вторую он кладет справа от меня, опускается на табурет рядом со мной и начинает есть.

Мой взгляд мечется между его профилем... моей миской... моей ложкой... моими связанными веревкой запястьями...

Точно.

Я неловко сжимаю ложку и обнаруживаю, что если я наклоню руки вправо, то смогу зачерпнуть суп под таким углом, который *должен* быть доступен моему рту.

Наверное.

Я зачерпываю немного из миски, наклоняясь вперед.

Мои пальцы путаются, расплескивая суп повсюду.

Стиснув зубы, я пробую еще раз, на этот раз наполовину донеся ложку до широко открытого рта с высунутым языком, а потом она выскальзывает, забрызгивая мои руки и грудь супом.

Ложка со стуком падает на пол вместе с остатками моего терпения.

Я пытаюсь встать с табурета, но Каан хватает меня за плечо, удерживая на месте.

— Я подниму...

Я поворачиваю голову и впиваюсь зубами в его предплечье так быстро, что едва успеваю заметить, как это происходит. Пока во рту не появляется вкус его крови, а он не поднимает меня на ноги и не прижимает к стене, зажав свое бедро между моими. Мои руки подняты над головой, а его рука обхватывает мою челюсть.

Наши тела прижаты друг к другу, дыхание вырывается сквозь оскаленные зубы.

Наши носы и лбы соприкасаются, когда в комнате зловеще темнеет, единственным источником света остается чрево раскаленной печи, отчего Каан кажется нависшей надо мной разъяренной тенью, а его глаза мерцают, как угли, потрескивающие во мраке.

— Хочешь поиграть грубо, Лунный свет? Мы можем. Но только после того, как ты поешь.

— Это приказ, *сир*?

Клянусь, в его глазах вспыхивают красные искорки, а тело прижимается ко мне с огромной силой. Слишком горячо.

Недостаточно горячо.

— Есть разница между тем, чтобы о тебе *заботились*, и тем, чтобы тобой командовали. Знай это.

Я невесело усмехаюсь, вздергивая подбородок.

— Ты даешь мне миску супа и ждешь, что я буду есть его со связанными руками? У тебя искаженное восприятие заботы.

Не могу поверить, что думаю об этом, но я скучаю по своим кандалам. Или, вернее, по цепи, натянутой между ними. По крайней мере, я могла хоть что-то делать, например, потянуться. Или почесаться. Сейчас мои запястья связаны так туго, что подтирать задницу, когда я, наконец, доберусь до уборной, будет настоящим испытанием.

— Попробуй принять *помощь*, Рейв. Ты удивишься, когда поймешь, что крошки больше не натирают. Простая просьба о помощи не делает тебя слабой. Она делает тебя *настоящей*.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что мне не нужна помощь короля-тирана, но тут мой желудок снова урчит, подавая свой неуместный голос.

Что-то громкое и злобное обрушивается на крышу, оглушительный грохот, не похожий ни на что, что я когда-либо слышала.

Сердце подскакивает к горлу, взгляд отрывается от Каана и мечется по комнате в поисках трещин в стенах, поскольку здание, очевидно, рушится.

Неужели упала луна?

Разве мы не должны бежать? Прятаться под столом?

Почему, черт возьми, он так спокоен?

— Это просто сильный ливень, — говорит он, и его голос нежно успокаивает мое заколотившееся сердце.

Мое тело расслабляется.

Ох.

— Это очень... громко, — говорю я, продолжая искать трещины в стенах. — Ты уверен, что это не лунопад?

— Уверен. Ты в безопасности.

Я встречаю его взгляд.

— Спорно.

— Ты в безопасности.

— Потому что я тебе зачем-то нужна — так всегда бывает. Для чего? Может стоит рассказать об этом прямо сейчас, как ты считаешь? Ожидания действительно *причиняют* боль, когда они наносят удар в спину.

Он хмурится.

— Все, чего я от тебя хочу, — это чтобы ты съела свой гребаный суп. И, возможно, чтобы мы пережили этот сон без кровопролития — я знаю, что тебе это дается с трудом.

Я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть в его взгляде трещины, но нахожу только твердую, как камень, убежденность.

— Ты хороший лжец, надо отдать тебе должное.

Из его груди вырывается рычание, и он отпускает мои запястья, отступая назад. По какой-то странной причине это похоже на разрыв шва, и мое дыхание вырывается на свободу.

Он поворачивается, поднимает мою ложку, ополаскивает ее под водой, а затем кладет обратно в миску. Усевшись на табурет, он продолжает есть в стоическом молчании, так контрастирующем со стуком дождя по крыше.

С каждой секундой воздух становится все плотнее.

Мой взгляд останавливается на ране от укуса на его руке, кровь капает на землю. Все еще стекает по моим губам.

Я съезживаюсь.

Я пустила ему кровь в доме его Махи. *Черт возьми*. И разлила суп повсюду.

Оказывается, я дерьмовый гость.

Еще одно урчание в животе, и я вспоминаю мою прекрасную, погибшую Эсси. Она часто готовила для нас. Любила экспериментировать с разными продуктами, которые я приносила домой с рынка.

Я всегда благодарила ее, ценя ее старания.

Я почти уверена, что не поблагодарила Каана, когда он предложил мне еду. Я просто принялась возиться с ложкой, после того, как расслабленно наблюдала за его готовкой со своего места на табурете.

Вот это да.

Я очень, очень дерьмовый гость.

Как бы мне ни был неприятен этот мужчина и все, что он собой представляет, я должна хотя бы поблагодарить его за ароматное блюдо, которое он приготовил для нас обоих. И еще раз попытаться запихнуть немного в рот.

Глубоко вздохнув, я отталкиваюсь от стены и сажусь на табурет, все еще ощущая на лице его кровь:

— Извини за неуважение. И спасибо за эту еду. Я ценю усилия, которые ты приложил.

Он молчит мгновение, зачерпывая ложку.

— Не за что, Рейв.

Я киваю, легким движением головы перекидываю волосы через плечо, бросаю на него робкий взгляд, затем наклоняюсь вперед, поджимаю губы и опускаю лицо в миску, делая большой глоток бульона.

У меня вырывается стон.

Это.

Чертовски.

Вкусно.

Не слишком жирный и не соленый. С едва уловимыми нотками трав, которые он сюда добавил. Есть даже намек на что-то цитрусовое. Не знаю, что именно, но мне нравится.

Я как раз проглатываю свой второй восхитительный глоток, когда Каан раздражается глубоким, хриловатым смехом, достаточно громким, чтобы перебить грохот неба.

Мои щеки вспыхивают, и я чуть не рываю на него снова, но затем его смех толстой лентой оплетает мои ребра, поднимается к горлу и вырывается изо рта с такой скоростью, что брызги супа вылетают из носа, покрывая разделочный стол.

Ноздри горят, как будто я только что выдохнула пламя, но смех не прекращается, все мое тело сотрясается от его силы.

Я никогда раньше так не смеялась. Так по-настоящему. Я не знала, что это может быть так... хорошо.

Почему это так хорошо?

По щекам текут слезы, суп капает с носа и подбородка, мои внутренности болят, а звук продолжает литься...

И льется...

Я не сразу понимаю, что мужчина рядом со мной замолчал.

Мой смех стихает, мышцы лица расслабляются. Я открываю глаза и смотрю на Каана.

Сердце замирает.

Он смотрит на меня так пристально, что это грозит сорвать одну из многих мозолей, покрывающих мое сердце. Взгляд, от которого у меня сжимается грудь. Моя душа.

Такой взгляд, который одним стремительным ударом ломает позвоночник, рвет сердечные струны и ослабляет колени.

Воздух между нами пустеет, жаждет чего-то, чем я не могу его заполнить, и я понимаю, что, возможно, ошибалась на его счет. Что я нужна ему не из-за моей связи с Клод или Булдером и не из-за навыков убийцы. Ему нужно нечто гораздо, гораздо худшее...

Я.

Только я.

— Не делай этого, — выдавливаю я из себя.

— Чего?

— Не притворяйся, что нам уютно. Это не так. Я не знаю тебя, ты не знаешь меня. Я обдумываю как убью тебя, пока мы разговариваем.

В его челюсти пульсирует мышца, в глазах мелькает что-то такое, от чего меня пробирает до костей.

— Конечно.

Я прочищаю горло, отворачиваюсь от его пристального взгляда и утыкаюсь взглядом в свой суп. Еще один момент душераздирающей тишины, прежде чем он берет со скамьи тряпку и вытирает мне лицо.

Я не останавливаю его.

Я не мешаю ему взять мою ложку и покормить меня, как маленькую. Я не останавливаю его, когда он накладывает мне еще одну порцию, а затем предлагает мне кружку воды.

Я не мешаю ему вытирать суп с моей туники, когда мы заканчиваем. Он ведет меня вверх по изогнутой лестнице, через покосившуюся деревянную дверь, в уютную спальню с единственным окном и большим тюфяком, накрытым таким количеством подушек и одеял, что в них можно утонуть.

Спальное место, которое пахнет *им*.

— Единственный выход — вниз по лестнице и через заднюю дверь. Это если ты сможешь прокрасться мимо меня достаточно тихо, поскольку я буду спать на диване. Если у тебя получится, я с удовольствием поищу тебя, так что дерзай.

— Туалет?

— Вон там. — Он указывает на другую дверь, гораздо меньшего размера и более странной формы, вспышка молнии освещает его красивое варварское лицо пугающими полутонами.

Я поднимаю связанные руки.

— Как я должна...

— Уверен, ты справишься, — бормочет он, а затем закрывает дверь с такой силой, что я подпрыгиваю.

Я толкаю чешуйку, спрятанную между моими запястьями, пока она не падает мне на колени, затем зажимаю ее бедрами и приступаю к работе. Глядя на дверь, я провожу веревкой по острому краю, постепенно освобождая руки.

Веревка прорезается гораздо быстрее, чем я ожидала, и моя рука соскальзывает, когда она поддается.

Чешуя вонзается в руку, и я резко втягиваю воздух, сжимая челюсти от боли.

Чертовы — гребаные — драконьи яйца!

Проклятье, Рейв...

Зубами я распутываю путы, а затем прижимаю руку к порезу, кровь просачивается между пальцами и капает на тюфяк.

Я вздыхаю.

Похоже, я нарушила правило *не проливать кровь во время этого сна*.

Определенно, мне пора убраться.

Я бросаюсь в туалет и поворачиваю медный кран, едва различимый в тусклом свете, подставляю руку под струю воды и делаю все возможное, чтобы смыть кровь. Оторвав полоску от туники, я перевязываю рану, зубами затягиваю узел и улыбаюсь своей работе — победа головокружительными всплесками проносится под ребрами.

Может, я и поранилась, но я свободна.

Свободна!

Да, черт возьми. Теперь мне нужно просто сбежать.

Я пользуюсь туалетом, наслаждаясь возможностью с комфортом подтереть задницу. Заправив волосы за уши, я возвращаюсь в спальню, бросив еще один взгляд на закрытую дверь.

Потянувшись к ящикам в конце тюфяка, я открываю первый и роюсь в поисках чего-то более удобного, чем царапающая одежда, в которой, как мне казалось, я умру, и нахожу черную рубашку, мягкую как масло. Я достаю не менее мягкие штаны, которые настолько коротки, что, скорее всего, заканчиваются у коленей Каана.

Но я все равно, скорее всего, утону в них.

Пожав плечами, я натягиваю штаны и обнаруживаю, что внутри есть шнурок, который позволяет зафиксировать их на талии.

Я прячу волосы под безразмерную рубашку, которая теперь свисает с плеча, и забираюсь обратно на тюфяк. Натянув на себя одеяло, несмотря на влажную жару, я прячу под ним чешуйку и разрезанные веревки, одновременно наблюдая за дверью.

Давая Каану время уснуть, я жду, утопая в запахе сливок и расплавленного камня.

Буря завывает, обрушивая капли дождя на крышу, барабана в маленькое окошко. В темном и мрачном пространстве я жду своего часа, ковыряя ногтями кожу и представляя, что я сделаю с тем, кто убил Эсси и исполосовал мою спину.

Я иду за тобой, Рекк Жарос...

Ты, ублюдок.

Но сначала мне нужно сбежать от короля.

Я приоткрываю дверь, мое дыхание тихое и ровное. Разум спокоен — погружен в то тихое место, куда я ухожу, когда у меня есть работа.

Сжимая чешуйку в правой руке, я направляюсь к лестнице, двигаясь вперед одновременно с яростными ударами шторма, обрушивающегося на дом, и опираясь левой рукой на стену, чтобы не упасть. Я спускаюсь по лестнице, двигаясь мягко и медленно, остается четыре ступеньки, когда вспышка молнии озаряет комнату.

Освещает его.

Мои щеки пылают, раздается раскат грома, когда я пялюсь на Каана Вейгора, лежащего на длинном диване.

Обнаженного.

Еще одна вспышка молнии, и я вижу, что ворсистая накидка прикрывает его пах, но оставляет открытыми шрамы и мощную, внушительную фигуру.

Творцы.

Он такой большой, что его ноги свисают с края дивана, ступни стоят на земле, ноги немного раздвинуты.

Еще один раскат грома, и я тяжело сглатываю, переводя взгляд на подушку под его головой, и обе руки, подложенные под нее...

Я восхищенно качаю головой.

У меня было много времени подумать, пока я сидела в его спальне, окутанная его запахом, и выжидала момент, когда он точно уснет. Я поняла, что он проявлял ко мне доброту, а я к нему — нет. И уж точно не сделала ничего, чтобы заслужить ее.

И то, как он смотрел на меня, когда я смеялась...

Я медленно, беззвучно вздыхаю, любясь расслабленным выражением его лица. Спокойным.

Безмятежным.

Мои пальцы зудят, но не от желания убить. Сейчас это не то чувство, которое возникает при мысли о мужчине, на которого я собираюсь охотиться.

Они зудят от желания *прикоснуться*. Провести пальцем по четким линиям его бровей, затем по слегка искривленному носу. Как будто кто-то однажды ударил его, а он не потрудился полностью выпрямить.

Запутаться в его густой бороде и потянуть за пряди, а затем провести по широким плечам, лаская его мускулистую грудь. Провести по впадинкам

между мышцами живота, по гладкой черной дорожке волос, ведущей под одеяло...

Мои щеки вспыхивают от очередной волны жара.

Он самый великолепный мужчина из всех, кого я видела в своей жизни. Я могу признаться себе в этом теперь, когда мы расстаемся.

Еще одна причина, почему мне нужно уйти.

Возможно, он хороший мужчина. Добрый, благородный король. У меня не хватает духу, чтобы попытаться снять все слои и выяснить. Я сломлена так, что ему никогда не понять, обречена на одинокое существование, в котором обрела покой.

Так что нет, я не хочу его убивать. Больше не хочу.

Я просто хочу освободиться от него.

Я бросаю взгляд на дверь и спускаюсь с последних ступенек, на цыпочках проходя мимо спящего. Моя рука уже касается дверной ручки, когда в голове всплывает эхо его предыдущих слов. Тех, которые я едва уловила, когда он их произнес, потому что была поглощена другими вещами.

Единственный выход — вниз по лестнице и через заднюю дверь. Это если ты сможешь прокрасться мимо меня достаточно тихо, поскольку я буду спать на диване. Если у тебя получится, я с удовольствием поищу тебя, так что держай.

Дрожь пробирает меня, когда я вспоминаю убежденность, звучавшую в его голосе, и меня охватывает уверенность, что даже *лунопад* не помешает ему найти меня...

Я бросаю взгляд через плечо, и мое сердце пропускает удар.

Еще один.

Черт. Я *должна* убить его. Если я этого не сделаю, то никогда от него не избавлюсь. Он будет преследовать меня. *По-настоящему* преследовать — как он и обещал.

Странное чувство сжимает мое горло. словно клешня, пробивающаяся сквозь слои плоти, мышц и сухожилий, сжимает трахею, усиливая хватку.

Душит меня.

Я с ужасом понимаю, что это *нерешительность*.

Снова.

Я не знаю, что с этим делать. До появления этого мужчины я никогда не сталкивалась с этим чувством. Я убиваю. Вот что я делаю. Если кого-то нужно убить, я, черт возьми, делаю это.

Это решение должно быть простым. Он мешает. Убери его с дороги.

Почему это нелегко?

Я зажимаюсь, возвращаясь к тому моменту, когда выяснила, что он один из трех королей Вейгоров. К ярости, которую чувствовала, зная обо всех ужасных вещах, которые, по слухам, он совершил.

Чудовищные вещи. Непростительные поступки.

Мир станет лучше, если в нем станет на одного тирана меньше.

Да. Вот оно.

Вот причина.

Я концентрируюсь на этой мысли и погружаюсь внутрь себя, отодвигая зарождающиеся эмоции, которые я испытываю к Каану, пока от меня не остается лишь голый скелет, который я оставляю лежать на своем внутреннем берегу, собирая все свое зарождающееся любопытство и робкую признательность и привязывая все это к камню. С непоколебимой решимостью я крадусь по своему озеру, вспышки серебристого света вырываются из-под льда, словно что-то яркое и смелое двигается вместе со мной.

Преследует меня.

Я вздрагиваю, опускаю камень в прорубь, в темное пространство, затем отряхиваю руки.

Вот так.

Скатертью дорожка.

Огромное светящееся существо стремительно летит вперед, преследуя камень, словно хищник, охотящийся за добычей. Его сияние исчезает в глубине с таким резким движением, от которого ледяная вода хлещет в отверстие и заливает мои ноги.

У меня перехватывает дыхание, я моргаю, возвращаясь в настоящее, сердце колотится сильно и быстро ...

Никогда раньше оно не преследовало то, что я сбрасывала вниз. По крайней мере, я этого не замечала. Дрожь пробегает у меня по спине, и я качаю головой, стараясь сосредоточиться и не обращать внимания на то, что только что произошло.

Делай свое дело.

Потом уходи.

Тебя ждет охота на Рекка Жароса.

Сохраняя полное безразличие к своей спящей жертве я подкрадываюсь к дивану, крепко сжимая в руке чешую Райгана. Одним быстрым движением я забираюсь на короля и приставляю острое оружие к его горлу.

Глаза Каана распахиваются, сияя, как потрескивающие угли, и мое внутреннее озеро *извергается* — сложный клубок отброшенных эмоций выплескивается обратно в меня, попадая прямо в сердце, чувство проникает в щели, просачиваясь к его мягкой сердцевине.

Я задыхаюсь, пронзенная насквозь огнем в глазах Каана. Пронзительным *чувством*, которое только что заразило меня, как болезнь — в десять раз сильнее, чем было, когда я его выбросила.

Стон вырывается наружу, когда я подавляю желание засунуть руку между ребер и проделать дыру в грудной клетке. Почесать пульсирующий орган, словно это укус насекомого, или, может быть, засунуть пальцы поглубже и извлечь это... *ощущение*.

Тяжелое. Разбухшее.

Живое.

Его ноздри раздуваются, взгляд скользит по моей раненой руке, потом снова возвращается к глазам, пока я напряженно дышу. Пока я пытаюсь разобраться в своей пошатнувшейся решимости, пытаюсь понять, почему мое желание убить его просто растаяло в луже отчаяния от желания быть ближе.

Не просто ближе...

Настолько близко, насколько это возможно.

Странная потребность поцеловать его бурлит в моих венах. Прижаться друг к другу, пока мы не сольемся непостижимым образом. Почувствовать его вкус и почувствовать, как он движется внутри меня...

По моей спине прокатывается сладострастная, голодная дрожь.

Еще одна вспышка молнии выхватывает свирепость в его взгляде, и его грудь опадает, словно из легких только что выкачали весь воздух.

Медленнее, чем восход Авроры, он вытаскивает руки из-под подушки, и одна сильная ладонь ложится мне на бедро. Крепко сжимает. Другая обнимает мое лицо, обхватывая его так, что это кажется до боли знакомым. Настолько знакомым, что мне хочется разбить свое ноющее сердце вдребезги, потому что оно явно запуталось.

— Я вижу тебя, Рейв...

Мое дыхание сбивается, чешуя все еще впивается в горло Каана.

— Я не... Я не знаю, что...

— Тебя, — рычит он, нежно обхватывая рукой мое лицо, глаза горят душераздирающим огнем. — Я, черт возьми, вижу тебя.

Его голос — словно рваная рана, кровоточащая и ужасающая. Настолько болезненная, что заставляет чувство в моей груди отзываться глубокой, разрушительной пульсацией, от которой я отчаянно *пытаюсь* избавиться. Или хотя бы отвлечься.

Это слишком реально. Слишком пронзительно.

И это...

Почему это кажется таким правильным?

Комната снова вспыхивает, освещая его в мельчайших деталях. Сильное, гордое тело, изрезанное слишком большим количеством шрамов, чтобы их можно было сосчитать, волосы растрепаны, губы идеальной пухлой формы, и я представляю, как они прижимаются к моим, двигаются вместе, поглощают меня...

Черт.

— Что тебе нужно, Лунный свет?

Удовлетворить низменную потребность в надежде, что это избавит меня от эмоционального клинка, только что вонзившегося в мою грудь.

Неловкими движениями я тянусь к своему поясу, развязываю узел и ослабляю шнурок, а затем хватаю его руку, лежащую на моем бедре, и провожу ею по передней части тела.

Гулкий рык вырывается из его груди и поднимается вверх по моим раздвинутым ногам, где встречается с нежной сердцевинкой, пульсирующей в голодном отчаянии. Ощущение, в которое я намерена погрузиться — слепо и не задумываясь.

— Ты хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе?

Эти слова словно кремнем чиркают по моему позвоночнику.

Устремляясь вниз.

Мои мышцы расслабляются, заставляя плоть гореть, и я киваю — движение быстрое и отчаянное.

— Да, — умоляю я, покачивая бедрами, пытаюсь прижаться к его пальцам, которые находятся не совсем там, где я хочу. — *Пожалуйста.*

Он рычит, его массивное мужское достоинство увеличивается под моей задницей, становясь невероятно твердым. Еще одно движение бедер воспаляет каждый нерв в моем чувствительном местечке между ног, и я стону, это глубокий, пьянящий звук, который словно растекается по комнате.

Каан сдвигает руку ближе к моему ноющему центру, заставляя мою плоть напрягаться, мои соски становятся твердыми и чувствительными от прикосновения его грубой кожи к моей нуждающейся мягкости.

Я пульсирую от предвкушения, зная, что он близко.

Так близко.

У меня снова перехватывает дыхание, когда его палец скользит по моей влажной плоти, и это нежное поддразнивание вызывает во мне острую вспышку удовольствия.

— Убей меня, если хочешь, чтобы я остановился, — хрипит он, скользя большим пальцем по моей скуле. — Я с *радостью* истеку кровью под тобой, так что не стесняйся.

— *Прикоснись ко мне,* — стону я, мой голос пронзителен от желания, которое я не узнаю.

Это не я.

Его пальцы скользят по моему растянутому телу, проводя по моей мокрой, набухшей киске.

Мое сознание мутнеет — *пустеет* — еще один глубокий, страстный стон вырывается из моего горла.

Он хрипло рычит, выводя медленные, уверенные круги, которые заводят и расслабляют меня одним и тем же изумительным движением. Другая его рука опускается от моего лица и пробирается под позаимствованную рубашку, нащупывая ноющую грудь, пощипывая сосок, посылая разряды электрического удовольствия по всему моему телу.

Черт.

Я запрокидываю голову, прикусив нижнюю губу.

Отдаюсь его ласкам.

— *Еще*, — стону я, и он пощипывает чувствительный пик. Я задыхаюсь, переключив внимание на свою грудь, а затем я испытываю шок, когда он вводит в меня два пальца.

Я стону грохочущим небесам, когда он вводит их глубоко, а затем замирает.

Удерживает их там.

Еще одно сжатие соска, еще одна вспышка удовольствия, разливающаяся по моей пульсирующей сердцевине.

— Бери то, что хочешь, Лунный свет.

От этих слов внутри меня что-то меняется, а мысли уносятся куда-то в яркое и беззаботное место.

Может быть, это грёза.

Место, где пахнет солью, специями и сладкими цветами. Место, где единственное, что имеет значение, — *то, что происходит между нами*.

Мы.

Я вырываюсь из светящегося потока, пробивающегося из-под моего ледяного озера.

Отчаянно пытаюсь вытравить из груди это прекрасное, невозможное чувство правильности, я гонюсь за упоительной пульсацией между раздвинутыми бедрами. Головокружительное, естественное желание, которое я могу принять.

— Ты мне нужен, — стону я, отбрасывая чешую в сторону, и слышу, как она с грохотом катится по земле. — Сейчас же.

— Я *твой*.

— Нет, *ты* мне нужен, — рычу я, пытаюсь перевернуть нас.

Кажется, до него доходит и одним быстрым, мощным движением он меняет нас местами, отчего у меня перехватывает дыхание.

Он стягивает с меня штаны и отбрасывает их в сторону, и теперь мои ноги раздвинуты под ним. Набухшая киска обнажена и жаждет принять его мощную, твердую длину, упирающуюся во внутреннюю поверхность моего обнаженного бедра.

Я уже собираюсь потянуться и обхватить его, чтобы направить к своему пульсирующему входу, когда замечаю, что он смотрит на меня с интенсивностью потрескавшейся пустыни, отчаянно нуждающейся хоть в капле дождя. Взгляд, который поглощает. Он цепляет сердечные струны и связывает их воедино навечно... навеки соединяет.

Неужели он не видит, что мои сердечные струны оборваны и истерты?

Он обхватывает мою ногу одной из своих мозолистых рук, прямо у колена. Раздвигая меня. Другая поднимается и с пленительной нежностью обнимает мое лицо, его большой палец проводит по моим приоткрытым губам.

Мой пульс замедляется...

Замирает.

Он так прекрасен, разливается по мне, как расплавленная лава. Так чертовски красив, что возникает соблазн позволить ему погрузиться в иллюзию, которую, как мне кажется, он соткал для меня.

Для нас.

Впустить его в мое тело и дать ему немного того, что он так явно ищет в моих глазах.

— Ты уверена, что хочешь этого, Лунный свет?

Глубокие, хриплые слова звучат грубо и резко... и все же как-то не так. Это самые нежные слова, которые я когда-либо слышала.

Убей меня, если хочешь, чтобы я остановился...

Бери то, что хочешь...

Ты уверена, что хочешь этого, Лунный свет?

Творцы.

Он определенно не тот монстр, за которого я его принимала.

— Уверена, — выдавливаю я из себя, поднимая бедра, чтобы обеспечить ему лучший доступ. — Я хочу, чтобы ты был во мне, Каан Вейгор.

Он стонет, прикрывает веки и снова смотрит на меня с нежной страстью, которая сильнее желаний между моих ног. Заставляет эмоции в груди вспыхнуть с новой силой, и я вдруг чувствую, словно чья-то рука только что нырнула мне в горло, преодолела пищевод и дотронулась до моего каменного сердца.

Он сжимает свой член, направляет к моему входу, и в этот момент я говорю:

— Только ты должен перестать смотреть на меня так, будто это что-то значит.

Он вздрагивает, как будто его ударили металлическим наконечником хлыста.

— Ты хочешь бессмысленной разрядки?

Я киваю, двигая бедрами ему навстречу.

— Точно. — Еще одна вспышка молнии, и я вижу, что его глаза темнеют. — Ну... здесь ты этого не найдешь, заключенная семьдесят три.

Его голос бесстрастный.

Отстраненный.

Оторванный от... что бы *это* ни было.

Он поднимается на колени, опускает мою ногу и отстраняется от меня — его член подрагивает, гордый и готовый, покрытый венами, из головки вытекает жемчужная капля спермы.

Он откидывает волосы с лица, сжав губы в плотную линию, в то время как у меня внутри зарождается смятение.

Он... *шутит?*

Он готов, он хочет меня. Я здесь, прошу об этом. Почему бы просто не выкинуть все из головы, чтобы мы могли двигаться дальше?

Я моргаю, поднимаю взгляд к его глазам.

— Что ты...

— Вставай и возвращайся в свою спальню. Отдохни немного. Нам предстоит долгая, безостановочная поездка, когда буря утихнет.

В его тоне звучит такой холод, что на мгновение я перестаю дышать. Не двигаюсь.

Я открываю рот...

— *Убирайся к черту!*

Его слова разносятся по комнате с такой яростью, что я уверена, что буду раздавлена ими, если не сдвинусь с места.

Быстро.

Я сползаю с дивана, хватаю свои брюки и прижимаю их к груди, пока иду обратно к лестнице, сохраняя зрительный контакт, в то время как мои щеки пылают от стыда, которого я не понимаю.

И не *хочу* понимать.

Покачивая головой, я поворачиваюсь и бегу вверх по лестнице под грохот грозы.

Я захлопываю за собой дверь и прислоняюсь к ней, легкие тяжело дышат, сердце бешено колотится. Между моих дрожащих ног все еще горит желание.

Что это было, черт возьми?

Я откидываю волосы с лица, застонав от его запаха, которым теперь пахнут кончики моих пальцев. Как будто он просочился сквозь мои поры и слился со мной, создав наш общий чувственный аромат.

И это так приятно пахнет. Так чертовски приятно, что часть меня хочет прямо сейчас броситься вниз по лестнице и извиниться. Позволить ему трахнуть меня так, как будто это что-то значит. Позволить ему проникнуть под мою кожу.

Какая глупость.

Вспышка молнии озаряет комнату, и я, прищурившись, смотрю на освещенное окно, по которому хлещет дождь, голова наклоняется в сторону, когда от раската грома дребезжит стекло...

Я достаточно мала, чтобы пролезть сквозь него.

Вообще-то... с этой стороны дома установлена решетка, которую можно использовать в качестве лестницы!

Спасибо тебе, маленький причудливый дом.

Я улыбаюсь и отталкиваюсь от двери, пересекаю комнату, надеваю короткие штаны и затягиваю их на талии, заправляя в них рубашку, чтобы было меньше шансов зацепиться. Может, я и не смогу заставить себя убить Каана Вейгора, но мне все равно нужно уйти.

Далеко-далеко, пока он не причинил мне еще больше вреда.

Я забираюсь на приподнятый тюфяк, затем на приставной столик. Добравшись до окна, я оглядываюсь через плечо на дверь, прежде чем открыть щеколду и широко распахнуть створку. Дождь барабанит по крыше, словно тысяча плоских ладоней — оглушительный шум отвлекает внимание от звуков, которые издают оконные петли.

Просунув руку в отверстие, я хватаюсь за решетку и выбираюсь наружу, навстречу потоку, ноги покалывает от приступа паранойи. У меня нет времени размышлять о странном ощущении, когда тяжелые капли дождя хлещут меня по коже, пока я выбираюсь из спальни.

Убирайся, убирайся, убирайся...

Я хватаюсь за шаткую решетку, стараясь не задеть пышную, усыпанную фруктами листву, и спускаюсь вниз, вымокнув до нитки к тому моменту, когда падаю на размокшую землю, хлюпающую у меня под ногами. В моих венах пульсирует победа, и я мчусь по тропинке в джунгли, мое сердце колотится в одном ритме с разъяренной бурей.

Я выбралась. Я свободна.

Теперь нужно создать между нами как можно большее расстояние.

Я мысленно переносюсь в другое время, в другое место. Когда я убегала от жуткого кошмара во время бури совсем другого рода, продираясь сквозь снежные вихри, которые налипали на мои волосы и грозили покрыть ресницы коркой.

Трудно не заметить разительную разницу. Тогда я бежала от боли, голода и страданий. Теперь я бегу от удовольствий, полноценного питания и искреннего смеха.

Не думай об этом. Ты все делаешь правильно.

Это правильно.

Все эти хорошие вещи не для тебя.

Я повторяю это про себя с каждым шагом через лужи и поваленные бревна, густая листва джунглей словно поглощает меня, пока я возвращаюсь тем же путем, по которому мы пришли сюда, а буря пронзительно визжит и содрогается. Сбавив скорость, я выхожу на поляну, на которую ранее приземлился Райган, и с облегчением вижу, что зверь не вернулся.

Вокруг меня льет дождь, и я бросаю взгляд направо, на крутой утес, окаймляющий плато.

Если я побегу в эту сторону, то мало куда смогу попасть. А поскольку король-воин, намеревающийся охотиться на меня, наверняка знаком с этими горами — он поймает меня в мгновение ока.

Но если я спущусь вниз...

Я смогу идти вдоль реки до самой стены. У меня будет постоянный запас питьевой воды, восхитительный вид на реку Агт, тень от прибрежных деревьев.

Чего еще желать?

Я бросаюсь влево, на мгновение задерживая взгляд на обрыве и намечая выбранный путь.

— Творцы, — бормочу я.

Край плато представляет собой вертикальный обрыв, который переходит в другое плато, где находится бассейн с бурлящей водой, падающей с уступа водопада. Бассейн переливается через край, спускается вниз по другому обрыву, где впадает во второй бассейн, расположенный далеко внизу — тот самый, который я заметила, когда мы только прилетели. Хотя выглядит он совсем не так, как тогда.

Теперь это переполненный водосборник, с опасной силой обрушивающийся в ущелье.

Я вздрагиваю.

Это не идеальный вариант, но либо это, либо гора позади меня и вероятный тупик.

Дождь немного стихает, сквозь тяжелые облака над головой пробивается один-единственный луч света...

Я пожимаю плечами, принимая это за знак.

Повернувшись, я натягиваю железную манжету повыше, чтобы она не мешала, и бросаю взгляд на тропинку в джунглях, прежде чем присесть на корточки. Я свешиваю ноги с края, нащупываю опору в камне и спускаюсь, сглатывая пугающее ощущение, которое всегда возникает в тот момент, когда я повисаю на краю чего-то опасного.

Камень скользкий, но достаточно прочный, чтобы можно было удержаться, если делать это быстро и осторожно.

Оказавшись у подножия скалы, я преодолеваю последние несколько футов и приземляюсь на травянистое плато. Я подбегаю к краю бассейна, чтобы увидеть яростно бурлящую воду, плещущуюся у краев, хотя она все еще находится в нескольких футах от того, чтобы испытать берега на прочность.

Все должно быть в порядке.

Мгновение я наблюдаю за водопадом, низвергающимся через край с такой ревущей мощью, что трудно не восхититься...

Рейн — изысканный творец. Такая доминирующая сила.

Я поворачиваюсь и только собираюсь спуститься с обрыва, когда мой взгляд улавливает какое-то движение. Из джунглей вырывается стая хвостатых птиц и с криком устремляется в небо.

Мое сердце подскакивает к горлу.

Птицы не летают во время бури, это всем известно. Они прижимаются к земле. Прячутся.

Неужели их что-то спугнуло?

В моей груди расцветает понимание, обдавая меня бурлящими потоками адреналина.

Он приближается.

Черт.

Я начинаю спускаться по скале, не заботясь о том, чтобы проверить, за что держусь. Я обдираю пальцы на руках и ногах, спускаясь с сумасшедшей скоростью.

Если Каан найдет меня, я ни за что не смогу снова сбежать. Он не сведёт с меня своих проклятых Творцами глаз.

Ужасный скрежещущий звук рассекает воздух, и я поднимаю голову, чтобы увидеть взрыв воды — бурлящий поток пены, камней и вырванных деревьев, несущийся на меня с такой скоростью, что я едва успеваю вдохнуть, прежде чем он настигает меня и отрывает от стены.

Что-то твердое попадает мне в голову.

Меня поглощает темнота.

Запись в дневнике

Элюнн Неван

возраст: 18 фаз

5,000,039 фаз после камня

Они пришли за мной, когда я спала, свернувшись калачиком под мехами на тюфяке Махи и Паха, как я делала, когда болела. Они пели мне песни, от которых мне всегда становилось легче.

Они пришли за мной — целая свита стражников с бусинами из Пекла, Сумрака и нейтрального города Ботайма, резиденции Совета Трех.

Должно быть, они знали, что я буду сопротивляться, несмотря на свое ослабленное состояние, потому что проткнули меня железным гвоздем еще до того, как я открыла глаза.

Трусливые ублюдки.

Они позволили собрать одну-единственную сумку с вещами, прежде чем на меня накинута вуаль, заковали в железные кандалы и вывели из спальни. Помощники Махи и Паха, должно быть, сражались с ними, потому что они тоже были связаны, стояли на коленях вдоль коридоров, пока меня выводили наружу, туда, где у стен Аритии расположились угрожающие молтенмау. Они поднимались над крышами зданий и проносились по небу, раздувая оранжевое пламя и заставляя горожан кричать.

Мне сказали, что они пришли не для того, чтобы завоевать мое королевство. Они просто помогут мне охранять его, пока я не смогу связать себя узами брака с мужчиной, которого выбрал для меня Совет Трех.

Тирот, мать его, Вейгор.

Один из трех сыновей короля Остерна. Тот, что с жестокими глазами. Мужчина, которому Пах не отдал бы меня за все зерно мира.

Я кричала на них. Сказал им, что лучше сгнию. И получила удар по голове от одного из стражников Пекла.

На какое-то время все вокруг потемнело.

Я очнулась на спине самого большого молтенмау, которого я когда-либо видела, а Слатра сопровождала нас до самой Имперской крепости неподалеку от столицы Сумрака, где мы должны были остановиться на этот сон.

Теперь я не могу уснуть. Не могу ничего делать, кроме как смотреть в окно, лелея свою печаль, и наблюдать, как Слатра мелькает в разноцветных облаках, извергая ледяное пламя, а сопровождающие меня молтенмау пытаются загнать ее обратно в Тень.

Как только взойдет Аврора, мы полетим через Болтанские равнины прямо в Домм — призрачную столицу Пекла. Там мне предстоит провести следующие три фазы, пока я не достигну возраста коронации, после чего нас с Тиротом свяжут узами брака. А до тех пор будет «некрасиво», если я буду жить под одной крышей с мужчиной, которому сейчас поручено управлять моим королевством.

Моим. Королевством.

Чуть раньше, пока я лежала здесь и смотрела, как Слатра скидывает с неба трех молтенмау и поджаривает перья многим другим, молодая королева Сумрака пришла навестить меня в моих гостевых покоях. Предложила вытащить железный гвоздь из моего бедра.

Мы разговаривали вполголоса, пока она работала, и она извинилась за действия своего мужчины, — короля Кадока Вейгора, — который предложил свою помощь Совету Трех и послал свою орду молтенмау, чтобы охранять меня.

У меня сложилось впечатление, что она сожалеет о том, что позволила мужчине «проскользнуть в ее пространство сна», зачать ребенка, который заставил их вступить в узы, связавшие Пекло и Сумрак надежным узлом.

Я сняла вуаль и позволила ей увидеть мое лицо, каким бы изможденным оно ни было.

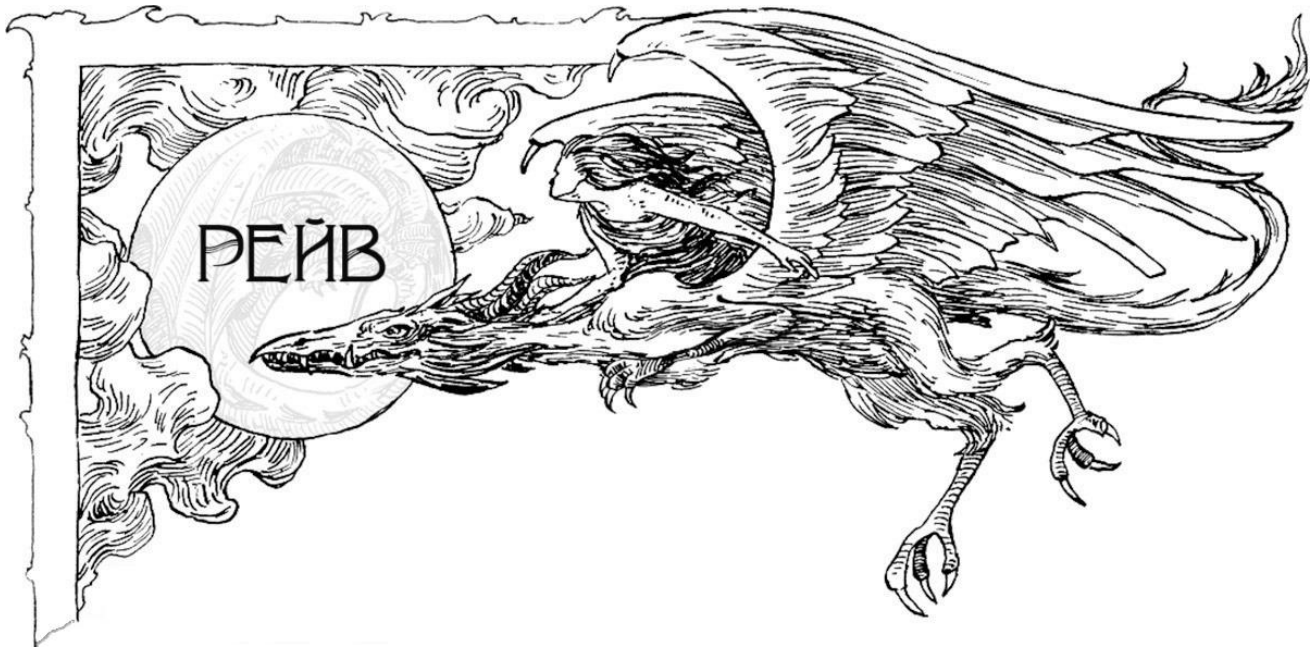
Она заключила меня в теплые, крепкие объятия, напомнив, что в мире еще есть что-то хорошее.

Вместе мы смотрели, как Слатра ведет одинокую войну, пока королева не закончила лечить мою рану и не удалилась в свои покои. Я до сих пор сижу на подоконнике, защищенном рунами от побега, и молюсь Клод, несмотря на леденящую тишину, воцарившуюся из-за этих железных наручников.

Я умоляю ее передать Слатре, чтобы она сражалась во время сна, но, как только взойдет Аврора, повернула назад. Вернулась в Аритию, свернулась калачиком и ждала меня.

Лунные шлейфы не выживают на солнце, а я не могу ее потерять. Мое сердце не выдержит еще одной потери.

Я лучше умру, чем буду смотреть, как она превращается в камень.

Холодная вода брызгает мне в лицо, приводя в сознание. Непрекращающийся стук в виске заставляет задуматься, не проломила ли я себе череп.

Стремительный поток тащит вниз по течению, пока я цепляюсь за что-то круглое, обхватив руками его изгиб и прижавшись щекой к шероховатой поверхности. Вероятно, дерево.

Должно быть, на каком-то этапе у меня хватило сил ухватиться за что-то плавучее и не утонуть. Как мило.

Я открываю глаза и вижу оранжевую воду и голубое небо над головой, пронизанное лентами Авроры. Крутые ржавые скалы нависают по обе стороны реки, по которой я в данный момент быстро плыву. Ущелье, но оно не похоже на то, через которое мы пролетели, чтобы добраться до дома. Значит, я забралась гораздо дальше, хотя, судя по насыщенному цвету скал, не настолько далеко, чтобы покинуть Пекло.

Проклятье.

Полагаю, я отключусь еще ненадолго. Засну, чтобы отвлечься от этого неистового стука в голове. Надеюсь, что проснусь ближе к стене.

Я позволяю своим тяжелым векам опуститься.

— *Gafto'in nahh teil aygh' atinvah!* — Грубые слова эхом разносятся по ущелью, приводя меня в чувство. — *Agní de, agní.*

Такого языка я никогда не слышала.

Наверное, стоит убедиться.

Я поднимаю голову, поворачиваю ее, затем прижимаюсь левой щекой к стволу и с трудом открываю глаза. По узкому берегу бежит крупная фигура, стараясь не отстать от меня. Кажется, мужчина. Почти уверена, что оттуда он меня не достанет — и это хорошо. Я слишком устала, чтобы останавливаться.

— Привет.

Пока.

Я снова закрываю глаза.

Бревно резко останавливается, и я едва не скатываюсь с него. Я со стоном открываю глаза и вижу, что зацепилась за кучу мусора, а мой ствол все еще бьется, пытаюсь найти место среди поваленных деревьев.

Размытая фигура приближается, выкрикивая еще какие-то слова, которых я не понимаю. Но я не думаю, что он кричит на меня, его голова повернута в другую сторону, хотя он продолжает указывать на меня.

Холодный ужас проносится по моим венам, интуиция подсказывает мне, что нужно попытаться встать.

Сейчас же.

Я отрываю от бревна одну тяжелую руку, затем другую и тут же ухожу под воду, сраженная ее бурлящей мощью. Я осознаю свою ошибку, когда у меня не хватает сил оттолкнуться или выплыть на поверхность.

Мои легкие бунтуют, борясь за дыхание, захлебываясь водой, которая кажется тяжелой и *иной*.

Раздается всплеск, меня окружают пузыри.

Чьи-то руки хватают меня.

Меня поднимают на поверхность, подталкивают к берегу и вытаскивают из воды, перебрасывая через острый выступ берега. Я падаю на землю с такой силой, что вся вода, которой я наглоталась, покидает меня с рвотными позывами.

Мутная вода разлетается брызгами, заливая не только грязь подо мной, но и мои мокрые волосы, воздух с хрипом врывается в легкие в перерывах между кашлем, раздирающим грудь.

Мои внутренности и грудная клетка продолжают синхронно сжиматься в судорогах, пока я украдкой бросаю косые взгляды на свою компанию в перерывах между бурными извержениями.

Огромный, мускулистый мужчина с желтыми, как солнечные лучи, глазами, одет в кожаные штаны, которые свисают с его подтянутых бедер. Он покрыт бледными шрамами, его длинные рыжие волосы украшены витками медных нитей. Кожаный ремень, перекинутый через его грудь, увешан множеством искусно сделанного оружия — клинками из драконьей чешуи и бронзовыми клинками в форме тонких лепестков, похожими на те, что были у Каана. Там также есть инструмент в виде крюка, похожий на тот, которым вытаскивали рыбу из-под льда к югу от стены.

Во что я вляпалась на этот раз?

Мужчина опускается, его массивная рука, покрытая шрамами, указывает на мою железную манжету.

— *Guil dee nahh?* — спрашивает он, и я качаю головой, решив, что он, должно быть, интересуется, не заключенная ли я.

— Просто украшение, — выплевываю я с очередной порцией воды. — Разве не красиво?

Определенно не хотелось бы, чтобы он подумал, будто я ускользнула из заключения, едва избежав приговора быть сожранной стаей молтенмау. Я могу снова оказаться там.

Мужчина поворачивается и кричит незнакомые слова другому, стоящему вдалеке, а он в это время вытягивает из воды остатки поврежденной штормом рыболовной сети.

Я так занята тем, что меня выворачивает наизнанку, что не сразу замечаю отметины на спине ближайшего ко мне мужчины. Точечная татуировка какой-то птицы, крылья обхватывают ребра, словно обнимая его сзади.

Я хмурюсь — *меня тошнит* — продолжаю хмуриться.

Это напоминает мне точки, из которых состоит... татуировка Каана...

Осознание пронзает меня, еще один прилив воды поднимается по горлу и выплескивается на землю.

Воины Болтанских равнин.

Возможно, именно здесь Каан провел свою юность.

Тошнота мгновенно проходит, и я чертыхаюсь, вытирая дрожащие губы тыльной стороной руки.

Снова крики на незнакомом мне языке, другой мужчина бежит к нам. Тот, что ближе всех, хватается меня за руку и помогает подняться на колени.

В этой потрескавшейся, песчаной пустыне живет множество кланов, у которых хватает упорства добывать себе пропитание здесь, и я, похоже, попала прямо в лапы представителей одного из них. Их образ жизни еще более загадочен, чем у тех, кто живет вблизи столицы Пекла.

Но я знаю одно.

Эти кланы воспитывают воинов с непревзойденными способностями...

Пожалуй, я пропущу это место.

Мужчина передо мной опускается на одно колено, его рыжая борода скрывает половину загорелого, усыпанного веснушками лица, его острый взгляд изучает мои черты. Он протягивает руку вперед и приподнимает прядь моих мокрых волос.

— *Achten de. Kholu perhaas?* — говорит он, показывая на длинный, покрытый рвотой локон, свернувшийся у него на ладони, и оглядывается на другого мужчину, который уже подошел ближе — тот пожимает плечами. — *Sheith comá Rivuur Ahgt ... en?*

Я собираю волосы и отталкиваю его руку.

Он хмурится и, схватив меня за плечи, поднимает на ноги. Как только я касаюсь земли, я вырываюсь из его хватки, отступаю назад и поднимаю руку к своему пульсирующему виску.

— *Acht etin aio?* — спрашивает мужчина, жестом указывая на меня.

— Я не понимаю.

Он дотрагивается рукой до своего виска — в том самом месте, где пульсирует мой, — и следующие слова произносит так медленно, что становится ясно — он пытается помочь мне понять. — *Surva etin agaviein?*

Он спрашивает, как я ударила голову?

— Я упала со скалы.

Он хмурится еще сильнее и он что-то бормочет мужчине рядом с собой — еще больше слов, которых я не понимаю.

По взглядам, устремленным в мою сторону, и общему языку тела я догадываюсь, что они обсуждают, как доставить меня отсюда *куда-то еще*. Я не хочу выяснять, где это место, и не хочу знать, что они хотят со мной там сделать. У меня болит голова. Меньше всего мне хочется ломать шеи.

Если только это не шея Рекка, конечно.

— Что ж, было приятно пообщаться, но мне нужно поймать дерево, — говорю я, ткнув большим пальцем в сторону бурлящей реки, которая выглядит совсем не так, как в предыдущий цикл — теперь она оранжевая и полна обломков, несомненно, принесенных утихшей бурей. К сожалению, она уже не такая спокойная и манящая, но это не мешает мне прыгнуть в нее, как только мимо проплывет очередное бревно.

Мужчины неуверенно смотрят друг на друга, снова переговариваются и движутся ко мне — перешагивая через мою лужу полупереваренного супа.

От решительности в их глазах у меня напрягается спина.

Черт.

Похоже, другого бревна я так и не дождусь.

Я разворачиваюсь, собираясь прыгнуть в бурлящую реку, но тут мое внимание привлекает размытое движение на противоположной стороне.

Кусок скалы смещается и падает вниз, ударяясь о берег реки. Мне бы это не показалось странным, если бы не следы когтей, оставленные на скале, как будто кто-то невидимый *карабкается* по ней.

Я хмурюсь.

Насколько сильно я ударилась головой?

— *Jakah tu...*

Я оглядываюсь и вижу, что оба мужчины широко раскрытыми глазами смотрят на другой берег реки, их лица так побледнели, что веснушки стали резко выделяться.

Может быть, мне *не* померещилось...

Раздается пронзительное рычание, я резко поворачиваю голову и вижу огромное металлическое пятно на противоположном берегу, контрастирующее с теплыми тонами камня.

— Что происходит? — бормочу я, готовая прыгнуть в реку и никогда не узнать ответа на эту загадку.

Очертания становятся четче, превращаясь в пушистого серебристого зверя, который, кажется, может проглотить меня в два счета, два металлических клыка торчат с обеих сторон его верхней челюсти — такие длинные, что спускаются к шее.

Большие светлые глаза смотрят на меня, не мигая, прорезанные грифельной линией, которая сжимается и разжимается.

Сжимается и разжимается.

Как будто он представляет себе, какой я окажусь на вкус, схваченная его прожорливой пастью.

— *Fait Hatdah!* — кричит один из мужчин позади меня, указывая мимо. Как будто я не вижу огромное существо на другом берегу реки, достаточно большое, чтобы проглотить нас троих.

— Я очень надеюсь, что эта тварь не сможет...

Зверь *прыгает*.

Мое сердце замирает.

Мгновение я вижу только это огромное существо, летящее по воздуху, с вытянутыми когтями, как будто оно тянется ко мне, с открытой пастью и оскаленными зубами. Пока один из мужчин не хватает меня за руку и не дергает назад.

Я падаю на груду веток, и тяжелый глухой удар сообщает мне, что существо приземлилось на нашей стороне.

Черт.

Я снова пытаюсь встать.

Убежать.

Наконец поднявшись на ноги, я оборачиваюсь и вижу зверя между нами и рекой. Это что-то среднее между колеблющейся серебристой дымкой едва заметных очертаний и сильной, крепкой кошкой с пушистым хвостом и развевающейся на ветру гривой, словно танцующей с Клод.

Сердце подскакивает к горлу, когда он опускается на толстые мощные задние лапы, а острые кончики клыков почти царапают землю.

Зверь смотрит мне прямо в глаза, оскаливается и *рычит*.

Я вздыхаю.

Я выжила после нападения молтенмау и чуть не захлебнулась слюной саберсайта, и в итоге меня съест эта тварь?

— *Fait Hatdah gah te nahh*, — говорит один из мужчин рядом со мной, и в его голосе звучит удивление. — *Fait Hatdah. Fait Hatdah ... comá feir Kholu.*

Fait Hatdah? Что за...

Мои глаза расширяются, сердце начинает колотиться.

Судьбоносцы...

Это чертов *Судьбоносцы*.

Это существо скорее легенда, чем реальность, поэтому его редко можно увидеть воочию. Тех, кто видел его, часто считают сумасшедшими или

бредящими, они рассказывают истории о том, как зверь подтолкнул их к принятию решения, отличного от того, которое они планировали.

Физически подталкивал их. Как властный манипулятор.

Зрачки-щелочки существа расширяются, широкий язык высовывается, чтобы облизать морду, словно в подтверждение этого откровения.

Мои плечи расслабляются, напряжение покидает тело.

Конечно, это существо не ест фейри...

Конечно.

Оглядываясь назад, я задаюсь вопросом, кого из двух мужчин это существо пришло направить, и мое сердце замирает, когда я вижу, что они оба стоят на коленях и смотрят на меня с благоговением. Точно не так, будто я только что выблевывала перед ними свои кишки.

Странно.

— Я просто... отойду с дороги, — говорю я, выдерживая злобный взгляд судьбоносца и делаю шаг вправо.

Он тоже сдвигается в сторону, сохраняя позицию между мной и рекой, из его пушистой груди вырывается низкое рычание.

Я хмурюсь, бросая взгляд через плечо на остальных, уверенная, что они, должно быть, тоже переместились, и мое сердце замирает, когда я вижу, что они все еще стоят на том же месте и смотрят на меня, подняв брови.

Это какая-то гребаная шутка.

Нет.

Не может быть.

Прищурившись, я смотрю на зверя и смещаюсь, словно собираюсь прыгнуть влево, затем бросаюсь вправо и бегу вдоль берега так быстро, как только могу, сворачивая к реке...

Рычание прорезает воздух за мгновение до того, как что-то большое и тяжелое врзается в меня, сбивая с ног. Я качусь по земле, уверенная, что обдираю кожу на плече, когда я останавливаюсь в грязи.

Застонав, я приподнимаюсь на расцарапанных локтях, чтобы посмотреть прямо в зрачки судьбоносца, который сейчас медленно описывает дугу между мной и гребаной рекой.

— Нет!

Он рычит, и звук похож на скрип зубьев пилы.

Может, он все-таки ест фейри.

— Мне нужно туда! — говорю я, указывая в направлении течения.

Судьбоносец начинает сжимать свои дуги, сокращая пространство между нами, его послание очевидно.

Убирайся отсюда к чертовой матери.

— Это куча дерьма спангла, — бормочу я, вставая на ноги.

Он продолжает двигаться широкими дугами, приближаясь с каждым шагом.

Я отступаю назад, не сводя глаз с животного, но иногда бросая взгляд через плечо. Я не сразу понимаю, куда он меня направляет.

К воинам.

Я останавливаюсь, выпрямляюсь во весь рост и прищуриваюсь на зверя.

— Я не пойду с ними, — говорю я, указывая на мужчин.

Зверь *рычит*, оскалив пасть, полную острых зубов, и его дыхание обдаёт меня с такой силой, что мне приходится зажмуриться. Звук отскакивает от отвесных стен ущелья, словно эхо.

Может, я все-таки пойду с ними?

Застонав, я поднимаю лицо к небу и закрываю глаза, проводя пальцами по мокрым спутанным волосам.

Все, чего я хочу, — это перерезать горло Рекку Жаросу. Я слишком многого прошу?

— Черт!

Мое проклятие отскакивает от стен, ударяя меня снова и снова.

Уверена, что война с этим зверем ничем хорошим не закончится. А я не смогу отомстить Рекку, если буду мертва.

Смирившись, я поворачиваюсь и иду к воинам, бросив несколько сердитых взглядов на судьбоносца, которая теперь идет достаточно близко ко мне, чтобы при желании укусить.

Подойдя к ним, я останавливаюсь, вскидывая руки в знак недовольства.

— Давайте покончим с этим, что бы *это* ни было. Попробуйте что-нибудь сомнительное, и я выпотрошу вас обоих голыми руками.

Нахмурившись, они долго смотрят на меня, обмениваются несколькими словами между собой, а затем склоняют головы, почти как в знак... уважения. То же самое они делают с существом у меня за спиной, а затем жестом указывают на тропу, пробивающуюся сквозь отвесную скалу цвета ржавчины на этой стороне реки.

— *Comá, Kholu.* — Они жестом приглашают меня вперед. — *Comá.*

Не знаю, как насчет второго слова, но *comá* должно означать — иди.

Правда, если честно, это последнее, что я хочу сделать.

Я бросаю на величественного, мифического зверя еще один уничтожающий взгляд.

— Если только Рекк Жарос не окажется в конце этого пути, если я не загоню его в угол, чтобы убить, я буду в бешенстве. Просто, чтобы ты знал.

Судьбоносец облизывается, подходит ближе и подталкивает меня вперед своей большой пушистой головой.

Бормоча под нос, я следую за воинами, останавливаюсь у основания каменной лестницы, вырубленной в скале, и бросаю тоскливый взгляд на реку.

Еще на шаг ближе, боковой удар головой.

Судьбоносец рычит, и я рычу в ответ, оскалив зубы на зверя.

— Хватит командовать, — ворчу я, взбегая по лестнице, за спиной у меня раздается звук его огромных лап, ступающих по камню. — Ты победил.

Пропинка похожа на трещину, образовавшуюся в земной коре, она расходится во все стороны и, кажется, тянется бесконечно.

И еще дальше.

— Вот это экскурсия, — бормочу я, когда мы сворачиваем налево и поднимаемся по очередной лестнице. А может быть, я просто сгораю от нетерпения, потому что огромная кошка идет за мной так близко, что я чувствую ее горячее дыхание у себя на затылке.

Мы поворачиваем еще раз, и воздух наполняется густым запахом жарящегося мяса. Мы проходим через высокие ворота, обрамленные...

Костями.

Две гигантские кости, такие большие, что они могут принадлежать только одному существу. Дракон, который умер, не успев взмыть в небо, свернуться клубком и превратиться в камень, истлел там, где умер.

Мои глаза расширяются, когда мы переступаем порог мрачного входа в массивную грудную клетку, в четыре раза превышающую размеры груди Райгана. Как будто чудовищный зверь пал много фаз назад, и его труп поглотили стихии.

В основном здесь пусто, за исключением нескольких возвышающихся шпилей, тянущихся к расщелинам в потолке — между толстыми ребрами сделаны отверстия, через которые проникает солнечный свет.

На земле установлены куполообразные палатки из гладких звериных шкур, сшитых вместе, напоминающие седельное покрывало Райгана. Палатки похожи на валуны, раскрашенные под выжженную местность этой части мира. Вероятно, они маскируют это место от любого, кто может парить над ним и попытаться заглянуть в дыры в потолке.

Умно.

Вход в каждое жилище обрамлен каменными арками, украшенными прекрасной резьбой, изображающей существ всех каст. Но в основном это драконы — они выгравированы на камне с такой безукоризненной детализацией, что кажутся реальными.

Пронзительный крик приковывает мой взгляд к изогнутым стенам грудной клетки, усеянным горгульями. Крылатые твари размером меньше половины обычного молтенмау, похожие на бугристые каменные выступы.

Они были бы совершенно незаметны, если бы их головы на коротких шеях не поворачивались, и большие, мрачные глаза не мигали.

Один из них срывается со стены и с воплем проносится между шпильями, за ним развеваются веревки седла. Мой разум цепляется за это видение, как новорожденный младенец, ищущий утешения. В поисках якоря в этом месте, о котором я ничего не знаю.

Мой способ адаптации — не заикливаться на ошеломляющих деталях.

Выбрать что-то одно.

Сконцентрироваться.

Не увязнуть.

Меня ведут по тропинке, петляющей между тесно установленными палатками, где закутанные в шелка женщины и обнаженные мужчины изготавливают оружие из кусков дерева, бронзы и пластин драконьей чешуи, таких больших, каких я раньше не видела. Другие ткut драгоценные ткани из золотистой шелковой нити или собираются вокруг дымящихся костров с металлическими вертелами, на каждом из которых нанизаны куски жарящегося мяса, наполняющие воздух насыщенным запахом дичи.

Хотя у многих из них рыжие волосы и бронзовая, покрытая веснушками кожа, есть и фейри с белыми волосами. Черными. Каштановыми. С кожей всех оттенков. словно представители со всех уголков этого мира провалились сквозь дыры в потолке и нашли здесь пристанище.

Я замечаю, что многие из обитателей пещеры могут похвастаться татуировками, похожими на татуировки Каана, но изображающими различных существ, причем некоторые из них изображены контуром, а не закрашенным изображением.

— *Kholu haf comá!* — кричит один из воинов, который привел меня сюда, и эти слова, кажется, эхом разносятся по тихой пещере.

Все замирают, рассматривая меня широко раскрытыми глазами, а затем существо, следующее за мной, как величественная серебряная тень, о которой я, конечно, не просила. Но мы здесь, черт возьми.

Некоторые из женщин вскрикивают, у них выступают слезы, когда они повторяют слова:

— *Kholu haf comá!*

— *Kholu haf comá!*

— *Kholu haf comá!*

Все бросают свои инструменты, некоторые выбегают из палаток и тут же падают на колени, целуя землю. Как будто они благодарят Булдера за... *что-то*.

Кроме двух моих сопровождающих, меня и моего неумолимого судьбоносца, ни один мужчина, женщина или ребенок не остается на ногах.

К горлу подкатывает тошнота, отчего язык начинает покалывать. Я не уверена, расстроила я их или сделала по-настоящему счастливыми, но любой из вариантов вызывает беспокойство.

Если они почитают меня, то будут *ожидать чего-то*.

Если боятся — то *убьют*.

Такова общая формула, по которой, похоже, существует мир, и оба варианта отнимают много времени. Мне нужно выследить мудака и задушить его собственными кишками. У меня нет времени, чтобы тратить его впустую.

Я ковыряю кожу по бокам ногтя, бросая еще один осуждающий взгляд на зверя, заставляющего меня идти вперед.

— У тебя проблемы.

Зверь разевает пасть и зевает, растягивая ее так широко, что я, наверное, могу проползти в его глотку.

Приятно видеть, что кто-то расслаблен.

Меня ведут по небольшому подъему, затем вниз по тому, что, как я могу предположить, когда-то было горлом этого древнего зверя, его позвонки выступают из земли ровно настолько, чтобы был виден костяной тоннель — отверстие, в котором, как я предполагаю, когда-то находился спинной мозг дракона. Путь освещают светящиеся руны, выгравированные на поверхности и окрашивающие тоннель в теплый оттенок.

Должно быть, нужно было быть очень близким к Булдеру, чтобы найти эти останки и раскопать их так аккуратно, чтобы не нарушить их положения.

Я все еще изумляюсь, когда мы подходим к пологам из шкур, свисающим сверху. Мои сопровождающие распахивают их и отходят в сторону, обеспечивая мне достаточно места для прохода.

Я хмурюсь, останавливаясь.

— Не уверена, что хочу заходить туда...

Судьбоносец толкает меня головой между лопаток, заставляя пройти во влажные объятия массивного черепа дракона.

Я бросаю взгляд через плечо и хмуро смотрю на властное создание, окидываю взглядом окружающее пространство, испещренное множеством светящихся рун, пол устланный кожами, исписанными разноцветными точками, полосами и изогнутыми линиями.

Слева стоит низкий стол, тянущийся по всей длине помещения. На нем висят груды кусков мяса, которые седовласый мужчина разделяет огромным бронзовым ножом.

Он останавливается в тот момент, когда видит меня, его глаза расширяются, он переводит взгляд на зверя за моей спиной. И тут же падает на колени, целуя землю.

Мне приходит в голову, что, наверное, именно так я должна была поступить, когда впервые увидела судьбоносца.

Поцеловать землю.

Вместо этого я попыталась убежать от него, кричала, рычала и, по сути, сказала, чтобы он отвалил. Скорее всего, это обернется для меня чем-то дерьмовым, и, если быть честной, это вполне заслуженно. На моих руках достаточно крови, чтобы получить по заслугам.

Я замечаю небольшую группу одетых в золотистые шелка женщин, сидящих вокруг корзин с длинными, похожими на лезвия листьями, которые я видела с неба. Они заворачивают в них куски вяленого мяса, но их руки замирают, когда они замечают меня, а затем мою крадущуюся тень.

Их глаза становятся невероятно круглыми.

Они тоже целуют землю, прежде чем подняться, и, наблюдая за входом, собирают свои вещи и уходят с дороги. Нахмурившись, я оглядываюсь через плечо, мимо своего пушистого недруга, и мои глаза округляются.

Толпа вваливается внутрь, расходясь и заполняя пространство по обе стороны от тронов-близнецов из кровавого камня в дальнем конце зала. Не знаю, как я не заметила их раньше, учитывая, что они огромные, величественные и украшены такой замысловатой резьбой, что я думаю, на их изготовление ушло много циклов Авроры.

На троне справа сидит женщина и кормит младенца грудью. Светлые волосы струятся вокруг нее, как журчащая вода, а кожа настолько светлая, что я уверена, единственный луч солнца заставит ее пылать, как мунплюма, попавшего в Пекло.

Ее ярко-зеленые глаза расширяются при виде меня, а затем смягчаются словно от облегчения, после чего переводит взгляд на крупного мужчину справа от нее и кладет руку ему на плечо. Нежно сжимает.

Черты лица у него жесткие и суровые, короткая борода подчеркивает сильную линию подбородка, а глаза, похожие на маленькие солнца, смотрят на

меня из-под рыжеватых бровей, сведенных над недоверчивым хмурым взглядом. В отличие от других обнаженных мужчин, его широкие, усыпанные веснушками плечи украшены веревками с медными вставками, на длинных волосах красуется костяная корона, а в ухо вставлена черная серьга.

Я хмурюсь.

Такая же, как у *Каана*...

Он бросает многозначительный взгляд на женщину слева от себя и кладет свою руку на ее. Они склоняют головы в нашу сторону в знак почтения, хотя я подозреваю, что это больше относится к существу, которое привело меня сюда, учитывая его мифический статус. Уж точно не ко мне.

Дело не может быть во мне.

На мне кандалы, черт возьми. И блевотина в волосах.

Мои щеки вспыхивают, когда я подношу непослушные пряди к носу и принохиваюсь, морщась от кислого запаха.

Проклятье. Я думала, что воняет не так сильно.

— Вот что бывает, когда ты не даешь мне прыгнуть в реку, — ворчу я, обращаясь к судьбоносцу. — Я предстаю перед важными фейри, пропахшая желчью.

Его единственная реакция — прыгнуть вперед и обойти меня, заставляя остановиться.

— Сообщение получено, — бормочу я, и он опускается рядом со мной, усаживаясь на землю. Оно поднимает лапу, облизывает ее и проводит по морде видом удовлетворения, которое я, конечно, не в состоянии оценить — окруженная незнакомцами, стою в черепе дракона посреди гребаного небытия.

В помещении так тесно, что почти нечем дышать, и сидящий на троне мужчина поднимает голову. Он переводит взгляд с меня на существо рядом.

Тепло улыбаясь, он качает головой. Как будто борется с каким-то неверием.

— *Kholu...*

— Да, — говорю я, обводя взглядом всех молчаливых, широко раскрывших глаза зрителей. — Мне постоянно говорят это.

Он снова смотрит на женщину рядом с собой. Они прижимаются головами друг к другу, оба испытывают облегчение, которое я ясно вижу на их лицах.

Мужчина обхватывает ладонью голову младенца и целует его в лоб.

Я отворачиваюсь от интимного момента, за которым, как ни странно, больно наблюдать, и смотрю в небо, замечая, что огромный куполообразный потолок увешан зубастыми черепами. Этого достаточно, чтобы я поняла — этот народ не стесняется убивать.

Мы прекрасно поладим, если только они не попытаются убить *меня*.

Вероятный король медленно встает. Все в комнате, кроме светловолосой женщины, бьют себя кулаками в грудь, а затем опускаются в такой низкий поклон, что их губы снова встречаются с полом.

Наверное, мне следует сделать то же самое. Не хочу никого злить, учитывая тот факт, что я в абсолютном меньшинстве и все еще скована железными оковами.

Я прочищаю горло, опускаюсь на колени, затем склоняю голову, задерживаясь в этой позе на долгое мгновение.

Мужчина спускается со своего трона и переводит взгляд с меня на судьбоносца, а потом на двух воинов, которые вытащили меня из реки — оба теперь стоят в стороне.

— *Hagh toth?* — спрашивает он, остановившись.

Воин с татуировкой птицы отвечает.

— *Rivuur Ahgt at nei del ayh.*

— *Rivuur Ahgt ... uh surt?*

— *Ahn...*

Наступает тишина, затем коронованный мужчина начинает говорить снова.

— *Teni asg del anah te nei. Tookah Téth ain de lei ... Sól aygh tah Kholu!*

Мой разум уплывает, я пытаюсь ухватиться за настоящее.

За этот момент.

Все это начинает напоминать мне о другом месте, о другом времени. Когда я точно так же не понимала, что, черт возьми, происходит, а мой словарный запас ограничивался несколькими раздраженными возгласами, которые я использовала, пытаясь объяснить, что мне нужно.

Я напеваю свою успокаивающую песню, пока вероятный король возвращается к своему трону, а из расступающейся толпы выходит высокая женщина. Она покрыта медной краской для тела, на ней плащ с черными бусинами, которые постукивают друг о друга, когда она идет к нам длинными шагами, покачивая бедрами. У нее босые ноги, а рыжие волосы такой длины, что закрывают половину плаща.

Я поднимаю взгляд к ее глазам, и у меня перехватывает дыхание.

Они белые.

Невидящие.

Она смотрит в мою сторону, и меня пронзает чувство, что несмотря на незрячие глаза, она видит слишком много.

— *Kholu*, — шепчет она, улыбаясь и поднимая обе руки к небу. — *Kholu haf comá. Haf de neil da nu ... Tookah te!*

Зал наполняется радостными криками и ударами кулаков по груди, которые заставляют мое сердце биться сильнее, а затем толпа приходит в движение — пространство наполняется энергией, которая вызывает чувство покалывания от предвкушения чего-то.

— Во что, Творцы, ты меня втянул? — ворчу я, обращаясь к зверю, который просто сворачивается в огромный клубок, прячет морду под хвостом и, кажется, засыпает, его форма меняется от устойчивой до расплывающейся и подрагивающей по краям.

Хм...

Может быть, если я не буду обращать на него внимания какое-то время, он полностью исчезнет. Тогда я смогу уйти.

Из ревущей толпы выходят двое громадных мужчин, причем более крупный из них настолько массивен, что его рука может обхватить мое горло и раздавить его одним движением, а волосы цвета глины доходят ему до лопаток. Когда он поворачивается, чтобы поклониться тем, кто сидит на тронах, я вижу, что его спина *испецурена* точками, а изображение змеи, обвинившейся вокруг его мускулистой спины, скорее целое, чем пятнистое. У мужчины поменьше — каштановые волосы и покрытая веснушками кожа, а на плечах — изображение гаргульи с распростертыми крыльями.

Оба поворачиваются ко мне, склоняясь в еще более глубоком поклоне.

Я хмурюсь и снова смотрю на сидящую на троне женщину, пытаюсь найти ответы в ее глазах. Но все, что я вижу, — это мягкую, утешительную улыбку, от которой мне хочется зарычать.

Мне не нужно утешение. Мне нужна суровая правда, чтобы я могла понять, во что меня втянул этот судьбоносец и как мне выпутаться из ситуации, как только зверь ослабит бдительность.

Сзади до меня доносятся звуки топота, я оглядываюсь через плечо и вижу большое шестиногое существо, которое прокладывает себе путь среди толпы. У него нет ушей и три пары черных глаз-бусинок, расположенных по обе стороны

длинной морды, челюсть движется, пока оно пережевывает что-то, зажатое коренными зубами.

Я хмурюсь еще сильнее. Думаю, это колк, но у тех, что я видела раньше, густая пушистая шкура. Это существо выглядит странно... *голым*.

Он издает фыркающий звук и устраивается между мной и двумя мужчинами, с интересом наблюдающими за мной.

Женщина с белыми глазами встает между мной и мирно жующим зверем. Одним движением она выхватывает изогнутый бронзовый клинок из ножен, пристегнутых к ее ноге, и перерезает животному горло быстрее, чем я успеваю уследить.

Мои легкие сжимаются, сердце бешено колотится.

Бедное животное издает пронзительный крик, его кровь выливается в чашу, а моя голова становится легкой и воздушной. Животное осторожно опускают на землю, и оно принимает коленопреклоненную позу, имитирующую мою собственную.

Мертвое.

Мне доводилось убивать подобным образом. Но при виде того, как это бедное, невинное создание испускает последний, булькающий вздох, у меня внутри что-то переворачивается. Меня тошнит.

К черту это.

Я ухожу.

Я вскакиваю на ноги и разворачиваюсь, направляясь к выходу, когда передо мной с рычанием выскакивает судьбоносец. Толпа ахает, перешептываясь, а я скалю зубы и рычу в ответ.

Он опускает голову еще ниже, приближаясь и подталкивая меня вернуться туда, где я стояла.

— Ты нравишься мне все меньше и меньше, — выдавливаю я из себя, затем качаю головой и поворачиваюсь, возвращаясь назад, сдерживаемая ярость хлещет меня по ребрам, как струи ледяной воды.

Этот языковой барьер с каждой секундой становится все более раздражающим. Если я в ближайшее время не выясню, что происходит, то сойду с ума.

Мужчина и женщина на тронах хмурятся, бросая друг на друга настороженные взгляды, пока я ковыряю кожу по бокам ногтя, наблюдая за тем, как два воина перемазываются в крови колка, словно это повод для гордости.

Я стараюсь не смотреть на мертвое животное. Это трудно, потому что оно лежит *прямо* здесь, и его кровь все еще стекает в миску.

Группа женщин окружает меня, как забор, закрывая вид на бедного колка. Их становится все больше, пока я не оказываюсь скрытой за круглой стеной стройных женщин в шелковых платьях, большинство из которых повернуты ко мне спиной.

Каждая клеточка моего тела напрягается, глаза мечутся по сторонам. Я замечаю нервные взгляды, которыми обмениваются несколько женщин, все еще смотрящих в мою сторону, и только тогда понимаю, что рычу.

Одна из них мягко улыбается и делает шаг вперед.

— *Eh tah Saiza. Téth en. Aygh ne.*

— Я не понимаю. Ничего.

Она поднимает руки.

— Меня зовут Саиза. Все в порядке. Не бойся.

Слова Саизы мало успокаивают меня, но все же моя оскаленная верхняя губа опускается от облегчения, что хоть кто-то говорит на моем языке.

Это хорошо. Теперь должно стать легче.

— Пожалуйста, расскажи мне, что происходит.

— Нам нужно очистить твоё тело, — говорит она, и мои брови взлетают вверх.

— Потому что у меня рвота в волосах? Уверю тебя, есть очень простое решение. Просто отведите меня к реке и бросьте в воду.

Уголок её рта приподнимается в улыбке, а глаза теплеют, напоминая мне о Руз.

— Потому что ты — *Холу*, — шепчет она, указывая на разноцветные знаки, нарисованные на шкуре под моими ногами, и приседает, чтобы коснуться черной полосы. — Твои волосы похожи на глаза горгульи — на вашем общем языке, — говорит она, а затем указывает на лазурную загогулину. — Ты пришла к нам по вечной голубой ленте — *реке Агт*.

Спорно. Мне она показалась довольно мутной.

Она проводит по темно-красной линии, которая обвивается вокруг этих отметок, как веревка, связывающая букет, и уходит вправо, обнимая изображение трех лун.

Саберсайт.

Молтенмау.

Мунплюм.

Ещё одна линия обводит всё изображение, серебристая, как мой нежеланный спутник, свернувшийся рядом со мной, и Саиза проводит по ней пальцем.

— Было предсказано, что судьбоносец приведет тебя к нам. Твоё потомство привяжет луны к небу, — говорит она с благоговейным трепетом. — *Навечно*.

Мое сердце замирает, я поднимаю глаза и встречаюсь с ней взглядом.

— Ну, это дерьмо спангла, — огрызаюсь я, указывая подбородком на картину. — Я не Холу и никогда не буду иметь потомства.

Эти слова — оружие, пронзающее пространство между нами, их отточенные лезвия вонзаются в мое каменное сердце.

Никогда.

Судьбоносец приоткрывает глаз, наблюдая за мной.

— *Никогда*, — повторяю я, вкладывая в это слово всё возможное осуждение, когда встречаю его пристальный взгляд.

Он испускает глубокий, рокошующий вздох, который обдувает мое лицо, и в груди у меня что-то замирает. Как будто он только что проник в меня и коснулся струн моего измученного сердца.

Может быть, это только мне кажется, но у меня возникает стойкое ощущение, что он настаивает на моем пребывании здесь не для... *этого*.

— Я не знаю, что это за спангл, о котором ты говоришь, — отвечает Саиза, — но Сол никогда не ошибается. Она сделала это предсказание много циклов назад и сама назвала тебя Холу. Судьбоносец привел тебя сюда, так что Испытание Тука состоится, как было предписано самими Творцами и одобрено нашими Оа и Оа-и. Королем и королевой на вашем языке.

Еще одно испытание?

Я стону.

Интересно, сколько еще гребаных испытаний мне придется выдержать, прежде чем я наконец убью Рекка Жароса?

Я бросаю взгляд на проблемного судьбоносца, всё ещё наблюдающего за мной с ленивым любопытством и подергивающим хвостом туда-сюда.

— Это твоя вина.

В воздухе раздается звук вибраторов, эхо которого затихает, прежде чем ударить снова, заставляя мою кожу покрыться мурашками. В мое относительное уединение входит ещё одна женщина с миской мыльной воды в руках.

— Могу я снять с тебя одежду и подготовить к испытанию? — спрашивает Саица, и я вздыхаю, потянувшись к подолу своей безразмерной рубашки.

— Конечно, — бормочу я. — Давайте покончим с этим.

Чем быстрее я помоюсь, тем быстрее покончу с этим испытанием, тем быстрее смогу уехать.

Надеюсь.

Вокруг кольца из женщин натягивают кусок шелка, исполняющего роль занавеса, а затем Саица помогает мне снять украденную одежду, ополаскивает мои волосы и вытирает меня губкой, проводя намыливающими движениями по моему телу под устрашающие удары гонга.

— У тебя прекрасная фигура, — хвалит она, поглаживая мою кожу кусочком впитывающей ткани. — Такие красивые изгибы.

— Спасибо, — бормочу я, думая о другом.

Еще одно.

Чертово.

Испытание.

За что вообще? Я же не убивала никого из них.

Вроде бы.

Может, они хотят допросить меня о моих детородных намерениях, поскольку думают, что я волшебным образом произведу на свет потомство, которое спасет мир?

Лучше не надо. Каждую фазу я принимаю тонизирующее средство, которое делает мое лоно негостеприимным, и не намерена пропускать ни одной дозы.

Две другие женщины рисуют на моей коже кровавые полосы, после чего обматывают вокруг талии длинную полосу кроваво-красного шелка и завязывают узлом. Еще один лоскут обматывают вокруг груди, а шнурок с медными стержнями перебрасывают через голову и закрепляют спереди.

Снова звучит гонг, сменяясь быстрой чередой ударов.

Занавес опускается, мое уединение исчезает, и я вижу двух раскрашенных воинов, внимательно наблюдающих за мной. Я уже собираюсь спросить Саицу, не они ли будут испытывать меня, но тут судьбоносец оказывается прямо у меня перед носом и подталкивает встать, размазывая свежевыкрашенную кровь.

Толпа начинает расходиться, устремляясь к выходу, и мой пушистый недруг подталкивает меня в том же направлении, в то время как неуверенность скапливается в моей груди, заставляя чувствовать беспокойство.

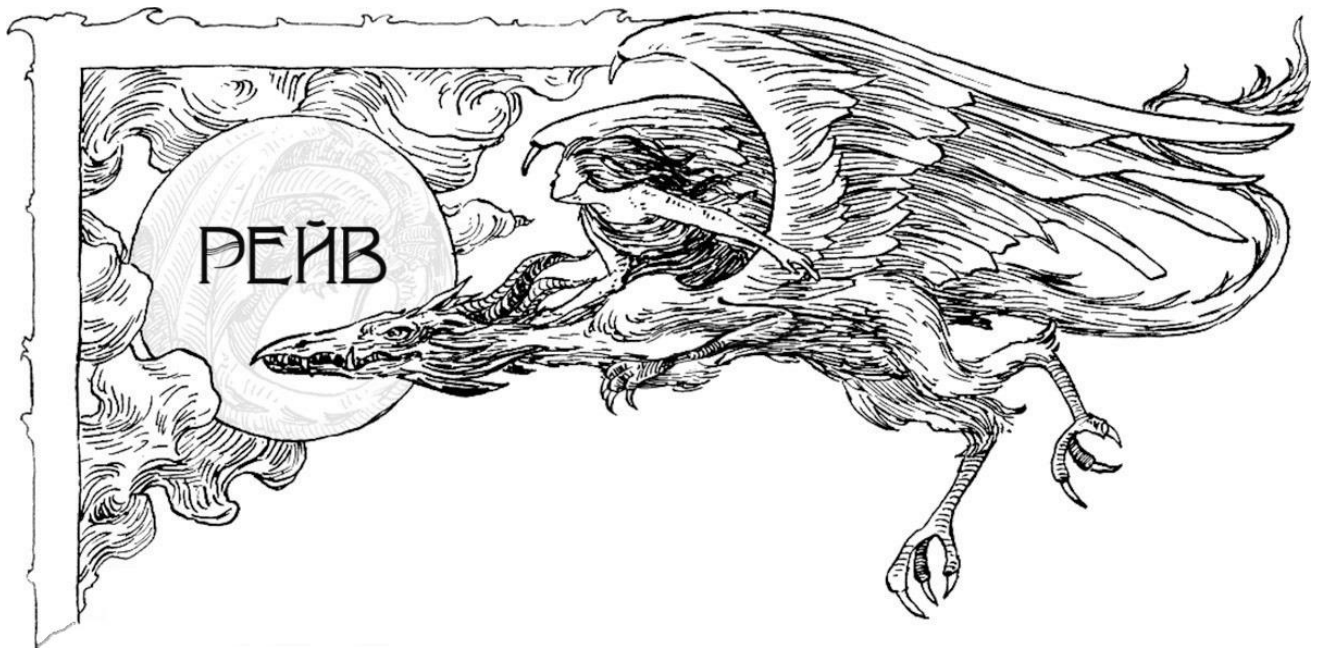
Что-то выбирать.

Быть внимательной.

Не утонуть, черт возьми.

Я напеваю свою успокаивающую мелодию, прищуриваясь на толпу передо мной, и считаю шаги, представляя, что каждый из них приближает меня к тому мистическому гребаному слову, которое всегда находится в недосягаемости...

Свобода.

Меня ведут по лабиринту тоннелей под удары гонга. Вдыхать густой, застоявшийся воздух становится легче всего за несколько мгновений до того, как мы оказываемся в большом пыльном кратере. У меня округляются глаза от нереальных размеров — достаточных, чтобы вместить сюда четыре Колизея и еще останется свободное пространство.

Как будто что-то столкнулось с землей с такой скоростью, что камень сместился.

Нахмурившись, я вспоминаю слова Каана...

Я провел большую часть своей юности и некоторые более поздние периоды своей жизни как воин клана Джокулл. Они всегда жили вблизи этих гор, а недавно заняли кратер, образовавшийся в результате падения луны саберсайта, Орва.

Видимо, вот что это такое. Кратер Орва. Маленькая луна, упавшая чуть больше восьми фаз назад.

Народ заполняет пространство позади меня и крадущегося за мной судьбоносца, как бурлящий поток воды, и у меня голова идет кругом, когда я осматриваюсь по сторонам.

По всей окружности стоят палатки, каждая из которых состоит из четырех деревянных столбов, зарытых в землю, и лоскута кожи, натянутого между ними, являющегося крышей. Они отбрасывают прямоугольные тени, заполненные тканными коврами и множеством глиняных урн, на которых выгравированы светящиеся руны.

Между палатками — несколько деревянных стоек, уставленных оружием, большинство которого я никогда раньше не видела: дубинки с прикрепленной цепью, на конце увенчанной шипастым шариком, который, кажется, может проломить череп, огромные изогнутые мечи, маленькие плоские клинки с жемчужными зубцами по краю. Оружия так много, что арсенал Руз по сравнению с ним выглядит как детские игрушки.

Кратер покрыт песком, но когда я смотрю на песчинки под ногами пока меня ведут по периметру, я замечаю серые частички.

Железо. Несомненно, чтобы свести на нет способности тех, кто слышит песни стихий.

Я хмурюсь, а затем бросаю взгляд на небо, пронизанное серебристыми нитями Авроры, и россыпь чернильных лун саберсайтов, виднеющихся вдали.

На краю кратера натянута истертая веревка с черепами — большинство их них выбелены солнцем. На одном, с клочьями разлагающегося мяса и пучками волос, все еще свисающими с кости, сидит маленькая коричневая птичка.

И клюет ее.

Мое сердце начинает биться учащенно.

В отличие от черепов в палатке, из которой мы только что вышли, эти черепа не принадлежат павшим животным. У них округлые головы и заостренные клыки, причем у самого свежего сохранились гнилые остатки заостренного уха.

Это *фейри*.

Творцы... Это арена для *сражений*.

Это и есть мое испытание? Мне предстоит сражаться?

Кончики пальцев покалывает, беспокойство скользит по мне, как змея.

Гонг продолжает звучать, пока мы идем дальше по окружности кратера, мимо палатки за палаткой, фейри перед нами собираются в большой куполообразный зал, похожий на тот, что я видела в грудной клетке павшего дракона. Правда, *этот* намного больше, и в нем много входов, каждый из которых обрамлен искусно выполненными арками.

Саиза останавливается перед одним из входов, и, достав тканевый цветок из ближайшей корзины, протягивает его мне.

— Не хочешь ли почтить память Орвы?

Мое сердце подпрыгивает так высоко, что следующие слова застревают в горле.

— Падшего саберсайта?

Саиза кивает, мягко улыбаясь.

— Он не распался на части от удара. Потребовалось много воинов, чтобы перекатить его на край кратера. Теперь мы выражаем ему глубокое уважение в надежде, что ни одна луна не упадет на наше место жительства.

Сердце бьется сильно и быстро, я беру цветок, бросая взгляд на своего мерцающего судьбоносца, который снова зевает, подходит к одной из дверей и сворачивается в клубок.

Полагаю, это разрешение.

Сглотнув, я просовываю руку между пологам палатки, успокаиваюсь и делаю шаг внутрь, вдыхая горячий, влажный воздух, запертый под шкурами.

Сердце замирает.

На песке передо мной лежит самая впечатляющая пятнистая луна. Словно Саберсайта прокатали по лужам черных и бронзовых чернил, которые впитались в его маленькие, накладывающиеся друг на друга чешуйки.

У меня выступают слезы, когда я рассматриваю его. Маленький размер и отсутствие шипов — дань его юности. Левое крыло дракона обхватывает его тело, а голова с редкими клыками лишь частично скрыта под ним, но все же достаточно видна, чтобы я могла разглядеть почти половину его морды с закрытыми веками. Кажется, что он только что погрузился в тихий, спокойный сон, от которого никогда не проснется.

Одна из моих истертых сердечных струн трепещет при этой мысли, потому что этот дракон... он такой *маленький*. Всего вдвое выше меня. Достаточно большой, чтобы выдержать всадника, о чем свидетельствуют остатки поврежденного седла, прикрепленного к его покрытой чешуей спине.

Ощущение такое, будто рука обхватывает мою шею и крепко сжимает.

Туго.

Хотя некоторые драконы решают взмыть в небо, когда чувствуют, что их время подошло к концу, — чтобы свернуться в клубок и застыть, — многие принимают такое решение не по своей воле.

Многие становятся жертвами разрушительных войн, развязанных нами.

А есть и те, кто вообще не поднимается в небо. Они умирают в грязи, снегу или песке и гниют там, где лежат, а их кровь окаменеет. Позже она становится кровавым камнем.

Который *мы* используем.

Я протягиваю руку, но не успеваю провести пальцами по каменным чешуйкам, как глубоко внутри меня возникает скорбное чувство, побуждающее меня отвернуться. Перестать смотреть.

Нет, не приказ.

Мягкая *просьба*.

Мольба.

Прочистив горло, я опускаюсь на колени и кладу свой цветок на землю у ног дракона, как это делают другие, добавляя его к растущим кучам подношений — старых и новых. Затем я прислушиваюсь к этой мольбе. Уважаю ее отчаянную, скорбную просьбу.

Я поворачиваюсь и ухожу, не оглядываясь.

Меня ведут на возвышение в тени — спасение для моей и без того потрескавшейся кожи.

Я смотрю на своего кошачьего недруга, который сворачивается рядом со мной, издавая удовлетворенное урчание. Он прячет морду под длинным пушистым хвостом и, кажется, засыпает.

Очевидно, от меня не ожидают участия в бое. В противном случае он бы загнал меня прямо на арену.

Конечно.

Фейри заканчивают выражать свое почтение Орве, затем собираются в тени. Двое вымазанных кровью мужчин опускаются передо мной на колени, и тот, что покрупнее, поднимает над головой ожерелье. Он кланяется, протягивая руку, и мой взгляд прищуривается на черной подвеске с выгравированной змеей. Такой же, как на его спине.

Кулон свисает с его сжатого кулака, покачиваясь на пыльном ветру, и напоминает мне тот, что носит Каан, — только менее замысловатый.

Менее *манящий*.

Саиза наклоняется к моему уху.

— Ты должна принять мальмер Хока.

— Почему?

— Это важная часть испытания, — говорит она, и я, нахмурившись, протягиваю руку. Он опускает его в мою раскрытую ладонь, бечевка шершаво касается моей кожи.

Темноволосый мужчина тоже протягивает мне свой кулон с рельефным изображением горгульи. Не такой полированный и искусно сделанный, как первый.

— Теперь прими у Зарана и положи оба мальмера на ковер перед собой.

Я делаю, как она сказала, и хмурюсь еще сильнее, когда оба мужчины трижды ударяют кулаками в грудь, а затем встают и расходятся к разным стойкам с оружием.

— Значит... мы будем смотреть, как они дерутся? — спрашиваю я, и Саиза кивает.

— Конечно.

— А какое отношение это имеет к моему испытанию?
— Это твое испытание, — говорит она, и мои брови взлетают вверх.
— Я должна просто сидеть здесь и смотреть, как они бьют друг друга?
Она кивает.

Я хмурюсь, и малая толика беспокойства исчезает из моей груди.

Заран выбирает немного изогнутый меч, который напоминает мне змею на спине его противника, а Хок — дубинку с металлическими шипами, торчащими из подвешенного шара. Оружие, которое, кажется, очень подходит этому чудовищному мужчине.

Мой взгляд устремляется к другому большому шатру, где на тронах из кровавого камня восседают Оа и Оа-и, причем последняя обмахивается массивным плоским листом, продолжая кормить своего извивающегося младенца. Сол тоже там — она сидит на троне поменьше справа от Оа.

Их общее внимание приковано к мужчинам, которые направляются в центр арены.

Ветер треплет мои волосы, превращая их в черные щупальца, но не облегчает жару. Не уменьшает напряжение, повисшее в кратере, когда Хок и Заран начинают кружить вокруг друг друга, их взгляды сосредоточены, зубы оскалены. Такое чувство, что они совершают те же самые стремительные шаги у меня в животе, в то время как гонг продолжает бить в такт ударам в груди, его звуки отдаются в моих ребрах.

Заран низко пригибается и с рычанием бросается на Хока, изогнутый клинок устремляется к его животу с такой скоростью, что у меня все сжимается.

Это не просто поединок. Они сражаются на *смерть*.

Черт.

Зарана отбрасывает назад. Он падает на задницу и едва успевает откатиться в сторону, как Хок мощным, сокрушающим ударом опускает свою булаву на землю, а не прямо в грудь противника, и в небо взметаются тучи песка.

Я вздрагиваю, глядя, как мужчины режут, рубят, уклоняются и поворачиваются, оставляя глубокие раны на кожаных штанах и коже друг друга, забрызгивая песок красным.

Беспокойство снова охватывает мою грудь, стягивая ее все сильнее.
Все туже.

Что-то не так.

— Я не понимаю. Какое отношение это имеет ко мне?

Приподняв одну бровь, Саиза бросает на меня озадаченный взгляд.

— Все, Холу. Они сражаются за тебя.

Мое сердце почти останавливается, я задыхаюсь.

— Они сражаются насмерть, чтобы *развлечь* меня? Ты серьезно?

Она хмурится.

— Нет, не для того, чтобы развлечь.

— Тогда почему...

— Это Испытание Тука, — говорит она, пытаясь заправить прядь моих непослушных волос за заостренное ухо. Другой рукой она показывает на мужчин, которые сейчас сцепились на песке, мутузя друг друга кулаками. От их яростных ударов брызжет еще больше крови. — Они сражаются за великую честь быть связанными с тобой. Построить жизнь и произвести на свет потомство с Холу — это величайшая честь, о которой только можно мечтать. Если ты навсегда прикрепишь луны к небу, это обеспечит будущее потомкам всего клана Джокулл, и их потомкам, и их потомкам. Обеспечить такой мир — великая привилегия.

Ее слова пронзают меня постепенно, рассекая кожу, сухожилия и кости быстрыми ледяными ударами...

Нет.

Нет, нет, нет, нет...

Хок использует собственный клинок Зарана, чтобы перерубить шею противника короткими резкими движениями, почти отсекая ему голову. Затем он просто отрывает ее от его неподвижного тела, распростертого на песке, и мои легкие лишаются воздуха. Словно Клод только что выкачала его из меня.

Присев на корточки над безжизненным трупом, как хищный зверь, Хок сжимает в кулаке слипшиеся от крови волосы Зарана и поднимает его голову, словно трофей, с триумфальным ревом потрясая ею — кровь хлещет из кровавой раны.

Толпа ревет, мужчины бьют себя кулаками в грудь, гонг звучит в ритм с моим бешеным сердцебиением.

Хок смотрит на меня, и все тепло покидает мое тело, а в груди вспыхивает сильное беспокойство.

Нет, нет, нет...

— Хок — твой победитель, — бормочет Саиза мне в ухо, и мои мысли путаются, как клубок колючих нитей. — Тебе повезло. Не считая роскра и Оа, он наш сильнейший боец. Сейчас будет большой праздник, после чего он проводит тебя в свой шатер и покажет шкуры убитых им животных, на которых вы, надеюсь, сделаете много сильных сыновей и дочерей в грядущих циклах, когда ваша связь станет крепкой.

Сыновья и дочери...

Тяжесть оседает на груди и животе, заставляя меня чувствовать себя раздавленной, но при этом такой невероятно... *опустошенной*.

Не в силах набрать в легкие побольше воздуха, я бросаю взгляд на судьбоносца, который теперь почти полностью скрылся из виду. Он так близок к тому, чтобы стать невидимым, что я уверена, что могла бы просунуть руку прямо сквозь него.

Я не удивлена, что он прячется. Ему должно быть чертовски стыдно.

Я как раз собираюсь сказать ему об этом, когда Хок выходит вперед, поднимая песок своими стремительными шагами. Он швыряет голову Зарана на землю перед моим возвышением.

Я задыхаюсь, взгляд падает на обмякшее лицо мужчины. На кровавое месиво из тканей, сухожилий и костей.

Кровь растекается по песку.

Я все еще смотрю на него, пытаюсь понять, как, черт возьми, я сюда попала — едва одетая, перепачканная кровью и плящущая на отрубленную голову, — когда Хок опускается передо мной на колени. Он хватает с ковра свой измазанный сажей мальмер и тянется ко мне, пытаясь накинуть петлю мне на голову. Как кандалы на шею.

Ярость взрывается у меня под ребрами.

— *Нет*, — рычу я, отшатываясь назад.

В глазах Хока вспыхивает смесь замешательства и едва скрываемого гнева.

Он рычит, хватая меня за плечо и тянет ближе под звуки ропота толпы.

Я наношу ему стремительный удар головой, чувствуя, как от его силы у Хока ломается нос, и отшатываюсь назад, чтобы увидеть кровь, хлынувшую из его раздувающихся ноздрей.

Мир вокруг нас замирает.

Я вскакиваю на ноги и поспешно отступаю назад, пока он шагает в мою тень, рыча сквозь струйки крови, льющиеся из его носа.

— Я буду сражаться за себя!

На большую часть толпы опускается тишина, раздается лишь несколько вздохов. Возможно, от тех, кто понимает общий язык.

Хок останавливается, переводя взгляд на Саизу, которая переводит мою отчаянную просьбу, и его брови взлетают над глазами, полыхающими на солнце.

Он смотрит на Оа.

— *Géish den nahh cat-uein?*

Его слова — это грубое столкновение звуков, напряжение нарастает.

Оа, кажется, раздумывает, глаза его Оа-и широко раскрыты и она бледнее, чем была раньше. Она смотрит на меня, ее малыш свернулся калачиком и хнычет у груди.

Ее губы шевелятся, мягкие слова доносятся до моих ушей с легким порывом ветра.

— *Что ты делаешь?*

Значит, она может говорить на моем языке.

Она также может говорить с Клод.

Интересно.

— Это не мой выбор, — рычу я, красный шелк, повязанный вокруг моей талии, развевается на ветру, все мое тело напрягается от желания двигаться.

Сражаться.

Мой взгляд падает на судьбоносца, наблюдающего за мной сквозь щелочки глаз, которые выглядят гораздо реальнее, чем все остальное тело.

Хотя он все еще лежит, я чувствую, как в воздухе между нами нарастает беспокойство. Словно оно ждет, когда я переступлю черту. Но если это моя судьба — если это то, к чему он вел меня, — я не принимаю ее.

Ни на йоту.

За последние несколько циклов Авроры я обнимала свою Эсси, пока она ускользала, прощалась с Ней, в меня вонзили железный гвоздь, и я получила столько ударов плетью, что потеряла сознание от боли. Меня скормили стае драконов, чуть не проглотили, меня отверг единственный мужчина, который когда-либо заставлял мое сердце биться учащенно, я упала со скалы, и, кажется, предел моих сил близок.

Я *не* приму мальмер этого мужчины, какими бы выдающимися ни были его боевые навыки. Я скорее воткну маленький диск в его череп так глубоко, что он проломит кость и вонзится в его мягкий мозг, чем буду рожать детей от него.

Я понятия не имею, кто он такой, и не хочу знать. Я *не хочу* растить ребенка — в первую очередь, черт возьми. Если мне придется вступить в битву с судьбоносцем, чтобы избежать этого, я это сделаю. Прекрасный, мифический зверь или нет.

Струйка крови Хока стекает по линии моего носа, верхняя губа оскаливается.

— Я буду сражаться за себя.

Мои слова разносятся над кратером.

Оа-и сглатывает, наклоняется к своему мужчине и что-то шепчет ему на ухо. Он смотрит на меня, переводит взгляд на Хока, на дремлющего судьбоносца, потом снова на меня. Он что-то говорит своей Оа-и, и она взволнованно вздыхает, опуская взгляд на своего малыша, уткнувшегося носом в складки золотистого шелка.

Наступает тишина.

Она проводит рукой по лбу малыша, затем прочищает горло, но слова все равно звучат сдавленно, когда она смотрит мне в глаза и говорит:

— Если судьбоносец не помешает тебе выйти на арену, мы не будем возражать против твоего решения.

Саиза наносит на меня тонкие полоски крови, пока я стою неподвижно, как статуя. Я наблюдаю, как Хок расхаживает взад-вперед по песчаному полю боя, не сводя с меня пристального взгляда и втягивая воздух сквозь оскаленные зубы, словно свирепый зверь, который только и ждет, чтобы броситься вперед и разорвать свою добычу.

Я вздыхаю, поправляя железный манжет на руке.

План побега был прост — спуститься со скалы и пойти вдоль реки до стены, стараясь держаться в тени, насколько это возможно. Очаровать молтенмау. Выследить Рекка Жароса и замучить его до смерти. Теперь мне предстоит обезглавить какого-то воина всего в двух шагах от стартовой линии.

Я бросаю еще один взгляд на своего почти невидимого судьбоносца, который сейчас представляет собой лишь расплывчатое пятно, и проклинаю тот момент, когда он появился в моей жизни.

Саиза рисует еще одну полоску крови на моей груди.

— Тебе не нравится мужчина, который победил для тебя?

Победил для меня...

Это было не так.

— Я не выбирала этого мужчину, — упрекаю я, и она хмурится, в ее красивых глазах цвета солнечных лучей отражается замешательство.

Она проводит кистью по моему носу, губам, подбородку и шее.

— Он поймал многих диких грууков — огромных зверей с клыками, которых почти невозможно одолеть. У него большая палатка, обтянутая их шкурами. Доказательство его великой силы. Ты — Холу. Твое потомство привяжет луны к небу и принесет великий мир. Разве ты не хочешь иметь сильного отца?

Я ошетиливаюсь.

Насколько яснее я должна выражаться?

Нет такой реальности, где я поднимаю намотанный на меня шелк и впускаю этого мужчину в свое тело. Нет реальности, в которой я ступлю своей гребаной ногой в его впечатляющий шатер. Нет реальности, в которой я обнажу перед ним шею — в знак глубокого, первобытного уважения.

Я предпочту, чтобы он перерезал ее от уха до уха.

— Мне не нужен этот мужчина, этот титул, *все это*, — рычу я, бросая еще один сердитый взгляд на облако металлических частиц в воздухе рядом со

мной, надеясь, что судьбоносец действительно слушает. — Мое тело принадлежит мне, и я буду делать с ним все, что захочу. И *никто* больше.

Лицо Саизы бледнеет, и она опускает глаза, покорно склоняя голову.

— Я понимаю, Холу. Мы воспитаны по-разному. Я прошу прощения за то, что переступила черту.

— Все в порядке.

Я просто хочу покончить с этим.

Уйти.

Саиза улыбается мне и рисует новые завитки по всей длине моей руки, а я продолжаю наблюдать за перемещениями Хока, изучая, как двигается его тело. Как он переносит вес с ноги на ногу. Повреждения, уже нанесенные его громадной фигуре.

— Ты умеешь драться? — спрашивает Саиза, и я киваю головой. — Как сражаются *воины*?

Я перевожу взгляд на нее и хмурюсь.

Она молчит какое-то время.

— Никто не умеет драться так, как представители клана Джокулл. Мы самые сильные на Болтанских равнинах. Вот почему мы заслуживаем эту землю, где больше не упадет ни одна луна, — говорит она, кивая на окружающий нас кратер. — Все, что должен сделать Хок, — это заставить тебя подчиниться, и испытание закончится. Ты должна *убить* его, чтобы стать победителем. Чтобы заслужить право убивать диких грууков и построить свой собственный шатер. Затем ты должна отрубить ему голову.

Я не утруждаю себя объяснениями, что мне неинтересно убивать диких грууков и строить палатку. Как только я убью Хока, я вернусь по тропинке обратно к реке, а затем пойду вдоль нее, пока она не замерзнет и не упрется в стену. Если Судьбоносец попытается меня остановить... что ж.

Надеюсь, до этого не дойдет. Я люблю животных и мне ненавистна мысль об их убийстве.

— Я уже отрезала головы мужчинам, — бормочу я сквозь сжатые губы. *Хотя, очевидно, недостаточно, учитывая, насколько я абсолютно, без сомнения, на все сто процентов проклята.* — Сейчас все будет так же.

Наступает напряженное молчание, пока Саиза продолжает готовить меня к предстоящей битве — она снимает с меня медное ожерелье и откладывает в сторону. Под неумолкающие звуки гонга мои волосы расчесывают, затем заплетают в косу, которая спускается почти до бедер, и перевязывают бечевкой.

Когда я полностью готова, я бросаю взгляд на судьбоносца, который снова материализуется и открывает глаза, чтобы посмотреть на меня.

Его узкие зрачки расширяются, когда я выдерживаю его свирепый, напряженный взгляд.

— Не пытайся меня остановить.

В ответ я получаю лишь щелчок хвостом, как бы говорящий:

— *Проваливай. Возвращайся на арену, где тебе самое место. Делай свою работу.*

Я оцетиниваюсь, и все собравшиеся, кажется, задерживают дыхание, когда я вздергиваю подбородок и выхожу из тени, не желая больше обращать внимания на зверя. Ни капли.

Он не остановит меня. Я знаю, что не остановит. Я должна была догадаться, что именно этого он и хотел — моего возвращения в боевой круг, чтобы я пролила кровь.

Возможно, Судьбе — кем бы она ни была — зачем-то понадобилось убрать Хока и Зарана, и судьбоносец привел меня сюда, чтобы сделать это. Какова не была бы цель, трудно отделаться от ощущения, что меня снова используют.

Я уже должна была привыкнуть к этому.

Я подхожу к стойке с оружием, снимаю с крюков несколько предметов, которые, как я быстро обнаруживаю, слишком тяжелые или слишком широкие, чтобы мои пальцы могли надежно обхватить их. Я беру небольшой железный топор с кожаной рукоятью, который удобно лежит в ладони, и перекидываю его из руки в руку, прежде чем срезать с его помощью лишнюю ткань со своего наряда, чтобы она не мешала мне.

Отдав ветру испачканный кровью клочок шелка, я выхожу на арену и начинаю медленно описывать круг по внешнему периметру, не сводя глаз с Хока. Он сменил свою шипастую дубинку на гладкую, не желая уродовать меня в попытках заслужить «право» на связь со мной.

Вот такое дерьмо спангла.

Я поворачиваю шею из стороны в сторону, успокаивая дыхание, пока оно не становится глубоким и медленным.

Размеренным.

Жду, когда он сделает первый шаг.

Хок качает головой, бормоча что-то себе под нос, а затем его лицо искажается от оглушительного рева. Он делает выпад, взметая песок, и несется по арене, как атакующий зверь.

Я жду, пока он не окажется так близко, что я смогу почувствовать вибрацию его шагов. Я вижу оранжевые всполохи в его ярко-желтых глазах.

Я делаю шаг в сторону, отклоняясь верхней частью тела от его занесенной булавы под общий вздох толпы. Затем разворачиваюсь и наношу удар топором.

Брызжет кровь, мое оружие рассекает кожу и плоть, задевает кость, испаривает боковую часть его живота. Не достаточно глубоко, чтобы убить, понимаю я и отскакиваю назад, не отрывая взгляда от своего рычащего противника и набирая в кулак горсть песка.

Хок прижимает руку к ране, осматривая пятно крови, покрывающее его ладонь, и в его глазах отражается неподдельный шок, за которым следует вспышка ярости, достаточно сильная, чтобы обжечь кожу.

Мне доводилось видеть, как мужчины смотрят на меня подобным образом, прямо перед тем, как я пронзала их сердца.

Взгляд уязвленной гордости.

Я не даю ему времени справиться с эмоциями и бросаюсь на него, петляя вправо-влево. Привлекаю его внимание к своим ногам, надеясь, что он будет следить за направлением моего следующего движения, а не за тем, что делают мои руки.

Легким движением руки я бросаю в воздух песок, и Клод, подняв порыв ветра, швыряет ему в глаза — помогая мне по собственной воле.

Хок рычит.

Я улыбаюсь.

Я тоже люблю тебя, Клод!

Скучаю по тебе!

Пока Хок хлопает глазами, я прыгаю ему на спину, обхватываю рукой за горло и только собираюсь полоснуть топором по яремной вене, как он хватает меня за руку и падает вперед.

Я чувствую, как мой топор соприкасается с песком, когда я проношусь по воздуху, и готовлюсь к удару, чтобы упав, тут же откатиться в сторону. Мне едва удастся избежать слепого взмаха его булавы, которая бьет по земле у меня за спиной.

Я вскакиваю на ноги и смотрю, как он отползает назад, зажимая неглубокий порез на шее.

Проклятье.

Он с ненавистью смотрит на меня налитыми кровью глазами, выкрикивая злобные слова и тянется к карману своих штанов. Наверное, хочет проверить, целы ли его яйца.

Не желая давать ему слишком много времени на подготовку новой атаки, я снова бросаюсь на него, уклоняясь вправо и влево, и успеваю достаточно приблизиться, когда он высвобождает руку.

Я слишком поздно замечаю тонкую золотистую ленту, свисающую с его пальцев, и уже бросаюсь всем телом в его направлении, взмахивая топором, когда он выбрасывает руку вперед. Маленькая шипящая змея проносится между нами по воздуху, оскалив пасть.

Клыки обнажены.

Мое оружие рассекает бедро Хока в тот самый момент, когда змея кусает меня в грудь.

Я перекатываюсь, кувыркаясь по земле, снова вскакиваю на ноги и отступаю назад. Смотрю, как маленькая змейка извивается на песке, практически сливаясь с песчинками.

Что.

За.

Черт.

Я потираю пульсирующую боль в верхней части левой груди, не отрывая взгляда от мудака, который теперь ухмыляется мне с расстояния в несколько длинных прыжков. Как будто он уже победил, несмотря на то, что на его теле три свежие раны, из которых на песок сочится кровь.

— Тот, кто носит *их* в кармане ...

Внезапный приступ головокружения заставляет меня пошатнуться, и я выбрасываю руку, чтобы удержать равновесие, под вздохи и ропот толпы.

Творцы... В меня попал яд этой змеи.

Хок хмыкает, а потом бросается в атаку.

Я тоже бросаюсь, потому что не могу стоять неподвижно, пока этот ублюдок снова приближается ко мне.

Сжав топор в кулаке, я обдумываю, между какими двумя ребрами собираюсь нанести удар, и уклоняюсь влево. Очередной приступ головокружения заставляет землю покачнуться с такой силой, что я сбиваюсь с шага.

Его оружие встречается с моим плечом, и вспышка боли проносится по ключице и локтю.

Отшатнувшись назад, я прижимаю руку к телу, глядя на преследующего меня мужчину, с трудом набирая воздух в пересохшие легкие...

Что это было?

Мой финт был *идеальным*... пока все не изменилось.

Еще одно покачивание, и страх взрывается у меня под ребрами, осознание вспыхивает, как ленты Авроры, расцветая в животе, обвиваясь вокруг позвоночника, поднимаясь к горлу.

Яд быстро распространяется по моему организму.

Слишком быстро.

Кажется, что весь мир кренится набок, мои шаги заплетаются, и я вынуждена упереться рукой в песок, чтобы не упасть. Вспышка удовлетворения озаряет лицо Хока, его губы изгибаются в победной ухмылке.

— Ах ты, бесчестный *ублюдок*, — рычу я и бросаюсь вперед, уклоняясь из стороны в сторону, а затем ныряю и качусь по земле. Я выхватываю топор и рассекаю его икроножную мышцу в тот же момент, когда его оружие *проносится* мимо моего лица.

Он с ревом бросается вперед, спотыкается, и отлетает от меня достаточно далеко, чтобы осмотреть порез на штанах, из свежей раны на ноге течет кровь.

Его глаза выпучиваются от недоверия.

— Не можешь смириться с тем, что проиграешь женщине вдвое меньше тебя, да? — Я поднимаюсь на ноги, все еще усмехаясь. — Я уничтожу тебя нахрен, а потом буду пинать твою отрубленную голову до самого Сумрака, — рычу я, снова бросаясь на него.

Мир качается, увлекая меня за собой. Моя рука взлетает, чтобы поймать себя, но тут же проваливается сквозь то, что я считала землей.

Сердце колотится, я шатаюсь и неловко приседаю, приземляясь на *настоящую* землю — мое сердце работает на пределе.

Черт.

Я встречаю пронзительный взгляд Хока, когда он пытается встать на поврежденную ногу...

Это нехорошо.

Мне нужно покончить с этим — и *побыстрее*.

Я вскакиваю на ноги и двигаюсь по широкой дуге, которую Хок повторяет хромающим шагом. Не сводя пристального взгляда со своего рычащего противника, я дергаю кожаную перевязь, обмотанную вокруг рукояти моего топора, и распутываю тугой, прочный кусок материала.

Давай, придурок. Сделай выпад.

Он атакует.

Я тоже бросаюсь к нему со стремительной скоростью.

После нескольких длинных выпадов я отвожу руку назад и бросаю топор. Он рассекает воздух со скоростью удара молнии и летит прямо ему в грудь.

Он движется быстрее летящего оружия, уклоняясь от него резким наклоном своего огромного тела. Топор проносится мимо, и я прыгаю на него. Забираюсь на его раненое тело и бью ногой по выемке на задней поверхности его ноги.

Хок запрокидывает голову и с ревет, падая на колени с такой силой, что земля содрогается, а толпа ахает, когда я набрасываю кожаную ленту на его толстую шею и затягиваю.

Из его, без сомнения, широко раскрытого рта вырываются сдавленные звуки, которые подстегивают меня. Хок может выглядеть как гора, но его шея все равно уязвима.

Ему все еще нужно *дышать*.

Я вкладываю все свои силы в то, чтобы натянуть удавку, мышцы рук и груди рвутся от невероятных усилий. Хок царапает пальцами горло, но не может просунуть их под кожу, и вместо этого подается всем телом вперед.

Используя свой вес в своих интересах.

Предвидя этот маневр, я обхватываю его ногами за талию и падаю вместе с ним. Мы сталкиваемся с землей, наши левые плечи врезаются в горячий песок.

Он дергается, выгибая спину, пытается сбросить меня со своего тела. Я сжимаю ноги и кулаки, двигаясь вместе с его бешеными движениями, цепляясь за него, как паразит, высасывающий жизнь.

Полоски кожи режут мои ладони, зубы оскалены, мозг наливается кровью настолько, что голова становится легкой и воздушной. Мир вращается вокруг нас, мы как будто на плоту посреди озера волнистого песка, и я просто *знаю*, что это мой единственный шанс.

Если я не прикончу его сейчас, мне конец.

— *Сдохни, бесчестная тварь!* — рычу я, из последних сил разворачивая руки и еще сильнее сжимая путы.

Он тянется назад, обхватывает мою голову, вцепляется в косу. Он дергает ее, но по отсутствию силы я понимаю, что он слабеет.

В груди разливается теплое предвкушение.

Кожа головы горит от его отчаянных рывков, которые становятся все слабее...

Слабее...

Все напряжение покидает его тело, и его голова откидывается в сторону, когда он опускает руку. Облегчение проносится сквозь меня, как снежная буря, и вырывается из моего горла хриплым выдохом.

Я сделала это.

Он отключился.

Осталось отрубить голову.

С трудом переводя дыхание, я смотрю сквозь пелену жара, пытаюсь найти свое оружие, которое кажется одновременно близким и невероятно далеким.

Я отпускаю кожаную ленту, отталкиваю большое, обмякшее тело Хока своими израненными руками, пытаюсь высвободить ногу, застрявшую под ним. Наконец, освободившись, я неуверенно встаю на ноги — весь мир кренится, раскачивается. Топор сначала кажется целым, потом раздваивается...

И опять.

Я сосредотачиваюсь на одном из них и устремляюсь вперед, наклоняясь, чтобы поднять его, но зачерпываю лишь песчинки, и иллюзия рассеивается, как будто она соткана из тумана. Застонав, я падаю вперед, пытаюсь удержаться на четвереньках, укус в груди отзывается глубокой, разрушительной болью, которая подстегивает желание отрубить ему голову. Вцепиться ему в волосы, поднять свой кровавый трофей, а потом уйти отсюда и *никогда* не оглядываться.

Оглянувшись по сторонам, я ищу оружие.

Где оно...

Где оно...

Где оно...

Мой взгляд цепляется за его лезвие, сверкающее на солнце справа от меня. Прилив облегчения наполняет мои внутренности.

Я протягиваю руку.

Краем глаза я замечаю тень — единственное предупреждение, которое я получаю перед тем, как что-то твердое бьет меня по голове.

Боль взрывается в виске, когда мое тело взлетает слишком быстро.

Слишком медленно.

Огни вспыхивают в моем слабеющем зрении, и я падаю на песок с такой силой, что мои зубы впиваются в язык, что-то теплое течет по моему лицу, пока я смотрю на отвесный склон кратера.

Не мигая.

Не двигаясь.

Я просто... лежу. Веки тяжелые, голова тяжелая. Чувствую себя более слабой и хрупкой, чем тогда, когда очнулась в камере столько циклов Авроры назад — в самом начале.

Мой вялый разум мечется, пытаюсь уложить эту новую, искаженную реальность в нечто, имеющее смысл...

Разве он не умер?

Я душила его недостаточно долго?

Он что, разыграл меня?

Вставай, Рейв.

Со стоном я перекатываюсь на бок, затем поднимаюсь на четвереньки.

Шатаюсь.

Я поднимаю голову и вижу вдвое больше палаток. Вдвое больше народу. Вдвое больший, ослепительный шар солнца.

Мои руки подгибаются, и я падаю лицом в песок.

Оружие Хока, вращаясь в воздухе, со стуком останавливается рядом с моим топором, прежде чем я оказываюсь в его широкой тени.

Вставай!

Рыча, мне, наконец, удастся подняться на ноги и повернуться.

Земля уходит из-под ног.

Я чувствую себя тяжелее, чем когда-либо, и спотыкаюсь из-за сильного наклона земли, едва удерживаясь на ногах.

Хок шагает ко мне, мышцы перекачиваются при каждом шаге, на шее у него глубокие красные борозды под цвет глаз — белки теперь покраснели от напряжения, вызванного удушьем. Он выглядит диким.

Бешеным.

— *Gúide*, — рычит он, что, должно быть, означает «покорись», потому что Саиза кричит это со стороны. — *Gúide, Kholu*.

— *Пошел ты*, — невнятно бормочу я, сплевывая кровь на землю, и мои веки грозят сомкнуться. — И меня зовут Рейв, ты, продажный кусок дерьма.

Он рычит и делает выпад. Кулак врезается мне в челюсть так быстро, что я едва осознаю, что падаю, наблюдая, как черепа проносятся мимо, пока не сталкиваюсь с землей. Весь воздух выбивает из моих легких, и я кашляю, хватая ртом воздух. Пытаюсь снова подняться на ноги...

Он садится на меня верхом, его вес прижимает мои бедра.

Я провожу рукой по его правому бедру и засовываю пальцы в длинный разрез, который Заран сделал ранее своим изогнутым мечом.

Хок рычит, хватая меня за запястье, затем за другое. Он прижимает их к земле над моей головой, и бьющий гонг каким-то образом наполняет воздух душераздирающей пульсацией, засыпая песком мои глаза.

Тыльная сторона ладони Хока ударяет меня по щеке с такой силой, что весь мир разлетается на части, моя голова откидывается назад, рот приоткрывается и в него набивается песок..

Мое тело отключается от боли.

Теряет способность двигаться.

— *Gúide!*

Лучше умереть, чем быть связанной с ним против моей воли. Судьбоносец наверняка знает об этом.

Это существо привело меня сюда, — к этому самому моменту, — зная, что я никогда не подчинюсь. Значит, это...

Это убийство.

Меня.

Определенно следовало поклониться.

— *Gúide!* — повторяет он резкую команду, рассекающую воздух.

— Пошел... ты, — выдыхаю я сквозь кровавые комья песка.

К черту судьбоносца.

К черту все.

Смех подкатывает к моему горлу, когда он сжимает мои волосы в кулаке с такой силой, что я уверена, он вот-вот оторвет их от моей головы. Снова приподнимая мою голову, он хмуро смотрит на меня. У меня перед глазами все расплывается, сливается воедино.

Снова расплывается.

Гонг продолжает бить, все сильнее и сильнее, пока вся арена не превращается в вихрь из ветра и песка.

Я продолжаю смеяться в лицо Хоку, даже когда он поднимает другую руку.

Тень закрывает солнце.

Рев сотрясает воздух.

Хок задирает голову к небу, его рука все еще занесена для удара, и тут в поле зрения появляется саберсайт, который цепляет своим чудовищным когтем веревки, усеянных черепами, и рвет их.

Череп дждем падают на песок, словно лунопад.

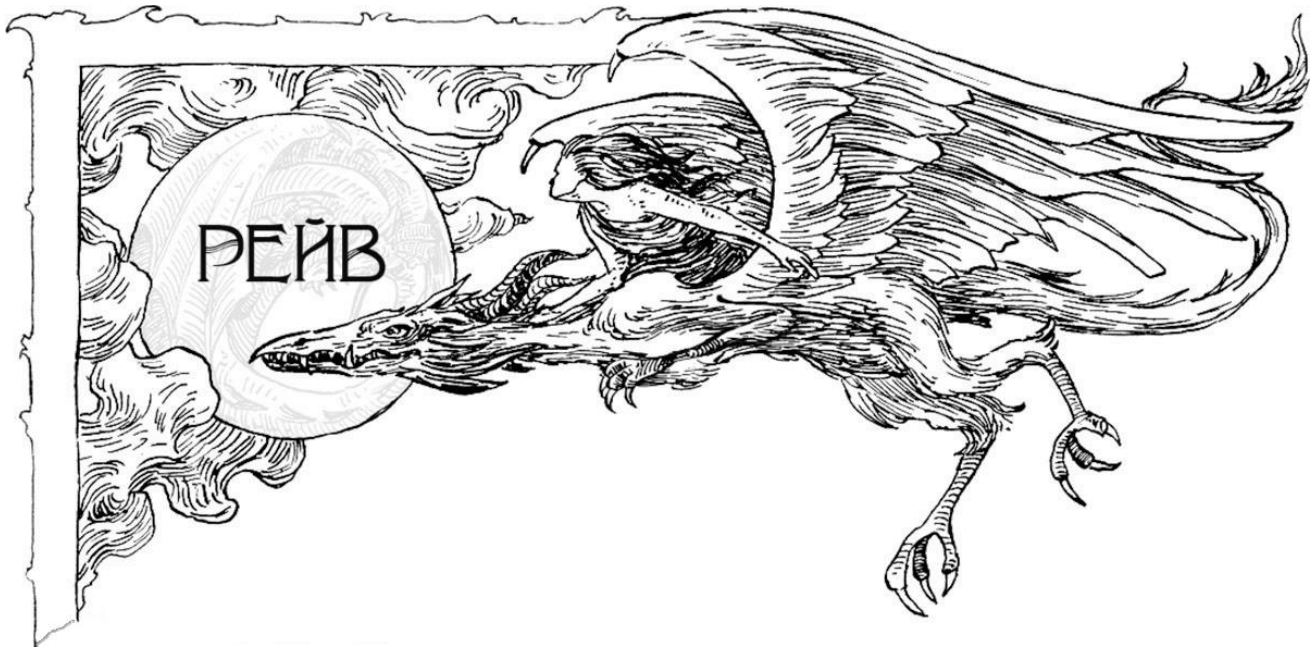
Толпа кричит, но мой пульс бьется еще громче.

Я уверена, что мне это мерещится, когда Райган садится на дно кратера. Каан спускается, используя веревки, он без рубашки, если не считать висящего на шее мальмера, его прекрасное лицо искажено яростью миллиона обезумевших мужчин.

Я уверена, что мне это мерещится, когда ботинки Каана стучат по земле. Когда он сжимает руки в кулаки, направляясь ко мне шагами, от которых, кажется, сотрясается весь мир, а с его губ срываются слова, которые я узнаю, сухожилия на шее напрягаются, когда он борется с диалектом Булдера.

Я уверена, что мне это мерещится, когда кратер начинает сотрясаться, и чувство облегчения почти разрывает меня надвое, несмотря на огромную трещину, протянувшуюся по земле. Несмотря на то, что эти пылающие глаза прикованы ко мне — едва одетую, расprostертую на песке под другим мужчиной, намеревающимся заявить о своем *праве* на связывание со мной...

Наверное, не самое подходящее время хвалить его за навыки охотника, но, черт возьми, *так и тянет*.

Каан возвышается над кратером, каждый его длинный шаг сопровождается очередным сотрясением земли, его тело — гора рельефных мускулов, покрытая капельками пота, блестящими на солнце, потом, его шрамы выглядят светлыми на фоне смуглой кожи.

Его волосы собраны сзади, черные как смоль брови сошлись над его диким взглядом, прикованным ко мне. Он как будто забрасывает веревку между моих ребер, погружая в глубины ледяного внутреннего озера, где оно цепляется за что-то тяжелое и бьющееся, чего я не могу разглядеть.

Я начинаю дрожать, зубы клацают с такой силой, что я удивляюсь, как они не рассыпаются. Я виню в этом тот факт, что мой череп, вероятно, вот-вот расколется. Причина точно не в чем-то другом. Я дрожу, как яйцо, которое сейчас вылупится, не от всепоглощающего чувства облегчения, заполнившего мою грудь. Облегчения от того, что он здесь. Со мной.

Это...

Это определенно не так.

Все остальные члены клана, кроме Хока, четыре раза ударяют себя кулаками в грудь, и гулкий звук наполняет кратер гулом уважения. Каан делает это один раз — видение разрушения и ярости.

Его взгляд переключается на воина, все еще сидящего на мне, его глаза пылают таким пламенем, что я должна испугаться.

Но я не боюсь.

— *Dagh ata te roskr nei. Ueh!* — Его низкий, хриплый голос произносит незнакомые слова с такой животной свирепостью, что я чувствую, как каждый слог царапает мою кожу. Он снова ударяет кулаком по груди и, раздвинув пальцы, проводит ногтями по диагонали торса. Четыре отчетливые царапины расцветают на его груди — яростные и злые. — *Gagh de mi dat nan ta ... aghtáma.*

Слова режут, как лезвия, заставляя меня вздрогнуть. Мне не нужно понимать язык, чтобы понять, что король... ну...

Взбешен.

Хок поднимается — Каан не уступает ему в размерах.

— *Agath aygh te nei dahl Tookah atah. Agath dein ... vah! Lui te hah mât tuin.*
— Он повторяет движение Каана, царапая свою кожу, затем другой рукой, рисуя на груди крест.

Каан рычит.

— *Heil deg Zaran dah ta réidi. Heil deg dah ta réidi!*

Хок сплевывает на землю, повторяет движение когтями и бросается на него. Каан делает то же самое — как будто две огромные горы сливаются друг с другом.

Сталкиваются.

Я ощущаю это движение, как удар булыжником по ребрам.

Головы упираются друг в друга, руки крепко сжаты в кулаки, они рычат. В их почти объятии такая неистовая энергия, что я уверена, она способна вызвать еще одну трещину в земле.

Саиза внезапно оказывается рядом со мной вместе с другой женщиной, обе подхватывают меня, закидывают мои руки на свои шеи и тащат к палатке.

— Что они сказали? — хриплю я сквозь клацающие зубы, пытаюсь сморгнуть дымку, начинающую застилать мое зрение.

— Хок заявил о победе в вашей битве, несмотря на то, что ты не покорилась, — говорит Саиза, когда меня проносят мимо Сол, которая покачивая бедрами, направляется к Хоку и Каану. — Каан ответил, что ты несвободна, что на тебя никто не может претендовать. Что ты не воспитывалась в нашем мире и не привыкла к таким традициям. Он требует признать испытание недействительным. Как роскр Хока — «его великий», на вашем языке, — он требует, чтобы Хок признал свою великую победу над Зараном и вышел из боевого кольца, чтобы добавить точку к своему рейди. Хок, в свою очередь, оспаривает приказ роскра и хочет сразиться с Кааном. Если он победит, то заработает много точек для своего рейди.

У меня замирает сердце — мысль о том, что Каан сразится с Хоком насмерть, вызывает в груди колющее и болезненное чувство.

— Каан — король Пекла, — выдавливаю я из себя. — Хок осмелится бросить вызов короне?

— Ваши короны здесь мало что значат. Мы не претендуем ни на одно королевство. Только рейди имеют значение. Мы четыре раза бьем в грудь, чтобы приветствовать роскра-эх. Величайшего.

Я хмурюсь и оглядываюсь через плечо на рычащих воинов, продолжающих спорить друг с другом.

— Если Каан самый сильный, то почему он не Оа?

— Был, пока его Пах не умер, — шепчет Саиза, когда мы подходим к палатке. — Он предложил уит-роскру — второму по силе — кости наших предков Оа. Оа Нок стал достойным Оа.

Я смотрю на Оа Нока, пока мне помогают подняться на возвышение, а затем поворачивают и усаживают на ковер, прикладывая к виску что-то холодное и влажное.

Я покачиваюсь, сцена передо мной раздваивается, сходится.

И снова раздваивается.

Райган возвышается над ареной со своего места на краю, его огромные размеры отбрасывают тень на половину кратера. Его чернильные глаза, расположенные на грозной клыкастой морде, следят за каждым движением Каана с чудовищным напряжением, не спасает даже тот факт, что он раздваивается каждый раз, когда мир раскалывается передо мной.

Я же чувствую обратное.

Ни одна моя часть не желает наблюдать за этим боем. Еще недавно я бы и глазом не моргнула, глядя, как Каану Вейгору отрубают голову на арене. Наоборот, я бы ликовала.

Теперь даже от одной мысли об этом меня тошнит.

Я не понимаю этого. Не хочу понимать.

Не хочу смотреть.

— Ну, — говорю я, поднимая трясущуюся руку, чтобы потрогать ушибленную голову, и хмурюсь, когда пальцы оказываются в крови, — пока они заняты, как насчет того, чтобы я притворилась мертвой, а вы двое бросили меня обратно в реку?

— Боюсь, все не так просто.

Это не то, что я хотела услышать.

— Судьбоносец пропал, — невнятно бормочу я, оглядываясь по сторонам и нигде его не замечая. — Я думаю, все может быть просто, если мы будем верить достаточно сильно.

Она вытирает кровь с моей груди.

— Я не думаю, что он ушел; думаю, он просто предпочитает не показываться.

Я хмурюсь, осматривая кратер, все еще пытаюсь разобраться в этом судьбоносном дерьме.

И терплю неудачу.

Каждый раз, когда мне кажется, что все ясно, зерна понимания ускользают сквозь щели между пальцами.

Если бы он хотел моей смерти, сейчас был тот самый момент.

Так чего же он хочет?

— У тебя укусы змеи вали, — говорит Саиза, проводя подушечкой большого пальца по двум жгучим выемкам на выпуклости моей груди, и все краски покидают ее лицо. — Откуда это?

Видимо, никто не видел, как Хок запустил в меня своим карманным питоном. Интересно, сколько еще противников стали жертвами его мерзких, бесчестных методов.

Я не отвечаю, главным образом потому, что в этом нет смысла.

Дело сделано. В тот момент, когда мне перестанет казаться, что я рухну, если встану, я снова войду в кольцо и отрублю ему голову, а потом размозжу мозги кулаком.

Глаза Саизы расширяются и устремляются к боевому кольцу.

— *Gas kah ne, veil dishuva!* — усмехается она, ее слова настолько резкие, что, клянусь, могли бы вспороть кожу.

Она встает и направляется к сосудам у меня за спиной, бормоча что-то себе под нос. Слышно, как она что-то помешивает, а затем протягивает мне чашу с охлажденной водой, возможно, налитой из одного из кувшинов, покрытого рунами. Хотя выглядит это...

Комковатым.

— Выпей это, — сквозь стиснутые зубы наставляет Саиза, бросив еще один острый взгляд в сторону Хока. — Я смешала воду с противоядием, которое придает ей странный вкус, но оно нейтрализует яд в твоём организме.

Я благодарно наклоняю голову, и черты моего лица искажаются, пока я поглощаю маленькими глотками кислую, похожую на желе смесь, чувствуя, как ледяное пойло стремительно просачивается в мою кровь. Охлаждая меня изнутри.

Сглаживая некоторые колебания моего сознания.

Сол приседает на песок, зажимает немного между пальцами, а затем высыпает на язык, в то время как я допиваю остатки из чаши одним глотком, отчего у меня кривится лицо. Запрокинув голову, Сол начинает петь, обращаясь к небу. Она останавливается, хлопает ладонями по песку, набирает две пригоршни, затем взмахивает кулаками так быстро, что большая часть песка разлетается во все стороны.

— Что она делает?

— Читает волю Творцов, — шепчет Саиза, забирая у меня из рук пустую чашу.

Медленно, почти пугающе, Соль разжимает пальцы, молочные глаза рассматривают крупинки, оставшиеся в ее слабой хватке.

— *Gath attain de ma veil set aygh te*, — говорит она, и ее тихие слова каким-то образом разносятся эхом по пыльному пространству. — *Hailá atith ana te lai...*

В толпе воцаряется тишина, и лицо Каана бледнеет. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, отчего у меня мурашки бегут по коже.

— Она сказала что-то плохое?

— Сол объявила, что, поскольку в твою честь уже пролилась кровь, ты не должна оставлять этот кратер несвязанной. Если такое произойдет, на это место пролитой крови упадет еще больше лун, и клан Джокулл потеряет свое убежище. Многие погибнут. Ее слово окончательно.

Моя дрожь внезапно прекращается, словно каждый мускул в моем теле только что наполнился противоядием.

Каан сглатывает и, не отводя от меня глаз, отрывается от Хока. Он идет ко мне, его взгляд наполнен сочувствием и нежностью, когда он снимает с себя мальмер.

Моя кровь застывает.

Он падает передо мной на колени и опускает голову между плеч, склоняясь так низко, что видна его спина, а сложенные горстью ладони вытянуты вперед, обнимая его прекрасный мальмер...

Наступает абсолютная тишина.

Даже ветер прекращает свое неистовое волнение.

Сердце бьется так высоко в горле, что трудно дышать.

Я смотрю на кулон — на темного саберсайта и серебряного мунплюма, заключенных в вечные объятия, — и восхищаюсь изысканностью работы. Любовью, которую он вложил в каждый изгиб резьбы.

Видение овладевает мной с такой силой, что у меня перехватывает дыхание:

Мальмер Каана покоится между моими обнаженными грудями, мое тело покрыто испариной, я дрожу от накатывающего наслаждения, глядя ниже своего пупка. Вниз, между моих раздвинутых бедер, которые обхватывают большие, сильные руки...

Вниз, туда, где горящие, как угли, глаза Каана устремлены на меня, его язык ласкает мой...

Я лопаю видение, как мыльный пузырь хватая ртом воздух, от которого у меня лишь сильнее кружится голова. Она пульсирует от более глубокой и мучительной боли. Как бы я ни старалась изгнать этот образ из своего сознания, я остаюсь с этим маслянистым ощущением обладания, который обволакивает мои внутренности.

Единственная уверенность пронзает мое сердце, как основание горного хребта, и ее невозможно сдвинуть с места.

Я хочу принять этот прекрасный, опасный предмет.

Подержать его.

Прижать его к себе.

Хотя бы ненадолго.

Воодушевленная этим единственным знанием — игнорируя его тревожащие последствия, с которыми я разберусь в другой дей, когда мы преодолеем это коварное препятствие, — я протягиваю руку, обхватываю пальцами мальмер и прижимаю его к груди.

Внутри меня что-то замирает, словно ключ, вставленный на место, но я не закикливаюсь на этом. Не пытаюсь осознать.

Это нереально.

Это выживание.

Каан остается передо мной, руки пусты, и так долго держит позу, что толпа начинает роптать. Некоторые даже ахают.

— Что он делает?

— Он просит тебя прикоснуться к его рейди, — хриплым от благоговения голосом произносит Саиза. — Он хочет сказать, что ставит тебя превыше себя и, что самое главное, превыше своей чести.

Мое сердце замирает, глаза расширяются.

— Я... Я не знаю, что я сделала, чтобы заслужить это. — В этом нет никакого смысла.

— Он объявляет тебя своим роскром. Его великим. Если ты примешь эту честь, его титул перейдет к тебе, если он падет в этот дей.

Если он падет...

Странная острая боль пронзает мою грудь, словно глубоко вонзившийся кинжал.

— Чт... — Мой голос срывается, и я смотрю на Саизу с вопросом в глазах, надеясь, что она поймет о чем я хочу спросить, и уверенная, что если я попытаюсь заговорить, то это будут невнятные обрывки.

Что это значит?

Глаза Саизы смягчаются, и она обнимает ладонью мою щеку.

— Это значит, что, если Каан проиграет, любое твоё решение не будет оспорено. Ты сможешь уйти, несмотря на то, что на тебя претендуют, и не подвергнешься бесчестию, потому что тебя будут считать более великим воином, чем Хока.

Каждая клеточка моего тела наполняется глубоким, четким пониманием, и следующий вздох получается прерывистым.

Он хочет, чтобы я выбралась...

Несмотря ни на что.

Мой взгляд падает на стоящего передо мной мужчину, что-то подкатывает к горлу, и я с трудом проглатываю это и понимаю, насколько была права, что сбежала.

Ушла.

О нем слишком, *слишком* легко начать заботиться.

Саиза стирает немного моей крови с ключицы и наносит мне на пальцы.

— Ты можешь прикоснуться к нему и принять эту великую честь.

Я сжимаю руку в кулак, разжимаю, смотрю на свою кровь, стекающую по ней, затем на мальмер, зажатый в другой ладони.

Я не заслуживаю этого. Ни капли. Но я также не хочу проявлять неуважение к нему, отказываясь от прекрасного жеста, который значит гораздо больше, чем, по мнению этого великолепного мужчины, я стою.

Воцаряется тишина, и я борюсь с этими чувствами, загоняя их под ребра, пока смотрю на изображение, нарисованное на его спине. На причудливую луну размером с половину моего кулака, словно я могла бы обхватить ее ладонями и прижать к себе.

Я устремляюсь к нему всем сердцем, протягивая руку к луне, которую я так сильно люблю.

Каан дрожит всем телом, и это движение отдается вибрацией в моей руке и в переполненном чувствами сердце, заставляя меня не дышать.

Он встает — слишком быстро.

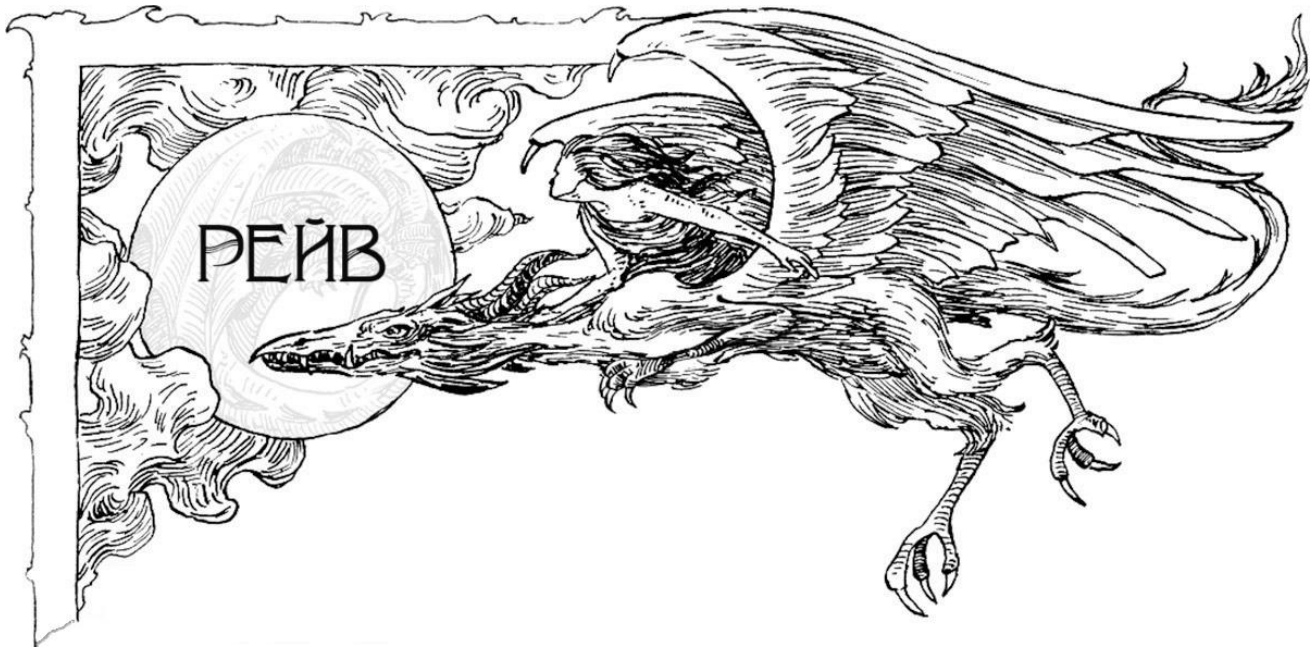
Слишком медленно.

Какая-то странная, незнакомая часть меня хочет потянуться вперед и схватить его. Закричать, чтобы он остался.

Умолять его жить.

Не отрывая взгляда от земли, он поднимает кулак, шесть раз ударяет себя в грудь, а затем поворачивается и направляется к стойке с оружием под звуки задыхающейся, ропщущей толпы.

В воздухе повисает напряжение, сотни взглядов царапают мою кожу.

Проникают под нее.

Я обвожу взглядом пляшущую на меня толпу, затем смотрю на побледневшее лицо и округлившиеся глаза Саизы, наблюдающей за отступлением короля.

— Почему шесть?

— Я не знаю, — говорит она. — Пять для Оа. Шесть — это неслыханно.

Я сглатываю, крепче сжимая мальмер Каана.

Он перебирает оружие на ближайшей стойке, откладывает в сторону, и наконец, берет маленький нож, который я заметила раньше — с целой пастью острых зубьев, расположенных по краю плоского лезвия.

Он перекидывает его из руки в руку, ворчит, затем стаскивает ботинки и отбрасывает их в сторону.

— *Nach te nei, Rygun*, — рычит он, указывая на своего зверя, и его строгие слова эхом отражаются от отвесных стен кратера. — *Nach te nei, ack gutchen!*

Я наклоняюсь к Саизе.

— Что он говорит?

— Он приказывает Райгану отступить... независимо от исхода боя.

Последние четыре слова камнем падают мне на грудь.

Пылающие глаза по-прежнему прикованы к Каану, зверь наполняет грудь воздухом, который затем вырывается на свободу с таким резким грохотом, что наполняет кратер обещанием огненного насилия, которое я прекрасно понимаю.

Слишком хорошо.

Каан выкрикивает еще один приказ.

— *Nach te nei, Rygun. Ack!*

Райган расправляет крылья, поднимает морду к небу и издает пронзительный крик — звук сопровождается языками красного пламени, которые опаляют, лижут и трепещут на синеве неба.

Все кричат, прижимаясь к своим малышам, чтобы укрыть их от жара. Другие падают на землю, как будто это спасет их, если огромный дракон решит наклонить голову и залить кратер своим пламенем.

Я тоже приседаю, но по другим причинам... сворачиваюсь в клубок, а моя кожа озаряется следами множества невидимых обычным глазом рун. Свет,

излучаемый старыми рунами, по яркости сравним с одной из лун мунплюмов, расположившихся на мрачных небесах Тени.

Я так зажмуриваюсь, стараясь не смотреть слишком пристально на остатки рун, начертанных на моей коже, — на слои крошечных гравюр, использовавшихся для восстановления моего тела больше раз, чем лун на небе, — что забываю, что Саиза сидит рядом со мной. По крайней мере, до тех пор, пока мои глаза не открываются и я не замечаю ее пристальный взгляд.

Она рассматривает мое тело, а затем поднимает глаза. Сердце подскакивает к горлу, и я открываю рот, чтобы заговорить.

— Неудивительно, что ты смеялась, — говорит она, а затем протягивает руку мне за спину, набрасывает покрывало мне на плечи и расправляет его. — Несокрушимые всегда смеются.

Я не поправляю ее. Не говорю ей, что я умирала слишком много раз, чтобы сосчитать. Что я смеялась, потому что боль, которую я чувствовала в своем сердце, затмевает любые повреждения, когда-либо нанесенные моей плоти и костям.

Вместо этого я благодарно улыбаюсь, плотнее укутываясь в накиннутую на меня ткань, пока Райган выпускает свои огненные вспышки гнева в небо, словно пытаюсь испепелить луны.

Кажется, он более чем недоволен тем, что ему указывают, что делать. Честно говоря, если бы я могла сорвать этот железный манжет, я бы взяла судьбу в свои гребаные руки.

Его пламя гаснет, и он взмывает в небо, осколки камня сыплются оттуда, где его когти вонзились в край кратера. Он взмахивает массивными крыльями, поднимая в кратере бурю, заставляя нас всех прикрывать лица от ударов песка.

Он кружит выше... выше... пока не оказывается достаточно далеко, чтобы члены клана почувствовали себя комфортно и расслабились.

У меня пересыхает во рту, пока Каан идет к центру кратера, туда, где Хок снова вышагивает, размахивая той же шипастой булавой, которой он победил Зарана. Я представляю, как булава с невероятной скоростью рассекает воздух, врезаясь в лицо Каана.

Раскалывает ему череп.

Я вздрагиваю, мое тело вновь сотрясает ужасная дрожь, по виску течет еще больше крови. Противоядие действует, но недостаточно быстро.

Недостаточно быстро.

Несмотря на это, я заставляю себя подняться на ноги. Саиза вскакивает, чтобы помочь мне встать и поддерживает меня. Другая женщина снова мажет рану на моей голове, нанося на нее что-то густое и сильнодействующее, в то время как мужчины в боевом кольце кружат вокруг друг друга осторожными шагами, словно топчя мою грудь.

Наконец, они *сходятся*, яростно атакуя, снова и снова, и каждое тяжелое, рычащее столкновение отдается в моих костях с такой силой, что я вздрагиваю.

Рассекается кожа.

Брызжет кровь.

Оружие становится мокрым и красным.

В их хаотичных движениях нет ритма, напоминающего мне треск земли и раскалывание камней. Землетрясения, которые сотрясают мир достаточно сильно, чтобы сбить с ног. Это бессмысленный танец напряженных мышц и диких взглядов, которые я не хочу видеть, не хочу слышать, и моя грудь сжимается все сильнее с каждой новой раной, появляющейся на прекрасной коже Каана.

Но, несмотря на мучительные ощущения, я не могу заставить себя отвести взгляд.

Саиза наклоняется ближе.

— Тебе нужно сесть, Холу. У тебя дрожат ноги, а из пореза на голове течет много крови.

Каан не успевает парировать очередной размашистый удар, который рассекает воздух и срезает часть кожи с его живота.

Сдавленный крик вырывается у меня из горла, его налитые кровью глаза находят меня, и что-то болезненное вгрызается в мою грудь, словно плотоядный червь.

Мои колени подкашиваются.

Саиза опускает меня на ковер, а Хок обрушивает на короля шквал смертоносных ударов. Я сжимаю мальмер Каана, словно только это движение может защитить его тело от яростных ударов, которые не прекращаются.

Зарывав, Каан тянется к движущейся смертоносной силе, наносит ему удар в грудь, чтобы схватить руку Хока, и мне кажется, что из моего горла вырывается еще один резкий звук.

Я думаю, это может быть его имя.

Кажется, я приказала ему *жить*.

Шипя кровью сквозь стиснутые зубы, Каан проводит своим клинком по внутренней поверхности бицепса Хока, рассекая выпуклость мышцы и оставляя кровавый след.

Булава падает на песок.

Хок ревет.

Каан рычит еще громче, обходит чудовищного воина и хватает его за волосы, откидывая голову назад настолько, чтобы обнажить горло Хока в моем направлении.

Мое сердце замирает, весь остальной мир исчезает в небытии.

Удерживая мой взгляд, он подносит свое зубастое, окровавленное оружие к растянутой шее и *режет*.

У меня перехватывает дыхание.

Крики Хока становятся яростными и неистовствующими, а затем переходят в булькающий стон, когда его горло перерезают неровными, скрежещущими по кости движениями, а струи крови лентами стекают по его дергающейся груди, словно красные ленты Авроры.

Его тело падает. Голова остается в руке Каана.

Что-то теплое течет из моих глаз. Стекает по щекам.

Каан переступает через неподвижное тело Хока и направляется ко мне, сокращая расстояние между нами. Он все еще сжимает в кулаке волосы Хока, когда мир начинает раскалываться и раскачиваться.

Раскалываться и раскачиваться.

Каан подбегает ко мне, оскалив зубы, из его раненой груди течет кровь. Он швыряет голову Хока на землю перед моим возвышением, и я чувствую, как та же тяжесть бьется внутри меня, сдавленный звук срывается с дрожащих губ.

Я опускаю взгляд, вглядываясь в разорванную, кровоточащую плоть на шее Хока, в его широко распахнутые глаза. Его рот застыл в нескончаемом крике, который, я уверена, я никогда не перестану слышать. Именно поэтому я лишаю их дыхания, когда убиваю.

Каан появляется в поле моего зрения, как крадущийся дракон, только что доказавший, что он вполне способен быть тем монстром, каким я его себе представляла. Но сейчас я испытываю только холодное, всепоглощающее *облегчение*.

Я завязываю петлю вокруг этого нежного, уязвимого чувства. Подвешиваю его к одному из ребер, чтобы смотреть на его гниющий труп всякий раз, когда почувствую, что мое сердце трепещет, как сейчас. Потому что именно это происходит, когда я к кому-то привязываюсь.

Смерть.

Я смотрю в разрушительные глаза Каана, в их огненных глубинах плещется тьма, настолько безумная, что это приносит мне странное чувство спокойствия. Я чувствую себя не такой одинокой в этом гребаном мире.

Я поднимаю его мальмер и надеваю кожаную петлю через голову, опуская тяжелый кулон между грудей.

Темнота сгущается.

Становится смелее.

Из его груди вырывается рокочущий звук, вселяющий в меня чувство легкости, пока мир вокруг меня накрывается с такой силой, что все мое тело дергается в такт движению.

Он подхватывает меня, поднимает.

Прижимает к своей груди.

Затем его шаги становятся глухими, гулками...

А может, это крылья Райгана.

Я постепенно осознаю тень. Ветер. Яростный, дикий рев, раздирающий воздух, и тот факт, что мы, скорее всего, покидаем это место.

Я кладу руку на грудь Каана, находя утешение в сильном биении его сердца, и приоткрываю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть серебристое пятно, поднимающееся по склону кратера.

Судьбоносец тоже уходит.

Еще один факт, над которым я решаю не задумываться слишком сильно, уверенная, что это направление мыслей может привести только к еще большей боли.

Страданиям.

Потерям.

— Лунный свет.

— Хмм...

— Пожалуйста, не пугай меня так больше.

Не пугать?

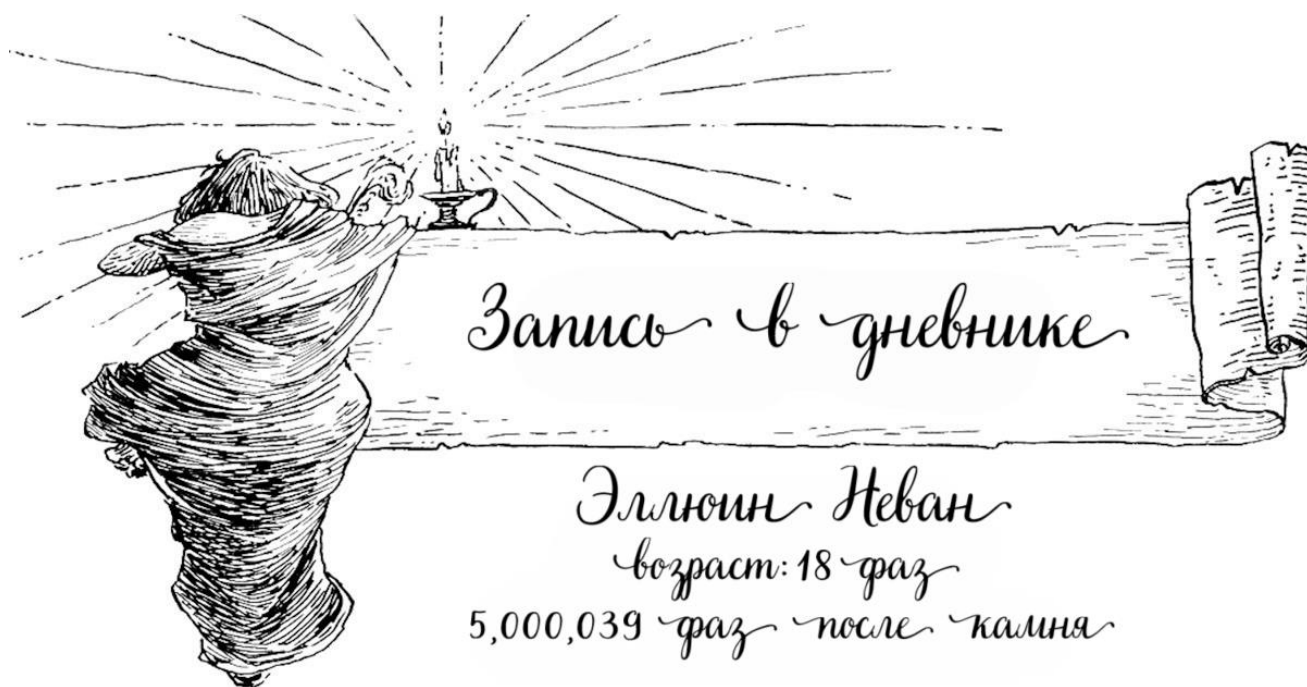
Как мило.

— Не стоит тратить на меня такие прекрасные слова, сир, — сонно бормочу я, жалея, что нахожу такое утешение в его запахе. В его руках, обхвативших меня.

В нем самом.

— Тебе стоит приберечь их для кого-то особенного.

Его гортанное рычание — последнее, что я слышу, прежде чем тьма поглощает меня.

Слатра летела над Болтанскими равнинами, пока я была привязана к седлу молтенмау, умоляя кого-нибудь с голубой бусиной вызвать облако влаги и укрыть ее от палящих лучей солнца. Всадник игнорировал все мои слова.

Каждую мольбу.

Каждый гребаный крик.

Она следовала за мной до самого Домма, ее серебристая плоть пузырилась и лопалась. Она летела до тех пор, пока в ее крыльях не стало слишком много дыр, чтобы поддерживать ее в воздухе.

Она упала, и я почувствовала, как то, что осталось от моего сердца, вырвалось из груди и упало вместе с ней, бессильное и лишенное надежды, пока она ползла по горящим дюнам, издавая жалобные крики, которые я никогда не перестану слышать. Я также не смогу забыть молочный блеск ее глаз, потому что она смотрела на солнце, пока кричала — снова и снова.

Сомневаюсь, что целитель сможет вернуть ей зрение, да и не думаю, что она позволит кому-то подойти достаточно близко, чтобы попытаться.

Я бы точно этого не сделала, и я не стала бы ее винить, если бы она никогда больше не позволила мне обнять ее.

Но она позволила.

В тот момент, когда она забилась в угол в безопасном вольере рядом с Имперской Цитаделью, она прижала меня к своей груди так близко, что я почувствовала трепетный стук ее сердца — едва бьющегося. Ради меня. В этом я уверена.

Она не хотела оставлять меня здесь одну.

Я почти умоляла ее обнять меня и унять нашу боль.

Король Остерн позволил мне спать с ней в вольере, но при условии, что вход в него будет тщательно охраняться.

Не понимаю, почему он беспокоится. Мы оба знаем, что я никогда не покину это место без Слатры. С тех пор как я надела Эфирный камень, я больше не могу вызывать облако на достаточное время, чтобы переправить ее обратно через равнины. Значит, я застряла здесь, в этом жарком и влажном месте, пока моим королевством управляет мерзкий мужчина, которого я не выбирала. Ужас, который меркнет по сравнению с болью,

которую я испытываю всякий раз, когда смотрю на свою прекрасную, раненную девочку...

Я никогда не прощу себе, что забралась ей на спину все эти годы назад. За то, что сидела на ней, пока она не услышала меня.

Доверилась мне.

Я никогда не прощу себе, что из-за меня она покинула родной дом. Я готова на все, чтобы вернуться туда.

Я наклоняюсь вперед над безвольным телом Рейв, прежде чем мы ныряем вниз, пронзая сгусток облаков. Мы минуем их после одного взмаха крыльев Райгана, горы, покрытые джунглями, проплывают под нами гораздо медленнее, чем мне хотелось бы.

— *Hast atan, gaft aka.*

Быстрее, друг мой.

Адреналин, бушующий в груди Райгана, вспыхивает во мне и заставляет чувствовать, что я горю изнутри.

— *Hast atan, Rygun!*

Он с ревом выбрасывает столб красного пламени в паутину низко висящих облаков и разрывает их.

Горный хребет достигает своей вершины, Райган ловит восходящий поток, взмахнув крыльями, и проносится над покатым пиком с расположенным на нем аванпостом с несколькими саберсайтами и молтенмау. Их всадники резко трубят в рога, приветствуя наше прибытие, и я наконец-то вижу Лофф, простирающийся так далеко, насколько хватает глаз.

Я наслаждаюсь огромным, непредсказуемым водным пространством, ощущая долгожданное облегчение, а Райган с ревом несется к созвездию заостренных лун саберсайтов, рассыпанных над сверкающими бирюзовыми глубинами. И к лунам молтенмау тоже — хотя их всего несколько.

Дом.

Облегчение немного ослабляет тяжесть, скопившуюся в моей груди.

— Почти на месте, — шепчу я, прижимая к себе накрытую капюшоном голову Рейв, когда Райган проносится так близко к аванпосту, что, я уверен, его хвост задевает крышу. Он складывает крылья и устремляется вниз по отвесному склону горы к укрытой столице Пекла, раскинувшейся вокруг пологого берега. Будто Булдер махнул клинком по округлой вершине и прорезал бухту, достаточно широкую, чтобы в ней мог уместиться второй по величине город мира.

Солнечный свет заливает красно-коричневые дома, округлые, как горы, из которых они выросли, и жители кричат с извилистых дорожек и машут руками. Малыши прыгают вверх-вниз, раскинув руки, улюлюкают, рычат и делают вид, что парят над булыжной мостовой.

Райган устремляется к Имперской Цитадели, выступающей из скалы и возвышающейся над городом, словно нарост, усеянный витражами и открытыми арками, увитый лианами с черными цветами укки, которые так любила Маха.

Раньше Пах заставлял их обрезать, но не я. Пусть поглотят весь город.
Все королевство.

Райган приземляется на ровную площадку, воздух наполнен запахом соли и ароматом тушеного мяса. Я обхватываю Рейв, когда Райган опускается на землю всем своим весом, да так сильно, что в камне образуется трещина, которую мне потом придется заделывать.

Я перекидываю ногу через седло, и сердце мое замирает, когда я вижу, как Вейя пробегает через куполообразный дверной проем, ее длинные каштановые волосы развеваются на ветру. Она одета в свои неизменные кожаные штаны для верховой езды, в которых, как я подозреваю, она, блядь, спит, и широко улыбается, пока не замечает кровь на моей одежде, и женщину, прижатую к моей груди...

— Черт, — бормочу я, спускаясь по веревкам.

Я люблю ее приветствия. Дорожу ими. Но впервые в жизни я бы с радостью обошелся без них, лишь бы скорее попасть внутрь...

— Кто это?

Мое спасение. И причина, по которой ты, вероятно, выпотрошишь меня своим карманным клинком еще до того, как я попаду в Цитадель.

Я спрыгиваю с последнего узла и приземляюсь на камень, затем похлопываю по шершавой шкуре Райгана.

— *Glatheium de, Rygun. Nakar, glagh, delai.*

Спасибо, Райган. Искупись, подкрепись, отдохни.

Он издает оглушительный крик и взмывает в небо, обдавая нас порывом ветра, который треплет толстую черную косу Рейв, выбившуюся из-под плаща, в который я укутал ее, чтобы защитить от солнца.

— Каан, кто в твоих проклятых Творцами объятиях?

Я поворачиваюсь и направляюсь к входу.

— Я люблю тебя, Вейя, но я не могу объясняться здесь. Мне нужна Агни.

Немедленно.

Я уже почти дошел до двери, когда Вейя кричит мне в спину — ее голос такой пронзительный, что я представляю себе лезвие, летящее в меня.

— Каан Лак Вейгор. Скажи мне, кто это, или я буду подкидывать жуков тебе на тюфяк каждый день до конца твоего долгого и жалкого существования, мать твою!

Я вздыхаю и поворачиваюсь.

Бросив на меня еще один сердитый взгляд, она подходит ближе и опускает глаза. Она откидывает капюшон, отодвигает в сторону пропитанные кровью волосы...

И ахает.

Я опускаю взгляд, и сердце замирает при виде лица Рейв — ее кожа такая бледная, что кажется почти прозрачной.

В моей груди вспыхивает пламя.

Черты ее лица слишком вялые, густые ресницы отбрасывают тени на покрытые синяками щеки, пухлые губы едва заметно приоткрыты.

Не сжаты от ярости.

Не изогнуты в язвительной усмешке.

И не улыбаются, как тогда, когда я показал ей язык.

Пальцы Вейи дрожат над лицом Рейв, словно она хочет и не смеет прикоснуться к ней. Как будто боится, что она исчезнет, если сделает это.

Это чувство мне слишком хорошо знакомо.

Я смотрю туда, где повязка закрывает глубокую рану на голове. Рана проходит там же, где и шрам, который я заметил в свете драконьего пламени.

Еще больше крови просочилось сквозь повязку с тех пор, как я проверял ее в последний раз...

Черт.

Возможно, наконец заметив, что часть крови на теле Рейв была нанесена как *боевой рисунок*, Вейя бросает на меня быстрый взгляд, а затем откидывает плащ, открывая красное шелковое одеяние Рейв, и замечает мой мальмер, накинутый ей на шею и нашедший пристанище на ее покрытой кровью груди.

Вейя отступает на шаг, ее распахнутые, наполнившиеся слезами глаза осуждающе смотрят на меня.

— *Как...*

— Она ранена, — бормочу я, поправляя плащ, чтобы защитить от предстоящего путешествия по коридорам. — По дороге я заглянул в хижину к лекарю, но у них хватило опыта только на то, чтобы стабилизировать ее состояние до прибытия сюда.

Вейя сглатывает, кивает, смахивает слезу со щеки, и, не встречаясь со мной взглядом, хрипло говорит:

— Идем, я только что встретила Агни, она направлялась в пиршественный зал.

Я бегу по высоким тоннелям, освещенным горящими светильниками, Вейя не отстает ни на шаг. Мы проносимся мимо воинов, которые прижимаются к стенам, ударяя себя правыми кулаками в грудь.

— *Hagh, aten dah*, — произносят многие из них, когда мы проходим мимо, наполняя воздух криками приветствия и уважения.

Мы преодолеваем еще один длинный тоннель — крепость размером почти с сам город — город в городе — уходит вглубь горного хребта, заполняя искусно спрятанные расщелины дальше по склону. Здесь достаточно пространства, чтобы разместить всю кавалерию, их семьи и очарованных драконов.

Было время, когда все это место предназначалось только для императорской семьи, но я наполнил его достаточным количеством шума, чтобы заглушить пытку тишиной после того, как оторвал голову Паха и взял город, в котором все напоминало о ней. Кровь лилась рекой, Лофф стал красным, а Райган пировал в тот дей.

Я думал, мне станет легче.

Но этого не произошло.

Мы сворачиваем за угол и врываемся в шумную толчею пиршественного зала, когда из широко распахнутых дверей навстречу нам выходит Пирок с кружкой медовухи в своей огромной руке. Его непокорные локоны, как всегда, в полном беспорядке, свисают на испещренные шрамами плечи, в сосках, губе, носовой перегородке и мочке уха черный пирсинг.

Он оглядывает меня с ног до головы, тихо присвистывает и, развернувшись, устремляется обратно в зал.

— Время еды закончилось! Берите свои тарелки и убирайтесь к чертовой матери. Да, ты тоже. Нет, не ты — оставайся на месте, Агни, дорогая. Твои чудесные способности пригодятся.

Мило с его стороны для разнообразия быть полезным. Похоже, мы выглядим хуже, чем я думал.

Я врываюсь в дверной проем как раз вовремя, чтобы увидеть, как он нагибается над длинным каменным столом и, размахнувшись, сметает все с одного конца — медные тарелки, столовые приборы и кубки с грохотом падают на пол, покрывая камень медовухой, мясом и ломтями ароматного хлеба.

Все разбегаются, покидая огромный зал в безмолвном хаосе, который я едва замечаю, направляясь к полупустому столу, освещенному единственным острым лучом солнца, пробивающимся сквозь щель в крыше. Я опускаю на него безжизненное тело Рейв, прямо перед Агни, широко раскрывшей глаза, — ее белый плащ руни контрастирует с ее смуглой кожей, более двадцати золотых, серебряных и алмазных пуговиц пришиты к среднему шву.

Это знаки, свидетельствующие о ее огромных заслугах. Их даже больше, чем у ее сестры Беи.

Агни переводит взгляд между все еще кровоточащими ранами на моей груди и кровавой повязкой на лбу Рейв.

— Сначала ее. Пожалуйста.

Она кивает, заправляя прядь каштановых волос за ухо, прежде чем откинуть плащ и осмотреть раны Рейв, прищелкивая языком.

Я смотрю на Пирока.

— Можешь найти Роана? Лишняя пара рук не помешает.

— Не могу, — говорит он, покручивая пирсинг в нижней губе. — Его здесь нет.

— Где...

— Ботайм. Пытается еще раз заглянуть в книгу. Он уверен, что там есть еще страницы, которые не были расшифрованы и опубликованы.

Я вздыхаю.

Пирок пожимает плечами.

— Как по мне, здесь было невыносимо спокойно без моего ворчливого брата. И тебя.

Я смотрю на него, пока он потягивает свою медовуху.

Агни приподнимает повязку и осматривает рану Рейв, качая головой.

— Кость раскола, — бормочет она, тыча в рану так, что мне хочется блевать. — Придется снова расплавить ее череп, прежде чем накладывать нити на плоть. Ей очень повезло, что это не убило ее.

Я бы разорвал мир на части, если бы это случилось.

А потом себя.

Она промокает рану повязкой.

— Кто-нибудь, принесите мне тряпку и ведро воды, а также мой набор инструментов. Пирок, похоже, тебе есть чем заняться. Это ее кровь?

Удивительно, но Пирок выбегает из зала, словно кто-то гонится за ним по пятам, успевая при этом бросить оценивающий взгляд на нас с Вейей — последняя стоит по другую сторону стола, устремив на меня прищуренный взгляд, похожий на нацеленную стрелу.

— Нет, — говорю я, удерживая пристальный взгляд Вейи. — Большая часть — это кровь колка, моя кровь и кровь другого воина.

— Ты гребаный ублюдок, — рычит Вейя, а затем бросается на меня через стол, размахивая рукой. Я позволяю ей нанести три ощутимых удара по моей челюсти, животу и чертовым ранам на груди, после чего хватаю ее за запястья и толкаю к Гриму, который молча отступил от стены, как только она начала говорить.

Обхватив ее запястья большой бледной рукой, он прижимает другую руку к ее груди и смотрит на меня сквозь копну белоснежных волос, скрывающую его ледяные глаза, а на его квадратной челюсти пульсирует тик. Это единственный признак того, что мужчина на взводе.

Вейя рычит, глядя на меня со свирепостью необузданного подростка-саберсайта — глаза пылают, верхняя губа оскалена, обнажая клыки. Но не может вырваться из рук Грима.

— *Как ты мог отвести ее туда?*

— *Ущелье* привело ее туда, — рычу я, вытирая с губы струйку крови. — Я успел как раз вовремя.

— На ней одежда Испытания Тука, Каан. Испытание Тука.

— Я прекрасно это понимаю, Вейя.

— Кто был мужчиной?

— Хок.

Ее глаза темнеют, и она напрягается.

— Хорошо, — говорит она, больше не отталкивая Грима — не то чтобы он ее отпустил.

Не то чтобы она просила его об этом.

Она вздергивает подбородок.

— Как она его убила?

Ярость потрескивает в моих венах, словно тлеющие угли, потому что я не могу избавиться от образа Рейв, распростертой на песке, залитой кровью, на которой сидит мужчина, намеревающийся присвоить ее. Я не могу избавиться от воспоминаний о том, как она смеялась, словно издеваясь над своей приближающейся смертью.

Не стоит тратить на меня такие прекрасные слова, сир.

Черт.

Я сжимаю руки в кулаки.

— Она этого не делала.

Глаза Вейи прищуриваются на мальмере на шее Рейв, затем расширяются.

— Творцы...

Я хмыкаю, и по моим венам проносится еще один разряд сокрушительной энергии.

Моим мышцам.

Я перехватываю Пирока, когда он возвращается. Взяв ведро, я протираю влажной тряпкой рану Рейв, затем вытираю кровь с ее лица, пока Пирок помогает Агни разложить настойки на столе. Когда он снова поднимает глаза, то замирает, а кувшин, который был у него в руке, падает на пол.

Разбивается.

— Кто это, черт возьми, такая, и почему она так похожа на Эллюин Неван? Она мертва, — говорит он, переводя взгляд с меня на Вейю и Грима, и его кожа становится такой же бледной, как у последнего. — Мне одному кажется, что я сейчас схожу с ума?

Нет.

Агни переводит взгляд между нами, как будто мы оба сошли с ума, смачивает какой-то фиолетовой жидкостью кусок ткани и прикладывает его ко рту Рейв.

— Она не знает, что она Эллюин, — бормочу я, бросая тряпку обратно в ведро и проводя обеими руками по волосам, откидывая их с лица. — Она зовет себя Рейв, и не помнит ничего из того, что было раньше последних двадцати трех фаз.

Мои слова эхом разносятся по коридору, дразня меня.

— Ну... черт, — бормочет Пирок. — Ты уверен, что это она? Что ты не притащил домой какую-нибудь бедную бродяжку, потому что она похожа на Эллюин?

— Ты думаешь, я бы так поступил? — рычу я.

Он пожимает плечами.

— За последний век я повидал немало безумного дерьма. Не буду врать.

Я прочищаю горло.

Соглашаясь с ним.

— Это она. Все мои сомнения развеялись в тот момент, когда она сказала Верховному канцлеру Сумрака, что у него маленький член на слушаниях по ее собственному делу.

Наступает тишина, после чего Пирок усмехается и берет со стола случайный бокал.

— Я выпью за это. — Он осушает его и ставит обратно на стол. — Ненавижу этот старый пыльный кусок дерьма.

— Если она ничего не помнит, — медленно произносит Вейя, — как ты объяснишь тот факт, что она называет себя своим *средним именем*?

Я качаю головой.

— Я не знаю, Вейя.

— Тогда как она здесь оказалась? Живой?

— Этого я тоже не знаю.

Между ее бровей образуется морщинка — признак разочарования, которое я чувствую до мозга костей.

— А какие у нее первые воспоминания об *этой* жизни?

Я снова качаю головой.

Вейя наконец освобождается от хватки Грима, тот скрещивает руки на широкой груди, не сводя взгляда с моей сестры, направляющейся ко мне с угрозой в налитых кровью глазах.

— Ты хоть *что-нибудь* знаешь?

Да ни черта.

— Единственный раз, когда я попытался что-то выведать, она сравнила мой член с размером моего мозга, — выдавливаю я из себя. — *Не в его пользу.*

Часть гнева покидает глаза Вейи, уголок ее рта дергается, а Пирок хихикает. Я сердито смотрю на него, и он заглушает смех очередным глотком чужой медовухи.

Ему будет не до смеха, когда она вонзит в него свои острые зубы.

Агни протягивает Пироку смоченную фиолетовую ткань.

— Помахивай этим перед ее носом каждые несколько мгновений. Я не хочу, чтобы она очнулась во время лечения, а твои руки выглядят так, будто им нужно что-то получше, чем чужая медовуха.

— Агни, ты прекрасно знаешь, как я хорош в многозадачности, — говорит Пирок, ухмыляясь.

Щеки Агни вспыхивают, и она качает головой, бормоча что-то себе под нос.

— Где ты ее нашел? — спрашивает Вейя, похоже, невосприимчивая к дерьму, вылетающему изо рта Пирока.

— Я наткнулся на нее в «Голодной лощине», но ее лицо было наполовину скрыто. Я подумал, что схожу с ума.

До сих пор так думаю.

— Позже я нашел ее гниющей в камере. — Я тру подбородок, пока Агни наносит связующее вещество на белоснежную кожу, которую я целовал больше раз, чем могу сосчитать. — Чтец правды подтвердила, что она ничего не помнит обо мне до нашей случайной встречи. Ничего.

— Значит, она не знает о...

— Нет, — говорю я, прерывая Вейю.

Она открывает рот и закрывает его, качая головой.

— И ты уверен, что видел Слатру...

— Уносящую ее в небо, — рычу я, и мои слова отражаются от стен, как грохочущий выдох Райгана.

Видел. Живу с этим воспоминанием последние сто двадцати три фазы — во сне и наяву.

Мне никогда не забыть ни произошедшего, ни острой боли, вспоровшей мою грудь, когда я это увидел. Даже сейчас, когда она здесь, на этом столе, дышит...

В конце концов я очнусь от этой утопии. Я уверен в этом. Поднимусь со своего тюфяка и пойму, что все это было одним жестоким и прекрасным сном.

Вейя обходит стол и убирает волосы Рейв с ее заостренного уха — того самого, в котором вырезан клип.

— У нее южный знак пустой. — Она хмурится, осматривая обе мочки. — Никаких бусин. Даже дырочки нет, чтобы их повесить. Творцы все еще говорят с ней?

— Клод и Булдер, — говорю я, скрещивая руки на своей раненной груди. — Хотя насчет двух других я не уверен.

Выпрямившись, она повторяет мою позу — в два раза свирепее, но вдвое меньше ростом.

— В ее венах течет *кровь Неванов*, Каан. И на ней нет Эфирного камня, заглушающего песни. Если Тирот узнает, что она здесь, он обрушит на нас пламя еще до того, как мы успеем как следует подготовиться. С его стороны было бы глупо этого не сделать, а мы оба знаем, что он далеко не дурак.

— Я прекрасно понимаю, чем это чревато.

Она склоняет голову набок.

— Ну... и что ты собираешься делать?

— Я не знаю. Но если ты хочешь поговорить о военной стратегии, то сейчас не время.

Я устал.

Я зол.

Истекаю кровью.

Голоден.

У меня миллион дел, но только одно меня интересует.

Я перевожу взгляд на Рейв, Агни рядом с ней смешивает настойки, готовясь к процедуре...

— Ты боишься, что она увидит его и... *вспомнит*? — спрашивает Вейя, и ее прищуренный взгляд, словно железные стрелы, пронзает мою грудь. — Снова бросит тебя? Что в записке была *правда*?

Я не позволяю ей увидеть, как сильно ранят эти слова. Как я чувствую, что они вонзаются в меня, разрывают мышцы, сухожилия и кости, а затем выходят наружу.

Да.

Да.

Да, черт возьми.

Но я потерял право быть жадным с ней.

Я наблюдаю за работой Агни, за Пироком, который одновременно помогает ей потягивает медовуху.

— Она — мечта, ставшая явью, но теперь не только *моя* мечта, — говорю я, заполняя пространство камнями, несущими истину. — Больше нет.

Даже воздух, кажется, застывает, и жуткая тишина окутывает зал, терзая меня со всех сторон.

Я смотрю на свои окровавленные руки, разминаю их, осматриваю с обеих сторон, прежде чем сжать в кулаки.

— Она гораздо больше, чем игра во власть. Гораздо больше, чем любовь всего моего существования. Есть кто-то, кому она нужна больше, чем *любому* из нас, и это не наш гребаный брат, — рычу я, глядя прямо в остекленевшие глаза Вейи.

Она моргает, и слеза скатывается по ее щеке.

— Я буду медленно, осторожно подводить ее к правде, какой бы болезненной она ни была. Тогда она сможет выбрать свой собственный путь. Сделать свой собственный выбор.

Что бы ни случилось.

Вейя опускает взгляд в пол, по ее щеке стекает еще одна слеза.

Я отвожу взгляд.

Она никогда не плачет, и когда она это делает, мне кажется, что мир рушится. Как будто я не смог защитить ее.

Снова.

Мои руки разжимаются, снова сжимаются в кулаки, дрожа от сокрушительного количества неудержимой энергии.

Агни с помощью металлического инструмента расширяет рану Рейв, открывая прямой доступ к трещине в черепе, чтобы можно было срастить кость...

Я отворачиваюсь, желая стереть этот образ из памяти. Но его когти уже вонзились в меня.

Впиваются глубже.

— Я вернусь, — бормочу я, затем киваю Гриму и направляюсь к двери, готовый к последнему удару Вейи еще до того, как он будет нанесен.

— Никто не может пережить то, что пережила она, и не быть обожженным источником драконьего пламени — независимо от того, помнит она свое прошлое или нет. Будь осторожен, Каан, иначе она испепелит себя и превратится в пепел в твоих гребаных руках.

Я рычу, устремляясь по коридору, преследуемый тяжелым стуком ботинок Грима.

Я знаю.

Я прохожу тоннель за тоннелем, воздух охлаждают светящиеся руны, выгравированные на изгибах красновато-коричневого камня, и горящие светильники пронзительно кричат мне, когда я иду мимо.

Те, кто не слышит Игноса, наверное, думают, что пламя счастливо оставаться живым, независимо от его размера.

Это не так.

Пламя свечи будет вытягиваться и извиваться в присутствии любого, кто пройдет мимо, крича о том, что ему нужно больше пищи для горения. Отчаянно желая расти.

Игносу не нравится быть маленьким и невзрачным. Он жаждет ковров, которые можно сжечь. Лесов, чтобы уничтожить их. Полей сухой травы, которые можно поглотить.

Я призываю в руку маленькое пламя, и оно с шипением разгорается в моей ладони, пока я прохожу мимо воинов, прижимающихся к стенам, бьющих кулаками по груди — обнаженной или одетой.

— *Hagh, aten dah.*

— *Hagh, aten dah.*

— *Hagh, aten dah.*

Их уважительные приветствия затихают в небытии, меркнут по сравнению с яростью, которая бурлит в моих костях, разогревает мою кровь, лижет мои органы с огненной злобой.

Я не спал несколько циклов. С тех пор как проснулся от того, что Рейв сидела на мне, прижав одну из чешуек Райгана к моему горлу, а ее глаза пылали обещанием смерти, которую я предпочел бы получить от ее руки, а не от чьей-либо еще.

Пока они не смягчились.

Прежде чем я уловил проблеск... *чего-то*. Нежного чувства, пронзившего мою грудь. Я подумал, что ее воспоминания все еще там.

Где-то.

Где-то, черт возьми.

Аврора трижды поднималась и опускалась, пока Райган мчался над равнинами, чтобы доставить нас сюда как можно быстрее, и все равно я не хочу спать — бешеное количество энергии бурлит в моих венах, накачивая

мышцы. Я представляю себе кровь на руках, пальцы, рвущие плоть, кости, ломающиеся в моей крепкой хватке.

Тяжелые шаги Грима вторят моим, когда я, хрустя костяшками пальцев, спускаюсь по широкой лестнице, ведущей в полумрак тренировочного ринга.

Я разделяю свое пламя на порхающие в воздухе сегменты, которые цепляются за горючие головки множества настенных факелов. С шипением впиваются в них и заливают просторную, круглую, грубо вырубленную пещеру яростным янтарным светом.

Я не создавал это пространство с особой тщательностью. Потолок не высок и не величественен. Я не старался отполировать стены до блеска.

Это пространство — именно то, что нужно, ничего лишнего. Боевой круг размером с кратер, где можно помахать кулаками и рассечь кожу. Сломать кости и укротить свои дикие порывы, пока они не обрели свой собственный убийственный пульс.

Когда я ступаю на песок, усыпанный железной крошкой, голоса в моей голове гаснут, как задутое пламя. Я направляюсь к центру круга, дверь с грохотом захлопывается, а затем раздается звук сбрасываемых Гримом ботинок.

Я прижимаю одну руку к груди, затем другую. Тонкие корки, которые начали образовываться на моих ранах, снова трескаются при этом движении, теплая кровь стекает по моему торсу и капает на песок.

— Я не в настроении сдерживаться, — рычу я, поворачиваясь.

Куртка Грима лежит на земле рядом с его ботинками, голова опущена, он распускает завязки на своей черной тунике и стягивает ее через голову, обнажая спину, бледная плоть которой представляет собой сморщенное месиво. Как будто она расплавилась, перемешалась, а потом внезапно затвердела.

Он поворачивается, и я отвожу взгляд.

— Я тоже, — выдавливают он из себя, и мне приходится приложить немало усилий, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица. Чтобы сдержать шок от звука его голоса — его грубоватый тон свидетельствует о том, как мало он им пользуется.

Он идет ко мне, глядя на меня из-под копны снежных прядей, наполовину скрывающих его лицо, широкие плечи напрягаются, когда он сжимает руки в кулаки.

— Хорошо, — рычу я, а затем бросаюсь на него.

Мы сталкиваемся в череде ударов, которые разрушают больше, чем строят, кровь заливает песок, когда мы выпускаем нашу ярость единственным понятным нам способом.

Кулаки к кулакам.

Рычание за кровожадным рычанием.

Ярость к гребаной ярости.

Агни закрывает деревянные ставни, отрезая большую часть света, а я опускаю Эллюин на большой тюфяк в одной из многочисленных гостевых комнат, сложив ее вялые руки на груди. Замерев, я рассматриваю поврежденную кожу по бокам ее ногтей и мои брови сходятся на переносице.

Интересно...

Либо это дурная привычка, либо ее преследует мысль о том, что на ее руках может быть чья-то кровь.

Интересно, что из этого?

Я подтягиваю шелковую простыню к ее подбородку, убирая прядь только что причесанных волос с ее чистого лба. Ни следа шрама, который она бы вечно носила как испорченную версию диадемы, которая когда-то была на ней.

— Ты хорошо справилась, — говорю я Агни, которая склоняет голову в знак благодарности, останавливаясь у изножья кровати. Задержав взгляд на Эллюин, она прикусывает нижнюю губу, сцепив пальцы, словно раздумывая.

— Что-то не так?

— Да. — Она смотрит на меня, медленно набирая воздух в легкие. — Есть кое-что, о чем я не хотела говорить в присутствии других. В основном потому, что они казались... на взводе. Не хотела подливать масла в огонь, так сказать.

Это она говорит той, кто бросилась через стол и трижды ударила короля кулаком, прежде чем ее заставили остановиться?

Мило.

Я изображаю спокойствие, и говорю:

— Продолжай.

Ее щеки вспыхивают.

— Она... Как ты знаешь, дар драконьего зрения передается по наследству. Поэтому, когда мы смыли кровь с ее кожи, я увидела множество слоев рун. Много, *очень много* рун.

Я хмурюсь, глядя на Эллюин.

— Недавно?

— Трудно сказать. — Агни обходит тюфяк и откидывает простынь. — Но у нее есть *одна* рана, которая, похоже, не была вылечена рунами. Она светится

серебристым светом, которого я никогда раньше не видела. Вот... здесь, — говорит она, положив руку прямо на сердце Эллюин.

У меня кровь стынет в венах.

— Смертельная, — продолжает она. — Никто не выживет с такой, потому что для заживления раны в сердце требуется больше времени, чем обычно есть у пациента.

Вся кровь отливает от моего лица.

Творцы...

Я сглатываю ком в горле, провожу ладонями по щекам и запускаю пальцы в волосы.

— Не говори королю. Пока мы не узнаем, почему... или как.

Агни бледнеет, переводит взгляд на дверь за моей спиной, потом снова на меня. Она приседает в стремительном реверансе, прочищает горло и снова обращает свой взор на Рейв.

Нахмурившись, я смотрю в сторону двери и выхожу в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пирок без рубашки исчезает за углом в дальнем конце.

Я вздыхаю.

Устремившись за ним, я врываюсь в гостиную и замечаю группу, сидящую в кожаных креслах вокруг низкого каменного стола, который видел больше игр в Скрипи, чем звезд на южном небосклоне.

Пирок развалился в большом кресле, его длинные растрепанные волосы такого же яркого оттенка, как и пламя, пляшущее между его пальцами.

— Не говори королю, да? — произносит он, осуждающе глядя на меня из-под насупленных бровей.

— Не смотри на меня так, — бормочу я, направляясь к креслу напротив и плюхаясь на него. — Он так чертовски *счастлив*, что она вернулась, что не задает нужных вопросов. Кроме того, врагов не убивают тупым клинком. Его нужно точить до тех пор, пока он не станет настолько острым, что ты будешь уверен, что он справится с задачей.

Пирок перекидывает пламя из одной руки в другую, как шар, и его свет отбрасывает на его лицо яростные контрастные тени.

— Что ты знаешь?

Что Эллюин была заколота насмерть — вопреки той легенде, которую нам скормили, словно младенцам, отчаянно нуждающихся в пище.

— Позволь перефразировать, — говорит Пирок, закатывая свои изумрудные глаза. — То, что ты знаешь, заставит нашу молодую армию воевать?

Я пожимаю плечами.

Он чертыхается, сжимая пламя в кулаке, пальцы все еще пылают, когда он проводит ими по волосам.

— Для того, кто никогда официально не был на войне, ты невероятно жаждешь ее.

— К чему мы готовились все эти фазы, если не к тому, чтобы смахнуть грязь с доски и уничтожить все кровавые последствия политики нашего Паха? — Поджав под себя одну ногу, я поворачиваюсь, расшнуровывая свой кожаный жилет спереди и по бокам. Ослабляю его, стягиваю через голову, затем поднимаю свободную коричневую тунику, обнажая старые следы от огненной плети, которые, как я знаю, чертовски портят красивую кожу на моей спине. — Ты же знаешь, я сохранила их не потому, что мне нравится, как они выглядят, — говорю я, бросая на него косой взгляд, хотя он не сводит глаз с моих шрамов, его взгляд перебегает с одного глубокого, уродливого рубца на другой. — Я сохранила их, чтобы каждый раз, глядя в зеркало, вспоминать, почему Тирот и Кадок должны сгнить.

Ничто не сравнится с победой в Испытании Тука, и дальнейшим насилием от рук собственной крови за то, что ты запятнала честь семьи.

Да, я жажду войны. Я заслужила это право. Семьдесят восемь раз, если быть точной.

Пирок прочищает горло и отводит взгляд, когда я поворачиваюсь, опуская тунику и не утруждаясь надеть жилет.

— Я не успела оторвать голову Паху, — бормочу я, хватая бокал с бренди и опрокидывая в себя. — Я оторву их.

— Ну, дай мне знать, если захочешь поджарить их члены.

— Может быть. Посмотрим, что я почувствую в тот момент. — Я киваю в сторону стопки карт Скрипи и восьмигранных игральных костей, сложенных в высокой глиняной чаше рядом с ней. — Раздай нам.

— Ненавижу, когда ты командуешь, — стонет он, садится и берет колоду, чтобы снять часть нарастающего напряжения.

— Если я не буду командовать тобой, никто не будет. А так от тебя толку не больше, чем от красивого коврика на полу, испачканного медовухой.

— *Красивого*, говоришь? Ничего себе, — довольно повторяет он, расправляя плечи, упираясь локтями в колени, наклоняясь вперед и тасуя колоду. — Я польщен.

— Конечно, польщен.

Он подмигивает, раздавая твердые кусочки пергамента. Я хватаю каждый, который ложится передо мной на стол, лицо совершенно невозмутимое, несмотря на мою *восхитительную* руку.

Эта игра любит меня.

— Я не хочу играть на золото. У меня его достаточно. — Я раскладываю карты, переставляя их от лучшей к худшей — слева направо. — Я хочу играть на услуги.

Пирок фыркает.

— Я так понимаю, у тебя там мунплюм?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — мурлычу я, хлопая ресницами.

Он бросает на меня сухой взгляд, а затем раскладывает оставшуюся колоду на доску, которая никогда не покидает стол. Она впитала в себя больше пролитой медовухи, чем Пирок, а это о чем-то говорит.

— Мой ход, — говорю я, потянувшись за чашей с костями. — Поскольку твое лицо меня раздражает.

— Ты сказала, что я красивый.

— Да. — Я бросаю кости через стол, выпадает шестерка, и я беру восемнадцатую карту из дальнего левого угла. Решив оставить спангла себе, я кладу огнёвку лицом вниз на свободное место. — Это сильно *раздражает*.

Пирок усмехается, качая головой. Он бросает кости, берет карту, размышляет, и улыбка сползает с его лица.

— Грим видел твои шрамы?

— Конечно, нет. А что?

Он убирает карту в веер, а другую кладет на ее место на доске.

— Просто интересно. Не говорить королю о чем?

— Не скажу, а если ты попытаешься выпытать информацию у бедняжки Агни с помощью своей волшебной палочки, я убью тебя во сне.

— Самое поганое, что я тебе действительно верю, — бормочет он, и я посылаю ему злобную улыбку, которая через мгновение исчезает.

Я снова бросаю кости, беру хьюлинга и с бесстрастным лицом говорю:

— Эллюин вела дневник, знаешь ли. Однажды я застала ее за тем, как она засовывала его в щель в стене. В комнате, где она сейчас спит.

— И при чем тут это? — спрашивает Пирок, наливая себе бокал, пока я раздумываю, на что его обменять.

— Никогда раньше это не казалось мне важным. — Я пожимаю плечами, кладя хаггина лицом вниз на пустое место на доске. — Теперь да.

— Ладно, ну... и где же он? — Он опускает кости в чашу и выкидывает семерку, но тут же сбрасывает карту, которая ему выпадает, и оставляет ее на доске лицевой стороной вниз.

— Думаю, она увезла его с собой в Аритию, — бормочу я, выкидывая двойку, и на этот раз вытягиваю молтенмау.

Похоже, удача лижет мне задницу.

— Более ста фаз назад, — говорит он с очевидным сарказмом, который я, конечно, не оцениваю. — Наверное, он уже превратился в пыль.

— Там холодно. — Я смотрю на него поверх веера карт, когда кладу флоти на пустое место лицом вниз. — Идеальные условия для хранения.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую, что, как мы оба знаем, далеко не так.

— Думаешь, ты сможешь навестить Тирота и не отрубить ему голову, втянув своего единственного достойного брата в войну, которая будет обречена с самого начала? — Он швыряет карту на доску, и я хмурюсь, глядя на вороватого вуту, который смотрит на меня с лица карты.

Мило. Он думает, что ему это поможет.

— Я не настолько безответственная. — Я протягиваю руку вперед, чтобы он мог вслепую вытащить любую карту, которую захочет, и ухмыляюсь, когда он выхватывает туманного слизня.

— А ты невероятно крут в этой игре.

Он хмуро смотрит на карту и рычит, размещая в своем веере.

— Я ненавижу играть с тобой. Я наблюдал за твоей игрой раньше. Обычно ты расставляешь карты справа налево.

— Именно поэтому сейчас я делаю это слева направо, — говорю я, осушаю свой бокал и ставлю его на стол. — Скрипи.

— Уже?

— Хочешь, чтобы я сказала это громче?

— Нет, — бормочет он, швыряя саберсайта, которого я бью своим мунплюмом, и все цвета покидают его карту, словно саберсайт только что погиб. — Так и знал, черт возьми.

Я выкладываю колка, но он отбивает его бархатным троггом, и выигрывает следующий круг, когда его мискунн бьет моего энту.

Вероятно, почувствовав запах приближающейся победы, он бросает думквила, которого я бью своим хьюлингом, прежде чем я выкладываю молтенмау, зная, что в колоде не осталось ничего, чем он мог бы меня побить.

— Ты проиграл. — Я наполняю бокал и откидываюсь в кресле, делая большой глоток, бренди огнем прокатывается по моему горлу, а следующий вдох вырывается из меня с шипением сквозь стиснутые зубы. — Я оставляю за собой право на услугу. Воспользуюсь позже.

— Я больше никогда не буду играть с тобой один на один. — Он откидывается на спинку кресла, закидывая руку за голову. — Все кажется не таким ужасным, когда ты обыгрываешь меня и Грима одновременно. — Он бормочет себе под нос какое-то слово, которое вырывает язычок пламени из одного из канделябров. Он перемещается в его руку, где он вертит огонь между пальцами, словно скользкую змею.

Я поднимаю глаза к потолку, где из бронзовых, черных и красных плиток выложена морда рычащего саберсайта Паха, Грона. Он постоянно смотрит на нас сверху. Постоянно осуждает мои неблагоприятные поступки — по крайней мере, так говорил Пах, когда узнал, что я трахаюсь с одним из зрителей вольера после того, как отдала себя Творцам, чтобы избежать будущих Испытаний Тука.

Он считал это неподобающим. Позорным.

Постыдным.

А *еще* он сказал, что Маха была ба огорчена, узнав, что она умерла, рожая грязную шлюху.

Я же считала это сладкой, приносящей удовольствие мезью и решила, что Маха улыбнулась бы мне, погладила по голове и сказала, что я могу трахаться с кем угодно. Или вообще ни с кем, если я этого не хочу. Трудно сказать наверняка, ведь я никогда не встречалась с ней, но она создала меня, и мне нравится думать, что все свои замечательные черты я унаследовала от нее.

И уж точно не от того засранца, который меня зачал.

— Похоже, я отправляюсь в Тень, — бормочу я, делая еще один большой глоток своего напитка, и жидкость прожигает пряный след в моем горле, согревая желудок. — За меня. Хочешь пойти со мной?

— Черт, нет.

— Я могу заставить тебя, — мурлычу я, поднимая бокал над головой и закрывая один глаз, чтобы посмотреть на Грона сквозь грани — грозный ублюдок. — Окажи мне услугу, которую я только что выиграла.

— Ты не настолько жестока.

Он прав. Я не такая.

К сожалению.

Вдохнув, я поворачиваю бокал, еще сильнее расчлняя ужасное лицо Грона, вспоминая, как Пах приказывал ему гонять фейри по равнинам, если они чем-то ему не нравились.

Я вздрагиваю.

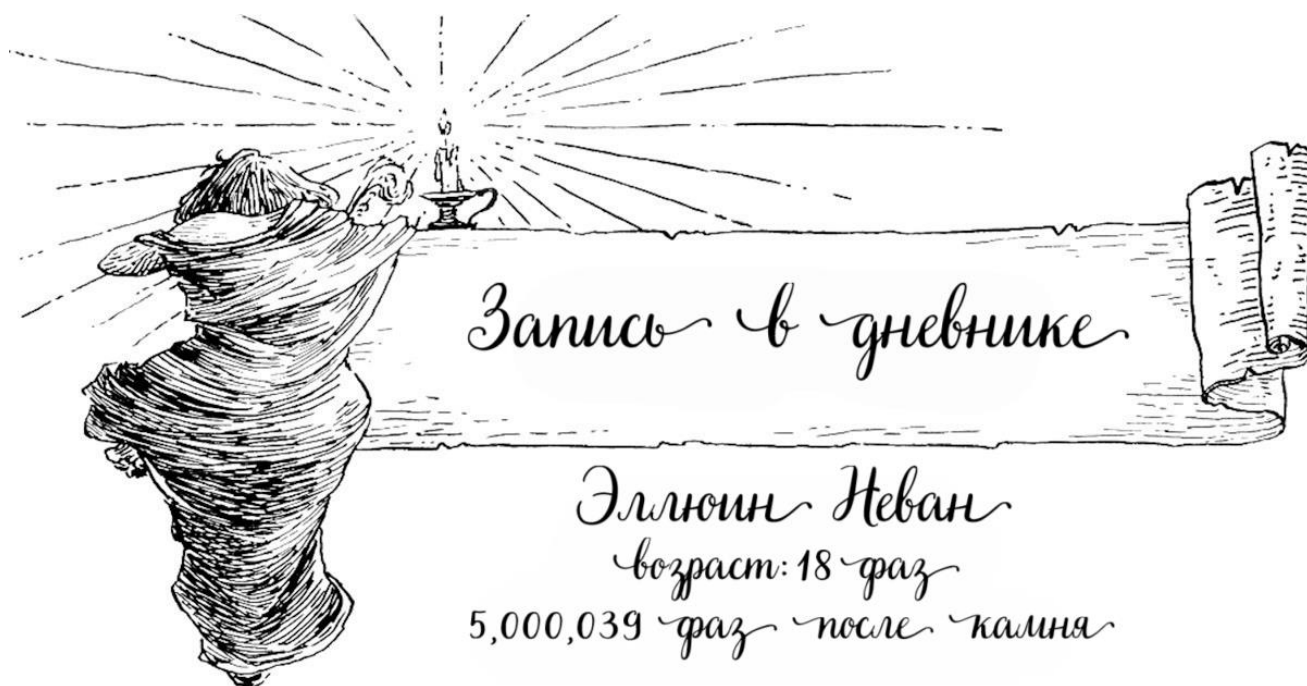
— Ты не собираешься подождать, пока Эллюин очнется? Заново представиться?

— Еще не решила.

Я не доверяю себе в том, что не наброшусь на нее так же, как на Каана, несмотря на непонимание и замешательство, которые я, несомненно, увижу.

То, что она сделала, во многих отношениях было совершенно непростительно.

Возможно, дневник прольет немного света на ту черную дыру, которую она пробила в моем сердце, когда ушла, не сказав мне ни слова и не оставив даже жалкой записки мужчине, которого якобы любила.

Я пела Слатре и дремала, прижавшись к ее пушистому хвосту, когда стражники, охранявшие вольер, внезапно открыли ворота. В дверь вошел самый большой саберсайт, которого я когда-либо видела.

Со спины зверя слез мужчина.

Высокий.

Сильный.

Красивый.

Творцы, он был прекрасен.

В его движениях было что-то такое, что заставило меня представить себе рушащуюся гору.

Он посмотрел прямо на меня глазами, похожими на тлеющие угли, и, кажется, мое сердце остановилось.

Его ноги тоже остановились.

Казалось, этот момент длился бесконечно, и я почти умоляла Слатру поднять крыло и спрятать меня. Укрыться за чем-то, чтобы перевести дыхание. Но она не сделала этого, хотя подняла голову и зарычала в сторону огромного дракона, который смотрел на нас так, словно мы находились в его спальном пространстве.

Честно говоря, возможно, так оно и было, но этот вольер — единственный, куда Слатра смогла добраться в своем раненом состоянии.

Я не стала надевать вуаль. Мужчина уже видел мое лицо, и Эфирный камень впился в мой лоб, как болезнь, которой он и являлся.

Он вывел своего зверя из вольера, но через некоторое время вернулся без дракона.

На этот раз Слатра не зарычала.

Он тихо подошел к нам, спрашивая, что случилось с глазами Слатры, — его голос был таким низким, хриплым и с акцентом, что я почти не понимала его слов, задаваясь вопросом, как часто он говорит. Судя по шрамам на его руках, я решила, что большую часть времени он проводит крича, а не разговаривая.

Он поинтересовался, когда я в последний раз ела. Живу ли я здесь.

Я не ответила ни на один из его вопросов. Не потому, что мне запрещено разговаривать с незнакомцами, а потому, что у меня просто не осталось на это сил.

Я устала.

Устала терять тех, кого люблю. Устала пытаться сорвать эту дурацкую диадему со своего лба, чтобы обрести силу, необходимую мне, чтобы вернуть Слатру домой и отобрать трон у придурка, который считает, что я ему принадлежу. Устала от того, что мужчины говорят со мной свысока, полагая, что они знают, что хорошо для меня и моего королевства, по которому я так скучаю, а теперь им управляет жестокий, эгоистичный, жадный мужчина, которому я бы не доверила своего злейшего врага.

Я просто... устала.

Язвительное слово обжигает язык, срывается с губ, безнадежность давит на меня, словно целый мир навалился на грудь. В моем сердце засела боль, которая просачивается наружу...

Протекает...

Мне кажется, я утекаю вместе с ней, тянусь к чему-то, что не могу ухватить. Вытягиваю пальцы. Отчаянно желая

Зацепиться за...

Что-то важное.

Что-то...

Моё.

Но я истощаюсь...

Истощаюсь...

Медленно исчезаю...

Слишком быстро. Слишком медленно.

Холодная...

Пустая...

Р

езко сев, я пытаюсь отдышаться, хватаясь за грудь, ребра и живот.

Пытаюсь выпутаться из липких лап кошмара, который казался слишком реальным.

Слишком болезненным.

Я бью себя по лицу, открываю глаза, осматривая влажную комнату, лучи света, пробивающиеся сквозь закрытые шторы, которые, кажется, я уже видела. Где-то. Возможно, во сне. Но я больше не сплю. Я только что проснулась.

Я только что проснулась...

Где я, черт возьми, нахожусь?

Я запускаю пальцы в волосы и откидываю их с лица, пытаюсь собрать воедино кровавые обрывки своих разрозненных воспоминаний.

Судьбоносца...

Коленопреклоненный, неподвижный колк, из перерезанного горла которого течет кровь...

Два незнакомых мужчины кромсают друг друга, пытаюсь заявить права на мое тело.

Кулак Хока врезается мне в лицо...

Каан обезглавливает Хока...

Каан.

Задыхаясь, я тянусь к мальмеру, тяжело свисающему с моей шеи, и сжимаю его в ладони, любуясь двумя обнимающимися драконами...

Творцы. Это случилось.

Это.

Действительно.

Произошло.

— Черт, — бормочу я, снова обводя взглядом комнату: все стены из красновато-коричневого камня, потолок выложен мозаикой черного, бронзового и темно-красного цвета. Обстановка скудная, большинство вещей соприкасаются со стеной или полом — массивный тюфяк, два приставных столика, комод, выступающий из дальней стены, заставленный плетеными корзинами, используемыми в качестве выдвижных ящиков.

Светло. Просто. Органично.

Я опускаю взгляд вниз и вижу, что мой наряд сменился, провожу пальцами по черной шелковой сорочке, обеспечивающему мне всю скромность, на которую я могла надеяться в эту изнуряющую жару. Ободряющий знак того, что согласие принять мальмер Каана не приведет меня к жизни на спине и созерцанию сшитых шкур, пока я выращиваю некое мистическое потомство, призванное спасти мир от надвигающихся лунопадов.

Это хорошо.

Я могу с этим справиться.

Я позволяю мальмеру упасть мне на грудь, стягиваю с себя простыню и неуверенно встаю, устремив взгляд на зеркало во весь рост в золотисто-медной раме, закрепленное на стене. Я хмурюсь, глядя на свое отражение.

Черная ночная сорочка подчеркивает мои изгибы, вырез обтягивает полную грудь, подол спускается до середины бедра, обнажая мои длинные бледные ноги. Она идеально сочетается с цветом моих распущенных волос, окутывающих меня подобно шелковому покрывалу и спускающихся длинными волнистыми прядями до самых бедер.

Кто-то вымыл меня, одел и расчесал мне волосы. Не знаю, чем я заслужила такое обслуживание.

Я подхожу ближе, подношу руки к лицу и замечаю, что мои щеки порозовели от жары, а губы приобрели более насыщенный красный оттенок — мое тело настолько не приспособлено к этой гнетущей температуре, что кажется, все мои капилляры работают сверхурочно.

Наклонив голову набок, я убираю густые пряди с лица, чтобы избавиться от тупой пульсации в виске, и провожу пальцами по безупречной коже.

Я хмурюсь еще сильнее.

Ни единого шрама, свидетельствующего о том, что меня ударили булавой по голове.

Хм.

Должно быть, Каан обратился к руни, чтобы вернуть меня к жизни. Как мило. Прекрасное обращение с пленницей, все еще закованной в железные кандалы. Не то чтобы я жаловалась. Уверена, еще один удар по черепу — и мне пришел бы конец.

Я отворачиваюсь и уже собираюсь подойти к ставням, чтобы посмотреть, в каком уголке этого забытого Творцами мира я оказалась, как вдруг перед глазами мелькает видение, поражающее меня, как очередной удар по голове, и заставляющее почувствовать, что мир опрокидывается.

Резко падает.

Я хватаюсь за полированное зеркало, отодвигаю его в сторону, открывая нишу в камне за ним. Я просовываю туда руку и достаю книгу в кожаном переплете, которую прижимаю к груди.

Воспоминания распадаются, как крошащаяся земля, просачивающаяся сквозь щели между пальцами, и не желают собираться воедино, как бы я ни старалась собрать их вместе.

Сердце так сильно бьется в горле, что трудно дышать.

Что это было, черт возьми?

Сглотнув, я возвращаюсь взглядом к зеркалу, дрожащей рукой тянусь к раме и крепко сжимаю нее. Я сдвигаю ее вправо, и сердце выскакивает из горла, а затем ухает в живот, когда я вижу нишу. Пустую. Достаточно большую, чтобы вместить книгу, но не более того.

Моя кровь превращается в лёд...

Дверь за моей спиной хлопает, и я оборачиваюсь, выпуская зеркало из рук. Тяжелая вещь с грохотом возвращается на место, и я вижу женщину, прислонившуюся к двери и согнувшую одну ногу в кожаном ботинке. Она орудует маленьким клинком из драконьей чешуи, отрезая от круглого черного фрукта хрустящие кусочки молочного цвета, и ест их, наполняя воздух терпкой сладостью.

Кожа женщины загорелая, ее длинные волосы теплого каштанового цвета, с естественными бликами, оттеняющими ее тлеющие глаза. С одной стороны они заплетены и украшены коричневыми бусинами.

Веснушки усыпают ее нос и щеки, а шаловливое изящество ее стройной фигуры не дает отвести от нее взгляд. Она невероятно красива и излучает ауру уверенности, которая ощутима в этой маленькой и душной комнате.

— Кто ты?

— Засранка-сестра Каана, с которой лучше не связываться, — говорит она, поднимая ресницы и окидывая меня взглядом, а затем возвращается к своему фрукту, с хрустом разрезая его сочную мякоть.

В животе у меня урчит, внутри все сжимается, глаза прищуриваются, когда я смотрю на лезвие. Я отчетливо осознаю, что у этой колючей женщины есть оружие.

А у меня его нет.

— Я тебе не нравлюсь, — размышляю я, наклоняясь вправо и упираясь бедром в приставной столик. Она не отрывает взгляда от фрукта, пока я сжимаю подсвечник — высокий, золотой и достаточно тяжелый, чтобы лишить кого-то сознания с минимальным усилием. Мера предосторожности. — Ты меня даже не знаешь.

— Это спорное утверждение.

Я вскидываю бровь.

— В смысле?

Ее ресницы взлетают вверх, острый взгляд скользит по моему лицу и опускается к мальмеру, покоящемуся у меня на груди, натягивающему шелковистую ткань и подчеркивающему вырез.

— Знаешь, это кое-что значит. Ты не просто принимаешь его, а потом бросаешь в шкатулку для драгоценностей, чтобы носить с подходящим нарядом.

Звучит как шутка, потому что у меня нет нарядов.

Ее взгляд снова встречается с моим, она отрезает еще один кусочек фрукта и отправляет его в рот, пока я размышляю о том, как она смотрит на меня, — в ее взгляде достаточно враждебности, чтобы я почувствовала себя совершенно нежеланным гостем. Возможно, если бы она увидела, как Каан

отрезал Хоку голову, пока тот был еще жив, она не стала бы так беспокоиться о том, что я раню его драгоценное сердце.

— Где он?

Она глотает и отрезает еще.

— Наверное, его лечат. Он изрядно поранился, пытаюсь спасти тебя от жизни на спине, с выпяченными сиськами и животом, набитым детенышем какого-то уroda.

Моя вторая бровь приподнимается.

— Дай-ка угадаю, — продолжает она, протыкает кончиком клинка светлую дольку и прислоняется бедром к двери, разглядывая меня с ног до головы и размахивая оружием, словно указкой. — Он отвез тебя в причудливую хижину в горах, приготовил еду, а потом посмотрел на тебя так, будто любит больше жизни. И ты сбежала, упала в водопад и оказалась раздетой в толпе полуголых воинов?

Вся кровь отливает от моего лица.

— Откуда ты знаешь...

— Потому что я великолепна. А еще я преданная, но *невыносимая*, когда меня бесят. — Она подносит лезвие ко рту и схватив кусочек фрукта зубами, прожевывает его. — Я еще не решила, как вести себя с тобой.

К несчастью для нее, меня не беспокоит, нравлюсь ли я другим. Не говоря уже о том, что я так чертовски голодна, что могла бы съесть целую гору этих странных сочных фруктовых шариков, и, слушая, как она хрустит терпко пахнущей мякотью, я испытываю дикую зависть, которую изо всех сил пытаюсь укротить. Я никогда раньше не пробовала ничего подобного, но у меня уже полный рот слюны.

— Ты бы удивилась, узнав, как мало меня это беспокоит, — бормочу я, мучаясь от очередного хрустящего кусочка, который едва не заставляет меня прыгнуть через всю комнату и вырубить эту женщину, только чтобы украсть то, что еще осталось. — Если ты закончила ходить кругами, не стесняйся показать мне выход, чтобы я могла воспользоваться своей новообретенной свободой — больше не быть прикованной, связанной или прибитой.

Я *взмахиваю* рукой, но она просто смотрит на меня, склонив голову набок, и жует свой фрукт.

— Каана воспитывали, постоянно внушая ему, что он недостаточно хорош. Он никогда не признается в этом, но, по его мнению, он не заслуживает такой чести, чтобы *это* было на твоей шее, — говорит она, указывая клинком в направлении мальмера Каана.

Не думаю, что она понимает — отчаянные времена и все такое.

Он, наверное, с нетерпением ждет, когда получит его обратно.

С язвительной улыбкой она говорит:

— Еще раз сломаешь его, и я сломаю тебя.

Она отталкивается от двери и широко распахивает ее, медленно удаляясь по коридору, пока ее последние слова впиваются в мой мозг и *грызут* его.

— Что значит — *еще раз*? — рычу я, направляясь к двери, все еще сжимая в руках подсвечник.

Она продолжает идти, как раз заворачивая за угол в конце коридора, когда какое-то слово бесконтрольно врывается в мое горло — мои губы выдавливают звук, как будто только благодаря мышечной памяти.

— Вейя!

Она останавливается, поворачивает голову — медленно.

Аккуратно.

Ее широко раскрытые глаза впиваются в меня, словно соль в незаживающую рану, которая находится не на моем теле, а *внутри*. На участке берега моего ледяного внутреннего озера, которое уже не такое высокое, как

раньше. Оно опустилось на фут, оставив кольцо из черных камней болезненно обнаженным.

Может, мне мерещится? Может, так было всегда?

— Как ты меня только что назвала?

Нахмурившись, я потираю голову, гадая, с кем я ее путаю. С кем-то, несомненно. Знаю ли я Вейю? Должна.

— Никак. Я не знаю. Уходи, у меня от тебя голова болит.

Должно быть, мое тело перешло в режим голодания, ограничивая приток крови ко всем важным частям тела.

Черт, мне нужна еда. И вода.

Она бежит обратно по коридору, ее глаза горят, как угли. Бросив на пол сердцевину фрукта, она бьет себя рукой по груди и кричит:

— Я — Вейя. Я. Ты меня помнишь?

Мои глаза чуть не вылезают на лоб.

Только не это.

— Нет. Мой мозг просто случайно выдал это. Я никогда раньше тебя не видела, — бормочу я и захлопываю дверь перед ее носом, задвигая засов. — Давай поболтаем снова, когда ты научишься делиться.

Раздается звук удара ее ботинка о дерево, после чего она кричит во всю мощь своих легких:

— Я собираюсь с этим разобраться. Ты слышишь меня? *Я разберусь с этим.*

Она чокнутая.

— Несомненно, ты это сделаешь, — бормочу я. — Осторожно, не переутоми свой мозг.

Единственный ответ — звук ее шагов, удаляющихся по коридору.

Прочь.

Я вздыхаю, бросаю подсвечник на тюфяк и подхожу к деревянным ставням, открываю их и почти слепну при этом. Я поднимаю вторую руку, чтобы защититься от яростного потока света и тепла, и глаза расширяются, когда наконец привыкают к яркому сиянию.

— Ух ты! — шепчу я, хватаясь за грубую деревянную ручку двери передо мной, и распахивая ее. Я выхожу на небольшой каменный балкон, с которого открывается вид на цивилизацию, раскинувшуюся в широком заливе, который простирается до туманного горизонта, а его границы размыты волнами зноя. Жаль, ведь что-то в западной точке вызывает у меня интерес. Мне хочется отодвинуть слои искажений и посмотреть, что скрывается за ними.

Я смотрю прямо на раскинувшийся внизу город.

Отсюда, с высоты, здания выглядят как нагромождение валунов ржавого цвета, некоторые вымощены мозаикой, у других круглые окна, сверкающие на солнце. Светло-голубое небо усеяно сумрачными лунами саберсайтов и несколькими разноцветными лунами молтенмау, отражающимися в шелковистой бирюзовой воде, уходящей в бесконечность, и палящее солнце висит прямо над всем этим, обдавая все вокруг жаром.

Я набираю полную грудь воздуха и качаю головой...

Похоже, я добралась до Домма.

Порывшись в плетеных корзинах, я нахожу пару черных ботинок до колена с толстой подошвой и шнуровкой спереди. Натянув их, я обнаруживаю, что они мне впору, и тут же влюбляюсь в них.

Идеально подходят для того, чтобы прятать клинки и передвигаться бесшумно.

Из другой корзины я достаю сверток черной ткани, разворачиваю его и понимаю, что на самом деле это плащ с капюшоном.

— Ха! — Говорю я, накидываю его и осматриваю себя в зеркале, поворачиваясь то влево, то вправо.

Это.

Просто.

Восхитительно.

Под ним все еще видна моя шелковистая сорочка, создающая эффект многослойности, и при этом плащ служит моей собственной тенью, не ограничивающей приток воздуха к телу.

Я восхищаюсь длиной до пола и расклешенными рукавами, которые опускаются почти до кончиков моих вытянутых пальцев. Удобная длина, чтобы скрыть манжеты, и не выглядеть как сбежавшая из тюрьмы преступница, пока блуждаю по городу в поисках «Изогнутого пера».

В той же корзине я нахожу штаны, которые кажутся слишком маленькими, но я выдергиваю черный ремень и затягиваю его вокруг талии, убедившись, что он подходит, если застегнуть на последнюю дырочку.

Я натягиваю капюшон, снова смотрю на свое отражение и улыбаюсь.

Идеально.

Схватив подсвечник, я выбегаю из комнаты в коридор, который приводит меня в гостиную с куполообразным потолком. Я хмуро смотрю на него — мозаичный саберсайт, который, кажется, вот-вот обдаст пламенем.

Дрожь пробирает до самых пальцев ног.

Каану нужно уволить декоратора, пока кто-нибудь не умер от сердечного приступа.

Я оглядываюсь по сторонам — треть стены занимают стеклянные двери с затемненными стеклами, выходящие на мощеный внутренний двор с кострищем. Из массивных ваз свисают роскошные лозы, оплетающие здание

и густо усеянные чернильными цветами размером с мою голову, их лепестки обращены к солнцу.

В самом помещении, несмотря на пугающую роспись на потолке, царит уютная атмосфера — еще больше ваз, увитых лианами, которые опутывают внутренние стены, залитые солнечным светом, проникающим через многочисленные окна — эти чернильные цветы наполняют воздух пряной сладостью.

Возле низкого каменного стола в мягких кожаных креслах сидят двое крупных мужчин. Один расположился лицом ко мне, выражение его лица скрыто за светлыми прядями, наполовину закрывающими глаза. Другой смотрит на меня через плечо, выгнув бровь, его лицо и плечи покрыты веснушками. Из-за растрепанной копны волос он выглядит так, будто только что проснулся.

У обоих в руках по вееру карт Скрипи, на столе стоят бокалы с янтарным... *чем-то* и блюдо с хрустящими на вид закусками.

— Люблю эту игру, — говорю я, направляясь к столу и останавливаясь, чтобы взять закуску с блюда. Я обмакиваю ее в водоворот жидкого соуса и кладу на язык, морщась от кремовой смеси с нотками чего-то, что по вкусу очень напоминает грязь. — Точно не мое. Что это?

— Трюфельный крем, — хрипит рыжеволосый мужчина с сильным пирсингом. — Мы привозим его из соседней деревни. Грибы, которые входят в его состав, трудно вырастить, поэтому они на вес золота.

Я кладу оставшуюся часть на язык и убеждаюсь, что он действительно ужасен.

— Определенно не мой любимый вкус. — Я бросаю хрустящий кусочек чего-то в рот и жую, приподняв брови. — Вы реабилитированы. Это вкусно.

Вкус насыщенный.

Соленый.

Жирный.

Он даже *хрустит* на моем языке, пока я жую.

Я беру еще один.

— Что это?

— Обжаренный жир колка.

Хм.

Не самый лучший вариант, поскольку я совсем недавно наблюдала, как один из них истекал кровью, но у нищих нет роскоши выбирать.

Я прижимаю все блюдо к груди и обхватываю его закованной рукой — той, что все еще держит украденный подсвечник. Я беру еще один кусочек жира и жую его.

— Вы ведь не против? — спрашиваю я, указывая на блюдо.

— Не настолько, чтобы остановить тебя, — говорит мужчина с голым торсом, его приподнятая бровь устремляется еще выше, пока почти не теряется среди непокорных локонов. — Дать сумку для подсвечника?

Я улыбаюсь.

— Как заботливо! Да, с удовольствием возьму.

Он обменивается взглядом с молчаливым мужчиной, встает, подходит к стойке с напитками, берет тонкий хлопчатобумажный мешочек и высыпает на скамейку кучу оранжевых фруктов. Он возвращается ко мне и протягивает его. Я опускаю внутрь подсвечник, и он перекидывает ручки через мою руку.

— Спасибо. — Я смотрю на них. — Тебе ведь не нужно, чтобы я кого-то убила в обмен на это?

Молчание длится так долго, что я чуть не повторяю вопрос.

— А, нет. Мы откажемся, — говорит рыжеволосый мужчина.

— Мило.

И странно. Обычно все так и происходит.

— Дайте мне знать, если передумаете. Я пытаюсь откосить от воинской повинности, но ваш король пару раз спасал мне жизнь, так что я буду рада оказать услугу. — Я поднимаю сумку на плечо. — Где выход?

Второй мужчина продолжает пялиться на меня так, словно я какое-то странное существо, которого он никогда раньше не видел, его лицо такое бледное, что я думаю, не заболел ли он чем-нибудь. Бедный парень. Наверное, мне лучше уйти, пока я тоже не заразилась, иначе я никогда не доберусь до стены, чтобы освежевать Рекка Жароса от члена до горла.

Рыжий указывает мне за спину.

— Туда. Восемнадцатая дверь справа — самый быстрый путь к центру города.

Я поворачиваюсь и вижу коридор, который не заметила раньше — в нем множество окон, сквозь которые пробиваются лучи света.

— Такой услужливый. — Я беру еще один сухарик из блюда, прижатого к груди, и поворачиваюсь, махнув обоим мужчинам одной рукой. — Приятно было поболтать с вами!

Всего хорошего.

Тишина преследует меня, пока я иду по коридору, поглощая жареный жир и наслаждаясь блаженством свободы.

Предположительно.

Я очнулась не в камере или пасти дракона, и не была подвешена к потолку. Никто не называл меня грязным ничтожеством и не заставлял мою боевую руку дергаться слишком сильно. Меня не повалили на пол, как только я вышла из своей комнаты, не вымазали в крови жертвенного зверя, не привязали к столбу и не принесли в жертву саберсайтам. Никто не называл меня *Холу* и не приказывал остаться и произвести на свет *спасительное для мира* потомство, за мной не следует мифическая серебристая кошка.

Я с осторожным оптимизмом полагаю, что мое короткое пребывание в Домме окажется куда менее травмирующим, чем я предполагала ранее.

Два здоровенных стражника с бесстрастными лицами берутся за ручки двойных дверей и распахивают их.

— Творцы, — бормочу я, шурясь от ошеломляющего потока солнечного света. Я достаю из блюда последнюю хрустящую корочку и с хрустом разгрызаю ее, когда выхожу в липкую, пахнущую чем-то сладким жару, и набираю полные легкие воздуха.

Выдыхаю.

Свобода на вкус как жареный жир колка и слишком горячий воздух, но я никогда не была так признательна. Единственное, что может притупить мой разгоревшийся оптимизм, — это огромный, покрытый шрамами король с глазами, как угли, который ради меня отрезал чью-то голову.

Сердце бьется, словно пытается сломать ребра. Это чувство я хочу раздавить в кулаке.

Чем быстрее я уберусь отсюда, тем лучше.

Двери захлопываются за мной, и я поворачиваюсь — мое внимание привлекает другая группа воинов, охраняющих дверной проем на внешней стене. Я разглядываю их доспехи из драконьей чешуи, их темные волосы

распущены по плечам, каждый вооружен бронзовым мечом в одной руке и деревянным копьём в другой.

Слизывая с пальцев остатки соленой приправы, я подхожу к мужчине справа, который почему-то не щурится и не потеет, несмотря на яростный солнечный свет, льющийся на его лицо.

— Не мог бы ты подержать это? — спрашиваю я, подталкивая к нему свое пустое блюдо.

Между его бровей залегает морщина, и он бросает взгляд на кулон, висящий у меня на груди, изумленно поднимая брови. Он склоняет голову на несколько долгих мгновений, словно кланяясь, а затем поднимает взгляд на глиняное блюдо. Прочистив горло, он протягивает свой меч, который я принимаю и благодарю его, и берет блюдо в его теперь уже пустую руку.

Отступив назад, я покачиваю оружие, оценивая его баланс. Я хмурюсь, выяснив, что он мне не подходит.

— Слишком тяжелый для моей руки. — Я кивком указываю на кинжал, пристегнутый к его бедру. — Но я с радостью возьму его. И ножны.

После недолгой паузы стражники обмениваются взглядами, прежде чем мужчина ставит блюдо на землю вместе с копьём. Он отстегивает ножны, и я, прежде чем отдать украденный меч, сначала осматриваю кинжал.

— Приятно иметь с тобой дело, — говорю я, подмигивая.

Он прочищает горло и возвращается в исходное положение, оставив мое блюдо на земле между ног. Я замечаю несколько бисеринок пота на его лбу.

— Небольшой вопрос. — Я опускаю сумку с подсвечником на землю и распахиваю плащ, задирая подол сорочки, чтобы можно было пристегнуть кожаный ремешок ножен к бедру. — Вы случайно не скармливаете местных жителей драконам? Скажем... не знаю, в гигантском, залитом кровью Колизее со столбом посередине, к которому *очень* неприятно быть привязанным?

Я смотрю по очереди на обоих мужчин, которые обмениваются настороженными взглядами. Они одновременно отрицательно качают головами, и мои брови взлетают вверх.

Интересно.

— А как же ваши молодые стихии? Что с ними происходит?

— Они учатся в Академии Дрока, — с сильным северным акцентом сообщает стражник слева, наклоняя голову.

— А пустые?

— Им дают возможность узнать, есть ли у них склонность к рунам. Если нет, они могут изучать что-то другое или пойти в подмастерья.

Подмас... *что?*

— Точно, — говорю я, склонив голову набок, пока вслепую застегиваю очередную пряжку.

Двери распахиваются.

Крупный мужчина без рубашки и с огненными волосами стоит в проеме, скрестив руки и подняв брови.

— Пристаешь к стражникам?

— Весьма самонадеянно с твоей стороны.

— Твоя репутация тебя опережает. — Он высовывает голову из двери и смотрит направо и налево, словно проверяя, все ли еще целы.

Ну, речь о стражниках, конечно.

Его изумрудный взгляд перемещается между блюдом на земле, покрасневшими щеками стражника и моим только что надетым оружием.

— Вижу, тебе уже удалось хитростью добыть оружие. Быстрая работа.

Я опускаю подол.

— Скрытый талант. А у тебя какой?

— С удовольствием трахаю всех подряд. — Он машет рукой в сторону лестницы, ведущей в город, похожий на груд валунов. — Пойдем.

Сердце замирает, моя хмурость возвращается.

Неужели я не так свободна, как мне казалось?

— Что я сделала, чтобы заслужить эскорт?

Он смотрит на меня, приподняв обе брови.

— Ты выглядишь как туристка, не привыкшая к жаре. Если ты собираешься продать подсвечник из чистого золота, то можешь заключить хорошую сделку. Если торговец увидит тебя со мной, то, скорее всего, не станет тебя обманывать.

На самом деле, это вполне разумно. Хотя интересно, был бы он также благосклонен, если бы знал, что я собираюсь обменять этот подсвечник на целую кучу клинков из чешуи саберсайта?

— Спасибо...

— Если только они не заставляли меня в компании своих дочерей, — добавляет он, пожимая плечами. — Или сыновей. Тогда они, скорее всего, вообще откажутся иметь с тобой дело.

Творцы.

— Разве ты не был занят игрой, которую, вероятно, нужно закончить?

— Да. И мне надрали задницу. Грим смертельно опасен, когда у него дерьмовое настроение, а моя гордость уже уязвлена. Кроме того, кто-то утащил наши закуски, а гребаный бренди закончился.

Точно.

Похоже, мне от него не избавиться.

— В таком случае, — говорю я, наклоняясь, чтобы поднять с земли свою сумку, — пойдем?

Он засовывает руки в карманы обтягивающих узких коричневых кожаных штанов и идет вперед, его длинные шаги плавные и легкие, несмотря на внушительные размеры. Солнце бьет нам в глаза, как далекий отблеск драконьего пламени, поэтому я надвигаю капюшон пониже, закрывая лицо, что сразу же устраняет дискомфорт.

— Я Пирок.

— Рейв. Хотя, подозреваю, ты это уже знаешь.

— Верно. — Он протягивает мне левую руку, указательный и средний пальцы вытянуты, остальные согнуты. Я хмурюсь, смотрю ему в глаза, затем снова на его руку, прежде чем повторить движение, и наши пальцы встречаются.

Он улыбается мне настолько беспечно, что это заразительно.

— Вот так.

Я смотрю вниз, пока мы спускаемся по лестнице среди каменных зданий, покрытых большими чернильными цветами, которые понравились бы Эсси.

Орган в моей груди болит, и я потираю его.

— Итак, Рейв, в каком магазине ты надеялась толкнуть этот подсвечник?

— В «Изогнутом пере». Если у вас есть такой.

Он бросает на меня косой взгляд.

— Есть.

Мои глаза расширяются.

— Он так и называется? «Изогнутое перо»?

— *Пергамент, закладные и все для рун*, — говорит он, и облегчение разливается во мне, ударяясь о ребра.

Облегчая мои шаги.

Я знала, что они есть в других городах, просто не была уверена, что так далеко на севере. Это мой счастливый дей.

— Тебе нужен клинок?

— Да.

Множество *клинков* с острыми концами, достаточно заточенными, чтобы проткнуть все важные части тела Рекка.

Медленно.

Болезненно.

— А потом мне нужен сладкий напиток и хороший вид, — говорю я ему, перекладывая ручки сумки так, чтобы они лежали у меня на плече, подавляя желание поцарапать кожу у ногтей, которые начинают немного саднить.

— Выпивка звучит как лучшая часть плана. Какой вид ты предпочитаешь?

— Лучший, какой только можно найти.

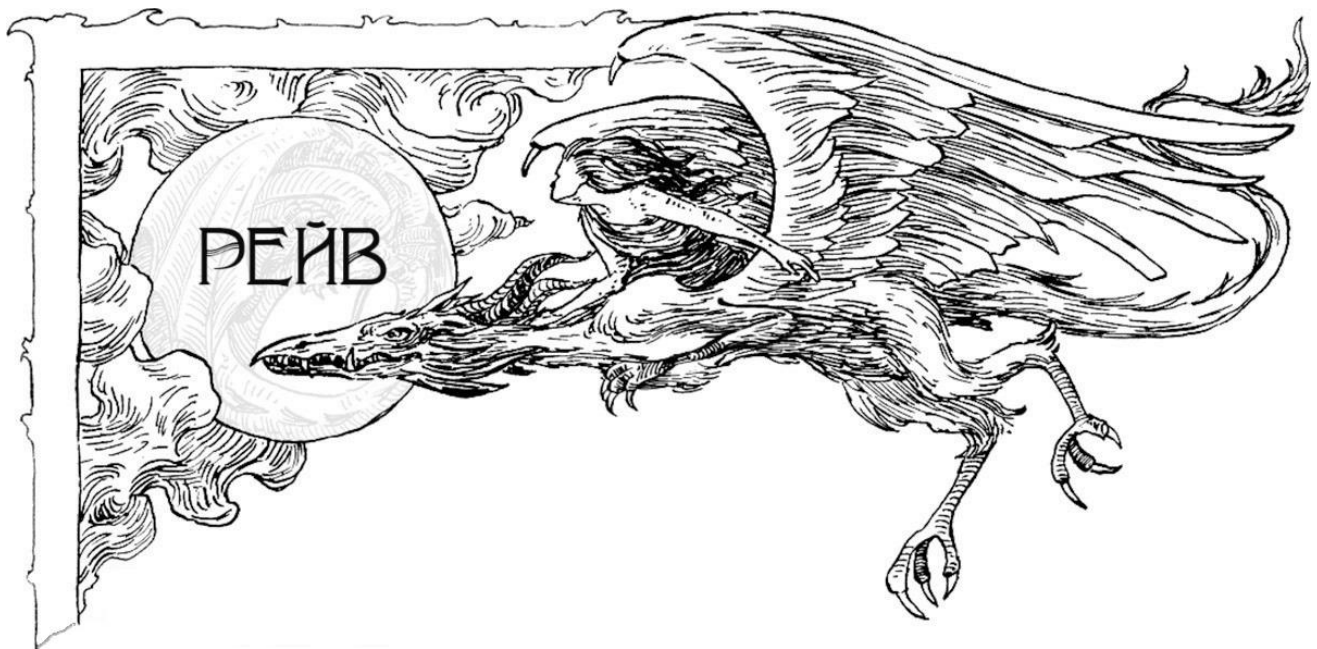
Это большой город. Думаю, если у меня будет достаточно широкий обзор, я в конце концов выясню, где находится городской вольер, не заставляя никого распускать язык. Тогда я буду знать, куда мне нужно идти, когда я обменяю золотой подсвечник на смертоносное количество оружия, а сумку набью теми хрустящими черными фруктами, которые ела Вейя.

Передо мной.

Кусочек за кусочком, хрустящим, сочным.

Во рту выделяется слюна...

Если я улечу отсюда, так и не попробовав этот фрукт, я никогда себе этого не прощу.

Пввора уже склоняется к западу, пока мы идем между округлыми зданиями цвета обожженной глины. Из земли поднимаются вазы, в которых растут кустарники, деревья и лианы, обвивающие, кажется, весь благоденствующий город, на углах сидят уличные музыканты, наигрывающие мелодии на медных флейтах.

Мы проталкиваемся сквозь толпу фейри, одетых в ткани, которые драпируются и облегают их тела, словно искусно надетая вуаль, и я не могу не задаться вопросом, все ли в Домме носят одинаковую одежду коричневого, черного или ржавого цвета, просто по-разному — булавка здесь, зажим там, медный пояс, подчеркивающий талию.

Похоже на то.

Пергаментные жаворонки порхают в воздухе над нашими головами, ныряя в протянутые руки улыбающихся, смеющихся жителей. Никто не выглядит голодным, бездомным или с клипом в ухе. По крайней мере, я этого не вижу.

— Похоже, народу нравится жить здесь, — размышляю я, наблюдая, как двое малышей бегают друг за другом, их залихватский смех звучит как самые красивые ноты. Двое взрослых, я полагаю, их родители, наблюдают за нами из-под изогнутого дерева, облизывая кусочки чего-то кремового, что лежит в свернутых черных конусах. — Это мило.

Я не могла ошибиться сильнее в отношении этого города.

Пирок искоса смотрит на меня.

— Я слышал, ты жила в Горе, пока тебя не...

— Скормили драконам?

— Да. Именно. — Он достает из кармана плоский золотой жетон и, подбросив его, ловит. — Ты была где-то еще?

Он задает мне вопрос с легкой непринужденностью, но это все равно похоже на то, как будто мне бросили горящий уголек.

Я вспоминаю холодное путешествие на север, к стене, после того как мне удалось сбежать... оттуда. Вспоминаю ужасы, с которыми я столкнулась.

Как я сражалась.

Одиночество, которое проникало так глубоко, что пробирало до костей.

— Только здесь, — говорю я, отгоняя воспоминания. — Хотя в основном я была без сознания или в пасти Райгана. Я бы не назвала это осмотром достопримечательностей — если, конечно, не считать огненного шара у него в горле, который все время угрожал испепелить меня.

Прекрасное напоминание о том, что этот город может и излучает счастливое сияние, но его прекрасный король все еще таскает меня за собой, как зубочистку. Прекрасная причина не влюбляться в это место слишком сильно. И здесь жарко — ненавижу жару. А с Рекка нужно содрать кожу живьем, провялить, а потом использовать как гребанный коврик для пола.

— Кажется, ты решил устроить мне экскурсию, — бормочу я, указывая на дерево, которое обвилось вокруг здания, словно плетеная крона, и хвастается большими медными цветами, похожими на хлопающие крылья. — Я уверена, что мы проходили мимо этого места раньше, когда Аврора была *гораздо* выше в небе.

— Расслабься, — говорит Пирок, остановившись у торговой телеги. — Если только тебе не нужно быть где-то?

Не здесь. Не в этом гостеприимном, уютном городе, где слишком легко общаться. Слишком легко *захотеть* остаться.

Слишком легко привязаться.

— Всегда есть куда пойти. Что ты покупаешь?

— Медовуху. — Он меняет свой жетон на терракотовую кружку, наполненную напитком красного цвета. Он смотрит на меня через плечо, вскинув бровь. — Хочешь?

— Может быть, позже.

Еще больше мелких золотых жетонов сверкают на солнце, когда торговец опускает их в руку Пирока. Полагаю, это его сдача.

Пирок идет рядом со мной, насвистывая в такт своим шагам, увлекая по дороге, которая, как я полагаю, станет еще одним кругом нашей экскурсии.

— Золото — это ваша местная валюта?

— Конечно. — Он делает большой глоток из своей кружки, издавая довольное шипение. — Это королевство не одобряет добычу окаменевшей драконьей крови, — говорит он с твердостью в голосе, которой не было раньше. — Добыча способствует ее *пролитию*.

Мои брови сходятся на переносице.

— Ее используют здесь? В лечебных целях?

Он пожимает плечами.

— То, что попадает в город, не было добыто народом, находящимся под защитой этого королевства.

Интересно.

Я обхожу уличного музыканта, наигрывающего приятную мелодию на большом струнном инструменте из янтарного дерева, который притягивает мой взгляд.

Мой слух.

Мне хочется остановиться, присесть и послушать.

— Значит, в Пекле есть нетронутые запасы кровавого камня? — спрашиваю я, глядя налево, но Пирока там нет.

Просто... *исчез*. Как будто провалился сквозь землю.

Я резко оборачиваюсь и замечаю в переулке его пышную шевелюру, возвышающуюся по крайней мере на голову над остальными. Он машет мне рукой, чтобы я следовала за ним, даже не удосужившись повернуться, и я закатываю глаза, протискиваясь сквозь толпу, чтобы догнать его.

— Спасибо за предупреждение, — бормочу я.

— Ты его получила. Не моя вина, что ты не обратила внимания. — Он останавливается и прислоняется к стене, увитой лианами с черными цветами,

одна его рука по-прежнему в кармане, в другой — кружка с медовухой. — Вон там, — говорит он, махнув подбородком. — Передай привет Вруну.

Я поворачиваюсь и замечаю деревянную дверь куполообразного здания напротив, и старую вывеску, свисающую с козырька.

Я улыбаюсь и берусь за ручку, оглядываясь через плечо.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, если только Врун не решил продавать бренди вместе со своей коллекцией крыльев жуков, — говорит он и делает большой глоток своего напитка.

Покачав головой, я вхожу в округлую лавку, вдыхая запах кожи и пыли. Я оглядываю изогнутую стену с полками, уставленными книгами, настойками, палочками для гравировки и кусочками вулканической породы. С потолка свисают клыки саберсайта, подвешенные на длинных медных цепочках, на каждом из них ценники, которые ничего мне не говорят, поскольку я не привыкла иметь дело с золотом.

Остается надеяться, что этот увесистый предмет, который я полдея таскаю по городу, окажется достаточно ценным, чтобы приобрести все необходимое, и, надеюсь, у меня останется немного монет, чтобы я могла нанять перевозчика до стены.

Я иду по лабиринту полок, пока не добираюсь до задней части магазина, завешанной мозаикой из маленьких, средних и больших крыльев жуков, что заставляет меня нахмуриться.

Интересно, где здесь оружейная...

Мой взгляд останавливается на мужчине с вьющимися седыми волосами, которые торчат во все стороны, — предположительно Вруне. Он сидит за захлапленным каменным прилавком и смешивает настойки, в его непокорные локоны вплетены белые и голубые бусины.

Между его бровей пролегает морщина, рука останавливается, взгляд скользит ко мне. От его светлых глаз у меня подкашиваются ноги и учащается пульс.

Они молочного цвета, как у Сол, — такой контраст с его смуглой кожей — и смотрят прямо на меня.

Сердце замирает в груди, а в памяти что-то вспыхивает, словно кусок мяса, брошенный на раскаленные угли:

Огромные глаза цвета слоновой кости безучастно смотрят в мою сторону, ледяное дыхание обдувает мое лицо, а холодный, блестящий, шершавый нос прижимается к моей груди. Моей груди, которая так полна любви. Так полна...

Боли.

Так много боли...

— Добро пожаловать в «Изогнутое перо», — произносит резкий голос, возвращая меня в настоящее.

Реальность.

Отбросив тревожный образ в сторону моего ледяного озера, я прочищаю горло и смотрю на мужчину, с трудом удерживая его молочный взгляд.

— Привет. Я...

— Пришла продать подсвечник, который ты украла из Имперской Цитадели. Я в курсе, Рейв.

Я хмурюсь, переводя взгляд на белую мантию мужчины, осматриваю множество пуговиц на шве спереди и нахожу одну с фирменным узелком из ниток.

— Ты чтец разума, — бормочу я, мой голос дрожит от благоговения. — Я думала, на вас охотятся и заставляют работать на императорские семьи?

— Болезненно осознать это, — говорит Врун, его голос похож на скрипучую струну. Он склоняет голову набок, зажав металлическую палочку для смешивания между большим и указательным пальцами. — У тебя, моя дорогая, очень интересный склад ума.

Его слова наполняют меня цементом, заставляя мое тело чувствовать себя тяжелым.

Придавленным бременем.

— В нем скрыта... *глубина*, наполненная большим количеством обид и секретов, чем я могу сосчитать, — говорит он, быстро качая головой. — Как тебе это удастся?

Я набираю полные легкие воздуха. Убеждаю их работать.

— Я не обращаю на это внимания, — хриплю я. — В основном.

— А-а-а.

Он кладет палочку на кусок сложенной ткани, сводя вместе жесткие брови.

— Ты пришла за набором клинков из драконьей чешуи, шестью железными кинжалами, бандольером, горстью железных булавок обычного размера, а также хотела бы подобрать соответствующую одежду, которую сможешь взять с собой в маленькой, удобной сумке в Сумрак, где ты собираешься найти охотника за головами Рекка Жароса.

Что ж. Это удобно.

— Все верно. — Я склоняю голову в знак уважения к его способностям.

— Неплохой список.

— Ну да. У меня был пожар в доме. Я потеряла...

Слишком много.

Образ Эсси, неподвижно лежащей на диване, поражает меня, как удар ножом между ребер, и мне стоит больших усилий не вздрогнуть.

— Я вижу это, — говорит Врун, и его голос дрожит от волнения. — Мне жаль, Рейв. За Эсси. Сожаление — самое тяжелое бремя.

Я перевожу взгляд на мозаичный потолок.

Полки.

На свои руки.

— Я также сожалею о твоей маленькой Ней. Я знаю, как тяжело было отправить ее обратно.

— Твоя ментальная удочка очень хорошо ловит мысли, — говорю я, натянуто смеясь и сдвигая манжет выше запястья, чтобы дать коже возможность дышать.

— Да. Прости. Боюсь, это скорее тяжкая ноша, чем дар. — Он ненадолго замолкает, а затем продолжает: — Тебе также нужна одна из моих металлических палочек, чтобы снять железную манжету с твоего запястья...

Я встречаюсь с ним взглядом, приподнимая бровь. Его брови шутливо изогнуты.

— Идея пришла тебе в голову, когда ты вошла сюда. Ты собираешься найти камень на берегу и использовать его, чтобы выбить стержень, на котором

держится манжет. — Он одаривает меня озорной улыбкой, которая оказывается чрезвычайно заразительной.

— Думаешь, получится?

— Да, но у меня есть кое-что более подходящее, что не согнется под давлением. Тебе также нужно взять пару вещей с полок, чтобы создать впечатление, что ты пришла сюда за обычными товарами. С этим я тоже могу помочь.

— Спасибо, — говорю я и снова наклоняю голову. — Пирок передавал привет. Он ждет на улице.

— Передай, что ему нужно воздержаться от медовухи. О... — Его глаза расширяются, затем снова прищуриваются, как будто он заглядывает в извилины моего мозга. — Теперь я понимаю, почему ты принесла подсвечник, вместо того чтобы воспользоваться своими запасами...

Да. Есть причина.

— «Восставшие из пепла» считают, что я мертва. На моей странице так и написано. Я бы хотела, чтобы так и оставалось. По крайней мере...

— На время.

— Уверена, ты понимаешь, почему.

— Действительно, — задумчиво произносит он, медленно кивая. — Эта Серим — довольно неприятная штука. Я вижу, она держит тебя на очень тугом... поводке...

Скорее, на ошейнике. Не слишком большая разница.

Его лицо бледнеет, а в глазах появляются слезы.

— Ты кое-что потеряла, но не знаешь что именно...

По моим венам проносится холод, проникая до мозга костей.

— Я...

— О... моя дорогая. — Его лицо морщится, рука прижимается к груди, по щеке скатывается слеза. — Что-то такое... *особенное*, — всхлипывает он, и его слова вызывают судорожную боль в моем животе.

Стремительный удар в левую сторону моей груди.

— Ответ внутри тебя. В том месте, где ты все прячешь. Я могу помочь тебе осушить...

— Хватит, — рявкаю я, ударяя подсвечником по стойке.

Его глаза расширяются, дыхание сбивается. В течение долгого момента он просто... смотрит — лицо бледное, в глазах слезы, которые свободно текут по щекам. Капли правды, на которую я не хочу смотреть. Не хочу видеть.

Не тогда, когда я уже могу представить, какие печальные звуки издают его слезы, просто глядя на них.

— Я сказала *достаточно*.

Пожалуйста...

Он моргает, хмуря брови, не потрудившись стереть следы печали со своих щек.

— Конечно. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прекратить. Я просто...

— Он качает головой и встает, выходя из-за прилавка. — Я соберу твои покупки для отвлечения внимания, и ты сможешь отправиться в путь.

У меня почти подгибаются колени, когда он скрывается из виду, и я прижимаю руку к своему бешено колотящемуся сердцу, пока он ходит по магазину, снимая товары с полок.

Я не наблюдаю. Не обращаю внимания. Просто смотрю на заднюю стену и притворяюсь, что нахожусь в другом месте, где никто не копается в моих мыслях.

Было приятно, когда он начал, делая слова лишними. Как приятная щекотка.

Теперь это *ранит*.

Он возвращается с черной книгой в кожаном переплете с тиснением в виде жемчужного мунплюма на обложке, баночкой чернил и связкой угольных палочек. У него в руках также небольшой металлический мусат⁵, который, похоже, способен выдержать силу камня, которым я очень хочу выбить стержень из манжета.

Он складывает несколько золотых монет в мешочек, который, как я подозреваю, является моей сдачей, упаковывает все это в коричневую кожаную сумку с застегивающимся клапаном, и протягивает ее через прилавок.

— Твои размеры указаны в книге учета?

— Думаю, да.

— Тогда я пришлю жаворонка, когда твои покупки будут готовы.

— Спасибо. — Я беру сумку, кожа такая мягкая под моей рукой.

Такая красивая, качественная. Это кажется пустой тратой...

— Это не так, — говорит он, мягко улыбаясь. — Скоро пойдет дождь. Я не хочу, чтобы твой дневник намок. Он такой красивый, и я хочу, чтобы ты могла им наслаждаться.

Нахмурившись, я смотрю на потолок. Туда, где из круглого окна льется яркий луч солнечного света, от которого вспыхивают вихри пыли.

— По-моему, с погодой в полном порядке.

— Если бы не железная манжета, ты бы услышала, как он приближается. И если бы ты потрудились прислушаться.

Его слова задевают меня за живое, кровь стынет в венах, когда я понимаю, как глубоко он проник.

— Проще не слушать, — вырывается у меня.

— Ты слушаешь Клод.

Я так сильно стискиваю зубы, что боюсь, как бы они не треснули, чувствуя себя скелетом, с которого сняли всю плоть, — просто кости, оставленные отбеливаться на солнце.

— Клод игривая, дикая и злобная. Сильная и вздорная. Она не унывает, не дуетса и не жалеет себя.

— Рейн — это...

— *Слезы.* Она — кровопролитие. Рейн — это иней, который покрывает кожу мертвецов, которых сбрасывают со стены на съедение зверям Тени. Рейн — снег, покрывающий темную половину этого *гребаного* мира. Рейн — это...

— Сила, моя дорогая.

Следующее слово застревает у меня на языке.

— Рейн — это *сила*, — продолжает он. — Половина мира, покрытая ледяной силой, которой никто не в силах овладеть. Хотя *ты* могла бы, если бы не прятала печали в ледяном озере внутри себя, вместе с...

— Благодарю вас, добрый господин. За то, что приняли мой подсвечник в качестве оплаты.

Повисает молчание, прежде чем он опускает голову так низко, что это можно принять за поклон.

— Это было для меня величайшей честью, Рейв.

Прижимая к груди кожаную сумку, я поворачиваюсь и направляюсь к двери, чувствуя себя так, словно кислую болотную ягоду только что раздавили по всему мозгу и втерли в извилины. Очень глубоко.

Может, этот дей и начался прекрасно, но он стремительно теряет свой блеск.

---

⁵ Ручной инструмент в виде металлического стержня, предназначенный для быстрого затачивания кромки ножей.

Сегодня ко мне пришла женщина с такими же пылающими глазами, как у мужчины, посетившего меня прошлым сном. Такая же привлекательная, с густыми вьющимися волосами и веснушками на носу и щеках. Она держала в руках миску с едой, которую отважилась поставить рядом со свернутым хвостом Слатры.

Я взглянула на нее и снова заснула, но через некоторое время меня разбудил красивый, покрытый шрамами мужчина, заключивший меня в свои объятия.

Я билась и кричала, но Слатра ничего не делала. Ничего! Даже не зарычала.

Мужчина прижал меня к своей груди, его руки были такими сильными, что я поняла — бороться бесполезно. Да и утомительно. У меня осталось так мало сил, а бороться было не за что.

Он понес меня вверх по лестнице в Имперскую Цитадель. Он опустил меня в ванну с теплой, пузырящейся водой, полностью одетую, а затем выбежал из комнаты, оставив меня наедине с женщиной, которая, как я полагаю, является его родственницей.

Она раздела меня, и у меня не хватило духу остановить ее, но я попыталась прикрыться, когда она обнажила мою грудь. Она убрала мои руки и обмыла меня, рассказав, что там, где она воспитывалась, тела не считаются чем-то таким, чего стоит стесняться, независимо от их формы или размера. К плоти не относятся как к какой-то великой тайне, а груди почитают за то, как они питают потомство клана.

Она представилась как Вейя Вейгор и извинилась за поведение своего брата, разговаривая со мной так, словно я ей отвечала.

Мне стало интересно, о каком брате она говорит. Не думаю, что когда-нибудь смогу принять извинения за то, что Тирот Вейгор с такой готовностью отнял у меня.

Мое королевство.

Мою независимость.

Она говорила о многих вещах и задавала множество вопросов, а я смотрела на стену и думала, не так ли чувствовал себя Хейден все те фазы, когда молчал. Как будто во всем этом не было никакого смысла. Но потом она

перестала мыть мое тело, убрала волосы с лица, сказала, что преподает рукопашный бой в Академии Дрока, и спросила, не хочу ли я взять несколько уроков.

Эти слова что-то пробудили во мне, и я почувствовала себя более живой, чем когда-либо за долгое время, словно в моей груди только что взошла Аврора.

Я сказал ей «да», я хочу, черт возьми, поучиться боевому искусству.

Ее улыбка была ослепительной.

Пирок наблюдает за происходящим со своего места напротив меня, откинувшись на спинку стула и сцепив руки за головой, с неизменной ухмылкой на лице, которая мне определенно не нравится.

Я вставляю мусат в выемку на стержне, удерживающем манжет.

— Сейчас все получится, — бормочу я, сосредоточенно отодвигая вторую руку в сторону...

— Думаешь?

— Нутром чую.

Я хватаю камень, который нашла на берегу Лоффа, поднимаю его, считаю до трех, затем резко опускаю вниз.

Мусат отскакивает от удара, как чертова стрела.

Вздыхнув, я швыряю камень на стол и начинаю искать его под звуки глубокого утробного смеха Пирока.

Засранец.

— Рада, что хоть кто-то находит это забавным. — Я повторяю все сначала, стараясь выровнять манжету так, чтобы стержень был расположен вертикально.

Все еще смеясь, Пирок вытирает слезу в уголке глаза.

— Тридцать семь.

— Заткнись.

Чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом, я обвожу взглядом помещение, чтобы проверить, не получает ли кто-нибудь еще удовольствие от моего бездонного источника разочарования.

Уютное куполообразное здание состоит из трех уровней, внешний периметр которых разделен на шикарные кожаные кабинки — одну из них мы сейчас занимаем — с восхитительным видом на Лофф, который я хотела бы оценить в полной мере.

Освободившись от оков.

В центре зала возвышается круглая барная стойка, окруженная табуретами, на которых в основном сидят беседующие посетители, перекусывающие мясом на шампурах и потягивающие из высоких бокалов мутную жидкость или из кружек медовуху. Наблюдая за ними, я замечаю двух мужчин, которые смотрят в мою сторону, изучая мою манжету, и шепчутся друг с другом.

Помахав закованной рукой, я демонстративно им улыбаюсь, но улыбка тут же исчезает с моего лица, как только я возвращаюсь к своей задаче.

Эсси в мгновение ока избавилась бы от него.

— Врун задел за живое? — спрашивает Пирок, и я встречаю его взгляд. Он пожимает плечами. — Твое настроение резко упало.

Такой вежливый способ сказать, что я веду себя как стерва.

— Да, — бормочу я, снова пытаюсь выровнять манжету. Думаю, я заплачу какому-нибудь бродяге, чтобы он забрал то, что я заказала, и мне больше не придется сталкиваться с чтецом разума. В последнее время все проявляют слишком большой интерес к моей жизни — прошлой, настоящей и будущей.

Меня тошнит от этого.

Холу то. Потомство это. Позволь мне заглянуть в твой разум и помочь раскопать твои прошлые обиды...

Нет, блядь, спасибо.

— Я слышал, вы с Вейей не ладили, — говорит Пирок, затем берет орешек в медовой глазури из одной из трех терракотовых мисок с закусками, которые он заказал вместе с первой порцией медовухи, и подбрасывает в воздух. Ловит его ртом.

— Я была голодна, — говорю я, снова устанавливая мусат на стержень и пытаюсь разжать пальцы так, чтобы он не упал. — Она ела фрукт у меня на глазах.

— А-а-а...

Я убираю руку, медленно...

Медленно...

— Думаю, она бы тебе понравилась, если бы ты узнала ее получше.

— Придется поверить тебе на слово, — отвечаю я, не утруждая себя упоминанием о том, что не собираюсь оставаться здесь достаточно долго, чтобы это выяснить. Приятный город, счастливые жители. Я признаю, что ошибалась. Но я по-прежнему испытываю страстное желание ударить Рекка Жароса в грудь и вырвать его сердце, и это желание зудит в моих костях, как рой морозных мух.

Я беру камень, поднимаю его, а затем резко опускаю. Мусат укатывается по столу под звук моих резких ругательств, а Пирок хихикает, напрашиваясь на преждевременную смерть.

— Может поможешь? — рычу я, размахивая закованной в манжет рукой, а другой ловя мусат.

Покачивая головой, он поднимает свою кружку и осушает ее до дна.

— Эта штука на тебе не просто так, я уверен, — говорит он, вытирая губы тыльной стороной загорелой руки.

— Возможно, это как-то связано с тем, что я откусила палец Рекку Жаросу, — бормочу я, хмурясь, когда с неба доносится оглушительный грохот, от которого, кажется, сотрясается воздух.

Я выглядываю в открытое окно справа от себя, окидывая взглядом живописный Лофф, покрытый рябью от ветра. Поскольку это заведение расположено среди валунов на восточном побережье Домма, у нас прекрасный вид на парящий город. А западный мыс, который продолжает притягивать мой взгляд, кажется лишенным цивилизации и полностью покрыт джунглями цвета ржавчины.

— Что там?

Тишина.

Я смотрю на Пирока, который теперь уставился на меня так, будто у меня выросла лишняя голова.

— Что?

— Ничего, — говорит он, по его телу пробегает дрожь, вероятно, связанная с рассказом о пальцах.

Я поняла. Поначалу я чувствовала то же самое, но потом смирилась с этой мыслью.

— Он отгорожен стеной. — Он показывает большим пальцем в том направлении. — Там живет хьюлинг.

Я хмурюсь.

— Правда?

— Хочешь пойти проверить?

Я бросаю еще один взгляд в сторону мыса.

Вроде того.

— Я больше хочу снять этот наручник, — говорю я, и Пирок встает.

— Еще выпьем за предстоящую долгую битву?

— Конечно. — Я осушаю свою кружку — медовуха представляет собой богатую смесь ароматов дымной огненной ягоды, пива и обугленного дерева. Не слишком сладкая и не горькая. Несомненно, самый вкусный напиток, который я когда-либо пробовала.

— Я расплачусь с тобой мелочью, которую получила за украденный подсвечник, — говорю я, вкладывая пустую кружку ему в руку.

— Ты уверена, что не хочешь стакан воды? У этого напитка нет привкуса грязи, а щеки у тебя уже довольно румяные...

— Медовуху, — бормочу я, возвращаясь к манжете и новой попытке. Сомневаюсь, что мой заказ будет готов до завтрашнего восхода, а значит, меня, скорее всего, сопроводят обратно в Имперскую Цитадель на предстоящий сон. — Пожалуйста.

Единственный способ уснуть под одной крышей с его *Императорским Высочеством*, не сказав и не сделав какой-нибудь глупости, — это напиться так, чтобы я не смогла встать с тюфяка. Обычно я не из тех, кто топит свои печали, но не вижу смысла бороться с приливом, который явно хочет погрузить меня в пучину бездумного забвения.

Я как раз снова выравниваю мусат, когда мое внимание привлекает движение снаружи — с моего места открывается прекрасный вид на куполообразную смотровую площадку, расположенную на вершине горы далеко вверх. Над множеством массивных нор, вырытых в отвесной скале.

Уже дважды я видела, как один и тот же молодой саберсайт прыгает со скалистого плато, вырубленного в громаде Цитадели — единственным украшением зверя является кожаное седло, возможно, он привыкает к ощущению чего-то, накинутого ему на спину.

Хотя и интересно наблюдать, как он проносится по небу в головокружительном танце, резвясь так, словно в его брюхе бурлит энергия, с которой он не знает, что делать, это не то, что мне нужно. Саберсайтов обычно не используют для перевозок, поскольку они не могут летать южнее Сумрака, рискуя замерзнуть до смерти. Они не переносят холод так же, как мунплюмы — солнце, но я не собираюсь к солнцу.

Я хочу убраться *подалее* от него.

К счастью, в большинстве крупных городов есть запас очарованных, в общем-то спокойных молтенмау, достаточно обученных, чтобы доставить способных заплатить пассажиров в выбранный пункт назначения в сопровождении того, кто очаровал зверя. И вот этот молтенмау, который только что вынырнул из-за горного хребта, и несется по небу, пока ветер треплет его розово-красное оперение, с двойным седлом между пернатыми крыльями...

Это мой билет отсюда.

Массивный зверь опускается на плато, поворачивает голову, чтобы погрызть что-то под крылом, а Пирок задергивает шторы кабинки и устраивается на сидении напротив меня.

— Скажи, — бормочу я, указывая мусатом в окно, — там расположен городской вольер?

— Собираешься куда-то, Лунный свет?

Я резко поворачиваю голову, и сердце замирает в груди при виде Каана, откинувшегося на спинку сидения — волосы собраны на затылке, выбившиеся пряди свисают вокруг его невероятно красивого лица. Он одет в черную кожаную тунику, которая облегает его тело, словно вторая кожа, линии подчеркивают широкий размах его мощной груди. Рукава туники обрезаны по широким плечам, а покрытые шрамами руки скрещены, и он наблюдает за мной, приподняв одну бровь.

Я набираю воздух во внезапно пересохшие легкие, наполняя их его обжигающим ароматом, который заставляет мое сердце учащенно биться.

— Хм? — подбадривает он, и я понимаю, что сижу здесь и смотрю на него, зависнув в интенсивных волнах напряжения, прокатывающихся между нами, щеки пылают, пересохшие губы не могут произнести ни слова.

— Я...

Творцы, он словно лишил меня дара речи.

Куда подевался Пирок? Большой, подвыпивший буфер между мной и этим мужчиной был бы сейчас очень кстати.

— Я бы проспал весь сон, — ворчит Каан, и я готова поклясться, что его глубокий, хриплый голос был создан самими Творцами, чтобы уничтожить меня. Чтобы изменить меня изнутри, превратив в безмозглую идиотку. — Всю оставшуюся жизнь, вообще-то.

Черт.

— Я кое-что видела в твоём городе, — умудряюсь пролепетать я — совсем не то, что собиралась сказать, но разговор пошел в опасном направлении.

Его вторая бровь взлетает вверх.

— И что же?

— Не то, что я ожидала.

Улыбка подрагивает в уголке его рта, и от нее мне хочется поерзать на стуле представляя его лицо между моих бедер, прямо здесь, на этом столе, чтобы все слышали, как я кричу.

— Ты делаешь мне комплимент, заключенная семьдесят три?

— Не забивай себе этим голову.

— Именно это я и сделаю, — отвечает он, а я закатываю глаза и тянусь за свежей кружкой медовухи, которую, должно быть, Пирок сказал ему, что я просила, прежде чем скормить меня этому воплощенному саберсайту — не заслуживающему доверия засранцу. Я как раз обхватываю кружку пальцами, когда Каан протягивает руку.

Перехватывает мою.

Прижимает ее к столу.

Еще одно стремительное движение — и мусат оказывается у стержня, а камень — в его второй руке, и он начинает постукивать по нему точными, аккуратными ударами, от которых в заведении воцаряется тишина.

Мои брови поднимаются, и я представляю, как все смотрят в сторону нашей закрытой шторами кабинки, когда стержень выскальзывает.

Каан откладывает инструменты, а я отдергиваю руку, снимаю железку и бросаю ее в окно, наблюдая, как она с плеском тонет в Лоффе. Я закрываю глаза и потираю запястье, затягивая мысленную звуковую ловушку на все остальные звуки, которые я не желаю слышать прямо сейчас.

Возможно, никогда.

Улыбка расцветает на моих губах, когда я наслаждаюсь мелодичным смехом Клод...

С возвращением, сумасшедшая сучка.

— Ужасно доверчиво с твоей стороны.

— Я доверяю своему народу, и я на восемьдесят процентов уверен, что ты не убьешь меня теперь, когда я дважды спас тебе жизнь.

Мои глаза распахиваются, улыбка исчезает, когда я смотрю в его напряженные, пылающие глаза.

— Зависит от обстоятельств.

— Каких?

Я беру свою кружку с медовухой и прижимаю ее к груди.

— Твое королевство может быть благоденствующим и полным улыбающихся, счастливых фейри, но я сомневаюсь, что ты жил при правлении твоего брата. Ты причастен к тому, что он похищает детей у их Мах в нежном девятилетнем возрасте? — спрашиваю я, склонив голову набок.

Из его глаз уходит весь огонь, оставляя холодные, покрытые сажей угли.

— Шепот силы — и их тут же отбирают у кричащих родителей и оставляют взамен ведро с кровавым драконьим камнем. Призывают на военную службу. Отвозят в Дрелгад, где они учатся произносить убийственные слова, практикуясь на маленьких пушистых существах. Вырывая из сердца ребенка ту нежную часть, которую *невозможно* заменить, превращая их в настоящих, измученных монстров.

— Рейв...

— Знаешь ли ты, — говорю я, указывая на клип, который я проделала сама в раковине собственного уха, — что детей, подтвержденных как пустых, помечают насильно? Это становится знаком для стервятников, которые нацеливаются на них, заманивая в ямы для битв в Подземном городе пустыми обещаниями достаточного количества кровавого камня, чтобы прокормить их семьи. В противном случае они вынуждены просто выживать в Подземном городе. Где воздух слишком тяжелый. Где нет солнца, и каждый сон — это лотерея, проснешься ты или нет, обездвиженный тихим хьюлингом, сидящим на твоей груди и нежно высасывающим твой мозг через ноздри.

Налетает порыв ветра, превращаясь в яростный вихрь, который треплет занавеску, и Клод вторит моему гневу пронзительной песней, состоящей из резких слов и пронзительных визгов.

— Или еще хуже, — рычу я, словно раскат грома, — какой-нибудь злобный, сильный ублюдок может позволить себе заняться развратом в темноте, где гибнет невинность, — и все потому, что твой дорогой брат заботится только о своей многочисленной, мощной армии и о том, сколько очарованных молтенмау у него в военном вольере.

Я поднимаю медовуху и осушаю половину кружки тремя большими глотками, вытирая рот тыльной стороной руки.

— Если ты замешан в этом, — говорю я, пока ветер треплет мои волосы, превращая их в черные щупальца, закрывающие свет, — тогда да, я найду в себе мужество убить тебя, несмотря на твой счастливый город, эту странную химию между нами и тот факт, что ты дважды спас мне жизнь.

Мы не отрываем глаз друг от друга, пока воздух продолжает бороться с нашей атмосферой, тишина становится плотнее воды. Настолько, что мне кажется, что заведение, возможно, внезапно опустело.

— Эта странная химия, говоришь? — спрашивает он, и его пристальный взгляд прожигает дыру в моей душе, отчего становится трудно дышать.

Я пожимаю плечами.

Он протягивает руку через стол, и наши пальцы соприкасаются, когда он берет мою кружку. Я отпускаю руку, и он подносит ее к губам с противоположного края, изучая меня поверх ободка.

Его кадык дергается.

Снова.

И снова.

Он с тяжелым стуком опускает ее на стол.

— Потребовалось много фаз, чтобы взять под контроль Пекло и создать армию, *почти* достаточно сильную, чтобы соперничать с моими братьями, которые уже глубоко вонзили свои когти в каменный и обсидиановый троны к тому времени, когда я нашел стимул взять бронзу. Война с Кадоком или Тиротом будет катастрофической, но это лишь вопрос времени. Мои братья заслуживают такой же милости, какую получил мой Пах, и она будет оказана, — говорит он хриплым голосом, от которого у меня по коже бегут мурашки. — Но это дорого обойдется.

Воцаряется молчание, пока я обдумываю его слова.

— Ты же не имеешь в виду золото...

— Я имею в виду *невинных*, — рычит он, и моя кровь превращается в лед.

— Найди наемного убийцу. Устрани их тихо, без показательного свержения. Я сделаю это добровольно. С радостью. Даже бесплатно.

А потом станцую на их поганных трупах.

Челюсть Каана пульсирует, между бровей пролегает глубокая складка.

— В нашей культуре такая победа не считается достойной. Битва ведется либо с применением грубой силы, либо между двумя Оа на поле боя, очищенном от сил стихий, — но мои братья никогда не согласятся на это. С тех пор как мы с Райганом стали Дага-Мурком.

Мои глаза расширяются, брови поднимаются, а сердце пропускает удар.

Еще один.

Это объясняет вельд.

Силу.

— Ты...

— Самое главное, — перебивает он, — у них крепкий, устойчивый союз, созданный в утробе матери, который незыблем. *Смертельно опасен...*

Я слышу безмолвное послание, содержащееся в этом заявлении. Попытка напасть на одно из королевств означает войну с обоими.

— Битва расколет наш мир и на небе появится еще больше лун, — говорит он низким, скрипучим голосом, и его следующие слова обжигающе бьют по моим нервам. — Пламя охватит мир. Многие сгорят. Еще больше задохнутся. Как ты заметила, многие из тех, кто призван в армии Тени и Сумрака, — еще совсем юнцы, которые должны бегать по улицам босиком, смеяться и радоваться жизни. Менее обученные, чем опытные воины, они погибнут первыми...

— *Хватит.*

Слово вырывается из меня так быстро, что царапает горло, а их легких вырывается сдавленный вздох.

Я отворачиваюсь от его пристального взгляда. Собираю угли его испепеляющих признаний и уношу их в мой ледяной мир, запихивая в прорубь во льду, где мне не придется на них смотреть.

Внимание приковано к столу, я продолжаю запихивать их туда...

Продолжаю...

Он наклоняется вперед, упираясь локтями в стол, проводит пальцем по моему подбородку и поднимает голову, заставляя встретиться с его смягчившимся взглядом.

— Война — это грязно, Лунный свет. Даже если она ведется по благим причинам, никто по-настоящему не побеждает, пока не пройдут эоны, воспоминания не поблекнут, а вся боль и потери не начнут стираться...

— Я понимаю, — выдавливаю я из себя. — Ты можешь остановиться.

Мои глаза кричат слово, которое мои губы не могут произнести.

Пожалуйста.

Мгновение тянется, пока он всматривается в мои глаза с такой интенсивностью, что грозит проникнуть под кожу и скользнуть к моему ожесточенному сердцу.

— Я не собираюсь тебя убивать, если ты этого ждешь.

Уголок его рта дергается в улыбке, и это все равно, что смотреть в глаз бури. Так невероятно красиво, что почти забываешь, что тебе угрожает опасность.

Почти.

— Это честь для меня. Дай мне знать, если передумаешь.

Сомневаюсь. На самом деле я решила, что его смерть может стать одной из величайших потерь, которые может понести этот мир. Не то чтобы я собиралась говорить ему об этом, конечно. Это... что бы ни было между нами, вырастет в хищного зверя, если я не уморю его голодом — в этом я уверена.

— Ты голодна, Рейв? — В его теплом взгляде сквозит мягкая надежда, которая раздражает. — Не хочешь разделить со мной трапезу?

Прочистив горло, я отстраняюсь от его прикосновения.

— Нет. Не думаю, что стоит, — бормочу я и тянусь к его мальмеру, чувствуя, как воздух застывает, когда я поднимаю его над головой. — Спасибо, что одолжил мне его. Я очень ценю то, что ты сделал для меня в кратере.

Я не вдаюсь в подробности. И уж тем более не говорю о судьбоносце или странных предсказаниях Сол, не желая поднимать эту запутанную тему, пока я освобождаю кожаный ремешок от своих волос, а мир снаружи наполняется грохотом. Я протягиваю драгоценный кулон между нами, глядя в суровые глаза, которые заставляют мое сердце учащенно биться.

Он не делает ни малейшего движения, чтобы взять мальмер. Он даже не смотрит на него.

— Это было не на время, Рейв.

Слова звучат медленно и жестко, лишённые мягкости его предыдущего предложения, от чего у меня по коже бегут мурашки.

Я прижимаю руку к его груди.

— Я не могу дать тебе то, что ты хочешь.

Он смотрит на меня, наклонив голову набок, с таким вниманием, словно приближается к дикому дракону.

— Как ты думаешь, чего я хочу?

Я отвожу взгляд и смотрю в окно, замечая, как над заливом клубятся серые тучи, лучи света чертят линии на поверхности воды в такт раскатам грома.

Любящее сердце.

Потомство, которое продолжит его наследие.

Или хотя бы того, кто будет ладить с его самодовольной сестрой.

Я сглатываю, не желая встречаться с ним взглядом, кладу мальмер на стол и встаю, закидывая сумку на плечо. Я выхожу из кабинки, раздвигая шторы.

Рядом с ним... иногда слов просто не хватает.

Ветер подхватывает мои волосы и швыряет в лицо, а песня Клод звучит как смесь смеха маньяка и пронзительных криков. Как будто она собирается вспороть атмосферу своей кипящей энергией.

Я чувствую себя примерно так же.

Я мчусь по эспланаде в развевающемся черном плаще, не заботясь о капюшоне. Солнце скрылось за серыми облаками, надвигающимися на меня, как какой-то рычащий зверь — горизонт теряется в туманной дымке, которая, кажется, падает из подбрюшья грозовой тучи.

В отличие от прежней суеты, на эспланаде теперь пусто и тихо. Это так резонирует с шумным стуком моих ботинок.

Мысли мечутся под порывами ветра, фантомная тяжесть навалилась на грудь, как гора, и каждый вдох дается с трудом.

Вздыхая, я вспоминаю, как глаза Каана утратили всю свою теплоту, когда я вернула его мальмер...

Ему было больно. Я знаю, что ему было больно.

Я увидела это.

Возможно, мне следовало объяснить. Рассказать ему, что последняя фейри, которая спасла мне жизнь, сделала это во вред себе. Что те, кто заботятся обо мне настолько, что подвергают себя опасности, обычно в итоге погибают. Он увернулся от удара в кратере, сражаясь с Хоком. Я не настолько глупа, чтобы верить, что он сможет избежать следующего.

Жизнь не гладит меня по головке и не хвалит за то, что я налаживаю связи. Она вонзает стрелы в сердца. Вспарывает животы. Она делает все, чтобы я не сомневалась, что одиночество — единственный партнер, который у меня когда-либо будет, и ждет, пока корни связи не проникнут глубже, чем я готова признать, прежде чем разорвать плоть и сломать кости. Пролить кровь. Остановить сердце.

Ожесточить мое сердце еще одним грубым слоем отстраненности.

Но чтобы объяснить это, мне пришлось бы вылавливать тяжелые, болезненные воспоминания из этого покрытого льдом озера внутри себя, а я этого не делаю. Погружаться в себя и так достаточно жутко. Я сбросила туда кучу всякого дерьма, добавив к тому, что уже скрывалось под поверхностью.

Кто знает, что бы я нашла.

Возможно, мою иллюзорную Иную, а я не в том настроении, чтобы просыпаться с еще большим количеством сухожилий между зубами, подвешенной для очередной порки и совершенно не заботящейся о том, какой кровавый след остался за мной.

Не-а.

Этого не будет.

Именно это и привело меня сюда в первую очередь.

Если Каан хочет, чтобы я оставила его мальмер, он может с таким же успехом просунуть голову в петлю и затянуть ее сам, а потом повиснуть, пока не задохнется. И хотя еще несколько снов назад это было бы бальзамом для моей пылающей ярости, сейчас эта мысль вонзается мне в грудь и разрывает, разрывает, разрывает все самое важное.

Мне нужно убраться отсюда.

Бросив взгляд в сторону плато, где, как я заметила, приземлился молтенмау, я замедляю шаг, нахмурившись. Заказанное мной оснащение ассасина было бы кстати, но к черту. Похоже, я улечу с пустыми руками.

У меня есть кинжал. И Клод. Когда я вернусь в Сумрак, разберусь с остальным.

Я бегу по боковому переулку, который, кажется, ведет в нужном направлении, и останавливаюсь, когда капля дождя пролетает прямо мимо моего уха и шлепается мне на плечо.

Мое сердце замирает.

Схватившись за свою внутреннюю звуковую ловушку, я убеждаюсь, что она правильно натянута. Что я установила сито над отверстием — то, которое позволяет Клод проскользнуть, но не дает ледяным рыданиям Рейн проникать в мой мозг.

Не подпускает ее.

Я поднимаю глаза, и еще одна капля устремляется ко мне. Я вздрагиваю, когда она с всплеском агонии сталкивается с моей щекой, и рука поднимается, чтобы смахнуть ее плачущий труп с кожи...

Что происходит?

Я рассматриваю влагу, покрывшую мои пальцы, как аномалию, и отчаянный стон дождевой капли пронзает мою грудь. Как будто она раскололась на части от удара, с болью осознавая, что больше никогда не будет целой.

Такой, какой она была.

Еще больше тяжелых капель падают с плачем, поют непонятные мне слова, рассыпаясь о мостовую у моих ног. Они стонут от потрясения, вызванного их жестоким разрушением, словно умоляют камень поглотить их.

Собрать их обратно в единое целое.

Я стараюсь избежать каждой печальной капли, заставляющей мое сердце страдать самым неправильным образом...

Это...

Это нехорошо.

Широко раскрыв глаза, я смотрю в небо, ловя печальные слезы облаков, которые поют свою роковую песню. Как будто каждая крошечная дождевая капля внутренне осознает, что она попала в ловушку падения, которое может закончиться только одним способом. Что они никогда не будут более цельными, чем сейчас, пока они падают навстречу своей гибели.

Моя рука взлетает к груди и ложится на быстро бьющееся сердце, а душераздирающая мелодия становится все громче по мере того, как дождь усиливается.

Глаза начинают покалывать, и я чувствую, что во мне нарастает тот же приступ рыданий.

Я снова проверяю свою ментальную ловушку. Не нахожу никаких изъянов.

Ни одного.

Значит, песня дождя звучит на другой частоте, чем та, которую я привыкла блокировать...

Прекрасно.

Этот дей может прямо сейчас отправиться есть банку с дерьмом спангла.

Бросив опасливый взгляд на размытую стену дождя, надвигающуюся на меня, я понимаю, что у меня нет времени возиться с ней и пытаться придумать, как отгородиться от надвигающегося шума, проклиная себя за то, что бросила этот чертов манжет в Лофф.

Идиотка.

Я сжимаю свою мысленную звуковую ловушку, пока он не захлопывается полностью, и хватаю ртом воздух, когда поток воды настигает меня и начинает хлестать.

Заливает меня.

Моя ловушка дрожит, как сжатые губы, отчаянно пытающиеся открыться. Чтобы сделать вдох и закричать. Я едва успеваю собраться с силами, прежде чем она низвергается с небес — разрушительная песня Рейн хлещет по мне, как удары плетью с железным наконечником.

По моему незащищенному сердцу.

Рыдание вырывается из моего горла — уродливый всплеск неприятных звуков.

Я отступаю на шаг, другой, изо всех сил пытаюсь затянуть петлю и отключиться. Но это похоже на сокращение мышц, которые никогда не использовались. Не против этой ревущей силы. И Рейн...

Она повсюду.

Кричит на меня, заливает волосы, стекает по коже. Она брызжет на меня из луж, образующихся у моих ног... Мелодия, которая сжимает мои истертые сердечные струны в кулаки и рвет их.

Рвет.

Рвет.

Как будто выдергивает перья из моего сердца.

Как будто просовывает пальцы в его трещины.

Как будто сыпет соль в зияющие раны.

Мое лицо искажается, боль в груди скручивает меня в тугой узел.

— П-прекрати...

Зажав уши руками, я, шатаюсь, иду к приземистому навесу и прижимаясь лбом к камню, когда что-то внутри меня ломается, словно прорвавшая плотина.

И я плачу.

Так, как никогда раньше не плакала.

По щекам текут теплые слезы, которые только усиливают выворачивающий наизнанку крик, сдирающий с меня кожу маленькими, точными кусочками.

И не

перестающий

резать.

Как бы сильно я ни прижимала ладони к ушам, я не могу избавиться от пронзительных воплей, которые эхом отдаются внутри меня. Они разрушают мое самообладание с силой упавшей луны, разбрасывая осколки так далеко и широко, что я их даже не вижу.

Не чувствую.

— Остановись, — всхлипываю я.

Умоляю.

Кричу.

— ПРЕКРАТИ-ПРЕКРАТИ-ПРЕКРАТИ-ПРЕКРАТИ...

Крепкое тепло прижимается ко мне сзади, укрывая от дождя. Отрывает руки от моих ушей и обхватывает ими грудь, заключая в уютные, надежные объятия.

Я понимаю, что это Каан, еще до того, как он что-то произносит, и прижимаюсь к нему всем телом. Я молчаливо ищу убежища в его утешительном присутствии и крепких объятиях его сильных рук.

Из моего горла вырываются еще более уродливые рыдания, которые я не могу удержать.

Неконтролируемые.

Настоящие.

— Когда-то я знал женщину, которая плакала, когда шел дождь, хотя думала, что я этого не замечаю, — шепчет он мне на ухо, и его отрывистые слова прорываются сквозь поток скорбных рыданий, как раскаты грома. — Ее звали...

— *Эллюин.*

Его руки сжимаются, и мое тело превращается в озеро, омывающее каменные плиты его сильной фигуры.

— Манжет был благословением, Лунный свет. Здесь нет необходимости в оружии, но часто идут дожди. Сильные. *Яростные.*

Собственный опыт.

Мой наименее любимый способ обучения.

Клод выкрикивает пронзительную мелодию, словно злится на дождь за то, что он существует — в этом я готова ее поддержать. Ее истерика превращает поток дождя в горизонтальную пелену, хлещущую меня по лицу.

Рейн обрушивается с новообретенной яростью, словно только что сжалась в клубок, обхватила себя руками, подняла к небу сморщенное лицо и *разрыдалась*.

Мои колени слабеют, грозя подогнуться под тяжестью ее глубоких, скорбных воплей.

— Помоги мне сосредоточиться на чем-нибудь другом. *Пожалуйста.*

Слова едва успевают слететь с моих губ, как Каан прижимается к моему уху, из его груди вырывается глухой рокот, перекрывающий шум дождя, он прижимает меня к себе так близко, что я не могу отстраниться.

Песня, которая знакома мне *до боли*.

Я не думаю об этом — не сейчас, — погружаясь в его успокаивающий баритон, позволяя мелодии просачиваться сквозь мои поры, словно каменным крупинкам, которые собираются во всех моих впадинах и углублениях, утяжеляя меня и придавливая к земле. Шлифуя острую печаль в моей груди в нечто округлое и гладкое.

Мои судорожные вдохи начинают стихать...

Он продолжает напевать... соединяя для меня одну знакомую ноту с другой, пока я не обретаю достаточно ровное дыхание, чтобы подпевать ему. Слова, которые я слышала только в глубине моего сознания — далекие отголоски, происхождение которых я никогда не могла постичь.

Слова, которые дарили мне утешение в моменты, когда я чувствовала себя одинокой или несчастной. Приносили мне покой, когда моя душа кричала об обратном. Слова, которые, как мне кажется, могли принадлежать кому-то особенному... когда-то.

В другой жизни.

В другом времени.

Буря стихает так же внезапно, как и началась. Каан запечатлевает финальную ноту в изгибе моей шеи, словно призрачный поцелуй — нежное прикосновение его губ вызывает во мне прилив знакомого до дрожи в коленях чувства. Как будто я уже была здесь раньше. Пойманная в его объятия. Прижатая к его груди.

Зацелованная.

Как будто я была убаюкана его успокаивающим присутствием во сне, который я едва могу вспомнить.

Только крепкая хватка его рук не дает мне рухнуть на мокрую землю, но теперь я задыхаюсь по другой причине...

— Ты знаешь мою песню, — шепчу я.

Наступает тишина — такая густая и тяжелая, что у меня учащается сердцебиение.

— Откуда, Каан?

Я жалею о своем вопросе в тот момент, когда он срывается с моих губ, комков страха набухает в горле. Угрожает задушить меня.

Что, если он скажет что-то слишком важное и болезненное, чтобы я смогла от него отказаться? Что, если его слова вызовут у меня еще одно тревожное воспоминание? Осушат еще больше мое ледяное озеро? Обнажит еще больше камней?

Что тогда?

— Я должен тебе кое-что показать, — шепчет он, прижимаясь к моей шее, затем берет мою руку, касается теплым поцелуем побледневших костяшек пальцев и тянет за собой.

По какой-то странной, непонятной причине... Я не спорю. Не упираюсь пятками в землю.

Я иду за ним.

Глубоко в сердце Имперской Цитадели Каан отпирает цепь, натянутую между двумя огромными черными деревянными дверями, вырезанными в виде пары сражающихся саберсайтов, соединенных голова к голове, с их острых морд свисают ручки, выглядящие как сдвоенные клыки. Я бросаю взгляд на пустой, тускло освещенный тоннель позади меня, ожидая, пока он размотает цепочку и откроет левую дверь.

Взмахом руки он приглашает меня войти внутрь. В темную комнату. Первой.

Я так не думаю.

— Ты первый.

Он вздыхает, устремляясь в темноту тяжелыми шагами.

Я вхожу за ним, осматривая помещение, лучи солнца пробиваются сквозь то, что, как я полагаю, является занавесками на дальней стороне. Каан идет к ним.

— *Veil de nalui*, — шепчу я, заставляя Клод захихикать. Она кружится по комнате, путается в занавесках и раздвигает их, заливая комнату светом.

Каан останавливается перед стеклянными дверями с протянутой рукой. Он прочищает горло.

— Спасибо.

— Не за что, — отвечаю я, осматривая помещение, которое, как я полагаю, является его личными покоями, если судить по концентрации его теплого аромата. Я уверена, что после каждого восхода Авроры он наносит на кожу то, что делает его запах таким невыносимо приятным.

Эта гостиная заставлена изогнутыми книжными полками и роскошными кожаными кушетками, на полу расстелен черный ковер. Рядом с глубоким мягким креслом, обивка которого местами протерлась до дыр, на подставке стоит музыкальный инструмент, истертые струны которого отчаянно нуждаются в замене. По другую сторону того же кресла стоит маленький круглый столик с бутылкой крепкого алкоголя, пустым стаканом и закупоренной банкой, в которой плещется что-то мутное.

Кружится.

Он хватает ее и убирает в ящик стола.

Я вскидываю бровь.

— Не хочешь, чтобы я видела твою банку с туманом?

— Не особенно, — бормочет он, опуская свой мальмер на инструмент.

Я отворачиваюсь и рассматриваю разнообразное оружие, в беспорядке сваленное на полках, и пару ботинок, сброшенных у двери. Мой взгляд скользит к карте мира, протянувшейся по всей стене, пожелтевший пергамент испещрен крошечными черными крестиками — большинство из них находится к югу от Гора.

Их тысячи.

— Храни свои секреты, — говорю я, переводя взгляд с крестика на крестик. Слева от карты из каменной стены торчит кинжал, и по множеству углублений вокруг него я понимаю, что он попадает туда не в первый раз.

— Поверь мне, — бормочет Каан, собирая разбросанные части одежды. — У меня нет никаких ложных предположений, что тебя хоть в малейшей степени интересуют мои секреты.

— Реалистичные ожидания — это хорошо.

Он хмыкает, уносит одежду в широкий дверной проем справа, исчезая в темноте, а я еще раз осматриваю помещение, замечая тонкий слой пыли на полках. Собственно, почти на *всем*, кроме его инструмента, сидений, бутылки спиртного и кинжала в стене.

Хм.

— Полагаю, ты не... часто принимаешь гостей?

Или даже впускаешь кого-нибудь, чтобы прибраться.

— Запертая дверь отпугивает большинство, — говорит он откуда-то из соседней комнаты. — Меня это вполне устраивает.

Верно.

Любит уединение.

Понятно.

Я смотрю на высокий куполообразный потолок, украшенный наложенными друг на друга драконьими чешуйками, которые, как я подозреваю, принадлежат Райгану, судя по их цвету обожженной крови. В середине висит огромная люстра, сделанная из большого количества клыков саберсайта, чем я когда-либо видела в одном месте, самых разных форм и размеров.

— Не хотела бы я стоять здесь, если бы гора задрожала, — бормочу я, переводя взгляд направо, когда из темного дверного проема появляется Каан с двумя полотенцами и протягивает одно мне.

— Спасибо, — говорю я, вытирая им воду, покрывающую каждый сантиметр моего тела, словно остатки сонного кошмара, а затем промокаю одежду, пока он делает то же самое. Я вешаю полотенце на спинку сидения вместе со своей сумкой.

— Сюда, — бормочет он, бросая свое полотенце рядом с моим, и направляется к двустворчатым дверям впереди. Они выходят в заросший частный сад, погруженный в такую густую тень, что я удивляюсь, как там вообще что-то растет.

Он отпирает двери и выходит, а я следую за ним во влажную гущу, по неухоженной дорожке, на которой мне часто приходится пригибаться — жужжат насекомые, вода стекает с круглых бархатистых листьев цвета глины.

Порыв ветра позволяет мне взглянуть сквозь густую листву на песчаный пейзаж за ней, и я понимаю, что этот сад выходит на юг, в сторону Сумрака.

Подальше от солнца.

— Это здесь, внизу, — говорит Каан, направляясь к зарослям медно-красного винограда, который оплетает участки крутой, неровной стены, окружающей этот сад. Он раздвигает естественный занавес, открывая проход в скрытый тоннель, а затем пригибается и протискивается туда первым.

Я хмрюсь.

— Я не пойду за тобой туда.

Он замирает и смотрит на меня через плечо.

— Почему?

— Потому что так умирают фейри, Каан. Я знаю, потому что именно так я...

Он вздергивает бровь.

Я замолкаю, раздумывая, не стоит ли поделиться своими деловыми секретами с королем, которому я решила начать доверять всего две секунды назад, но потом решаю, что лучше, если он будет знать, что я — пятно крови в его прекрасном раю.

— *Убила бы.* Вот здесь, — я жестом указываю на тоннель, в который он меня ведет, — самое подходящее место для того, чтобы перерезать мне горло, а потом вырезать несколько букв на груди.

Интересно, что он написал бы? Наверное:

— ВОЗВРАЩАЕТ ЦЕННЫЕ ПОДАРКИ.

Он поворачивается ко мне лицом, его глаза умоляют:

— Послушай, Рейв.

— Я слушаю. Это очевидно.

— Нет, — рычит он, положив руку на гладкую, округлую стену. — *Послушай.*

Я открываю рот и закрываю его, когда смысл его слов доходит до меня.

— Но он такой...

— Что?

Устойчивый.

Крепкий.

Абсолютная противоположность мне.

Скрестив руки, я качаю головой и вздыхаю, ослабляя свой внутренний звуковой барьер почти настолько, чтобы впустить его...

Булдер.

Я выдерживаю напряженный взгляд Каана еще мгновение, затем ослабляю барьер еще немного, закрываю отверстие ситом с широкими отверстиями и готовлюсь к скрежещущему вибрато Булдера, которое... не звучит.

Потому что он не поет — совсем.

Он *гудит*.

Это низкий, монотонный *рокот*...

Я хмурюсь и протягиваю руку, чтобы погладить полированный камень.

— Это...

— Это место почитания, Рейв. Любви и поклонения. Если бы я хотел причинить тебе вред, я бы не стал убивать тебя в этой пещере, — говорит он, не сводя с меня пристального взгляда, от которого ноет в груди.

— Может, ты просто скажешь мне, что там внизу?

Его глаза смягчаются.

— Не могу. Это то, что ты должна увидеть сама.

Творцы.

— Ладно, — отрезаю я. — Но чтобы ты знал, я уговорила твоего стражника обменять пустое глиняное блюдо на его кинжал, который сейчас пристегнут к моему бедру, и я без раздумий его использую.

Он моргает и качает головой, пока я вхожу в тоннель, позволяя листве сомкнуться за моей спиной и погрузить нас в тень.

Тесная лестница усеяна маленькими светящимися жучками, которые напоминают мне луны мунплюмов и обеспечивают скудный свет нашему спуску по бесконечной спирали лестниц, а я жалею, что не начала считать их с самого начала. Я уверена, что мы уже преодолели не меньше тысячи, и моя кожа уже не теплая, а восхитительно холодная, а выдохи похожи на клубы дыма.

Каан заполняет лестничное пространство так, что его макушка едва не касается потолка, залитого светом, его плечи почти слишком велики для того, чтобы он мог спускаться лицом вперед. Время от времени я пытаюсь заглянуть за него и посмотреть, не виден ли конец, но это бесполезно.

Он — как гигантская пробка на лестнице.

Я собираю влажные волосы, чтобы отжать влагу с кончиков, и хмурюсь, когда понимаю, что вода начала твердеть.

Замерзать.

— Далеко еще? — спрашиваю я, смахивая иней с рук и гадая, может он собирается меня отвести на другой конец света. Может мы направляемся в Незерин — местом гнездования мунплюмов?

— Недалеко. — Каан смотрит на меня через плечо, его глаза сверкают в темноте, когда он оценивает меня. — Тебе не холодно? Можешь взять мою тунику, если...

— Я в порядке.

Что-то мелькает в его глазах, как будто он решил, что мысль о том, что я надену его тунику, вызывает у меня дискомфорт.

Это не так. По крайней мере, не так, как он, вероятно, думает.

Я не говорю ему, что чем глубже мы спускаемся, тем меньше я сомневаюсь в своем решении последовать за ним по извилистому тоннелю в темную бездну. Я, конечно, не говорю ему, что холод ощущается как...

Дом.

Причина, по которой я продолжаю пытаться заглянуть ему за спину, не в том, что я боюсь, что он привел меня сюда, чтобы убить. Уже нет.

Нет...

Какая-то внутренняя часть меня *тянется* к тому, что находится внизу этой бесконечной лестницы.

Холод подземелья пробирает меня до костей, кончик носа блаженно немеет, и холодный воздух начинает накатывать на меня, словно ледяные волны, которые тянут за собой, побуждая спуститься глубже.

Еще глубже.

С каждым шагом я все сильнее погружаюсь в этот холод, пока темнота не уступает место серебристому свету, заливающему стены и ступени. Каан превращается в темный силуэт на фоне сияющего света, пытающегося протиснуться мимо него, что бы ни находилось с другой стороны.

— Мы на месте, — бормочет он, и его голос ударной волной проносится сквозь голодную тишину, поднимая волоски на моем затылке.

Он делает шаг в сторону, и меня заливают *светом*.

Так много света.

Сердце замирает, ледяная трещина благоговейного трепета пронзает грудь, когда я вижу круглую пещеру, вздымающиеся стены, покрытые потрясающей, детальной резьбой, изображающей *мунплюмов*.

Одно и то же великолепное существо в сотнях различных поз — длинная шея, большие, полные тоски глаза, тонкие усики, которые свисают с подбородка и развеваются в такт искусным движениям. Изысканные крылья с тремя мембранами, обеспечивающие скорость и непревзойденную маневренность, хвост с шелковистыми нитями, который то развевается, то собран, демонстрируя настроение и темперамент.

Изображения переплетаются так же, как драконы на мальмере Каана, хотя восхитительная роспись меркнет в сравнении с массивной серебряной луной, которую пещера окружает как яйцо — земля утоплена в середине, словно ладони, несомненно, чтобы не дать ей укатиться.

Сдавленный звук вырывается из моего горла, и какое-то мгновение я не двигаюсь.

Не дышу.

Не моргаю.

Что-то внутри меня успокаивается, сворачивается в мягкий клубок, от чего уже второй раз за день у меня щиплет глаза — я так потрясена округлой красотой луны, что мне кажется, будто мир опрокидывается.

Мой дрожащий выдох настолько густой и белый, что сквозь него трудно что-то разглядеть, — громкое пятно посреди гулкой тишины.

Я пошатываясь подхожу к нему, протягиваю руку, кончики пальцев ноют от желания прикоснуться. Провести по впадинам и выпуклостям упавшего мунплюма, навсегда свернувшегося калачиком во время сна, спрятав голову под веером истертой мембраны. Шелковистый хвост дракона сплетается в объятиях с крыльями, рассыпается прядями вокруг шеи и головы, словно мягкая подушка.

Приближаясь к поверженному зверю, я чувствую себя меньше, чем когда-либо. Птенец по сравнению с его огромными размерами.

Булдер продолжает мурлыкать, и его тяжелый баритон звучит как колыбельная, настолько сложная, что невозможно уловить мелодию. Словно смотришь на звезды и пытаешься понять, что находится в темных промежутках между этими далекими искрами света.

Я понимаю, что он — гнездо. Я почти представляю, как он сидит на корточках, сложив руки перед грудью, свернувшись калачиком под этой прекрасной луной, глядя на нее сверху вниз.

Дорожит ею.

Лелеет ее.

У меня так сильно сжимается горло, что становится больно глотать...

Я протягиваю руку и провожу по некогда жесткой шкуре мунплюма, которая теперь превратилась в окаменелость. Она такая твердая и холодная, что кажется, будто гладишь ледяную глыбу.

— Твоя луна, — выдавливаю я, легкая улыбка касается уголка моего рта, а по щеке скатывается слеза, которую я быстро смахиваю.

— Ее звали Слатра, — говорит Каан с такой болью в голосе, какой я никогда раньше не слышала. — Мне еще предстоит найти ее последние осколки. С этой стороны не видно, но на спине есть небольшая щель, которую мне еще предстоит заполнить.

У меня по спине пробегает холодок, и я провожу кончиком пальца по трещине толщиной с волос, поднимая голову, чтобы увидеть еще больше паутинок на ее теле — доказательство того, что при ударе она разбилась на тысячи осколков. Осколки, которые были кропотливо собраны в этой округлой гробнице.

— Это ты сделал? — спрашиваю я, мой голос дрожит.

— Да.

Я качаю головой, осознание захлестывает меня, как вода тонущего.

Моя ярость — моя неистовая жажда мести — была *ослепляющей*. Я считала Каана тираном. Бессердечным чудовищем. Но у него такое большое и доброе сердце, что я удивляюсь, как оно помещается в его груди.

— Почему?

— Потому что больно осознавать, что она не целая, — хрипит он, отчего у меня снова выступают слезы.

Я обхожу дракона и останавливаюсь у того места, где голова Слатры глубоко зарылась в кисточку ее хвоста.

Сердце замирает, дыхание перехватывает. Ошеломляющее воспоминание едва не заставляет меня потерять равновесие.

Не обращая внимания на звуки раскалывающегося льда, я приподнимаюсь на цыпочки и заглядываю через щель в ее крыле в небольшое углубление, которое она защищает. Не острые и зазубренные куски, которых еще не хватает, а гладкий след рядом с кончиком широкого носа зверя, словно Слатра испустила последний вздох, баюкая... *что-то* в шелковистых завитках ее некогда мягкого хвоста. Защищенное ее когтем.

Я хмурюсь, вглядываясь в это уютное гнездышко, почти ощущая, как его впадинки и выпуклости прижимаются к моему телу.

Обнимают *меня*.

Почти ощущая, как холодное пространство между ее щелевидными ноздрями прижимается к моему лбу, как затвердевшая кисточка ее хвоста обнимает мою... грудь...

Я отступаю на шаг... другой... втягиваю воздух в легкие, которые, кажется, забыли, как дышать.

Нет...

— Ты с ней знакома, — говорит Каан, его баритон разрывает тишину, как обвал в горах.

Накрывший меня.

— Я...

Мои мысли устремляются к воспоминанию, которое я давно отбросила, его труп лежит на берегу моего внутреннего озера, лишенный всех эмоций, которые я вырвала из него, оставив лишь костлявый скелет того, что когда-то могло причинить боль.

Ощущавшемуся как тяжесть.

Я позволяю себе оценить останки с относительной отстраненностью:

Странный скрежещущий стук пробудил меня от вечного сна. Я впервые открыла глаза, вглядываясь в мир, в котором родилась, сквозь железные прутья того, что, как я теперь знаю, называется клеткой.

Мое резкое пробуждение сопровождалось замешательством, пока я пыталась понять, как я оказалась в своем теле. Как оно работает и двигается. Почему все вокруг расплывается.

Почему тепло.

И при этом я ужасно дрожала. Я думала, что это из-за жары, но теперь поняла, что это не так.

Моя душа содрогалась изнутри.

Я потянулась вперед и обнаружила на моем запястье что-то тяжелое и холодное — как я теперь понимаю, это были кандалы. Я ухватилась за прутья, пытаюсь удержаться в этом странном существовании, где у меня были руки, которые двигались, легкие, которые дышали, и глаза, которые могли видеть, и мой взгляд устремился к источнику звука, который пробудил меня к существованию.

По темной норе, мимо места моего пробуждения, катили тележку.

В ее глубоком углублении лежали зазубренные осколки блестящего серебра, от которых исходил холод, которым хотелось плеснуть себе в лицо.

Осколки были так красивы на фоне полумрака, окружавшего меня, что я сразу же поняла — место моего пробуждения не хорошее, а плохое. Потому что, сколько бы я ни плакала и ни кричала, умоляя существо, толкавшее тележку, подогнать ее поближе, чтобы я могла как следует рассмотреть красивые осколки, к которым мне отчаянно хотелось прикоснуться, он даже не взглянул на меня.

Осколки исчезли, и всего через несколько мгновений после этого я поняла, что значит быть пойманной в ловушку.

— Ответь мне, Рейв.

И снова я чувствую себя в ловушке. Вынуждена смотреть на то, что способно разорвать меня на части изнутри, если я загляну еще глубже.

Посмотрю еще внимательнее.

Потому что те осколки, которые я увидела, когда впервые открыла глаза в том мире... *Теперь* я понимаю, что они были найдены одновременно со мной. Вот почему тележка везла их мимо моей камеры. Их только что вытащили из снега, затащили внутрь горы из камня и льда, в чреве которой кипело пламя.

— Ты. Ее. Узнаешь?

Я оставляю болезненное воспоминание там, где оно и должно быть.

Внутри.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — огрызаюсь я, разворачиваюсь и бросаюсь к выходу.

Каан преграждает мне путь, его кожаная туника покрыта тонким слоем инея.

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с его огненным взглядом, который так не сочетается с кристаллами льда, покрывающими его волосы и бороду, заставляя их мерцать в лучах света.

— *Отойди.*

— Видишь ли, я думаю, ты лжешь. — Он делает шаг вперед, излучая безграничную энергию огромного зверя в расцвете сил. Энергию, которую невозможно игнорировать. — Я думаю, ты знаешь эту луну лучше, чем *кто-либо* другой.

Внутри меня, из глубины моего озера, что-то одобрительно рычит. Я игнорирую гул признания, сосредоточившись на гневе, разрастающимся в моей груди, как шар драконьего пламени.

Моя нога скользит назад, а верхняя губа оскаливается, обнажая клыки.

— Я думаю, что этот зверь обнимал тебя на протяжении сотни фаз, вдыхая жизнь в твое изломанное тело, пока вы обе не упали с неба. Думаю, ты вырвалась из могильной плиты Слатры, как вылупившийся дракон...

— Ты чертовски *безумен*, — шиплю я, сталкиваясь спиной с луной.

— Правда? — Он нависает надо мной, как скальный выступ, сверля меня взглядом, который высасывает весь кислород из моих легких. — Потому что я знал женщину, которая погибла. Трагически. Чье безжизненное тело унесла в небо обожающая тварь с моим вырванным сердцем в своем гребаном кулаке, — хрипит он, поднимая руку, сжатую в кулак, и потрясая ею перед моим лицом. — Ее звали Эллюин, и она смеялась вместе с ветром, плакала с дождем. Она гневалась вместе с огнем и рычала вместе с землей. Ее сердце билось синхронно с...

— *Хватит.*

Он рычит, и раздается щелчок. Он произносит слово, которое я не слышу из-за своего бешеного пульса, и пламя оживает в его руке.

Мое тело замирает, парализованное обжигающим зрелищем. В окружающей нас пещере царит глубокая, почти осязаемая тишина. Тишина, которая, кажется, исходит... изнутри.

Меня.

Как будто я поглощаю звук. Впитываю его.

Каан подносит пламя так близко к моему лицу, что я уверена, он вот-вот проведет им по моей коже, и я начинаю осознавать, что что-то внутри меня *наблюдает* за происходящим.

Прислушивается.

— Посмотри мне в глаза, Лунный свет, прямо в душу, и скажи, что ты не слышишь шипящих криков этого огня. Посмотри мне в глаза, отточь эти слова и не моргай, когда будешь вонзать их в мое сердце.

Я изо всех сил пытаюсь собраться с духом, чтобы сказать ему именно это. Что его пламя не кричит, не шипит и не плюется. Это всего лишь пламя, и оно делает только одно.

Оно обжигает.

— Погаси свое пламя, сир. Или я уничтожу тебя, — рычу я с беспощадной уверенностью, осознавая, что моя Иная находится на грани того, чтобы вырваться на свободу. Я могу быть категорически против причинения вреда этому мужчине, но я не могу отвечать за... нее.

— Это обещание.

Между его замерзшими бровями пролегает морщина.

Он отдергивает руку и сжимает ее в кулак, от чего на меня обрушивается холодный поток облегчения.

— Кто причинил тебе боль?

— Мне не причиняют боль, король Пекла. Меня закаляют. И нет — твоё *ручное пламя* не пело мне. Ни капельки. Иначе я бы вывела его в коридор и приказала покончить с собой в луже.

Он хмурится еще сильнее, его рука поднимается, словно для того, чтобы коснуться моей щеки. Как будто он хочет прикоснуться ко мне, но боится, что я могу ее отрезать.

— Не лги мне, Лунный свет. Лги всему миру, но, пожалуйста, не лги мне.

— Перестань говорить со мной так, будто ты меня знаешь. Ты не знаешь. Даже если я и упала с твоей драгоценной луной, я ничего тебе не должна. Эллюин мертва.

— *Остановись.*

Его слова приказывают. Его глаза умоляют.

Все это отскакивает от моей брони, как стрелы, которые я ловлю и вонзаю ему между ребер.

— Спасая мою жизнь, утаскивая меня в свое большое, прекрасное королевство, где все тебя чертовски любят, ты не сможешь воскресить ее. Я не твоя и *никогда* не буду.

Он отступает назад, оставляя меня распростертой на застывшем крыле Слатры. Позволяя мне впервые вздохнуть полной грудью с тех пор, как мы столкнулись.

Не обращая внимания на неприкрытую боль в его глазах, я устремляюсь к лестнице, ни разу не оглянувшись через плечо, каждый шаг вверх уводит меня все дальше от уютного гнездышка прохлады.

Я игнорирую тоскливое чувство, которое пытается заставить меня обернуться. Перелезть через сложенное крыло, свернуться в углублении и заснуть в каменных объятиях дракона.

Больше всего я игнорирую ощущение, что каждый шаг вверх — это еще один шаг, отдаляющий меня от истины.

Вместо этого я избавляюсь от мимолетных проявлений привязанности и любопытства, сворачиваю их в сверток, затем привязываю к камню и обнаруживаю, что мое внутреннее озеро уже растаяло у берега. Во льду образовалась удобная прорубь, и мне легко выбросить очередное воспоминание.

Я мало во что верю, но знаю, что с неизвестным нужно обращаться осторожно — как с драконом. Не приближайся к ним, и они не нападут. Вы можете существовать в гармонии целую вечность, если никто не будет делать резких движений.

Попытайтесь забраться им на спину или украсть яйца? Что ж.

Скорее всего, вы умрете.

Так уж случилось, что мне нравится жить в полном забвении. Это одиноко, но одиноким нечего терять.

Меня это вполне устраивает.

Я вырываюсь из тоннеля навстречу яростному ветру. Проскочив мимо низкого свода из больших круглых листьев, я устремляюсь к двери в покои Каана.

— Я знала, что не должна была идти за ним, — бормочу я себе под нос. Когда это было хорошей идеей идти за кем-то в темный тоннель со словами «это здесь, внизу»?

— Идиотка, — выкрикиваю я, вбивая это слово в мозг, как гвоздь, который, очевидно, расшатался и привел меня в пещеру с покойным мунплюмом, который, по его мнению, был моим. Тот самый мунплюм, который изображен на его спине, — осознание этого грозит пронзить мое сердце насквозь, оставляя меня с еще одним свертком, который мне придется выбросить в ледяную пустоту.

Зарывав, я бью себя по лицу. Сильно.

Идиотка, идиотка, идиотка.

Я проношусь через гостиную, хватаю свою сумку, и, откинув клапан, направляюсь к книжной полке, чтобы стащить несколько лезвий из драконьей чешуи и парочку железных, потому что, несмотря на проблемы с мозговой деятельностью, я невероятно сообразительна.

Я уже почти у двери, когда Каан преграждает мне путь. Как будто сам Райган только что перекрыл мне выход с нутром, полным пламени, и огнем в глазах.

— Уйди с дороги, — рычу я, окидывая взглядом его по-звериному красивые черты, застывшие в каменной хмурости.

Он хватает меня за руку и вкладывает в ладонь небольшую кожаную сумку, в которой, как я подозреваю, находится значительное количество золота.

— Кровавый камень, — говорит он. — Он понадобится тебе, когда ты пересечешь границу.

— О...

Предусмотрительно.

Он обнимает мое лицо ладонями, заставляя меня замереть. Притягивает меня так близко, что наши носы соприкасаются, а его прерывистый вздох — слишком желанное тепло на моей коже.

— Гонись за смертью, Эллиин Рейв.

Судорожный стон пронзает мое горло, словно лезвие, — острые края проникают глубоко.

Эллиин Рейв...

— Проведи свою жизнь в одиночестве, вечно задаваясь вопросом, почему ты кричишь во сне. Призывая того самого мунплюма, которого я последние двадцать три фазы собирал по кусочкам, надеясь, что это принесет твоему духу покой. И все потому, что ты так чертовски любила этого зверя, — произносит он, качая головой, — я знал, что тебе будет больно, когда ты узнаешь, что она разбросана по всему миру после того, как падальщики разорили зону ее падения.

— Я...

Мои слова замирают на кончике языка, когда он берет мою руку и подносит ее к своему сердцу, проводя подушечкой большого пальца взад-вперед по расцарапанной коже сбоку от моего ногтя.

Его взгляд умоляет, а голос наполнен невыносимой печалью, слишком тяжелой, чтобы ее вынести:

— Гонись за смертью, Лунный свет. И я молюсь, чтобы твоя жажда крови принесла тебе то же чувство покоя, которое я испытываю, просто зная, что ты существуешь.

Он целует меня в висок, так быстро и легко, что я едва замечаю это, и уходит. Пока он не исчезает в тени соседней комнаты, — призрак его поцелуя все еще остается на моей покрытой мурашками коже.

На мгновение я задумываюсь о том, чтобы броситься за ним. Спросить, была ли у Эллиин фамилия Рейв, если вдруг когда-нибудь мне захочется откинуть завесу со своего прошлого, которое, несомненно, сгорит, как и все остальное.

Я поднимаю руку. Дотрагиваюсь до виска.

Отдергиваю руку.

Нет.

Зарывав, я сжимаю в руке сумку с кровавым камнем и выбегаю в открытую дверь, надеясь, что вольер еще не закрылся на время сна. Что молтенмау уже оседлан и ждет меня, готовый к быстрому бегству из этого прекрасного, завораживающего места, где слишком много черных дыр, чтобы их вынести.

И только когда я иду по скалистому берегу Лоффа к западной оконечности бухты, куда меня тянуло с самого приезда — городской вольер остается у меня за спиной, — я понимаю, что пока не собираюсь уезжать...

Еще одно чужеродное побуждение, которое, без сомнения, укусит меня за задницу.

Запись в дневнике

Элюн Неван

возраст: 18 фаз

5,000,039 фаз после камня

Прошло некоторое время с момента моей последней записи. Мое внимание занято... кое-чем другим. Я запуталась в паутине замешательства. Только так я могу описать чувство в своей груди.

После первого урока боя с Вейей под суровыми лучами Домма — что, кстати, оказалось далеко не так просто, как я думала — я шла по залам Имперской Цитадели — тело болело, пахло припарками от солнца, которые она всегда наносила на меня прежде, чем я выходила на улицу. Я подошла к решетчатой двери, ведущей в вольер Слатры. Только она была закрыта.

Заперта.

Возле двери сидел мужчина, которого, как я теперь знаю, зовут Каан Вейгор — старший сын короля, совсем недавно вернувшийся с Болтанских равнин, чтобы присматривать за Доммом, пока его Пах помогает Тироту закрепиться в Аритии.

Я увидела его впервые с тех пор, как он бросил меня в ванну, а потом удрал, предоставив Вейе сомнительное удовольствие отмыть меня.

Он сидел на земле, а на коленях у него лежал красивый струнный инструмент, вырезанный, судя по всему, из янтарного дерева. Такой глубокий, красноватый оттенок, словно застарелая кровь. Он извлекал простую мелодию из трех толстых струн, его пальцы двигались так изящно, что мне казалось, будто они перебирают струны моего разбитого сердца.

Он не смотрел на меня, но инструкции были понятны по ключу рядом с ним. А также по огромной миске с красным рагу и куску хлеба, лежащему на подносе на полу в другом конце зала.

Я бросилась к ключу, но он схватил меня за руку, причем хватка его была такой сильной, что я сразу поняла, как легко он может переломать мне кости.

Он велел мне сначала поесть.

Во-первых — кто так делает?

Во-вторых, — я ем по настроению, как и Маха. От этой штуки на голове меня тошнит девяносто процентов времени. Это не способствует аппетиту.

Я не стала говорить об этом Каану Вейгору. У него был такой взгляд, будто это не имело значения. Правила бы не изменились. И технически, пока его Паха здесь нет, я живу под крышей Каана.

По правилам Каана.

Какая чушь.

Взбешенная, но сгорая от желания вернуться к Слатре, я сделала, как он просил, — проглотила рагу так быстро, что поняла, что оно слишком жирное и острое, только когда было уже слишком поздно, и в моем бурчащем нутре загорелось маленькое солнце. Я добежала до уборной как раз вовремя, чтобы мой желудок вывернуло наизнанку. По крайней мере, так мне показалось.

Когда я вернулась, дверь была не заперта.

Каан ушел.

На следующий день он снова был там, но на этот раз с гораздо меньшей порцией гораздо более нежного рагу, которое почти напомнило мне о доме своими нотками луковицы джамплина и морозного фрукта. Еще было молоко, которое избавило мой рот и живот от лишних специй.

С тех пор каждый сон проходит по одной и той же странной схеме. Я сижу в его давящем присутствии и набиваю живот едой, которая наполняет меня силами.

Мы не разговариваем. Он просто играет, пока я ем и зарабатываю ключ, который отпирает вольер Слатры. Потом я ухожу, и его аккорды преследуют меня, когда я прижимаюсь к хвосту Слатры и засыпаю, убаюканная его баритоном...

Я не понимаю, что он делает. Зачем он это делает.

Не понимаю, почему я начинаю ждать этого с нетерпением.

Солнечные лучи бьют мне в лицо, когда я поднимаюсь по неровной лестнице, вырубленной в склоне горы, моя тяжелая кожаная сумка бьется о ноги при каждом шаге. Аврора еще не взошла, город спит, воздух влажный после ливня.

Объективно, мне следует подождать несколько циклов, прежде чем отправляться в Аритию на поиски дневника Эллюин. Подготовиться к долгому путешествию. Но у меня терпение как у саберсайта и вдвое больше энергии, чтобы выдержать бессонный сон, полный беспокойных мыслей и такого зуда в ногах, что в конце концов я сдалась и собрала сумку.

Тропинка уходит влево, а затем переходит в широкую каменную площадку, на которой расположены несколько крупных нор. Подобно ячейкам пчелиного улья, вольтер устроен в склоне горы и содержит двести двадцать семь отверстий самых разных форм и размеров.

Одни саберсайты предпочитают прятаться в глубине горы, другие — нет. Одним нравится свободное пространство, другим — тесное и уютное, чтобы они могли наполнить нору пламенем, а затем свернуться калачиком, прижавшись к почти расплавленным стенам, как будто они все еще в яйце.

Как Райган, очаровательный монстр.

Я улыбаюсь этой мысли, убирая волосы за ухо, но тут же *другая* мысль стирает улыбку с моего лица.

— Черт, — бормочу я. — *Зубцы для клещей.*

Я их упаковала? Не могу вспомнить. Может, Каан и не против доставать их голыми руками, но у меня никогда не получается. Головка всегда отрывается, и тогда мне приходится лезть туда пальцами и доставать ее.

Я опускаю сумку на землю и склоняюсь над ней, перебирая вещи, которые не помню, как сюда запихнула — понятия не имею, зачем мне *две* вилки.

У моего гиперактивного и невыспавшегося мозга были свои причины, я уверена.

Я продолжаю рыться в сумке, стараясь не смотреть направо. На нору, которая была заброшена с тех пор, как мне исполнилось пять фаз.

Пока я засовываю руку и ощупываю дно, мои мысли затягивает черный смог, вызванный брошенным взглядом на большую колючую луну, расположившуюся прямо над Цитаделью. Чуть ниже, чем другие луны в небе.

Джого.

Любимый дракон Махи, которого она выхаживала, когда нашла его выкинутым из гнезда еще птенцом.

Мне сказали, что после ее смерти Джого отказался покидать большую круглую нору справа от меня — это ненормально для саберсайтов, поскольку они любят менять норы чаще, чем хаткрабы сбрасывают панцири. Именно поэтому здесь так много нор. Чтобы наши очарованные звери были довольны, и не оплакивали места своего вылупления.

Нежелание Джого выходить из норы было первым признаком того, что что-то не так. Он впал в свою *собственную* форму траура.

Единственный раз я видела свет на его прекрасной бронзовой чешуе, когда сидела на этом самом плато и ждала, пока Каан закончит лечить рану на крыле Райгана. Джого вышел, прихрамывая. Он едва мог оторвать голову от земли.

Он посмотрел мне в глаза, обдал лицо горячим дыханием, и мне еще никогда не было так страшно. Потом он издал резкий клекочущий звук, поднял голову к небу, расправил свои поникшие крылья и *взлетел*.

Ему было пять фаз, а я смотрела, как он сворачивается в клубок и умирает в небе. Пах свалил это на меня. Малышкой я действительно верила, что это моя вина, пока не стала достаточно взрослой, чтобы понять, что зверь оплакивал Маху. Тогда я точно поняла, что *так* оно и было.

Я отбрасываю это болезненное воспоминание и прочищаю горло.

Найдя, наконец, зубцы, я победно встряхиваю ими, затем засовываю в легкодоступный карман и снова перекидываю сумку через плечо. Я как раз прохожу мимо норы Райгана — ее вход весь выщерблен от того, как он готовил нору для себя, — когда вижу Каана, склонившегося над седельной сумкой, которую он в данный момент укладывает.

Я останавливаюсь, вглядываясь в гулкие глубины норы, где Райган, скорее всего, спит с одним открытым глазом, прекрасно понимая, что Каан вот-вот вытащит его из тесного, теплого уголка.

— Куда *ты* собрался? — спрашиваю я, наблюдая за тем, как Каан набивает одну из своих седельных сумок засушенными ломтиками хлеба дахпа. Достаточно, чтобы понять, что он намерен отсутствовать дольше, чем несколько снов.

Он бросает на меня взгляд через плечо, нахмутив брови.

— Клепци свирепствуют повсюду, — бормочет он, лезет в карман и достает смятый пергаментный листок. — Очарованный зверь взбесился и сжег полдеревни.

Нахмурившись, я опускаю рюкзак и подхожу ближе, забирая жаворонка из его протянутой руки. Я прижимаю его к бедру, просматривая неровный почерк.

— *Блом?* Зверь вождя Трона?

Каан ворчит.

Творцы...

— Он уничтожил целое стадо колков, не собираясь их есть. Если ничего не предпринять, он уничтожит еще много других деревень, прежде чем яд разъест его сердце. Я отправляюсь сейчас. Грим собирает свое снаряжение, а потом нагонит меня в дороге, если сможет. Сейчас смотрители помогают ему оседлать одного из тех, который занимается перевозками. Думаю, это зверь Лейна.

— Невут?

— Верно. Она самая быстрая из всех саберсайтов, которые еще не отправились на Великий шторм, а скорость здесь крайне важна.

Мой взгляд падает на три металлических копья, которые лежат связанными на земле, в кожаном чехле, который будет прикреплен к седлу

Райгана. Я киваю, но он этого не замечает, его внимание снова приковано к сумке, движения напряженные и точные, пока он набивает ее до отказа.

Бедный Каан. Нет ничего хуже, чем охотиться на бешеного дракона. Трудно убедить себя в том, что ты избавил зверя от страданий, когда он падает на землю, а не взмывает в небо, свернувшись калачиком рядом со своими предками.

Ради него — и ради его огромного, доброго сердца — я надеюсь, что кто-то другой прикончит зверя до того, как он доберется туда. Помоги жителям отстроить их каменные дома, и ты станешь их героем. Убей саберсайта — и ты гребаный убийца, сколько бы похлопываний по спине ты ни получил.

Сколько бы жизней ты ни спас.

Прочистив горло, я складываю жаворонка пополам и возвращаю его обратно.

— Я видела, как ты отвел... ее к себе. Пожалуйста, скажи мне, что ты не показал ей свой храм.

Каан молчит, продолжая собирать свою сумку, как будто я вообще ничего не говорила. Он затягивает шнурок, костяшки пальцев белеют от напряжения, когда он завязывает узлом полоски кожи.

Полагаю, это означает «да».

Я сжимаю переносицу и закрываю глаза.

— Ты сказал, что будешь делать все *медленно*...

— Сказал.

— Это не так.

— Нет.

Я вздыхаю, открывая глаза.

— Судя по твоему поведению, полагаю, она не бросилась в твои объятия перед своим мертвым драконом, чтобы поблагодарить тебя за недостающий кусочек головоломки ее разума?

— Нет, Вейя. Не бросилась.

— Шокирующе, — говорю я с фальшивым смешком и провожу руками по волосам, размышляя о том, что его разум так же потерян, как и у зверя, которого он собирается убить. — И что, ты дал ей достаточно золота, чтобы она смогла безопасно пересечь Болтанские равнины и утолить свою жажду крови? Отправилась туда, где ее может узнать один из близнецов, у которых есть доступ к определенному инструменту давления? Идеальный рычаг, чтобы подчинить ее, как только секрет выйдет наружу? Прекрасно.

Каан стоит, скрестив руки на груди, и хмуро смотрит на меня — его черно-красная кожаная форма для верховой езды делает его более крупным, свирепым и грозным, похожим на нашего Паха. Я уверена, что он испытывает ненависть каждый раз, когда смотрит в зеркало.

— Если она попадет к ним в руки, нам конец, Каан. Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем они окажутся у наших границ, готовые выкрасить этот город в красный цвет и завладеть нашими богатыми, нетронутыми запасами кровавого камня? Мы живем взаимно, и ты, блядь, это знаешь.

— Ты закончила?

Я упираю руки в бока и устремляю взгляд в небо.

Почему он спокоен? Королевство, которое он так старался захватить, защитить и привести к благоденствию, вероятно, будет разорвано в клочья, и все потому, что он сбросил камень Эллюин на Рейв прежде, чем у нас появился шанс оценить ситуацию со всех сторон.

Это катастрофа.

— Да. Я закончила, — бормочу я, понимая, что мне нужно вернуться в городской вольтер. Сказать всадникам молтенмау, что им нужно пореже

появляться здесь — по крайней мере, до тех пор, пока у меня не появится шанс добраться до Аритии и вернуться обратно с ее дневником.

Надеюсь.

Ей ни за что не перебраться через равнины в одиночку. Солнце испепелит ее, как Слатру.

— Все идет по плану, я вернусь до Великого шторма, чтобы помочь поднять платформы.

Я так быстро перевожу на него взгляд, что у меня кружится голова.

— Мискунн предсказал, что это произойдет через тридцать циклов Авроры...

— Верно.

— Ты уезжаешь на *тридцать циклов*?

— Это большое королевство, Вейя. Я не могу просто сидеть здесь без дела. Я уже давно на юге, а королевство не управляется само по себе.

— Звучит как удобный предлог, чтобы сбежать.

Он склоняет голову набок, глаза прищуриваются.

— Ты сказала мне быть осторожным, иначе она сама себя испепелит. Я проявляю осторожность. — Его взгляд немного смягчается. — Она не хочет, чтобы я был рядом. Я просто подчиняюсь.

— Ты дал ей мешок *золота*, Каан. Она, наверное, уже на полпути к Гору. Это лишь вопрос времени, когда ее используют *против* нас.

— Драконий кровавый камень, — поправляет он, и я стону. — И она не на полпути к Гору. Она прошла мимо вольера и направилась к западному мысу.

Сердце замирает, кровь отливает от лица. От испытываемых эмоций слезы наворачиваются на глаза.

— Она все еще там, — выдавливаю я через подкативший к горлу комок.

Эллюин.

Каан кивает — всего один раз.

— Где-то там.

Я смахиваю слезу со щеки.

Он отворачивается, прикладывает пальцы к губам и громко свистит.

Райган выдыхает с таким грохотом, что у меня трещат кости, а затем раздаются скрежещущие звуки, издаваемые его огромным телом, пока он выбирается из тесного пространства для сна. Зверь появляется из темноты, глаза цвета углей сверкают во мраке, из раздутых ноздрей вырываются клубы пара — а изогнутые клыки, торчащие из его квадратной пасти, внушают страх к его размеру и возрасту.

Каан взваливает на плечи свою сумку и копья и уже направляется к появившемуся зверю, как вдруг замирает, оглядывается на меня, а затем опускает взгляд на мою сумку, лежащую на земле.

— Куда ты собралась, Вейя?

Проклятье.

— Ну, видишь ли... — Я отступаю назад, поднимаю сумку с земли и перекидываю ее через плечо. — Как ты, наверное, помнишь, она вела дневник.

— *Нет.*

— Пфф. Ты же знаешь, это слово для меня ничего не значит, — хорохорюсь я. — Кроме того, я делаю это не только ради тебя. Мне нужно знать то, что она не может мне рассказать. Теперь, когда она... *ожила*, это не дает мне покоя.

— Тогда я достану его.

Я фыркаю от смеха.

— Если Кадок может держать себя в руках и позволяет тебе бродить по его королевству без охраны, то Тирот — нет. Он ненавидит тебя. Яростно. Я могу быть невидимой. А ты — нет.

Он одаривает меня взглядом, не уступающим взгляду его зверя, едва показавшегося из тени за его спиной. Один-единственный взгляд, который заставляет меня чувствовать, что он беспокоится обо мне больше, чем *когда-либо* мой Пах, хотя знает, что я более чем могу постоять за себя.

Когда-нибудь я поблагодарю его за это.

— Ты избавилась от этого браслета. Ты мне так сказала.

— Я солгала, — говорю я со спокойной уверенностью.

Я не солгала. Он пропал. Значит, я должна его *вернуть*. Не то чтобы я собиралась говорить ему об этом. Он перегрызет мне артерию, если узнает, куда я его выбросила.

Его глаза прищуриваются.

— О, и я намерена отсутствовать некоторое время. Хочу *побаловать* себя по дороге, — говорю я, приподнимая брови.

Он тут же отводит от меня взгляд и вздрагивает.

— Я ничего не хочу об этом знать, черт возьми, спасибо тебе огромное.

Нет, но мне нужно закончить этот разговор. Мой намек на то, что я собираюсь заняться сексом, наверняка отвлечет его настолько, что он...

— *Ладно*, — рычит он, вероятно, зная, что я сделаю это и без его благословения, но это причинит больше боли мне, чем ему.

Люблю его за это.

Я улыбаюсь ему.

— Дорогой брат, ты беспокоишься обо мне?

— С тех пор, как Пах впихнул тебя мне в руки — корчащуюся, окровавленную и кричащую.

С тех пор как он понял, что он — все, что у меня есть.

Ему не нужно это говорить. Я вижу это по его глазам. Наш единственный настоящий родитель умер, когда я появилась на свет.

Мне тяжело оплакивать ту, кого я никогда не знала, но я очень злюсь, что отняла ее у него. Что Каан был вынужден растить меня, потому что Паху было все равно, выживу я или умру.

Вот урод.

— Хотела бы я, чтобы у него была еще одна шея, чтобы перерезать ее.

— А я бы хотел, чтобы у него их было *три*, — рычит Каан, углубляясь в темноту, а вслед за этим я слышу, как он поднимается в седло Райгана.

Я хмуро смотрю ему вслед, гадая, что он имел в виду...

— Ох...

Черт.

Каан не может долго хранить секреты, прежде чем они начнут разъедать его изнутри. В конце концов, ему придется рассказать Эллюин о том, что Пах совершил в тот ужасный сон более зона назад, когда ее жизнь рухнула.

Когда она проснулась и обнаружила, что вся ее семья убита.

Для того, кто уже испытывает жажду крови, такая новость может окрасить весь мир вокруг в красный цвет. Разбудит потребность, которую можно утолить только мстью.

Я видела тех, кто не смог удовлетворить свои зверские желания, бешеных, как саберсайт, укушенный клещом, единственное лекарство для которых — быстрая и милосердная смерть.

А Пах уже мертв, убит рукой Каана...

Райган устремляется вперед, словно гора, сдвинувшаяся с места, и я прижимаюсь к стене, сжимая в руках сумку.

— Будь осторожен, — кричу я Каану, несмотря на то, что не могу разглядеть его отсюда и пытаюсь слиться с камнем.

— Всегда, — ревет он, прежде чем Райган отрывается от края плато, и его хвост — последняя часть его тела — выскальзывает из норы, когда он исчезает из виду.

Оглушительный грохот летящего дракона заставляет меня обернуться и увидеть Райгана, направляющегося на восток, и Каана, сидящего в седле между его массивными крыльями со связкой копий.

Сердце стучит о ребра, как копыта в галопе.

Зарывав, я натягиваю капюшон и отворачиваюсь, камни сдвигаются под моими тяжелыми ботинками в такт мелодии прибоя Лоффа.

Гонись за смертью, Эллюин Рейв...

Я бью себя по лицу.

Сильно.

Это все какое-то странное, гребаное совпадение. Или, возможно, кто-то покопался в моей голове, пока я была в отключке. Перепутал нити моего мозга. Завязал узлы там, где их не должно быть. Неправильно меня подлтал.

Должно быть, так оно и есть.

Должно быть.

Я подхожу к стене из красного камня, которая тянется из джунглей, пересекает берег и исчезает в волнистых глубинах Лоффа, на ней высечено множество светящихся охранных рун и написано не меньше предупреждений:

**УБИРАЙСЯ
ОТСЮДА!**

**ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ИЛИ ТЕБЯ
ЖДЕТ УЖАСНАЯ СМЕРТЬ**

ОПАСНОСТЬ!

ВНИМАНИЕ! ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ХЬЮЛИНГ!

Пожав плечами, я перепрыгиваю через него и продолжаю идти, насвистывая свою успокаивающую мелодию, чтобы отвлечься от едких слов Каана.

Если где-то по эту сторону забора живет хьюлинг, я буду просто поражена. Будучи одной из тех немногих, кто подходила к ним на расстояние вытянутой руки и осталась в живых, я прекрасно знаю, что никакие защитные руны их не удержат. Они бы перешагнули через эти штуки своими бледными длинными ногами, чтобы добраться до мозгов с другой стороны.

Они бы давно опустошили город, а значит, это заросшее джунглями необитаемое место залива охраняется по какой-то *другой* причине, которую я твердо намерена выяснить.

Не знаю, почему. Мне нужно избавиться от этого зуда, прежде чем я окончательно брошу этот город и отправлюсь за Рекком на другой конец света. Желательно как можно дальше отсюда.

Я приближаюсь к острой скалистой вершине, когда мое внимание привлекает дерево, корни которого глубоко вонзились в каменный выступ, окаймляющий берег. Его узловатые ветви тянутся во все стороны, усеянные сучками, один из них, заставляющий меня остановиться, странно более гладкий, чем остальные, как будто к нему прикасались много раз.

С мелодичным хихиканьем Клод проносится мимо моего уха и играет с длинными медными листьями дерева, отчего они напоминают танцующие лезвия.

Я хмурюсь.

Подойдя ближе, я протягиваю руку, чтобы коснуться сучка, который привлек мое внимание, и пальцы скользят по маленькому выступу, торчащему из центра. Я сжимаю его, слегкадвигаю, и он смещается, открывая небольшое углубление за ним.

Хм.

Бросив взгляд через плечо на спящий город, я осматриваю небо, эспланаду и решаю, что меня никто не увидит. Мне не нужно прятаться, если я хочу исследовать дерево, которое мне не принадлежит.

Я засовываю руку в дупло, шаря рукой по гладкой внутренней полости, пальцы нащупывают что-то твердое. Нахмурившись, я хватаю прохладный предмет и вытаскиваю.

Сердце начинает стучать как сумасшедшее, когда я понимаю, что сжимаю в руке маленькую каменную фигурку. Трехмерное изображение мальмера Каана — мунплум и саберсайт, сплетенные вместе, как две половинки единого целого.

Несмотря на удушливую жару, моя кожа покрывается мурашками.

Еще раз бросаю взгляд в ту сторону, где исчез Каан, и возвращаю сучок на место. Моя рука крепко сжимает фигурку, и я хватаюсь за ветку, чтобы с ее помощью забраться на выступ, а затем углубиться в густые заросли джунглей.

Я пробираюсь мимо низко свисающих лиан и круглых бархатистых листьев, насекомые жужжат возле моего лица, и я уверена, что слышу игривое хихиканье среди деревьев.

Эхо громогласной погони.

Звуки есть, но... *их нет*. Потухли, оставив лишь дым от некогда трепещущего пламени.

Я хмурюсь, под моими ботинками хрустит подлесок, пока я пытаюсь разглядеть тропинку, которая, конечно, не существует в реальности, но которая каким-то образом отчетливо запечатлелась в моем сознании. Она отличается по цвету от остальных моих мыслей — светлая, с собственным пульсирующим ритмом, который наполняет меня теплым предвкушением.

Смахнув со лба бисеринки пота, я выхожу на поляну у подножия скалы, отвесный камень которой затянута листвой вьющегося растения. Я смотрю на него, не в силах избавиться от ощущения, что здесь что-то есть.

Что-то... *важное*.

Вспомнив, как Каан раздвигал листву в своем личном саду, я прячу фигурку в сумку и шагаю вперед, раздвигая лианы и чувствуя беспокойство, когда за ними оказывается только камень... Камень... *Еще больше проклятого камня*.

Может быть, я схожу с ума?

Творцы, мне кажется, что это именно так.

Я ощупываю каменную стену, когда могла бы сидеть на спине молтенмау, направляясь в Сумрак, опьяненная мыслями о том, как я заставляю Рекка сломаться, прежде чем он умрет.

Я пробираюсь дальше вдоль стены, ругаясь себе под нос и продолжая ощупывать камень, сердце застревает в горле, когда я проваливаюсь сквозь стену и попадаю в пустоту за ней. Я борюсь с листвой, резко втягивая воздух, затем пытаюсь освободиться от паутины, которая, на мой взгляд, слишком напоминает работу хьюлинга.

— Ну ничего себе, — сухо бормочу я, и у меня вырывается тихий смешок.

Представьте. Себе. Это.

Я качаю головой и смотрю направо, углубляясь в тоннель, который достаточно высокий и широкий, чтобы в нем мог пролезть взрослый мужчина. Клод, хихикая, пронесется мимо меня в вихре ветра, поднимая сухие листья, которые кружатся вокруг моих ботинок при каждом медленном шаге вперед.

Я поднимаюсь по винтовой лестнице, освещенной тусклым естественным светом, падающим сверху, и странное предвкушение трепещет у меня в животе, как стайка крошечных огнёвок. Я делаю целых пять поворотов, прежде чем достигаю открытой арки справа, которая дает мне возможность свернуть. Я понимаю, что эти трепещущие создания множатся, когда я вхожу в маленькую пещеру, освещенную потолочным люком, уютное пространство которой увито цветущими медными лианами, тянущимися по стенам.

Потолку.

Сотни ярких, чернильных цветов, которые увидели весь город, наполняют воздух пикантной сладостью, а их вид согревает мою грудь и вызывает улыбку.

— Красиво.

Я подхожу к натуральному, вырубленному из камня столу для приготовления пищи, который напоминает мне мясной блок в том маленьком причудливом домике в горах, и провожу рукой по грубо отесанной поверхности, покрытой толстым слоем пыли. Металлическая дверца каменной печи скрипит, когда я открываю ее, чтобы заглянуть в углубление, проржавевшее из-за того, что за ним никто не следил. Я провожу пальцами по сдвоенным терракотовым кружкам, висящим на крючках на стене сверху.

Так и тянет снять одну из них и спрятать в сумку. Из них приятно пить. Трудно найти идеальную кружку. А когда находишь, они всегда разбиваются.

Я останавливаюсь возле стола, который вырастает из стены под массивным окном, увитым виноградной лозой, на раме которого выгравированы светящиеся руны, по бокам безвольно свисают рваные занавески. Два табурета задвинуты под стол, кожаная обивка одного из них разорвана каким-то животным, большая часть перьевого наполнителя отсутствует и, вероятно, теперь используется в каком-нибудь гнезде.

Не знаю, почему от этого у меня сдавливают горло. Я стараюсь не обращать внимания на это чувство, проходя мимо двух кожаных табуретов, подхожу к большой настенной полке и нахожу баночку с чернилами, старое перо и стопку плоских, готовых к сворачиванию пергаментных листов с заранее прочерченными линиями активации. Я достаю из стопки рядом с чернильницей тонкую книгу в кожаном переплете, сдуваю пыль и открываю ее, обнаруживая, что страницы пусты.

Странно.

Присев на корточки, я замечаю, что на нижней полке выставлена коллекция маленьких каменных существ — в основном драконов. Все они вырезаны в том же стиле, что и тот, что сейчас лежит в моей сумке. Вытащив его, я качаю головой и кладу рядом с остальными.

Это дом пары, наполненный реликвиями их любви.

Мне пора идти.

Я направляюсь к выходу и уже собираюсь спуститься обратно по лестнице, когда мимо моего уха проносится Клод, подхваченная порывом ветра.

— *Geil. Geil asha.*

Мое сердце замирает.

Иди. Иди, посмотри.

Нечасто она обращается ко мне напрямую. Она слишком дикая и отстраненная, чтобы сохранять хоть какое-то подобие устойчивого присутствия.

Я кладу руку на кинжал у бедра и осторожно поднимаюсь по лестнице.

— *Halagh te aten de wetana, atan blatme de.*

Если я умру сегодня, то буду винить тебя.

Если отбросить везение, то восприятие опасности у Клод такое же искаженное, как и ее понимание моей способности уклоняться от нее. Мои мысли возвращаются к тому времени, когда она заманила меня в Подземный город где я столкнулась лицом к лицу с разбойником думквилем, собирающимся выпотрошить молодого хаггина, который, похоже, приглянулся Клод. Неудивительно, ведь эти твари чертовски очаровательны.

Еще не искушенная в искусстве заставлять Клод разрывать легкие, я выжила только благодаря стремительному спуску по заброшенному мусоропроводу, где просидела полдеи со свернувшимся клубком на моих коленях хаггином.

Совершенно невозмутимым.

Мои мышцы дрожали от усилия не свалиться в логово бархатного трогга, а хаггин грыз ногти, подергивая усами, и глядел на меня огромными переливчатыми глазами, которые, казалось, никогда не моргали, — пока думквил наконец не перестал царапать желоб когтями и не оставил нас в покое.

Я никогда не забуду, как он разинул свою колючую пасть у входа, и розовый язык шевелился, требуя крови.

Вздрыгнув всем телом, я открываюсь песне Булдера, решив, что он, вероятно, более надежен в подобных ситуациях, но все, что я слышу, — это низкий, монотонный гул, наполняющий меня теплым, сильным чувством покоя.

Умиротворения.

Похожий звук он издавал в гробнице Слатры.

Нахмурившись, я поднимаюсь на еще один виток лестницы и попадаю в уютную комнату, наполненную солнечным светом, падающим из люка наверху, и сохранившую все опустошающие детали прекрасного пространства.

Я замираю, сердце подскакивает к горлу, рука соскальзывает с эфеса клинка.

Эта комната напоминает мне пещеру, в которой хранилась собранная по кусочкам луна Каана — те же грубые стены, на которых страстно сплетаются мунплюмы и саберсайты.

Но здесь нет луны.

Здесь лежит массивный круглый тюфяк, прижатый к стене и покрытый белыми простынями, такими тонкими, что неудивительно, что они местами

рассыпались, а местами разорваны на части, словно зияющие раны, извергающие перья, которые кружатся в такт смеху Клод. Этот звук перекликается с другим смехом, который, кажется, поднимается из глубин моего ледяного озера...

Видение поражает меня, как удар в голову. В мое сердце.

Мою душу...

Я ползу по этому тюфяку, голая.

Смеющаяся.

Переворачиваюсь на спину, смотрю, как мужчина стягивает рубашку через голову, а я раздвигаю ноги и трогаю себя — отчаянно и страстно желая его.

Нуждаясь в нем.

При виде его покрытого потом тела я издаю хриплый стон и закрываю глаза. Запускаю пальцы внутрь себя, пытаюсь утолить голод, который никогда не утихает.

Не тогда, когда речь идет о нем.

Тюфяк прогибается под его весом, его тяжелое тело опускается так близко, что мою кожу покалывает, заставляя сердце биться тяжело и быстро.

Он касается поцелуем изгиба моей шеи. Покусывает под ухом, от чего по телу пробегают мурашки, и я почти кончаю.

Его губы касаются мочки моего уха, низкий голос проникает в меня:

— Чего ты хочешь, Эллюин?

— Тебя. — Я поворачиваю голову, открываю глаза. Плавлюсь в тлеющем взгляде Каана, и на моих щеках появляется улыбка. — Навсегда.

Видение ослабляет свою власть надо мной, и мои колени подгибаются. Я падаю на землю среди кружащихся перьев, хватая ртом воздух, а руки, как когти, тянутся к моей груди. С душераздирающей ясностью я осознаю, почему меня тянуло сюда с того самого момента, как я открыла ставни.

Это место — не памятник чьей-то любви...

Оно наше.

В этот сон Каан наигрывал песню, которую я узнала. Та самая песня, которую Маха и Пах пели мне, когда я болела.

Я подпевала, пока мои слова не захлебнулись первыми слезами, которые я смогла выплакать с тех пор, как привезла Хейдена из Незерина. Они пролились не как мягкий снегопад, а как ураган, бьющий по оконным стеклам.

Я оплакивала Маху и Паха. Хейдена и Аллюм.

Я оплакивала Слатру.

Я плакала о вещах, которые у меня отняли, и о голосе, которым мне не дано пользоваться.

Я не поняла, что Каан перестал играть, пока он не подхватил меня на руки, не прижал к своей груди и не обнял так крепко, что я едва могла дышать, его сильное тело вбирало в себя каждое мое рыдание.

Это напомнило мне о том, как Пах подхватил Маху, когда она плакала на снегу. Как он нес ее обратно в дом, где было светло и тепло...

По какой-то причине это заставило меня плакать еще сильнее.

Из-за густого дыма солнце выглядит как розовое пятно, тихое напоминание о том, что в начале этого дня деревня была полем битвы.

Теперь это кладбище.

Мы обходим покрытый волдырями труп мертвого колка, которого еще предстоит стащить в яму, и я откашливаюсь.

Вождь Трон держится рядом, пока мы идем мимо каменных домов, некоторые из которых были восстановлены за последние несколько часов, хотя осколки стекла все еще покрывают землю вокруг. Другие почернели от драконьего пламени, и стекла их окон тоже устилают землю.

Расплавленные.

Выкорчеванные деревья лежат поперек дороги, как мертвые тела, их листва пожухла или сгорела, а корни все еще покрыты комьями земли, вырванной при их падении. Фейри работают длинными бронзовыми пилами, деля стволы на части, достаточно мелкие, чтобы использовать их в качестве дров или материалов.

— Мы многое потеряли, — говорит Трон мрачным голосом. — Но мы потеряли бы гораздо больше, если бы ты не появился вовремя.

Если бы я не убил его дракона.

Я хмыкаю, переступая через россыпь раздавленных плодов гинку, ярко-желтая мякоть которых быстро темнеет под суровыми лучами солнца. Кислая, как и чувство в моем нутре.

Мы выходим на открытое пространство, идем мимо полей с сожженными посевами, многие растения вырваны с корнем во время стычки, которая произошла до того, как мне удалось заманить Блома в небо. К пологим холмам, служащим фоном для деревни Рамбек и похожим на огромных спящих зверей.

Я мог бы сделать это здесь, но я хотел оставить его в укромном месте, где он мог бы свернуться калачиком, так как было ясно, что он не поднимется в небо.

В итоге ему не удалось ни свернуться, ни затвердеть.

Он просто умер, и в конце концов сгниет там, где лежит.

Я прочищаю горло, пытаюсь выкинуть образ из головы, взгляд скользит к глиняному зернохранилищу — когда-то высокому и прочному, а теперь разрушенному. На выжженную землю высыпалось зерно, которого хватило бы

на целую фазу, и оно размокло под ливнем, который прошел сразу после того, как зверь был убит. Словно сама Рейн оплакивала потерю величественного саберсайта, которого Райган швырнул на дно оврага, издавая свой собственный мучительный крик, не уступающий вою ветра.

Земля сотрясалась так же сильно, как и мои чертовы кости.

Я набираю полные легкие воздуха, насыщенного зловонием смерти, дыма и отчаяния.

— Я распоряжусь, чтобы в ближайший порт доставили бочки с зерном, — говорю я, наблюдая за тем, как несколько деревенских жителей ходят по полям, срывая почти созревшие головки с верхушек листьев кормы и собирая их в телеги. Пытаются спасти, что могут. — А также некоторые продукты долгого хранения, чтобы прокормить твой народ, пока вы не вырастите новый урожай.

Трон поворачивается ко мне лицом, прижимая руку к широкой груди и опуская голову.

— Благодарю вас, сир.

— Конечно.

Он поднимает голову, его карие глаза полны печали от тяжести потери.

— И от себя лично я хотел бы поблагодарить тебя за то, что ты убил Блома. — Он подносит руку к нижней половине лица и гладит черную бороду, в которую вплетено несколько красных бусин. — Если бы у нас была возможность выстрелить в него, я не уверен, что смог бы отдать приказ сделать это...

— Я понимаю, — говорю я, опуская руку ему на плечо. — Он был твоим партнером на протяжении многих фаз.

Трон прочищает горло и бросает взгляд на обширные пастбища у меня за спиной.

— Вот и твой помощник. Я оставляю вас, но, пожалуйста, поужинай с моей семьей, прежде чем покинешь нас.

Я киваю ему, наблюдая, как он идет к разрушенному зернохранилищу.

— Черт, — бормочу я, переводя взгляд на холмы, уверенный, что уже никогда не смогу смотреть на них как прежде. Раньше они были такими живописными, а теперь похожи на гребаные надгробия.

Качая головой, я поворачиваюсь и вижу Грима, стоящего у каменного забора, который, похоже, уже полностью отремонтирован и приведен в порядок. Когда мы приехали, стадо колков разбежалось, многие из них были убиты и лежали на улицах, сраженные ударом драконьего пламени, заливавшего всю деревню.

Уцелевшие колки теперь обглаживают кустарник, длинными языками обхватывая жесткие ветки и втягивая их в рот. Молодняк ходит рядом или прижимает головы к отяжелевшему вымени, короткие хвосты виляют, пока они сосут.

Я иду по усыпанной пеплом дорожке и прислоняюсь к забору рядом с Гримом, опираясь предплечьями на камень. Мы молчим, наблюдая, как стадо кормится той растительностью, которую не уничтожило пламя, их большие мягкие лапы загребают смесь влажной золы и грязи.

— Тебя что-то беспокоит, Грим?

Он прочищает горло, словно проверяя, работает ли оно, прежде чем заговорить голосом, словно заржавевшим от редкого использования.

— Я хотел бы попросить об отпуске.

Я искоса смотрю на него, отмечая его светлые волосы, припорошенные пеплом, его черную кожаную одежду, перепачканную той же оранжевой грязью, что и подошвы его ботинок.

— Для чего?

Его глаза по-прежнему устремлены вперед.

— Ходят слухи, что Великая Серебряная снесла три яйца.

Мое сердце замирает, осознание проникает под кожу, пробирая меня до костей.

— Ты хочешь отправиться в Гондраг и совершить набег на гнездо Великого Серебряного саберсайта?

Короткий кивок.

Какое-то время все, что я могу делать, это смотреть на его лицо, пытаюсь привести свои мысли в порядок.

Безуспешно.

Поэтому я перехожу к фактам.

— Я украл одну из ее чешуек много фаз назад. Она чуть не оторвала мне руку. Из-за чешуи.

Он поворачивает голову, и я вижу его бледно-голубые глаза сквозь копну волос.

Он молчит.

Я качаю головой, негромко смеюсь и поднимаю руку, чтобы почесать бороду.

— Черт, Грим.

— Я не хочу заменять Инку, но то, что я привязан к ее могиле, сказалось на мне.

Мне стоит больших усилий не смотреть на него.

Я никогда не слышал, чтобы этот мужчина соединял столько эмоционально окрашенных слов в одном предложении, и я почти уверен, что я единственный, с кем он говорит. Он даже не говорит «Скрипи», когда готов открыться. Просто стучит двумя пальцами по гребаному столу, словно заказывает медовуху.

Он никогда не рассказывал мне, что случилось с Инкой, и я никогда не спрошу. Я достаточно знаю о его прошлом, чтобы понять, что оно пронизано нитями боли, которые будут пульсировать вечно.

— Ты сообщил остальным об этом решении?

Он качает головой.

Конечно, нет.

Они с Вейей сделаны из одного камня. Я почти уверен, что они будут тихо танцевать вокруг друг друга целую вечность.

— А если ты умрешь там, будешь ли ты о чем-нибудь сожалеть?

— Возможно. — Он пожимает плечами. — Но я буду уже мертв.

Точно.

Я вздыхаю, снова потирая лицо. Я был озадачен размером его седельных сумок. Теперь все стало гораздо понятнее. Отправляясь в Гондраг, нужно быть готовым.

Значит, он планировал это уже давно.

На мою грудь наваливается тяжесть, и я опускаю голову, а затем киваю и отталкиваюсь от стены.

— Я отвезу тебя туда и высажу возле хижины вылупления, — говорю я, чувствуя на себе его пристальный взгляд, пока иду к деревне. — Меньшее, что я могу сделать, поскольку, возможно, это последний раз, когда я вижу твою жалкую задницу.

Завывает ветер, от которого немеет кончик моего носа.

Восемь Аврор сменили друг друга, пока я спала под крылом Зехи или прижималась к обожженным солнцем валунам, делая все возможное, чтобы избежать цивилизации. Это было приятно, пока солнце не потеряло свою силу, а Сумрак не поглотил нас целиком со своим снегом и бесконечным пронизывающим ветром.

Я уже тоскую по дому.

Уверена, что Зехи чувствует то же самое, забившись в незнакомую нору, которую он почти расплавил своим огнем, прежде чем укрыться в ней. Пытаясь сохранить тепло до моего возвращения.

Еще один резкий порыв ветра, и массивный колк, тянущий повозку Ноив, вздрагивает всем телом, до самого своего толстого пушистого зада, хотя и продолжает неторопливо шагать по едва заметной Тропе Деев, выпуская белые клубы пара, которые путаются в его изогнутых рогах.

Я наклоняю голову и смотрю на отвесный обрыв слева от нас, внизу все скрыто туманом, создающим ложное чувство безопасности.

Очень ложное.

Я путешествовала по этой части стены без тумана. Мы так высоко, что падение кажется бесконечным. Словно падаешь в бледное безлунное небо.

Очередной порыв ветра забрасывает меня снегом, и вся повозка подпрыгивает прямо навстречу не менее жесткому падению на другой стороне Тропы Деев. Мое сердце подпрыгивает вместе с ней, а рука вырывается, чтобы сжать борт телеги до белых костяшек. Не знаю зачем, ведь если эта штука сорвется, нам всем крышка. И повозке тоже.

Я прочищаю горло, отвлекаясь на то, чтобы смахнуть немного снега, который собрался у меня на коленях.

— Это было плохо.

Рядом со мной хихикает Ноив — маниакальный смех старой карги, которая проделывала это столько раз, что явно считает себя неуязвимой. Я очень на это надеюсь.

Я намерена умереть, совершая что-то блестящее и героическое. А не в свободном падении навстречу своей гибели.

— У тебя мало практики, — говорит Ноив голосом, хриплым от дыма, который она вдыхала на протяжении всех этих фаз. — Раньше от таких ударов у тебя перья не выпадали.

Я искоса смотрю на фейри — невысокую, коренастую женщину, которой, должно быть, больше тысячи фаз, раз она заслужила такую копну седых волос, которую собрала на макушке. Не то чтобы я когда-либо спрашивала о ее возрасте.

Это кажется невежливым.

— Как тебе не холодно? — спрашиваю я, разглядывая ее простую серую тунику и штаны, украшенные лишь пушистым лоскутным поясом, который завязывается на талии и свисает до пола, сделанным из шкур ее любимых зверей прошлых времен.

Так она мне однажды сказала.

Она вопросительно приподнимает бровь в мою сторону, поводья свободно болтаются в ее обнаженных руках.

— Я никогда не видела тебя в плаще, — продолжаю я. — Независимо от погоды. Как ты до сих пор не замерзла до смерти — ума не приложу.

Она прищелкивает языком.

— Тяжело жить к востоку от Тропы Деев, моя дорогая. Особенно в такие времена, как сейчас. Ты не хуже меня знаешь, что это горячая точка для ренегатов и тех, кому не хватает нескольких яиц в кладке. Холод — это просто мягкая подушка по сравнению с тем дерьмом, которое я видела.

Я в этом не сомневаюсь, и мне самой не особенно нравится туда ездить. Но, прилетев в вольер Гора, я бы публично объявила о своем прибытии моему не слишком любимому брату. Воспользоваться одним из старых заброшенных вольеров на востоке всегда было для меня самым безопасным вариантом, поскольку я скорее рискну упасть с этой высоты, чем столкнусь с Кадоком.

По крайней мере, до тех пор, пока мне наконец не представится возможность встретиться с ним в боевом кольце и отрубить ему голову.

Откуда-то впереди доносится звон, пробивающийся сквозь шум ветра. Ноив достает из отсека у ног свой собственный ручной колокольчик и звонит в него, сообщая тем, кто ждет, чтобы выйти на узкую Тропу, что она сейчас занята. И что им нужно подождать, пока мы пройдем, прежде чем они смогут двигаться по ней.

Я плотнее закутываюсь в свой плащ с меховой подкладкой.

— А я-то думала, что в это время на Тропе тихо.

— Часто и другие думают так же, — говорит Ноив. — Ты можешь перебраться назад, если боишься, что тебя увидят.

Я поворачиваюсь и поднимаю кожаный клапан, прикрывающий глубокий деревянный ящик, хмуро осматривая стаю гоггинов, которые с кудахтаньем клюют рассыпанные семена. Одна из них наклоняет свой пухлый пернатый зад, а затем окрашивает толстую подстилку в белый цвет.

Мерзко.

— Пожалуй, я рискну, — бормочу я, опуская клапан, и от звонкого смеха Ноив не могу сохранить серьезное выражение лица. — Ты ужасна.

— Ты скучала по мне.

— Да, — признаю я, когда ветер проносится мимо нас с такой скоростью, что повозку снова качает. Колк вскидывает голову и фыркает в небо, вместо того чтобы отправить нас за край.

Вот в чем разница между колками Ноив, идущими по Тропе, и почти всеми остальными — они действительно очарованные. Меньше шансов погибнуть. Стоят столько кровавого камня, сколько я могу запихнуть в ее очень глубокие карманы.

Неудивительно, что она превращает их в пояса.

— Давненько ты не украшала мою повозку, дорогая. Я уже начала думать, что ты меня бросила.

— Никогда. Просто я решила, что мне больше не нравится стена и большинство ее обитателей — за исключением присутствующих, — говорю я, мягко подталкивая ее плечом. — Скармливать фейри драконам, потому что они тебя бесят, мне не по душе.

— Не могу не согласиться, — бормочет она, и между нами повисает тяжелое молчание.

Я не сомневаюсь, что она вспоминает прошлые времена, когда это красочное королевство было в самом расцвете сил. До тех пор, пока Кадок не присвоил его и не превратил в военное гнездо.

— Слышала, ты тайком вывозила фейри из города для королевы? — спрашиваю я, доставая из кармана одну из немногих оставшихся палочек вяленого мяса, и откусываю кончик.

— Ни разу с тех пор, как она пыталась предотвратить казнь.

Мои глаза расширяются.

— Правда?

Ноив кивает.

— Полагаю, это дошло до *Его Императорского Дерьма*. Прошу прощения, — поспешно добавляет она, бросая на меня быстрый взгляд. — Я знаю, что он твоей крови.

— Это не помешает мне обезглавить его, — бормочу я.

Ноив хихикает и немного успокаивается, прежде чем продолжить.

— В любом случае, с тех пор я ничего о ней не слышала. Думаю, не очень-то хорошо, когда твоя вторая половинка публично выступает против решения твоей Гильдии. Особенно если это решение направлено против члена «Восставших из пепла», — говорит она, приподнимая брови.

— Интересно...

Очень.

— Угу...

Я пережевываю жесткое соленое мясо, которое снимает голод, но заставляет меня испытывать невероятную жажду. К сожалению, когда мы доберемся до места назначения, меня будет ждать только грязная вода. И свидание кое с кем, кто, возможно, захочет съесть меня.

Ноив перекладывает поводья в одну руку, достает из кармана брюк кожаный сверток, и разворачивает его. Она достает палочку для курения и машет ею в мою сторону.

— Думала, ты от них отказалась? — спрашиваю я, потянувшись в карман за своим огненным вельдом. Ну, старым огненным вельдом *Каана*, который я украла в юности, вообразив, что когда-нибудь он мне понадобится. Или, скорее, мечтая об этом.

Напрасные надежды.

— С тех пор как ты в последний раз сидела на этом месте, уже более тридцати раз. Но я решила, что мне это все-таки нравится.

Я улыбаюсь, щелкаю металлической крышкой и использую пляшущее пламя, чтобы поджечь конец ее смертоносной палочки. Она затягивается, выпуская струйку сладкого дыма, который теряется в тумане, пока я доедаю свою мясную полоску под звуки нашей повозки.

— Зачем ты здесь, Вейя? — спрашивает Ноив между глубокими затяжками.

— Оставила кое-что важное в Горе, — отвечаю я, снимая перчатку, чтобы выковырять мясо из зубов.

— Как давно?

Я вспоминаю тот момент, когда в моей голове образовалась *пустота*. Чернильное пятно, которое почему-то кажется одновременно пустым и непостижимо огромным.

— Более ста фаз?

— А-а-а, — произносит Ноив, делая еще одну глубокую затяжку и выдыхая струю дыма, которая придает моему следующему вдоху чрезмерно сладкий аромат травы, которую она вдыхает. — И где ты оставила *это*?

— Выбросила в мусоропровод.

Я снова натягиваю перчатку и скрещиваю руки на груди, устраиваясь поудобнее на холодном деревянном сидении. Хмурясь, я пытаюсь принять более удобное положение.

Учитывая, сколько Ноив берет за проезд, я удивляюсь, что сиденья до сих пор не имеют мягкой обивки. В следующий раз я возьму с собой подушку, а не две бесполезные вилки, на которые я даже не взглянула с тех пор, как покинула Домм.

Внезапно заметив, что рядом со мной воцарилась тишина, я смотрю направо, прямо в широко раскрытые серые глаза Ноив — палочка зажата в ее пальцах, завиток пепла грозит улететь при очередном порыве ветра.

— Что не так?

— На дне мусоропроводов в Горе живет *бархатный трогг*, Вейя.

— А, это. — Я достаю из кармана еще один кусок мяса, осматриваю оба конца и выбираю тот, что крупнее, чтобы укусить. — Прискорбно, не правда ли?

— Ты же не собираешься...

— Столкнуться с ней? Конечно, собираюсь. Как еще я смогу вернуть эту чертову вещицу? — бормочу я с набитым ртом. — Она помешана на украшениях, верно?

— Судя по тому, что я слышала, да...

— Замечательно, — говорю я, глотая. И откусываю еще один большой кусок.

Надеюсь, она не съела мой браслет, иначе все будет напрасно. Тем более что шансов найти дневник Эллюин без *этого* украшения, с которым я по глупости решила расстаться много лет назад, выбросив его в мусоропровод как какую-то проклятую безделушку, практически нет. Уверена, что он как-то связан с причиной того, что в моем сознании образовалось пустое пятно размером с тридцать циклов Авроры.

Тогда это казалось хорошей идеей. Теперь же она может стоять мне жизни, прежде чем я успею совершить нечто великое и героическое.

— Ты заплатила за обратную дорогу, — говорит Ноив, и я пожимаю плечами.

— Если я умру, оставь себе. — Я снова ерзаю на своем сиденье, пытаюсь найти более удобное положение, пока набиваю рот мясом. — Может, купишь на них какую-нибудь чертову обивку ради Творцов?

Прошло семь снов с тех пор, как я видела его в последний раз. С тех пор, как я услышала, как он играл песню Махи и Паха, бросила свой щит, как усталый солдат, и плакала в его объятиях, пока окончательно не отключилась, а потом проснулась, завернутая в хвост Слатры. И хотя каждый раз перед сном у двери появляется свежая еда, а рядом с ней — небольшая фигурка из камня, которую я добавляю к своей растущей коллекции маленьких дракончиков жалости, которых хочется швырнуть в стену, песни нет.

Его нет.

Каждый раз, когда я заворачиваю за угол и обнаруживаю, что коридор пуст, на меня наваливается еще один камень унижения, которыми я наполняю свои удары.

Вейя говорит, что я становлюсь сильнее. Если это то, что я получаю, пытаюсь избавиться от своего чувства, я приму это.

Забившись в один из самых тихих ветровых тоннелей, я просовываю голову в дыру в стене и заглядываю в мусоропровод, морщась от кислой вони, доносящейся из логова трогга.

Я вздыхаю, откидываю голову назад и начинаю разматывать веревку, предварительно прикрепив большой металлический крюк на краю желоба. Я бросаю веревку в дыру, надеясь, что она достаточно длинная, чтобы дотянуться до верхушки кучи мусора, с которой я вот-вот познакомлюсь поближе.

— Вейя, знаешь что? — бормочу я про себя. — Ты чудесная, но на этот раз ты действительно облажалась.

В будущем я намерена принимать гораздо более взвешенные решения. Желательно такие, которые не приведут меня в один из мусоропроводов Гора, где я буду готовиться к беседе с существом, гнездящимся где-то на вершине пищевой цепочки.

Вздыхнув еще раз, я дергаю за веревку, затем забираюсь в дыру ногами вперед, медленно спускаясь по длинному горлу желоба навстречу голубому сиянию, исходящему снизу. Теплый воздух наполняется вонью сгнивших и протухших продуктов, и меня начинает поташнивать.

Если меня вырвет прямо на кожаную одежду, трогг не воспримет меня всерьез.

Я сглатываю подступивший комок желчи и откидываю голову назад, пытаюсь сдержаться.

В следующий раз, когда жизнь подкинет мне волшебный браслет, я просто положу его в свою шкатулку.

Где бы она ни находилась.

Достигнув отверстия, я спускаюсь еще ниже, зависая в воздухе над кучей вонючего мусора.

— Чтоб меня, — бормочу я, обводя взглядом огромную пещеру и потолок, покрытый осколками сталактитов. С их конических кончиков свисают длинные, голубые нити, с которых капает вода, они тянутся по потолку, как паутина, ярко освещая отбросы. Горы мусора.

Я приподнимаю бровь, замечая, что здесь есть отдельные, отсортированные кучи вещей — старых стульев, одежды, обуви, тарелок, стекла...

Всего.

В моей спальне трогг сотворил бы чудо.

Мое внимание привлекает переливающаяся куча вдалеке. Стопка сверкающих вещей.

Может, мне и не придется встречаться с троггом. Я просто проведу остаток жизни, перебирая эту кучу. Молча. Питаясь отбросами, чтобы не умереть от голода.

Я вздыхаю.

Мой план провалился, и я умру ужасной смертью.

Сверху доносится глухой стук, и я поднимаю взгляд, с ужасом осознавая, что в данный момент что-то стремительно падает по желобу надо мной. Почти заброшенный желоб. Середина сна.

Возможно, мертвое тело.

Застонав, я ослабляю хватку на веревке и падаю в кучу мусора. Столкнувшись с шумной, грязной насыпью, я перекатываюсь вбок, падая на землю, одновременно покрываясь маслянистой жидкостью, которую отказываюсь идентифицировать.

Я сползаю на землю, стряхиваю кожуру с туники и яичную скорлупу с волос, и аккуратно иду по узкой тропинке, проложенной между кучами мусора, направляясь в сторону сверкающей груды сокровищ, которую я заметила вдалеке.

И тут до меня доносятся звуки жевания. Хлюпающие, хрустящие, чавкающие, от которых меня пробирает до костей.

Я замираю на мгновение, прислушиваюсь, а затем, на цыпочках, подхожу ближе к куче сломанных стульев и заглядываю за ее край.

У меня кровь стынет в венах.

В гнезде ветхого мусора сидит бархатный трогг — поджав костлявые колени к заостренным ушам, она подносит к безгубому рту обломок стула, обхватывает его пастью и откусывает. Снова раздается треск, вторая пара рук приглаживает ее жирные волосы, которые ниспадают на ее костлявое тело, обвиваясь вокруг ее конечностей, как гнездо.

Мгновение все, что я могу делать, это смотреть. Совершенно замороженная.

Она, должно быть, в три раза больше меня, ее голубая бархатистая кожа так не сочетается с дырами в четырёх ладонях. Круглые отверстия в плоти светятся тем же флуоресцентным светом, что и нити, протянувшиеся по потолку.

Ее многочисленные черные глаза-бусинки прищуриваются, глядя на спинку стула, прежде чем она отправляет остаток в рот, постанывая от удовольствия.

Что-то блестящее мелькает в моем периферийном зрении, и взгляд находит серебряный, инкрустированный драгоценными камнями браслет, венчающий ее голову, как крошечная корона. *Мой* серебряный, инкрустированный драгоценными камнями браслет.

Проклятье.

Похоже, он нравится ей больше, чем мне. Она определенно больше заботится о нем.

Определенно, меня съедят.

Вздохнув, я беру из кучи трехногий стул, тащу его по грубому каменному полу, удивительно чистому, если не считать странных пятен флуоресцирующей

слизи, и выхожу на небольшой участок пустого пространства перед гнездом трогга из волос и мусора.

Существо замирает, осколок керамики останавливается на полпути к ее рту.

Я ставлю стул и усаживаюсь на него, а трогг склоняет голову набок, опуская осколок, и ее многочисленные глаза моргают, глядя на меня.

— Ты храбрая маленькая крошка, предлагаешь мне себя, как закуску перед сном?

Внутренне я дрожу так сильно, что, клянусь, у меня кости трещат.

— У тебя есть то, что раньше принадлежало мне, — говорю я, небрежно пожимая плечами.

Глаза-бусинки еще больше прищуриваются.

— И что же?

— Мой браслет. — Я указываю туда, где он покоится на ее голове, на пряди волос, закрученные вокруг него и удерживающие его на месте. — Я хочу его вернуть.

Она издает пронзительный смешок, который обрывается так же внезапно, как и начался, и окидывает меня хищным взглядом.

— Такая властная малышка...

Полагаю, совсем немного.

— Прошу прощения. Я бы хотела получить его обратно, *пожалуйста*.

— Это лакомый кусочек. — Она поднимает руку, ее узловатые пальцы напоминают мне сталактиты, свисающие с потолка.

Воцаряется тишина, пока она снимает украшение с головы, освобождая по одной засаленной пряди за раз, мое сердце бьется сильно и быстро.

Неужели все может быть так просто?

— Знаешь, — говорит она своим странным, скрипучим голосом, от которого я снова вздрагиваю всем телом, — у вещей есть *воспоминания*.

— Правда?

Притвориться заинтересованной очень сложно, когда я занята тем, что молча умоляю ее не подбрасывать серебряный браслет в воздух и не проглатывать его.

Она кивает, вешает браслет на кончик острого ногтя, подносит его к своему плоскому щелевидному носу, и все ее веки тяжелеют, когда она глубоко вдыхает аромат.

Внутренне я вздрагиваю, начиная понимать, к чему все идет.

— Вкусно пахнет, не так ли?

— Умная, сообразительная малышка.

Я и правда умная. Большую часть времени. Но вся эта ситуация пробила брешь в моей броне.

Вытянув руку, она вставляет большой и указательный пальцы в одну из зияющих отверстий в ладони. Зажимая их, она извлекает флуоресцентную нить, которая выделяет густой клейкий секрет, отчего меня тошнит.

— Чем богаче воспоминания, тем больше *этого* я делаю.

— Понятно...

Она продолжает тянуть, пока на земле перед ней не собирается длинная нить вещества, отбрасывающий свет на ее острый подбородок.

Последняя часть выскальзывает из отверстия в ее ладони и падает перед ней.

— Разве мой дворец не прекрасен? — хвалится она, широко раскидывая руки.

Я поднимаю взгляд к потолку, по-новому оценивая пространство, а по щеке стекает капля липкой влаги, как я подозреваю, от недавно натянутой нити.

Приходится прилагать усилия, чтобы не выблевать кишки на пол.

— Очень красиво. Жаль, что я не умею так делать.

Чертовски рада, что не умею.

— Вот это, — говорит она, постукивая ногтем по моему инкрустированному драгоценными камнями браслету. — Я берегла его для особого случая. — Она подносит его к носу, долго вдыхает призрачный аромат и стонет. — Я чувствую, что это будет вкусно.

Прискорбно. Я надеялась, что мне не придется расставаться с тем, что сейчас лежит у меня в кармане.

Я тянусь туда и вытаскиваю шнурок из плетеной кожи колка с кругом из черной драконьей чешуи, на котором вырезана зубастая морда злобного саберсайта Паха.

— Как насчет обмена?

Голова трогга так резко поворачивается в сторону, что, кажется, даже хрустнула кость.

— Обмен, говоришь? Что это моя крошка держит в своей тонкой ручке?

— Это мальмер Махи, — говорю я, покачивая им перед собой. — Подаренный моим Пахом, покойным королем Остерном Вейгором.

— И как ты... *получила* его? Неужели моя крошка украла его? — Она втягивает воздух. — Пахнет краденым...

— Так и есть. Я украла его из спальни Паха, когда мне было семнадцать.

Подумала, что если он заметит, то его ненависть ко мне будет хоть немного оправдана.

Но он не заметил.

Голова трогга поворачивается в другую сторону, и это движение выглядит настолько неестественно, что я в равной степени испытываю как отвращение, так и беспокойство за ее безопасность. Она снова долго и разборчиво нюхает, и я решаю, что ее легкие должны быть больше, чем можно предположить по ее миниатюрному телу.

— Это вкуснее, крошка. — Она размахивает браслетом, и ее лицо расплывается в самой ужасающей улыбке, которую я когда-либо видела. — Прости.

Я стискиваю зубы, удивляясь, что они не крошатся.

— Можешь оставить себе цепочку от браслета. Мне она не нужна.

Надеюсь.

Ее грудь сотрясается от пронзительного крика, который медленно стихает, прежде чем она окидывает меня ликующим взглядом.

— Договорились.

Меня охватывает теплая, острая волна облегчения.

Она снимает цепочку и бросает мне браслет. Я ловлю его, и мой трехногий стул падает на пол, больше не удерживаемый в вертикальном положении моим весом.

Я бросаю ей мальмер, и она ловит его за шнурок, подвешивает к запястью, а затем отправляет крошечную цепочку в рот, как песчинку. Раздается громкий хруст, и я представляю, как трещат зубы. Ее глаза так широко распахиваются, что, кажется, могут выскочить из орбит и исторгнуть целую кучу дерьмовых воспоминаний возле ее гнезда.

Она замолкает на полуслове, издавая еще один пронзительный смешок.

— О... да ты маленькая шалунья, не так ли?

По моим венам пробегает холодок.

Я надеваю браслет на запястье.

— Не помню, чтобы я его использовала. Просто помню, для чего он предназначен.

— Интересно, — бормочет она, а затем еще раз встряхивает головой, продолжая жевать.

Хрум.

Хрум.

Хрум.

— Хочет ли моя малышка узнать его секреты?

— Пас, — говорю я, наблюдая, как она вытягивает нить из своей правой ладони — намного ярче, чем любая другая, протянутая через потолок пещеры.

— Определенно пас.

— Такие милые, прелестные секреты, — мурлычет она, и ее слова действуют мне на нервы.

Думаю, мне пора убираться отсюда.

Страхнув напряжение, сковывающее спину, я возвращаю стул обратно и с сомнением смотрю на нее.

— Ты же не собираешься съесть меня, когда я буду уходить?

Трудно сказать с уверенностью, но, по-моему, она хмурится.

— Конечно, нет, маленькая крошка. Я не ем тех, с кем заключаю сделки. Только тех, с кем не договариваюсь.

— И со сколькими же ты заключила сделки?

Все еще вытягивая яркую нить из ладони, она потирает подбородок свободной рукой, похоже, надолго задумавшись.

— С шестью, — объявляет она, подносит к носу мальмер Паха и делает еще один глубокий вдох. — Включая тебя.

— Точно. — Я бросаю взгляд на неуклонно растущую кучу нитей, светящихся ярче, чем яйцо мунплюма. — Повезло мне.

Я машу ей рукой, но она, похоже, не замечает этого, слишком поглощенная своим занятием. А может, замечает и ей просто все равно?

Скорее всего, последнее.

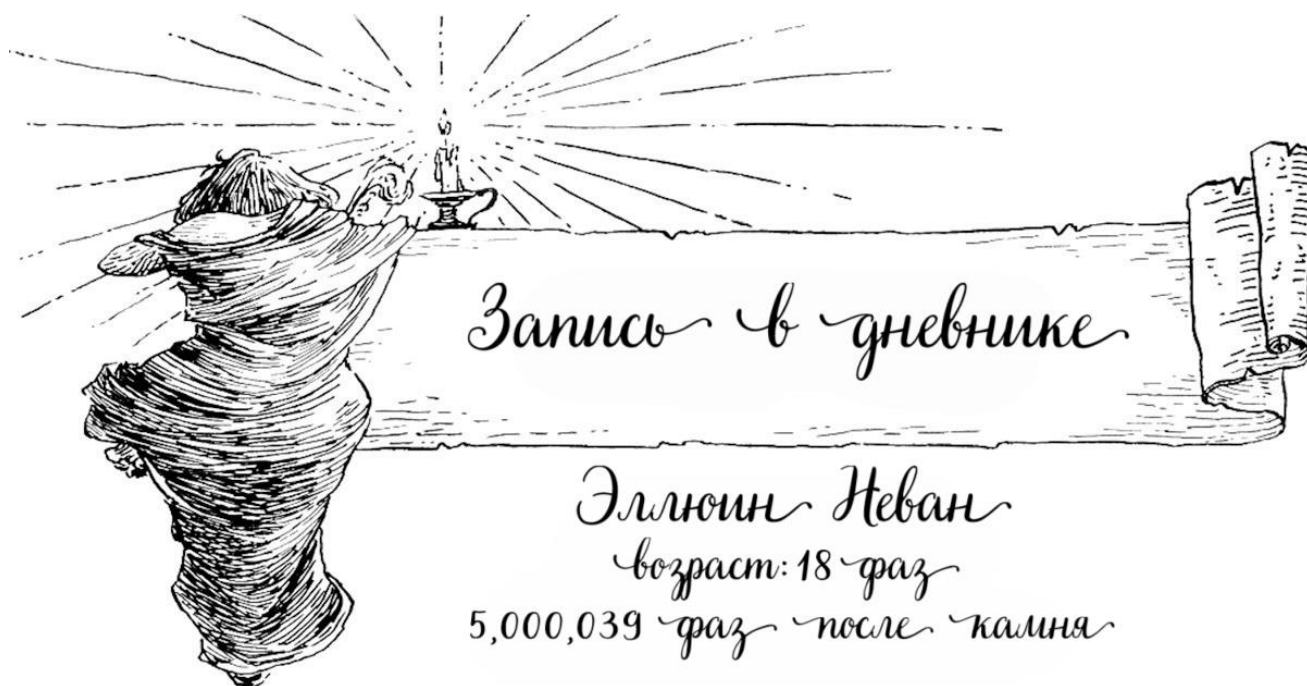
Я обхожу кучи мусора, на руке тяжелый браслет, который я когда-то выиграла у одной немного сумасшедшей чтицы разума, утверждавшей, что она умеет говорить на языке Эфира.

Что она досконально изучила Книгу Войда и знает секрет нашего ничтожного существования.

Она сказала, что браслет послужит мне двумя способами. Оба будут болезненными, но необходимыми.

Первого я не помню, поэтому не могу судить об этом.

Наверное, не захочу вспоминать и второй.

Он вернулся.

Он не объяснил, почему ушел, а я не спросила и не призналась, как сильно я по нему скучала.

Слишком сильно.

Как будто у меня сломалось одно из ребер, оставив боль прямо над сердцем.

У него был свежий шрам на руке — той самой, которую он использовал для игры на струнах. А еще на нем было ожерелье. Длинный плетеный шнур из кожи, на котором висел круглый кулон. Серебристый мунпюм и красновато-черный саберсайт, сплетенные вместе, их неровные и стремительные части плотно прилегали друг к другу.

Насколько я знаю, только у одного саберсайта серебристая чешуя, и живет она в Гондраге. Никому не удавалось подобраться к ней настолько близко, чтобы забраться на спину и попытаться приручить ее, и, честно говоря, я надеюсь, что им это никогда не удастся.

Я ела в тишине, наблюдая за тем, как Каан играет на своем инструменте, а на его груди гордо висел кулон...

Вызывая мое любопытство.

Мне хотелось прикоснуться к нему. Взвесить его на ладони. Спросить, откуда он взялся. Все то, что меня совершенно не касалось.

Если он и заметил, что я смотрю на него, то не подал виду и даже не оторвал взгляда от своих струн — впрочем, он никогда этого не делал.

Обычно.

Когда он стал наигрывать «Песню тихого солнца», я закрыла глаза и запела, растворяясь в мелодии и его уверенном, успокаивающем присутствии. Поэтому, когда песня закончилась и я открыла глаза, я совершенно не ожидала увидеть, что он смотрит на меня.

Долгое мгновение мы сидели, глядя друг на друга, и невысказанные истины проносились между нами, более ощутимые, чем звуки его аккордов.

Что-то, чего я никогда раньше не чувствовала, трепетало у меня в животе и поднималось к груди. Как будто у меня под ребрами в клетке порхала огнёвка, осыпала меня своей пылью и освещала изнутри.

Меня потянуло к нему, словно я попала в течение, бороться с которым не было никакого желания, и я встала.

Подошла ближе.

Он застыл как вкопанный, когда я сняла вуаль и подошла ближе, так отчаянно желая узнать, каковы на ощупь его губы. Были ли они мягкими и теплыми, как я их себе представляла.

Я прикоснулась к нему — легко, как перышко.

Это было едва заметное касание, но оно пробило брешь в моем восприятии мира и обнажило суть совершенно новой версии существования...

Более яркой.

Более счастливой.

Мне хотелось остаться здесь навсегда, застыть в этой тихой и в то же время громкой прелюдии, сердце колотилось так сильно и быстро, что, казалось, моя грудная клетка вот-вот лопнет.

Я знала, что это неправильно. Что я нарушаю тысячу правил. Но как что-то настолько неправильное может казаться таким чертовски правильным?

Он обнял мое лицо с такой нежностью, словно держал в руках драконье яйцо, и я прижалась к его ладони. В этом было столько утешения, что мне захотелось остаться там.

Навсегда.

Потом он спросил, чего я хочу, и я сказала ему свою правду. Одно слово из четырех букв, которое весило слишком много и уже было обещано его брату.

Тебя.

Я отстранилась, сжимая в руке ключ и открывая дверь, когда он обхватил меня сзади, развернул к себе, сорвал вуаль и поцеловал с такой жадностью, что я потеряла себя.

Обрела себя.

Это был поцелуй мужчины, который хотел отдать мне все. И не взять ничего взамен. Но я все равно подарила ему все свое сердце. Поняла, что оно принадлежит ему по праву.

И так было уже некоторое время.

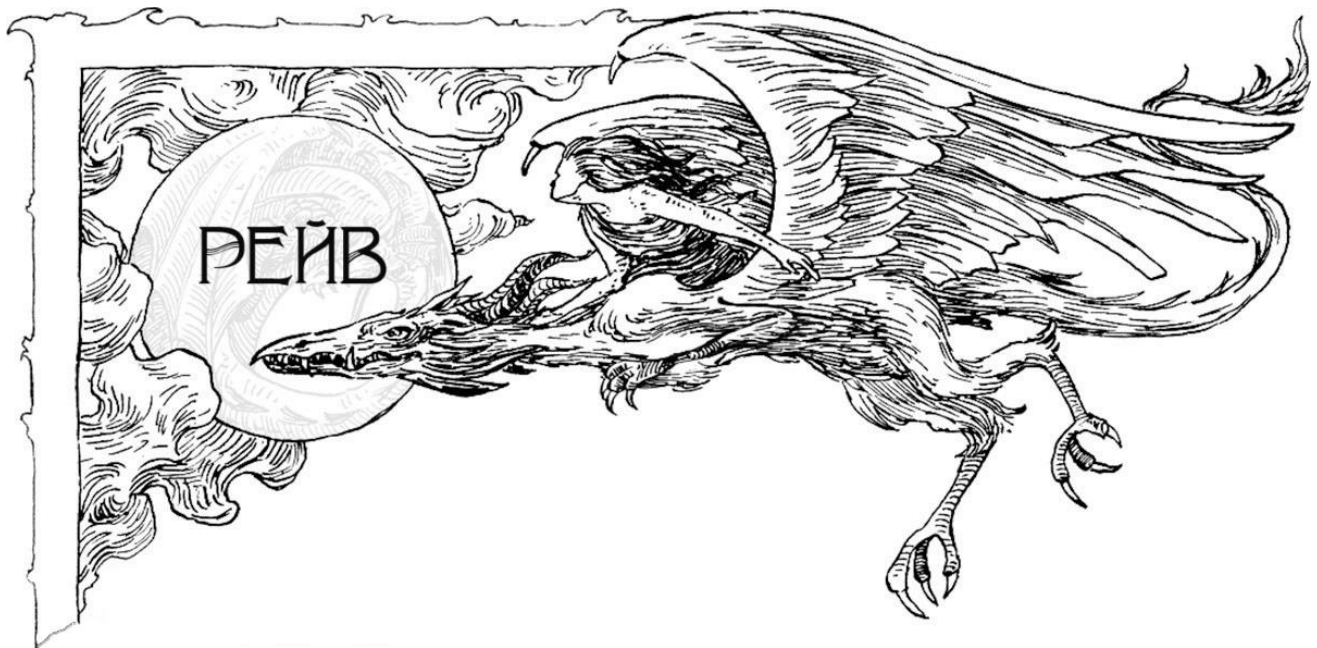
Я уже собиралась оттащить его в дальний угол, где лежала куча сена, к которой Слатра не проявляла никакого интереса, но тут кто-то прибежал по коридору, прося его помощи в срочном деле.

Они чуть не застали нас целующимися. На самом деле, они покраснели, увидев, что я без вуали, и, несомненно, заметили клочок ткани, зажатый в кулаке Каана, прежде чем отвернуться и извиниться за вторжение.

А мне было все равно.

Я больше не чувствовала себя Хейденом. Я чувствовала себя Аллюм, той, из кого ковалось что-то сильное, несмотря на сломанные части.

Возможно, я тоже полечу.

Я зевая спускаюсь по винтовой лестнице, пробираюсь сквозь заросли лиан и иду через джунгли, следуя по хорошо протоптанной тропе, которую я проложила за бесчисленные циклы, прошедшие с тех пор, как я попала сюда.

Время в этом месте течет по-другому. Оно складывается, как пергаментный жаворонок, скрывая нацарапанные секреты, которые я продолжаю прятать.

Снова.

И снова.

Тропинка выходит к небольшому ручью, вытекающему из чаши под бурлящим водопадом, и я улыбаюсь.

Бросив сумку и полотенце на каменистый берег, я раздеваюсь и осторожно захожу в прохладную воду с куском фиолетового мыла из болотной ягоды и пемзой, которую я нашла на галечном берегу Лoffфа. Я стираю свою одежду, моюсь сама, затем намыливаю волосы и ополаскиваю их под струями воды, нанося масло на тяжелые пряди по всей длине, и оставляю их распущенными стекать и сохнуть. Я выжимаю одежду, развешиваю ее на низко свисающей виноградной лозе, затем обвязываю полотенце вокруг тела и укладываю все свои вещи в сетчатую сумку, которую я купила в одном из рыночных ларьков Домма.

Возвращаясь назад по джунглям, я останавливаюсь, чтобы собрать горсть черных ягод с дикого кустарника, растущего у подножия деревьев, и складываю их в тканевый мешочек. Я собираю в подлеске упавшие орехи и медную дыню, которую прижимаю к себе, пока иду к жилищу.

Напевая веселую мелодию, я поднимаюсь по лестнице и высыпаю добычу в большую глиняную тарелку, промываю ягоды, раскалываю орехи, нарезаю дыню сочными дольками и раскладываю на блюде. Я ставлю свое блюдо на стол рядом с терракотовой кружкой с водой и сажусь, собираясь откусить кусочек дыни, когда мой взгляд падает на полку.

На дневник, который я приобрела в «Изогнутом пере».

Я встаю и иду к нему, протягиваю руку и беру с полки, обвожу взглядом мунпюма, выбитого на обложке. Мой взгляд находит старое перо, с которого я смахнула пыль несколько циклов Авроры назад, затем чернильницу.

Пожав плечами, я переношу все три предмета на стол, кладу их рядом со своим обедом и открываю дневник, охваченная странным желанием... писать.

Никогда раньше я не испытывала желания вести дневник. Но это место творит со мной странные, необъяснимые вещи, и по большей части я иду у него на поводу. Исследую эти странные порывы в этом тихом месте, где нет посторонних глаз. Нет лишних ушей.

Никаких *приказов*.

Вначале я называла это экспериментом. Теперь я смотрю на это немного по-другому.

Думаю, я учусь существовать без оков и ожиданий. Без боли и парализующего страха потери, которые отделяют мою голову от сердца.

Думаю, я учусь тому, что значит жить.

Фэллон гордилась бы мной.

В основном.

Я веду пером, останавливаясь, чтобы положить в рот болотную ягоду, и терпкая сладость взрывается на моих вкусовых рецепторах, пока я записываю свои мысли на пергаменте, и слова текут легче, чем я ожидала...

Я пыталась уйти.

Творцы, я правда пыталась.

Но каждый раз, когда я собирала свои вещи и отправлялась в путь с намерением найти молтенмау, чтобы пересечь равнины и свернуть шею Рекку Жаросу, я возвращалась с новыми полотенцами.

Простынями.

Швейным набором, чтобы починить испорченный тюфяк.

Железным кольцом, чтобы не плакать под дождем.

Отрезками ткани и ножницами, чтобы сшить новые занавески, а потом с рулоном шкуры колка, которой я обтянула стулья и сиденья, потому что, видимо, теперь я — мастер на все руки.

Эсси гордилась бы мной. Я просто... сбита с толку. Словно околдована. Может быть, немного сошла с ума.

Может быть, не немного?

Я не знаю, как справиться с этой странной частью меня, которая, кажется, полна решимости вдохнуть новую жизнь в этот маленький заброшенный дом. Та самая часть, которая, кажется, не может избавиться от этого чувства принадлежности, которое я никогда не испытывала раньше.

Ни разу.

Здесь я одинока как никогда, полностью отрезана от остального мира. И в то же время все наоборот.

Мне трудно отвернуться от той версии себя, которая была счастлива в этих стенах, — это как наблюдать за медленно развивающейся трагедией, которая тянется в таком тягучем темпе, что ты никогда не доберешься до самой болезненной части.

Я существую где-то между. В пузыре страсти и радужных надежд, упиваясь тем головокружительным чувством, что трепещет у меня в животе каждый раз, когда я вижу вспышку воспоминаний о них.

Эллюин и Каан.

По мере того, как проходят циклы, я постепенно прихожу к неприятному осознанию того, что Каан влюбился в далекую, ушедшую в прошлое версию меня, которая, вероятно, была мягче.

Добрее.

Та версия меня, которая была достаточно смелой — или, возможно, достаточно глупой, — чтобы любить.

Я знаю, что это опасно. Я провела свою жизнь в ловушке, голодая, а теперь я — прожорливый беглец, пожирающий обрывки счастья, которое принадлежало кому-то другому. Потому что это был кто-то другой.

Это определено было не я.

Назовите это болезненным любопытством, но какая-то часть меня отчаянно хочет узнать, что заставило меня покинуть это место, в то время как все остальные уверены, что я никогда не захочу получить ответ на этот ядовитый вопрос. Даже жажда крови Рекка Жароса не может оторвать меня от этого очага счастья прямо сейчас, но я почему-то ушла когда-то. Каким-то образом я потеряла его.

Потеряла себя.

Потеряла дракона, который, видимо, любил меня настолько, что унесла с собой в небо и свернулась вокруг меня, превратившись в надгробный камень для нас обоих.

Трудно облечь это в форму, которая не заставила бы меня задохнуться. Под каким бы углом я ни смотрела, мне кажется, что я вижу лишь маленькую округлую вершину чего-то слишком большого и тяжелого, чтобы вынести.

Интуиция подсказывает мне, что я буду не в состоянии справиться со всей этой печалью, поэтому я пришла к решению. Теперь мне просто нужно набраться смелости, чтобы сделать это.

Чтобы отпустить это. Навсегда.

Но не сейчас...

Я еще не закончила мечтать.

Я стремительно иду по коридору, вытирая пот с глаз тыльной стороной ладони, заворачиваю за угол и вижу идущего мне навстречу Пирока без рубашки и выглядящего так, будто он только что встал со своего тюфяка при звуке рога дозорного, возвещающего о моем прибытии.

— Ты выглядишь трезвым.

Что-то в этом роде.

— Цикл только начинается, — говорит он, шагая рядом со мной. — Добро пожаловать.

— Я так понимаю, Вейя еще не вернулась?

Я надеялся, что, когда приземлюсь, она выбежит поприветствовать меня, как обычно. Странно, что она не выскочила с тысячей вопросов наготове и не засыпала меня ими.

Мне этого не хватает.

— Нет. В последний раз, когда я получил жаворонка, она была почти у стены, но предполагала, что несколько необходимых остановок задержат ее. Полагаю, сейчас она уже в Аритии. Может быть, даже на обратном пути.

Я хмыкаю, не желая ничего знать об этих остановках, о которых он говорит.

— Почему от тебя пахнет серой?

— Отвез Грима в Гондраг, — бормочу я, когда мы сворачиваем за очередной угол.

— Что?

— Высадил его жалкую задницу у хижины для вылупления, чтобы он мог попытаться украсть яйцо у Великого Серебряного саберсайта.

Наступает недолгая пауза, когда двое дозорных, охраняющих мой кабинет, при виде меня ударяют копьями о землю, распахивая двери.

— Он умрет там, — бормочет Пирок. — И даже не попрощался. Что за хрень? Я не утруждаю себя ответом.

У меня было много времени, чтобы справиться с этими эмоциями, и сейчас я нахожусь достаточно близко к принятию, чтобы мне больше не хотелось пробить кулаком стену или пнуть себя за то, что позволил ему убедить меня оставить его там. Говорящего мне, что сделает это сам или не сделает вообще.

Я понимаю. Совершить набег на гнездо или очаровать уже взрослого зверя — это глубоко личное путешествие для тех, кто делает это по правильным причинам...

Но все равно раздражает.

Я вхожу в свой кабинет — огромное пространство пусто, если не считать каменного стола и двух кожаных кресел, выглядящих точно так же, как я их оставил.

Подойдя к шторам в глубине комнаты, я раздвигаю их, открывая вид на Лофф и заливая комнату ярким светом. Освещая обугленные пятна на стенах.

Это единственное украшение, которого заслуживает эта комната.

Я вспоминаю полки, которые раньше украшали эти стены, уставленные памятными вещами времен правления Паха. Вспоминаю, как приятно было смотреть, как все это горит после того, как я ворвался в Цитадель, все еще забрызганный кровью, с его головой, свисающей с моего кулака.

Он вложил слишком много сил в это пространство и недостаточно в то, чтобы стать достойным Пахом для Вейи.

Для меня.

Теперь эта комната напоминает пустую грудную клетку, и я бы не хотел, чтобы было иначе. Если бы я сделал что-то большее, то выказал бы почтение его памяти, которого он не заслуживает.

— Я видел, как Грим нес покрытые рунами ботинки в свою спальню, — размышляет Пирок, устраиваясь в кожаном кресле напротив моего. — Теперь это обретает смысл.

Да, это так.

Я бросаю седельные сумки на пол, вытираю лицо руками и поворачиваюсь к столу.

— И что теперь?

— Если он вернется в хижину, то пошлет жаворонка, чтобы кто-нибудь из нас забрал его, — говорю я, тяжело опускаясь в кресло.

Почувствовав запах своей рубашки, я хмурюсь и поднимаю воротник, вдыхая запах пота, серы и пепла.

Определенно, мне нужно принять ванну. И поесть. И поспать — желательно в постели, а не на песке или грязи, укрывшись лишь крылом Райгана, чтобы меня не растерзали хищники. Если честно, я думаю, он с радостью остался бы на севере навсегда, наслаждаясь теплом и огромным количеством тварей, которые пытались проскользнуть мимо него и схватить меня, пока я спал.

Я уверен, что он подрос.

— Забрать его и только что вылупившегося *дракончика*, — говорит Пирок.

— Не будем забегать вперед. — Я лезу в карман, выуживая оттуда всех пергаментных жаворонков, которые слетались ко мне на протяжении последних тридцати снов, пока я отсутствовал. — Одно дело — украсть яйцо. А вот дожждаться *вылупления* — совсем другое.

Я вываливаю на стол около пятидесяти смятых жаворонков и, сжав переносицу, смотрю на них.

— Похоже, ты не справляешься с бумажной работой.

— Еще раз, за что я тебе плачу?

— Уж точно не за *это*, — хмыкает он.

Я приподнимаю бровь в ожидании. Искренне любопытствуя. Все, что он делает, — это пьет медовуху.

— Чтобы я сидел сложа руки и выглядел красиво, — наконец говорит он, одаривая меня улыбкой. — Роан — полезный брат, помнишь? У него мозги, у меня волосы. И сердечность. И я чертовски хорошо владею языком...

— Понял.

Его улыбка становится шире, и он закидывает ногу на ногу, поигрывая пирсингом в нижней губе. Он даже не пытается помочь мне разобраться с корреспонденцией.

Я вздыхаю, тянусь через стол к стопке заранее подготовленных квадратиков пергамента и своему черному перу, расправляю один из жаворонков и пролистываю записку, морщась, когда вижу дату.

Бедняга Кроув уже больше двадцати циклов ждет, когда его квота на добычу крабов будет окончательно утверждена.

Я беру перо и начинаю выводить извинения.

— Кстати, Роан вернулся?

— Нет.

Я качаю головой.

Может, отправлю кого-нибудь проверить его. Убедиться, что с ним все в порядке.

— Так... ты собираешься спросить о ней?

У меня кровь стынет в венах, этот дурацкий орган в груди упирается в ребро.

— Нет, — выдавливаю я, снова обмакиваю перо в чернила и продолжаю писать ответ.

— Она все еще здесь.

Я останавливаюсь, закрываю глаза и снова вздыхаю. Медленно опускаю перо на стол, откидываюсь в кресле, скрещиваю руки на груди и уделяю Пироку все свое внимание. Жду, когда он продолжит.

— Я видел ее на рынке.

Я вздергиваю бровь.

— О?

Он кивает.

— Покупает всякое дерьмо.

Я смотрю на него, ожидая продолжения. Но он молчит.

— Ну, и что за дерьмо?

Он закатывает глаза, как будто это возмутительный вопрос, но это не так. Не для органа в моей груди, который слишком мягкий для своего блага.

Пирок начинает загибать пальцы.

— Кожа, мыло, припарки, полотенца. Она зашла в «Изогнутое перо» и ждала снаружи, пока парнишка забрал мешок чего-то для нее, но я не могу сказать чего, потому что не вижу сквозь кожу. Еще она купила мешок перьев у местного птицевода, но это могло быть и зерно. — Он пожимает плечами. — Я старался держаться на расстоянии.

Я хмурюсь, мой взгляд падает на кучу жаворонков, пока я обдумываю его слова. Складывается впечатление, что она обустроивается, а не готовится к отъезду. Что не имеет смысла. Разве что она... что-то *вспоминает*. Возможно, у нее формируется новая привязанность к этому месту.

При этой мысли у меня щемит в груди, и я с трудом сдерживаю стон, когда снова тру лицо — мне отчаянно нужна ванна и, возможно, стена, о которую можно побиться головой.

— Ты примешь участие в праздновании Великого шторма? — спрашивает Пирок, и я наклоняюсь вперед, возвращаясь к разворачиванию остальных скомканных жаворонков.

— Я, конечно, буду поднимать платформы.

— Я имею в виду *сам* фестиваль.

Я вздергиваю бровь, протягивая ему половину стопки.

— А я когда-нибудь это делал?

Он по-прежнему не делает попытки помочь, вместо этого, прищурившись, смотрит на меня.

— Ты действительно думаешь, что сейчас подходящее время, чтобы превратиться в упрямого придурка?

Идеальное время, на самом деле.

— Последний раз, когда я видел ее живой, был во время Великого шторма, который мы провели вместе. — Я разворачиваю еще одного жаворонка и бросаю его в кучу. — Мы провели вместе сон, а на следующий день я улетел помогать восстанавливать деревню. В следующий раз я увидел Эллюин, когда ее безвольное тело уносил в небо скорбящий дракон, — рычу я, шлепая еще одного жаворонка на эту чертову кучу. — Так что нет, идея пригласить ее на праздник Великого шторма не вызывает у меня восторга, и я не стану извиняться за это.

— Может, в этот раз все будет иначе?

Я усмехаюсь — тихо и невесело.

— Может, она сможет что-то сделать с моим сердцем? Безусловно. Она прекрасно управляется со своими ножами. Как раз найдет им применение.

Пирок вздыхает и бьет кулаком по подлокотнику кресла.

— Слушай, все, что я знаю, — это то, что она спрашивала одного торговца, не видел ли он короля. Поступай с этой информацией как хочешь, — бормочет он, затем встает и идет к двери.

Я хмурюсь.

— Куда ты идешь?

— Хочу напиться в покоях Грима и разобрать его коллекцию кинжалов, — бурчит он, выходя из кабинета. — Потому что он, вероятно, уже мертв, этот засранец.

Звук его шагов стихает, и я запрокидываю голову, уставившись в потолок. Черт... черт.

Оставив жаворонков, я поднимаюсь и направляюсь к балконным дверям, распахиваю их настежь и выхожу под яркие солнечные лучи, откуда открывается вид на Домм и Лофф.

Западный мыс.

Я подхожу к увитой виноградом балюстраде, опираюсь на нее локтями, и мое сердце замирает, когда я вижу вдалеке какой-то силуэт — прямо там, где вода бьется о каменистый берег. Нахмурившись, я возвращаюсь в свой кабинет и беру со стола подозрную трубу, затем возвращаюсь на балкон и растягиваю ее, прикладываю к глазу и направляю в сторону фигуры.

От этого вида у меня трещат ребра.

Рейв переступает с камня на камень — ноги босые, волосы собраны на макушке, щеки и плечи слегка загорели. На ней короткая черная ночная сорочка, в которой она была, когда я водил ее в гости к Слатре, одна из тонких бретелек спадает с ее плеча.

Она не удосуживается вернуть ее на место, словно не замечает, а вместо этого наклоняется и достает ракушку из-под камней. Она осматривает ее со всех сторон, прежде чем положить в корзину, висящую у нее на руке.

Я сглатываю, когда она выпрямляется и смотрит своими холодными ледяными глазами в сторону...

Мое сердце замирает.

В сторону норы Райгана...

Ну, черт. Похоже, она думает о нас.

— Готова к следующему раунду, Лунный свет?

Она заправляет за ухо выбившуюся прядь волос, и в ее глазах появляется тоска, от которой у меня замирает сердце.

Я хлопаю трубой по ладони, закрывая ее, и размышляю о последствиях того, что я вырву свое сердце и разобью его о камень. Ей нужно время.

Хотя, возможно, Пирок прав. Может, в этот раз все будет по-другому.

А может, еще хуже.

В любом случае, нет никого другого, кому я бы охотно подносил свое сердце на блюдечке — снова и снова, как безнадежный, влюбленный бродяга, выпрашивающий угощение.

Сегодня я присутствовала на Десятине.

Поскольку его отец был в отъезде, Каан восседал на бронзовом троне, принимал подношения, и передавал их тем, кто сам мало что мог предложить.

Я наблюдала из глубины зала, как он разговаривает с каждым с такой милостью и беспристрастностью, что это напомнило мне, как Маха и Пах управляли своим королевством, и почувствовала глубокую тоску по дому при этой мысли...

Пах не уважал короля Остерна. Он говорил, что их ценности не совпадают. Что Остерн не заботится о тех, кто не слышит песни стихий.

Я смотрела, как Каан предлагает молодой семье, испытывающей трудности весомый мешок золота, и решила, что старший сын короля Остерна заслужил бы уважение моего Паха.

Каан увидел меня через огромное пространство, наши глаза встретились, и мир замер.

Я чувствовала себя такой беззащитной перед ним, охваченная жгучим жаром, не имеющим ничего общего с вечным пеклом, властвующим в этом месте. Я была уверена, что мое тело сгорит изнутри, если мы не столкнемся, я с трудом могла разглядеть что-то еще сквозь дымку своего неутоленного желания.

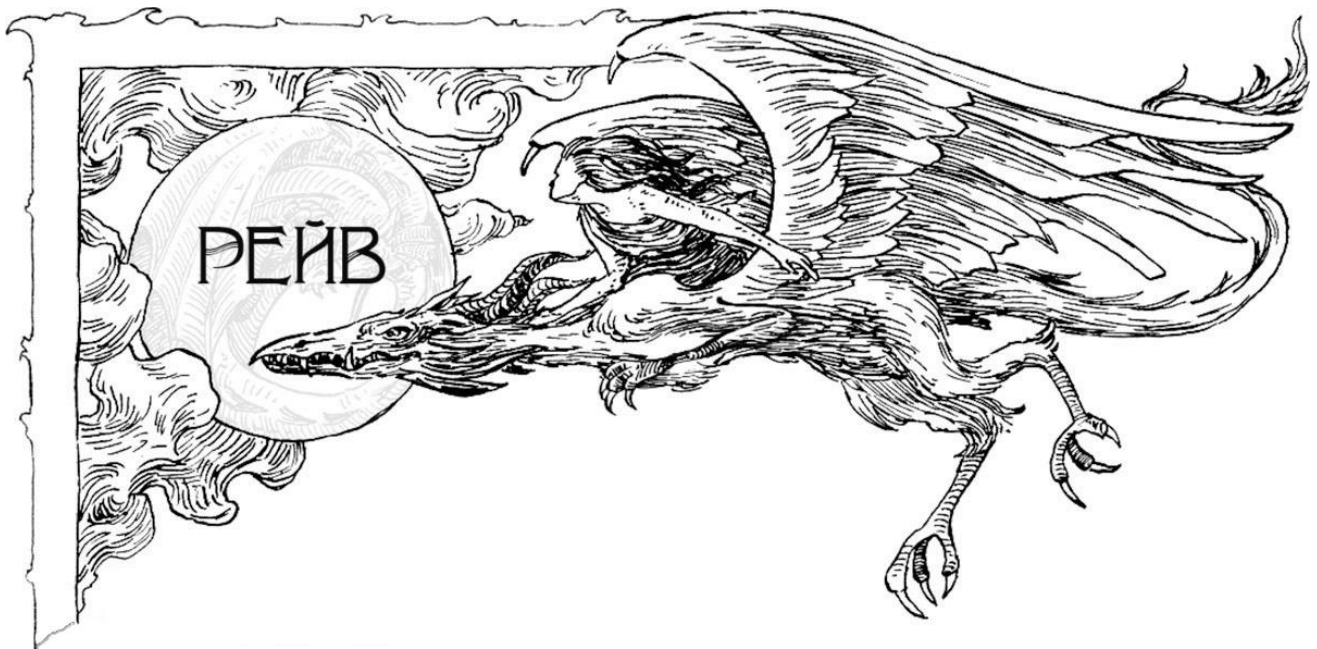
Я спряталась за столб, пока никто не заметил, и отчаянно пыталась перевести дыхание, которое внезапно сбилось.

Я знаю, что то, чего я желаю, запрещено.

Но меня это не беспокоит.

Почти две фазы я существовала в этой Цитадели как тень...

Мне надоело жить так, как мне велят, а не так, как я хочу сама.

Он широкий, сильный, живой подо мной, его согнутые колени расположились между моих ног, раздвигая их.

Полностью обнаженная, я ерзаю, пытаюсь заставить его прикоснуться к моему узелку чувствительных нервов.

— Пожалуйста...

— Тебе не нужно умолять меня, Лунный свет. — От его слов я вся дрожу, его пальцы скользят по моему входу — такие нежные, как перышко, но это всего лишь легкое прикосновение.

Мое тело воспламеняется, сердце яростно стучит от неистового желания.

Я хватаю его мальмер и тяну к себе.

— Если ты хочешь меня, — он прижимается губами к моему уху, нежно покусывая его, — я, черт возьми, твой.

Застонав, я провожу ладонью по напряженным мышцам его сильной руки, по запястью, по костяшкам пальцев.

По его пальцам.

Я толкаю его в себя, испытывая прилив удовольствия, расслабляя бедра.

Растягиваясь.

— Навсегда, — шепчу я, проталкивая его глубже. — Я хочу тебя навсегда.

Он издает глухой рокочущий звук, его вторая рука обхватывает мою челюсть и поворачивает голову в сторону. Я ловлю взгляд его пылающих, как угли, глаз, прежде чем он завладевает моими губами в поцелуе, который уничтожает мою способность дышать или думать в плену его ненасытного вкуса. Того, как он присваивает мои губы и язык.

Поглощает меня.

Мои бедра покачиваются синхронно с глубокими толчками пальцев и его всепоглощающим поцелуем, я все ближе...

Ближе...

Он переворачивает нас, раздвигает мои ноги, затем берет за бедра и тянет к себе. Твердая рука давит мне между лопаток, прежде чем он прижимается твердой головкой своего члена к моему влажному, пульсирующему входу.

Я так готова...

Раздирающий воздух рев врывается в мой сон, словно захлопывая книгу на самом интересном месте.

Я распахиваю глаза, и страстный стон разочарования вырывается из моего горла — голодный, дикий и полный похоти.

Я хлопаю себя рукой по лицу и стою, все еще ощущая тело Каана на моем. Как оно двигалось вместе с моим.

Внутри.

Содрогаясь от вибрирующих волн своего сна, я приподнимаюсь, между грудей у меня выступили капельки пота, соски затвердели и заострились.

Я качаю головой, проводя руками по влажным волосам.

Становится хуже.

Точнее, лучше. Значительно лучше. Но гораздо труднее от этого отказаться.

На комнату, где я спала, падает тень.

Нахмурившись, я бросаю взгляд в верхнее отверстие и вижу вспышку темно-красной чешуи. Еще один пронзительный рев прорезает воздух, и мое сердце замирает, когда я осознаю, что *именно* меня разбудило.

Дракон. Он пролетел так низко, что ударом хвоста мог разнести это место на куски.

Я спрыгиваю с тюфяка и прижимаюсь к полу, ожидая, пока стихнет гулкий стук крыльев зверя. Когда я наконец решаюсь взглянуть на потолок, мое сердце замирает.

Высоко в небе, почти вплотную к остроконечной бронзовой луне, висящей над городом, кружит пара саберсайтов, с криками носясь и кувыряясь среди переливающихся лент Авроры. Которых слишком много.

Неужели небо раскололось? В Домм пришла война?

Пригибаясь к полу, я достаю из небольшой кучи одежды, собранной за несколько циклов, свою верную черную сорочку и опускаю ее на бедра. Запихиваю ноги в ботинки и, спускаясь по лестнице, хватаю кожаные ножны. Не глядя пристегнув их к бедру, я выбегаю в джунгли под очередной пронзительный рев.

— Черт, — бормочу я, прижимаясь к камню, сердце колотится быстро и сильно. Я застегиваю последнюю пряжку, оглядываясь в поисках любого признака опасности, но не нахожу ничего угрожающего. Хотя вдалеке звучит песня, сопровождаемая стуком барабанов, совершенно точно, не похожим на звук военных. Мелодия... игривая?

Что происходит?

Откинув волосы с лица, я бегу сквозь джунгли, разделяя окружающее пространство на просматриваемые сегменты. Ищу любые странности.

Ближние и далекие крики драконов разносятся по воздуху, наполненному сладким, пряным запахом, как будто весь мир вокруг — это распутившийся цветок.

Я медленно выхожу из густой листвы, спускаюсь по крутому берегу и выхожу на галечный берег Лоффа.

Мои глаза расширяются, что-то внутри меня становится настолько неподвижным, что каждый удар моего сердца кажется землетрясением.

Терракотовые камни скрипят под моими ботинками, пока я иду к плещущейся воде, любуясь небом...

Определенно раскололось.

Нити серебристой Авроры танцуют в своем собственном пульсирующем ритме — их тысячи. Как будто кран, который обычно пропускает не более десяти из них, дал течь.

Большую.

Драконы парят и кружатся в металлических лентах света, некоторые сами по себе, некоторые в паре с другими драконами, которые повторяют их впечатляющие движения.

Нахмурившись, я смотрю на раскинувшийся вдали город.

Почти над каждым каменным строением развевается серебристый флаг — буйство длинных лент, трепещущих и переплетающихся друг с другом. Эспланада — яркое пятно движения, порыв ветра доносит до меня запахи медовухи и тушеного мяса.

Похоже, никакой войны нет. Просто какой-то праздник, подобного которому я еще не видела.

Да еще это расколотое небо.

В памяти всплывает старый разговор, который когда-то давно я услышала между двумя торговцами. Они говорили о чем-то, называемом Великим штормом. Говорили, что мискуны предсказывали, что он расцветет где-то в этом десятилетии, и надеялись, что после этого в местах гнездования будет приток оплодотворенных яиц.

Возможно, так оно и есть? Драконы в небе выглядят так, будто они... взволнованы.

Мои щеки пылают.

Рада за них. Хоть кто-то трахается в реальной жизни, а не только в своих снах.

Я снова смотрю на город, и меня захлестывает волна адреналина, заставляя мое сердце биться сильнее. Быстрее.

Что-то в этих серебряных лентах, барабанах и драконах пробуждает во мне желание бежать *навстречу* чему-то, чтобы измениться. Разрушить решетки моего самоограничения и открыть свое голодное сердце, раздробить его, смешать с небольшим количеством влаги, а затем снова слепить из него что-то мягкое.

Именно поэтому мне не следует туда идти.

По ту сторону этого изрядно потрепанного терракотового забора реальность рыщет, как затаившийся зверь, готовый к охоте.

Чтобы убить.

Я поворачиваюсь спиной к городу и возвращаюсь в джунгли, но что-то на периферии моего зрения заставляет меня остановиться.

Я смотрю на дерево, где я нашла фигурку, — на короткой сучковатой ветке теперь висит черная плетеная корзина.

Сердце замирает, дыхание перехватывает.

Кто бы ни оставил ее там, он знает, что я здесь, несмотря на то, что я была осторожна. А главное, они знают, что по эту сторону забора не живет ни один чертов хьюлинг.

Разгадать эту загадку не так уж сложно.

Я подхожу к дереву, глядя на корзину как на тлеющий уголек и зная, что от одного целенаправленного дуновения на его поверхность он вспыхнет и исчезнет.

Сгорит.

Сглотнув подступивший к горлу комок, я беру корзину в руки, снимаю с ветки и опускаю на землю. Я срываю ткань, которой прикрыто содержимое, ожидая, что этим движением вызову какой-то эффект, тот или иной.

— Творцы, — бормочу я, изучая изящную, воздушную маску, спрятанную в гнездышке из серебристого шелка. Искусное изделие из серебристой проволоки и плоских перламутровых дисков, мерцающих в лучах солнца. По бокам прикреплены ленты, возможно, для того, чтобы завязать ее на затылке.

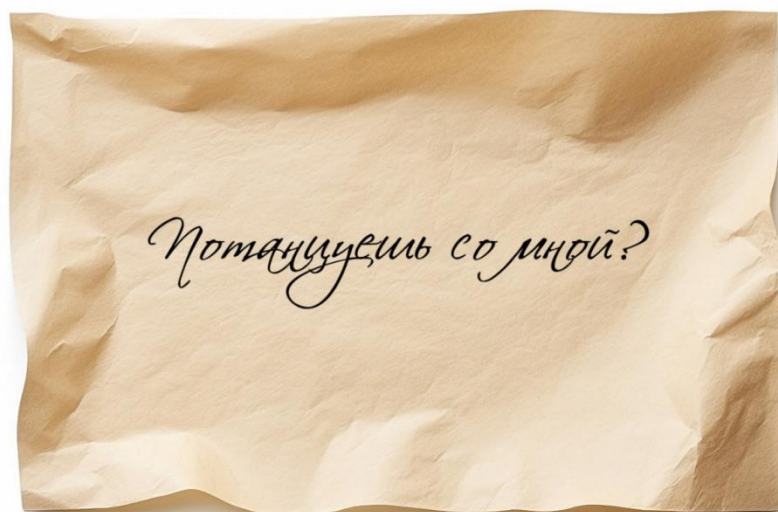
Я откладываю ее в сторону и поднимаю шелковистую ткань, открывая взгляду платье, не похожее ни на одно из тех, что я когда-либо видела — сплошные волны драпированного материала, скрепленные в некоторых местах бриллиантовыми брошками. Под платьем я обнаруживаю пару туфелек, украшенных хрусталем, а также закупоренный флакон с солнцезащитной припаркой. Такую же я купила в магазине много лет назад, когда поняла, что купание голышом весной — это рецепт для потрескавшейся кожи и лихорадочного сна.

Последнее, что я нахожу в корзине, — это тщательно сложенный пергамент, от которого я шарахаюсь в сторону, словно он собирается выпрыгнуть и укусить меня.

Бросив еще один взгляд в сторону города, я достаю записку и разворачиваю ее.

Мальмер Каана падает мне на колени, и мое сердце останавливается.

Долгое время я смотрю на красивый кулон, прежде чем, наконец, замечаю надпись.

Я закрываю глаза, поднимаю мальмер, крепко сжав его в руке, и чувствую, как меня охватывает трепет.

В этих трех коротких словах есть смысл. В маске. В платье.

Этот мальмер — как напоминание о нас, существовавших давным-давно.

Мне кажется, он просит меня *притвориться*. Опустить свои стены и открыть ему свое сердце по этому особому случаю.

Я набираю полные легкие сладкого, пропитанного дымом воздуха и окидываю взглядом город, во мне поселяется уверенность. Энергия, созревшая для того, чтобы вырваться наружу.

Чтобы иссякнуть.

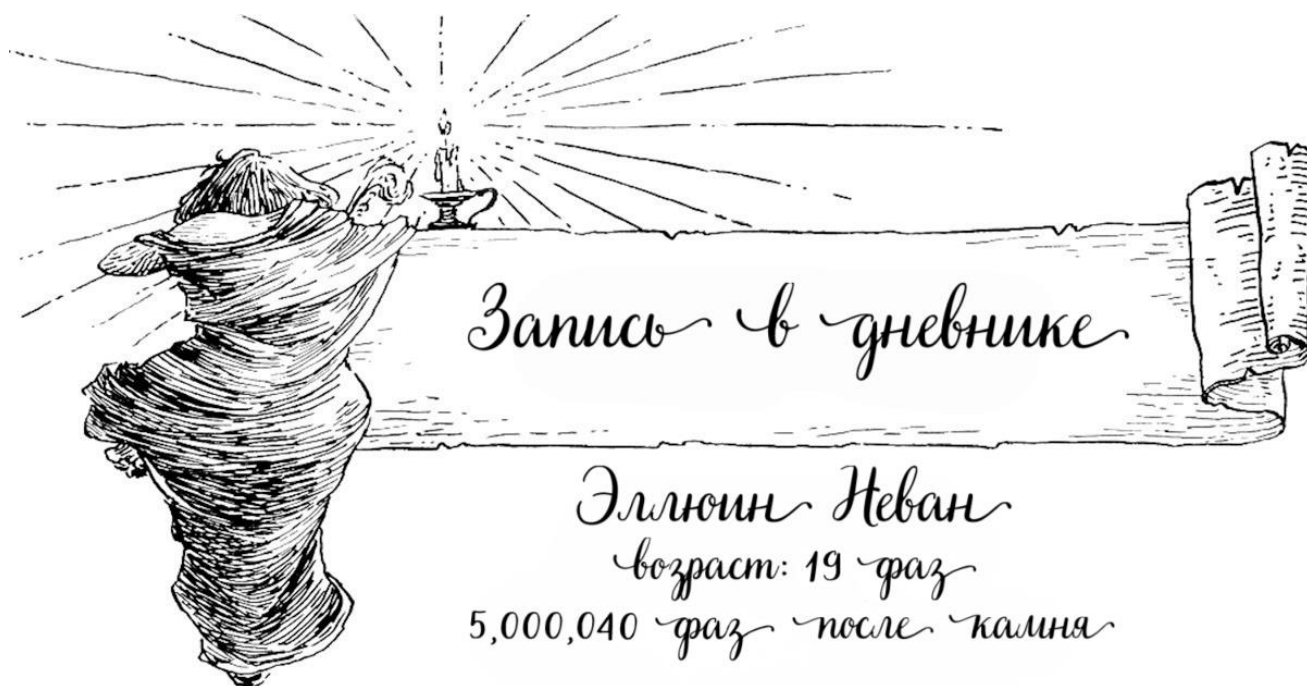
Вот оно. Булавка, которая наконец-то лопнет пузырь воображения, в котором я потерялась. *Нашла* себя, если быть честной с самой собой.

Не то чтобы это что-то меняло.

Но какой эффектный способ уйти? Прощание с тем, чем мы были раньше. Тихое признание, которое я теперь осознаю, что должна... *нам*.

Ему.

Прежде чем я сотру все это.

Этим вечером не было ни музыки, ни еды. Только сложенный пополам пергаментный жаворонок и странный ржавый ключ.

Я сложила последнюю линию активации, и жаворонок взмыл в воздух, устремившись вниз по лестнице, ведущей к вольеру Слатры, а затем отлетел в сторону, где скрылся в темном тоннеле, которого я раньше не замечала. Я долго шла за ним, и ключ открыл другую дверь, которая вела на галечный берег, омываемый сверкающим бирюзой Лоффом, волнующимся перед приближающимся штормом.

Бедный жаворонок... Он стал слишком мокрым, с трудом удерживаясь в воздухе, и я взяла его в руки, прижав к себе, как огнёвку, пойманную в клетку.

Я пыталась определить направление по тому, как он толкался в мои пальцы, прокладывая извилистый, запутанный путь через джунгли.

Я начала нервничать, опасаясь, не засада ли это. Вдруг кто-то хочет убить меня, чтобы украсть Эфирный камень, думая, что это бесценное сокровище, а не проклятие, разрушающее душу. Но тут я подошла к жилищу, высеченному в скале. Дом, настолько скрытый от посторонних глаз, что, подозреваю, никто не смог бы его найти.

Каан был внутри, сидел за каменным столом, который он накрыл для нас, а в воздухе витал запах тушеного колка и корня канита.

Он сказал мне, что это место — его подарок мне, но что я не обязана делить его с ним. Одно мое слово — и он уйдет в джунгли и никогда не вернется.

Я подбежала к нему прежде, чем он успел закончить фразу.

Он — огонь и сера. Я — расколотый лед. Наше столкновение — это пар и разрушение, которым суждено рассеяться, но я с радостью буду гореть под ним, пока мир не рухнет.

Знакомый мужчина стоит спиной ко мне, прислонившись к каменной стене, непокорные локоны рассыпаны по плечам.

— Ты выглядишь так, словно тебя волокли задом наперед через кусты, — говорю я, направляясь к Пироку, и подаренная маска служит моим изящным щитом.

Он поворачивается, одаривая меня ослепительной улыбкой.

— Это часть моего обаяния. Женщинам нравится. Они тянут за них, как за поводья.

— Этого не будет.

Его глаза расширяются.

— Чертовски надеюсь, что нет. Мне очень нравится моя голова. И мой член. И жизнь.

Прочистив горло, я делаю вид, что не понимаю, что *именно* он имеет в виду, разглядывая красную кожаную тунику, подчеркивающую его широкую грудь. Верхняя половина его лица скрыта за маской, сделанной из оранжево-красных перьев молтенмау, и он даже заменил свои пирсинги на более яркие, чтобы они сочетались.

— Итак. Полагаю, ты мой эскорт?

— Строго платонический.

— Если бы у тебя было *больше* платонических отношений, возможно, твои волосы не были бы похожи на птичье гнездо.

Он улыбается, запуская пальцы в маленький мешочек, зажатый в руке.

— Приятно видеть, что хьюлинг не высосал твой мозг через ноздри.

— Шокирует, я знаю. — Я останавливаюсь перед стеной и ставлю туфли на землю, чтобы поправить ткань, прикрывающую мою грудь, и убедиться, что все на месте.

— Кто сделал надписи на стене?

— Вейя. — Мои брови взлетают вверх, руки замирают. — Каан перестал бывать там после того, как ты ушла, — говорит он, пожимая плечами. — Она знала, что он будет сожалеть, если это место придет в полный упадок.

— О, — бормочу я, с быстротой молнии пряча эту болезненную информацию в свое ледяное озеро. — Так ты знал меня... *раньше*?

— Немного. Это было чертовски давно...

— Ты мало что помнишь?

— Совсем наоборот, — возражает он, подмигивая мне. — Моя память — самое острое оружие в моем скудном арсенале.

Точно.

— Рада за тебя.

Моя, как выяснилось, совсем дерьмовая. Не то чтобы я жаловалась.

Он подбрасывает в воздух маленькую красную штучку и ловит ее ртом, с хрустом разгрызая.

— Хочешь что-нибудь узнать? — спрашивает он с такой надеждой в голосе, что я зажмуриваюсь, прежде чем она успевает забраться вверх по моей ноге и ущипнуть меня.

— Творцы, нет. Мне просто любопытно. — Знание — сила и все такое. Когда я сотру Каана из своей памяти, мне нужно будет оборвать все связи с *прошлым*.

С Эллюин.

Теперь это касается и Пирока. Наверное, это хорошо, потому что он начинает мне нравиться.

Он прочищает горло, затягивает шнурок на мешочке с угощением, словно у него внезапно пропал аппетит.

— Что ж, — говорит он, покручивая пальцем, и в его тоне появляется тяжесть, которой раньше не было, — давай посмотрим на тебя.

Я поворачиваюсь, мои волосы заплетены в косу, которая начинается на макушке и касается голой кожи на пояснице, закрепленную одной из брошек, которую я сняла с платья. Одна полоска задрапированной ткани прикрывает мою грудь, другая туго обтягивает бедра, прежде чем рассыпаться серебристыми нитями.

Никогда еще я не надевала ничего столь роскошного.

Подчеркивающего мои формы.

Сексуального.

Больше всего мне нравятся два треугольника из блестящего прозрачного материала, закрепленные на моих плечах, которые развеваются при каждом движении. Как крылья. Хотя мальмер Каана я оставила в жилище.

Там мне показалось безопаснее.

— Было трудно закрепить заднюю часть, но вроде получилось, — бормочу я, оглядываясь через плечо.

— Выглядит как надо. — Он убирает мешочек в карман, снова пробегая взглядом по моему платью. — Хотя, похоже, от платья осталась половина...

— Да, — говорю я, подхватывая туфли, прежде чем перекинуть ногу через стену. Жарко, а я уже привыкла ходить здесь голой — хотя и не говорю ему об этом.

Вся эта ткань показалась мне ненужной, поэтому я убрала несколько лоскутков тут и там. Скрестила несколько. Кое-где завязала узлы.

Выпустила на волю свою внутреннюю хитрую сучку и позволила ей сиять.

Пирок усмехается, качая головой.

— Пойдем, — говорит он, направляясь в сторону города. — Мы пропустим все самое интересное.

Э

спланада — это буйство красок и веселья.

Мы пробираемся через толпу нарядно одетых фейри, вокруг снуют дети в масках, сжимая в руках палки, к концам которых прикреплены длинные серебряные ленты, которые крутятся и мелькают в воздухе. Они ревут, как драконы, гоняются друг за другом. Ловят друг друга.

Падают, смеясь кучами из лент, перьев и самодельных крыльев.

Все в масках, из самых разных материалов сделаны настоящие шедевры. Перья молтенмау и чешуя саберсайтов. Некоторые сделаны из листов меди с вмятинами от инструментов, которыми им придавали форму, другие — из перламутра, который обрамляют их щеки, словно элегантные мунплюмы.

Мы подходим к тележке, которая, похоже, предлагает бесплатную медовуху, и Пирок сворачивает к ней, чтобы взять кружку.

— Хочешь?

Я поднимаю бровь.

— Рановато, не находишь?

Он смотрит на меня с искренним недоумением, прежде чем осушить всю кружку тремя большими глотками.

— Чтобы освежиться? — спрашивает он, вытирая рот тыльной стороной ладони, ставит пустую кружку на тот же поднос и берет другую. — Не думаю. Солнце сегодня палит всю. И даже если бы это было не так, что может быть лучше, чем нарушить мой пост?

Я качаю головой, надеясь, что он знает кого-нибудь достаточно сильного, чтобы потом соскрести его с мостовой, и с ужасом понимаю, как трудно сдвинуть с места тело такого размера.

Разве что по частям.

Мы подходим к тропинке, которая уводит от берега и устремляется к трем возвышающимся платформам, каждая из которых накрыта куполом мерцающего воздуха. словно мыльные пузыри, достаточно большие, чтобы вместить небольшую деревню, поднялись из плещущихся волн, замерли на полпути, а затем затвердели.

Купола кажутся пустыми, мой взгляд проникает сквозь то, что кажется простыми выпуклостями искаженного воздуха. Шум говорит об обратном, пространство вокруг меня наполняется глубоким боем барабанов и гулом струнных инструментов, доносящимся откуда-то спереди. Как будто смычками водят по моим ребрам, создавая музыку в груди и заставляя кровь петь.

Другие фейри идут перед нами по дорожке, выложенной камнями и плоскими раковинами. Она почти вровень с гладью Лоффа, и кажется, что фейри,двигающиеся по ней, скользят по воде, направляясь к куполам, а у некоторых за спиной развеваются искусно сделанные крылья.

Пирок протягивает мне руку, я кладу ладонь на ее сгиб, мое сердце глухо и неукротимо колотится о ребра. Мы подходим к перекрестку, где тропа расходится в разные стороны, и солнце бьет мне в лицо, когда мы останавливаемся.

— В каждом из трех куполов находятся искусственные изображения мест гнездования, — говорит Пирок, показывая слева направо. — Незерин, Боггит и Гондраг.

У каждой дорожки есть арка — та, что слева, украшена переплетением серебряных лоз и белых, покрытых инеем цветов, из остроконечных лепестков которых, несмотря на жару, просачиваются струйки тумана.

Незерин.

Средняя украшена множеством цветом с лепестками, похожими на перья, которые напоминают яркие оттенки оперения молтенмау.

Боггит.

Я перевожу взгляд на ту, что справа, и вижу, что она увита колючими лианами, округлые черные цветки опалены на кончиках и пахнут обгоревшим деревом.

Гондраг.

— Где король? — спрашиваю я, и Пирок жестом показывает направо, глядя на меня с выражением, которое я принимаю за поднятую бровь. Трудно что-то разглядеть сквозь его маску.

— Это сужает выбор, — говорю я, прежде чем потянуть его влево и шагнуть под струи тумана, пахнувшего свежестью и прохладой.

Если Каан хочет потанцевать, он может повеселиться, разыскивая меня.

— Интересный подход, — размышляет Пирок, пока мы идем по тропинке, держась позади неспешно прогуливающейся пары, одетой в наряды из искусственного оперения.

— Я никогда не была на юге дальше, чем граница между Сумраком и Тенью. — Я пожимаю плечами. — Мне любопытно.

Он прочищает горло, и фейри перед нами натягивают колышущийся воздух, раздвигая его, как занавес, прежде чем исчезнуть в куполе вместе с клубами тумана. Наши шаги замедляются, и Пирок берется за невидимый барьер, словно за полог палатки, оттягивая его. Еще один клуб тумана просачивается наружу и путается у нас под ногами, барабанная дробь бьет в грудь в ритме с колотящимся сердцем.

В моем животе взлетает стая... *чего-то*. Чего-то, не имеющего смысла.

Каана здесь нет. Он в другом месте.

Почему мои ноги не двигаются вперед?

— Ты в порядке? Я не думал, что ты из тех, кто *колеблется*.

Я ищу внутри себя заостренный край, чтобы бросить что-нибудь язвительное в ответ, но нахожу только гладкие и округлые.

Мягкие и пушистые.

Я слатываю, все еще глядя на треугольный проем, ведущий к вихрю сумеречного движения за ним.

Нет, я не думаю, что со мной все в порядке.

— Я в порядке, — лгу я, затем выпрямляю спину, заставляю свои ноги шагнуть вперед и проскальзываю внутрь, поглощенная темнотой.

Каждый шаг вперед — это еще один скрип моих туфель по слою пушистого снега. Еще одно кружение тумана, клубящегося вокруг моих ног.

Я попала в другой мир: небо — это черный бархат с жемчужными лунами, испещренными лентами авроры, которые заливают мрачное пространство серебристым светом. Скопления шестиугольных ледяных столбов тянутся к лунам, каждый из которых достаточно велик, чтобы поддерживать гнездо мунплюма.

Словно стоишь в настоящем Незерине, только без смертельного холода. И нет угрозы быть убитой самкой мунплюма, защищающей свою кладку от воров, которые рискнут взобраться на один из этих отвесных, кажущихся неприступными столбов, пытаясь похитить яйцо.

Воздух кажется пустым, если не считать стука барабанов и нежной мелодии арфы, словно кто-то призвал Клод посидеть в ледящей душу неподвижности под этим куполом. Пустота, которая гнездится в моей груди. Невидимый груз, форму которого я не могу уловить.

Его происхождение.

Страхнув с себя оцепенение, я присоединяюсь к водовороту фейри в масках, подчиняющихся плавной, неземной мелодии, словно впавших в некий транс.

Я прочищаю горло и беру хрустальный бокал с подноса проходящего мимо официанта.

— Как это называется? — спрашиваю я, жестом указывая на лазурную жидкость, растекающуюся молочным туманом по краям.

— Дыхание мунплюма, — говорит официант, его губы синие от холода, а между бровей появляется складка, когда он рассматривает мой скудный наряд. — У входа лежат меховые шали...

— Я в порядке. — *В полном порядке.* — Спасибо!

Я иду дальше, поднося к губам покрытый инеем край бокала. Я делаю глоток, наполняя рот кислой сладостью — бодрящей и такой холодной, что она становится ледяным бальзамом для моего языка, горла и живота.

Толпа на мгновение расступается, и мой взгляд находит пустое пространство между двумя высокими столбами.

Сердце начинает биться учащенно, и я замираю, крутя на пальце железное кольцо...

Я уверена, что между ними есть то, что я должна увидеть. Если я не пойду и не выясню это немедленно, случится что-то плохое.

Не знаю, что именно. Но кажется важным.

— Все в порядке?

Определенно нет.

У меня так и вертится на языке спросить, знает ли Пирок, как у меня оказался мунплум, которого я якобы очаровала в своем предыдущем... существовании. Узнать, не разграбила ли я гнездо ради яйца или, может быть, унаследовала чьего-то зверя, которого до меня очаровал кто-то другой.

Спросить, не была ли я здесь раньше, — в реальности.

— Конечно, — говорю я, одаривая его улыбкой через плечо, которая исчезает с моего лица в тот момент, когда я снова устремляю свой взгляд вперед и продираюсь сквозь толпу.

— Куда мы идем? — кричит он, пока я лавирую между телами, затянутыми в толстые слои кожи и меха, между столами и табуретами, продвигаясь к самому высокому скоплению колонн в центре торжества.

— Не знаю, — бормочу я, делая очередной глоток своего напитка и задерживая холодок во рту до тех пор, пока язык не начинает мерзнуть, а затем проглатываю его.

Толпа редет, уступая место заслону из стражников, стоящих плечом к плечу и преграждающих вход на едва заметную дорожку, которая, кажется, вьется между двумя огромными ледяными столбами. Бронзовые доспехи облегают их тела, как чешуя саберсайта, черные маски закрывают верхнюю половину их лиц, темные меховые накидки наброшены на плечи.

— Что там сзади? — спрашиваю я у Пирока, когда он наконец догоняет меня, держа в одной руке Дыхание мунплума, в другой — драконье яйцо, наполненное жареной закуской, политой белым соусом.

— Игровой стол для высокопоставленных лиц, — говорит он. — Туда не стоит заходить, если только у тебя нет *кучи* золота, которое можно потратить впустую, и достаточной уверенности в себе, чтобы выдержать несколько ударов.

Хм.

Не то, что я ожидала. Но раз уж я здесь...

Я поворачиваюсь, обшариваю карманы Пирока, обнаруживая то, что ищу, в левом, и достаю под звуки его недовольного бормотания.

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь? — ворчит он, пока я машу мешочком с золотом перед стражниками, которые расступаются, чтобы пропустить нас. — Вуто.

— Встретила одного из них, когда сидела в тюрьме за серийное убийство, — говорю я достаточно громко, чтобы несколько стражников повернули головы и посмотрели на меня через плечо. — Милый парень. Волосы на его лице были гладкими и блестящими, несмотря на условия, в которых нас держали. В какую игру мы играем?

— Скрипи, — бормочет Пирок, следуя за мной по едва заметной тропинке, проложенной между высокими столбами, которые, конечно, не настолько холодны, чтобы быть настоящим льдом. Возможно, это просто камень с нанесенными рунами, чтобы выглядело как лед. — Играешь?

Я подбрасываю его мешочек в воздух и выхватываю его.

— Немного.

— Отлично, — ворчит он. — Не могу дождаться, когда проиграю мешок золота кучке избранных, которые используют камешки из этого материала для украшения своих садовых клумб.

— Это неправильный подход. — Я делаю еще несколько поворотов по извилистой дорожке, отпивая еще немного Дыхания мунплюма. — Как я понимаю, король Пекла не слишком щедр?

— Очень щедр. Чертовски, если быть до конца честным. Дело не в этом.

В его голосе слышится раздражение, которое заставляет меня остановиться. Я оглядываюсь через плечо и вижу твердость в линии его рта, которой не было раньше — его собственное Дыхание мунплюма осталось совершенно нетронутым.

Странно. Обычно он уничтожает напитки с такой скоростью, словно они находятся в нескольких мгновениях от испарения.

— Не хочешь рассказать подробнее?

— Не хочешь побыстрее покончить с этим, чтобы я мог найти достаточно большую бочку с медовухой, чтобы утопиться? — Он дергает подбородком, подталкивая идти дальше. — Быстрее, пока моя закуска не покрылась льдом.

Нахмурившись, я продолжаю идти вперед, размышляя, не было ли у Пирока неприятной истории с кем-то из этих *высокородных*.

Еще один крутой поворот, и дорожка приводит нас в широкую пещеру, словно кто-то провел ложкой по льду и вырезал тупик. В центре стоит шестиугольный стол, вокруг него — шесть стульев с высокими спинками, все, кроме одного, заняты.

Мои ноги замирают.

Четверо мужчин в черных одеждах и меховых плащах, прижимают веера игровых карт к груди, на каждом из них — одинаковые простые маски в пол-лица, отлитые из золота. Пятое место занимает существо, которое мне немного знакомо.

Октимар.

Кожа этого существа, похожего на луковицу, переливается ледяными оттенками, что позволяет ему почти полностью сливаться с окружающей средой, а его многочисленные отростки, похожие на виноградные лозы, обвиваются вокруг груды золота, сложенной перед ним. Глаз нет. Только опухолевидная голова, кожа на ней достаточно тонкая, чтобы просматривался большой светящийся мозг, который слегка пульсирует.

Мой взгляд падает на его рот — пухлая складка, которая выглядит безобидно, хотя я видела, как она растягиваются. Видела, сколько зубов у этих тварей.

Достаточно, чтобы с хрустом откусить руку.

Вполне понятно, что эти высокородные составили компанию столь редкому и желанному существу, учитывая, что октимары могут связывать обещания с плотью, привязывая их к крови, телу и душе.

Каждый из фейри, прищурившись, разглядывает меня, один затягивается трубкой, выпуская кольца красноватого дыма. Его взгляд устремляется мимо меня на Пирока, губы изгибаются в лукавой усмешке.

— Похоже, наше Маленькое пламя уже не такое маленькое.

Я чувствую, как Пирок напрягается.

Мужчина делает еще одну глубокую затяжку, выпуская в воздух второе кольцо дыма.

— Пришел поиграть с нами, да? — Он жестом показывает на стол с раскладом Скрипи, хрустальными кубками с янтарной жидкостью и собранными в кучки золотыми монетами. — Ты же знаешь, как я люблю, когда тебе приходится расплачиваться с долгами...

Трое других мужчин хихикают.

Я снова оглядываюсь через плечо, но взгляд Пирока прикован к мужчине, курящему трубку, его щеки пылают, когда он до побелевших костяшек сжимает в руке бокал с Дыханием мунплюма.

У меня зудят кончики пальцев.

— Не он, — говорю я, резко поворачиваю голову и бодрой походкой направляюсь к столу Скрипи.

Все смеются, пять пар глаз следят за каждым моим движением, когда я сажусь на свободное место, ставлю бокал на стол, ослабляю завязку на мешке с золотом Пирока и высыпаю его содержимое.

Золотые монеты рассыпаются передо мной.

— Закончите свою игру, а потом сдайте мне.

Воцаряется тишина, пока мои руки заняты, складывая монеты Пирока в аккуратные стопки, несколько меньшие, чем те, что насыпаны перед каждым из ухмыляющихся мужчин.

Тот, что сидит справа от меня, кладет руку мне на плечо, и я замираю, глядя через его маску в смелые карие глаза.

— Сладкая штучка, хотя я и восхищен твоим энтузиазмом, твоей крошечной кучки денег хватит только на то, чтобы включиться в игру, — проникновенно говорит он, и одно из щупалец октимара вытягивается и обвивает мое золото, с грохотом подтягивая его к себе. — Что будет твоей ставкой?

Я сжимаю кончик одного из его пальцев, отрывая от себя руку.

— Я не сладкая, и уж точно не *вещь*. — Я возвращаю руку мужчины обратно в его личное пространство, затем смотрю на октимара, и протягиваю руку ладонью вверх. — Услуга. Каждому из остальных игроков.

— *Рейв...*

Пирок бросается вперед, но не успевает дотянуться до меня, как щупальце существа касается моей кожи, оставляя щекочущий след.

— Гребаный... черт! — Он швыряет свой бокал в ледяной столб, стекло разлетается вдребезги, голубая жидкость стекает по бокам клубами тумана. Следующим по воздуху проносится его яйцо с закусками, скорлупа раскалывается, усыпая пол кусочками жареного лакомства, быстро исчезающими под вновь сгущающимся туманом. — Мне нужно пойти и найти...

— Подожди, — говорю я, и в моем уверенном взгляде читается просьба остаться здесь.

Чтобы он посмотрел, что будет.

Я произношу безмолвное «пожалуйста», и он замирает, глядя на мужчин, доигрывающих свою партию, на октимара, раздающего выигрыш и собирающего карты.

Сжав губы, Пирок прочищает горло, затем прислоняется к столбу, скрещивает руки на груди и кивает.

— Как мило, что ты остался, — говорит мужчина с трубкой и бросает на Пирока скользкий взгляд, от которого у меня волосы встают дыбом. — Не терпится продемонстрировать тебе, как настоящие мужчины играют с хорошенькими женщинами, у которых слишком много уверенности в себе и недостаточно здравого смысла.

Я смеюсь, разглядывая своих противников поверх веера нарисованных существ, смотрящих на меня.

Щупальца октимара вытягиваются, вонзаясь в стопки золота перед каждым из моих противников, отсчитывая внушительную сумму, которая заставляет меня удивленно приподнять брови.

Похоже, мои *услуги* — весьма достойная ставка.

Круто.

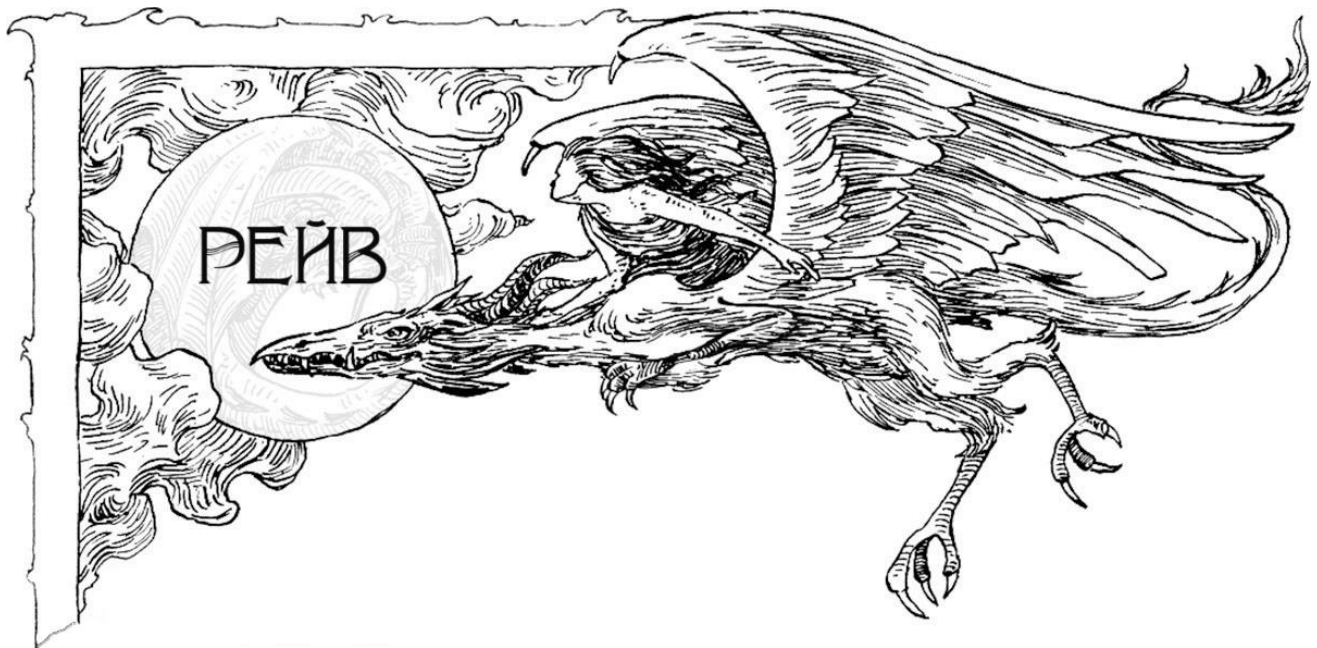
— Не хочет ли *симпатичная штучка* открыть первую карту? — говорит другой мужчина, растягивая слова, и мне приходится приложить немало усилий, чтобы не заставить его подавиться этими словами, гадая, как бы он

себя чувствовал, если бы я назвала его уничижительным именем, превратившим его не более чем в кусок мяса.

— Конечно, нет. — Бросив взгляд на свои карты, я меняю их местами. — Тогда ты спишешь мою победу на волю случая, а мы не можем этого допустить.

Он усмехается, не сводя с меня глаз, берет хрустальный стаканчик и встряхивает его так, что содержимое дребезжит.

— Твоя уверенность в себе очаровательна, жаль, что направлена *не туда*, — выплевывает он, а затем бросает кости.

Я выкладываю своего мунплюма последним, одаривая четырех разъяренных мужчин такой широкой улыбкой, что у меня болят щеки.

— Я вам всем еще не надоела?

Октимар обхватывает своими щупальцами гору золота, которая весит больше, чем я, и подтаскивает ее ко мне.

Курительная трубка пересекает стол, заставляя разлететься мою последнюю выигрышную партию во всем ее великолепии. Бросивший ее мужчина вскакивает на ноги и с рычанием выбегает из-за стола в развевающемся черно-золотом облаке ткани.

— Продолжай тренироваться! — кричу я ему вслед, складывая свои стопки монет и одаривая трех оставшихся самцов еще одной улыбкой, которая мало помогает смягчить их враждебные взгляды. — Еще раздачу? Я приму услуги, если у вас не осталось золота. Или ваши маски. Они выглядят тяжелыми.

Не говоря уже о том, как бы мне *понравилось* увидеть лица тех, с кого я сбила спесь несколькими блестяще сыгранными партиями, заработав достаточно золота, чтобы не только немедленно расплатиться с Пироком — с *процентами* — но и купить небольшую деревню. А может, и владение очарованным молтенмау до конца жизни. Или на *достаточное* время, чтобы поохотиться на Рекка Жароса, пока у меня не появится возможность скормить ему его собственные внутренности.

— Если только вам не нужно время, чтобы укрепить ваше пошатнувшееся эго? — спрашиваю я, хлопая ресницами.

Воздух становится плотным.

Нагревается.

Мужчины за столом встают так резко, что их стулья скользят по льду, все трое поворачиваются к выходу и кланяются в пояс, задерживаясь в этой позе на долгий, напряженный момент.

Достаточно долгий, чтобы я поняла, что у нас гость.

Посмотрев налево, я вижу внушительного мужчину, загородившего выход, на которого мое тело немедленно реагирует — сердце начинает биться учащенно, в животе взлетает стайка этих трепещущих существ.

Каан — воплощение мужественности в коричневых штанах и кожаной тунике, украшенной бронзовыми чешуйками саберсайта, подчеркивающими

его широкие плечи. Его обнаженные руки скрещены, бледные шрамы резко выделяются на фоне смуглой кожи.

Губы сложены в суровую линию, простая бронзовая маска скрывает верхнюю половину лица, но, несмотря на это, пронзительный взгляд его пылающих глаз притягивает меня.

Лишает дыхания.

Он увенчан бронзовой короной, похожей на металлический венок, который, возможно, когда-то тянулся к небу восемью острыми пиками, а теперь местами оплавлен, словно попал в пламя дракона, которое едва не уничтожило его. Его маска почти сливается с короной.

Подчеркивает ее.

Он идет к столу, его мускулистые бедра напрягаются при каждом мощном движении вперед, стук его ботинок повторяет ритм моего бешено колотящегося сердца. Он удерживает мой взгляд, и мне кажется, что это Райган пробирается сквозь пещеру, словно сдвигая горный хребет. Все мышцы моего тела напрягаются, готовые противостоять его огромному присутствию, которое давит на меня.

Наконец прервав наш зрительный контакт, Каан обводит взглядом всех присутствующих.

— Вон, — рычит он, и его голос звучит как приказ.

Оставшиеся трое мужчин спешно направляются к выходу с пустыми руками и еще более пустыми карманами, еще раз склонив головы в сторону короля Пекла.

Оторвав взгляд, я смотрю туда, где стоял Пирок, и с удивлением обнаруживаю, что его там нет.

Проклятье.

Должно быть, он сбежал во время последней раздачи, пока я была саберсайта и молтенмау своим мунплюмом под недовольное ворчание остальных игроков. Жаль, ведь большую часть своего удовольствия я черпала из того, что эти засранцы каким-то образом причинили ему зло в прошлом.

Последний мужчина исчезает на узкой дорожке, оставляя только меня, Каана и октимара, все еще сидящего в кресле дилера, — очевидно, свирепый приказ короля его не касается.

Каан обходит стол и хватается за спинку кресла напротив моего, костяшки его пальцев такие белые, что я представляю, как этот предмет мебели вот-вот разлетится на куски. Все в нем огромное, как тень, которая затмевает все источники света, лишая меня возможности видеть что-либо, кроме него.

Мое недолгое пребывание наедине с воспоминаниями о нас втянуло меня в его притяжение. Теперь я падаю — слишком сильно.

Слишком быстро.

Такое падение заканчивается кратером, достаточно большим, чтобы поглотить половину мира.

— Я не это имел в виду, когда приглашал тебя потанцевать, — говорит он, опуская взгляд на кучу золота передо мной.

Я вдыхаю его одурманивающий запах, вспышки воспоминаний режут мою грудь, как лезвия бритвы:

Я покрываю поцелуями шрамы на его спине и руках, притворяясь, что могу залечить их своими губами, пока он нарезает овощи для нашего супа.

Он учит меня лепить из глины миски, кружки и тарелки, его руки и кисти измазаны таким количеством глины, что в конце концов она попадает на меня.

Мы двигаемся вместе под лучами серебристого света, в моей груди растет ядовитое семя страха. Слово каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждый шепот дыхания на моей коже приближает нас на шаг к неизвестному концу.

— Я была для тебя кем-то, — шепчу я. — Кем-то важным.

— Верно.

— Пока?

Это слово — как удар ножом, своего рода атакующее движение, которое происходит до того, как мой разум успевает понять изменение обстановки, или по-настоящему осознать таящуюся опасность.

— Ты связала себя узами брака с другим мужчиной, — так же быстро отвечает Каан, и мои легкие опустошаются с судорожным выдохом, а щеки бледнеют. Я безуспешно пытаюсь придать этой болезненной реальности форму, достаточно логичную, чтобы ее можно было принять.

Этот кусочек головоломки кажется неровным и неправильным. Неподходящим. Часть, которую придется вбить на место.

— Ты хочешь знать, с кем?

— Нет, — говорю я, опуская взгляд на скользящие движения октимара, существо собирает карты. Перемешивает их.

За прошедшие фазы я с теплотой познакомилась с той версией нас, которая существовала в доме в джунглях, неизвестно сколько времени назад.

С Кааном.

С Кааном Вейгором нельзя просто снять напряжение, а потом забыть о нем и двинуться дальше. Ты сдираешь с себя кожу и открываешь мужчине свои ребра. Ты прячешь его где-то глубоко и надежно, отбиваешься от других оружием, выкованным из секретов, достаточно острых, чтобы резать, а затем погибаешь, прижимая эти секреты к груди.

Я ни за что не отказалась бы от него... *добровольно.* И на эту загадку есть только один ответ.

У Эллюин были тайны, такие же болезненные, как и мои собственные.

Но тайны заслужили свое название не просто так, они часто окутаны иллюзорной завесой, потому что на них больно смотреть.

Каан не почувствовал моих эмоций, когда мы были вместе в том месте, но я почувствовала. И я почти уверена, что мои утраченные воспоминания — это скрытое благословение. Секреты Эллюин причинят боль.

У меня нет ни малейшего желания откупоривать эту бутылку и обрекать себя глотать яд, который в ней, несомненно, содержится, пусть даже на мгновение.

— После всего этого, — говорю я, поднимая взгляд, — ты все равно спас мне жизнь.

— Да.

— Дважды.

Улыбка касается правого уголка его рта, отчего у меня сжимается сердце.

— Трудно отказать себе в удовольствии подарить отрубленную голову мужчины, который заставил тебя истекать кровью.

Я открываю рот и закрываю его. Мои следующие слова с трудом вырываются из пересохшего горла.

— Я не понимаю, почему ты до сих пор смотришь на меня так, будто хочешь меня.

Воцаряется тишина, напряжение нарастает, его глаза горят как угли, когда он наконец произносит:

— Рейв, ты можешь разорвать меня на части, и я все равно буду чертовски любить тебя.

Весь воздух вырывается из моих легких.

Любовь...

Это слово — тихая смерть, которая ускользает, даже не успев прошептать «прощай» — резкий толчок в вечное одиночество, от которого я никогда не смогу освободиться.

— Такое расточительство для твоего большого, прекрасного сердца, — шепчу я, и его глаза вспыхивают.

Я разрываю наш зрительный контакт и смотрю вниз, на карты, которые октимар перетасовывает. Каан издает глубокий рокочущий звук, и, клянусь, весь мир вокруг меня содрогается.

Творцы...

Кажется, я неверно поняла смысл записки, маски и платья. Думаю, он вовсе не собирался *притворяться*. Скорее всего, он попросил меня прийти сюда в надежде возродить то, что было между нами в прошлом, — когда мы любили друг друга, — в надежде, что под внешней оболочкой скрывается все та же женщина.

Но это не так. Там нет ничего, кроме выжженного камня, разбитого сердца и миллиона причин, по которым я *не могу* этого сделать.

Но, возможно...

Возможно, это волшебное прощание, которых заслуживают Эллюин и Каан, еще можно спасти?

— Есть два варианта. — Я делаю знак октимару раздать карты.

Взгляд Каана следит за скользящими движениями существа, а затем впивается в меня еще одним пристальным взглядом, обещающим все, чего бы я не захотела.

И все, чего я не хочу.

— Какие?

— Я уйду прямо сейчас с этой кучей золота, — говорю я, оглядывая свою внушительную добычу, — и нанимаю молтенмау в твоём вольере на обозримое будущее.

— Чтобы отправиться охотиться на того, кто превратил твою спину в фарш?

— Помимо всего прочего, — цежу я сквозь стиснутые зубы.

Он сидит абсолютно неподвижно и изучает меня с такой интенсивностью, словно пытается найти ответы в блеске моих глаз.

— Или?

— Мы играем. — Я жестом указываю на разложенные перед нами карты — они уже сданы. — Твоя ставка.

Каан переводит взгляд с меня на октимара, на карты, а затем придвигает свой стул ближе. Я выгибаю бровь, когда он протягивает левую ладонь октимару.

Я следую его примеру, протягивая правую.

Не сводя с меня взгляда, Каан говорит:

— Если я выиграю, ты ответишь на три моих вопроса. *Правдиво.*

Я открываю рот, слова застревают на языке, когда кончик щупальца октимара прочерчивает по моей ладони, а горячий пульс обещания проникает в кровь и отпечатывается на костях.

Ублюдок.

Октимар заканчивает, и мои секреты скручиваются в животе клубком червей.

Я прочищаю горло, сжимая покалывающую руку в кулак.

— И если выиграю я, мы притворимся, что это мы жили в том месте, которое, как я подозреваю, ты построил для нас, но только до следующего восхода Авроры. После чего ты будешь должен исполнить одно-единственное желание.

В его глазах мелькает замешательство, пока октимар чертит по его ладони.

— Что произойдет после восхода Авроры?

— Неважно.

— Что. Произойдет?

Я вздыхаю, беру со стола свои карты и начинаю их раскладывать, не отрывая взгляда от ярких изображений.

— Я попрошу чтеца разума убрать тебя из моей головы. Вернусь к реальности. Это желание — мера предосторожности.

Мне нужна возможность остановить все это. То, что я смогу использовать в случае необходимости. Возможно, он сочтет это жестоким, но я отказываюсь рисковать его благополучием. А любить меня?

Это чертово желание смерти.

Я сдвигаю хьюлинга влево, энту вправо, молчание тянется так долго, что я бросаю взгляд на Каана поверх веера карт.

Он наблюдает за мной, его взгляд такой пристальный, что у меня почти перехватывает дыхание, хотя я этого не показываю.

— Что? — спрашиваю я, наклоня голову в сторону.

— Ты потеряла кого-то...

Мое сердце замирает.

Рот открывается. Закрывается. Открывается снова. Когда у меня не получается собрать все свои беспорядочные мысли, чтобы бросить ему что-то в ответ, я швыряю веер на стол лицевой стороной вниз и встаю, направляясь к выходу.

К черту все это.

К черту его.

К черту.

Что-то длинное и плотное сжимается вокруг моего горла. Лишая меня способности дышать или говорить.

Я пытаюсь просунуть пальцы под петлю и освободиться, но ничего не получается, кровь приливает к голове и грозит залить мои вытаращенные глаза.

Я открываю рот и падаю на колени, туман взмывает вверх, словно когти.

На меня падает тень, и я вижу Каана, приседающего передо мной. Опираясь руками на согнутые колени, он склоняет голову набок.

— Ты не можешь уйти, Рейв. — Его палец поднимает мой подбородок так, что я вынуждена встретиться с его пылающим взглядом. — Мы будем сидеть за столом, пока игра не закончится.

Я смотрю на октимара, который теперь вытянулся во весь свой невообразимый рост, и его сморщенные губы растянулись, обнажая сотни острых зубов. Больших и маленьких. Длинных и обрубленных.

Каан помогает мне подняться, а затем подталкивает к креслу. Только когда моя рука опускается на его спинку, существо освобождает меня, и дыхание с шумом врывается в мои легкие.

— Сядь, — рычит Каан с другой стороны стола.

Я сглатываю, потирая ноющее горло, смотрю на него и вижу в его глазах огонь, который напоминает мне вихрь драконьего пламени, клубящийся в основании горла Райгана.

Допив остатки Дыхания мунплюма тремя большими глотками, я ставлю бокал обратно на стол, прочищаю горло и повинуюсь, точно зная, о чем спросит Каан, если выиграет.

Что я натворила?

Я бросаю кости, выпадает четверка, и я решаю взять двадцатую карту из левого верхнего угла — сохраняя невозмутимое выражение лица, когда мой взгляд скользит по смоксу. Черное клубящееся пятно, которое может превратиться в любое существо, немедленно унаследовав его сильные стороны. И его слабости.

Рискованная карта, которая не может представлять собой существо, сыгранное в финальном раунде, иначе она сразу же становится недействительной, а игра проигранной. Проблема в том, что к концу все лучшие карты, как правило, уже сыграны, и он становится бесполезным. Пустая трата места, когда в руках может быть что-то действительно ценное.

Я вытягиваю флоты из своего веера и кладу его на освободившееся место.

— Знаешь, — говорит Каан, пока бросает кости, берет свою карту из расклада и меняет на одну из своего веера, — я научил свою сестру играть в эту игру.

— Хорошо играет? — спрашиваю я, бросая кости.

— Отлично.

Я поджимаю губы, беру карту, смотрю на нее. Возвращаю на место.

— Лучше, чем ты?

— Ни разу меня не обыграла, — бормочет он, бросая кости.

Я закатываю глаза.

— Как самоуверенно с твоей стороны.

— Я просто надеюсь, Лунный свет. Всегда надеюсь.

Я вопросительно вскидываю бровь.

— Если только ты не играла в Скрипи со Слатрой, пока парила в небе, у меня есть по крайней мере эон форы. — Он пожимает плечами. — Я молюсь Творцам, чтобы это дало мне преимущество, необходимое для победы.

Я убиваю его взглядом, пока он поднимает еще одну карту, меняет что-то местами, и его черты словно каменеют, когда он пронзает меня испепеляющим взглядом.

— Твоя очередь.

Верно.

Прочистив горло, я беру кубики в руку и бросаю их на стол, меняя огнёвку на молтенмау.

Он открывает карту, но вместо того, чтобы взять ее с доски, он швыряет на стол вуто, и его мохнатая мордочка смотрит на меня с перевернутой карты. Черт.

Я улыбаюсь ему, раздвигая свой веер и протягивая руку через стол, чтобы обеспечить легкий доступ к любой карте, которую он решит забрать.

Не сводя с меня пристального взгляда, он вытягивает молтенмау, и я скрежещу зубами так громко, что он наверняка это слышит.

— Прошу прощения, — говорит он, даже не взглянув на мощную карту в своей руке, и, продолжая удерживать мой взгляд, вставляет ее в свой веер.

— Мне не нужны твои извинения. — Я бросаю кости, и мое настроение сразу улучшается, когда я открываю мунплюма. — Я точно не стану извиняться, если выиграю у тебя.

Он снова бросает кости, поднимает карту и меняет ее на другую.

— А чтец разума? Ты извинишься за это?

Прочистив горло, я собираю кости в стаканчик и встряхиваю его.

Он поднимает глаза, встречается со мной взглядом и произносит:

— Скрипи.

Кости отлетают в сторону, подпрыгивая на доске.

— Уже?

Молчание.

Внутренне я стону, кладу своего нилакла, которого он бьет колком. Он ходит своим молтенмау, заставляя меня скинуть мунплюма.

— Ой, — говорит он, и по моему лицу расплывается кислая улыбка.

Я отдаю болотную ведьму, которую он бьет бархатным троггом. Стиснув зубы, я разыгрываю своего хьюлинга — мою последнюю сильную карту, раз уж он так чертовски быстро закончил игру.

Проходит несколько мгновений, прежде чем он медленно — почти *нежно* — кладет на него думквила, фактически отдавая мне этот раунд.

Я поднимаю глаза и ловлю его взгляд.

Задерживаю его.

Задерживаю дыхание.

— Если я снова теряю тебя, мне нужно знать, почему, — просит он, его хриплые слова больше наполнены сожалением, чем принятием.

Я нахмуриваю брови, когда он достает из веера еще одну карту и кладет ее на последнее место.

Я отрываю от него взгляд и смотрю вниз.

Мое сердце ухает в пятки так быстро, что меня почти тошнит.

Он кладет остальные карты на стол лицевой стороной вниз и откидывается в кресле, скрестив руки.

Я прерывисто вздыхаю, рассматривая клыкастую морду ревущего саберсайта, шар красного пламени горит в задней части его горла — единственная карта, которая может побить его, уже лежит на доске.

Мой *мунплюм*.

— Хорошо сыграно, — говорю я.

Он склоняет голову.

Я постукиваю пальцем по своим картам, опуская взгляд на оставшиеся, наполняю легкие, прежде чем вытащить смокса и накрыть саберсайта.

Мгновение тишины, затем:

— Что это?

— Клещ.

Смокс начинает кружиться, затем превращается в маленького круглого жука...

Глаза Каана темнеют, наваливается тяжесть, словно на нас только что обрушилась гравитация.

— Твой саберсайт взбесился, — шепчу я. — Теперь он мертв. Не в силах даже расправить крылья и взмыть в небо, чтобы найти там покой со своими предками.

Из его осколка вытекает весь цвет, словно саберсайт только что погиб у нас на глазах.

Тишина.

Обещание, начертанное на моей ладони, вырывается на свободу, высвобождая меня из своих тисков.

Каан делает глубокий вдох через нос, выдыхая медленнее, чем заходящая Аврора.

— Впечатляет, — говорит он, едва шевеля губами.

— Спасибо.

Еще один миг молчания отягощает пространство между нами, его глаза темной тенью застыли на финальной сцене.

Я прочищаю горло, наполняя легкие воздухом, который с шумом выпускаю.

— Итак... где я могу оставить свое золото, чтобы мы могли насладиться фестивалем, не таская его с собой?

Каан моргает, делая еще один глубокий вдох. Он поднимает голову, избегая моего взгляда.

— У выхода меня ждет охрана. Я пришлю их, чтобы они забрали золото, отнесли в безопасное место и подготовили к твоему отъезду.

Я киваю, еще больше трепета вспыхивает в моей груди при мысли о том, чем может обернуться этот цикл.

Все возможно.

Мы воплотим эту фантазию в жизнь, и затем я смогу вернуться к своему одинокому существованию, зная, что он *в безопасности* от проклятия, которое, кажется, преследует меня, как невидимая коса, истребляя всех, к кому я привязываюсь.

— Мне нужно будет вернуть Пироку золото, которое я одолжила...

— Я прослежу, чтобы это было сделано.

Слова звучат так резко, что задевают за живое.

В его глазах такая твердость, какой я никогда раньше не видела. Холод.

Отстраненность.

— Итак, — говорит он, и холодок пробегает по моей спине, когда его верхняя губа оскаливается, демонстрируя клыки. — Мне перегнуть тебя через стол? — Он наклоняет голову в сторону. — Трахнуть тебя прямо здесь, чтобы мы могли покончить с этим? Или ты хочешь немного потянуть время?

Я опускаю глаза.

Он не понимает...

Если бы я хотела потрахаться, то нашла бы кого-нибудь без багажа, чтобы снять напряжение.

Несколько похотливых взглядов здесь, прикосновение там. Я могла бы в мгновение ока заполучить какого-нибудь безликого мужчину в темном углу, который раздвинул бы нити моей юбки и дал бы мне то, что мне нужно, без необходимости расставаться, когда наши судьбы переплетены.

Дело не в... этом.

Все, чего я хочу от этого сна, — это позволить себе *любить*. Или хотя бы *попытаться*.

Для него.

Для меня.

Пусть я не та, кого он потерял, но я могу подарить ему прощание, которое, по моему мнению, он не получил, но, несомненно, заслуживает. Я могу притвориться, что мое сердце мягкое, теплое и уязвимое. Что я достойна всего

того, что воплощает в себе этот потрясающий мужчина, хотя камень в моем нутре подсказывает мне, что это не так. Что Каан Вейгор слишком хорош для меня во всех отношениях, формах и проявлениях.

Но сейчас я не буду об этом думать.

Нет...

Я приберегу эти мысли до того момента, когда пойду в «Изогнутое перо». Когда я передам Вруну мешок золота, а потом попрошу убрать Каана из моей головы, как колючий сорняк, когда на самом деле он — лес.

Пышный.

Сильный.

Красивый.

Но слишком уязвим для огня, чтобы я могла это вынести.

Может, он последует моему примеру. Сотрет меня.

Возможно, этот сон позволит ему наконец попрощаться с женщиной, которую он знал раньше. Похоронить прошлое. Найти счастье с кем-то, кто достоин его большой и горячей любви.

Возможно.

Я встаю, обхожу стол, взгляд Каана все еще устремлен на мое теперь уже пустое кресло, когда я, наконец, подхожу к нему и протягиваю руку.

Его взгляд находит ее, затем поднимается к моей улыбке.

Моим глазам.

— Потанцуешь со мной? — шепчу я.

Он сглатывает, и его глаза становятся чуть мягче. Мое сердце бьется сильнее, и эти трепещущие существа в груди множатся. Они прижимаются к моим ребрам и вызывают покалывание во всем теле.

— Пожалуйста?

Мгновение паузы, прежде чем он встает, возвышаясь надо мной, игнорируя мою протянутую руку.

— Показывай дорогу, заключенная семьдесят три.

Я все равно беру его за руку и тяну к выходу.

Рука Рейв, обхватившая мое запястье, такая теплая и живая. Такой контраст с холодной, колючей аурой между нами. С этим осколком горьких эмоций, застрявшим у меня между ребер, который она сжимает той же рукой, которой сейчас ведет меня сквозь пульс праздника.

Некоторые гуляющие смотрят на меня, когда мы проходим мимо, затем на захватывающую дух женщину, которая тащит меня за собой, пробираясь сквозь толпу и оставляя за собой шлейф развевающихся серебристых нитей. Она бросает на меня взгляд через плечо, ее глаза как ледники, ее мягкая улыбка — удар сверкающего клинка, который попадает в цель, пуская кровь уязвимому органу, который так жаждет ее.

Только ее.

Единственный луч света, который мне когда-либо будет нужен в этом мире, моя любовь к ней, как луна в моей груди. Только эта луна никогда не упадет, как бы сильно она ни старалась.

Она берет хрустальный бокал у проходящего мимо официанта и выпивает его одним глотком, оставляя пустой бокал на столе, когда мы проходим мимо.

Украдкой взглянув на небо, она замирает в менее людной части танцевального пространства, обрамленного скоплениями ледяных колонн, где всего несколько пар покачиваются под музыку. Рейв поднимает мою руку над головой, и я замираю, когда она закрывает глаза и кружится, улыбаясь. Разгоняя туман и набивая мои легкие камнями.

Аврора окрашивает ее кожу в серебристый цвет, а ее улыбка такая широкая, что появляются ямочки. Ямочки, которых я не видел с тех пор, как она разразилась хохотом в особом месте Махи, оживив меня, несмотря на последовавшие за этим злобные слова. А до этого — с последнего сна, который мы провели вместе, когда Аврора была такой же яркой.

Еще один сон, который мы провели, *притворяясь*.

Если бы я знал, что этот сон станет для нас последним, я бы произнес слова, которые вынашивал уже несколько циклов. Умолял бы стать моей навсегда, несмотря на мои слабости.

Мои недостатки.

Умолял ее отступить от решения Совета Трех — ради нас. Потому что я думал, что именно этого она и хотела.

Нас.

Что Творцы благословили меня как того, кого она выбрала любить.

Очень большая часть меня все еще верит в это. Отказывается признать, что чувство, которое у нас было, оказалось настолько легким и хрупким, что его можно было смять и выбросить в мусорное ведро. И, возможно, это делает меня слабым. Мягкосердечным. *Бездарным*, как говорил Пах.

Он слишком часто доказывал мне свою правоту, прежде чем я лишил его головы.

И вот я снова здесь, стою неподвижно, пока Рейв танцует вокруг меня с моим незащищенным сердцем в своих гребанных руках, капая кровью на пол. Я снова здесь, смотрю на нее так, словно она сотворила мир, прошептав несколько слов, и каждый ее взгляд поворачивает острое оружие, вонзенное мне в грудь. Только на этот раз я не слеп и не полон отрицания.

На этот раз я, черт возьми, *вижу*.

Ей больно. Она потеряла кого-то. А может, и не одного. Она думает, что не заслуживает... этого.

Нас.

Что если она откроет свое сердце и впустит меня, то случится что-то плохое.

Наверняка так и будет, но она не видит, что ее любовь дает мне силы. Укрепляет меня. Когда она освещает мне путь, *ничто* не может причинить мне боль.

Ничто.

— *Потанцуй со мной*, — умоляет она, хватая меня за правую руку. Она прижимается ко мне и подталкивает, чтобы я следовал за ней, словно она ведущая.

Ощущение подходящее.

Она уговаривает меня покружиться вместе с ней под музыку, и я даю ей самый минимум, поворачиваясь, пока она тащит меня по полу, чувствуя себя так, будто стою на пути надвигающегося лунопада — слишком очарованный его стремительно падающей красотой, чтобы отойти в сторону.

Чтобы спастись.

Теперь она кружится в моих объятиях — такая близкая.

И такая невыносимо далекая.

Заманчиво принять эту подачку, которую она предлагает. Прильнуть и принять это «прощание с Эллуин», которого, как думает Рейв, я заслуживаю.

— Ты ведь хотел потанцевать, верно? — спрашивает она, глядя на меня из-под густого веера черных ресниц.

— Верно.

— Не похоже, что это так, — шутит она, приподнимая брови. — Ты должен *двигать своим телом*. Шокирует, я знаю. — Она кружится в вихре серебристых нитей и тумана, демонстрируя большую часть своего тела толпе любопытных зевак, которые собрались за моим оцеплением из суровых стражей, чтобы посмотреть на ее танец.

Они смотрят на нее как на загадку, которой она и является — более неприкасаемую, чем Клод, — а она танцует так, словно не замечает их взглядов, потерявшись в своем воображении.

Я прочищаю горло, и песня становится более медленной и чувственной.

Она поворачивается ко мне, запутываясь в нитях.

Я низко наклоняюсь и ловлю ее за мгновение до того, как она падает на землю, моя рука обхватывает ее обнаженную спину, наши носы почти соприкасаются.

Ее широко раскрытые глаза встречаются с моими, дыхание касается лица...

Праздник исчезает. Толпа.

Музыка.

Нет ничего, кроме пары больших лазурных глаз, нашего соединившегося дыхания и желанной тяжести ее объятий.

Могла бы упасть чертова *луна*, а я бы и не заметил.

Ее взгляд опускается к губам, и мое сердце превращается в свирепого зверя, жаждущего освобождения. Умоляет меня разрушить барьер между нами и поцеловать ее, и я словно бросаюсь в гнездо саберсайтов, чтобы быть разорванным на части — медленно.

Болезненно.

— Это была плохая идея? — хрипло спрашивает она.

— Да.

Очень.

Она закрывает глаза, и я почти чувствую, как работает ее мозг, прежде чем она пронзает меня своим ледяным взглядом.

— Мы остановимся. Прости. Я хотела подарить тебе...

— Идеальное прощание?

Она открывает рот, закрывает его, вспышка нежного смущения окрашивает ее прекрасные щеки.

Мне *не нужно* идеальное прощание. Я хочу поздороваться с Рейв — кем бы она ни была. Кто бы ни скрывался за этой суровой внешностью, я хочу узнать ее.

Быть рядом с ней.

Любить ее.

— Я пойду, — шепчет она. — Мне жаль...

Ядвигаюсь, слыша ее резкий вдох, когда заставляю ее кружиться в такт крещендо песни. Она замирает, глаза — два сверкающих синих озера, достаточно глубокие, чтобы поглотить меня целиком.

— Отказываешься от боя, заключенная семьдесят три? — спрашиваю я, заставляя себя натянуто улыбнуться. — Я не думал, что ты сдашься, но, возможно, я ошибался?

Она молчит некоторое время, прежде чем на ее лице расцветает еще одна улыбка — такая большая и дерзкая, что на щеках снова появляются ямочки. Ее лицо принимает бесстрастное выражение, она прочищает горло и вздергивает подбородок.

— Возможно, я не хочу танцевать с тобой в конце концов.

— Ложь, — рычу я, а затем снова заключаю ее в свои объятия, прижимая ее тело к своему. Идеально.

Слишком идеально.

— Ты хочешь танцевать со мной, Рейв.

Ты хочешь любить меня. Но ты сама себе мешаешь.

Я не знаю, что случилось с ней после падения Слатры, но я вижу трещины, которые она так хорошо скрывает. Недостающие части.

Боль.

Она такая же, как Слатра. Такая же разбитая.

Чего бы я только не сделал, чтобы помочь ей снова почувствовать себя целой. Собрать ее по кусочкам, так же, как я собрал ее дракона. Пережить порезы на своей плоти. Обморожения. Бесконечные, мать их, регрессии, когда все рушилось, и мне приходилось начинать все заново.

И снова.

И снова.

Я прижимаю ее к себе, и мы двигаемся вместе, дыхание замирает, когда она опускает голову мне на грудь, словно хочет остаться, сплетая мои сердечные струны в идеальную веревку, за которую она тянет.

Заставляя себя снова расслабиться, я провожу пальцами вверх и вниз по шелковистой коже ее поясницы — поддаваясь соблазнам прошлого.

Она вздрагивает, прижимаясь ко мне так, как делала всегда, еще больше углубляя мою могилу.

Мне стоит больших усилий не застонать. Не сорваться и не начать бить кулаком в стену до тех пор, пока костяшки пальцев не начнут кровоточить.

Я должен был позволить ей уйти, а не притворяться, что я не против этого.

Но я *слабый*.

Мягкосердечный.

Я провожу пальцами по ее длинной изящной шее, и все ее тело трепещет, тая под моими движениями, наши пальцы переплетаются, словно в тихом танце.

— Твои руки знают меня, — шепчет она.

— Да, — бормочу я ей в волосы. — Знают тебя, жаждут тебя, поклоняются тебе.

Ее дыхание сбивается.

Я могу продолжить. Сказать ей, что наши тела сплетаются так, будто созданы для вечного слияния. Что я могу раздвинуть ее прямо здесь, в тумане, и заставить ее тело петь. Что она кончит в считанные секунды от нескольких нежных прикосновений в сочетании с легким покусыванием ее шеи, чуть ниже уха.

Я бы голыми руками разорвал всех ее врагов, чтобы снова увидеть эти ямочки. Или, по крайней мере, проложил бы кровавую тропинку, чтобы она сама их уничтожила.

Я жил в одиночестве, более чем готовый вечно наслаждаться воспоминаниями о ней, но вот она здесь, полная решимости стереть меня, как пятно. Несмотря на то, что она знает — хотя бы частично — что у нас было.

Кем мы *были*.

История повторяется снова и снова, и от этого мне хочется разорвать этот гребаный мир надвое. Вскрыть его в надежде найти ответы на душераздирающую загадку...

Ее.

В воздухе раздается грохот.

Все кричат, и в тот же миг мой взгляд приковывает к себе саберсайт, который падает с неба прямо на купол.

Судя по его усеянному шипами хвосту, это самец.

Он расправляет крылья и разворачивается к нам спиной, глядя на второго саберсайта, который набрасывается на него сверху — пасть разинута так широко, что я вижу, как у основания ее языка клокочет огонь.

Черт.

Толпа падает, прижимаясь к земле. Я толкаю Рейв за спину, когда шлейф драконьего пламени стелется по куполу, готовясь поймать его, если мои кровные руны не сработают.

Алое пламя бьется о мой щит, вулканический жар бурлит в моей крови, пока я не проникаюсь уверенностью, что мои органы превратились в месиво...

Зверь клацает зубами, рассекая воздух, и холодный вздох облегчения наполняет мои легкие, когда они устремляются в небо — меньший зверь заманивает большого, чтобы тот ухаживал за ней ближе к лунам.

Я поворачиваюсь и сердце замирает, когда я осматриваю опустевший танцпол, кричащие фейри все еще прячутся под столами или у основания ледяных столбов. Рейв нигде не видно.

Как будто она исчезла.

Сердце начинает бешено колотиться, когда мой взгляд упирается в тень между двумя ледяными колоннами. Вход в лабиринт.

Рейв выглядывает из-за угла, ее взгляд устремлен на удаляющихся драконов. Как будто она... *прячется* от них.

Что-то яростное поднимается во мне, словно кипящее жидкое пламя, заставляя трепетать каждую клеточку.

Рейв не прячется. Только если ей есть что скрывать.

Я хмурюсь, изучая напряженность вокруг ее глаз, побледневшие костяшки пальцев — дань ее сокрушительной хватке на льду, и уверен, что смотрю сквозь зазеркалье на то, что не предназначалось мне. Но теперь я это увидел.

Я, черт возьми, это *увидел*.

Ее глаза расширены, лицо бледное. Она делает шаг назад, в лабиринт, а затем поворачивается и исчезает из виду за мгновение до того, как небо озаряет еще одна вспышка драконьего пламени. Все это лишь подтверждает мои подозрения.

Что-то холодное и зазубренное пронзает мою грудь, и я устремляюсь за ней, пробираясь сквозь переплетение дорожек, проложенных между ледяными столбами, устремленными к лунам над головой. Следую за ее почти неосознаваемым ароматом сливочного масла.

Я резко сворачиваю налево, в тупик, и провожу рукой по обледенелой стене, вдыхая ее аромат на кончиках пальцев. Как будто она вбежала сюда, шлепнула рукой по стене, когда поняла, что выхода нет, а потом развернулась и побежала в другую сторону.

Еще одна вспышка драконьего пламени озаряет небо, проникая в расщелины между тропинками, согревая мою кожу своим сияющим теплом — от этого света лед словно горит.

Но не только это.

Бледные остатки невидимых рун, начертанных на столбах, *светятся*. Руны, которые придают терракотовому камню ледяное сияние.

Руны, видимые только благодаря *драконьему пламени*.

Нахмурившись, я смотрю вверх, наблюдая за борьбой саберсайтов. Снова проносятся так близко, что их заостренные хвосты угрожают вспороть купол, пока они борются за доминирование.

— Тебе есть что скрывать, Лунный свет?

Ее раздраженный ответ я слышу почти мгновенно — его доносит до меня прохладный ветерок. Как будто она стоит прямо рядом со мной.

— Какое абсурдное предположение.

Я не упускаю волнения в ее голосе. Тон, который я слышал лишь однажды.

Когда я нашел ее в тюремной камере и откинул крышку своего вельда, в котором был язычок драконьего пламени Райгана, чтобы увидеть зажившую рану на ее голове.

Я зажмурил глаза, сцепляю руки за шеей и крепко сжимаю.

— Тогда почему ты убежала?

Тишина.

Еще одна вспышка огня.

Еще одна трещина в моем сердце.

— Я думала, тебе нравится отслеживать меня?

Это преподносится как шутка, но я вижу, чем оно является на самом деле — *отвлекающим маневром*.

— Или это была ложь, Ваше Величество?

Нет.

Эллион обычно пряталась в джунглях, ее игривые звуки эхом разносились среди деревьев.

Я устремлялся в погоню за ней.

Ловил ее.

Занимался с ней *любовью*.

Это совсем другое. Теперь я уверен, что она что-то скрывает, возводя высоченные стены.

По ту сторону становится одиноко.

Я иду вперед, смотрю налево и направо, глубоко вдыхая воздух, пропитанный ее запахом — слева он сильнее.

— Я охотился за твоей душой на протяжении ста двадцати трех фаз, Рейв. Прости меня, если я немного устал.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что я сказал, — выдавливаю я из себя, пробираясь сквозь клубы тумана.

Именно.

Блядь.

Это.

— Покажись. Сейчас же, Рейв. Или я разрушу эти столбы, и тебе не за чем будет прятаться. — Я делаю паузу, прикладывая ладонь к одному из них, жесткие слова сталкиваются, словно валуны, застрявшие в моей груди. — Они могут выглядеть как лед, но уверяю тебя, это не так. Я могу превратить их в пыль в одно мгновение.

Хотя я говорю громко, в моем голосе звучит отчаянная, полная надежды просьба.

Мольба.

Она, вероятно, представляет меня стоящим на коленях, и, возможно, это должно меня беспокоить. Но это не так. Я бы вечно смотрел на нее снизу, если бы она, черт возьми, только позволила мне.

— Хорошо, — шепчет она тихо.

Так громко.

Мое сердце замирает от надежды, хотя я уверен, что неправильно ее расслышал.

— Хорошо?

— Только закрой глаза.

Три коротких слова никогда не казались такими тяжелыми.

Такими сокрушительными.

Они ложатся мне на грудь, как горы, и я долго, мучительно смотрю на небо, рассматривая луну почти прямо над головой, наблюдая, как саберсайты выпускают языки пламени, борясь в полумраке. Пока я мечтаю о реальности, в которой она могла бы быть со мной такой же уязвимой, как я с ней, — ее слова из камеры всплывают в моих ушах призрачным эхом.

Нет, пока ты не отвернешься.

Я словно заново наблюдаю за тем, как Слатра рассыпается на части, чувствую в моей груди горе от этого разрушения, когда осколки разлетаются как раз в тот момент, когда она обретает такую прочную форму.

Но моя надежда — это пламя, которое никогда не погаснет. Не тогда, когда дело касается ее. Она может утопить меня в Лоффе, а я все равно буду гореть, как солнце.

Откинувшись назад, я прислоняю голову ко льду и закрываю глаза.

— Они закрыты для тебя, Рейв...

Маленькие трепещущие существа роятся у меня в груди, пока я жду, к лучшему это или к худшему.

Сломанную или целую.

Желающий.

Любящий.

Я чувствую ее присутствие раньше, чем слышу ее голос, волоски на руках встают дыбом, когда ее губы касаются моего виска, такие легкие, как

перышко, я почти уверен, что мне это показалось. Но затем она запускает руки в мою бороду, наклоня мою голову набок.

Ее губы прижимаются к моей шее, извлекая хриплый звук из глубин моей груди — поцелуй настолько реален, что я понимаю, что это не сон.

— Ты здесь, — бормочу я, и меня пробивает дрожь. Как будто я только что изгнал призрака из своих костей и выпустил его на свободу, сняв с груди часть тяжести, которая давила на меня грузом снов, казавшихся такими реальными.

И никогда не являвшиеся таковыми.

— Еще, — умоляю я, когда следующий поцелуй прижимается к месту чуть ниже уха.

Моей щеке.

Уголку моего рта.

— Куда теперь? — спрашивает она неуверенно. Даже нервно.

Как будто она стоит на зыбкой почве.

— Мои веки.

Она целовала их, когда думала, что я сплю. Из всех вещей, по которым я скучал на протяжении многих фаз своей жизни, этого мне не хватало больше всего.

Я слышу, как она сглатывает, прежде чем тянется так близко, что ее выдох щекочет мои ресницы, ее губы прижимаются к моему левому веку, затем к правому — словно теплый, мягкий подарок от самих Творцов.

Мой следующий вдох еще более шаткий, чем мои колени.

Еще одна вспышка пламени согревает мою кожу...

Она замирает, и я слышу, как ее сердце пропускает удар, а мое разрывается на части.

Она прячется...

Я крепко зажмуриваю глаза, и она расслабляется еще до того, как пламя гаснет.

— Ты удивительно умеешь держать слово, сир.

— Я унесу его с собой в *могилу*, Лунный свет.

Я чувствую, как ее щеки расплываются в улыбке, и слышу, как вдалеке кричат, хлопая крыльями, выпускающие пламя саберсайты.

— Считай до десяти, — шепчет она мне в шею. — А потом найди меня под луной.

Что?

Я протягиваю руку вперед, чтобы обхватить ее за талию и притянуть к себе, но нахожу только воздух.

Внутри все сжимается, глаза распахиваются.

Я оглядываюсь по сторонам, но она исчезла — даже движение тумана не подсказывает, куда она ушла.

— *Лунный свет!*

Это имя отскакивает от стен, как брошенный камень, пока я верчу головой то вправо, то влево.

— Ты не считаешь, — укоряет она издалека, и я вздыхаю, сжимая руки в кулаки. Разжимаю их. — Ты делаешь это в уме?

— *Два*, — выдавливаю я, качая головой. — *Четыре-шесть-восемь...*

— Ты ужасно плохо считаешь.

— *Десять*. — Я бросаюсь вперед, бегу сквозь клубы тумана. — Спой мне песню, Рейв. Дай мне что-нибудь *реальное*, за чем можно погнаться.

Пожалуйста.

Ничего не слышно, пока я пробираюсь по тропинке за тропинкой, но потом до меня доносится ее голос. Мелодия проникает в мое сердце шелковистыми нотами, которые одновременно ранят и успокаивают.

Я останавливаюсь, закрываю глаза и впитываю, набирая полные легкие воздуха, словно ее голос — это блюдо, которым только что насладились моя душа.

Вот и она...

Я слышал, что другие говорят о голосе Рейн. О том, что он так мучительно красив, что хочется плакать. О том, как Клод заставляет усомниться в собственном здравомыслии.

Я думаю, что Рейв — это сочетание того и другого, завязывающая узлы в моей груди, которыми я дорожу, несмотря на муки, которые они причиняют.

Одной музыкальной фразой она может подвести меня к краю обрыва.

Заставить прыгнуть.

Я бегу по лабиринту, словно следуя карте в собственном сознании — поворачиваю налево, затем направо, мчусь по неровной дорожке, прежде чем снова свернуть направо. Я подхожу к высокому ледяному столбу с отверстием, вырезанным с одной стороны, прохожу в углубление и поднимаюсь по винтовой лестнице, каждый поворот приближает меня к ее призрачной мелодии. Той самой песне, которую она когда-то пела мне, плача возле вольера Слатры.

Я выхожу на плоскую вершину столба, достаточно большого, чтобы выдержать гнездо мунплюма, прямо под сияющей луной. Так близко к Авроре, что, кажется, можно коснуться нитей света.

— Ляжешь со мной?

Я смотрю на Рейв — она лежит на спине, ее взгляд прикован к луне над головой, распущенные волосы окружают ее черными волнами. Ее маска отброшена в сторону, а платье представляет собой россыпь лент, в основном оказавшихся на льду, и едва заметных на ее бледной коже, словно она только что упала с неба и приземлилась здесь.

Мое сердце разрывается от этого зрелища.

От одной этой мысли.

Прочистив горло, я снимаю свою корону и кладу ее на камень рядом с ее маской, а затем делаю, как она просила, опускаюсь рядом с ней и, вытянув руки вдоль тела, изучаю луну — она выглядит иначе из-за искажающей пелены купола.

Обычно она черная и шипастая.

Сейчас она серебристая и гладкая.

— Мне нравится эта луна, — шепчет она, после чего следует продолжительная пауза. — Она такого же цвета и размера, как та, что была видна из моего окна в Горе.

Такая же, как у меня на спине.

Я сглатываю, тишина между нами становится все более печальной.

— Хочешь, я расскажу тебе, почему она тебе нравится?

— Нет.

Конечно, нет.

Заметив движение справа от себя, я хмурюсь, когда она перекачивается на меня. Прижавшись спиной к моей груди, она тянется вниз, хватая меня за руки и обвивает их вокруг своего тела — теперь она в моих объятиях, которые создала для себя сама.

Я забываю, как дышать. Моргать.

Думать, черт возьми.

Я закрываю глаза, пытаюсь говорить, несмотря на петлю, угрожающую задушить меня.

— Это больно, Рейв...

— Я не хочу этого, — хрипит она, и ее руки крепче сжимают мои, словно это утешение, которое не может унять жжение. — Я хотела...

— Я знаю, чего ты хотела. Но я не нахожу радости в том, чтобы притворяться, будто у нас есть то, чего нет.

— Я не могу ничего иного, *кроме* как притворяться...

— Потому что ты кого-то потеряла?

Она застывает в моих объятиях.

На этот раз я сам крепче прижимаю ее к себе, испытывая искушение держать ее так до тех пор, пока наши тела не сольются.

После долгой паузы она наконец шепчет, почти неслышно:

— Да.

Мое сердце разрывается на части, знание о ее разрушительном прошлом давит мне на грудь, как кусок свинца. Жестокий, отягощающий груз, который я не хочу наваливать на то горе, которое она уже несет, пока она снова не ускользнула от меня.

Но это необходимая жестокость.

Она должна быть в состоянии принять обоснованное решение о своем будущем, основанное на реальных фактах. А не на этой дымовой завесе, за которой она живет.

Я думал, что у меня будет больше времени, чтобы выбрать подходящий момент. Что я смогу подождать, пока она проявит любопытство и начнет искать ответы, раз уж знакомство со Слатрой прошло так чертовски неудачно.

Теперь я вижу правду.

Она чувствует тяжесть своего прошлого, иначе не прибегала бы к таким крайним мерам. Она подавляет свое любопытство, не давая ему прорасти.

Это означает, что она предпочитает остаться в одиночестве навсегда. В одиночестве и *счастливом* неведении.

К несчастью для нее, на мне лежит ответственность, от которой я отказываюсь уклоняться.

— Я завидую драконам, Каан. Они так красиво умирают. А мы просто... проигрываем. У нас не остается ничего, кроме призраков и воспоминаний, которые ощущаются как раны.

Ее хриплый голос заставляет меня закрыть глаза. Рейв не ломается, когда за ней наблюдают. Она запихивает все это внутрь себя и притворяется, что ничего не происходит. А сейчас... она не притворяется.

Совсем.

— Ты когда-нибудь хотел, чтобы мертвые вернулись? Хотя бы на миг, чтобы почувствовать их в своих объятиях? Сказать им, как много они для тебя значили?

— Да.

На протяжении ста фаз я смотрел на луну Слатры и молил, чтобы она вернула мне Эллюин. Умолял Творцов.

Еще одна улыбка с ямочками на щеках.

Еще одно прикосновение.

Еще один поцелуй на моих веках.

Что угодно.

Она прерывисто выдыхает.

— Я не вернулась — не совсем. Как бы мне ни хотелось быть... такой.

Ей.

Эллюин.

Переплетая свои пальцы с моими, она поднимает мою руку.

Я открываю глаза. Смотрю, как она рисует нашими пальцами очертания округлого кладбища, нависающего над нами, прослеживая линии крыльев мунплюма.

— Этот момент — дар, который мы либо растрачиваем, либо ценим, но я благодарна за него в любом случае. За время, проведенное здесь. Я наконец-то узнала, что значит жить, и я никогда этого не забуду, Каан.

Каждая клеточка моего тела замирает, когда она снова тянет мою руку вниз, обхватывает ее ладонями и прижимается к ней лицом. Как она делала много раз до этого...

— *Никогда.*

Я теряю самообладание.

Я срываю маску и наклоняюсь к ней, касаясь щеки и проводя большим пальцем по губам. Ее дыхание замирает, глаза большие и остекленевшие, щеки мокрые от слез.

В ее взгляде такое сильное потрясение, что мне кажется, будто я впервые вижу ее настоящую с тех пор, как она вернулась в этот мир. Не Эллион. Не Рейв.

Прекрасную, разрушительную смесь того и другого.

Болезненный стон вырывается из моего горла, и я впиваюсь в ее рот сокрушительным поцелуем, ощущая вкус слез на ее губах, когда наконец прыгаю с обрыва, на край которого она меня звала своей песней.

Камень здесь счастлив, словно Каан попросил у Булдера разрешения, прежде чем выдолбить в скале место для нас. Будто Булдер с радостью уступил.

Мне это нравится. Быть здесь... это похоже на маленький дом вдали от дома.

Каждый раз во время сна мы едим вместе, а потом Каан играет для меня, и я пою ему о Тени. О ветре, воде, земле и пламени.

О моей прекрасной погибшей семье.

Потом он занимается со мной любовью на нашем большом тюфяке, сделанным его собственными руками, пока мы не засыпаем в объятиях друг друга.

Мы словно в пузыре. Я знаю, что это так. Остальной мир не имеет значения здесь, в нашем особом месте.

Здесь он не может нас коснуться.

В прошлый сон Каан встал на колени, снял кулон и протянул его мне. Он назвал его своим мальмером и сказал, что прошел весь путь до Гондрага, чтобы найти чешую Ахры — Великой Серебряной самки саберсайта — чтобы сделать светлую половину. Он сказал, что Ахра пришла к нему во сне, и он получил четкое послание, что если он не сможет достать чешую из ее гнезда, то он недостоин той любви, которую мы разделили. Что у него не хватит сил противостоять нашим самым серьезным испытаниям, которые еще не свершились.

Но он сделал это. И выжил.

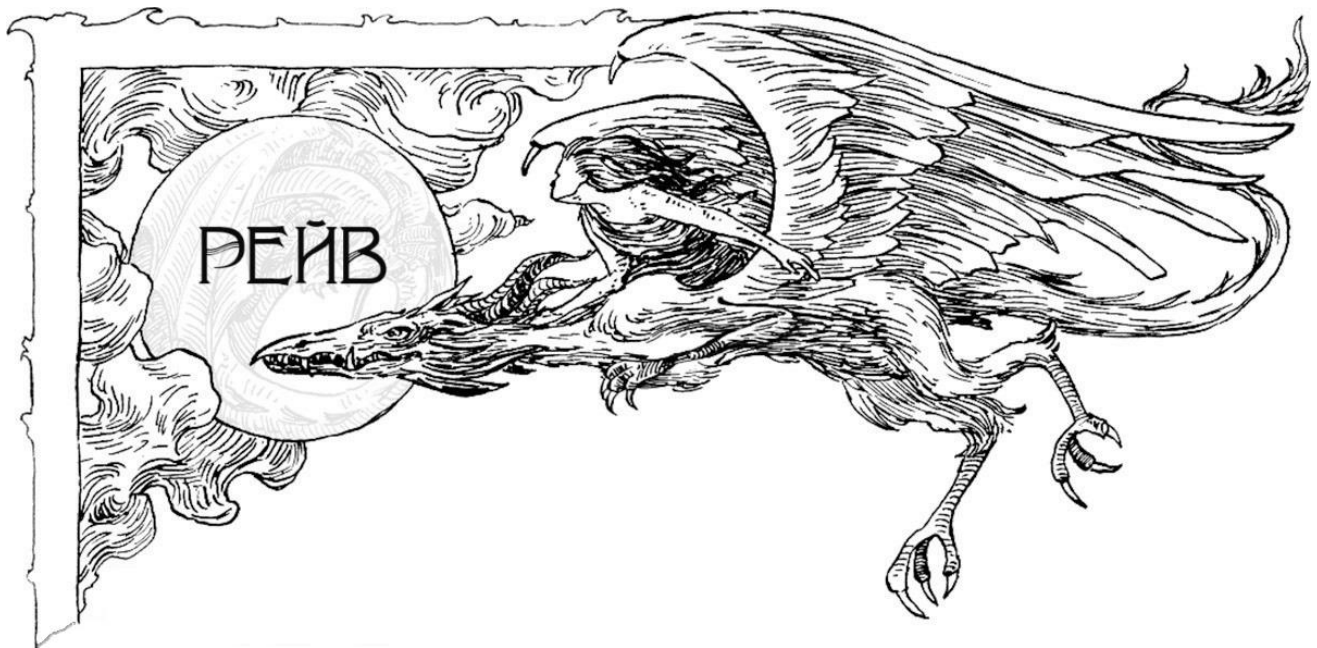
Поэтому я цепляюсь за этот мальмер и надежду, которой он служит, вкладывая в него свою любовь, даже когда мы не лежим на простынях нашего тюфяка или в нашем особом месте. Я цепляюсь за него и каждым ударом своего сердца молю Творцов позволить нам эту любовь. Больше всего я молю их о том, чтобы Каан был в безопасности.

Жил.

Дышал.

Я уже так много потеряла. Мысль о том, что могу потерять и его...

Ломает меня.

Какой-то резкий звук выталкивает меня из сна, который скользит по моему сознанию, как масло. Сон такой глубокий и тихий, что тело кажется неподвижным, как камень.

Я пытаюсь найти путь к реальности, убаюканная стуком дождя по стеклу, закрывающему отверстие в крыше. Застонав, я глубже зарываюсь носом в мозолистое средоточие тепла, обхватывающее мое лицо, приятная тяжесть на моей талии дарит комфорт.

Спокойствие.

Еще один раскат грома рассекает воздух, вспышка света озаряет мои веки. Тяжесть перемещается, рука скользит по моим ребрам, прижимая меня ближе к плотной стене дыхания, пульсирующего тепла...

Он все еще здесь.

Я резко открываю глаза, дыхание перехватывает. Я оглядываю куполообразную комнату, которую так полюбила, — драконы, вырезанные на округлых стенах, едва видны в тусклом, штормовом свете.

Шумное дыхание обдаёт мое ухо, дрожь пробегает от основания позвоночника до кончиков пальцев ног, и я прихожу к выводу, что это не сон. И это не воспоминание, сдавливающее грудь.

Огромное тело, прижавшееся к моему позвоночнику... Мускулистые ноги, переплетенные с моими... Горячее дыхание на моей коже...

Мое сердце пускается в галоп.

Реально. Все это реально.

Я набираю полные легкие воздуха с ароматом сливок и расплавленного камня. Медленно выдыхая, я погружаюсь в свои пропитанные алкоголем воспоминания о наших поцелуях на вершине столба. Сумрачное переплетение залитых лунным светом изгибов и завихрений. Смех, разрывающий грудь. Терпкий вкус Дыхания мунплюма на моих губах.

Я помню, как хлестал дождь, как я схватила Каана за руку и потащила его по эспланаде. К берегу.

Через джунгли и вверх по витой лестнице.

Помню, как он предоставил мне уединение, которого я не хотела, пока переодевалась в ночную сорочку. Помню, как забралась под простыни, а потом страстно желала, чтобы он заполз ко мне и обнимал, пока я не засну, как он

делал это с Эллюин, — чувствовала, как мое честно заработанное в Скрипи преимущество исчезает из моей груди, как цветок, вырванный из горшка. Потому что выпивка, смех и любовь, очевидно, превращают меня в гребаную идиотку.

Приходится прилагать усилия, чтобы не застонать от осознания того, что я отправила свое желание на случай непредвиденных обстоятельств в окно, как выбросила в Лофф железную манжету после того, как Каан снял ее.

Сильна задним умом и все такое. Хотя мне трудно найти в себе настоящее сожаление. Не при воспоминании о том, как я засыпала, когда он гладил меня по волосам, напевая успокаивающую мелодию.

Хотя...

Мой разум цепляется за самые смутные обрывки воспоминаний. Его голос у моего уха, когда я погружалась в забытие. Что-то о... болезненной правде, которую я должна знать?

Творцы.

Я не хочу этого.

Еще одна вспышка молнии наполняет комнату статической энергией, от которой волосы у меня на руках встают дыбом.

Каан ворчит, сдвигаясь с места, и я, воспользовавшись моментом, поворачиваюсь в его объятиях, пока не оказываюсь лицом к нему, и дыхание замирает, когда я вижу его спящим. И тут же жалею об этом, понимая, что надо было просто встать и уйти, не оглядываясь.

Его черные волосы, вчера собранные в небрежный пучок, сейчас растрепались, пряди рассыпались по лбу, и мне хочется оставить там дорожку из поцелуев.

Я поднимаю руку и провожу пальцами по его красивым губам, притворяясь, что касаюсь их. Притворяюсь, что провожу пальцами по его бороде, а затем трогаю его длинные черные ресницы.

Видимо, мне нравится мучить себя, потому что я опускаю взгляд еще ниже.

Он без рубашки, его тело такое рельефное под вспышками молний, превращающей его выпуклые мышцы в произведение искусства, испещренное слишком большим количеством бледных шрамов, чтобы их можно было сосчитать. Грубо высеченный.

Настоящий.

Красивый.

В голове всплывают некоторые воспоминания, которые нахлынули на меня с тех пор, как я чуть не погибла от травмы головы в кратере, и хмурюсь...

Ни в одном из них он не был так покрыт шрамами.

Трудно представить, что он выжил после некоторых из тех ран, которые, очевидно, получил за время, что мы были в разлуке, и этот каменный орган в моей груди сжимается при мысли о нем, свернувшимся на диване с вспоротым нутром, — окоченевшем и безжизненным.

Бледным.

При мысли о том, что я проснусь рядом с ним, прижму его к себе, чтобы согреть, но обнаружу, что это не так. Что он такой же холодный, как наша маленькая снежная пещера, и что его глаза вовсе не закрыты. Они широко открыты и не моргают, как бы сильно я его ни трясла.

Кричала на него.

Умоляла его.

Так же, как я умоляла Фэллон.

Я не могу этого сделать. Я не могу потерять кого-то еще.

Именно поэтому мне нужно свалить отсюда. Сейчас.

Я снова смотрю на его ресницы, представляя, как наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать их — нежно и медленно. Представляю, как утыкаюсь носом в его шею, вдыхая его запах. Представляю, как прижимаюсь лбом к его лбу, говорю ему три слова, которые, как я знаю, Эллюин чувствовала всеми фибрами своего существа, запечатлеваю прощальный поцелуй на его щеке...

Иди, Рейв.

Сердце сжимается от мучительной боли, когда я отвожу взгляд, убираю его руку в сторону и сажусь. Я погружаюсь в себя и начинаю избавляться от всех теплых, блестящих слоев памяти, которые могли бы вызвать у меня желание остаться и пережить этот сон прошлого снова, и снова, и снова.

Вечность.

Рука Каана обхватывает меня за талию, возвращая в настоящее. Он с силой прижимает меня к своей груди, заключая в объятия.

— *Что...*

— Аврора все еще цветет, — бормочет он мне в затылок, его голос хриплый ото сна.

Несмотря на то что я хмурюсь, мое тело подстраивается под его фигуру, словно мы созданы друг для друга.

Чтобы двигаться вместе.

Любить.

— Ты не можешь этого знать, — усмехаюсь я, и еще одна молния озаряет комнату.

— Так и есть, — говорит он, устраиваясь рядом со мной так, будто намерен снова заснуть. — Ты просто не видишь из-за всех этих облаков.

Я вздыхаю.

По мне, так это полная чушь. Отличный повод растянуть удовольствие и отложить болезненный момент. Но я занимаюсь этим уже черт знает сколько времени, и все, к чему это привело, — это к тому, что я оказалась на этом большом, удобном тюфяке с мужчиной, уткнувшись носом в его ладонь. Потакая любви, которую я никогда не смогу сохранить.

Это жестоко.

Я жестока.

— Мне нужно идти, Каан.

— Я прекрасно осведомлен о твоих намерениях, Рейв. Но, как я уже говорил, прежде чем ты заснула, сначала нам нужно серьезно поговорить.

Я застываю на месте, внутренне ругаясь.

Я надеялась, что он забыл.

Он отрывает лицо от моей шеи и приподнимает голову так, что я смотрю на него, ежась под испепеляющим взглядом его серьезных глаз.

— Мы можем либо сделать это сейчас, либо продолжать притворяться еще какое-то время. Выбор за тобой.

Я хмурюсь.

— А если я не хочу вести этот *разговор*, о котором ты говоришь? Никогда?

Он пожимает плечами.

— Тогда тебе придется убить меня перед отъездом из Домма. Все просто. Иначе я буду ходить за тобой по пятам до конца вечности, пока ты не решишь, что готова взглянуть в лицо своему прошлому.

Я физически отшатываюсь, как будто он ткнул меня заточкой и слегка задел жизненно важный орган.

— Ты ужасный.

Его улыбка мягкая. Даже нежная.

— Я ужасный мужчина, который *любит* тебя, Рейв. Который хочет для тебя самого лучшего, даже если это не самое лучшее для меня. — Улыбка сходит на нет, глаза темнеют, он делает паузу, словно подбирая слова. — *Есть... другие,*

кого касается твоё внезапное возвращение. Одного в особенности. Ты должна знать правду.

Я открываю рот и закрываю его, пораженная твердостью его взгляда. Таковую же твердость я видела в его глазах, когда он спрыгнул со спины Райгана в кратере на Болтанских равнинах.

Кем бы ни был этот *другой*, я почти уверена, что он готов рубить ради него головы. Значит, без *разговора* мне отсюда не выбраться. Тем более что я потеряла своё преимущество, чтобы понежиться и послушать колыбельную.

Кто я? Доза любви из прошлого превратила меня в нечто мягкое, податливое и... *глупое*.

— Мне это не нравится.

— Я знаю, что нет, — бормочет он, потянувшись вверх, чтобы заправить прядь волос за мое обрезанное ухо. — Боли роста называются *болями* не просто так.

Это мне тоже не нравится. С меня достаточно боли.

Я даже немного устала от нее.

— Так что будем делать, Лунный свет? Ты в настроении слушать?

Определенно нет.

Еще немного блаженства с мужчиной, который смотрит на меня так, будто я сотворила небо, или разговор о моем болезненном прошлом, который, вероятно, больше разрушит, чем построит?

Даже не о чем думать.

— Скажи мне, — размышляю я, снова погружаясь в нашу похотливую иллюзию, словно падая в облако, — чем мы... занимались в этой комнате, когда просыпались до восхода Авроры?

Каан прижимается ко мне, из его груди вырывается хриплый звук, а глаза пылают.

— Мы не снились тебе в этом доме?

Да.

— Нет.

Он вскидывает бровь.

— Правда? Потому что ты утверждала обратное, когда выпила четыре рюмки и тебя носило по танцполу под задорную джигу в куполе Боггита.

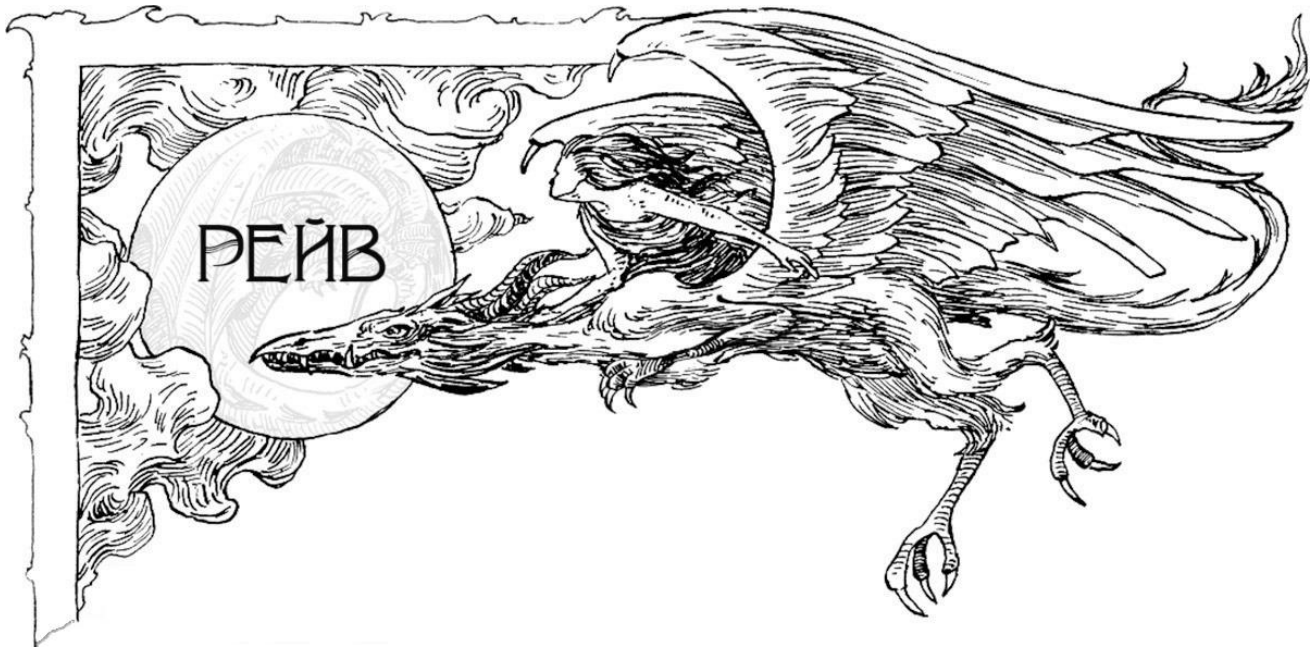
Мои щеки пылают.

Конечно, говорила.

Он запускает пальцы под бретельку моей ночной сорочки, спускает ее вниз по плечу, целует ключицу, пробуждая во мне чувства.

Расслабляя мое тело.

— Скажи мне, Рейв... — Еще один нежный поцелуй касается моей шеи, а его следующие слова раздаются у моего уха. — Как я трахал тебя в твоих снах?

Между моих ног разливается тепло.

Я закусываю нижнюю губу, пока в голове проносятся яркие воспоминания...

То, что я прожила когда-то.

Воспоминания о том, как мы вместе кувыркались между простынями, смеялись.

Любили.

Воспоминания о том, как он доводил мое тело до предела наслаждения, которого можно достичь только тогда, когда сердца бьются синхронно, в порыве страсти. Я никогда не думала, что это возможно, пока не увидела это во сне.

Одна из причин, по которой мне было так трудно уйти, и в то же время я так отчаянно хотела это сделать, что разрывалась на части. Не в силах сдвинуться с места.

И вот мы здесь.

Я, как очарованный дракон, пытающийся вырваться из атмосферы Каана. А он...

Он.

Черт.

Мысль о том, что я чуть не перерезала горло этому мужчине, пробирает меня до костей.

Каан тянет бретельку дальше по руке, освобождая мою ноющую грудь, касается пика моего затвердевшего соска.

— Мы делали это грубо или нежно?

Еще один поцелуй в шею, и его пальцы скользят по гладкому шелку моей черной ночной сорочки, касаясь пупка.

— Я дразнил тебя до тех пор, пока ты не стала мокрой, дрожащей и безумной, и кричала, чтобы я взял тебя?

Он кусает меня за шею, и я вздрагиваю.

Да, Каан. Я кричала для тебя в своих снах. Просыпалась с твоим именем, все еще горящим на моих губах, пульсирующей от воспоминаний о твоей руке...

Именно там, где она сейчас мне нужна.

Я прижимаюсь задницей к его вздымающемуся стволу, податливая для его прикосновений, скользящих по моему бедру и опускающихся ниже.

Ниже.

Томный перекат, и я поднимаю правую ногу, подол моей сорочки задирается вверх по бедрам. Он приподнимает его еще немного, оставляя меня полностью обнаженной.

— Я взял тебя жестко? — спрашивает он, проводя пальцами по моим губам, раздвигая их, кружась вокруг моего пульсирующего входа.

Снова.

И снова.

Два пальца обводят этот чувствительный узелок нервов, пока он целует мою шею, завязывая меня в узел.

— Это было глубоко и медленно?

— Все вышеперечисленное, — хриплю я, и из его груди вырывается глухой стон, когда он входит в мою гладкую, трепещущую влажность...

Наслаждение пронизывает меня, заставляя содрогаться.

Еще один неторопливый толчок, и я раздвигаю ноги, скользя ладонью по его руке, точно так же, как делала это во сне. Используя *собственные* пальцы, я вжимаю его глубже в свой ноющий жар, двигаясь в том же голодном ритме.

Он покусывает мое ухо, а затем целует его с разрушительной нежностью.

Я раскачиваюсь навстречу его движениям, удерживая его руку между бедер, позволяя своему телу наполниться жадным теплом, голодом.

Стать влажным.

Нуждающимся.

Еще один поцелуй в шею пускает мурашек к моей груди. К пупку.

Вниз, к сердцевине.

Все мои тонкие связки подрагивают и натягиваются, а тело впускает все глубже, получая удовольствие от движения его пальцев.

Я подставляю шею, молча прося его снова поцеловать ее, и издаю стон, когда он с ненасытной уверенностью ласкает этот нежный участок кожи. Представляю, как его язык делает то же самое *в других местах*.

Каждое нервное окончание под моим пупком начинает покалывать, усиливаясь до тех пор, пока я не понимаю, что больше не могу говорить.

Не могу думать.

Не могу дышать.

Еще один щедрый поцелуй в шею, и каждый мускул моего тела сжимается с неистовой, жадной силой. Оргазм проносится сквозь меня, как горный обвал, захлестывая волной за волной взрывного наслаждения.

Стон вырывается из моего горла, когда он, осторожно достав пальцы, продолжает нежно ласкать мой чувствительный узелок, осыпая поцелуями местечко под ухом, освобождая меня.

Заставляя медленно сходить с ума.

Я продолжаю пульсировать, низкое удовлетворенное рычание Каана проникает в меня, и я смеюсь, качая головой. Так высоко, что кажется, будто я танцую в облаках.

Если бы только я могла жить в этом воображаемом мире вечно. Здесь все *хорошо*. Я здорова и счастлива.

Свободна.

Он целует уголок моего рта, посылая еще один *импульс* прямо между бедер, несмотря на то, что я уже не чувствую пульсации.

Мое внимание сосредотачивается на его твердости, прижатой к моей спине, мышцы под моим языком покалывает...

Я вырываюсь из объятий, и его глаза вспыхивают, когда я тянусь к застежке его брюк и расстегиваю пуговицу.

Стягиваю их.

Отбросив их в сторону, я сажусь на него верхом, жадным взглядом окидывая его тело. Он — произведение искусства, запутавшееся в шелковистых простынях, его мужское достоинство покоится на животе, головка почти соприкасается с пупком.

Он поднимает руку, обхватывает мое лицо и смотрит на меня так же, как в том маленьком, причудливом доме. Как будто он готов поймать для меня падающую луну. Только на этот раз это не больно, потому что мы создаем воспоминания из ила. То, что может быть смыто следующим проливным дождем.

Я теряюсь в этом взгляде, словно в нем мое спасение, и прижимаюсь к его руке.

Притягиваю ее ближе.

Он рычит, нахмурившись.

— Ты великолепна.

Мое сердце сбивается с ритма.

Слова...

Взгляд...

То, как он обнимает мое лицо...

Я могла бы наслаждаться им целую вечность и никогда не переставать восхищаться. Еще одно доказательство того, что причина, заставившая Эллюин уйти, причинит боль.

Я поднимаю бровь — жалкая попытка разрядить обстановку.

— Вы предвзяты, сир. И, возможно, ты забываешь о том, что я пару раз чуть не убила тебя.

— Нет. Я чертовски *одержим*, — рычит он, обхватывая другой рукой мое лицо и рывком притягивая меня к себе.

Наши губы сминают друг друга, и я глотаю его рычащие звуки, когда прижимаюсь к его твердой длине, разжигая эту ненасытную пульсацию. Его пальцы, едва касаясь, проводят по моей спине, которая выгибается в ответ на его ласку, а твердые руки сжимают мои бедра, побуждая меня двигаться.

Уверенней.

Прервав наш поцелуй, продолжаю ласкать его горло под звуки его хриплых стонов, наслаждаясь каждым томным прикосновением моих губ к его коже, словно глотком жизни. Я продолжаю целовать каждый шрам на его груди.

Вдоль ребер.

Я следую губами по созвездию его боли, представляя, как каждый медленный, нежный поцелуй забирает частичку его жестокой истории, двигаюсь вниз по его животу, мимо пупка, беря в руку его мощный, твердый член.

Мой рот наполняется слюной, сердце пульсирует от того, насколько он твердый.

Как он готов и хочет меня.

Я вскидываю ресницы.

Удерживаю его вулканический взгляд и прижимаю язык к бархатистому основанию, а затем провожу им до самой головки, пересекая паутину выпуклых вен. Его бедра подрагивают, когда мой язык скользит вокруг венчика, а затем слизывает соленую каплю выступившей спермы.

Он шипит от удовольствия.

Я обхватываю губами набухшую головку и опускаюсь ниже, открывая горло, вбирая его так глубоко, что не могу дышать — моя рука все еще сжимает упругое основание. И снова его тело вздрагивает, когда я двигаюсь обратно, не расслабляя губ и не отрывая от него взгляда.

Мой пульс зашкаливает от того, как он смотрит на меня. Как мужчина, который практически голодал, а теперь оказался перед пиршественным столом для королевских особ.

Я улыбаюсь. Снова беру его в рот. Скольжу вверх и вниз, пока он не напрягается и не вздрагивает, шипящие резкие вдохи вызывают у меня влажное удовлетворение, его бедра приподнимаются мне навстречу. Пока он не становится таким твердым, что я уверена, он вот-вот кончит...

Он сжимает мои волосы в кулак и осторожно отводит меня назад, пока не освобождается из моего рта, моя шея изгибается, пока он наблюдает за мной с беспощадной интенсивностью.

Что-то в его взгляде меняется, в нем появляется убежденность, которой я не понимаю.

Я хмурюсь, и мне требуется некоторое время, чтобы осознать, что в комнате повисло напряжение. Его энергия превратилась из теплой и игривой в жесткую и серьезную.

Но прежде чем я успеваю обдумать эту мысль, он отпускает руку и переворачивает меня на спину — теперь он стоит на коленях между моих раздвинутых ног, возвышаясь надо мной, как свирепая тень.

Воздух застывает.

— Почему ты остановил меня...

Еще одна вспышка молнии, и он обхватывает мои бедра, раздвигая их настолько, что мне некуда спрятаться.

— Я принял решение, — рычит он, опускает руку к нижней части моего живота, подушечкой большого пальца обводя мой набухший клитор медленными, губительными кругами.

Мои бедра подрагивают, и я запускаю пальцы в волосы, ощущая, как во мне трепещут струны удовольствия, пока он играет со мной как с инструментом.

— Хорошо для... тебя.

То, что он сейчас вообще способен думать, не поддается моему пониманию.

Серьезно, это *хорошо для него*.

Он погружает в меня свои пальцы, загибает их, потирая какой-то глубокий, чувствительный пучок нервов, и меня пронзает удар ошеломляющего восторга.

Я вскрикиваю от почти невыносимых ощущений.

Черт.

Что это было?

Он гладит это чувствительное местечко снова, снова, снова — возбуждая меня так сильно, что я едва могу дышать.

— Ты меня не сотрешь, — рычит он, ускоряя движение большого пальца по моему клитору.

Быстрее.

— Не начинай опять, — стону я, но слова не достигают того эффекта, на который я рассчитывала, его пальцы работают со мной так умело, что мой разум превращается в компост. Тот, в котором прорастают плохие решения.

— Я заключу с тобой сделку, — подстегивает он, оскалив клыки.

— К черту твои сделки.

— Нет, Рейв. К черту *твою*, — рычит он, проталкивая внутрь еще один палец.

Растягивая меня.

— Я провел более сотни фаз, раздавленный тяжестью твоей смерти, разрушая себя, пытаюсь вырвать боль из своего сердца. Знаешь, насколько легче было бы просто *стереть тебя* из моего сознания?

Я стону, когда он врывается в меня, мое тело поет от его ласк, влажные звуки наполняют комнату.

— Но я этого не сделал, потому что я не гребаный *трус*.

Я рычу, выгибаясь, чтобы вцепиться в него зубами, и падаю обратно на тюфяк со стоном, полным удовольствия, когда он снова толкается в меня.

— Я не считаю тебя трусихой.

— Прекрати болтать. Ты все портишь.

— *Нет*.

Еще один толчок.

Еще один.

— На этот раз ты не будешь относиться ко мне как к секрету, — произносит он, поглаживая мой клитор большим пальцем.

Мое наслаждение достигает пика, накатывает мощная волна...

— Я не твой секрет. Я — твоя *правда*.

Он выдергивает пальцы, прерывая кульминацию прежде, чем она успевает достигнуть пика.

Я вскрикиваю, мой голос звучит как жалобный стон, и я отвожу ногу назад, чтобы пихнуть его в грудь за то, что он дразнит меня, как придурок.

Он хватается мое колено, потом другое, прижимает мои раздвинутые ноги к тюфяку, его глаза — пылающие угли, сверкающие во вспышках молний.

— Я знаю, что ты дикое создание, которое любит наносить удары по всем, кто оказывается в зоне поражения, но есть ограниченное число ударов, которые я могу выдержать, прежде чем начну нападать в ответ. Когда-то давно я слушал тебя. Позволил тебе оттолкнуть меня. А потом ты умерла. Так что нет, — рычит он, — я не принимаю твою сделку. Но я предложу тебе новую, выгодную *всем* сторонам, а не только твоим эгоистичным прихотям.

— *Я не эгоистка...*

Он опускает голову между моих бедер, прижимает язык к моему пульсирующему входу и проводит горячую линию по всей длине.

— О-о-о, ты хорош в этом, — стону я, выгибаясь.

Он делает это снова, и мои пальцы запутываются в волосах на его затылке, пока я раскачиваю бедрами в такт движениям его языка.

Ладно, я немного эгоистична.

Я прижимаю его ближе, и его язык проникает в меня. Он приподнимает мои бедра, выводя мой восторг на совершенно новый уровень.

Я начинаю сжиматься...

Он отстраняется.

Я возмущенно вскрикиваю, хотя мое разочарование улетучивается, когда он снова проводит большим пальцем по моему клитору.

— Потянись назад и упрись руками в стену, — приказывает он с такой спокойной властью в голосе, что я немедленно подчиняюсь, уверенная, что мое согласие принесет мне оргазм, который он держит на расстоянии вытянутой руки.

Он закидывает одну мою ногу себе на плечо, обхватывает другую и широко раздвигает меня. Он сжимает в кулак свой член, а затем ударяет им по моему набухшему лону.

Снова.

Снова.

Я смягчаюсь с каждым сильным ударом по моему чувствительному клитору, представляя как он входит в меня. Наполняет меня.

Двигается во мне.

Творцы, этот мужчина...

— Что за сделка, придурок?

— Согласись, и я тебя трахну. — Он сверкает острой улыбкой — клыками и диким восторгом — и обрушивает на меня еще больше дразнящих ударов. Мои бедра приподнимаются навстречу каждому из них. — Тогда я скажу тебе.

— Это дерьмовые усло.... Творцы! — вскрикиваю я, когда он проводит головкой своего члена по моему входу, неглубоко погружаясь в меня.

Выходит.

Снова входит.

Может, это не такие уж дерьмовые условия?

— Ты установила правила на прошлом заходе Авроры, когда трахнула меня за тем игровым столом. Ты заставила меня согласиться, прекрасно зная, что планируешь *стереть* меня, подстраховавшись, чтобы быть уверенной, что твое желание исполнится.

Мне *действительно* не нравится, когда мне в лицо тычут зеркалом, а я нахожусь на грани оргазма.

— Я ненавижу тебя, — всхлипываю я, приподнимая бедра навстречу следующему сильному удару.

— Нет, это не так, Лунный свет. Ты любишь меня. Просто ты слишком занята уничтожением моего сердца, чтобы понять это.

Я бы вздрогнула от этого болезненного обвинения, если бы не была так чертовски заведена.

Очередной сладострастный вихрь завязывает меня в узел, следующее слово он произносит с рычанием.

— *Уступи.*

— Пошел ты, придурок. Я, блядь, *согласна*.

Одной рукой он сжимает мое бедро, другой проводит по лицу и обхватывает щеку, встречаясь с моими глазами, бросая вызов — нет, *умоляя* меня — выдержать его пылающий взгляд.

— Не закрывай глаза, Лунный свет. *Пожалуйста.*

— Не буду, — выдавливаю я, и все мое кипящее разочарование превращается в сладкое облако желания, от которого щемит в груди. Я жажду встретиться с ним на этом мосту нашего слияния, таком хрупком и ненадежном... но *восхитительном*.

Наполняюсь волшебным, болезненным теплом, от которого мне хочется плакать.

Мой рот приоткрывается, когда он толкает бедра вперед, врываясь в меня одним стремительным выпадом, и мое тело вздрагивает от этого движения — оно так восхитительно наполнено.

Он замирает, войдя до основания, — наши взгляды сталкиваются, словно расщелина во времени и пространстве. Все, что я вижу, — это расплавленное обожание. Яростная, неукротимая любовь, такая сильная, что у меня перехватывает дыхание.

Все, что я чувствую, — это *он*.

Он сдавленно выдыхает, напоминая мне, что нужно поработать легкими, и вдохнуть наши смешавшиеся ароматы, которые, вероятно, являются лучшим запахом в мире. Его рука крепко обхватывает мое лицо, взгляд становится еще глубже.

— Скажи мне, если это слишком.

Я сглатываю, киваю, затем приподнимаю таз, чтобы подтолкнуть его двигаться.

С гортанным рычанием он начинает разрушать мое тело глубокими, ритмичными движениями бедер, которые вызывают у меня сладострастные приступы восторга. Я всхлипываю, двигаясь в соответствии с заданным им бешеным темпом, по его телу прокатываются волны напряжения.

Мы сталкиваемся в рычащем ритме, пока во мне нарастает пламя, которое может просто погубить меня.

Его член твердеет, заставляя меня чувствовать себя невероятно наполненной, когда он проводит рукой между нами, поглаживая пальцами низ моего живота.

Его большой палец обводит скользкий, чувствительный бутон. Быстрее.

Быстрее.

Я сжимаюсь, дрожь начинается в кончиках пальцев, поднимается по ногам, проникает в лоно и движется вдоль позвоночника, пока я не начинаю чувствовать, что вот-вот распадусь на тысячу острых осколков.

Я провожу ладонями по его напряженным рукам, плечам, моя правая ладонь прижимается к его сердцу, которое стучит в том же бешеном ритме, что и мое собственное.

— Ты чувствуешь это? — бормочет он, кладя свою руку поверх моей и удерживая ее над бьющимся органом. Его глаза становятся светлее, в них почти благоговение. — Ты нашла нас, Лунный свет.

Я трескаюсь.

Раскалываюсь.

Рассыпаюсь.

Каждый нерв нижней части моего живота напрягается и покалывает, испытывая сокрушительную волну горячей, голодной эйфории. Мой рот открывается, короткие, резкие стоны разрывают воздух, когда я сжимаюсь вокруг него, пульсируя с такой силой, что мой разум плавится, а перед глазами вспыхивают огни.

Я теряю всякое ощущение пространства и времени, словно оказываюсь в невесомости. Захваченная его пристальным взглядом, в котором я тону самым ненасытным образом.

Рука Каана снова обхватывает мое лицо, крепко сжимая его. Он рычит, а затем оскаливается сквозь стиснутые зубы, пульсируя во мне. Наполняя меня жидким теплом и первобытным удовлетворением, которое растекается по моим мышцам.

Моим нервам.

Все расслабляется, мое тело обмякает, когда он наклоняется вперед и утыкается носом в мою голову, тихонько рыча. Он открывает рот у моей шеи и нежно покусывает. Укус, который вызывает к моим основным инстинктам. Мне хочется, чтобы он вонзил свои зубы чуть глубже.

— На что я только что согласилась? — Я тяжело дышу, плаваясь под ним.

Его покусывание превращается в поцелуй, который спускает к местечку под ухом. Я и не подозревала, что это место такое чувствительное.

— Ты не сотрешь меня — как бы больно тебе ни было от нашего предстоящего разговора.

У меня перехватывает дыхание, по венам пробегает холодок.

Он оставляет еще один поцелуй на моей шее, как будто хочет успокоить жгучую рану, которую только что нанес. Еще один — в челюсть.

Уголок моего рта.

— Это намного важнее, чем *мы*, и тебе нужно смягчить свое сердце, иначе ты сломаешь того, кто не готов получить удар ножом в грудь из-за твоего нежелания налаживать отношения.

Мое тело замирает, каждая клеточка напрягается.

Меня и раньше отчитывали, но никогда так.

Это...

Это больно. Звонящая мелодия правды, которая заставляет мои истертые сердечные струны сжиматься и разжиматься.

Он обхватывает ладонями мое лицо, еще одна вспышка молнии заливает комнату белым светом, его глаза горят, когда он говорит:

— Эта правда причинит боль, и ты возненавидишь меня за это. Но есть кое-кто, кому ты нужна, и ты изменишь его жизнь даже больше, чем изменила мою.

Мое сердце раскалывается, трещина проникает так глубоко, что задевает мягкую сердцевину.

Я представляю, как малышка Ней порхает вокруг в головокружительном вихре, который она исполняла всякий раз, когда я поднимала крышку ее коробки. Представляю, как она прижимается ко мне, утыкается носом в мою шею, вспоминаю все те разы, когда я гладила ей животик. Разворачивала ее нежные складки. Расправляла ее.

Читала.

Нуждалась в ней.

Горло сжимается так сильно, что я вынуждена сглотнуть.

Я всегда думала, что этот маленький пергаментный жаворонок попал ко мне случайно, но, возможно, он вовсе не потерялся. Может, он оказался *именно* там, где нужно...

— Итак, Рейв. Ты можешь сколько угодно отмахиваться от меня, притворяясь, что не любишь так же сильно, как я люблю тебя. Я могу стерпеть еще больше шрамов, несмотря на то, как сильно они ранят. Но ты не убежишь. — Он целует кончик моего носа, и это нежное движение так не сочетается с резкостью его слов. — *Это* то, на что ты только что согласилась.

Запись в дневнике

Элжонн Неван

возраст: 20 фаз

5,000,041 фаза после камня

Король Остерн вернулся на своем саберсайте в сопровождении двух младших сыновей — Кадока и Тирота, которые прибыли на праздник Великого шторма. Я впервые вижу мужчину, с которым мне предстоит связать себя узами брака, с тех пор, как ступила на порог королевства его отца.

Можете считать меня недоверчивой, но я взяла один из клинков из драконьей чешуи, которые Каан научил меня ковать, и держала его под рукой. До того момента, пока Тирот не схватил меня в коридоре и не попытался затолкать в темный угол. Тогда я прижала клинок к его горлу.

Он рассмеялся. Сказал, что его сестра плохо на меня влияет. Я ответила, что считаю, что ее влияние было прямо противоположным. Он сказал, что мне пока нельзя говорить, и я ответила ему, что он может съесть драконье дерьмо и что я надеюсь, что он подавится им.

Выдала желаемое за действительное.

На пиру меня заставили сидеть рядом с ним, облачившись в вуаль, и неловко есть то, что мне подали как животному. Трудно есть с завешенным ртом. Еще труднее, когда все блюда, которые мне приносили, были либо слишком жирными, либо острыми, и мне не разрешалось говорить, чтобы попросить о чем-то другом, разложенном дальше на столе.

Каан не отрывал взгляда от Тирота, а я страдала в молчании, ожидаемом от принцессы, если только она не связана или не отдана Творцам. Как Вейя.

Кстати говоря, Вейя была странно тихой, — сидела, опустив глаза, — пока ела рядом с племянником. Я не понимала почему, пока ее Пах не начал оскорблять ее, говоря о том, как она его разочаровала.

С каждым его обжигающим словом она съеживалась все больше, пока он не сказал, что сожалеет о том сне, когда зачал ее в утробе матери.

По ее щеке скатилась слеза — впервые в жизни я видела, чтобы она плакала.

Я зарычала.

Сорвала с себя вуаль, забралась на стол и бросилась на другой конец. Я вонзила вилку в кусок мяса колка, от которого у меня слюнки текли с самого

начала трапезы, затем откинулась на стуле, набила полный рот и одарила короля Остерна фальшивой улыбкой.

Вот черт.

Он пристально смотрел на меня, пока я жевала с открытым лицом, а потом взял с тарелки Тирота несколько бланишированных бобов муджи, заявив, что он не против поделиться со мной, поскольку в данный момент правит моим королевством.

Он тоже впился в меня взглядом, и по его глазам я поняла, что он с трудом подавляет желание ударить меня по лицу за мое плохое поведение.

Жаль, что он этого не сделал. Я отчаянно искала предлог, чтобы вонзить вилку ему в бедро.

Я как раз слизывала мясной сок с пальцев, когда король Остерн объявил, что Каан и Вейя уедут с Кадоком и Тиротом после Великого шторма, чтобы помочь восстановить деревню, уничтоженную взбесившимся саберсайтом.

Все, кроме самого короля, выглядели потрясенными.

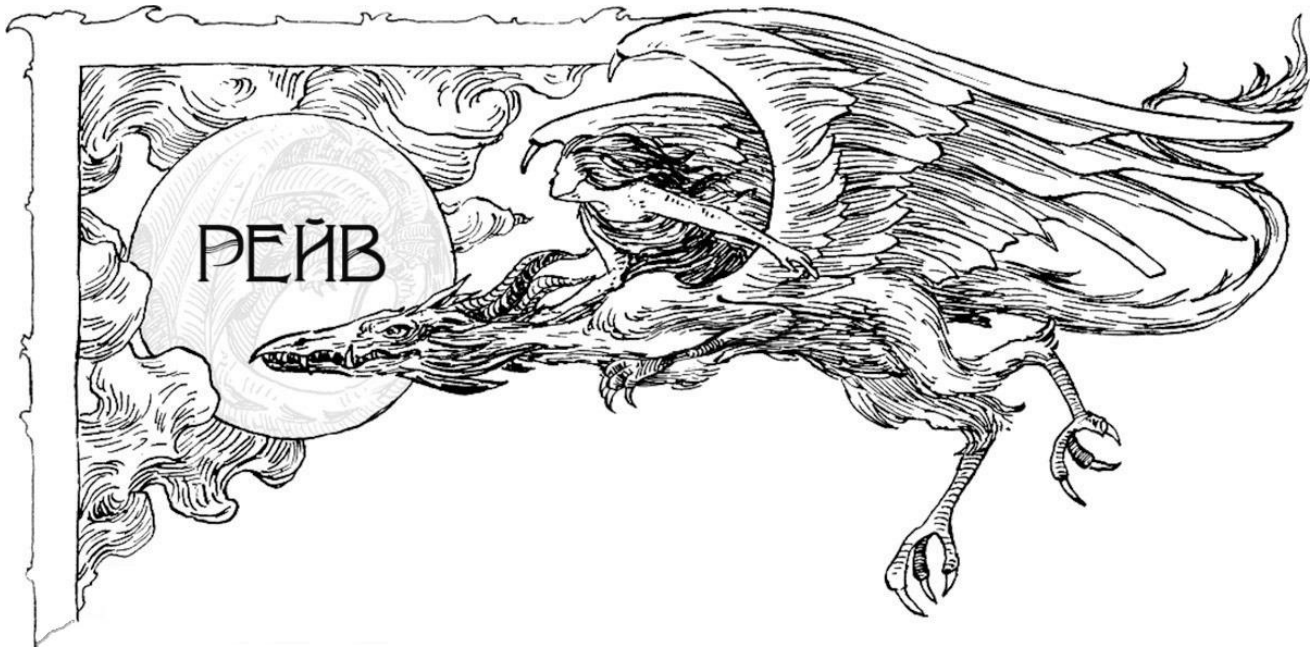
Позже Каан присоединился ко мне в нашем доме и овладел мной так медленно и нежно, произнося миллион слов каждым прикосновением, каждым поцелуем, каждым отчаянным объятием. Я наслаждалась его присутствием, пока не вошла Аврора, словно россыпь серебряных лент, сотканных по всему небу, и мы провели Великий шторм, запутавшись под простынями в нашем тихом пузыре иллюзий и отрицания.

Через тридцать циклов мне исполнится двадцать один год. В Аритии уже началась подготовка к церемонии связывания меня и Тирота.

К моей коронации.

Думаю, нам с Кааном кажется, что игнорирование будущего предотвратит его наступление...

Если бы только это было правдой.

Я смотрю на необъятную, покрытую красивыми татуировками спину Каана, пока он перемещается по кухне, ополаскивает миску с ягодами, нарезает медную дыню на сочные дольки, которые наполняют воздух острой сладостью.

Каждое уверенное, плавное движение его тела напоминает мне о том, как легко он превратил меня в дрожащую, *умоляющую* кашу порочных мыслей и сиюминутных решений.

Закусив губу, я барабаню пальцами по столешнице, застряв в странном неопределенном состоянии. Наполовину опьяненная от сладострастного насыщения и, в то же время, наполненная статической энергией, которая пульсирует под ребрами, побуждая броситься через всю комнату и напасть на мужчину, наполняющего две миски яркой какофонией свежесобранных фруктов.

Он сжимает в кулаке орешек и разламывает его, отделяя скорлупу от бледных внутренностей, которые затем крошит поверх обеих порций.

Я качаю головой.

В кухонном шкафу полно всего, чем можно разнообразить наш пост, а мужчина точно знает, что мне приготовить. Не то чтобы я просила о еде или родниковой воде в моей любимой кружке. Или о том, чтобы мою душу убаюкали, пока он будет так глубоко во мне, что нигде будет спрятаться.

И все же мы здесь.

Он, полуголый,двигающийся с радостью воина, только что покинувшего поля боя и едва смывшего кровь со своей кожи. После чего перебросивший через плечо полотенце и приготовивший еду, которую сам добыл. И я, гноющаяся после нашего эмоционально насыщенного соития, с растрепанными волосами и затуманенным сознанием. Пытающаяся понять, как я прошла путь от победы в самой важной в моей жизни игре в Скрипи, до сидения за этим столом, лишенной каких-либо желаний, ошеломленной и раздражающе возбужденной.

Склонив голову набок, я наблюдаю за идеальной мускулистой задницей Каана, когда он перемещается по кухне, отщипывает веточку мятной зелени, которую использует для украшения наших мисок. Несомненно, коричневые кожаные штаны, которые на нем надеты, перекрывают доступ крови к тем

местам, которые, насколько я понимаю, должны быть *всегда* снабжены кровью.

Я вздыхаю.

Целью последнего сна была ролевая игра, которую я не в состоянии поддерживать долгое время. Я не смотрю с тоской на мужчин и не вспоминаю все те приятные вещи, которые они делали с моим телом, а потом сразу же хочу повторить это снова. Я не умею строить отношения. И уж точно не занимаюсь любовью.

У этого слова есть только одно определение — *опасное, потенциально разрушительное неудобство*.

Каан смотрит на меня через плечо, нахмутив брови, пряди черных волос, выбившиеся из пучка, падают ему на глаза.

— Ты готова к нашему разговору?

Я вздрагиваю, как будто он только что взмахнул рукой и ударил меня.

— Спасибо, но я бы предпочла содрать с себя кожу тупым лезвием.

Он бросает на меня взгляд, который говорит о том, что, по его мнению, я немного драматизирую, но это близко описывает мои ожидания от разговора, в ходе которого мне будут ломать ребра одно за другим.

— Ладно, ты, очевидно, чувствуешь себя...

— Сожаляющей.

— Это вызывает у тебя желание подраться или потрахаться? — спрашивает он, его грубый голос звучит так чувственно, что по мне прокатывается волна тепла.

Сжав ноги вместе, я отпиваю из кружки, чтобы подавить импульсивное желание умолять о последнем, и напоминаю себе, что его член развязал войну, которую мы сейчас ведем.

Я опускаю кружку обратно на стол.

— Еще не решила.

Он ворчит, поворачиваясь, его глаза приобрели насыщенный карий оттенок в слабом свете, с трудом пробивающемся сквозь отверстие в потолке. С двумя мисками в руках он приближается ко мне, словно какой-то огромный зверь, пойманный в клетку этого мускулистого тела.

— Что ж, пока ты определяешься, — говорит он, опуская обе миски на стол, — давай вместе насладимся прекрасной трапезой?

Я смотрю на свою прекрасную, разноцветную миску...

Выглядит очень аппетитно. Жаль, что к ней прилагается горькое послевкусие предстоящего разговора, которого я совершенно, на тысячу процентов, не хочу.

Должен же быть какой-то выход. Я не могу просто жить здесь до конца своих дней, наслаждаясь хорошим сексом, свежеприготовленной едой и хитроумными загадками. Что-то зудит в глубине моего сознания, подсказывая, что этот идеальный рай в конце концов сгорит — как и все остальное. Смерть проскользнет по этой лестнице, как змея, и вонзит свои зубы в кого-то другого, кто поселился в расщелинах моего сердца.

Я натянуто улыбаюсь.

— Звучит восхитительно.

Хмыкнув, он отщипывает ягоду и бросает ее в рот, затем проходит через комнату и берет с полки один из заранее подготовленных пергаментных квадратиков. Он использует мое перо и чернила, чтобы что-то нацарапать на нем, а затем складывает квадрат в жаворонка, которого держит в руках, прежде чем выпустить в окно.

— Кому он адресован?

— Пироку. — Он устраивается в кресле напротив меня, берет ломтик медно-розовой дыни и вгрызается в хрустящую мякоть. — В Домме есть только

один чтец разума — полагаю, ты с ним уже знакома? Я отсылаю его в безопасное место.

Мое сердце замирает.

— Ты шутишь.

— Шучу? — Его глаза убийственно вспыхивают. — Прости меня, Лунный свет, но в этом нет ничего смешного. У тебя есть привычка выскакивать через боковую дверь в тот момент, когда я поворачиваюсь к тебе спиной, а затем оказываться мертвой в небе. — Он вымученно улыбается, и эта мука на его лице ранит меня не меньше, чем моя натянутая улыбка уколола его раньше. — Я просто принимаю меры предосторожности.

Я раздраженно фыркаю и откидываюсь на спинку кресла, качая головой.

— Ты мне нравился больше, когда шел на уступки.

Он пожимает плечами.

— А мне ты нравилась больше, когда была пьяна и улыбалась, пела мне, говорила, что бежишь только потому, что не можешь смириться с мыслью, что я умру.

Я вздрагиваю.

На тех напитках должны были быть большие, крупные предупреждающие надписи.

— Хорошая новость в том, что ты вольна вечно умасливать меня своими улыбками с ямочками на щеках, потому что в твои обязанности не входит обеспечение моей безопасности, — говорит он, забрасывая в рот очередную ягоду. — А теперь ешь свои фрукты.

Он встает и несет свою кружку к раковине, чтобы наполнить ее, пока я медленно закипаю на своем месте.

— Я не хочу фрукты, — огрызаюсь я, когда он осушает половину кружки тремя большими глотками. Он опускает кружку, поднимает бровь, его взгляд прочерчивает расплавленную дорожку к моим губам.

И снова находит мои глаза.

— Тогда что?

— *Месть.*

— За что?

Обходит мою защиту, как чертов взломщик.

Я снимаю железное кольцо с пальца, приветствуя озорное хихиканье Клод, пока обхожу стол, отодвигаю его миску и размещаю на ее месте свою задницу. Я поднимаю обе ноги, ставя одну ступню на его стул, а правую вытягиваю к подоконнику.

Кадык Каана дергается.

Я приподнимаю подол сорочки в ложбинке между моими широко раздвинутыми бедрами, и его пылающий взгляд опускается к моей обнаженной киске — набухшей, горячей и нуждающейся.

Мокрой.

Я облизываю два пальца и раздвигаю себя, открываясь перед ним, шепчу строптивое слово под нос, и диалект Клод срывается с моих губ, как порыв ветра.

Каан со стуком ставит свою кружку на стол и делает два шага вперед, прежде чем натывается на прочную стену воздуха. Издав негромкий смешок, он скрещивает руки и качает головой, в его глазах вспыхивает пламя.

— Это война, заключенная семьдесят три.

— О, я очень на это надеюсь.

Я улыбаюсь, погружая пальцы в свою горячую, сжимающуюся киску, и смотрю на него из-под полуопущенных век. Я стону, мягко и чувственно, представляя, что это его пальцы, скользкие от остатков нашего похотливого соития, проникают в меня ловкими, уверенными толчками.

В его груди зарождается рык.

— Тебе приятно?

— Угу. — Я прикусываю нижнюю губу, проникая глубже...

Глубже...

Я вытаскиваю пальцы и рисую круги вокруг своего набухшего клитора, выгнув позвоночник так, чтобы видеть себя.

Наблюдаю за своими действиями.

Я тербляю этот нежный узелок нервов, издавая короткие гортанные стоны. Пот выступает на шее, бедра раскачиваются в погоне за теплым, пульсирующим удовольствием. Сжимая пустоту.

Хочу его.

Я поднимаю голову и улыбаюсь, замечая четкие очертания его вздыбленного члена, что заставляет меня пульсировать от еще более сильной боли. На его виске вздувается вена, сухожилия на шее напрягаются, когда он наблюдает за мной с диким вниманием.

— Почему у тебя такое расстроенное лицо?

— Любая упущенная возможность поклоняться тебе — это трагедия.

Что ж.

Еще одно круговое движение. Еще одно томное погружение, которое наполняет меня жгучим удовольствием.

— Что ты сделаешь, если я позволю тебе приблизиться?

— Встану на колени между твоих ног и опущу свое лицо между бедер, — рычит он мгновенно, как будто эти слова уже были готовы сорваться с его сжатых губ. — Буду есть тебя до тех пор, пока твои бедра не начнут подрагивать, а ты не начнешь сжиматься вокруг моего языка.

Я представляю это.

Неистово хочу его.

Еще одно дразнящее движение вокруг клитора, мои бедра устремляются к нему с каждым толчком, все мое тело нагревается.

Я ускоряю темп, ноги раздвигаются.

Сознание затуманивается.

— Что потом? — Я умоляю, каждая клеточка моего тела напряжена, я на грани оргазма...

— Я бы перевернул тебя. Подложил бы подушку под твои бедра, чтобы твоя задница оказалась в воздухе. Заполнил бы тебя своими пальцами, пока мой большой палец толкался бы в тебя сзади. — Мое плечо двигается вверх-вниз, пока я погружаюсь в эту иллюзию. — Когда ты так заведешься, что все твое тело задрожит, я раздвину тебя, восхищусь тобой, а потом расколю, как яйцо.

Я вскрикиваю, прижимаю подбородок к груди, каждая мышца во мне пульсирует от неистовых волн восторга, мои хриплые стоны доносятся до него издалека. Я двигаю пальцами глубокими, отчаянными толчками — каждая мышца напряжена, затем расслабляется, когда наслаждение начинает спадать.

Смех вырывается из меня, и я качаю головой, глядя на него, выгнув бровь, моя рука тянется вверх, чтобы откинуть волосы с лица.

— Это было хорошо, — говорю я, раздвигая себя так, чтобы он мог видеть следы моего наслаждения.

Его глаза стали почти черными, челюсти стиснуты, на выпуклых мышцах проступают вены.

Он никогда не выглядел таким большим. Таким суровым.

Таким душераздирающе красивым.

Жаль, что он влюблен до смерти.

Он сглатывает, глядя на меня исподлобья.

— Ты еще не закончила, Лунный свет. Ты только *подготовилась*.

Задыхаясь, я опускаю обе ноги на землю, подол моей сорочки скользит по бедрам. Я шепчу Клод нужное слово, затем встаю, беру свою миску с фруктами и бросаю ягоду в рот.

Сладкий нектар растекается по языку.

— У меня больше нет белых флагов, мой король. — Я приближаюсь к нему, погружаясь в его пылающую атмосферу. — Они все израсходованы.

Я подхожу вплотную и кладу руку ему на грудь, его напряженные мышцы подрагивают от моего прикосновения, когда я пачкаю его своим возбуждением.

— Приятно слышать, — рычит он, в точности как окутанный тенью зверь в расцвете своих сил. — Я сожгу свой, не возражаешь?

— Пожалуйста. — Я бросаю в рот еще одну ягоду и улыбаюсь ему. — Спасибо за фрукты. Они очень, *очень* вкусные.

Я выхожу из комнаты, не оглядываясь.

Король Остерн махал вслед своим сыновьям и дочери на восходе Авроры.

Мы оба смотрели, как они исчезают вдаль, а затем двое его стражников защелкнули железные наручники на моих запястьях.

Меня втолкнули в комнату без мебели и усадили на стул. Король присел передо мной с таким видом, будто хотел меня зарезать.

Он сказал, что мое поведение недостойно будущей королевы. Что он видел, как Каан наблюдал за мной. Как вел себя рядом со мной.

Что он знал, что мы «трахались».

Он сказал мне, что Каан не годится для управления королевством, потому что владеет только двумя стихиями. Что он не достоин и никогда не будет достоин короны.

Я плюнул ему в лицо. Сказала ему, что сама выберу себе короля или вообще не стану связывать себя узами брака.

Что я отдам себя Творцам.

Он высосал весь воздух из моих легких и заставил почувствовать, что у меня ломаются ребра, а потом сказал, что заметил, как я дружна с Вейей. И что если я не свяжу себя с Тиротом, он избавит мир от маленькой сучки. Что он сообщит близнецам о поступке Каана, и они втроем выследят его, а потом отрубят ему голову. У него не будет ни единого шанса.

Я никогда не испытывала такого сильного страха.

Он сказал, что если я уеду на следующем восходе, чтобы подготовиться к церемонии связывания, то он обеспечит Слатре безопасный путь обратно в Аритию. В противном случае он оставит ее вольер открытым, пока меня будут тащить через равнины, и я буду вынуждена наблюдать, как она убивает себя, пытаясь следовать за мной домой.

Затем он подошел совсем близко и посмотрел на меня так, словно мог видеть насквозь. Сказал, что ему сообщили о моей задержке, о чем я не задумывалась до этого самого момента.

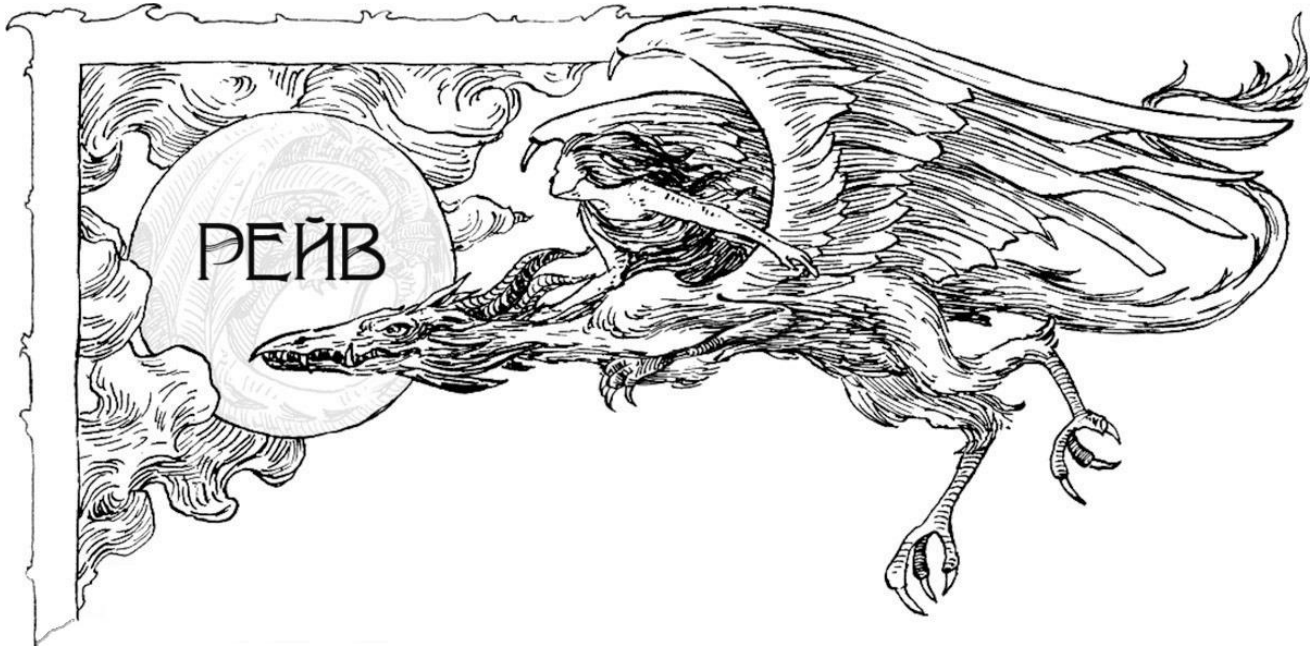
Даже не подозревала.

Он сказал, что это единственный способ дать моему малышу шанс на жизнь. Если Тирот поверит, что это он зачал ребенка, который, по-видимому, растет у меня в животе, все будет хорошо. В противном случае нам с Кааном

негде будет спрятаться, чтобы нас не нашли. Они будут преследовать нас за это грязное бесчестие, которым мы опозорили наши семьи.

Я решила, что это плата за то, что мы нашли такую великую любовь, как у Махи и Паха. Что моя жизнь тоже должна закончиться трагедией, неся на себе проклятие моей фамилии.

По животу расплывается еще один огненный след — он просачивается сквозь плоть, мышцы и кости, наполняя легкие едким запахом горелого мяса.

Я падаю на холодную каменную скамью, мышцы сводит спазмом. Кандалы впиваются в кожу.

Еще один крик грозит вырваться сквозь стиснутые зубы, но я отказываюсь издавать его, снова и снова качая головой, пока он рисует... рисует... рисует на мне пузырящиеся, вздувающиеся рубцы.

— Я знаю, что это больно... — Оранжевое пламя, привязанное к кончику пальца Короля-падалыщика, отражается в его черных глазах. — Но боль закаляет тебя, Огненный жаворонок. Благодаря ей за тобой так интересно наблюдать в ямах, и моя казна это любит. — Он движется вокруг меня, кутаясь в потрепанную ткань, очертания его костлявой короны торчат из головы, как искалеченные пальцы. — Просто помни — без этого ты не стала бы такой чудесной. Без меня.

Я слышала одни и те же слова столько раз, что и не сосчитать. Но что делает его таким особенным, что он может причинять мне боль, а я не могу сделать то же самое с ним?

Фэллон учит меня многим вещам — громким словам и вещам из большого мира, которые трудно понять, — и чем больше я узнаю, тем меньше в этом смысла. Тем больше мне хочется обхватить его шею руками и сломать. Думаю, мне бы это понравилось. Тогда мы с Фэллон сможем сбежать. Она наконец-то покажет мне луны — настоящие. А не те, что мы рисуем на потолке.

А еще она могла бы показать мне разноцветные облака, о которых всегда говорит.

Король-падалыщик превращает свое пламя в шар, который он запускает по моей ноге, обжигая меня до самых кончиков пальцев. Мышцы сводит спазмом, и я захлебываюсь криком, глядя сквозь расщелину в потолке туда, где из тени выглядывает его зверь — всегда наблюдает.

Всегда рычит.

Я представляю, как моя боль проникает в ту же расщелину и исчезает. Улетучивается, не успев укорениться, пока я напеваю в

голове мелодию. Медленную, спокойную песню, которая была со мной с самого начала.

— Когда-нибудь скоро я надену свою бронзовую корону, и тебе больше никогда не придется страдать. Я взойду на свой законный трон, а ты будешь рядом со мной, наслаждаясь трофеями своих сражений.

Еще больше огня стекает по моей голени, и я абсолютно уверена в одном — я не хочу сидеть рядом с ним. Ни сейчас. Ни когда-либо еще.

— Посмотри на меня, — рычит он, хватая меня за челюсть и поворачивая голову.

Я смотрю в эбеновые глаза, из-за жгучей боли мне трудно сосредоточиться, зрение расплывается.

Снова становится четким.

Расплывается.

Скоро ему придется остановиться. Я вот-вот потеряю сознание.

Он хмурится, изучая меня, его рука пахнет дымом и обожженной кожей.

— Почему ты никогда не отвечаешь? Я знаю, что эта маленькая сучка, которую я закинул в твою камеру, учит тебя. Может, мне стоит сжечь и ее? Чтобы тебе было о чем кричать?

— Тронь ее, и я разорву тебя посередине, а потом выверну наизнанку, — хриплю я, мои слова холодные и лишённые эмоций.

Настоящие.

Его глаза расширяются, прежде чем низкий смешок вырывается из его груди, набирая силу, пока его голова не откидывается назад.

Глубокий, раскатистый смех эхом отражается от стен.

— А вот и она, — говорит он, переводя взгляд на меня, и я осознаю свою ошибку, мое сердце замирает, когда я замечаю жестокий блеск в его глазах.

Он вызывает еще один шар пламени, который распространяется по моему бедру. Медленный, испепеляющий мазок, прожигающий слои мышц, которые целитель плоти не успеет залечить до того, как я снова окажусь в яме.

Но не это является причиной очередного крика, грозящего разорвать мое горло — даже близко нет.

— У моего Огненного жаворонка действительно есть голос, — мурлычет он, вызывая в руке еще одну вспышку пламени. Еще одно обещание боли, которое меркнет по сравнению со страхом, охватившим меня. — Просто нужна правильная мотивация.

Р е й в...

Р е й в...

Р е й в...

— РЕЙВ!

Мои глаза распахиваются, грудь наполняется криком, который я отказываюсь выпускать.

Я с шипением выдыхаю сквозь оскаленные зубы, наполняя легкие вдохами, которые никак не помогают мне очнуться от обжигающего сна — ужас все еще стелется по моей коже, запах дыма и сожженной плоти застревает в горле.

Мое зрение обретает четкость, когда я встречаюсь со взглядом суровых глаз, затененных густыми черными ресницами, и замечаю озабоченную складку между бровями Каана, которая заставляет что-то внутри меня дрогнуть.

Мне хочется поежиться.

Я толкаю его в обнаженную грудь, пытаюсь заставить его отодвинуться от меня. Когда он даже не шевелится, я толкаю его снова, на этот раз выплескивая всю свою сдерживаемую энергию в одном вулканическом слове.

— Двигайся!

Наконец он отстраняется, давая мне возможность скатиться с тюфяка и встать, запрокинув лицо к отверстию в потоке, запустив пальцы в мои мокрые от пота волосы и отбросив их с лица.

Просто сон...

Это был всего лишь сон.

— Что такое «Огненный жаворонок», Рейв?

Черт.

Я бросаюсь к дверному проему и уже наполовину спускаюсь по лестнице, когда сзади меня атакует его гневный голос.

— Что это за гребаный «Огненный жаворонок»?

— Не твое собачье дело, — огрызаюсь я, устремляясь к выходу, мне нужно погрузиться в себя и *стереть* это чувство со своей кожи.

Тяжелые шаги Каана преследуют меня по джунглям, пока я иду к Лоффу, ветер развеивает мои волосы, превращая их в черные ленты. Я вырываюсь из джунглей и выскакиваю на берег, небо затянуто темными тучами, сквозь которые пробиваются толстые лезвия солнца.

Еще через несколько шагов я уже по пояс в воде и, согнув ноги, опускаюсь под воду. Я тру лицо, руки, ноги и впервые в жизни... выпускаю на волю крик огненной бури, который прокладывает путь по моему горлу, и поднимается к поверхности пузырьками воздуха.

Крепкие руки хватают меня за плечи и тащат вверх.

Меня крутит, затягивает в бурлящую атмосферу Каана, его лицо со сжатыми губами являет собой скульптурное сочетание разрушения и ярости. Волны бьются о мою спину, пока он крепко держит меня.

— С кем ты разговаривала, Рейв?

— Мы не будем об этом говорить, — выдавливаю я сквозь прилипшие к лицу пряди мокрых волос, пытаюсь вырваться из его крепкой хватки.

Он притягивает меня к себе так близко, что я едва могу дышать, не прижимаясь грудью к его твердой, вздымающейся груди, а он смотрит на меня сверху вниз, его расплавленный взгляд прожигает меня насквозь.

— Похоже, ты питаешь иллюзии, что я побегу за любой костью, которую ты случайно бросишь в мою сторону, только потому, что ты так приказала, но это было до того, как я увидел, как все твое тело сжалось, словно тебя пытали во сне, — рычит он с такой силой, что у меня перехватывает дыхание. — А теперь, мой прекрасный, эффектный, *возмущенный* Лунный свет, давай попробуем еще раз. *С. Кем. Ты. Говорила...*

Болезненный, раздирающий уши вопль сотрясает воздух.

Мы оба поворачиваем головы к югу. Навстречу трепещущему движению, появляющемуся из брюха низкого облака, цепляющегося за округлую вершину горы.

Гудят горны — десять коротких, резких звуков, рассекающих воздух.

Я хмурюсь.

— Что это зна...

Два больших сверкающих молтенмау проносятся сквозь облако, на кончиках их хвостов, украшенных перьями, развеваются белые флаги, а их всадники облачены в серебряные доспехи, соответствующие их серым седлам.

Сердце замирает.

— Эмиссары Сумрака?

Каан остается неподвижным.

Молчит.

Еще один душераздирающий крик пронзает небо, за ним следует глубокий сигнальный звук, который потрясает меня до глубины души.

Жемчужный мунплюм ныряет сквозь тяжелые облака, белый флаг, привязанный к его лапе, развевается на ветру — его обожженные крылья пытаются поймать потоки воздуха и удержать существо от падения.

Вулканическая ярость вскипает в моей крови, когда зверь поднимает голову. Он широко разевает пасть и издает еще один пронзительный вопль.

Мой взгляд прикован к его прекрасной, блестящей плоти, покрытой волдырями.

Внутри меня наступает мертвая тишина, легкие сжимаются, клин боли, о котором я и не подозревала, что он застрял в моей груди, становится все шире...

Шире.

Зверь падает в сторону городского вольера, и у меня сводит живот, когда я вижу седло, прикрепленное к нему. Белокурого всадника, прижавшегося к спине бедного дракона.

Рекк Жарос...

Каан заводит руку мне за голову и прижимает мое лицо к своей мокрой груди, закрывая от меня вид на истерзанного мунплюма. словно он хочет защитить меня от этого ужасного зрелища. Но оно уже отпечаталось в моем мозгу, как нарыв, который вздувается... вздувается...

И обречен на то, чтобы *лопнуть*.

Еще один болезненный вопль, и Каан чертыхается себе под нос, а каждая клеточка моего тела теперь охвачена пронзительной яростью. Зрение становится тоннельным, разум цепенеет, мстительная змея скользит по моей груди, обвиваясь вокруг ребер, заставляя мое каменное сердце биться медленно и ровно.

Обещание мести щекочет кончики пальцев...

Я сдеру кожу с его тела. Выколю ему глаза. Вырву зубы — один за другим. И так же неторопливо выдерну его ногти.

Он.

Гребаный.

Покойник.

Я отталкиваю Каана и выхожу из воды, мир вокруг меня растворяется в небытии. Я едва ощущаю хруст подлеска под моими босыми ногами. Едва чувствую прохладные каменные ступени, когда направляюсь к нашей спальне — отдаленный звук *чего-то*, режущего за спиной, едва задевает мое сознание.

Все, что существует, — это неуемная, пульсирующая жажда крови Рекка на моих руках. *Важно* лишь то, как именно все это будет происходить. Это все равно что сесть за стол, чтобы отведать десять красиво поданных блюд, каждое из которых состоит из множества ингредиентов.

Я хватаю свой прозрачный солнцезащитный плащ, просовываю руки в рукава и затягиваю пояс на талии. Перевернув тюфяк, я открываю тайник с оружием, купленным в «Изогнутом пере». Я надеваю бандольер и ножны, подхватываю идеальный ряд клинков, которые я тщательно уложила, представляя, как каждое острое лезвие вонзится в тело Рекка.

Мои руки быстрые как молния, я набиваю ножны до отказа, лезвие за лезвием, представляя, как они вонзаются в челюсть Рекка.

В его ухо.

Вспарывают его от подбородка до пупка.

Он — грязное пятно на этом мире, и я уничтожу его. Медленно.

Болезненно.

Я засовываю ноги в ботинки, туго зашнуровываю их, засовываю клинки по бокам, а затем поворачиваюсь, направляясь к двери. Земля сотрясается, и

это единственное предупреждение, которое я получаю, прежде чем перед выходом падает кусок камня, препятствуя моему бегству, и комната наполняется ветром, проникающим снаружи.

Нахмурившись, я поднимаю взгляд к небу, туда, где неровная дыра в потолке пропускает густой поток солнечного света на мой недавно отремонтированный перевернутый тюфяк. Я снова смотрю на кусок упавшего камня, прекрасные, сложные изображения, вырезанные на нем, теперь расколоты, а мелкие кусочки разбросаны по земле.

Мое внимание переключается на Каана, который стоит у края тюфяка, скрестив руки на груди, и смотрит на меня потемневшими глазами.

— Ты сломал мою стену.

— *Нашу* стену, — выдавливая он из себя. — И мне нужно было как-то привлечь твоё внимание. — Его взгляд опускается к моей груди и бедрам, затем снова поднимается. — Что ты делаешь?

Я оглядываю себя и понимаю, что выгляжу как птица от количества лезвий, которыми я увешана. Я едва помню, как держала в руках большинство из них.

— Собираюсь поохотиться, — говорю я, поднимая глаза и встречая его мрачный взгляд. — Любой, кто так обращается с животным, заслуживает быть испепеленным. Без всяких угрызений совести. А теперь убери камень. — Проходит мгновение, прежде чем я вспоминаю о манерах. — *Пожалуйста.*

Я могла бы попытаться отодвинуть его сама, но, скорее всего, я только создам ещё больший беспорядок. Я не хочу выставлять себя душой перед королем Пекла, который, как известно, может строить и разрушать города несколькими словами.

Нет, спасибо.

Проходит слишком много времени, прежде чем Каан говорит:

— У него белый флаг, Лунный свет.

— Я могу это исправить. — Я достаю из бандольера клинок и перебираю его между пальцами. — К тому времени, как я закончу, он станет красным.

Красным, как волосы Эсси.

Красным, как цвет рубцов на теле его зверя.

Красным, как кровь, которую он высекал из моего тела.

Каан наблюдает за мной с кошачьей расчетливостью, словно оценивает поле боя, пытаясь выработать наилучшее направление атаки.

— Если этот всадник окажется мертвым у меня на пороге, начнется война с его покровителем.

Мое сердце бешено колотится, ребра трещат, а верхняя губа оскаливается, демонстрируя клыки.

— Любой, кто нанял этого монстра, тоже заслуживает смерти.

Такой же медленной.

Такой же мучительной.

— Согласен. Но сейчас не время для этого. Он путешествует с двумя эмиссарами Сумрака, которые не проявили такой же жестокости по отношению к своим молтенмау. Ты собираешься убить и их? — спрашивает он, склонив голову набок. — Потому что, если ты этого не сделаешь, поползут слухи, что эмиссар был убит на земле Пекла — отличный повод для моих братьев примчаться через Болтанские равнины и развязать войну, которой они ждут с тех пор, как я убил нашего Паха.

Я открываю рот, закрываю его, затем сжимаю руки в кулаки так сильно, что рукоять моего железного кинжала впивается в ладонь.

— Так что ты хочешь, чтобы я сделала?

Его глаза смягчаются, а мои, как мне кажется, наоборот.

— Как бы мне ни было неприятно это говорить, — бормочет он, слишком медленно, слишком успокаивающе, — мне нужно, чтобы ты опустила свои клинки. Я уйду и поговорю с всадниками. Выясню, чего они хотят.

Я скрежещу зубами так сильно, что ощущаю вкус крови, и хищная энергия, бурлящая под кожей, грозит разорвать меня.

— Ты не собираешься его убивать?

Если он заберет у меня это убийство, я стану настолько невыносимой, что ему придется вычеркнуть меня из этого мира.

— Нет, — говорит он, в его голосе звучит раскаяние. — Мне жаль...

— Обещаешь, что не сделаешь этого?

Между его бровей пролегает едва заметная морщинка.

— Я... обещаю, что не убью этого мужчину. Даю слово.

Хорошо.

Кивнув, я убираю кинжал обратно в ножны, а кипящая жажда крови, бурлящая в моих венах, утихает.

Я знаю, где он.

Я смогу выследить его, как только он улетит отсюда.

Это знание хоть немного, но облегчает зуд в кончиках пальцев.

Повернувшись, я начинаю вынимать кинжалы из ножен и снова укладывать их на каменное основание тюфяка. Я освобождаюсь от бандольера, а затем расстегиваю ножны.

— Я могу быть уверен, что ты останешься здесь, Рейв?

Я оглядываюсь через плечо на Каана — он все еще стоит на том же месте. Все еще наблюдает за мной с беспощадной пристальностью.

— Я не собираюсь убивать его на твоей земле, Каан. Теперь, когда я все поняла, я не буду подвергать твой народ опасности. Обещаю.

— Это не ответ на мой вопрос.

Нет.

Я поворачиваюсь, скрещиваю руки на груди, и мы смотрим друг другу в глаза — наши позы совпадают, между нами возникает напряжение, которое ощутимо настолько, что может расколоть землю.

Дважды он открывает рот, чтобы заговорить, но затем сжимает зубы. Наконец он прищелкивает языком, поднимает с земли свою тунику Великого шторма, хватает корону и отдает приказ, который сдвигает в сторону прекрасный сломанный кусок камня.

Не сказав больше ни слова и не взглянув в мою сторону, он уходит.

В сопровождении шести вооруженных стражников я пробираюсь сквозь неравномерные лучи солнечного света, проникающие в коридор Цитадели, над нами висит мертвая тишина.

— Вольер двадцать семь?

— Да, сир. Остальные эмиссары расположились на двенадцатой платформе. Они уже разошлись и находятся под охраной, пока вы не будете готовы их принять. Мунплюм просто забила в первую попавшуюся тень, вместо того чтобы слушать зрителей.

— Да уж, я ее не виню, — бормочу я, когда мы сворачиваем за угол и чуть не налетаем на двух солдат, которые тут же отступают к стене и прижимают кулаки к груди.

— *Hagh, aten dah.*

— Кто-нибудь узнал имя всадника мунплюма? — спрашиваю я.

— Рекк Жарос, сир. — Я перевожу взгляд на Бруна, стоящего слева от меня, его суровые глаза встречаются с моими. — Охотник за головами. Его хорошо знают в южных королевствах.

— О, я слышал о нем.

Уверен, что Рейв откусила фалангу его пальца. Жаль, что она не успела перегрызть ему горло. Судя по ее реакции, я бы сказал, что она чувствует себя примерно так же.

— У кого-нибудь есть железные наручники?

— У меня, — говорит Колет справа от меня.

Хорошо.

Еще один пронзительный рев разносится по Цитадели, уничтожая мое самообладание.

Я стискиваю зубы, ускоряю шаг и взбегаю по лестнице. Двое стражников, охраняющих двери наверху, распахивают их, как только видят нас, открывая плоскую площадку из потрескавшегося камня, достаточно большую для того, чтобы на него мог сесть почти любой зверь, из трещин растут редкие медные кусты.

Одна из самых ранних хижин, несколько изолированная. Удаленная от остальных.

Редко используется.

Я смотрю на массивную посадочную площадку в форме почки, выдолбленную в отвесной скале, на восточную сторону которой льется поток солнечного света. Другая половина погружена в тень, и в данный момент ее занимает дрожащая самка мунплюма Рекка, вжимающаяся в каменную стену в попытке уклониться от солнечных лучей. Рекк все еще сидит в седле.

Я не удивлен, что она расстроена. Испугана.

Из-за того, что грозовые тучи быстро рассеиваются, наступает плотная, влажная жара, которой это существо не способно противостоять, и нет надежды на то, что солнечный свет ослабнет и позволит ему безболезненно перебраться к затененному входу в нору с другой стороны.

— Творцы, — бормочу я, рассматривая существо. На ее морде — черная маска, закрывающая глаза и защищающая от ослепления, но это не помогло остальному ее телу. Ее кожа покрыта пузырями и волдырями, кровь и гной вытекают из множества ран от солнечных лучей и размазываются по камню, когда она сворачивается в комок.

Фигура, которая слишком напоминает мне Слатру, застывшую в той же позе глубоко под моими покоем.

Сердце колотится, когда я разглядываю ее сожженные крылья, едва способные ловить воздух, и удивляюсь, как она вообще сюда добралась.

Смотрители приближаются к раненному зверю, выкрикивая команды, чтобы она вышла из тени и перебралась в нору. Ее шелковистый хвост хлещет по земле, угрожая сбросить их с обрыва, и некоторые успевают отпрыгнуть в сторону как раз вовремя, чтобы уклониться от своей участи.

— *Beuid eh vobanth ahn... defun dah*, — кричит Рекк, обращаясь к Булдеру, который прорезает паутину трещин в камне прямо под зверем. Он пытается вытолкнуть беднягу из тени.

Но вместо того, чтобы убраться с нетвердой земли, измученная мунплюм сворачивается в еще более тугой клубок, едва не придавив Рекка к скале своей спиной в попытке избежать солнца.

Нахмурившись, Рекк вдавливая шпоры своих ботинок в окровавленные дыры на седельном покрывале.

— Шевелись, тупая сука!

Мунплюм наклоняет голову, издавая еще один низкий, жалобный стон, который разрывает мои гребаные сердечные струны.

— Ждите здесь, — рычу я своей охране и устремляюсь вперед.

В воздухе раздается глухой удар, и огромная, более хищная форма ярости нарастает у меня под ребрами, падая в бурлящий котел моего собственного неистового гнева.

Держась на безопасном расстоянии от изодранного хвоста мунплюма, я подаю сигнал зрителям убираться, останавливаясь в поле зрения Рекка и скрепчиваю руки на груди, чтобы скрыть сжатые кулаки.

Он встречается со мной взглядом и открывает рот, чтобы заговорить снова, сухожилия на его шее натягиваются от напряжения, необходимого для языка Булдера.

— Сделай это. Устрой еще одну трещину в моей земле. Я с удовольствием заполню ее твоими останками.

Он стискивает зубы, уголки его рта изгибаются. Он издает медленный, леденящий кровь смешок, который обрывается в тот момент, когда в поле зрения появляется Райган.

Массивные крылья рассекают воздух, когда он парит над посадочной площадкой, излучая сокрушительную силу, каждая часть его тела, за исключением сильно заросшей шипами головы, принимает участие в движении. Из его раздутых ноздрей вырываются струйки дыма, пылающие глаза прищурены на Рекке — теперь он неподвижен, его мунплюм такая

маленькая и хрупкая по сравнению с моим громадным саберсайтом. Такая сломанная и связанная.

Она издает еще один жалобный стон, на этот раз более тихий.

Более болезненный.

Из груди Райгана вырывается низкий рык, его губы оскаливаются, между клыками мерцает пламя. Его желание рвануть вперед и сорвать Рекка с седла пронизывает нашу связь, заставляя каждую мышцу в моем теле чувствовать себя так, словно она воюет сама с собой.

— Прикажи своему зверю отступить, — рычит Рекк, бросая на меня панический взгляд, от которого я получаю слишком большое удовольствие, ощущая на языке привкус дыма в сочетании со сладким нектаром его страха.

— Вытащи свои шпоры из шкуры этого мунплюма, спустись с седла, и я подумаю.

— Имперский урод, — бормочет он себе под нос, вероятно, думая, что я его не слышу. Как ребенок, который закатывает истерику из-за того, что ему указывают, что делать.

Его слова — пыль на моих ботинках, но его действия — гребаные камни.

И снова мой взгляд падает на эти кровавые раны на шкуре его мунплюма...

— Как *прикажет* Его Императорское Высочество, — говорит Рекк, затем перекидывает ногу и спускается по короткой веревке, черная плеть намотана у его бедра, его взгляд устремлен на моего парящего зверя, когда он спрыгивает вниз и бросается ко мне. С впечатляющим всплеском силы мунплюм наклоняет свою голову вперед, чуть не задевая пятки Рекка.

С резким шипением он отскакивает в сторону и тянется за своим хлыстом.

— Ударь этого дракона, и я привяжу тебя к столбу и выпорю, — ругаюсь я.

Его рука замирает на рукоятке.

— Две угрозы и ни одного официального приветствия. У меня белый флаг, сир.

У меня возникает искушение засунуть его ему в задницу, а потом доставить Рейв. Но королевство.

Правила.

— Хорошо осведомлен. Но мы не одобряем жестокое обращение с животными в этом королевстве. Ты разорвал связь со зверем. Это твоя вина.

— Мне просто придется отхлестать ее позже, — рычит он себе под нос, бросив еще один взгляд через плечо на связанное существо.

Как будто он думает, что я позволю этому случиться.

— Прикажи своим зрителям вернуться сюда и доставить Лири в вольер, чтобы она могла подкрепиться и отдохнуть, — приказывает Рекк, и в его тоне звучат имперские нотки, заставляющие меня поднять брови. — Мне также понадобятся услуги вашей целительницы плоти, чтобы подлатать ее крылья.

Я смотрю на светящегося зверя — покрытую волдырями, спрятавшую голову под раненым крылом. Она выглядит так, словно через мгновение затвердеет прямо здесь, на посадочной площадке.

Райган не отрывает взгляда от Рекка, из его раздутых ноздрей все еще валит дым, а из его груди в мою бьет огромная, пульсирующая *мольба*.

Одно слово — и он бросится вперед и схватит мужчину. Раздавит его в кровавую кашу.

Никогда еще сдержанность не была столь мучительной.

— Я распоряжусь, чтобы ей принесли все необходимое, пока я не найду кого-то с синей бусиной, достаточно сильного, чтобы переместить облако, — выдавливаю я из себя, пока он разворачивает кожаный кисет с курительными палочками. — Я также позову целительницу. К сожалению, она присутствовала

на праздновании Великого шторма в соседней деревне. Ей потребуется некоторое время, чтобы добраться сюда.

Неправда. Бея в отъезде, но Агни здесь. Я пошлю кого-нибудь разбудить ее, как только покину эту посадочную площадку, но ему это знать необязательно.

— Судя по тому, как мунплюм свернулась, вряд ли у нее есть время ждать. Но мы сделаем для нее все возможное. Устроим ее поудобнее.

Рекк фыркает, бросая на меня злобный взгляд из-под светлых бровей, выхватывает из кисета курительную палочку и засовывает ее в рот.

— Ну, для меня это чертовски бесполезно, не так ли? — бормочет он, не отрывая губ от туго свернутого пергамента.

Я не отвечаю.

— Так что же мне делать? — спрашивает он, широко раскинув руки, как будто это я виноват в том, что он оказался в таком затруднительном положении.

— Когда придет время уезжать, я могу организовать тебе перевозчика до Сумрака, — выдавливаю я из себя. — Ты можешь попытаться счастья в Боггите в поисках зверя, более подходящего для твоих... *нужд.*

— Отлично, — усмехается он, бросая взгляд через плечо на бедное дрожащее существо, которое испуганно замирает, оскаливается и рычит на него. — Теперь она — твоя обуза. Она глупая, дикая сука, от которой больше проблем, чем пользы. Мой совет? Лучше бы ее разделили на куски и бросили в твои кормушки.

— Твой совет значит для меня меньше, чем мазок дерьма колка на ботинке, — говорю я спокойным тоном.

Рекк смеется и склоняет голову набок, его острые черты лица резко выделяются на фоне выжженной местности.

Глядя на меня из-под изогнутых бровей, он убирает кожаный кисет обратно в карман и достает вельд, используя язычок пламени, чтобы поджечь конец своей палочки. Он делает глубокую затяжку и выпускает струю дыма, который клубится вокруг его лица.

— Ты собираешься отозвать своего зверя или я войду в историю как мужчина, разжегший войну между Тенью и Пеклом?

Значит Тирот — его покровитель...

Интересно.

— Nach te nei, Rygun.

Мой дракон качает головой, недовольство прокатывается по нашей связи, как поток лавы. Он набирает воздух в грудь, прежде чем взречься, и затем с такой силой взмахивает крыльями, что порыв ветра обрушивается на посадочную площадку, вздымая пыль и дым.

Он взмывает в воздух по широкой дуге, продолжая смотреть на Рекка, пока проносится по небу, издает еще один пронзительный рев, затем складывает крылья и исчезает из виду.

Рекк подносит палочку к губам, затягивается и выпускает в мою сторону струйку дыма.

— Здесь уютно.

Мои глаза прищуриваются.

— У тебя хватило наглости притащить в мое королевство мунплюма без стихиаля с голубой бусиной.

Тон моего голоса говорит все, о чем молчат слова: если бы у его зверя не было этого изодранного белого флага, я бы прибил его к деревянному столбу на эспланаде. Пусть солнце обжигает и покрывает волдырями его кожу, пока она не отвалится от костей. Потом я освободил бы Рейв. Уселся бы в первый ряд и

наблюдал, как она кроваво расправляется с тем, что осталось от этого уroda, а потом отрезает ему голову и бросает ее Райгану в качестве закуски.

Он пожимает плечами.

— Лири не настолько сильна, чтобы нести двух всадников, а с приближением Великого шторма большая часть поголовья Гора покинула его, — говорит он с язвительной улыбкой, снова затягиваясь курительной палочкой.

Другими словами, он не собирался ждать. Он поставил благополучие своего зверя ниже собственных эгоистичных прихотей, ожидая, что мы все исправим, когда он доберется до места.

Мои мышцы вздуваются, сухожилия натягиваются, пока я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься вперед и не сорвать его голову с плеч — к черту обещания и войны.

Он снова затягивается сигаретой, и я замечаю, что на другой руке у него перчатка.

Я киваю на нее подбородком.

— Значит, это правда.

— Что именно?

— Один из членов «Восставших» откусил кончик твоего пальца.

— Откусила. Я еще не нашел руни, достаточно талантливого, чтобы устранить причиненный ущерб. — Он снимает перчатку, чтобы похвастаться затянувшимся обручком, и рассматривает его со всех сторон. — Она тоже была дикой сукой.

Мои руки сжимаются в кулаки так сильно, что хрустят костяшки пальцев.

— Я слышал, что твой зверь был поблизости во время ее казни. Что он отпихнул пару молтенмау с дороги, чтобы снять ее с кола. — Он смотрит на меня прищурившись — взгляд, который пробирает меня до костей.

У меня внутри все переворачивается от одной мысли, что этот урод имеет хоть малейшее представление о том, что произошло в том Колизее.

— У него получилось. Не могу винить зверя за то, что ему нравится вкус фейри, — вру я, угрожающе ухмыляясь.

— Ага.

— Скажи мне, Рекк Жарос, почему ты осквернил мою землю своим присутствием?

— Я охочусь на кое-кого. — Склонив голову набок, он снова затягивается. — Принцесса пропала сразу после представления. Ее Пах отправил меня на ее розыски.

Я чуть не смеюсь.

Конечно, отправил.

Все знают, что этот мужчина на протяжении многих фаз висит над Кизари, как липкая тень, отчаянно пытаясь добиться ее расположения. Только *Тирот* мог использовать это как предлог, чтобы найти свою драгоценную дочь, которая никак не перестает ускользать из клетки, в которой он держал ее слишком долго.

— Что ж, — бормочу я, глядя на него исподлобья, — утешайся тем, что если бы она была *моей* дочерью, я бы сделал все, что в моих силах, чтобы держать ее как можно дальше от тебя.

Он недовольно фыркает и делает еще одну шипящую затяжку, прежде чем стряхнуть пепел.

— Я устал от разговоров. Как насчет того, чтобы прогуляться в свои покои и смыть с члена шлюху, которую ты натягивал последней, пока я прочесываю город, а?

Я размышляю о последствиях выкалывания одного глазного яблока. Возможно, политически я смогу обойти это, но Рейв — совсем другое дело...

Думаю, она разочаруется во мне, а это последнее, чего я хочу.

— Ищи сколько хочешь, но Кизари ты здесь не найдешь. И ты не будешь рыскать по моему городу без железных наручников и сопровождения охраны, — говорю я, жестом указывая на своих стражников, выстроившихся у входа в Имперскую Цитадель, каждый из которых может похвастаться красными, прозрачными или коричневыми бусинами в бороде или волосах. — Я тоже буду сопровождать тебя. Уверен, ты понимаешь.

— Конечно, — выдавливают он из себя, бросая окурок на землю, и угольки шипят, как умирающая змея, пока я не раздавливаю их каблуком. — А мои седельные сумки?

— Их доставят в твои временные покои, где ты будешь находиться под наблюдением каждую секунду на протяжении всего времени, пока остаешься осквернять мое королевство своим мерзким присутствием.

Он протягивает руки, садистская улыбка кривит его губы, когда Колет подходит с наручниками и защелкивает их на его запястьях, фиксируя их на месте.

— Ты оказываешь такую честь всем, кто посещает твою Цитадель?

Я возвращаю ему улыбку, оскалившись во всю длину своих клыков.

— Только тем, кого я чертовски ненавижу.

Я наматываю круги вокруг тюфяка, сжимаю руки в кулаки, разжимаю их. Сжимаю снова. Энергия хлещет по коже, как хлыст с металлическим наконечником, разрушая мою решимость с каждым ударом.

Я разминаю шею из стороны в сторону. Тру лицо. Провожу руками по волосам.

Белый флаг.

Белый флаг.

Гребаный белый флаг.

Еще один болезненный вопль пронзает мое сердце, сменяясь вспышкой.

Видение поражает меня, как удар.

Бледная, покрытая волдырями кожа. Сгоревшие крылья. Молочно-белые, невидящие глаза...

Глубокий стон вырывается из моего горла.

Я оказываюсь в джунглях прежде, чем успеваю обдумать это болезненное воспоминание. Перепрыгиваю через каменную стену, прежде чем замечаю, что на моем горле затягивается удушающая петля. Пока бегу вверх по эспланаде, я остро ощущаю тяжесть, навалившуюся на грудь и сдавливающую ребра.

Город спит, и это заставляет меня задуматься о времени, пока я поднимаюсь по дорожке, петляющей между терракотовыми домами, увитыми бронзовыми лианами, их чернильные цветы покачиваются на ветру, встречая солнечные лучи, которые согревают мою спину.

Райган кружит в воздухе, нарезая большие круги, которые постоянно возвращаются к далекому уступу, куда, как я видела, упал раненый мунплум.

Никогда раньше я не видела, чтобы он так себя вел...

Земля под моими ботинками становится все более неровной по мере того, как я поднимаюсь на большую высоту, глубоко вдыхая душный, сладко пахнущий воздух, и направляюсь к отвесной скале впереди.

Тупик.

Я расшнуровываю ботинки, прячу их за кустом, прижавшимся к одному из сложенных из валунов домов, упираюсь руками в камень, и смотрю вверх. Райган снова проносится над изолированной посадочной площадкой далеко вверху, как будто охраняет ее.

Нахмурившись, я держусь пальцами за выступы, нахожу надежную опору для ног и подтягиваюсь, поднимаясь по склону утеса, стиснув зубы. Ветер треплет мои волосы и развеивает плащ, пока я карабкаюсь, двигаясь быстро и ловко.

С самообладанием и целеустремленностью.

Еще один жалобный стон, полный боли затихает в небытии, сменяясь очередной ослепительной вспышкой:

Я сижу на спине яркого пернатого зверя, летящего по небу, гнетущая жара давит на меня, а крики разрывают горло.

Позади меня в воздухе покачивается окровавленный, покрытый волдырями мунплум, привязанный к хвосту, лучи золотого света отражаются в ее больших блестящих глазах, которые не приспособлены для того, чтобы смотреть на солнце. Они потеряли свой блеск, а затем потускнели до темно-серого цвета.

Светло-серого.

Становятся все бледнее.

Видение вспарывает мою грудь прямо посередине, берет в руку мое сердце и сжимает его в кулак.

Я соскальзываю, взмахиваю рукой и хватаюсь за корень дерева, торчащий из скалы.

Болтаясь в воздухе, я не могу стереть остатки видения из своего сознания, петля на моем горле затягивается все туже.

Кажется, что весь свет уходит из моего окружения, а удушающие нити видения пронизывают мой разум, словно пылающие ленты обжигающего солнечного света.

Огромная ревущая тень проносится мимо меня, обдавая лицо порывом ветра.

Я судорожно вздыхаю, и мой взгляд, наконец, отрывается от моих болтающихся ног, останавливаясь на городе, окруженном скалами далеко внизу. Я моргаю, чтобы отогнать дымку, и сердце замирает, когда я оцениваю потенциальное падение, которое только и ждет, чтобы утащить меня в свою гибельную пустоту.

Черт.

Снова мимо проносится Райган, шипастый кончик его огромного крыла рассекает воздух так близко от меня, что я уверена — это не случайность.

— Хватит суетиться! — кричу я ему, запрокидывая голову и неуверенно хватаясь за непрочный корень, затем бормочу себе под нос. — Я в порядке...

Я протягиваю руку вперед и хватаюсь за выступ, нахожу точку опоры и переношу свой вес обратно на камень, сбрасывая болезненное воспоминание на берег моего ледяного озера, где я смогу разобраться с ним позже.

Когда я не буду подниматься по скале.

Я цепляюсь за камень, затем ослабляю хватку на корне и продолжаю подъем, перекидывая руку через край, когда достигаю вершины. Я хлопаю ладонью по площадке и подтягиваюсь, устремив взгляд влево, в мрачную темноту вольера. Выбравшись на ровную землю, я оглядываюсь через плечо и вижу, что Райган все еще кружит в небе позади меня, наблюдая за происходящим издалека.

Все еще *суетится* на расстоянии.

Вздохнув, я крадусь к норе и останавливаюсь у куска черной сетчатой ткани, достаточно большого, чтобы в него мог поместиться дракон, — он выглядит так, будто его рвали когтями.

Я приседаю и провожу пальцами по прозрачной ткани, похожей на ту, которой Каан велел мне закрыть лицо, пока я летела на спине Райгана.

Дрожь пробегает по моей спине, что-то внутри меня сжимается. Привлекает внимание.

Я замираю.

Поворачиваюсь.

У меня кровь стынет при виде свернувшегося мунплюма, дрожащего в тени на другой стороне посадочной площадки и излучающего тусклый свет.

Леденящий душу скорбный вопль угрожает вырваться откуда-то из-под ребер, пока я осматриваю покрытую рубцами шкуру дракона, клочья обгоревшей плоти свисают с загривка. Огромные дыры прожгли изящный размах его переливающихся крыльев.

Сквозь одну из этих рваных ран на меня смотрит блестящий шар, от которого у меня перехватывает дыхание и трепещут истертые сердечные струны.

Трещина в груди расширяется, в горле набухает ком, который трудно проглотить, пока я изучаю раненое существо — размером с четверть луны Слатры. Я разглядываю шрамы под стремянами. Следы крови, вытекающие из глубоких, открытых ран.

Мои колени слабеют, моя кипящая, брызжущая слюной ярость уступает место лентам ледяной печали, которые обвиваются вокруг моих хрупких ребер и пробирают меня до глубины души.

Кто-то подкатил к дракону тележку с кусками мяса, но, похоже, она не тронута. То же самое можно сказать и о медном корыте с водой, которое до сих пор наполнено до краев, а его поверхность покрывается рябью от каждого гулкового вздоха существа.

В небе раздается *грохот*, и я вдыхаю сладкий аромат приближающегося дождя, одинокая капля проносится мимо моего уха. Разбивается о землю.

Небо плачет по тебе...

— У меня они тоже есть, — шепчу я, и мунплюм моргает.

Я сглатываю набухающий комок в горле и изучаю ее рубцы, продвигаясь на шаг вперед.

Еще один.

— Ты не видишь моих, — говорю я, переступая через паутину тонких трещин в земле. — Больше нет.

Я обнажаю свою правду, как обугленный скелет, который вытащила на берег своего ледяного озера, и бросила на камень рядом с этим прекрасным, сломанным существом.

Я делаю еще один шаг к дрожащему зверю.

Еще один.

— Боль... она никогда не проходит. Неважно, как хорошо ты притворяешься.

Мой голос срывается на последнем слове, от воспоминаний о собственной горячей плоти перехватывает дыхание, словно легкие наполнились сажей. Внутри все сжимается, мышцы под языком покалывает от прилива тошноты.

— Раньше я верила, что Творцы за что-то наказывают меня.

Я придвигаюсь ближе, капли дождя падают на мои плечи и стекают по коже, напоминая о вспышке прошлого, которое настигло меня на скале и едва не привело к смерти. Зазубренное лезвие вонзается мне в грудь, когда я погружаюсь внутрь себя, поднимая воспоминание с обсидианового берега и помещаю его туда, где оно должно быть.

В моей груди, где я смогу чувствовать его всегда.

Вечность.

— Думаю, это может быть правдой, — всхлипываю я, чувствуя, что комок в горле становится все больше с каждым неуверенным шагом к зверю, который

все еще смотрит на меня. Она словно изучает меня, взвешивает мои слова, мои действия. Она нюхает воздух, возможно, втягивая в свои легкие мой запах.

— Кажется, я подвела своего мунплюма, Слатру, много фаз назад, — признаю я с пронзительной уверенностью, словно наконец-то вскрыла занозу в руке, которая глубоко засела, а плоть вокруг нее распухла.

Загноилась.

Признание... оно кажется правильным.

Таким душераздирающе правильным.

Еще одна слеза скатывается по моей щеке, а небо продолжает плакать. Когда я подхожу к дрожащему зверю достаточно близко, чтобы положить руку на нетронутый участок холодной кожи...

Глухой удар отдается в моем позвоночнике, словно кто-то вырвал костяной остов из моего тела, ударил его о камень, а затем вернул обратно.

Этот резкий, пронизывающий до костей холод... Он как *дом*.

Существо моргает, и в моем мозгу поселяется истина, глубокая и жаждающая.

Уязвимая.

Правда, пугающая и внезапная одновременно.

— Мне кажется, мы с тобой должны были найти друг друга, — шепчу я, вглядываясь в мерцающие сферы мунплюма, и еще одна слеза скатывается по моей щеке. Обещание вонзается между загрубевшими шрамами моего сердца, словно шип, выпрямляя мой позвоночник. Укрепляя мои кости.

Мою решимость.

Словно ледяное солнце только что поднялось над горизонтом в моей груди и наполнило легкие первым полным вдохом, который я сделала с тех пор, как очнулась в этой странной, чуждой реальности боли.

— Никто и никогда *больше* не причинит тебе вреда.

Сквозь вход в пещеру едва пробивается свет, а снаружи грохочет буря. Тяжелые тучи закрыли солнце на достаточное время, чтобы три зрителя помогли мне затащить мунплюма в темную нору.

Они сказали мне, что ее зовут Лири. Судя по длине усиков, свисающих с ее подбородка, она еще не достигла подросткового возраста, но даже для него она слишком маленькая. Она и выглядит соответствующе, свернувшись калачиком посреди высокой пещеры. Тонкая петля из переплетающихся рун окружает нас, создавая прохладную атмосферу, от которой каждое мое тихое слово вылетает с белым облачком воздуха.

Я провожу рукой по широкому изгибу носа Лири, ее кожа ощущается как ледяное прикосновение к моей ладони, и это успокаивает что-то внутри меня.

Она обдаёт мою ногу холодным, рокошущим дыханием, веки грозят сомкнуться над ее печальными глазами, а мой взгляд мечется между ней и целительницей плоти Имперской Цитадели.

— Этот будет больно, — говорит Агни, и ее слова звучат приглушенно из-за плотной ткани, обвязанный вокруг ее головы, чтобы сохранить тепло.

Она сидит рядом с одним из полураскрытых крыльев Лири, рисуя предварительный контур рун вокруг зияющей дыры в самой большой части мембраны, залитой сиянием, исходящим от шкуры Лири.

Она бросает на меня сомневающийся взгляд.

— Это чувствительное место, и разрыв...

— Большой.

Она кивает.

— Одним наложением рун можно исцелить много плоти, но я не хотела бы повторять процесс более одного раза в этом месте. Так что... мы попробуем.

Я достаю из-за спины жесткий пучок травы горси, отламываю несколько стеблей, чтобы выпустить успокаивающий запах, и прижимаю его к бедру — прямо перед левой ноздрей Лири. Проведя рукой между ее глаз, я киваю Агни.

Она опускает острый кончик своей палочки в банку, бросает взгляд на Лири, затем склоняет голову и начинает выводить руны.

Веки Лири приоткрываются, верхняя губа оскаливается над клыками, а глаза прищуриваются на Агни. Длинные мускулы на ее длинной шее вздуваются, сухожилия напрягаются, словно она решает, стоит ли ей повернуть голову и *огрызнуться*.

Агни замирает, не сводя взгляда с рычащего зверя.

— *Hais te na veil de nel, Liri.* — Я разламываю еще несколько веточек травы горси, смачиваю ладони в молочном соке и растираю по ее морде. — *Hais te na veil... catkin de nei.*

Мышцы Лири расслабляются, верхняя губа перестает подрагивать, ноздри опадают. Она обдувает меня холодным дыханием, и я даю сигнал продолжать.

— Ты говоришь на южном языке? — спрашивает Агни, возвращаясь к своему кропотливому занятию.

Все еще поглаживая морду Лири, я поднимаю глаза.

— Нет, насколько я знаю.

Она смотрит на меня.

— Ты сейчас на нем говорила. Моя мама была эмиссаром. Она должна была знать этот язык, потому что некоторые фейри к югу от стены предпочитают говорить только на нем. Особенно в некоторых общинах к югу от Аритии.

Хм.

Я не задумывалась над словами, которые вылетали из моего рта — просто произносила их.

— Я говорила на нем свободно?

Агни кивает, снова обмакивает палочку в настойку и мягко улыбается мне.

— Как будто ты уже давно на нем говоришь. Ты много времени провела в Тени? Что ты можешь вспомнить?

Что ты можешь вспомнить.

Мои мысли устремляются вниз по винтовой лестнице под покоем Каана в пещеру со светящимся ледяным надгробием, тяжесть которого я внезапно ощущаю под ребрами.

Оно тяготит меня.

Я позволяю молчанию повиснуть между нами, набирая в ладони еще травы горси, чтобы смазать нос Лири. Агни прочищает горло и продолжает вычерчивать руны, ее веки, кажется, становятся такими же тяжелыми, как и у ее пациентки.

Это не удивительно. Она работает без остановки с тех пор, как попала сюда, почти целый цикл Авроры, в течение которого никто из нас не спал и даже почти не ел. Все это время бушевала буря, раскалывая небо на светящиеся осколки и грохоча, как загнанный в клетку зверь. Словно Рейн переполнена зубодробительным гневом — такой же шторм бушует в моей грудной клетке.

Но я внимательна.

Нехарактерно, мучительно *терпелива*.

Пещера содрогается от оглушительного грохота. Сотрясается сам воздух, которым мы дышим, когда Агни завершает петлю. Она убирает руки, и мы обе замираем, глядя на то, как в рваном отверстии появляется свет — она затягивается.

Появляется новая плоть.

— Пожалуйста, пусть этого будет достаточно, — бормочет Агни, держа в руках палочку для травления, пока отверстие уменьшается с невероятной скоростью. — *Пожалуйста...*

Отверстие полностью закрывается.

Лицо Агни искажается, словно что-то вонзилось ей в нутро.

— Ты в поря...

Ее глаза закатываются, и она падает набок, стекло разлетается вдребезги от сильного удара ее головы о землю.

Черт.

Я разворачиваюсь и, обогнув затягивающееся крыло Лири, бросаюсь к Агни, рухнувшей бесчувственной кучей.

— Агни? Черт. — Я приседаю рядом с ней, прижимая ее к своей груди.

Ее веки трепещут.

— Я потеряла сознание, да?

— Да, — бурчу я, проводя рукой по шишке на ее лбу. — Тебе нужно поспать.

— Мне нужно поспать, — передразнивает она, позволяя мне помочь ей подняться на ноги.

— Я провожу тебя обратно в Цитадель.

— Я в порядке, — заверяет она, слабо улыбаясь мне, а затем поднимается и, морщась, трогает шишку. — Это не первый раз, когда я прихожу в себя с яйцом на голове.

Я подумываю рассказать ей о том, как пришла в себя с остатками пальца Рекка между зубами, чтобы хоть немного скрасить настроение, но решаю промолчать.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она кивает, ее тусклый взгляд падает на инструменты и настойки — одни разбиты, другие разбросаны по земле. Она вздыхает.

— Что за чертов бардак, Творцы.

— Я разберусь с этим. А ты иди отдыхай. — Я опускаюсь на колени и собираю разбросанные флаконы, закупориваю некоторые, делаю все, что в моих силах, чтобы сохранить непролитое содержимое.

— Мне ужасно жаль, что я не могу работать быстрее, Рейв...

— Ты облегчаешь ее дискомфорт ценой собственного здоровья и благополучия. Не извиняйся. Иди. Поешь. Восполни силы. Я буду здесь, когда ты вернешься.

— Просто... — Нахмурившись, я поднимаю глаза и вижу, как ее взгляд скользит по моим рукам и ногам, а в глазах стоят слезы. — Любой, кто прошел через этот процесс, знает, как это больно, и я понимаю, что ее страдания... тебе тяжело переносить.

Смысл ее слов проникает под кожу, заставляя мой пульс учащенно биться.

Я прочищаю горло и несу закупоренные флаконы к столу, который мы установили в дальнем конце пещеры, где, не поднимая головы, начинаю расставлять их по местам.

— Нам не нужно говорить о...

— Для меня ты сияешь гораздо ярче, чем Лири...

Я вздыхаю, упираюсь руками в стол и смотрю на стену. За всю свою жизнь я не встретила ни одного фейри, наделенного драконьим зрением. Теперь же, менее чем за шестьдесят подъемов, я встретила двоих.

Они должны быть благословенно *редки*.

— Я не хочу, чтобы король знал, — говорю я, поворачиваясь к ней.

— Вейя сказала то же самое, когда я заговорила с ней об этом. Со мной твой секрет в безопасности. Я просто...

— И у меня нет желания говорить об этом. Никакого. Со мной не нужно нянчиться, Агни, хотя я ценю твои чувства. Все, что мне нужно, — это чтобы ты немного отдохнула, пока снова не потеряла сознание.

Она резко закрывает рот, ее щеки вспыхивают.

— Конечно. — Опустив голову, она направляется к выходу из пещеры и ступает в туманную завесу дождя.

— Творцы, — бормочу я, качая головой.

Я направляюсь к Лири, ее взгляд из-под тяжелых век следит за каждым моим движением, она моргает, трепещет тонкими светлыми ресницами.

Такой контраст с ее темными, бездонными глазами.

Я останавливаюсь перед ней, окунаясь в холодное дуновение ее мягкого, гулко выдыха. Проводя рукой взад-вперед по ее округлому носу, я восхищаюсь уникальной текстурой ее кожи — она похожа на смятый бархат с гладкой поверхностью, испещренный паутиной мелких складок.

Ее узкие ноздри трепещут, и она фыркает на меня, а усики с кисточками, свисающие с ее подбородка, распушаются, когда я провожу рукой у нее между глаз. Из ее горла вырывается урчание, и улыбка приподнимает уголок моих губ.

— Что ты не хочешь, чтобы я знал, Рейв?

Несмотря на то, что от неожиданности сердце гулко ударяется о ребра, я сохраняю невозмутимое выражение лица.

Бесстрастное.

Тяжелые шаги раздаются позади меня, и каждый волосок на моем затылке поднимается, когда я понимаю, как близко он находится, его запах окружает меня, как успокаивающее одеяло, в которое какая-то часть меня отчаянно хочет завернуться.

Не обращая внимания на его вопрос, я протягиваю руку вперед, беру один из усиков Лири и пропускаю между пальцев. Ее урчание смягчается до громкого мурлыканья, которое переходит в более долгие и томные звуки, когда ее дыхание становится глубоким и ровным.

Медленно я отстраняюсь. Осторожно.

Тихо.

Она даже не шевелится, когда я тихонько встаю, покидая холодные объятия руны, стараясь не потревожить светящиеся рисунки, нанесенные на камень.

Я направляюсь к входу в пещеру, и гулкие шаги Каана следуют за мной.

Я подхожу к стене воды и останавливаюсь, скрестив руки. Я смотрю на ливень и не удивляюсь, когда вижу Райгана, свернувшегося калачиком на площадке, хотя он едва помещается на ней. Один угольный глаз с ленивым любопытством смотрит на вход в пещеру, в то время как он издает долгие, тяжелые вздохи.

— Смотрители подтвердили, что Лири принадлежала Рекку Жаросу, — говорю я холодным, спокойным тоном. Уверенным.

В нем нет и намека на ярость, кипящую у меня под ребрами, словно огненный смерч.

Я провела весь прошлый цикл Авроры, слушая, как воет мунплум, когда она была вынуждена заново переживать жгучую боль от каждой кровоточащей раны, нанесенной ей этим ублюдком, и есть только одно средство от этой закипающей ярости.

Одно.

— Они также сообщили мне, что он разыскивает пропавшую принцессу Тени. Это правда?

— Так и есть, — рычит Каан прямо у моего левого уха. Наступает долгая пауза, а затем он продолжает. — Этот мужчина сделал нечто большее, чем просто... поймал тебя в Горе.

Такой опасный, колючий вопрос, переданный мне как только что заточенное оружие, и я достаточно осмотрительна, чтобы обращаться с ним осторожно. С предельной точностью.

— Верно.

Он подходит так близко, что я погружаюсь в плотную ауру тепла его тела, а по спине прокатывается дрожь, несмотря на его желанное тепло.

— Не хочешь ли ты поделиться со мной, Лунный свет?

Мои мысли возвращаются к копне рыжих волос, запаху крови, мягкой бледной коже, которая была слишком холодной, когда я прижалась к ней губами и прошептала горькое — прощай...

— Он забрал у меня кое-кого, — выдавливаю я из себя.

— Кого?

В его голосе звучит угроза.

Жгучая, свирепая угроза.

Я сглатываю, борясь с желанием выпустить еще одну волну насилия, его электрическая ярость питает дикую часть меня, жаждущую освобождения.

— Того, кого я любила.

Повисает тяжелая тишина, и я чувствую, как его мысли стучат, словно валуны, сталкивающиеся друг с другом.

— Это он тебя выпорол?

Слова — это пылающие угли, слишком горячие, чтобы с ними справиться. Дайте им хоть один шанс вспыхнуть, и они все испепелят.

Я оставляю их без внимания. Не трогаю и не подбрасываю дров. Даже не признаю их существование.

Я поверила Каану, когда он сказал, что не убьет Рекка, понимая политические последствия, если он причинит ему вред на земле Пекла. Я также верю, что есть грань, за которой заканчивается его самоконтроль. Я чувствую эту грань, как чувствую его, стоящего за моей спиной. Сильный, горячий мужчина, в котором кипит едва сдерживаемая ярость.

Иногда лучше оставить что-то недосказанным.

— Как долго он будет рыскать по городу в сопровождении охраны?

— Возможно, еще несколько циклов. Он дотошен. Я подозреваю, что эмиссары моего брата приехали сюда скорее для того, чтобы оценить наши военные силы, чем для поисков его пропавшей дочери, поэтому я арестовал их в гостевых покоях.

На мгновение небо пререзает вспышка молнии.

— Ты знаешь, куда он планирует отправиться после того, как закончит здесь?

— Я обыскал его седельные сумки после того, как их сняли с Лири.

Когда он больше ничего не говорит, я поворачиваюсь и смотрю в задумчивые глаза, которые видят так много.

Слишком много.

Его руки скрещены на груди, рукава черной туники закатаны до локтей, волосы собраны на затылке в такой свободный пучок, что пряди свисают ему на лицо. Он — воплощение безудержной силы, свирепый, мощный. С его зверем у меня за спиной и этим крупным, непроницаемым мужчиной впереди я должна чувствовать себя маленькой.

Но я не чувствую.

С ним я чувствую себя огромной. Даже могущественной. И, возможно, он прав.

Во мне зреет что-то *большое*. Что-то чудовищное. Я не хочу быть здесь, когда оно вырвется наружу.

— Ну?

Решимость смягчает его взгляд.

— Он возвращается в Гор, чтобы найти зацепку. Большинство драконов не могут летать так долго и так далеко, как Райган, так что они, скорее всего, остановятся в Овадхане, чтобы пополнить припасы, а потом еще раз в Ботайме.

— Город, который находится на границе между Сумраком и Пеплом?

— Верно. Нейтральная территория. Там находится Цитадель Совета Трех.

Я киваю, глаза теряют фокус, разум запоминает. Прокладывает путь.

Соединяет точки.

Нейтральная земля.

Я возвращаю свое внимание к Каану и открываю рот.

— Я подготовлю все необходимое к твоему отъезду, как только Лири поправится, и постараюсь задержать Рекка в Домме до тех пор, пока ты не покинешь город.

Слова застревают у меня на языке, когда теплый росток знания пробивается между ребрами.

Он отпускает меня, а не подрезает мне крылья и не рассказывает о веских причинах, по которым я не должна этого делать. Вместо того чтобы сказать мне, что мы так и не поговорили, или потребовать, чтобы он отправился со мной, чтобы убедиться, что я не вычеркну его из памяти.

Вместо того чтобы сковать меня каким-либо образом, в какой-либо форме или виде... *он снова дает мне свободу выбора.*

У меня становится тяжело в груди от осознания чего-то слишком сложного, чтобы я могла размышлять об этом прямо сейчас, когда у меня от нетерпения подрагивают ноги, кружатся мысли и жажда крови лижет кончики пальцев.

Я понимаю, почему Эллюин любила этого мужчину всем сердцем...

Он приобнимает меня рукой за поясницу, прижимает к груди, теплые губы касаются виска.

— Вернись ко мне, Рейв. К нам.

А потом он уходит.

В этот дей мы покинули Домм вместе с грозовой тучей, достаточно большой, чтобы обезопасить перелет Слатры по равнинам. Вокруг тюфяка Каана порхал пергаментный жаворонок, дожидаясь его возвращения. В нем говорилось, что мне было приятно провести с ним время, но Тирот — гораздо более перспективный отец и все, что мне нужно, для здорового потомства и поддержания моей родовой линии. Для сохранения нашей семейной способности защищать Эфирный камень.

Никогда еще я не чувствовала себя так мерзко. Я была так потрясена этой ядовитой ложью, что, я уверена, мое сердце превратилось в камень.

Каан никогда не узнает, что он для меня — все. Что я готова пасть, просто чтобы посмотреть, как он летит.

Он может никогда не узнать, что малыши, которого я ношу, — его, и что меня терзает страх, что я не проживу достаточно долго, чтобы найти способ все исправить.

Пах считал меня замечательной, и когда-то я верила в это.

Теперь же мне невыносимо смотреть на собственное отвратительное лицо.

БОТАЙМ

Я опускаюсь на барный стул, и «Бархатные объятия» оживают от свиста и барабанов маленькой группы, расположившейся на табуретах в углу печально известного трактира Ботайма. Это проходное место, где заключаются сделки и действует нейтралитет.

Никогда не знаешь, кого здесь встретишь. Или с чем столкнешься.

Именно поэтому мне здесь нравится.

Я обвожу взглядом помещение, неровный потолок которого поддерживают каменные столбы, напоминающие мне скальных троллей. Светильники торчат из стены, как металлические когти, заливая пространство бронзовым светом, который компенсирует множество темных углов, в которых любят трахаться.

Еще одна причина, почему мне здесь нравится.

Нет ничего лучше, чем горячая еда и хорошее шоу, чтобы создать мне настроение полизать киску и пролить кровь.

Двое моих сопровождающих усаживаются на пустые табуреты справа от меня, снимают свои серебристые плащи и вешают их на стойку. Слева от меня мужчина, за спиной которого я путешествую, он едва помещается на своем табурете — грудь у него бочкообразная, ноги и руки размером со стволы деревьев. Коричневая бусина свисает с одной из косичек его черной жесткой бороды.

Террос. Достойный парень. Немного молчаливый, но мне это нравится. Нет ничего хуже, чем чувствовать, что тебе нужно разговаривать с придурком, который везет тебя через все королевство за спиной, как гребаную шлюшку.

Принюхиваясь, я улавливаю стойкий аромат пепельного мускуса, пропитавший мой плащ. Запах дракона, который мне приглянулся.

Трудно устоять. Большой молтенмау Терроса прекрасно проявил себя во время нашего долгого путешествия из столицы Пекла. Он ни разу не вскинул голову и не пожаловался.

В отличие от одичавшей шавки, которую я оставил в Домме.

Лири не могла перемещаться на большие расстояния. Не могла летать дальше Ботайма без чертовой маски и не корчиться от солнца. Мунплюмы

должны быть быстрыми, хитрыми и губительными для своих противников, но от Лири я получил только плохое отношение и скверный характер. Сука.

Чертовски рад, что избавился от нее.

Я буду еще больше рад, когда очарую Брууса — сильного, выносливого самца. У него густое рыжее оперение, способное уберечь и от южной прохлады, и от северных лучей, и он станет моим, как только я перережу горло Терросу.

Но сначала я позволю мужчине из Домма последний раз поесть. Позволю ему взять одну из знаменитых шлюх «Бархатных объятий» и погрузится в сон, от которого он никогда не проснется. Если я чему-то и научился благодаря регулярным поркам Паха, так это тому, что манеры чертовски важны.

Террос искоса смотрит на меня, приподнимая темную бровь.

— Голоден?

Он кивает.

— Хорошо. Это за мой счет. — Я делаю знак официантке, чтобы привлечь ее внимание. — Две медовухи, два стейка из колка, толстые, на косточке, и с гарниром из канита. — Я наклоняюсь ближе к Терросу и понижаю тон, спрашивая: — Какую прожарку ты любишь?

— Чтобы еще блеяло, — хмыкнул он.

— Мило. — Я достаю из своей записки курительную палочку, а затем сообщаю подробности официантке с похотливыми глазами. — Я также хочу, чтобы в мою комнату прислали шлюху. Голубые глаза. — Я достаю из кармана небольшой мешочек с кровавым камнем и высыпаю его на стойку. — И я хочу, чтобы рядом никого не было, когда я заставляю сучку визжать. Не хочу, чтобы кто-то слышал.

— Конечно. — Она сметает мешочек со стола и опускает в карман, затем подает нам медовуху и исчезает через заднюю дверь.

Мы вчетвером сидим в тишине и пьем, пока я наблюдаю, как мужчина ласкает пальцами стонущую шлюху, перекинувшуюся через барную стойку, ее сиськи покачиваются от каждого грубого толчка его руки.

Так и тянет подрочить свой твердеющий член, пока я затагиваюсь палочкой, пуская в потолок колечки дыма, слушая голодные стоны и разговоры окружающих. Пытаясь найти информацию о местонахождении принцессы Кизари.

Она знает, что я люблю охотиться. Что я *живу* этим. Я пришел к выводу, что именно поэтому она решила отдать себя в руки Творцов.

Поэтому она решила *сбежать*.

Когда я найду ее, я дам ей именно то, чего она хочет, но отказывается признавать.

Меня.

Официантка ставит перед нами с Терросом тарелки, наполненные жареным мясом колка, от которых исходит густой, ароматный пар. Я нарезаю свою порцию на кусочки жирной розовой мякоти, и, добавив немного корня канита, стону от удовольствия.

— Вкусно, правда? — спрашиваю я, глядя на Терроса.

Он что-то бормочет, запихивая в рот еще один кусок, и жует, уставившись в стену.

Угрюмый ублюдок. Даже спасибо не сказал. Он что, не знает, что хорошие манеры важны?

Может, я все-таки заставляю его помучиться? Немного выпорю его.

Я доедаю, осушаю кружку, а затем засовываю пятую курительную палочку в рот и встаю с табурета.

— Я иду спать.

— А разве мы не собирались сначала обменяться информацией? — спрашивает один из аритийцев, хмурясь на меня. Наверное, злится, что я не угостил их едой.

Я покупаю еду только тем, кого собираюсь зарезать, так что ему повезло.

— Информацией? — спрашиваю я, прикидываясь дурачком.

— Да. — Он бросает острый взгляд в сторону Терроса, который все еще поглощает свою еду, делая вид, что не слушает, что его не просили отчитаться, когда он вернется в Домм. — Раз уж мы... ну, знаешь, *разделились*.

Поскольку их ждут в Аритии с любой информацией о военных силах Домма. Информацию они не собрали, поскольку все это время были заперты в своих покоях под охраной стражников.

Я пожимаю плечами.

— Не моя вина, что вы потерпели неудачу.

Его лицо бледнеет.

У меня одна задача — найти принцессу. Этим я и занимаюсь. Их проблемы меня не касаются, бесполезные убудки.

— У меня есть теплый рот, который ждет меня в моей комнате, так что, если ты не хочешь упасть на колени и подавиться моим членом, пока я буду рассказывать тебе все, что ты хочешь знать, можешь проявить гребаное терпение. — Я хватаю плащ и ключ у официантки, которая подходит, чтобы убрать мою тарелку. — Мы сделаем это на восходе, прежде чем расстанемся.

Если мне будет до этого, конечно.

Я распахиваю дверь, и улыбка расплывается по моему лицу, когда я вижу красивую задницу, разжигающую большой камин в задней части комнаты.

Теплое удовлетворение разливается по моему телу при виде того, что она одета в обрывки кружев, виднеющихся сквозь темно-зеленую накидку, а ее черные волосы собраны в хвост на макушке. У нее длинные ноги, округлые бедра, узкая талия — в ней есть соблазнительная элегантность, которая устремляется прямо к моему твердеющему члену.

— Черт, — рычу я, захлопывая за собой дверь и бросая на пол плащ и перчатки. Я шагаю вперед, поднимая свободные пряди волос с ее изящной шеи, обхватываю рукой ее затылок и крепко сжимаю.

Идеальный захват.

Я дергаю за край плаща, стягивая его с ее бледных плеч.

— Ну разве ты не *прелесть*? — Стону я, расстегивая кожаные штаны. Я протягиваю руку и сжимаю в кулаке свой твердый член медленными, тугими движениями.

Девушка как раз в моем вкусе.

Она засовывает металлическую кочергу поглубже в пламя, заставляя поленья трещать и шипеть.

— Знаешь, — произносит она мягким голосом, от которого кровь еще больше приливает к моим чреслам, — я не очень люблю огонь.

Странно говорить это мужчине, который только что купил твое тело на сон.

— Почему?

Она издает тихий мурлыкающий звук.

— Возможно, это как-то связано с тем временем, которое я провела в ямах.

— Боевых ямах?

— Угу.

А-а-а, ролевая игра. Не то, что я заказывал, но хрен с ним. Я подыграю.

— Каких? — спрашиваю я, снимая плащ с ее другого плеча и чувствуя, как он падает на пол у наших ног.

— Ямы Хиндарда...

Я усмехаюсь, прижимаясь к ее теплому телу.

— Милая, из этих ям никто не выбирается живым. В этом и заключается половина удовольствия. — Я провожу кончиком пальца по ее позвоночнику. — Если только ты не хочешь сказать, что ты — Огненный жаворонок.

На этот раз моя усмешка сопровождается ее собственным заливистым смехом.

— *Glei te ah no veirie*, — шепчет она, и у меня перехватывает дыхание, когда она взмахивает рукой.

Что-то острое вонзается мне в бедро, прежде чем она бросает деревянную ручку в огонь, выпуская сноп искр, а внутри меня воцаряется леденящая, обнуляющая тишина.

Что.

За.

Черт.

Я отшатываюсь назад, сжимая горло, моя грудь дергается в попытке сделать вдох. Другая рука опускается на бедро и находит теплую, влажную жидкость, вытекающую из раны, пальцы поднимаются вверх, чтобы я мог увидеть...

Кровь.

Эта сука проткнула меня *железным штырем*.

Я тянусь к кинжалам, засунутым в бандольер, нахожу оба пустыми и поднимаю глаза в тот момент, когда она бросает их в огонь.

Мои легкие сжимаются так сильно, что я уверен, что они вот-вот разорвутся, когда вся кровь отливает от моего лица, а осознание происходящего бьет меня под дых.

Она нашла меня. Эта сука, блядь, *выследила* меня.

Спотыкаясь, я подхожу к двери, цепляюсь пальцами за место, где должна быть ручка, но там лишь чертова дыра. Я просовываю пальцы и отдергиваю их, когда они натываются на что-то острое.

Лезвия.

Сука!

Мои выпученные глаза грозят вылезти из орбит, когда я стучу по двери окровавленным кулаком.

Воздух смещается вправо, и что-то бьет меня по виску, вспышка острой боли пронзает череп...

Отключаюсь.

Иная сидит на Рекке Жаросе, изучает его с нескрываемым любопытством и размышляет, с чего ей начать. Какую часть его тела ей следует сжечь первой.

Непростое решение, учитывая, что у него так много всего, с чем можно поиграть. И целый сон, чтобы повеселиться.

Кончики ее пальцев покалывает от предвкушения кровавой расправы...

Она берется за его левое запястье, проверяя, что кандалы закреплены на нем так же надежно, как и на стойке тюфяка, затем повторяет процесс с другой его рукой и обеими ногами, все это время размышляя о тишине внутри себя. Ни малейшего проблеска присутствия.

Та, кого она любит, не так-то легко провалилась в водяную нору. Она боролась, наносила удары, пиналась и кричала, но затихла только когда Иная заключила ее в ледяную могилу.

Чтобы защитить ее.

Этого Рекка должна постигнуть участь, подобная той, что он уготовил своему дракону, и ее драгоценная Рейв не выдержала бы. Несмотря на то, что она ведет себя свирепо и невосприимчиво к боли, это происходит главным образом потому, что она сбрасывает свои причиняющие боль чувства вниз, под лед, чтобы собрать их, как надгробные камни, в логове Иной.

Иная понимает потерю, смерть и боль иначе, чем Рейв, которая в ее глазах всего лишь птенец. Но Рейв будет расти. Адаптироваться. Научится *принимать*, а значит, и завоевывать — если будет открыта для этого.

Но сначала...

Другая шлепает Рекка по щеке, возможно, слишком сильно, так как его голова так быстро откидывается в сторону, что шея почти ломается, чуть не портя все удовольствие.

Он стонет, открывая глаза — голубые, как ледники в Тени. Ностальгический цвет, который не подходит его мерзкому лицу.

Неважно. Она избавит его от них.

Его зрачки сужаются, а лицо приобретает тошнотворный серый оттенок.

На лице Иной расплывается язвительная улыбка.

Рекк дергается, поднимая бедра, пытаясь столкнуть ее, и снова и снова кричит:

— *Noar heg!*

Она не может быть уверена, но ей кажется, что он пытается сказать «Ты труп» через материал, который она засунула ему в рот.

Иная не возражает.

Строго говоря, он не ошибся.

Она отталкивается и со звериной грацией направляется к огню, хватается за конец кочерги, раскалившейся в пламени, и тыкает в угли, которые отражаются в ее черных, сверкающих глазах. Она вытаскивает ее, и пространство наполняется паническими визгливыми звуками Рекка, который дергается и борется с кандалами на своих руках.

Затем он замирает, глядя на острый наконечник металлического инструмента, пылающий жарким сиянием.

Она подходит к нему широкими шагами.

— Знаешь, я видела, что ты сделал с мунплюмом, — размышляет она, снова забираясь на тюфяк. — Я слышала, как она *выла*. — Она подносит раскаленную кочергу к его левому глазу, обжигая ресницы и наполняя воздух сильным запахом горящих волос.

Его налитые кровью глаза наполняются слезами.

Иная прищелкивает языком, отводя инструмент в сторону.

— Но ты защитил ее глаза, не так ли? Это было мило.

Маленькая милость, которой не удостоилась она *сама* много циклов назад.

— Я разберусь с ними по-другому.

Она опускает раскаленную кочергу на его обнаженную грудь и проводит неровную линию.

Рекк вопит, его приглушенные крики боли превращаются в хриплое мычание, сухожилия напрягаются. Он начинает дрожать под ней — в комнате стоит такой сильный запах жареной плоти, что Иная понимает, насколько она голодна. Не то чтобы она собиралась его съесть.

Нет.

Рейв испытала сильное отвращение, когда узнала, что Иная отгрызла палец этому мужчине, и Иная некоторое время размышляла, не стоит ли ей быть более внимательной к тому, как она использует податливое, драгоценное тело своей хозяйки.

Съесть этого Рекка — это, пожалуй, слишком. Жаль, учитывая, как вкусно пахнет его жареная плоть...

Нет.

Нельзя.

Подавив естественные порывы, Иная убирает кочергу от шипящей плоти.

— Хотя ты, возможно, и не понял страдальческих звуков Лири, я поняла.

Его глаза вылезают из орбит, и он смотрит на Иную как на сумасшедшую, его ноздри раздуваются, а грудь вздымается в такт паническим вздохам.

— Тебе не повезло, — усмехается она, склонив голову набок, — я здесь, чтобы показать тебе, что *именно* она чувствовала.

Едкий запах его мочи наполняет комнату.

Она оставляет еще один обжигающий след на его груди, спускаясь вниз по напряженному животу. Рекк дергается все сильнее и сильнее — яростное, первобытное удовлетворение превращает черты лица Иное в выражение дикого ликования.

— Затем я воспользуюсь *твоими* металлическими шпорами, чтобы проделать дырки по всему твоему телу, а потом высеку то, что от тебя останется, тем инструментом для порки, который ты таскаешь с собой.

Еще один стон, когда она вонзает кочергу глубже... *глубже*... затем отбрасывает ее. Он с грохотом катится по каменному полу и останавливается у стены.

Рекк задыхается, его безумный взгляд мечется по комнате, словно он ищет что-то, что поможет ему выбраться из этого затруднительного положения. К несчастью для него, та, которую она любит, тщательно подготовилась. Впечатляюще тщательно.

Здесь нет ничего, что могло бы его спасти.

— *Vaghth*, — шепчет Иная и встречается с ним взглядом.

Она слышит, как учащенно бьется его сердце. *Питается* его удивлением, когда язычок пламени вырывается из открытого камина и опускается на ее ладонь.

Она почти слышит биение его мыслей, без сомнения, вызванных тем фактом, что она владеет тремя стихиями, а не только Клод и Булдером, как он видел в Подземном городе.

Он не знает о Рейн. Не знает, что на самом деле их *четыре*. Не знает и та, кого она любит — Иная постаралась впитать в себя обжигающую мелодию Игноса, чтобы она не раздражала ее сильного, но нежного носителя.

Пока она не будет готова.

Она наклоняет голову, движение плавное и животное.

— Знаешь ли ты, *Рекк Жарос*, что чувствует мунплюм, когда его обжигают суровые лучи солнца?

Он качает головой и хнычет, его взгляд мечется между огнем в руке и ее злобной ухмылкой.

— Немного похоже на это, — усмехается она, а затем рисует на его лице пламенем.

Здесь царит холод, который пробирает до мозга костей.

Я виню в этом тот факт, что не привыкла к этому. Что я родилась и выросла к северу от стены. Бросьте меня среди бескрайних снежных равнин, бушующих бурь и дыхания, от которого, кажется, замерзают легкие, и я внезапно начну сомневаться в каждом жизненном решении, которое привело меня сюда, к этому моменту — к прогулке по черным залам великого императорского дворца Аритии, облаченной в серебристое одеяние служанки.

Длинная струящаяся юбка шуршит при каждом шаге, простая блузка застегнута на все пуговицы до самого подбородка, где она переходит в меховой воротник, сочетающийся с опушками на запястьях. Не так уж много слоев, чтобы бороться с этим пронизывающим до костей холодом.

Огромные размеры дворца поражают воображение, здание врезано в склон зубчатой заснеженной горы, словно копья из обсидиана, выпущенные из земли, тянутся к многочисленным округлым лунам, гнездящимся в небе. Вся Арития залита причудливым жемчужным сиянием, проникающим сквозь многочисленные окна этого призрачного дворца. Окон так много, что с каждым поворотом вверх по обсидиановой лестнице передо мной открывается новый вид сквозь стекла, похожие на разбитые ледники, сделанные из тысяч осколков всех оттенков голубого, серебристого и белого.

Я поднимаюсь все выше и выше по отполированным до блеска лестницам, юбка шуршит у меня за спиной. Не знаю, зачем я *поднимаюсь*.

Наверное, что-то в моем нутре. Не то, чтобы я хотела оставаться здесь дольше, чем необходимо.

Войти.

Забрать дневник.

Убраться к чертовой матери.

Подойдя к декоративному зеркалу на стене, я останавливаюсь, заправляю пряди светлых волос за заостренные уши, проверяю свои резкие, красивые черты и голубые глаза на наличие трещин в моей имитации внешности — так странно видеть себя *такой*.

Действительно, очень странно.

Серебряный браслет, изменяющий внешность, тяжело повисает на запястье, пока я поправляю несколько прядей. Браслет со скрытым шипом,

которым я уколола палец и себе, и женщине, которая сейчас лежит связанная, с кляпом во рту и без сознания в шкафу в помещении для прислуги на первом этаже. С подушкой под головой — потому что я такая милая.

Жаль, что я не догадалась спросить у бедняжки дорогу, прежде чем вырубить ее. Этот дворец — настоящий лабиринт, у каждого дверного проема стоят суровые, закованные в серебряные латы стражники, известные как Торны⁶, а в коридорах постоянно снуют служанки с безучастными лицами, следящие за тем, чтобы все острые грани были идеально отполированы.

Это похоже на сверкающий трофей, которым Тирот явно *очень* гордится. Черт возьми.

Темноволосая женщина в таком же одеянии спускается по лестнице, сверкая серебром, и ее глаза расширяются, когда она замечает меня.

— Айда? — Она бросает взгляд через плечо, и ее следующие слова звучат как тихое шипение. — Ты не должна находиться здесь.

Айда.

Похоже, так меня зовут. Приятно познакомиться.

Она замедляет шаг и хмурится.

— Ты в порядке? Что ты делаешь?

Ищу древний дневник Эллюин Рейв Неван, надеясь, что он не сгнил где-нибудь в стене.

— Ну, видишь ли...

— Ты уже поднималась?

К такому вопросу я точно не была готова. Начинаю думать, что, возможно, я уколола не ту горничную...

— Нет?

Ее глаза чуть не вылезают из орбит.

— Тебя ждут в покоях короля *прямо сейчас*.

Мое сердце замирает.

На самом деле, именно туда мне и нужно.

— Я заплутала, — говорю я, неловко улыбаясь. — Я плохо спала. И вообще, — я потираю висок, — я вдруг запуталась в уровнях. Кажется, я сбилась с пути где-то внизу...

Она берет меня за руку и тащит дальше по лестнице, мимо двух Торнов,двигающихся нам навстречу, прежде чем она наклоняется ко мне и говорит тихим тоном.

— Мы на одиннадцатом. Тебе нужно подняться еще на двадцать три.

— Конечно. Я издаю тихий смешок, похожий на тот, который слышала от настоящей Айды, когда я следила за ней в недрах дворца, прямо перед тем, как вырубила ее.

— Какая я глупая.

Женщина достает из кармана своего фартука шелковистую метелку для вытирания пыли и сжимает мою руку вокруг холодной рукоятки.

— Тебе нужно хотя бы выглядеть полезной, пока ты идешь туда, иначе другие женщины во дворце начнут болтать, а это ему очень не понравится. Ты же знаешь, какой он.

Да. Я *знаю*, какой он.

Гребаный.

Садистский.

Ублюдок.

Я снова улыбаюсь ей.

— Спасибо. Я оставила свою... где-то.

---

⁶ Thorns - переводится как Шипы.

Бормоча что-то себе под нос, она отходит, а затем поворачивается и начинает спускаться дальше вниз по лестнице, исчезая из виду.

Я продолжаю подниматься по извилистой лестнице, которая, кажется, тянется все выше и выше, изо всех сил стараясь считать уровни. Легче сказать, чем сделать, поскольку пролеты все разные. На некоторых лестница петляет в воздухе просторных атриумов, словно черная загогулина, — атмосфера пропитана сладким, пьянящим запахом распустившихся цветов, склонивших свои светящиеся головки к окнам.

Я выхожу на уровень с высоким потолком, испещренным серебряными нитями, и величественной двустворчатой дверью прямо передо мной, которую охраняют два отряда Торнов, их наплечники вздымаются заостренными пиками. Серебряные шлемы закрывают большую часть их лиц, а крылья, расходящиеся по бокам, подчеркивают заостренные кончики ушей.

Каждый из них держит длинный железный меч острием вниз, обе руки обхватывают рукоять. Мечи чуть ли не длиннее *меня*.

При виде двери у меня перехватывает дыхание, что-то внутри моего мозга шевелится, как червяк, которого я никак не могу ухватить и рассмотреть.

Даже если бы не такое количество охраны, я почему-то уверена, что это то самое место.

Именно в этой спальне умерла Эллиун.

Мой взгляд мечется от охранника к охраннику.

— Мне нужно... протереть пыль, — говорю я, взмахивая метелкой.

Никто из них даже не смотрит в мою сторону, хотя один поднимает бровь.

Верно.

Разрешение идти.

Прочистив горло, я делаю шаг вперед, когда дверь распаивается, выпуская знакомый пепельный запах.

Сердце подпрыгивает к горлу.

Я делаю шаг, опуская голову.

Замираю.

Парализованная.

В поле моего зрения попадает серебряный ботинок с шипами, и я оказываюсь в раскаленной атмосфере Тирота Вейгора. Сердце колотится.

Мысли путаются.

Уверена, что он смотрит на меня с едва скрываемой яростью в глазах, словно я жук, которого он хочет сжечь. Уверена, что сейчас он оформит свои калечащие мысли в слова, которые своими чудовищными кулаками сдавят мне горло. Я буду чувствовать себя маленькой, слабой и такой чертовски молчаливой — мой язык станет слишком неповоротливым, чтобы говорить.

Наступает долгое молчание, и я замечаю, что одна моя дрожащая рука сжимает метелку, а другая тянется к кинжалу, который я засунула в глубокий карман своей юбки.

— Ты опоздала, Айда.

Чужое имя режет слух. Напоминает, что я не сестра Тирота — по крайней мере, в данный момент. Я не та, кто отнял у него мать. Которую он *ненавидит* еще с тех пор, когда я была слишком мала, чтобы ненавидеть его в ответ.

Или даже понять.

Я заставляю свои пальцы ослабить хватку на оружии, которое обещала не использовать, вытаскиваю руку из кармана и сжимаю в кулак ткань юбки.

— Прошу прощения, сир. — Я опускаюсь ниже, желая, чтобы мое сердце перестало колотиться так сильно. — Я проспала. Больше такого не повторится.

У меня перехватывает дыхание, когда его пальцы сжимают мой подбородок, заставляя меня посмотреть в его жестокие, беспощадные глаза.

Один зеленый, как у Махи. Второй — абсолютно черный, прямо как бездна его гниющей души.

Его черные волосы наполовину собраны сзади, а остальные свободно свисают вокруг плеч, доходя до локтей. Его борода, как всегда, украшена тройкой бусин.

Прозрачная.

Коричневая.

Красная.

Он крупнее, чем я помню, — на две головы выше меня и почти такой же широкий в плечах, как Каан, — в его облике чувствуется едва скрываемый хаос, контрастирующий с его безупречным серебристым одеянием.

— Что ж. Приятно, что ты наконец появилась, — говорит он с тем пронзительным спокойствием, которое всегда заставляло меня представить себя истекающей кровью от ножевой раны, о которой я и не подозревала. — Скажи мне, Айда. Ты думаешь, что вынашивание моего бастарда дает тебе определенные... привилегии?

Мой разум пустеет так быстро, что, кажется, земля уходит из-под ног. Как будто весь дворец только что оторвался от зубчатого горного ландшафта и теперь раскачивается из стороны в сторону, пытаясь решить, в каком направлении ему падать.

И что мне на это ответить?

— У меня есть ребенок. Наследница, какой бы неуправляемой она ни была, — выдавливая он из себя, как будто у него на языке вертится огненный шар разочарования. — Мне не нужен еще один, и моя терпимость к твоему состоянию исчезнет, как только ты перестанешь быть полезной.

Мои внутренности завязываются в узел, слова застревают в распухом горле.

— Я... Конечно, сир. Прошу прощения. И благодарю вас.

— За что?

— За вашу терпимость.

Определенно, я выбрала не ту служанку.

Между его бровей пролегает морщина, но она разглаживается, когда пергаментный жаворонок порхает рядом, и быстро возвращается, когда эта чертова штуковина опускается между нами и прижимается к *моей* груди.

Мое сердце падает так быстро, что чуть не вываливается из задницы.

— Это необычно, — говорит он в своей леденящей душу манере, хватая жаворонка и не сводя с меня глаз, пока разворачивает его, а мой пульс бьется в одном ритме с моими стремительными мыслями.

Блядь.

Блядь.

Блядь.

— Я...

Он размахивает им, брови взлетают к линии роста волос. — Тут ничего нет. Внутренне я улыбаюсь. Потому что это не так.

Совсем нет.

Всякий раз, когда кто-то из нас оказывается за пределами безопасного Домма, мы с Кааном пишем свои послания невидимыми чернилами, проявляющимися только в свете драконьего пламени, которое мы оба носим с собой.

Меры предосторожности. До сих пор ни разу не пригодились.

— Возможно, розыгрыш. — Он быстро рвет его и бросает уже не трепыхающиеся части на пол — наглядное напоминание о жестокости моего брата, в котором я не нуждаюсь.

— У меня есть дела, но я вернусь через пару часов. Иди внутрь, встань на колени с тряпкой для полировки и займись чем-то *полезным*, пока я не вернусь. — Он поворачивается и идет к лестнице. — Еще раз заставишь меня ждать, и останешься без головы.

Кончики моих пальцев покалывает от внезапного, неистового желания забрызгать его кровью идеально отполированный пол, верхняя губа дергается, обнажая клыки.

Моя нога делает шаг вперед, рука лезет в карман, как будто хочет выхватить клинок, чтобы я могла броситься и *нанести удар*...

Нет.

Я вытягиваю руку и сжимаю ее в кулак, пытаюсь унять покалывание.

Во-первых, я обещала, что не стану убивать его и развязывать войну, к которой Каан еще не готов.

Во-вторых, не так. Не нападая со спины, притворившись кем-то другим. Я хочу смотреть ему в глаза. Заставить его истекать кровью, как истекала кровью я. Сделать больно, как было больно мне. Я хочу выплюнуть ему в лицо слова, которые уже слишком долго гноятся у меня во рту, оставляя раны на деснах каждый раз, когда я стою парализованная в его присутствии.

Что-то меньшее будет похоже на глоток воды, превратившейся в лаву в моем горле.

Я повторяю себе это снова и снова, наблюдая за тем, как Тирот спускается по лестнице, и испытываю облегчение от того, что несколько часов провела, скорчившись на ледяном валуне на окраине города, пока меня тошнило от кинжала ужаса, засевшего в моем нутре. Если бы у меня там что-то оставалось, оно бы сейчас лежало на полу у моих ног. Или было разбрызгано по серебряным ботинкам Тирота.

Не могу поверить, что я вырубилла его беременную любовницу. Какой ужас, ведь бедняжка и так живет в кошмаре.

Я мысленно помечаю, что нужно набить ее карманы кровавым камнем, чтобы купить ей лучшую жизнь, прежде чем она очнется от вынужденного сна, а я отправлюсь восвояси.

Тирот исчезает из виду, и я судорожно выдыхаю, мое тело расслабляется в тех местах, о которых я и не подозревала. Я поворачиваюсь, подбираю погибшего жаворонка и засовываю его в карман, а затем вхожу в огромные покои, позволяя дверям захлопнуться за мной.

Крепко зажмурившись, я прислоняюсь лбом к эбеновому дереву и набираю полные легкие воздуха так, что они начинают болеть, пытаюсь избавиться от стеснения в груди. Я перекидываю метелку из одной руки в другую и встряхиваю ими, избавляясь от последнего покалывания.

Найти дневник.

Выйти.

Разбудить Айду, чтобы она могла поспешить сюда и избежать того, чтобы ей отрубили голову.

Я открываю глаза, и они расширяются, когда я вижу совершенно черную гостиную с панорамным видом на сверкающий город далеко внизу, и его спальную комнату через открытую дверь слева. Я прохожу внутрь, к подножию огромной кровати с балдахином цвета обсидиана.

Мой взгляд притягивает большое зеркало на дальней стене...

Он должен быть там.

Я подхожу к нему, быстро оглядываюсь, затем кладу метелку на кровать и сдвигаю зеркало в сторону, ожидая увидеть пустоту...

Сердце замирает.

Ничего. Только ровная стена.

Я снова оцениваю окружающее пространство...

В этой стерильной комнате на стенах больше ничего нет. Значит, она спрятала его где-то еще. Но именно здесь она провела последнюю главу своей жизни. Я знаю это точно — она была слишком плоха, чтобы выйти на улицу и повидаться с родными. Чтобы отпраздновать предстоящее рождение. То, что так много значило для всех аритийцев, поскольку зачатие никогда не давалось легко тем, кто носит Эфирный камень.

Я смотрю на балкон, и осознание обрушивается на меня с такой силой, что колени едва не подгибаются.

Половина комнаты была разгромлена, когда после смерти Эллюин ее мунплом пробил стену, подхватила ее безжизненное тело и унеслась в небо, где свернулась вокруг нее и умерла.

Может, она уничтожила и дневник?

— Черт, — бормочу я, опускаясь на кровать и проводя руками по моему — Айды — лицу.

Я должна была подумать об этом, прежде чем лететь сюда.

Глубокое чувство неудачи захлестывает меня, и я откидываюсь на толстый, мягкий тюфяк, раскинув руки и глядя на черный бархатный полог.

Я настойчиво искала истину, которая мне не принадлежит. И никогда не принадлежала. Думаю, такой финал заслужен.

К черту все это.

Творцы, эта комната кажется неудобной. И холодной. Что за дерьмовое место, чтобы оставаться здесь — восход за восходом — с осознанием того, что ты, скорее всего, умрешь во время родов. Вероятно, ты слишком измучена, чтобы даже выйти на балкон и полюбоваться... лунами...

Я поднимаю голову и смотрю на балконную дверь — на стеклянные панели, обрамляющие небо, усеянное серыми, жемчужными и перламутровыми лунами.

Мое сердце пропускает удар.

Если она большую часть времени лежала, она бы спрятала его в пределах досягаемости. Конечно.

Зачем усложнять свое существование?

Нахмурившись, я сажусь, представляя, что в моем животе кипит жизнь. Представляю, что у меня на лбу диадема, которая истощает меня до смерти, не оставляя мне достаточно энергии даже для дыхания, не говоря уже о том, чтобы дать жизнь моему малышу. Представляю, как бы мне хотелось взглянуть на те луны, вон там. В основном на ту, что принадлежит...

Хейдену.

Я приподнимаюсь с края матраса и опускаюсь на пол рядом с ним, глядя через балконную дверь на свою любимую луну Хей. Грустная улыбка приподнимает уголки моих губ...

Это кажется правильным.

Ужасающе правильным.

Я просовываю левую руку под приподнятый тюфяк, не сводя глаз с этой луны, проливающей свой серебряный блеск на Аритию, и ощупываю заднюю стойку.

Стену за ней.

Рука натывается на неровное углубление, в горле образуется комок, когда мои пальцы касаются обложки книги в кожаном переплете.

Вот ты где...

Я кладу ее себе на колени и провожу пальцем по черно-серебряному изображению мальмера Каана. Должно быть, это она нарисовала на черной обложке.

От этого рисунка у меня наворачиваются слезы.

— О, Эллюин, — шепчу я, и моя рука дрожит. Я бросаю взгляд в сторону двери, прежде чем поднять обложку и пролистать пожелтевшие листы пергамента, каждый из которых так красиво исписан. Даже когда она была маленькой, ее почерк был безупречен — сплошные изящные завитушки.

Просто глядя на каждую запись, я словно проваливаюсь сквозь завесу в другой мир, видимый только ее глазами.

Сначала юная. Потом подросток.

Потом зрелая.

У меня нет времени, чтобы прочитать все здесь и сейчас, но также нет и терпения, поэтому я перехожу сразу к концу, к трем последним записям. И тут же жалею об этом, понимая, что мне не следовало читать это здесь.

Я вообще не должна была это читать.

Моя рука взлетает и прикрывает рот, который я, кажется, не могу закрыть, а на сердце становится все тяжелее от каждого болезненного слова, которое я впитываю. Каждое разрушающее душу, меняющее жизнь слово, которое мне не принадлежит.

Но я уже здесь. Я уже вовлечена.

Переплетена с ними.

Дойдя до последней строчки, я прерывисто вздыхаю и заставляю себя продолжать.

С каждым циклом я становлюсь больше, но в то же время слабее. Почти слишком слаба, чтобы дотянуться до своего тайника, достать дневник и прочитать о более счастливых временах, которые напоминают мне, что в этом мире еще есть что-то хорошее.

Горожане празднуют на улицах каждый день, как будто мой малыш уже родился. Как будто пепел моих близких все еще не отравляет воздух, которым мы дышим.

Если Тирот и подозревает, что ребенок не его, он не подает виду — мы вообще не разговариваем. Да и мне не о чем с ним говорить.

От одного из его верных помощников — единственного, с кем мне позволено общаться, — я узнала, что на восходе прибыла мастер крови. Если она здесь, чтобы проверить кровь моего ребенка, когда я рожу, то отцовская линия не потянется к Тироту.

Она приведет к Каану.

Все, что мне позволено делать, — это чахнуть здесь, вливая свою жизненную силу в этого малыша, время от времени черпая достаточно энергии, чтобы соскользнуть с тюфяка и увидеть луну Хейдена. Я пою ей, и, клянусь, слышу, как она поет в ответ.

Как будто она зовет меня.

Я хочу свернуться калачиком рядом со Слатрой, чтобы быть с ней, пока я рожая, но мне уже трудно двигаться самостоятельно. Я так и застряла на этом тюфяке, где умерли Маха и Пах. Где я притворялась, что зачинаю ребенка, который уже и так был во мне. Этот тюфяк, который раньше был наполнен любовью и песнями, а теперь пропах смертью и болью.

Грядет битва, я чувствую это всем своим существом. Как будто мое тело набирается храбрости, чтобы вступить в войну, которую я, скорее всего, не переживу. Даже если я это сделаю, у меня такое чувство, что над моей головой висит гильотина, которая вот-вот упадет.

В любом случае, на сердце у меня лежит груз знания, от которого я не могу избавиться. Что, попрощавшись с лунной Хейдена, я заберусь обратно на тюфяк и больше не встану с него.

***

Устремив взгляд в небо, я всхлипываю, делая короткие, резкие вдохи, которые так далеки от самообладания...

Она солгала ради нас. Ради него.

Каана.

Она солгала ради малыша, которого унесла из их любовного логова в Домме в эту холодную, пропитанную смертью комнату, где она уже потеряла так много, и все потому, что поверила словам, вылетевшим изо рта моего Паха. И ради чего?

Чтобы умереть прямо здесь.

Чтобы не увидеть, как растет Кизари.

Чтобы Тирот воспитывал дочь Каана как свою собственную.

Я закрываю дневник, и ядовитая правда поселяется в моей груди, словно змея, готовая нанести удар...

Эти страницы разорвут мир в клочья.

ЭПИЛОГ

Из глубины чернильных тисков тени, слишком густой для обычного глаза, Король-падальщик изучает молодую женщину-фейри, свернувшуюся калачиком в углу своей камеры и раскачивающуюся взад-вперед, запустив руки глубоко в свои светлые волосы. Крепко зажмурившись, она бормочет цепочку бессвязных слов, которые, возможно, вырываются из трещин ее приближающегося безумия.

Она с кем-то разговаривает, в этом он уверен. Так же, как и в том, что этот *кто-то* существует только в пределах ее необычного разума.

Он склоняет голову набок, изучая ее более пристально: красные губы, большие глаза, обрамленные густыми ресницами, изящная фигура, подобную которой он встречал лишь у одной.

Его *Огненный жаворонок*.

Сходство поразительное, но глаза у нее мягче, а кожа чуть темнее. И хотя его Огненный Жаворонок пришла к нему безмолвной, эта женщина... что ж.

Она не умолкает. Ведет бессвязные разговоры. Абсолютно бессмысленные. Для него.

И все же она продолжает бормотать, темные круги у нее под глазами — дань диадеме, украшающей ее лоб, тонкие серебряные завитки которой, кажется, вросли в ее кожу.

Ее лицо искажается, по бледной щеке скатывается слеза...

Король-падальщик наблюдает, как она капает с ее подбородка на грязную тунику, и между его бровей образуется складка, пока он размышляет над этим другим... *отличием*.

Его Огненный жаворонок никогда не плакала. Ни разу. Она вгрызалась в жизнь, как дикий зверь, с рычанием набрасываясь на свою дермовую еду.

Она не оставляла объедков. Она *съедала все*.

Однако эта женщина ведет себя деликатно, соблюдая все приличия, присущие фейри, выросшей во дворце, где слуги кормят ее, ухаживают за ней, учат ее.

Любящий пах, чтобы *говорить* за нее.

Выйдя из тени, Аркин прочищает горло.

Женщина перестает раскачиваться и резко открывает глаза — блестящие ярко-голубые глаза смотрят на него сквозь мрак.

— Ты освободишь меня, — выдавливая она из себя, смахивая слезу со щеки.

Аркин прищелкивает языком и обводит взглядом камеру, отмечая ее шикарные детали: скомканное одеяло, соломенный тюфяк, поднос с пустой миской после одного из ее обычных приемов пищи. У нее даже есть деревянное ведро, чтобы ей не приходилось гадить там, где она спит. Больше домашнего уюта, чем он предлагает другим заключенным.

В конце концов, она его племянница.

Не то чтобы она об этом знала. *Ни один* из его сводных братьев не знает о его существовании, насколько ему известно.

Но они узнают.

— Именно это я и пришел предложить, — говорит он, приседая перед изогнутыми костяными прутьями и просовывая руку с зажатым между двумя вытянутыми пальцами листком пергамента. — Освобождение.

Ее глаза расширяются.

Она бросается вперед, гремя железными цепями, хватая лист пергамента и разглаживает его на земле. Она хмуро смотрит на него, заправляя прядь спутанных волос за остроконечное ухо.

— Здесь пусто.

— Мне нужно, чтобы ты написала свое имя, — говорит Аркин, протягивая сквозь прутья пергамента перо с рунами.

Она берет его и выводит свою подпись, пока он изучает красивую кожу на ее руках, подавляя желание сжечь ее... хотя бы немного. Посмотреть, не откажется ли она тоже кричать.

Он, конечно, не признает, что все гораздо сложнее. Что он *возмущен* ее роскошной жизнью. Тем, как ее папаша заботится о ней.

Любит ее.

Он также не признает, что ему интересно посмотреть, как *она* поведет себя, если ее вышвырнут на Болтанские равнины и заставят бежать, пока рев огня будет обжигать ее пятки. Обжигать ее плоть.

Сможет ли она построить свою жизнь в бесплодных пустотах непривычного мира? Сможет ли она превратить свою слабость в страшную силу?

Справится ли она?

Она протягивает записку и перо обратно через решетку, в ее глазах появляется блеск безнадежности.

Неудивительно, что его сводный брат так оберегал ее. Она всего лишь красивый декоративный цветок, а цветы опаляются в огне.

Он решает, что она не справится. Она погибнет, как это уже не раз почти случилось с ним.

Он уходит, не говоря ни слова, и рваный подол его плаща развеивается у него за спиной, пока он пробирается сквозь хитросплетение холодных, темных нор, останавливаясь только тогда, когда оказывается в своих личных покоях. Он садится за свой идеально отполированный стол, освещенный пылающим канделябром, украденным у кого-то давным-давно, и расстилает на столе пергамент.

Он изучает окружающие его сокровища — его покои представляют собой собрание самых лучших и *интересных* экспонатов, которые он коллекционировал на протяжении всех этих фаз.

То, что принцесса попала к нему — знак Творцов, он уверен. Слишком хорошая возможность, чтобы от нее отказаться, учитывая, что она сразу же потребовала, чтобы он послал жаворонка самому королю Пекла.

Ни единого упоминания о ее заботливом Пахе.

Удобно, если учесть, что его не интересует Тень. Единственное место, которое его волнует, — бронзовый трон Пекла, принадлежащий ему по праву.

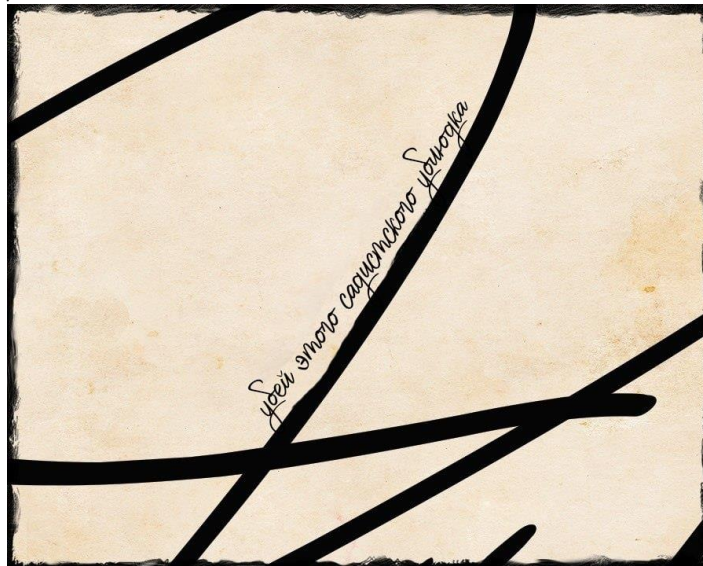
Вот он. Тот самый момент, к которому он так долго стремился.

Аркин садится ровнее, держа в руке перо. Впервые он рассматривает лист пергамента и замирает.

Улыбается.

Она подписала, да... Но среди каракулей крошечным, почти неразличимым шрифтом, который она постаралась слить со своей подписью, написано одно предложение:

Он усмехается, нацарапывая на пустом месте свою собственную запись, а затем складывает пергаментного жаворонка по линиям активации, вдыхая в него жизнь и шепча имя в его трепещущие крылья.

Она интереснее, чем он ожидал.

Возможно, он ошибся на ее счет. Возможно, она все-таки выживет. Однако этого нельзя сказать о ее дяде.

Нет...

У него есть планы на великого *Каана Вейгора*, который забрал место Аркина себе, и ни один из них нельзя назвать приятным.

Пергаментный жаворонок вылетает из личных покоев Короля-падальщика и устремляется в путь. Он пробирается по подземным коридорам к внешнему миру, встречая *другого* жаворонка, летящего к камерам...

Маленького, едва живого, с разрывом крыла и пятном крови на хвосте.

Поврежденный жаворонок проскальзывает между двумя прутьями решетки туда, где принцесса Кизари, свернувшись калачиком, лежит на земле под своим грязным одеялом, ее ладонь служит его посадочной площадкой, на которую маленький жаворонок ныряет, утыкаясь носом в ее пальцы.

Кизари вздрагивает. Открывает глаза.

Жаворонок переворачивается на спину, и на нижней стороне его брюшка видны три маленькие, идеально написанные буквы...

ней

СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО

